А. Авторханов

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАРТОКРАТИИ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЦК и Ленин

ПОСЕВ
Обложка работы художника В. Шехтера
2-е издание, 1981

ВВЕДЕНИЕ

I. Что *такое партократия*

Уже во времена Аристотеля были известны три главных формы правления – автократия, аристократия (олигархия) и демократия.

Последующая история правовой мысли и государственных образований на протяжении почти двух с половиной тысяч лет не внесла в эту классификацию каких-либо существенных новшеств. Только в начале нашего века, в связи с захватом государственной власти в России большевиками, появилась новая, доселе неизвестная четвертая форма правления – коммунистическая партократия, которая ныне господствует в четырнадцати странах на трех континентах, охватывая более трети населения всего земного шара. Коммунистическая партократия, будучи новой уникальной формой, все же воплощает в себе и важнейшие элементы всех трех классических форм – автократии (тирания Сталина), олигархии (диктатура Политбюро) и псевдо-демократии (система Советов).

Февральская революция 1917 г. дала России демократию (народовластие, то есть власть всего народа), а совершившаяся через восемь месяцев Октябрьская революция дала России партократию (партовластие, то есть власть *части* народа).

Если даже согласиться с официальной доктриной, что Октябрьская революция была не монопартийной революцией, а революцией целого класса

– «пролетарской революцией», – то и в этом случае она остается революцией незначительной части народа, ибо индустриальный пролетариат составлял в России к 1917 году только 2,5% от общего населения Империи.

Термин «партократия», впервые использованный данным автором в его последней книге, вышедшей на английском языке (The Communist Party apparatus, World Publishing Company, New York, 1968), представляется автору наиболее адекватным выражением сущности доктрины Ленина о диктатуре коммунистической партии. В названной книге исследуется то, как функционирует партократия; в предлагаемой же сейчас вниманию читателя книге рассматривается рождение партократии.

Совершим весьма краткий экскурс в историю государства и права.

С тех пор, как человек вышел из первобытного состояния и стал – по Аристотелю – «животным политическим», его мысль постоянно бьется над проблемой создания идеально организованного общежития людей, которое называется государством (в это понятие входит не только постоянная территория, оседлый народ, но и форма правления). Если взять только писаную историю западной цивилизации, то мы действительно констатируем, что «в начале было слово – это слово было Право!» В каких потемках и как долго

блуждала бы правовая мысль людей, если бы у колыбели нашей цивилизации не стояло древнее римское право от знаменитых «12 таблиц» (451-450 г. до Р. Х.), через блистательную плеяду основателей классической римской юриспруденции к началу 2-го века (Гай Цельз, Юлиан, Африкан, Помпоний, Папаниан) и до венца всего прошедшего правотворчества – кодификации Юстиниана (529-534 г. по Р. Х.)!

В трактатах о праве, философии права и государстве, как древних и средневековых, так и новых и новейших писателей, вопросы природы государства и формы государственного правления всегда занимали выдающееся место.

Платон и Аристотель, а затем и Цицерон объяснили происхождение Государства общительной природой человека, тяготением людей друг к другу. В новое время, в связи с образованием национальных государств, появились новые теории, которые происхождение государства объясняют, напротив, неуживчивостью человека, его стремлением к абсолютной свободе, то есть к хаосу. Поэтому человека надо было приучить к относительной свободе, то есть к уважению свободы другого человека. Это может

делать только определенный порядок, установленный людьми в своих взаимных интересах, высшим выражением этого порядка и является государство. Отсюда государство есть продукт *разума* человека против произвола натурального состояния (Naturzustand) *естественного права.*

Оно есть результат *договора* людей. Основатель «договорной теории» Гоббс доказывал, что конец «борьбе всех против всех» и положило государство, когда все отказываются от своих неограниченных прав в пользу одного – верховной власти государства. Жан Жак Руссо не был согласен с Гоббсом в том, что договариваясь с другими, человек выходит из естественно-правового состояния. Объединяясь даже с другими, человек остается свободным. «Свобода неотчуждаема», – говорил Руссо. Локк утверждал, что человек даже в естественном состоянии облекает себя целым рядом прав, связанных с понятиями свободы и собственности, но в этом состоянии нет *обеспечения* этих прав, только договор регулирует и обеспечивает их. Все великие философы и правоведы подчеркивают нравственные постулаты права, в основе которых лежит забота об общем благе и справедливости. Аристотель говорит, что государство воспитывает человека в духе добродетели, а Гегель вводит последний момент в развитии идеи воли как раз в области нравственного усовершенствования. Только Кант, вопреки моральным основам своего «категорического императива», не видит какой-либо роли морально-этических побуждений в образовании государства. Автор «Критики чистого разума» считает, что высшее начало Права и Государства – чистый разум, в котором вовсе не участвует опыт, поэтому и «договорную теорию» он считает недоказанной гипотезой. «Договорную теорию» отвергали и другие немецкие ученые, противопоставляя ей «органическую теорию» (Государство – «организм», созданный Богом).

Поскольку почти все теоретики права сходились на том, что назначение государства – осуществление нравственного закона, забота об общем благе» народа, появилась новая теория, согласно которой – историческое назначение государства в том, чтобы стать органом «всеобщего благополучия». Отсюда был только один шаг до самой знаменитой из всех этих теорий, ставшей сразу и действующим правом – до немецкой теории – «просвещенного абсолютизма» (XVII-XVIII вв.).

В основе данной теории лежала идея, что поскольку цель государства «благополучие всех», то для ее практического претворения в жизнь го-

сударству нужны неограниченные полномочия (абсолютизм).

Вот эта самая теория «просвещенного абсолютизма» и явилась освящением практики полицейского государства (Polizeistaat), когда государство вмешивается абсолютно во все отрасли жизни человека – общественной, хозяйственной, духовной, личной, какой угодно!

Реакцией на теорию и практику полицейского права явилась, наконец, современная западная теория о правовом государстве (Rechtsstaat) с разделением властей: законодательной, исполнительной и судебной. Это правовое государство и есть тип современной западной демократии в разных видах правления (парламентское государство, президиальное государство, конституционная монархия). Уже разнообразие видов демократического государства показывает, что демократия – не универсальный ключ и не шаблон. В соответствии со многими факторами и особенностями – историческими, национальными, геополитическими – каждая страна видоизменяет и приспособляет к своим условиям нормы и институции правового демократического государства.

Однако надо заметить, что со временем и западная демократия претерпела крупнейшие структурные изменения. Между сувереном власти – народом – и носителем народного суверенитета – парламентом – образовалось *средостение* в виде политических партий. «Прямая демократия», к которой призывал вернуться еще Руссо, превратилась в «косвенную демократию» – от имени народа управляют партии. Всеобщее и прямое избирательное право по существу превратилось также в право западных партаппаратчиков назначать будущих депутатов еще задолго до того, как эти кандидаты в депутаты встанут перед своими избирателями. Народ выбирает собственно не людей, а партии, исходя не из личных качеств депутата, а из предвыборной программы партии. Даже больше. Партиец, ставший депутатом, связанный фракционной дисциплиной своей партии, голосует при принятии законов в парламенте не так, как он сам хочет, а так, как приказывает руководство его фракции. Правда, конституция говорит другое. Так, в Конституции Федеративной Республики Германии сказано: «Депутаты немецкого Бундестага... являются представителями всего народа, они не связаны поручениями и указаниями и ответственны только перед своей совестью» (ст. 38). Но депутат, который будет придерживаться буквы и духа данной статьи, игнорируя «поручения» и «указания» партии, не будет выдвинут партией на следующих выборах, а попасть в парламент вне

партийных списков практически невозможно.

Исследуя влияние политических партий в системе власти в той же Федеративной Республике Германии, один немецкий профессор права замечает: «Право партий назначать должностные лица является всеобщим злом федерального управления – от коммун и до самого личного кабинета канцлера (Bundeskanzleramt)... Партии не терпят около себя других богов. Кто не за них, тот против них... Дистанция между политическим персоналом и «народом» стала еще большей, она сегодня, может быть, еще более значительна, чем была в Веймарской республике или даже в империи Бисмарка. «Государство партий» (Parteien-staat) – основа парламентской демократии – не так уж стабилизировалась, чтобы невозможно было вновь поставить его от имени «народа» под вопрос» (Richard Loewenthal / Hans-Peter Schwarz, 25 Jahre Bundesrepublik, Seewald-Verlag, Stuttgart, сборник, статья проф. Вильгельма Генниса).

Вот в этом смысле и современная западная демократия – Parteienstaat – тоже носит некоторые черты партократии, хотя и многопартийной.

Но несомненное преимущество демократии перед советской партократией заключается в том, что, во-первых, чтобы завоевать доверие избирателей, разные политические партии соревнуются между собой не только по выставлению платформ, оптимально учитывающих нужды широких народных масс, но и по проведению в жизнь соответствующих реформ после прихода к власти. Во-вторых, у людей есть действительно выбор между несколькими партийными платформами. В-третьих, партия, оказавшаяся в оппозиции, осуществляет через парламент такой действенный контроль деятельности правительственной партии, что обществу гарантировано соблюдение законов правящей партией. В-четвертых, как правящие, так и оппозиционные партии, как парламент, так и исполнительная власть находятся под неусыпным оком свободной печати, которая никого из представителей власти не щадит – от министра до президента – если речь идет о злоупотреблении ими властью. В-пятых, если вас не устраивает никакая из существующих партий, то вы можете создать новую партию из своих единомышленников и выступить с нею на выборах. И, наконец, в-шестых, существует независимый высший конституционный суд, который одинаково следит за соблюдением конституции страны и исполнительной властью – парламентом. Словом, в согласии с Черчиллем, можно сказать: демократия не есть идеальная форма правления, но она

самая лучшая из всех форм, до которых человек до сих пор додумался.

Высказывания Маркса и Энгельса о государстве были оригинальны, хотя и нелепы.

Кратко суть учения Маркса и Энгельса о государстве сводится к следующему: 1) государство возникло в результате разделения общества на антагонистические классы; 2) государство есть орудие диктатуры одного класса над другим; 3) в переходном периоде от капитализма к социализму будет существовать временное государство «Диктатура пролетариата», понимаемая как диктатура большинства и как одна из форм демократии; 4) с исчезновением антагонистических классов исчезает и государство, оно просто отмирает за ненадобностью.

В «Анти-Дюринге» Энгельс совершенно серьезно доказывал, что первый акт нового пролетарского государства – закон о национализации средств производства – будет, вместе с тем, и последним его актом в качестве государства. Теперь вместо управления людьми, говорил Энгельс, будет управление вещами. Однако, чтобы доказать всю утопичность марксистской теории о государстве, нужна была победа русских марксистов в России. Правда, сначала сам Ленин находился в плену утопии Маркса и Энгельса. Только этим объясняется, что такой реальный политик, как Ленин, наивно объявлял принципами своей программы после захвата власти следующие положения: 1) в новом советском государстве будет *«плата всем чиновникам* при выборности и сменяемости всех их в любое время *не выше средней платы хорошего рабочего»* («Апрельские тезисы» 1917 г.); 2) Советское государство явится новым «типом государства *без полиции, без постоянной армии, без привилегированного чиновничества»* (резолюция Ленина на апрельской партийной конференции 1917 г.); 3) Ленин торжествующе цитирует Энгельса: «Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всюду государственную машину туда, где ей будет настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором» (Ленин, «Государство и революция»).

Когда Ленин пришел к власти, он убедился в несостоятельности теории Маркса и Энгельса, равно как и в собственной наивности. То, что Ленин хотел ликвидировать – постоянную армию, тайную полицию и привилегированную бюрократию – как раз и сделалось теми тремя «китами», на которых диктатура держится вот уже 56 лет.

Банкротство как утопической теории Маркса и Энгельса об отмирании государства, так и собственной доктрины о «диктатуре пролетариата» заставило Ленина сформулировать принципиально новую теорию о природе советской власти и о ее суверене. Начиная с 1919 года, в ряде работ (ответ кадетской партии, дискуссия о профсоюзах, дискуссия с «Рабочей оппозицией», доклады на II конгрессе Коминтерна и на X съезде партии, книга «Детская болезнь "левизны" в коммунизме»), Ленин интерпретирует «диктатуру пролетариата» как диктатуру одной лишь большевистской партии. Многочисленны основополагающие тезисы Ленина на этот счет. Приведем только основные. В одном месте Ленин говорит: «Нельзя осуществлять диктатуру пролетариата через поголовно организованный пролетариат... Партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру» (Ленин, т. XXV, 3-е изд., стр. 64-65). В другом месте: «Диктатуру осуществляет коммунистическая партия большевиков» (Ленин, т. XXV, стр. 193); в третьем месте: «Когда нас упрекают в диктатуре одной партии, мы говорим: "Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим, и с этой почвы сойти не можем"» (Ленин, т. XXIV, стр. 423); в четвертом месте: «Мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу» (Ленин, т. 31, 4-е изд. стр. 342).

Однако «диктатура партии» – такая же абстракция, как и «диктатура пролетариата». Поэтому важно знать адрес того «авангарда в авангарде», который непосредственно осуществляет «диктатуру партии». Ленин дает нам и этот адрес, когда пишет: «Партией руководит... ЦК из 19 человек, причем текущую работу в Москве приходится вести еще узким коллегиям... Оргбюро (теперь Секретариат – А. А.) и Политбюро... Выходит, следовательно, самая настоящая "олигархия" (если эти кавычки действительно ленинские, то они, разумеется, лишни. – А. А.)... Ни один важный политический вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний ЦК партии...

Таков общий механизм пролетарской государственной власти, рассматриваемый "сверху" с точки зрения практики осуществления диктатуры... Вырастал этот механизм из маленьких, нелегальных, подпольных кружков в течение 25 лет» (Ленин, т. XXV, стр. 193-194).

Вот эта абсолютная диктатура с узким олигархическим руководством

на вершине, с закрытым иерархическим партаппаратом по вертикали и многомиллионной базой партийных приживальщиков в основании пирамиды власти – есть явление уникальное не только по своей классической организации, но и по широте и глубине охвата ее влиянием, контролем, руководством всего народа в целом, каждого индивидуума в отдельности. Эти особенности и делают большевистское «государство нового типа» беспрецедентной в истории тоталитарной партократией.

Попробуем определить характерные черты, отличающие партократию как от известных до сих пор форм автократии, так и от так называемых «тоталитарных государств». Подведение коммунистической, национал-социалистической и фашистской систем под одну общую рубрику, к одной общей *тоталитарной* форме правления является *вопиющим недоразумением.* Тут соблазнительная мысль обобщения однотипных явлений заслонила собой не только сущность каждой из этих систем, но и гигантскую разницу между ними. Такой подход упускает из виду еще другое важное обстоятельство – фашизм, как и национал-социализм, явились, во-первых, реакцией на коммунистическую акцию, во-вторых, подражанием большевизму, принявшим в свой боевой арсенал оружие и приемы борьбы своего противника. Однако эта имитация была и осталась весьма несовершенной подделкой под феноменальный оригинал. Постараемся проиллюстрировать сказанное некоторым сравнительным анализом ведущих элементов национал-социализма и коммунизма. Начнем с определения «тоталитаризма». Что такое вообще тоталитаризм?

Вот советское определение:

«Тоталитарное государство – *разновидность буржуазного государства с* открытой террористической диктатурой наиболее реакционных империалистических элементов. Тоталитарными государствами были гитлеровская Германия и фашистская Италия*).

Вот английское определение:

«Тоталитарное государство, выражение, используемое по отношению к нацистскому правительству в Германии, к фашистскому в Италии и к коммунистическому в России, в которых существует полная централизация контроля. В тоталитарных государствах политические партии уничтожены или «координированы» в составе одной партии и конфликт между классами скрывается подчеркиванием органического единства в государстве» (Encyclopedia Britanica, vol. 22, p. 313, 1947).

*) БСЭ, т. 43, стр. 67, 2-ое издание.

Вот немецкое определение:

«Тоталитаризм представляет крайнюю форму возвышения тенденции к централизации, унификации и одностороннему регламентированию всей политической, общественной и духовной жизни» (Das Fischer Lexikon, "Staat und Politik", S. 294).

К тоталитарным государствам Фишер-лексикон также относит национал-социалистическую Германию, фашистскую Италию и СССР.

Таким образом, получается, что цитированные советские и западные источники единодушны в признании национал-социалистического и фашистского государства тоталитарным государством. Они согласны между собой и в том, что главным содержанием тоталитарной системы является ее диктаторская, террористическая, античеловеческая сущность. Но на этом и кончается совпадение взглядов между ними. СССР не признает себя тоталитарным государством, а само тоталитарное государство считает лишь *«разновидностью»* современного «буржуазного», то есть западного правового государства (смотрите выше советское определение). Наоборот, западные теоретики находят много общих черт между коммунизмом и национал-социализмом (фашизмом), в силу чего они являются, в правовом отношении, полицейскими тоталитарными государствами.

Надо заметить, что в основу определения тоталитаризма в западной литературе легла не только практика правления тоталитарных государств, но и доктрина, даже терминология основоположника фашизма Муссолини. Больше того. *То, что у Муссолини было лишь целью, идеалом, исследователи признали фактом, то есть долженствующее быть было признано существующим.* Отсюда и произошло смешение *коммунистической действительности с фашистской мечтой.* Это лучше всего видно, если мы обратимся к самой доктрине фашизма по данному вопросу. Так, в статье «Доктрина фашизма»*) Муссолини говорит, что для этой доктрины «все – в *государстве, ничто человеческое и духовное не существует вне государства... В этом смысле государство тоталитарно и фашистское господство синтезирует* и объединяет все ценности, истолковывает, развивает и воплощает всю жизнь народа. Вне государства нет ни индивидов, ни групп...

Фашизм хочет изменить не формы человеческой жизни, а ее содержание, человека, его характер, верование».

Легко заметить, что Муссолини противопоставляет государство народу, ставит государство над народом, он как бы перефразирует и переворачивает известную формулу Линкольна**), чтобы выдвинуть диаметрально противоположную идею «народ от государства, для государства и через государство». Примат государства над правом

*) «Итальянская энциклопедия», т. 14, цитируем в переводе М. Вишняка, «Социалистический вестник», № 9, 1956 г., сентябрь, стр. 169.

**) "Government of the people, for the people and by the people".

(«Этатическая теория») признавался абсолютным постулатом, тогда как правовое государство (примат права над государством) считалось продуктом слабости и разложения демократии. Но такое всемогущее и вездесущее государство было скорее идеалом, чем действительностью как раз в самой верующей католической, все еще тогда официально монархической Италии. Гитлер преуспел в этом направлении больше, чем Муссолини, но и он был далек от достижения идеала как раз в двух важнейших областях – в духовной жизни и в создании тоталитарной, то есть национализированной экономической системы. То, в чем преуспели и Гитлер (в большей степени), и Муссолини (в меньшей степени) – это установление монопартийной диктатуры над органами государственного управления, но без *уничтожения* старой государственной машины. Со временем эта монопартийная диктатура установила свой тотальный контроль над обществом, но тотальным был лишь контроль, а не руководство. Тотального руководства добились только коммунисты.

Суммируя западные определения тоталитаризма, можно сказать, что в его состав входят, по крайней мере, следующие элементы:

1) тотальный государственный контроль над обществом;

2) система полицейского террористического контроля над гражданами;

3) единственная правящая партия;

4) унификация и регламентация политической, общественной и духовной жизни;

4) ставка на обновление общества;

5) ставка на свою расу *(расовая теория* и практика нацистов, геноцид большевиками кавказских народов, крымских татар, немцев Поволжья и калмыков во время войны, доктрина «советского патриотизма», *расовые факторы* в споре между Москвой и Пекином, советский антисемитизм под маской антисионизма).

Коммунистическому режиму принадлежит оригинальное право на все эти элементы, кроме последнего («нацизм» Сталин заимствовал у Гитлера). Однако сами по себе они не делают еще тоталитарную форму правления исключительной – *ибо в той или иной степени такие черты носят или носили* все известные нам из истории автократические или тиранические режимы. *То, что коммунистическую власть делает особой, новой формой (или типом) правления – партократией,* – заложено в самом источнике и природе этой власти: *в воле одной партии.* Отсюда – органы партии делаются законодательными и распорядительными органами над государством. Сама воля партии, «воля к власти» и власть воли почти по кантовскому «категорическому императиву» (но без его моральной субстанции!), *объявляется абсолютным законом государства и закономерностью общественного развития.*

Если бы мы хотели продемонстрировать разницу между ленинской партократией, демократическим правлением и фашистской системой, то можно было бы сказать, что если для Линкольна «правительство народа существует через народ и для народа», если для Муссолини народ от государства существует «через государство и для государства», *то для Ленина и правительство, и народ, и государство существуют через партию, от имени партии и для партии.* Отсюда везде и во всем – «культ партии» (Ленин: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи»).

Сама эта партия не есть обычная партия. Она – «партия нового типа», по справедливому определению самих коммунистов. Новизна её заключается опять-таки в уникальности её исторической миссии как заменителя государства и госаппарата, так и в своеобразности её внутренней структуры. С одной стороны, она – закрытая иерархическая организация с кадровым аппаратом, с другой стороны, она – открытая массовая партия с многомиллионным членским составом. Поэтому элита партии, актив как бы представляет собой «партию в партии».

Коммунистическая партия не просто единственная правящая

государственная партия, она даже не государство в государстве, она «и само государство, но «государство нового типа», по учению тех же коммунистов. Новизна его заключается в том, что иерархия официальных государственных законодательных органов является лишь исполнительно-административным аппаратом по проведению в жизнь решений и указаний параллельной иерархии формально исполнительных партийных органов. *Современное коммунистическое государство может существовать без его официального государственного аппарата, но оно не может существовать без партийного аппарата. Отношения между партаппаратом и госаппаратом являются отношениями не координации, а субординации, этим самым устранён дуализм в правлении.* Гитлер и Муссолини не разбивали старой государственной машины Германии и Италии, а заполняли её своими кадрами. Ленин разбил старую государственную машину России, чтобы заменить её новой партийной машиной. Вот этой машиной и явилась система партократии.

Параллельное существование заново созданной формальной государственной машины в лице Советов служило технически – для помощи партаппарату по управлению государством, политически – для целей создания «народного» фасада партократическому режиму.

Полицейский характер западных тоталитарных режимов сводится, главным образом, к установлению общего политического сыска при ликвидации всех гражданских свобод, к надгосударственной роли политической полиции и к праву произвола её карательных органов против инакомыслящих граждан страны. Словом, политическая полиция, как аппарат разведки и контрразведки, суда и экзекуции, была обособлена от государства и существовала как самодовлеющая сила. Наоборот, в партократическом государстве вся машина, каждый её винтик, все её «приводы», её идеология и технология власти органически пропитаны всеобнимающим и вездесущим духом чекизма. Поэтому здесь политическая полиция является лишь функциональной величиной, исполняющей профессионально-административные функции одного из винтиков партократической машины. Да, западные тоталитарные режимы унифицировали, регламентировали и контролировали политическую, общественную и духовную жизнь. Но в партократическом государстве никакая жизнь не существует не только вне контроля и регламентации, но и вне руководства. То, что у западных тоталитаристов было идеалом тотального *контроля,* у коммунистов было и есть

факт тотального *руководства.* Даже исходные позиции у них разные – западные тоталитаристы сохранили, как указывалось, старую государственную машину, соответственно фашизировав её, коммунисты её уничтожили и создали свою собственную надгосударственную партийную машину; западные тоталитаристы сохранили имущие старые классы, а коммунисты их целиком уничтожили, не только экономически, но и физически; западные тоталитаристы запретили политические партии и распустили их, коммунисты их ликвидировали не только политически, но и физически.

Однако главной отличительной чертой коммунизма от западного тоталитаризма явилась, конечно, коренная социальная революция – уничтожение старого общества с его экономической структурой и экономическими принципами и создание нового социального общежития на основе новой экономики, новых господствующих классов и новых экономических принципов. Эта социальная революция, начатая еще Лениным, прерванная вынужденым НЭПом, продолженная Сталиным в конце двадцатых годов, сделала коммунистическую партию монопольным хозяином всей русской национальной экономики. Национализация промышленности и земли, национализация рабочего и крестьянского труда как следствие национализации экономики, монополия внешней и внутренней торговли, национализация средств коммуникации, национализация духовной жизни и её институтов, – всё это было тоже национализацией «нового типа». Ее новизна заключалась в том, что была легализована *беспрецедентная в истории партийная монополия на владение народным хозяйством,* при которой не народ, не государство вообще, а маленькая часть народа, то есть партия монопольно планирует, контролирует, управляет и распределяет богатство страны. Из этого вытекали исключительно важные последствия.

Положив в основу своей экономической политики марксово «бытие определяет сознание», ленинское – «политика есть концентрированная экономика» и сталинское – «каковы условия материальной жизни общества, таковы его идеи», – коммунисты приступили к своему эксперименту всемирно-исторического значения. Главная цель эксперимента – переделка социальной, духовной и нравственной *природы* человека. Партийная монополия на богатства страны самой партией рассматривается не как самоцель, не как источник благополучия и обогащения отдельных членов партии, а как инструмент, как фабрика добровольной или принудительной переделки старых и создания новых *коммунистических людей.* Принцип

распределения материальных благ советского общества, который гласит, что каждый член общества награждается по труду, затраченному им на пользу общества, на практике применяется так, чтобы способствовать успеху нового эксперимента. При прочих равных условиях компенсация труда и ваше место в социальной иерархии общества зависят от вашего отношения к коммунистической идеологии и от эффективности ваших личных усилий в деле её претворения в жизнь.

Главный марксистский тезис – «базис» определяет «надстройку», экономика определяет политику, «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»*), кладётся в основу не только техники властвования, но и в основу коммунистической доктрины о создании нового, коммунистического человека. Однако эта доктрина опирается не только на партийную монополию экономики, но и на партийную монополию политики. Ленин даже подчёркивает, в отличие от Маркса, примат политики над экономикой, утверждая, что политика не может не иметь пер-

*) Маркс, «К практике политической экономики», М., 1949, стр. 7.

венства над экономикой.*) Это значит, применительно к доктрине создания «нового человека», что в то время, когда экономика в руках партии является более или менее пассивным фактором косвенного воздействия, то политика, то есть власть, является активным фактором прямого воздействия. Поэтому вполне прав советский юрист, который пишет по данному вопросу, что в советском обществе партийное право (политика) «обладает такой огромной силой воздействия на жизнь, на процесс общественного развития, на отношения людей, какой не могло быть во всей предыдущей истории»**) и что «государство при социализме не ограничивается внешним, формальным регулированием, оно непосредственно организует хозяйственную и культурную жизнь общества, вникает в самое существо жизни, в её глубинные процессы»***).

Вот в результате такой роли политических учреждений партии и её подсобных государственных органов режим партократии добился того, что он не просто контролирует, хотя бы тотально, политическую, общественную и духовную жизнь, как это делали западные тоталитарные режимы. Он идёт дальше – он непосредственно *управляет политикой, экономикой, культурой,*

мыслью, вкусом и чувствами людей. Здесь нет возможности

*) Ленин, т. *32*, стр. 62, 4 издание.
**) М. А. Аржанов «Государство и право в их соотношении», М., 1960, стр. 12.
***) Там же, стр. 14.

рассмотреть интересную проблему – насколько органически и глубоко новый режим владеет своим народом в плане психологическом, но в плане организационном можно сказать, что он владеет им только при помощи гигантской машины физического и духовного террора. В этом-то и тайна крепости и долголетия партократии.

Мы сказали, что режим управляет не только политикой и экономикой, но управляет также мыслью и чувствами советских людей. Это вовсе не означает, что коммунисты духовно овладели народом. Они владеют аппаратом духовного управления народом, более того – они создали коммунистическую элиту духовной жизни, создали коммунистические произведения, но *не создали ни новой культуры, ни новых духовных ценностей.* Много говорят о прогрессе советской науки и техники. И это верно. Точные науки сделали в СССР большие успехи, а вот гуманитарные науки, все без исключения, застряли на уровне 1917 года. Почему же не развивались общественные, гуманитарные науки, тогда как точные науки сделали столь видные успехи?

Ответ очень простой: математики и физики, химики и астрономы пользовались свободой научных исследований в интересах *советской военной машины* (ядерная физика, электроника, ракетная техника и т. п.), тогда как ученые гуманитарных наук могли писать только такие исследования, которые были в интересах укрепления *советской партийной машины.* Для общественных наук был и остается обязательным ведущий ленинский принцип: «партийность науки». Это означает, что в СССР может быть издано только такое произведение из области общественных наук, которое не только написано методом исторического материализма, но и поставлено на службу генеральной линии партии на сегодняшний день.

Это означает далее, что в СССР может быть издано только такое произведение из общественных наук, выводы которого предрешены в пользу коммунизма еще до того, как само произведение написано. Вместо кропотливого анализа – готовая марксистская схема, вместо научной

рабочей гипотезы – дежурная истина из Маркса, Энгельса, Ленина, вместо открытия новых философских, социологических или экономических систем и концепций – декларация о незыблемости старой, давно уже обветшалой марксистской догмы. Поэтому вполне естественно, что в СССР общественные науки в основном существуют лишь по названию. Поскольку марксизм-ленинизм представляет собой «вершину всех наук», а критический подход к нему считается государственным преступлением, то исследователи нашего атомного, электронного и космического века заняты пропагандой и популяризацией того, что Маркс и Ленин писали еще при «керосиновой лампе».

Партия не только осуществляет тотальный контроль над духовной жизнью, не только руководит ею, но она определяет как тематику, так и метод духовного творчества, называемый методом «социалистического реализма». Сущность этого метода сводится к тому, что прошлое, настоящее и будущее рассматриваются глазами и слышатся ушами коммунистических мракобесов во имя партии и её текущей политики.

Роман или опера, полотно или скульптура, кинокартина или цирк должны каждое своими специфическими средствами и «художественными» образами пропагандировать мудрость партии и величие коммунизма. Произведения вне этой заданной линии партии не увидят света, а если увидят, то будут объявлены «формалистскими» и «декадентскими» и изъяты из обращения, иногда даже вместе с их авторами.

Таким образом, контроль западного тоталитаризма над обществом являлся тотальным лишь в области политической и условно тотальным – в духовной жизни, тогда как советская система властвования – партократия – осуществляет не только абсолютный тотальный контроль, но и абсолютное тотальное руководство во всех областях политической, экономической и духовной жизни и деятельности советского человека. Коммунистическая деятельность превзошла мечты Муссолини о тотальности государственного покорения человека, с той лишь разницей, что и само советское государство оказалось тотально покорённым партией. Лидеры большевизма имели все основания, противопоставляя свою власть не только другим тоталитарным системам, но и системам демократическим, заявлять: «В мире нет и не бывало такой могучей власти, как наша, Советская власть, в мире нет и не бывало такой могучей партии, как наша коммунистическая партия»,*) коммунистическая власть – «гигантская машина, которой еще не видело

человечество ни в какой эпохе своего существования» **).

Уникальность этой машины не позволяет ставить ее в один ряд с её слабыми и далеко не полными копиями. Таким образом, партократия есть иерархическая система абсолютной политической, экономической и идеологической власти и властвования «партии в партии» – аппарата КПСС, при которой законодательная, судебно-контрольная, распорядительно-собственническая функции слиты воедино и сосредоточены в центральном аппарате партии, а органы управления и распределения дуалистичны: *руководящие органы находятся* в иерархии партаппарата, *исполнительные органы* – в иерархии государственного аппарата. Для тех и других органов Конституция СССР имеет формальную, а меняющаяся воля аппарата абсолютную силу.

Даже сама «конституция партии» – устав партии – тоже имеет для них лишь формальное значение. Режим такой тирании, как партократия, не может опираться на какие-либо писаные законы. Еще Ленин писал о большевистской диктатуре: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесняемую, непосредственно на насилие опираю-

*) Сталин, т. 13, стр. 231.
**) Н. Бухарин, «Известия», 30. *3.* 1934 года.

щуюся власть» Ленин, т. XXV, стр. 441). Это не значит, конечно, что в управлениях партократии господствует импровизация. Наоборот, существует целая система неписаных норм и законов, которые точно, в деталях, определяют функции каждого винтика и привода исполинской партократической машины. Эти нормы и законы неписаного «партаппаратного права» (в отличие от писаного «уставного права»), не меняясь в субстанции, варьируются в зависимости от возглавления режима – если во главе партократии стоит олигархическая диктатура (Ленин), то партаппарат делит законодательную власть с партией через ее съезды, если же во главе партократии стоит единоличный диктатор (Сталин), то не только партия, но и сам ЦК вместе с Политбюро и Секретариатом пользуются лишь прерогативами совещательных коллегий и осуществляют исполнительную власть при единоличном диктаторе.

Советская форма правления – партократия – *явилась и осталась*

неизменной партийно-государственной *моделью* для всех вновь образовавшихся коммунистических режимов в Европе, Азии и Америке (Куба). Действительные или мнимые разногласия между СССР, Китаем, Албанией, Югославией, Румынией, Кубой касались всего чего угодно, но только не одного: партократической сущности этих режимов (исключением явилась Чехословакия Дубчека). «Ревизионисты» и «ортодоксы» спорили и спорят не о пересмотре системы партократии, хотя она и советского происхождения, а о гегемонии, с одной стороны, и о «партократическом суверенитете» – с другой.

II. *Цели и источники данного исследования*

История происхождения партократии есть история ленинского ЦК.

За последнее десятилетие в СССР издано «Полное собрание сочинений» Ленина, переизданы старые протоколы съездов партии, опубликован еще ряд ценных архивных материалов из истории партии и революций, которые дают возможность правильно осветить и по-новому оценить внутренние конфликты в ЦК и позицию Ленина. Надо заметить, что советские историки из своих же собственных архивных публикаций не делают тех выводов, которые из них совершенно ясно вытекают, или, наоборот, часто делают такие выводы, которые находятся в очевидном противоречии к ним. «Ленин никогда не ошибается, ЦК всегда и во всем следует Ленину, кроме нескольких профессиональных предателей», – такова примитивная официальная концепция партийной историографии. Однако объективный анализ самих же советских документов показывает, что история большевизма – это перманентная борьба между ЦК и Лениным за гегемонию в партии.

Не умаление значения и места Ленина в его собственной партии, а восстановление исторической правды как о его действительной роли, так и о природе внутренних конфликтов в ЦК, – такова одна моя цель.

До самой Октябрьской революции Ленин возглавлял крайне левое крыло большевизма (правда, бывали исключения), а после прихода к власти он возглавил его крайне правое крыло. В революции Ленин боролся с людьми, которых он презрительно называл «старыми большевиками», подчеркивая этим их консерватизм, а будучи у власти Ленин борется с «левым ребячеством», с теми, кто заболел «детской болезнью левизны в коммунизме». Даже духовный и физический наследник Ленина – Сталин

продолжал ту же право-большевистскую ленинскую линию, пока боролся с «левой оппозицией» Троцкого и «новой оппозицией» Зиновьева и Каменева в союзе с правой группой Бухарина.

Из всех конфликтов с ЦК Ленин, в конечном счете, выходил победителем, ибо он был не просто большевиком, а необыкновенным большевиком, который в одной руке держал Маркса, в другой – Ницше, а в голове – Макиавелли.

Однако сама ленинская партия и ее ЦК ненадолго пережили своего основателя. Прикованный больше года тяжкой болезнью к постели, но продолжая живо интересоваться состоянием и будущей судьбой партии, Ленин был свидетелем начала ожесточенной борьбы своих учеников и соратников за его политическое наследство – за власть. Каким-то безошибочным внутренним чутьём проницательного политика он пророчески предугадал в этой борьбе и будущего могильщика своей партии – Сталина. Отсюда «Завещание» – письмо Ленина к XII съезду (1923) о снятии Сталина с поста «генеска» и личное письмо к самому Сталину о разрыве отношений с ним. Однако «гвардия Ленина» на свою же голову предпочла умирающему учителю здравствующего «генеска». Постараться раскрыть внутреннюю механику драматических перипетий междоусобной борьбы диадохов за трон Ленина, – такова вторая моя цель. История не знает ни одной другой революционной партии, которая прямо-таки по собственному «расписанию» («Что делать?», «Апрельские тезисы», «Марксизм и восстание» Ленина) и с таким блистательным триумфом достигла бы своей стратегической цели – захвата власти, – как большевистская партия, но она не знает также и другой политической партии, которая, утвердившись у власти, так беззаботно и трагически кончила бы свою жизнь, как большевистская партия. Родил ее Ленин, убил Сталин, но убил при помощи оружия, унаследованного у Ленина. Как тактик и стратег революции Сталин не идет ни в какое сравнение не только с Лениным, но и с Троцким, однако как мастер власти он превосходит их обоих вместе взятых. Разгадку изумительных успехов Сталина на путях к его личной диктатуре я нахожу, кроме всего прочего, в том, что он хирургическими инструментами ленинизма владел лучше, чем их изобретатель. К ленинскому арсеналу оружия Сталин не добавил ни одного нового, но в усовершенствовании и использовании ленинских оружий он открыл новую эпоху в истории большевизма тем, что в «технологию власти» большевиков ввел действительно

новый компонент: криминальный метод восхождения к личной власти и криминальный режим управления ею. Ленинская диктатура партийной олигархии, контролируемой Центральным Комитетом как высшей инстанцией, стоявшей и над Лениным, сменилась сталинской тиранией, контролирующей и управляющей самим ЦК. Это произошло через политическое убийство ленинского ЦК и за относительно короткий исторический срок после смерти Ленина – за пять лет (1924-1929). Собственно, его даже нельзя назвать убийством, это скорее было самоубийство, и то не сразу, а по частям, не Сталиным, а этими частями друг друга, пока от ленинского ЦК не остались «рожки да ножки», но, увы, эти «рожки да ножки» – был сам Сталин. Но управлял «самоубийцами» Сталин, в чем они не давали себе отчёта. Воздавая дань историческим фактам, надо признать, что в «гибридизации» уголовного искусства с политикой Сталин достиг как раз в этот период таких выдающихся успехов, которые делали его претензии на ленинское наследство вполне естественными, тем более, что к этому наследству он шел под ортодоксальным ленинским знаменем. Конечно, психологически Ленин – потомственный русский дворянин и дитя западной политической культуры – был сделан из другого материала, чем Сталин – сын опустившегося сапожника и дитя азиатчины, – но тот же Ленин преступления, на которые он не был лично способен, всегда перепоручал Сталину как до революции – на Кавказе («эксы»), так и в гражданской войне (руководство групповыми убийствами, например, в Царицыне в 1918 г.).

Ленин, хотя и отрицал в политической борьбе всякую общечеловеческую «внеклассовую» мораль, но в силу своего происхождения («бытие определяет сознание»!) лично не был свободен от значительного груза «буржуазно-дворянских предрассудков», таких, как понятия личной чести, долга и лояльности иногда даже по отношению к своим политическим врагам (Мартов, Плеханов, князь Кропоткин). У Сталина же коварная аморальность в политике была абсолютна по отношению ко всем, начиная от соратников по партии и кончая его собственными учениками. Ленин, который восхищался аморальностью Сталина, пока Сталин расстреливал «врагов народа» на фронтах гражданской войны, начал призадумываться над его действиями, когда Сталин начал применять ленинскую «классовую мораль» во внутрипартийных делах. Ленин, по словам его жены Крупской, сказал однажды: Сталин «лишен самой элементарной, самой простой

человеческой честности» (L. Trotsky, Stalin, p. *375),* и он не только сказал, но и сделал отсюда свои выводы («Завещание», статья «Об автономизации», письмо Ленина Сталину в марте 1923 г. о разрыве личных отношений).

Вот это абсолютная бесчестность Сталина и обусловила его победу над Лениным, пользуясь его же «моральным кодексом» (невыполнение ленинским ЦК воли своего учителя о снятии Сталина как «нелояльного» с поста «генсека»), и над его честными соперниками в борьбе за трон Ленина. Если бы даже в распоряжении историка больше не было ничего, достаточно одних официальных документов XX и XXII съездов КПСС, чтобы сказать, что Сталин был гениальный уголовник от политики, государственные преступления которого узаконивало само государство. Из амальгамы уголовщины с политикой и родился уникум: сталинизм.

Самый фундаментальный вывод, к которому я пришел после долголетнего изучения истории, идеологии и организации большевизма, сводится к следующему: старый, деспотический, но политический большевизм умер вместе с Лениным. Со Сталиным начинается эра нового, тиранического, но уголовного большевизма.

Попытаться показать духовные истоки, историческое становление и правомерность торжества сталинского уголовного большевизма в СССР, – такова моя третья цель. Как бы партийные историки и теоретики ни изощрялись в своих усилиях доказать, что Сталин и сталинская инквизиция не выросли из самой монопартийной системы и что практика «культа личности» Сталина, якобы, результат «извращения» «ленинских норм», внимательное изучение теории ленинизма и практики Сталина привело данного автора к заключению: истоки сталинизма надо искать, во-первых, в тоталитарной «философии власти» Ленина в виде его учения о «диктатуре пролетариата», как «новом типе» государства; во-вторых, в тиранической системе организации этой диктатуры, которую, по Ленину, может осуществлять непосредственно не сам «пролетариат», а только его «авангард» – аппарат ЦК большевиков (система, которую я назвал в другой книге «партократией»); в-третьих, в криминальном происхождении сталинского крыла большевизма (знаменитая кавказская «боевая дружина» «эксов» – террористов для убийства «врагов» и ограбления банков, магазинов, почт во главе с Коба-Сталиным и Камо-Тер-Петросяном в 1905-1912 гг.); и, наконец, в-четвертых, в криминальном образе мышления самого Сталина. Ленин учил и Сталин хорошо усвоил следующий ведущий принцип

ленинской «философии власти» применительно к коммунистической диктатуре:«Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами, не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть» (Ленин, т. XXV, стр. 441, третье изд.).Даже диктатуру одного человека, одного «вождя» подсказал Сталину Ленин. Когда немецкие левые коммунисты начали критиковать свое официальное партийное руководство за то, что оно вместо «диктатуры масс» мечтает установить «диктатуру вождей», Ленин ответил: «Договориться... до противоположения вообще диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость» (там же, стр. 189). Оба эти принципа Ленина Сталин положил в основу своей интерпретации ленинизма еще в 1924 году (см. «Вопросы ленинизма», стр. 116, 128). Очень характерно, что третий ведущий принцип ленинизма, сформулированный Лениным в 1920 году, Сталин обходил во всех своих писаниях полным молчанием, чтобы не выдать своего сокровенного замысла. Вот, что гласит этот принцип:

«Советский социалистический централизм единоличию и диктатуре нисколько не противоречит, что *волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим»* (Ленин, там же, стр. 119, курсив мой. – А. А.).

Через того же Ленина Сталин заимствовал идею Маркса о разгроме старой государственной машины и применил ее как раз к ленинской партийно-государственной машине – к разгрому ленинского ЦК. Сталин правильно рассчитал, что путь к указанному Лениным единоличному правлению, к диктатуре одного вождя, лежит через ликвидацию думающей идейной части партии и физическое уничтожение всех остальных большевистских вождей.

В деле осуществления этой цели исключительную роль в руках Сталина сыграла резолюция Ленина на X съезде о введении в партии «осадного положения», названного «Единством партии». Но и здесь Сталин, выступая за точное выполнение «ленинских норм», запрещающих инакомыслие в партии, все же превзошел учителя по методам действия и масштабу произвола. Сталин нашел, что имитаторы большевизма – немецкие национал-социалисты и итальянские фашисты куда более логичны, чем Ленин, когда они массовый террор делают основой правления не только над народом, но и над собственной партией. Инакомыслие надо было предупредить еще до того, как оно оформилось или даже выявилось. Отсюда

концепция Сталина о росте армии потенциальных «врагов народа» при «победоносном» восхождении к коммунизму, отсюда же и его превентивный террор против этих потенциальных «врагов народа».

Вот здесь-то Гитлер подал Сталину предметный урок и подсказал неоценимую идею убийством не только оппозиционных деятелей (ген. Шлейхер), но и своих близких соратников во главе с Ремом за «заговор», который, разумеется, никогда и никем не был задуман. Через пять месяцев убийством своего близкого друга и старого большевика Кирова Сталин приступил к организации целой серии «заговоров» старых большевиков и полководцев гражданской войны для их физического уничтожения. Но Сталин и здесь превзошел Гитлера тем, что сумел заставить свои жертвы клеветать на самих себя, сознаваться в организации ими мнимых заговоров, убийств, в шпионаже, вредительстве, саботаже, с такими фантастическими подробностями, – что должно было оправдать в глазах внешнего мира расправу Сталина с партией Ленина как партией заговорщиков, убийц и шпионов.

Таким образом, к концу тридцатых годов сталинский большевизм, немецкий нацизм и итальянский фашизм настолько сблизились между собой по идеологии (антикапитализм, антидемократизм, «национал-социализм» и «социализм в одной стране», великодержавный шовинизм, атеизм, культ «вождя», «фюрера» и «дуче») и по методам управления (тоталитарно-полицейская диктатура при перманентном физическом терроре), что дало полное право главарям фашизма и коммунизма объявить идентичность своего мировоззрения в борьбе с демократическим Западом и прекратить всякую идеологическую борьбу между собою.

Логическим концом этого исторического процесса перерождения большевизма в фашизм и было заключение пакта между Сталиным и Гитлером в августе 1939 года. Это вовсе не было случайностью, когда министр иностранных дел Гитлера Риббентроп, после банкета, который устроило для него Политбюро во главе со Сталиным и Молотовым, заявил, по словам итальянского министра иностранных дел Чиано, что во время этого банкета он «чувствовал себя в Кремле, словно среди старых партийных товарищей» (A. Rossi, Russian-German Alliance 1939-1941, Beacon Press, Boston, 1957, p. 71). Риббентроп торжествующе доложил Гитлеру на второй день после этого банкета, что Сталин произнес тост, который даже не был предусмотрен протоколом. Сталин сказал: «Я знаю, как крепко германский народ любит

своего вождя! Поэтому мне хочется выпить за его здоровье» („Nazi-Soviet Relations 1939-1941, Documents from the Archives of the German Foreign Office", pp. 6-7). Это не был обычный дипломатический тост вежливости главы правительства за главу другого правительства, ибо Сталин тогда не возглавлял советское правительство. Это был тост «вождя народов СССР» за «вождя германского народа», тост главы советского фашизма за главу немецкого фашизма.

Взаимная амнистия двух типов фашизма зашла так далеко, что Сталин вложил в уста своего верного робота, председателя Совета министров СССР Молотова следующие воистину «исторические» слова:

«Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признать или отрицать... Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной, поэтому не только бессмысленно, но и *преступно вести войну, как войну на уничтожение гитлеризма»* («Правда», 1 ноября 1939 г.).

После всего этого мы вполне можем поверить такому эксперту фашизма, как Муссолини, который в октябре 1939 года категорически заявил:

«Большевизм в России исчез и на его место встал славянский тип фашизма» (A. Rossi, цит. пр., стр. 77).

Мы знаем, что союзу Сталин-Гитлер изменил не Сталин, а Гитлер. Сталин, который так глубоко уверовал в свое органическое родство с Гитлером, с полным правом назвал нападение Гитлера на себя как раз тем словом, которое надо понимать буквально: *«вероломным»!* Гитлер незаслуженно поломал веру в него у Сталина.

Но был ли Сталин неизбежен? Ответа надо искать в другом вопросе: был ли Ленин неизбежен, а стало быть, был ли Октябрьский переворот неизбежен? В отношении случайного сложения объективных факторов, которые невозможную победу большевиков сделали неизбежной, подробно говорится в соответствующей главе. В данной связи укажем лишь на совпадение мнений Ленина, Сталина и их врагов в том, что если бы Временное правительство вышло из войны и немедленно объявило радикальные земельные реформы с конфискацией помещичьей земли в пользу крестьянства, то большевики не оказались бы у власти. В этом случае о Ленине знали бы только узкие специалисты истории русской социал-демократии, а о существовании Сталина вообще никто ничего не знал бы.

Однако здесь я хочу поставить вопрос о субъективном факторе – о ленинской партийной машине в революции – в плоскости выдвижения одной психологической гипотезы.

Политика есть уравнение со множеством неизвестных. Если бы эти неизвестные можно было наперед расшифровать, то человеческая история, хотя и гармоническая, но лишенная внутреннего драматизма, была бы невероятно скучна: тысячи королей, правителей, тиранов, чтобы умереть своей смертью, отказались бы от трона еще до того, как они взошли на него; сотни войн остались бы необъявленными; чтобы избегнуть собственной катастрофы, десятки организованных революций вообще не состоялись бы, дабы они не «сожрали своих детей». Я осмеливаюсь утверждать, что и Октябрьская революция тоже

не состоялась бы, если бы ее организаторам было дано знать, что их ждет в результате победы. В самом деле, бросим беглый взгляд на судьбы «отцов и детей» Октября:

Из 29 членов и кандидатов ЦК, руководивших Октябрьской революцией: *3* человека убито врагами (П. А. Джапаридзе, М. С. Урицкий, С. Г. Шаумян), 5 человек умерли своей смертью до сталинской диктатуры (Ленин, Ф. Э. Дзержинский, В. П. Ногин, Я. М. Свердлов, Ф. А. Сергеев-Артем), 2 человека покончили жизнь самоубийством из-за Сталина (А. А. Иоффе, Н. А. Скрипник), *3* человека оказались в опале (М. К. Муранов, Е. Д. Стасова, А. М. Коллонтай), 15 человек расстреляны Сталиным (Я. А. Берзин, Н. И. Бухарин, А. С. Бубнов, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. С. Киселев, Н. Н. Крестинский, Г. И. Ломов, В. П. Милютин, Е. А. Преображенский, А. И. Рыков, И. Т. Смилга, Г. Я. Сокольников, Л. Д. Троцкий – убит агентом Сталина; В. Н. Яковлева), двадцать девятым был сам Сталин.

Из 30 руководителей Военно-революционного Комитета при Петроградском Совете (кроме членов ЦК) – этого высшего органа военного руководства октябрьским восстанием – 7 человек умерли или убиты до диктатуры Сталина (Аванесов, Гусев, Еремеев, Лазимир, Садовский, Склянский, Чудновский), 1 человек покончил жизнь самоубийством из-за Сталина (Лашевич), 2 человека оказались в опале (Подвойский, Самойлов), 18 человек были расстреляны Сталиным (Антонов-Овсеенко, Анцелович, Бокий, Голощекин, Дыбенко, Залуцкий, Карахан, Кедров, Крыленко, Лацис, Механошин, Невский, Павлуновский, Петере, Позерн, Уншлихт, Чубарь, Юренев), в живых были оставлены 2 человека (Мануильский, Молотов).

Из 16 членов первого большевистского правительства – 4 умерли до диктатуры Сталина (Ленин, Ногин, Луначарский, Скворцов-Степанов), а 12 человек расстреляны Сталиным (Авилов, Дыбенко, Каменев – преде. ВЦИК, П. А. Кобозев, Крыленко, Ломов, Милютин, Овсеенко, Рыков, Теодорович, Троцкий, Шляпников).

Из 16 командующих фронтами Красной Армии в гражданской войне – 3 человека умерли своей смертью (В. Н. Егорьев, П. П. Лебедев, А. А. Самойло), 1 убит большевиками (левый эсер М. А. Муравьев), судьба одного неизвестна (В. В. Яковлев), один умер от операции, которую Сталин предложил сделать против воли больного (зиновьевец Фрунзе), а 10 человек расстреляны Сталиным (Антонов-Овсеенко, Р. И. Берзин, В. М. Гиттис, А. И. Егоров, Н. Н. Петин, М. С. Свечников, П. П. Сытин, М. Н. Тухачевский, В. И. Шорин, И. Э. Якир – командующий группой войск).

Из трех главнокомандующих всеми вооруженными силами советской России – два расстреляны Сталиным (Н. В. Крыленко, И. И. Вацетис), а третий объявлен «врагом народа» посмертно (С. С. Каменев).

Даже из трижды вычищенного ЦК 1934 г. – Сталин расстрелял 98 человек старых большевиков (70 % всего членского и кандидатского состава ЦК).

Вот если всем этим организаторам Октябрьской революции и полководцам Красной армии в гражданской войне заранее было бы известно, что в результате их победы не только они сами будут убиты ими же созданным режимом, но и режим этот выродится в беспрецедентную тиранию одного из них, то просто нелепо думать, что они вообще стали бы на путь революции. Против данного утверждения могут привести два весьма ярких примера: Л. Д. Троцкий в своем «Завещании» в феврале 1940 года писал, что если бы ему пришлось еще раз заново начинать свою жизнь, то он ее повторил бы так, как у него сложилась настоящая жизнь, присовокупляя, что он был и умрет революционером, марксистом, коммунистом. В дополнении к «Завещанию» от марта 1940 года Троцкий пишет, что он резервирует за собою право определить самому время своей смерти путем самоубийства, но, как бы предчувствуя, что время его смерти может определить и Сталин, Троцкий тут же добавляет: «При каких бы обстоятельствах я ни умер, я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее» (Trotsky's Diary in Exile, p. 166, Harvard University Press, 1958).

Другой пример: 11 июня 1937 года легендарный красный полководец

И. Якир перед его расстрелом крикнул: «Да здравствует т. Сталин!»

Конечно, такой человек, как Троцкий, не мог не только иначе писать, но иначе и думать, тем более, что он не знал, какая судьба его ожидает впереди. Но если можно было бы поставить перед Троцким 24 октября 1917 года вопрос: власть, которую ты захватишь, перейдет к твоему палачу из твоей же партии, он установит в стране режим перманентной инквизиции, убьет твоих сыновей, расстреляет всех твоих единомышленников вместе со всей «ленинской гвардией», наконец, размозжит и тебе голову альпийской киркой в заокеанском изгнании, – согласен ли ты даже при таких условиях совершить революцию и взять эту власть? Думать, что Троцкий дал бы положительный ответ на такой вопрос 24 октября 1917 года, – значит допустить, что он был человеком явно ненормальным.

Что же касается Якира, то тут нет никакой психологической загадки: «Да здравствует т. Сталин!» в его устах означало только одно – «Я абсолютно не виноват даже перед Сталиным, стало быть, Сталин – мой убийца». Сталин так и понял Якира, когда он, по словам Хрущева на XXII съезде, выслушав рапорт чекистского палача об этих предсмертных словах Якира, выругался в его адрес.

Теперь об источниках данной работы.

Мои главные источники – советские партийные документы: протоколы съездов партии, произведения основоположников большевизма, документы ЦК и многочисленных оппозиций, разные архивные публикации по истории революции, официальная и оппозиционная печать, отдельные исследования партийных историков. Все мои главные выводы основаны именно на этих партийных документах. Западной литературой (американской, английской, немецкой, эмигрантской) я пользуюсь лишь в тех случаях, когда соответствующие документы партии и партийных деятелей не публикуются в СССР, а на Западе давно пущены в научный оборот. То же самое относится и к документам германского министерства иностранных дел о субсидировании большевистской революции. Меньше всего я пользовался официальными учебниками по истории КПСС. Идеологи КПСС никогда не писали и не напишут научно объективной истории своей партии. Если до письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» в 1931 году еще появлялись отдельные ценные работы по истории партии, так же как и воспоминания старых большевиков, то этим письмом Сталин просто ликвидировал историю КПСС как науку.

Объявив все старые книги по истории партии и революции «троцкистской контрабандой», в том числе даже те, о которых сам Ленин очень высоко отзывался (например, книга Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» с предисловием Ленина), Сталин решил сам написать историю партии. В результате появился пресловутый «Краткий курс», научно-литературная беспомощность которого превзойдена только необузданностью исторической фальсификации. Объявленный официальным решением ЦК в 1938 году «энциклопедией марксизма-ленинизма» и «вершиной исторической науки», «Краткий курс» Сталина играл в СССР в течение почти 20 лет роль коммунистической Библии. На XX съезде тот же ЦК, в том же почти составе, что и в 1938 году, но без Сталина, признал, что «Краткий курс» вовсе не «энциклопедия», а намеренная «фальсификация истории партии» и «вершина» культа Сталина.

После развенчания Сталина восстановили в своих правах и так называемую «историко-партийную науку», предметом исследования которой является история КПСС и трех русских революций. Однако методологические принципы этой науки остались те же самые, что и при Сталине. Поэтому нельзя себе представить более невежественных людей как раз в области истории партии и русских революций, как именно кандидаты и доктора «историко-партийной науки». Это не потому, что они люди неспособные; наоборот, среди них много талантливых и даже выдающихся людей, но то, чему их учат – не наука, а смесь наукообразного шарлатанства с партийным шаманством; источники, по которым они изучают историю, это не подлинные документы эпохи, а их фальсифицированный суррогат. Даже и этот суррогат составлен так, чтобы будущие партийные историки не знали в подлиннике политических произведений основателей русского марксизма – Плеханова, Аксельрода, Мартова, Потресова.

Более того, для партийных историков табу и произведения основателей большевизма из «ленинской гвардии», таких, как Зиновьев, Каменев,

Бухарин, Рыков, не говоря уже о Троцком и Радеке. Пятнадцатимиллионная партия ежедневно слышит эти имена на занятиях в партийных школах, как имена «еретиков», но никто – ни слушатели, ни их преподаватели – не знает, почему соратники и личные друзья Ленина стали «еретиками» у Сталина и «шпионами» у Гитлера, не знает даже их биографий (в «Большой Советской Энциклопедии» нет биографий Троцкого, Зиновьева, Каменева, Рыкова, Бухарина, но есть биографии Гитлера и

Муссолини, этих идеологических близнецов Сталина). Единственный источник партийных историков – это Ленин, но и из Ленина они берут только то, что укладывается в рамки текущей политики партаппарата, а что ей противоречит – замалчивают.

На XIV съезде Зиновьев рассказывал, как сталинцы отводили неугодные им места из сочинений Ленина при помощи такого аргумента:

«Не надо мол слишком много цитировать Владимира Ильича... Зачем цитировать Ленина, у него можно найти что угодно, как у дядюшки Якова – товара всякого» («Правда», 23.XII.1925).

Часто бывает и так, что интерпретируют Ленина с заведомым извращением его мысли (последние, но классические примеры извращения мысли и желания Ленина – это грубая антиленинская интерпретация «Письма к съезду», то есть «Завещания» Ленина и его статьи «К вопросу о национальностях или об автономизации» как в учебниках Пономарева «История КПСС», так и в «шеститомнике» «История КПСС» под редакцией Поспелова).

Их другой источник – это Сталин, но без частых ссылок на самого Сталина. В основе методологии партийных историков лежит ленинский принцип «партийности в науке» – в сталинской интерпретации. Сущность этой интерпретации сводится к тому, что все вещи, категории, явления, события и сами лица рассматриваются и оцениваются с точки зрения интересов «генеральной линии партии» на текущем этапе ее политики. Поэтому у большевистских историков «история – есть политика, опрокинутая в прошлое», по определению патриарха советской исторической науки Покровского. Поэтому же у них, как говорил французский историк Гизо о своем времени, «события настоящего освещают факты прошлого». Но не все события настоящего у большевистских историков освещают факты прошлого. Иные важнейшие события и крупнейшие факты истории просто объявляются не бывшими в угоду тому же принципу «партийности в науке».

Вообще «фигура умолчания» – самый распространенный прием партийных историков. Если же факты и события настолько кричащи, что их умолчать невозможно, то для их объяснения прибегают к самой грубой фальсификации. Например, невозможно не назвать имени Троцкого в связи с Октябрьской революцией и гражданской войной. Его называют, но как? Вот самый свежий пример. Советский академик, бывший секретарь Сталина по «Истории гражданской войны в СССР», И. Минц в своем капитальном труде

«Великий Октябрь» пишет о роли Троцкого в Октябре:

«Хотя Троцкий и голосовал за резолюцию о восстании, но практически его не готовил и никакого участия в разработке плана восстания не принимал» (т. II, 1967, стр. 954).

Но учитель Минца – Сталин – в день первой годовщины Октября писал в «Правде»:

«Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому» – («Правда», 7.XI.1918).

В отношении роли Троцкого в руководстве Красной армией в гражданской войне во всех советских учебниках истории говорится одно и то же: Троцкий систематически изменял, предавал и саботировал победу Красной армии. При этом партийных историков совершенно не смущает отсутствие у них простейшей политической логики – как же мог терпеть такого «предателя», «изменника» и «саботажника» во главе Красной армии «всевидящий и всезнающий гений» – Ленин?

Сам метод исследования партийных историков тоже антинаучен. Перед тем, как приступить к исследованию той или иной проблемы, исследователь, обычно, составляет себе рабочую гипотезу, или ряд гипотез, добросовестно собирает все данные не только в пользу его собственной гипотезы, но и против нее, систематизирует и классифицирует их, – только после этого он ставит перед собою конкретные цели и приступает к самому процессу написания работы. И появляется произведение, выводы которого могут быть прямо противоположны первоначальной гипотезе.

Ничего подобного не допускают метод истмата и принцип «партийности в науке». Партийный историк на поставленную им проблему знает ответ еще до того, как он приступил к ее исследованию. Оч просто берет нужную цитату из Ленина, или из постановления ЦК КПСС, и собирает только такие факты, которые подтверждают данную цитату.

Таковы исследования по истории КПСС, которые вышли и после Сталина. Исключением явились ценные работы профессора Бурджалова по истории ЦК за март 1917 года и профессора Кузьмина о роли Сталина в гражданской войне. Во время правления Хрущева, начиная с XX съезда,

также вышло, как сказано, много ценных документов по истории партии. Со свержением Хрущева подобные издания почти прекратились.

Изданная при новом руководстве монументальная, по видимости, шеститомная «История КПСС» на самом деле представляет собой тот же сталинский «Краткий курс», лишь растянутый на шесть томов в восьми толстых книгах. Вы читаете «шеститомник» и все время ловите себя на мысли, что читаете давно знакомую вещь, а потом, когда вы начинаете копаться в своей памяти, то выясняется, что вы просто читаете раскавыченного Сталина. Не только концепцию, но даже и аргументацию авторы «шеститомника» заимствуют или просто переписывают из «Краткого курса» и «Сочинений» Сталина. Я не нашел ни одного важного нового документа, ни одной оригинальной мысли в «шеститомнике», которых я раньше не вычитал бы у Сталина. Казалось бы, что в такой солидно задуманной истории КПСС будут введены в научный оборот протоколы пленумов ЦК сорокалетней или хотя бы пятидесятилетней давности (1919-1930...), но ничего подобного не случилось. Почему же эти протоколы до сих пор остаются строго охраняемой государственной тайной Кремля?

Я по своему партийному рангу имел доступ к стенографическим протоколам пленумов ЦК двадцатых и тридцатых годов (их печатали в ограниченном количестве экземпляров в типографии ЦК, рассылал «Секретариат т. Сталина» партийному активу уровня секретарей обкомов, включая сюда и слушателей ИКП, после ознакомления их нужно было возвращать в ЦК). Поэтому я могу засвидетельствовать, что никаких государственных секретов дальнего действия в протоколах ЦК того времени нет. Но в них есть факты и доказательства со стороны разных оппозиций о чудовищной уголовной практике Сталина и сталинского аппарата по фабрикации искусственных дел для уничтожения старой ленинской партии – РКП(б) и по созданию новой сталинской партии – КПСС. Естественно поэтому, что нынешняя партия не хочет, чтобы народы СССР узнали из этих протоколов ЦК ее уголовное происхождение.

Послехрущевское Политбюро ЦК, которое вчера вместе с Хрущевым единогласно осудило Сталина как преступника, а сегодня без Хрущева единогласно реабилитирует его как «выдающегося ленинца», можно было бы обвинить в беспринципности, если бы в таком поведении выучеников Сталина не было своей внутренней логики – опыт показал им, что существующая система олигархической диктатуры не допускает иной аль-

тернативы властвования, как именно сталинское правление, хотя бы и модернизированное. Реабилитируя былого «отца»-преступника, сталинские эпигоны берут на себя историческую ответственность за злодеяния Сталина и открыто признают свою духовную сталинскую родословную.

Это, правда, не свидетельствует о политической мудрости верховных партократов, но весьма упрощает задачу историка: ему уже не приходится, как это было при Хрущеве, доказывать, что XX и XXII съезды глубоко ошибались, искусственно противопоставляя Сталина Ленину. Сталин был и останется в истории Лениным, доведенным до его логического конца. Вот почему ученики Сталина из Политбюро были правы, когда они до XX съезда постоянно повторяли: «Сталин – это Ленин сегодня». Эволюция в этом лозунге сводится к тому, что они сейчас говорят только о Ленине, но думают о Сталине.

К названным выше источникам надо добавить еще один источник, который в какой-то мере незримо присутствует в данной работе, начиная с середины двадцатых годов, – это мой личный опыт. Я вступил в партию, добавив себе несколько лет, совсем юношей еще в те годы, когда в ее Политбюро сидели Троцкий, Зиновьев, Каменев, Рыков, Бухарин, Томский плюс Сталин. Сделав довольно быстро карьеру партийного работника, я имел возможность изнутри наблюдать борьбу разных оппозиций против сталинской фракции. Во время борьбы между Троцким и Сталиным моя симпатия была на стороне Сталина, во время же борьбы между Сталиным и Бухариным – на стороне Бухарина. Это нашло свое отражение в моей статье в газете «Правда» против тезисов Политбюро к XVI съезду по двум вопросам: я критиковал сталинскую национальную политику ЦК, противопоставляя ей ленинскую, и отводил курс на коллективизацию в национальных республиках, как курс тоже явно не ленинский. По первому вопросу я писал:

«Нынешние темпы нашего культурного и экономического строительства в национальных районах не обеспечивают выполнение весьма ясных и практических директив X-XII съездов (1921-1923 годы) партии не только за эту пятилетку, но и за ближайшие пятилетки... Надо (провести) практическое, более чем форсированное устранение фактического неравенства национальностей... Нельзя утверждать, что все, что хозяйственно нецелесообразно и неэффективно в данное время, пролетарская революция не делает».

По второму вопросу, исходя из того, что антиколхозные восстания в

1929 - 1930 гг. были «в больших масштабах в национальных районах, чем в русских», я отвергал тот пункт в тезисах Политбюро, в котором говорилось, что «в национальных районах Востока получит на первое время распространение товарищество по общественной обработке земли, как переходная форма к артели» («КПСС в резолюциях», ч. II, стр. 595-6, 1953 г.).

В ответ на это в моей статье говорилось:

«Мы думаем, что эта подготовительная работа к массовому колхозному и тозовскому движению должна начаться с самого начала – с землеустройства. Если мы начали подготовку с тозов, это было бы не по-ленински... Начать нужно с простейшего и пока неразрешенного – с землеустройства».

И, в доказательство своей правоты я сослался на решение предыдущего, XV, съезда, в котором говорилось:

«Провести землеустройство бедняцких и маломощных слоев крестьянства за счет государства. Проведение землеустройства должно быть теснейшим образом увязано с другими мероприятиями (агропомощь, кредит, мелиорация, машиноснабжение и т. д.)... Признать неотложным установление основных начал землеустройства и землепользования в общесоюзном масштабе» («КПСС в рез.», там же, стр. 365).

По обоим вопросам я приводил массу примеров, как у ЦК слова расходятся с практикой его местных органов (см. газету «Правда», 22 июня 1930 г., А. Авторханов «За выполнение директив партии по национальному вопросу»).

Статья вызвала целую дискуссию, о которой я подробно рассказал в другом месте (см. мою книгу «Технология власти»). Здесь я ограничусь цитатой из статьи одного из моих критиков, наглядно характеризирующей не столько меня, сколько умирающую партию, в которой отныне всякая критика сталинского ЦК считается «предательством»:

«Что выходит, если пойти по пути предлагаемому тов. Авторхановым? Это означает снятие всерьез и надолго лозунга сплошной коллективизации в национальных районах... так как это землеустройство будет землеустройством индивидуальных крестьянских хозяйств... Тов. Авторханов определенно заболел правооппортунистической болезнью. Он не видит того, что есть в национальных районах, а "не признавать того, что есть, нельзя, – оно само заставит себя признать" (Ленин). Почему мы так резко возражаем тов. Авторханову? Да хотя бы потому, что "время более трудное, вопрос в

миллион раз важнее, заболеть в такое время – значит рисковать гибелью революции" (Ленин, из речи на VIII съезде партии против тов. Бухарина). Предательские уши правых дел мастера торчат из рассуждений Авторханова о путях коллективизации национальных окраин» (газета «Правда», 30 июня 1930 г., Л. Готфрид «О правильных и правооппортунистических предложениях т. Авторханова»).

Мне была оказана большая честь – я был поставлен в прямую связь с Бухариным и предупрежден словами Ленина, что из-за меня, неизвестного слушателя Института Красной Профессуры, может погибнуть целая революция!

Дискуссия продолжалась, я «храбрился» ссылкой на решение XV съезда о землеустройстве, пока Сталин не положил конец дискуссии краткой фразой в своем докладе на открывшемся уже XVI съезде:

«ЦК пересмотрел метод землеустройства в пользу колхозов» (Сталин, Соч. т. 12, стр. 286).

После этой директивной «справки» Сталина я решил спасти и «революцию» и свой партбилет обычным тогда приемом: сделал покаянное заявление («Правда», 4 июля 1930 г.).

Моя статья пошла на пользу только мне самому – вот с этих пор я стал критически переоценивать, что уже произошло, и критически наблюдать, что дальше происходит. Очень скоро выяснилось, что идеалы наши – фикции, обещания – обман, надежды – самообман. Когда же, как бы для завершения моего марксистского образования, после окончания Института Красной Профессуры в 1937 году сталинцы меня посадили в том же году в подвал НКВД, объявив «врагом народа», то, должен признаться, этот чекистский «университет» в течение пяти лет дал мне то, что не может дать никакая профессура: теперь только впервые я увидел Сталина нагишом в политике, а его и без того уже «обнаженный меч революции» – чекистскую машину – в действии.

Обо всем этом, разумеется, я ничего не пишу, но такой личный опыт имеет то преимущество, что лучше понимаешь не только фарисейский язык документов, но и скрытую подоплеку самых событий.

В этом преимуществе кроется и серьезная опасность, которую я постоянно учитываю, а именно: как бы мое личное, эмоциональное, не наложило своего отпечатка на исследование во вред его научной объективности. Не нужно большой фантазии, чтобы предвидеть реакцию

партийных идеологов на это произведение, – это его тотальное замалчивание, если оно не попадет в орбиту вездесущего, подлинно свободного голоса народов СССР – в Самиздат, объявление его «клеветническим», если оно найдет дорогу туда. Вступать в полемику по существу содержания самой работы советские жандармы от науки не станут. Ведь в их функцию и компетенцию не входят ученые споры, как это бывает во всяком правовом государстве, их профессия – «тащить и не пущать», как это подобает тоталитарно-полицейскому режиму. К тому же, объявить автора «клеветником» куда проще, чем опровергать его выводы, основанные на анализе исключительно советских официальных источников. Все, что партийные историки и при Сталине и после него намеренно умалчивали при использовании этих источников, я вытащил на свет Божий; их просталинские интерпретации произведений Ленина я пересмотрел в духе Ленина; из стенографических протоколов ЦК и съездов партии партийные историки цитируют только тех ораторов, кто говорил о мудрости Ленина, а я цитирую и тех старых большевиков, кто в этом сомневался; изгнанных из истории партии и революции большевистских лидеров по пресловутой формуле «Ленин, Сталин, Свердлов и др.» – вот этих «и др.» я восстановил в партии в их истинной роли; большевистским лидерам из разных оппозиций, которых в партийных учебниках клеймят как «изменников революции», лишая их возможности говорить об их действительной позиции, я вернул «свободу слова» излагать свои аргументы. Получилась картина, близкая, на мой взгляд, к действительной истории ленинского ЦК, но далекая от той, которую рисует казенная историография.

Автор не строит себе никаких иллюзий в отношении несовершенства своей работы. Совершенная и полная история ЦК может быть написана лишь будущими историками, когда откроются секретные архивы ЦК и советской политической полиции. Этого не будет пока существующий неосталинский режим не сойдет с политической сцены. Поэтому задача автора была более скромна: воссоздание документированной истории «триумфа и гибели ленинского ЦК» на основе анализа уже известных советских официальных источников. Насколько он справился и с этой задачей – судить не ему, а добросовестному критику и любознательному читателю.

А. Авторханов

PS. В ходе работы над материалом мне приходилось цитировать собрания сочинений Ленина трех изданий. При этом сложились

следующие обозначения, варьирующие в названии и в нумерации томов (римскими или арабскими цифрами): «Ленин, т. XXV» – третье издание, «Ленин, Соч., т. 25» – четвертое издание, «Ленин, ПСС, т. 25» – пятое издание.

А. А.

Глава 1

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ

История, как и природа, любит контрасты и причуды. Ими полна и история коммунистической партии Советского Союза: первый съезд РСДРП считается в СССР официальной датой образования КПСС, но его организатором был непримиримый враг большевизма – «Общееврейский рабочий союз в России и Польше» (Бунд); из девяти делегатов съезда восемь человек стали впоследствии антибольшевиками, а девятого Сталин уничтожил во время великой чистки со всей элитой большевизма; первым программным документом русского пролетариата считается Манифест I съезда, но его автором был идеолог русской буржуазии П. Струве. Тем не менее, I съезд как раз в истории большевизма действительно имеет исключительное значение именно потому, что он впервые создал то знаменитое учреждение, которое потом сделает эпоху: *Центральный Комитет.*

I съезд Российской Социал-демократической Рабочей партии (РСДРП) происходил 1-3 марта 1898 года под видом вечеринки по поводу именин жены одного из социал-демократов. Маленький деревянный домик на окраине Минска, в котором заседал съезд, находился на узкой улице прямо напротив здания конной жандармерии («История КПСС», т. 1, Москва, 1964, стр. 260-265). Заседать под носом полиции считалось лучшим способом конспирации.

Делегаты на съезд были избраны от «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса» Петербурга, Москвы, Киева, Екатеринослава, редакции «Рабочей газеты» (Киев) и Бунда. Лидеры Петербургского «Союза» В. И. Ульянов (Ленин) и Ю. О. Цедербаум (Мартов) отсутствовали, так как находились в ссылке. Первый ЦК состоял из трех членов. Ими были А. И. Кремер (лидер Бунда, созданного в 1897 г.), С. И. Радченко (отошел от большевизма в 1907 г.), Б. Л. Эйдельман (погиб в сталинской тюрьме в 1942 г.).

В резолюции съезда о роли и месте ЦК в партии сказано следующее:

«Исполнительным органом партии является Центральный Комитет, избранный съездом партии, которому он и отдает отчет в своей деятельности».

Съезд определил и конкретные обязанности ЦК. В круг этих обязанностей входит:

«а) забота о планомерной деятельности партии (распределение сил и средств,

выставление и проведение однообразных требований и пр.)..;

б) создание и доставка местным комитетам литературы ;

в) организация таких предприятий, которые имеют общее для всей России значение (празднование 1 мая, издание листков, помощь стачечникам и проч.)» («КПСС в резолюциях», ч. 1, Москва; 1953, стр. 14).

Если перед ЦК встанет особо важный вопрос компетенции съезда партии, то ЦК может принять единогласное решение при условии, что о принятом решении будет дан отчет ближайшему съезду. Центральному Комитету предоставляется право кооптации новых членов. Он представляет партию в сношениях с другими революционными организациями.

Характерная особенность первого Устава партии, отличающая его от последующих ленинских Уставов, – его руководящая идея *суверенитета* партии над своим исполнительным органом. Эта идея весьма выпукло выражена в следующем, седьмом параграфе решения съезда:

«Местные комитеты выполняют постановления Центрального Комитета в той форме, какую они найдут более подходящей по местным условиям. В исключительных случаях комитетам предоставляется право отказаться от выполнения требований Центрального Комитета, известив его о причине отказа. Во всем остальном местные комитеты действуют вполне самостоятельно, руководствуясь лишь программой партии» (там же, стр. 15).

Следующий, девятый, параграф решения еще раз подчеркивает идею суверенитета партии над Центральным Комитетом:

«Высшим органом партии является съезд представителей местных комитетов» (там же, стр. 15).

ЦК распоряжался средствами партии, которые

составлялись из добровольных периодических отчислений местных комитетов и из специальных сборов в пользу партии (там же, стр. 14).

Большинство из делегатов (5 из 9) сейчас же после съезда было арестовано. Оставшиеся на воле члены ЦК – Кремер и Радченко – организовали составление и публикации Манифеста I съезда, автором которого был вышеназванный П. Б. Струве. В Манифесте, составленном с большим пафосом, говорилось:

«Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы... Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма... Российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшей из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной

воли». Но средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные» (там же, стр. 13).

Этот Манифест в эпоху Сталина трактовался как политически невыдержанный. В официальном

издании ЦК КПСС «КПСС в резолюциях» о нем сказано так:

«Опубликованный "Манифест" страдал существенными недостатками: в нем была обойдена задача завоевания пролетариатом политической власти, ничего не сказано о гегемонии пролетариата, обойден вопрос о союзниках пролетариата...» (там же, стр. 11).

Эти обвинения необоснованны. Официальные историки Сталина требовали от «Манифеста» идей, которых тогда не было у самого Ленина – гегемония пролетариата, диктатура пролетариата, крестьянство как союзник пролетариата. К этим идеям Ленин пришел в период 1900-1905 гг.

Что же касается «Манифеста», то Ленин писал:

«Мы... вполне разделяем основные идеи "Манифеста" и придаем ему важное значение» (там же, стр. 18).

Впрочем, несостоятельность таких обвинений была настолько очевидной, что новая фундаментальная «История КПСС» по существу отмежевалась от старой концепции. Там сказано:

«Хотя Струве был далек от революционного марксизма, в «Манифесте» он не мог провести свои реформистские взгляды» («История КПСС», т. 1, стр. 265-266).

И на самом деле, «Манифест» Струве был куда более революционным и радикальным, чем ранние писания самого Ленина («Задачи русских социал-демократов», «Кто такие друзья народа»). Что же касается Устава партии, особенно роли и места ЦК в самой партии, то решения I съезда действительно находятся в глубоком противоречии с будущим организационным учением ленинизма. Однако в то время сам Ленин, хотя уже тогда известный партийный деятель и публицист, еще не имел представления о своем будущем «организационном плане» по созданию партии революции, который он развил в своей знаменитой книге «Что делать?» (1902 г.). Но что Ленина с первых же шагов его революционной деятельности занимало – это идейная прямолинейность и ортодоксальная чистота движения. Монолит, а не конгломерат мнений – вот идеал ленинской партии. Поэтому в редакционной статье первого номера газеты «Искра» (декабрь 1900 г.) он пишет:

«Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться... Понятно поэтому, что мы не намерены сделать наш орган простым складом разнообразных воззрений. Мы будем вести его, наоборот, в духе строго определенного направления. Это направление может быть выражено словом: марксизм...» («КПСС в резолюциях», ч. 1, стр. 19).

Цельная доктрина об организации партии нового типа Лениным была разработана в упомянутой книге «Что делать?» Квинтэссенцию своей доктрины Ленин выразил в следующем тезисе:

«Дайте нам организацию революционеров – и мы перевернем Россию!» (Ленин, т. IV, стр. 458, 3-е изд.).

«Организация» – альфа и омега ленинского плана революции. «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации...» (Ленин, «О партийном строительстве», стр. 288, Москва, 1956). Этому принципу он остается верен всю свою жизнь.

Ленин, образованный марксист, мало интересовался марксизмом как научной теорией, он ему нужен был как средство, как идеологическое оружие для политических целей – для создания «организации революционеров». Причем и здесь Ленин остается верен «диалектике»: он пропускает европейский духовный продукт – марксизм – через фильтр русской специфики, отбрасывая из него все утопическое и возвышенное, утилизируя все практическое и динамичное. Уже в одной из своих ранних работ Ленин предлагал из марксизма «выработать наиболее подходящую для наших условий форму организации для распространения социал-демократизма и сплачивания рабочих в политическую силу» (Ленин, т. 1, стр. 302).

Однако под «организацией» Ленин понимает нечто большее, чем обычная политическая партия, союз или объединение.

Ввиду исключительной, решающей важности данного вопроса в боевом арсенале как исторического большевизма, так и современного коммунизма, остановимся на нем подробнее. «Организация революционеров», по Ленину, – это не просто организация, а *система организаций с* двумя сетями: *вертикальная сеть* собственно самих партийных организаций со строжайшим иерархическим уставом и со столь же строжайшей субординацией, и *горизонтальная сеть* вспомогательных организаций, которые формально являются беспартийными, а на деле – исполнительными органами воли вертикальной сети.

Прежде всего и раньше всего создается высшая, но весьма узкая организация вождей партии, которую Ленин называет «организацией профессиональных революционеров». Сжатую, но весьма выпуклую характеристику дает Ленин этой организации в следующих словах:

«Без десятка талантливых, испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса... И вот я утверждаю: 1) Что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей; 2) что, чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация; 3) что такая организация должна состоять, главным образом, из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью; 4) что в самодержавной стране, чем более сузим состав такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с

политической полицией, тем труднее будет «выловить» такую организацию, и 5) – тем шире будет состав лиц и из рабочего класса и из остальных классов общества, которые будут иметь возможность участвовать в движении и активно работать в нем» (Ленин, т. IV, стр. 454-456).

В условиях полицейского режима должна быть создана такая «организация профессиональных революционеров», конспиративная техника которой успешно конкурирует с такой же техникой политической полиции. Эта ленинская организация должна быть одновременно и разведкой и контрразведкой в отношении техники революционной работы, «мозговым трестом» и пропагандным штабом в общем руководстве над революционным подпольем. Ленин так и говорит:

«Десяток испытанных, профессионально вышколенных *не менее нашей полиции* революционеров централизует все конспиративные стороны дела, подготовление листовок, выработку приблизительного плана, назначение отряда руководителей для каждого района города, для каждого фабричного квартала, для каждого учебного заведения и т. п.» (Ленин, т. IV, стр. 457).

Ленин отводит требование о демократическом принципе построения партийной организации в условиях полицейского строя как наивное и смешное. Организация должна быть построена на строго конспиративных началах и при диктаторском руководстве. В условиях самодержавия, – говорит Ленин, – не может быть демократизма, ибо демократизм «в потемках самодержавия, при господстве жандармов есть лишь пустая и вредная игрушка... ибо на деле никогда, никакая революционная организация демократии не проводила и не может проводить... (ею) облегчают только полиции широкие провалы... Единственным серьезным принципом для деятельности нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров» (Ленин, т. IV, стр. 468-469).

После четырехлетнего перерыва со времени ликвидации ЦК I съезда партии и после двухлетней и весьма плодотворной работы редакции газеты «Искра» (Плеханов, Ленин, Мартов, Аксельрод, Вера Засулич, Потресов) по подготовке нового съезда партии были созданы идейно-политические и организационные предпосылки для восстановления РСДРП. Из среды членов редакции «Искра» особенно отличались, как организаторы и партийные теоретики, два друга-врага: Ленин и Мартов. Под их руководством в России была создана широко разветвленная, великолепно действующая конспиративная сеть агентов и организаций газеты «Искра». Это дало возможность уже в ноябре 1902 года создать в революционном порядке новый центр партии под названием «Организационный Комитет по созыву II съезда РСДРП». «ОК», как сокращенно назывался Организационный Комитет, был создан не за границей, как «Искра», а в самой России – во Пскове.

Уже сам факт его создания в условиях царского самодержавия говорил за то, что русский марксистский социализм из теории эмигрантских публицистов начал превращаться в практику русского рабочего движения. В состав ОК первоначально входили практики-организаторы партии – В. Н. Краснуха (от Петербургского комитета),

Е. Я. Левин (от группы «Южного Рабочего») и И. И. Радченко (от организации «Искры»). Позднее в ОК были кооптированы: Г. М. Кржижановский, Ф. В. Ленгник, П. А. Красиков, И. Н. Лепешинский (все они потом стали важными большевиками), К. Портной (от Бунда), Р. С. Гальбергштадт, Е. М. Александрова, В. Н. Розанов (от «Южного Рабочего») и А. М. Стопани (от «Северного Союза») (Ленин, Собр. соч. т. V, стр. 415).

ОК действовал на правах ЦК и на своем пленуме в феврале 1903 года (г. Орёл) разработал устав по созыву нового, II, съезда партии.

ОК выпустил «Извещение» о своем образовании, о своих целях и задачах. В «Извещении» говорилось:

«...в настоящее время перед русской социал-демократией стоит громадная задача, которая не по плечу никаким местным комитетам... Она может быть выполнена только коллективными силами всех русских социал-демократов, сплоченных в одну *централизованную, дисциплинированную армию»* (Ленин, там же, стр. 226).

ОК заявлял, что он ставит себе целью создание именно такой партии и что поэтому Организационный Комитет впредь до восстановления центральной организации партии берет на себя выполнение некоторых общих функций (выпуск общерусских листков, общий транспорт и техника, установление связей между комитетами и проч.) (Ленин, там же).

Комментируя это «Извещение», Ленин писал в газете «Искра»:

«Заявление вновь образовавшегося Организационного Комитета ясно говорит само за *себя...* нам нужно не объединение нескольких кучек революционно настроенных интеллигентов, а объединение всех руководителей рабочего движения, поднявшего к самостоятельной жизни и борьбе целый широкий класс населения. Нам нужно объединение на почве *строго принципиального единства,* к которому должны сознательно и твердо придти все или громадное большинство комитетов, организаций и групп, интеллигентов и рабочих...» (Ленин, там же, стр. 227).

Главный тезис «Обращения» – партия как «одна централизованная, дисциплинированная армия» – был ленинским тезисом из «Что делать?», а комментарий Ленина, что такая партия будет создана на основе «строго принципиального единства» вытекал из его другого тезиса: «прежде чем объединяться, надо размежеваться». Вот за такую партию Ленин и боролся на II съезде партии.

Через год после выхода книги Ленина «Что делать?» был созван II съезд РСДРП (1903), который заседал сначала в Брюсселе, а потом в Лондоне. На этом съезде впервые столкнулись две точки зрения по организационному вопросу среди самих «искровцев» (сторонников заграничной социал-демократической газеты «Искра» (1900), которой руководила названная выше редакционная «шестёрка»). Организация «Искра», до сих пор выступавшая как единая, спаянная социал-демократическая организация против правого крыла в партии – против так называемых «экономистов» (Мартынов, Акимов и др.), на съезде раскололась на две группы с разными доктринами

по организационному (а не по программному) вопросу, что и заложило основы раскола партии на две фракции – на фракцию большевиков и на фракцию меньшевиков. Раскол обозначился по поводу первого параграфа устава партии и завершился к концу съезда во время выборов центральных учреждений партии. Фракцию большевиков возглавил Ленин, которого поддерживал председатель съезда Плеханов. Фракцию меньшевиков возглавил Мартов, которого поддерживала вся остальная часть редакции «Искры».

Неискушенному человеку даже трудно понять, в чем, собственно, предмет спора. В самом деле, сравним две редакции § 1, одна из которых принадлежит Ленину, другая – Мартову.

Редакция Мартова: «Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций» («КПСС в резолюциях», ч. 1, 7-ое изд., стр. 45).

Редакция Ленина: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций» (там же, стр. 43).

Внешне обе редакции § 1 устава выглядят почти одинаково, но в этом «почти» и заключалось фундаментальное и органически непримиримое противоречие между Лениным и Мартовым. У Мартова членом партии может быть всякий, кто работает «под контролем партии», у Ленина – только тот, кто сам находится «в одной из партийных организаций». Мартов расширяет рамки партии, Ленин сузил их. Мартов ориентируется на думающую партию, Ленин – на дисциплинированную партию. Мартову нужна самодеятельная партия, способная контролировать свой центр, Ленину – иерархическая сеть, которую контролирует и которой руководит самодержавный центр.

Мартов говорил на съезде: «Чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше. Заговорщическая организация для меня имеет смысл лишь постольку, поскольку ее облекает широкая социал-демократическая партия» («Второй съезд РСДРП, протоколы, стр. 263).

Ленин отвечал: «Нам нужны самые разнообразные организации всех *видов, рангов, оттенков,* начиная от чрезвычайно узких и конспиративных, и кончая весьма широкими, свободными, lose Organisationen. Необходимый признак партийной организации – утверждение ее Центральным Комитетом» (там же, стр. 265). Ленин шел еще дальше, устанавливая в партии «круговую поруку»: «Всякий член партии ответственен за партию и партия ответственна за члена партии», – добавлял он (там же, стр. 277).

Подводя итоги II съезда, Ленин отмечал:

«В сущности уже в спорах о § 1 стала намечаться вся Позиция оппортунистов в организационном вопросе: и их защита расплывчатой, не сплоченной крепко партийной организации, и их вражда к идее *построения партии сверху вниз*» (Ленин, «О партийном строительстве», М., 1956, стр. 142).

Ленин напоминал своим оппонентам, что газета «Искра» в свое время одобрила его план создания партии. Он писал: основные идеи, которые «Искра» стремилась положить в основу партийных организаций, сводились, в сущности, к следующим: «Первая, идея *централизма...* Первая идея должна проникать собою весь устав...» (там же, стр. 153).

Дебаты вокруг § 1 на съезде были горячие, продолжительные. Они заняли несколько заседаний съезда. Делегат Акимов, выражая мнение противников ленинской редакции, заявил, что Ленин стремится «внести в наш устав чисто аракчеевский дух» («Второй съезд РСДРП, протоколы», стр. 296).

Плеханов, который хранил долгое молчание и выступление которого ожидалось с величайшим нетерпением, высказался одним из последних. Он сказал:

«Чем больше говорилось об этом предмете и чем внимательнее вдумывался я в речи ораторов, тем прочнее складывалось во мне убеждение, что правда на стороне Ленина» (там же, стр. 271).

Что же касается довода тех, которые утверждают, что проект Ленина закрывает дорогу в партию интеллигенции, в частности профессорам, то Плеханов процитировал Энгельса: «...когда имеешь дело с профессором, надо заранее приготовиться к самому худшему» (там же, стр. 271).

Не только по этому вопросу поддержал Плеханов Ленина. Он поддержал его и против атак делегата Мартынова, когда последний, ссылаясь на многочисленные высказывания Маркса и Энгельса, вполне обоснованно стал доказывать анти-марксистскую сущность ленинской теории о «сознательности и стихийности», в особенности теории о привнесении в рабочее движение «социалистического сознания извне». Плеханов обвинил Мартынова в передержках, сравнил его с тем цензором, который однажды сказал: «Дайте мне "Отче наш" и позвольте мне вырвать оттуда одну фразу – и я докажу вам, что его автора следовало бы повесить» (там же, стр. 108).

Однако эта ленинская теория об активном авангарде и пассивном пролетариате уже проникла и в программу партии, разработанную «Искрой» и утвержденную на данном съезде при полном единодушии между Лениным, Мартовым и Плехановым. «Экономист» Акимов каким-то гениальным чутьем предвосхищает, куда ведет не только устав, но и программа партии, когда заявляет:

«Борьба за улучшение положения пролетариата становится для партии посторонним делом и интересует ее лишь как конъюнктура, в которой она действует. Таким образом, в этом пункте программы проявилась тенденция обособить нашу партию и ее интересы от пролетариата и его интересов. Еще ярче это проявилось в абзаце о задачах партии. Там понятия – партия и пролетариат –

совершенно обособлены и противопоставлены, первая как активно действующее коллективное лицо, второй как пассивная среда, на которую воздействует партия. Поэтому в предложениях проекта имя партии везде фигурирует как подлежащее, а имя пролетариата как дополнение (смех)» (там же, стр. 127).

Дальнейшая история большевизма показывает всю глубину этого предвидения,

хотя оно и сопровождалось ироническим смехом тех, которые, увы, сами станут потом первыми жертвами своей незадачливости.

Исторически установившаяся терминология «большевики» и «меньшевики» не совсем правильно воспроизводит первоначальное соотношение сил и первый раскол на II съезде. По главному и судьбоносному спору – о том, какой должна быть будущая социалистическая партия России – *социал-демократическая* или социал-диктаторская, Ленин оказался в меньшинстве, то есть «меньшевиком», а Мартов в большинстве, то есть «большевиком». Из 51 решающего голоса за проект Ленина было подано 23 голоса против 28, за проект Мартова – 28 голосов против 22 (один воздержался).

Ленин принял свое поражение молча, не драматизируя события, не провоцируя углубления раскола. Он держится своего любимого изречения: «Разбитые армии хорошо учатся» (Ленин, «О партийном строительстве», стр. 358). И Ленин тут же, на ходу, на самом съезде «учится» побеждать противника. Он мастерски применяет тактику обходного удара, тактику разложения, во-первых, сил противника, во-вторых, их столкновения между собою. Это ему легко удается, тем более, что «большинство» Мартова не было компактной массой – оно состояло из трех разных групп делегатов: 1) из группы самого Мартова, 2) из членов заграничного союза РСДРП и редакции «Рабочего дела», которые противопоставляли себя организации «Искры» и 3) из делегатов еврейского социалистического союза «Бунда», требовавшего независимости в рамках РСДРП, против чего возражали и Ленин, и Мартов.

Ленин и его сторонники повели на съезде дело так, что обе эти последние группы, в конце концов, покинули съезд. Вот тогда Ленин из лидера «меньшевиков» и превратился в лидера «большевиков». Произошло это во время выборов Центрального Комитета и редакции Центрального Органа (ЦО) и редакции «Искры». Главные разногласия обнаружились при выборах ЦО.

Мартов предложил съезду переизбрать весь состав старой редакции – Плеханов, Ленин, Мартов, Аксельрод, Засулич, Потресов. Ленин предложил избрать лишь первую «тройку» – Плеханов, Ленин, Мартов.

Мотив Мартова: старая шестерка вполне себя оправдала, она подготовила созыв данного съезда, заслужила доверие партии и дискриминация кого-либо из этой «шестерки» для него лично неприемлема.

Мотив Ленина: «шестерка» в редакционно-литературном отношении себя не оправдала, она

слишком громоздка для быстрой, оперативной работы и в таком деле «сентиментализм недопустим».

На самом деле Ленин руководствовался другим. В старой «шестерке», как показал съезд, соотношение сил было четыре против двух в пользу Мартова. С Лениным шел до конца съезда только Плеханов. Если избрать «тройку», соотношение сил будет (два против одного) в пользу Ленина.

Чтобы дать делегатам съезда полную свободу дискуссии, всей старой «шестерке» было предложено удалиться с заседания. Вот тогда впервые сказались плоды работы

Ленина по созданию «организации профессиональных революционеров» – сторонники Ленина компактным и дисциплинированным большинством поддержали предложение Ленина. «Шестерку» вернули на голосование. Мартов еще раз предупредил съезд, что если будет избрана «тройка», то он откажется войти туда. Однако съезд большинством голосов принял предложение Ленина – о редакционной тройке (Плеханов получил – 23 голоса, Мартов – 22, Ленин – 20) («Второй съезд РСДРП...», стр. 375).

Тогда Мартов выступил с заявлением, которое оказалось историческим:

«Так как несмотря на мое заявление, что я отказываюсь от кандидатуры, меня все же выбрали, то я должен заявить, что я отказываюсь от чести, мне предложенной... я не могу взять на себя ответственность за политику группы из трех лиц, которая согласно принятому уставу, должна оказывать решающее влияние на ход дел в России. Я не хочу быть "третьим" в учреждении, которого простым придатком будет ЦК... Фактически вся партийная власть передается в руки двух лиц, и я слишком мало дорожу званием редактора, чтобы согласиться состоять при них в качестве третьего» («Второй съезд РСДРП...», стр. 375).

Это заявление Мартова ознаменовало наступление новой эпохи в истории русского социализма – РСДРП окончательно раскололась на съезде на две фракции: на фракцию демократического социализма во главе с Мартовым и на фракцию «революционного социализма» во главе с Лениным. Первую фракцию стали называть фракцией «меньшевиков», вторую – фракцией «большевиков» из-за количества голосов, которые каждая из них получила во время выборов ЦО и ЦК.

В Центральный Комитет вошли также одни сторонники Ленина, причем по уставу ЦК предоставлялось право кооптации. Был избран еще Совет партии, как центральный судебно-контрольный орган, который составлялся из пяти лиц – по два представителя от ЦК и ЦО, а пятое лицо, председатель Совета, избирался на самом съезде. Им был избран Плеханов. Триумф Ленина был полный.

Однако вскоре после съезда Плеханову стало невмоготу с Лениным. Он, вероятно, только теперь начал подумывать над тем, куда его завела собственная незадачливость. Выдающийся теоретик и блестящий полемист Плеханов питал какое-то органическое отвращение к черной плебейской работе в партии. Для этого он был слишком аристократом духа. Ленин, наоборот, питал столь же глубокое презрение к абстрактному теоретизированию, к блеску слова, шуму фразы, будучи одновременно и рабочей лошадью и беспокойным седоком серой, повседневной работы по организации партии. Плеханов – теоретик, Ленин – практик, – в этом отношении они блестяще дополняли друг друга. Союз Плеханова с Лениным сначала именно и выглядел как брак по расчету. Когда цитированный выше Акимов напомнил Плеханову на всю опасность его политического брака с Лениным, Плеханов отделывался историческими анекдотами:

«У Наполеона была страстишка разводить своих маршалов с их женами; иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен. Товарищ Акимов в этом отношении похож на Наполеона – он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я

проявлю больше характера, чем наполеоновские маршалы; я не стану разводиться с Лениным и надеюсь, что и он не намерен разводиться со мною». В этом месте протокольная запись отмечает: «Товарищ Ленин, смеясь, качает отрицательно головой» («Второй съезд РСДРП...», стр. 137).

Однако «разводиться» всё-таки пришлось. Под давлением рядовой членской массы партии и желая предупредить окончательный раскол, Плеханов предложил Ленину возвращение в редакцию старых членов редакции «Искры». Ленин в знак протеста вышел из редакции. Плеханову теперь ничего не оставалось, как пригласить (кооптировать) обратно в редакцию Мартова и остальных трех редакторов. Те приняли приглашение. Так возникла «новая» «Искра», названная большевиками «меньшевистской» «Искрой», хотя ее возглавлял «большевик» и председатель Совета партии Плеханов.

С этих пор РСДРП фактически распалась на две партии. С этих пор и организационные разногласия между этими двумя партиями постепенно перерастают в тактические и идейные разногласия. После съезда и после того, как меньшевики вновь овладели руководящими органами партии (ЦО, Совет партии, но ЦК все еще в руках большевиков, куда Ленин скоро предложит кооптировать себя), Ленин выступил с новой работой – «Шаг вперед, два шага назад» (1904), в которой защищал свой организационный план, доказывая, что создание единой партии и является «шагом вперед», а приход «меньшевиков» ко власти в партии – «двумя шагами назад». Ленин писал:

«Шаг вперед, два шага назад... это бывает и в жизни индивидуумов и в истории наций, и в развитии партий. Было бы преступным малодушием хоть на минуту сомневаться в неизбежном, полном торжестве принципов революционной социал-демократии, пролетарской организации и партийной дисциплины» (Ленин, «О партийном строительстве», стр. 287).

Однако Ленин говорил, что на втором съезде и сейчас после него разногласия между двумя фракциями носили не программный и даже не тактический, а организационный характер. Он пишет:

«Разногласия... сводятся не к программным и не к тактическим, а лишь к организационным вопросам... Позиция новой «Искры» есть оппортунизм в организационных вопросах... В сущности уже в спорах о § 1 стала намечаться вся позиция оппортунистов в организационном вопросе... Их вражда к построению партии сверху вниз» (там же, стр. 124).

Он призывал своих сторонников к суровой борьбе с «оппортунистами в организационном вопросе», внушая им чувство беспощадности к противнику: «в политике жертвы не даются даром, а берутся с боя», – писал он (там же, стр. 286).

Ленин говорит и о родстве меньшевистского оппортунизма в организационном вопросе с оппортунизмом международной социал-демократии. Он пишет:

«Указанные мною принципиальные черты оппортунизма (автономизм, барский или интеллигентский анархизм, хвостизм и жирондизм) наблюдаются (с

соответственным изменением) во всех социал-демократических партиях всего мира» (там же, ,стр. 273-274).

Лейтмотив ленинского плана был разгадан в словах человека, который до съезда считался «дубинкой Ленина», а на съезде отошел от него – в словах Троцкого.

Ленин пишет, что Троцкий правильно охарактеризовал устав партии, когда заявил: «Наш Устав представляет организованное недоверие со стороны партии ко всем ее частям, то есть контроль над всеми местными, районными и национальными организациями» (там же, стр. 161).

Но что такое тогда партия по Ленину? На это старая революционерка Вера Засулич ответила:

«Партия для Ленина – это его «план», его воля, руководящая осуществлением плана. Это идея Людовика XIV». «Государство – это я», «партия – это я, Ленин» («Искра» 25 июня 1904 г., № 70, цитирую по Ленину – т. VI, стр. 431).

Мартов писал о «гипертрофии централизма» ленинского плана, а Аксельрод охарактеризовал его как «систему самодержавно-бюрократического управления партией» (Ленин, «О партийном строительстве», стр. 155; 245). Ленин на все эти обвинения отвечает невозмутимо и по-своему последовательно. Да, говорит он, «наша партия должна быть *иерархией* не только организаций революционеров, но и массы рабочих организаций» (там же, стр. 147).

Даже больше. Ленин чувствует себя польщенным, когда Мартов призвал партию поднять «восстание против ленинизма». Ленин говорит, что все обиженные на II съезде теперь «бросились с рыданием в объятия друг к другу и подняли знамя "восстания против ленинизма"» – эти слова Мартова Ленин берет в кавычки и добавляет:

«Мартов дождался того времени, когда он будет сам-пят, чтобы поднять восстание против меня одного. Неискусно полемизирует-то Мартов: он хочет уничтожить своего противника тем, что говорит ему величайшие комплименты» (там же, стр. 147).

Не будучи сам падким на комплименты, Ленин и для своих противников знал лишь один комплимент – смачную ругань.

Сейчас же после съезда Ленин приступил к практическому осуществлению своего плана по созданию системы партийных организаций на местах. В циркулярном письме к своим единомышленникам, названном «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», Ленин конкретизирует свой план. Он предлагает использовать лучших товарищей из социал-демократического подполья не только в комитетах, но и на особых, для дела весьма важных функциях (типография, транспорт литературы, разъездные агитаторы, паспортные бюро, руководители военных групп, а также «дружины по борьбе со шпионами»). Ленин дает указания:

1) «Мы должны внушать рабочим, что убийство шпионов, и провокаторов, и предателей может быть, конечно, иногда безусловной необходимостью...»;

2) «Нужны и боевые кружки, утилизирующие служивших в военной службе или особенно сильных и ловких рабочих на случай демонстраций, освобождения из

тюрем и т.п.»;

3) «По типу филиальных отделений комитета... должны быть организованы все разнообразные группы, обслуживающие движение, – и группы студенческой и гимназической молодежи, и группы, скажем, содействующих чиновников и группы транспортная, типографская, паспортная, группы по устройству конспиративных квартир, группы по слежению (по слежке – А. А.) за шпионами, группы военных, группы по снабжению оружием, группы по организации, напр., «доходного финансового предприятия» и т. д. Все искусство конспиративной организации должно состоять в том, чтобы использовать *все* и *вся,* "дать работу всем и каждому", сохраняя в то же время *руководство* всем движением» (Ленин, т. V, стр. 184-187, 3-е изд.).

На возражения партийных товарищей, что ленинская чрезмерно централистская организация таит в себе большую опасность, если в центре окажется неспособное лицо или даже агент политической полиции (таким агентом в ЦК большевиков оказался в 1912 году большевистский депутат IV Государственной Думы Малиновский), Ленин отвечал указанием на то, что «средством против этого не может быть выборность и децентрализация, абсолютно недопустимая и даже вредная в революционной работе при самодержавии» (там же).

Особо важное значение придавалось работе на фабриках и заводах. Но и там партийная сеть строится по общепринятому иерархическому уставу:

«Каждый завод должен быть нашей крепостью. А для этого заводская рабочая организация должна быть так же конспиративной внутри себя, так же «ветвиста» вовне, в самые разные стороны просовывать свои щупальцы, как и всякая революционная организация... Заводской комитет должен состоять из очень небольшого числа революционеров, получающих непосредственно от комитета (вышестоящего комитета –А. А.) поручения. Все члены заводского комитета должны смотреть на себя как на агентов комитета (вышестоящего комитета – А. А.), обязанных подчиняться всем его распоряжениям, обязанных соблюдать все «законы и обычаи» той «действующей армии», в которую они вступили и из которой они в военное время, не имеют права уйти без разрешения начальства» (там же, стр. 185-186).

Ленин дает популярное толкование и того, что он имеет в виду под «централизацией руководства», когда сравнивает центр с дирижером, а партию – с оркестром. Он пишет:

«Чтобы центр мог действительно дирижировать оркестром, для этого необходимо, чтобы в точности было известно, кто, где и какую скрипку ведет, где и как какому инструменту обучался и обучается, кто, где и почему фальшивит и кого, как и куда надо для исправления диссонанса перевести и т. п.» (там же, стр. 190).

Абсолютистский централизм впоследствии Ленин и большевики будут выдавать за «демократический централизм». Ленин кончает следующим важным заключением:

«Руководить движением должно возможно меньшее число возможно более однородных групп искушенных опытом профессиональных революционеров. Участвовать в движении должно возможно большее число возможно более

разнообразных и разнородных групп пролетариата (и других классов народа)» (Ленин, т. V, стр. 189).

Кратко, лапидарно, соотношение между центром и партийной периферией Ленин выражает формулой: «*централизация руководства и децентрализация ответственности*» (там же, стр. 188), формулой, которой большевизм руководствуется и поныне. (A. Avtorkhanov, *The Communist Party Apparatus,* Chicago, Regnery, 1966, pp. 7-16).

Все-таки ведущая идея Ленина – иерархическая партия при централизованном руководстве – не полностью нашла адекватное воплощение в организационных нормах проекта Устава партии, который. Ленин представил на утверждение II съезда. Ленинский Устав явно страдает той же болезнью, которую он приписывал своим противникам: оппортунизмом в организационном вопросе. Говоря иначе, в организационном вопросе Ленин еще не большевик, он, воздавая дань давлению и влиянию демократического крыла партии (группа Мартова), воспринимает и его организационную схему построения высших органов партии. Так, в проекте Устава Ленина присутствует явно антиленинская идея «полицентрии» партии. Вместо одного руководящего центра Ленин предлагает создать три самостоятельных и не подчиненных друг другу центра: ЦК, Совет партии и ЦО (Центральный орган партии). Это требование изложено в § 4 его проекта. Там сказано: «Партийный съезд назначает ЦК, редакцию ЦО и Совет партии» («КПСС в резолюциях», ч. 1, стр. 43). Последующие параграфы определяют компетенции каждого из этих органов:

«5. ЦК объединяет и направляет всю практическую деятельность партии и заведует центральной партийной кассой, а равно всеми общепартийными техническими учреждениями. Он разбирает конфликты как между различными организациями и учреждениями партии, так и внутри их.

6. Редакция ЦО руководит партией идейно...

6. Совет партии назначается съездом из числа членов ЦК и ЦО в составе 5 лиц. Совет решает дела о пререканиях и разногласиях между редакцией ЦО и ЦК в области вопросов общеорганизационных и тактических. Совет партии возобновляет ЦК в случае полного его провала» (там же, стр. 43-44).

В § 8 говорилось, что новые комитеты и союзы комитетов утверждаются ЦК, но их обязывали в одинаковой мере подчиняться постановлениям как ЦК, так и редакции ЦО (там же).

Мартов писал, что борьба на съезде по первому параграфу Устава имела «наиболее принципиальное направление» (Мартов, «История российской социал-демократии», М.-П., 1923, стр. 75), но добавлял, что «значение этого поражения (по § 1 Устава) было, однако, для Ленина сведено к нулю принятием остальных пунктов Устава» (там же, стр. 76).

Значение принятого Устава для Ленина заключалось в том, что даже при наличии в нем идеи «полицентрия», он все же сумел придать ЦК такое практическое значение, которое ставило его фактически выше двух других органов. Самовластный ЦК – таков был конечный идеал Ленина. Л. Троцкий рассказывал в брошюре «II съезд

РСДРП», что Ленин во время одной из своих речей на съезде относительно того, сколь властным и сильным должен быть ЦК, показал съезду как символ того – «кулак» (М. А. Landau-Aldanov, Lenine, Paris, стр. 63; А. И. Спиридович, «История большевизма в России», Париж, 1922, стр. 75).

Сам же Ленин, подводя итоги прениям съезда по поводу Устава, писал: «Сила и власть ЦК, твердость и чистота партии – вот в чем суть» (Ленин, Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 430).

Но не всякий сильный ЦК был нужен Ленину. Он был за такой ЦК, над которым господствует только он, и это господство Ленин хотел организационно закрепить в самом Уставе в лице реформированного Центрального Органа. Когда Мартов обвинил Ленина как раз в такой попытке, то Ленин открыто признался: да, именно такова его цель. Ленин говорил:

«До какой степени глубоко мы расходимся здесь *политически с* т. Мартовым, видно из того, что он ставит мне в вину это желание влиять на ЦК, а я ставлю себе в заслугу то, что я стремился и стремлюсь закрепить это влияние организационным путем. Оказывается, что мы говорили даже на разных языках. К чему была бы вся наша работа, все наши *усилия, если* бы венцом их была все та же старая борьба за влияние, а не полное приобретение и упрочение влияния» (Ленин, ПСС, т. 7, стр. 307).

Съезд избрал редакцию ЦО, куда вошли большевики Ленин и Плеханов и меньшевик Мартов. Он избрал также ЦК во составе трех человек, куда вошли одни большевики – Г. Кржижановский, Ф. Ленгник, В. Носков. Когда Плеханов поставил вопрос о возвращении в ЦО всех бывших его членов, то Ленин вышел из редакции ЦО, но он, как указывалось, был кооптирован в состав ЦК. Был кооптирован туда также и пятый член – Гальперин. Таким образом, ЦО стал меньшевистским, а ЦК – большевистским.

В июле 1903 года в Киеве было создано Русское бюро ЦК во главе с Кржижановским (секретарем была Л. Книпович, потом ее заменила Е. Стасова). В Женеве образовался заграничный отдел ЦК во главе с Ленгником (его помощники: заграничные агенты ЦК – М. Лядов, П. Лепешинский, В. Бонч-Бруевич) («История КПСС», т. 1, 1964, стр. 482-3. В сентябре 1903 года были дополнительно кооптированы в ЦК Ф. Гусаров, Р. Землячка, Л. Красин и М. Эссен. В ЦК были созданы группы: организаторская, техническая, финансово-интендантская и военная. Была создана также Исполнительная Комиссия, координировавшая всю работу ЦК (там же, стр. 483).

Теперь после реорганизации ЦО Совет партии состоял из *5* человек: три меньшевика – Мартов, Аксельрод и перешедший на сторону меньшевиков Плеханов и два большевика – Ленин и Ленгник. Когда Совет партии потребовал кооптировать в ЦК и представителей от меньшевиков, то Ленин решительно выступил против решения Совета – этого высшего учреждения партии – и обратился с письмом в ЦК: «Спасение одно – съезд»; он предложил ЦК: двинуть *все* силы, *всё* и *вся* в комитеты и в объезды» (Ленин, ПСС, т. 46, стр. 329).

ЦК создал в России три очень важных опорных пункта большевизма – Северное

бюро ЦК (оно направляло работу Московского, Петербургского, Тверского, Нижегородского, Северного и Рижского комитетов), Южное бюро ЦК (Одесский, Екатеринославский и Николаевский комитеты), Восточное бюро ЦК (комитеты Сибири, Урала и Поволжья). Функцию бюро ЦК на Кавказе выполнял Кавказский союзный комитет.

Официальный историк констатирует: «Создание областных бюро ЦК явилось крупным шагом вперед по пути укрепления большевистских сил в России. Областные бюро подготовили почву для формирования самостоятельных большевистских центров» («История КПСС», т. 1, 1964, стр. 497). Борьба между большевизмом и меньшевизмом становится борьбой двух радикально противоположных доктрин: Мартов борется за партию демократического правления, а Ленин – за партию абсолютного централизма. На страницах новой «Искры» писалось, что Ленин хочет такую партию, которая представляла бы собою огромную фабрику во главе с директором в виде ЦК, а членов партии превратить в «колесихи и винтики» (там же, стр. 502). Ленин держит курс на созыв III съезда партии. Однако Совет партии отверг предложение Ленина о его созыве. Тогда Ленин начал требовать от ЦК, чтобы он взял на себя функцию созыва съезда (по Уставу она принадлежит Совету партии). Но большевистский ЦК не поддается настойчивым уговорам Ленина. Рассерженный Ленин пишет:

«Я думаю, что у нас в ЦК в самом деле бюрократы и формалисты, а не революционеры. Мартовцы плюют им в рожу, а они утираются и меня поучают: "бесполезно бороться"...» (Ленин, там же, т. 46, стр. 355).

Ленину все же удалось в феврале 1904 года заставить русскую часть ЦК собраться для обсуждения его предложения о созыве съезда. Но решение ЦК глубоко разочаровало Ленина – пятью голосами (Гальперин, Кржижановский, Носков, Гусаров и Красин) при одном против (Землячка) большевистский ЦК отклонил требование Ленина о созыве съезда («История КПСС» т. 1, стр. 509). Заграничные члены ЦК Ленгник и Эссен поддерживали Ленина. Даже в этом случае Ленин не имел большинства (5:4 против съезда).

Вскоре в ЦК произошли новые перемены: посланные Лениным в Россию вести борьбу за съезд – Ленгник и Эссен были арестованы, Землячка была выведена из ЦК (так как она состояла одновременно и членом Петербургского комитета), Кржижановский подал в отставку и вышел из ЦК, Гусаров сам устранился от работы. В ЦК остались три члена: Носков, Гальперин и Красин. Эта тройка на заседании ЦК в конце июля 1904 года приняла постановление под названием «июльской декларации» о примирении с меньшевиками, о восстановлении единой партии. ЦК постановил далее признать законность кооптации Плехановым старых членов редакции «Искры», а также одобрил политическую линию газеты. Одновременно ЦК вынес и два других постановления: лишить Ленина мандата заграничного представителя ЦК и назначить цензуру его произведений («печатание его произведений каждый раз происходит с согласия коллегии ЦК» – там же, стр. 509). Всякая агитация за съезд партии запрещалась. Вся техническая работа партии за границей отнималась у сторонника

Ленина Бонч-Бруевича и передавалась Носкову, другой сторонник Ленина |– Лядов – должен был сдать партийную кассу. В ЦК были введены еще три члена большевистского направления, но не ленинцы: А. Любимов, Л. Карпов и И. Дубровский. Всех этих членов большевистского ЦК Ленин окрестил «примиренцами», что было лишь синонимом «оппортунистов». Им Ленин объявил не менее жестокую борьбу, чем оппортунистам меньшевистским.

Когда вскоре в ЦК были включены и три представителя меньшевиков, большевистский ЦК окончательно стал антиленинским. Официальный историк партии пишет: «Казалось, меньшевики могли торжествовать победу: в их руки перешли все центральные партийные учреждения. Но меньшевики завоевали учреждения, а не партию» (там же, стр. 510).

Ленин не был бы Лениным, если бы не нашел выхода из создавшегося положения. Абсолютно безвыходного положения в политике Ленин вообще не признавал. Как партийный тактик и политический комбинатор он не имел конкурентов. ЦК большевиков он объявляет «заграничным кружком, опозорившим нашу партию» (Ленин, ПСС, т. 9, стр. 147). Ленин говорил, что «Новый ЦК, находясь всецело в руках кооптированных претендентов, ставит своей задачей дезорганизовать и расколоть все местные комитеты большинства. Пусть товарищи не делают себе никаких иллюзий на этот счет: иной цели нет у ЦК» (там же, стр. 147-148).

Ленин считает своей задачей изолировать большевистский ЦК от российских большевистских комитетов. На созванном им частном «совещании 22 большевиков» около Женевы он ставит вопрос о создании новых большевистских центров: «Бюро комитетов большинства» вместо существующего легального ЦК и редакции Центрального органа партии «Вперед» вместо тоже легально существующей «Искры».

Тут же по окончании совещания Ленин посылает в Россию своих сторонников для оформления и утверждения этих решений в местных комитетах. Одновременно совещание выпускает обращение «К партии» с критикой старого ЦК и изложением задач создания новых центральных органов партии и необходимости скорейшего созыва III съезда. Из 20 местных комитетов, имеющих право голоса, 12 высказались за созыв этого съезда («История КПСС», т. 1, стр. 512). В России в сентябре-декабре 1904 года состоялись три областных конференции, с участием тринадцати комитетов, на которых и было оформлено «Бюро комитетов большинства», куда вошли Ленин, Р. Землячка, А. Богданов, М. Лядов, Г. Гусев, М. Литвинов, П. Румянцев (там же, стр. 514-515). Бюро должно было действовать в России. За границей в ноябре-декабре 1904 года оформляется и редакция «Вперед», куда вошли Ленин, В. Воровский, А. Луначарский, М. Ольминский и секретарь редакции Н. Крупская (там же, стр. 515).

Таким обходным маневром, наступлением с тыла, Ленин парализует всякое старание ЦК воссоединить борющиеся между собою две фракции.

Меньшевики в свою очередь отвечают Ленину той же монетой. Они усиливают свои акции против Ленина: за границей – более успешно, внутри страны – менее успешно. За границей меньшевики пользуются симпатией социал-демократических

партий II Интернационала, особенно самой главной его партии – немецкой социал-демократии. Некоторые из лидеров меньшевизма думают ликвидировать влияние Ленина тем, что напустят на него марксистских авторитетов из немецкой социал-демократии. Так, Потресов писал (14 мая 1904 г.) Аксельроду:

«...спешу Вам сообщить, что я только что получил от Каутского письмо, разрешающее нам напечатать его ответ Лидину (Лядову, стороннику Ленина) в «Искре». Итак, первая бомба отлита, и – с божьей помощью – Ленин взлетит на воздух. Я придавал бы очень большое значение тому, чтобы выработать общий план кампании против Ленина – взрывать его так взрывать до конца, методически и планомерно. Как бить Ленина – вот вопрос. Прежде всего, мне думается, следует на него выпустить авторитетов – Каутского, Розу Люксембург и Парвуса» («Социал-демократическое движение в России. Материалы», т. 1, М.-Л., 1928, стр. 124-125).

Это вполне естественно, что симпатия вождей немецкой социал-демократии была на стороне демократического крыла РСДРП – на стороне меньшевиков. В вышеупомянутом ответе Лядову Каутский писал:

«...если бы на вашем съезде мне пришлось бы выбирать между Мартовым и Лениным, то на основании всего опыта нашей деятельности в Германии, я решительно высказался бы за Мартова» («Искра» № 66, 15 мая 1904 г.).

Тем не менее, как раз немецкая социал-демократия не раз предпринимала попытку примирить враждующие фракции. Вождь немецких социал-демократов Август Бебель, который пользовался у Ленина известным уважением, обратился к нему с письмом, предлагая большевикам и меньшевикам свое посредничество для их примирения. Руководство II Интернационала возложило на Бебеля обязанности председателя третейского суда. Однако Ленин был неумолим. Для Ленина иная партия, как созданная по его организационному плану, иная доктрина, как доктрина большевизма о революции, иное руководство, как его собственное – были абсолютно не приемлемы. Несмотря на свою величайшую тактическую изворотливость в политике, в принципиальных вопросах борьбы за власть он был несгибаемым, как сталь. «Принципиальная политика есть самая верная политика», – говорил он.

Как указывалось, летом 1904 года ЦК, потерявший несколько своих членов в результате арестов, кооптировал в свой состав, вопреки Ленину, несколько меньшевиков. За это меньшевики передали ЦК транспорт своей литературы, подчинив ему формально и свои местные комитеты. Теперь в ЦК преобладало меньшевистское влияние. Этим объясняется и решение ЦК о признании законности кооптации Плехановым членов старой редакции ЦО.

Меньшевики были непрочь восстановить теперь мир и с Лениным. Так, Ленину было предложено вновь вступить в редакцию. Ленин не только отклонил это предложение, но, обвинив своих бывших сотрудников из ЦК в примиренчестве, организовал названные выше два новых органа партии: «Бюро комитетов большинства» как новый большевистский ЦК и газету «Вперед» как новый большевистский ЦО.

Борьба между большевизмом и меньшевизмом за гегемонию в РСДРП вступила в

новую фазу.

Глава 2

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ЦК И МЕНЬШЕВИСТСКИЙ ОК

Побитые на II съезде меньшевики еще тогда постарались взять реванш в заграничных партийных организациях, где они с самого начала имели преобладание. Был созван съезд заграничной организации РСДРП – «Лиги русской революционной социал-демократии», который, осудив «бюрократический централизм» Ленина, стал на точку зрения меньшевиков по всем основным спорным вопросам II съезда партии. В ответ на это, представитель большевистского ЦК распустил съезд и, руководствуясь уставными правами ЦК, аннулировал его решения. Тем временем, ЦК созвал (2-6 марта 1905 г.) в Женеве учредительный съезд тех заграничных организаций РСДРП, которые стояли за большевиков. Был избран Комитет заграничных организаций (КЗО) и утвержден его Устав.

По спорным официальным источникам, соотношение сил в самой России было таково: существовали и функционировали 32 большевистских комитета и 35 групп, 23 меньшевистских комитета и 27 групп, 10 комитетов, а 43 группы были нейтральными или «занимали примиренческие позиции» («История КПСС», т. II, стр. 39). Ленин считал, что на стороне большевиков лишь моральный перевес, а материальный перевес находится на стороне меньшевиков. Поэтому он говорил:

«Нам нужно еще превратить нашу моральную силу в материальную. У меньшевиков больше денег, больше литературы, больше транспортов, больше агентов, больше "имен", больше сотрудников. Было бы непростительным ребячеством не видеть этого» (Ленин, ПСС, т. 9, стр. 246).

Из 29 утвержденных Советом партии «правоспособных организаций», согласно газете «Вперед», 15 организаций высказались за созыв III съезда (Ленин, там же, стр. 335-336), но «Совет рвет устав и обманом уклоняется от обязательного для него созыва съезда» (там же).

21 января 1905 года Бюро комитетов большинства взяло на себя роль Совета партии и выпустило «Извещение о созыве III партийного съезда». «Извещение» сопровождалось статьей Ленина, в которой он доказывал правомерность действия Бюро, так как меньшевистский Совет и примиренческий ЦК саботируют созыв съезда. Реакция российских организаций на «Извещение» свидетельствовала, что Ленин работает в верном направлении.

Меньшевистский Совет решил воспользоваться съездом для обсуждения предложения Бебеля о восстановлении единства партии. Совет вынес постановление (10 марта 1905 г.), как «обращение к членам III партийного съезда, созываемого русским Бюро, с предложением съезду принять посредничество Бебеля для восстановления единства партии и с выражением согласия прислать на съезд от Совета двух представителей для переговоров об осуществлении идей третейского разбирательства» (Ленин, там же, стр. 349). Нельзя было бы выдумать лучшей услуги Ленину, чем это постановление. Этим постановлением и фактически, и юридически Совет партии признал законность созыва съезда Бюро комитетов большинства. На этом этапе борьбы Ленину большего и не требовалось. Только Ленин вполне логично упрекал Совет в непоследовательности. Он писал:

«Почему же вы хотите послать на съезд только двух представителей *заграничного Совета?* Почему не представителей всех партийных организаций. Ведь члены российского Бюро комитетов большинства пригласили на съезд всех...» (там же, стр. 352-353).

Фактическая капитуляция Совета партии явно подняла акции съезда. В начале 1905 года из 11 членов ЦК – 9 было арестовано в России, а, оставшиеся на свободе 2 члена ЦК – Красин и Любимов в феврале 1905 года вступают в переговоры с Бюро о созыве съезда. Переговоры ведут от ЦК – Красин и от Бюро – Гусев. Ленин потревожен, как бы Совет партии, действуя за спиной ЦК, не перехитрил его. Ленин пишет Гусеву: «Бюро не вправе уступать ЦК ни на йоту. Иначе мы здесь поднимем бунт, и все твердокаменные комитеты будут с нами» (Ленин, там же, т. 47, стр. 15).

Однако опасения Ленина оказались напрасными. Если Совет партии капитулировал условно, то ЦК партии капитулировал безусловно. ЦК и Бюро постановили создать Организационный Комитет для созыва III съезда. В обращении «К партии» говорилось, что «съезд созывается для установления общей партийной тактики и организационного единства партии» («Третий съезд РСДРП. Протоколы», 1959, стр. 638-684).

Ленин торжествовал заслуженную победу. Он писал:

«Итак, – мы можем торжествовать полную моральную победу. Россия взяла верх над заграничниками. ЦК нашел в себе в последнюю минуту достаточно гражданского мужества, чтобы... восстать против заграничного Совета» (Ленин, там же, т. 9, стр. 370-371).

Победа Ленина была почти тотальная. К апрелю 1905 года из 29

российских организаций за съезд высказались 21 (правом участия на съезде пользовались комитеты, возникшие за год до съезда и утвержденные ЦК).

Все основные – тактические и организационные – документы будущего III съезда были подготовлены редакцией «Вперед».

12 (25) апреля открылся и сам съезд в Лондоне и продолжался до 27 апреля (10 мая) 1905 года. Присутствовало 24 делегата с решающим голосом и 14 делегатов с совещательным голосом. На съезде был представлен 21 комитет с решающим голосом.

Съезд признал начавшуюся русскую революцию 1905 года революцией «буржуазно-демократической», в которой роль гегемона и движущей силы играет пролетариат, а союзником его признается крестьянство. В перспективе – перерастание демократической революции в социалистическую. Единственный путь к захвату власти – переход через массовые политические стачки к вооруженному восстанию. Вот эту общую схему Ленина съезд одобрил и утвердил, как директиву с.-д. комитетам в России.

В резолюции съезда сказано, что «задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент» («Третий съезд РСДРП. Протоколы», стр. 450-451). В результате этой борьбы должна была возникнуть, по той же схеме Ленина, «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», с временным революционным правительством во главе.

По вопросу о том, входить ли представителям РСДРП в состав такого правительства, мнения меньшевиков и большевиков расходились. Поскольку революция признавалась буржуазно-демократической, меньшевики исключали участие РСДРП в правительстве такой революции. Эти взгляды меньшевиков Ленин считал «догматическими». Съезд записал, что «в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партий» (там же, стр. 451-452).

В отношений крестьянства съезд выдвинул более радикальную программу, чем та, которая содержалась в решении II съезда или в писаниях Ленина до сих пор. Лишь под влиянием начавшейся первой русской революции, под влиянием роста крестьянских восстаний Ленин впервые

открывает того мелкобуржуазного союзника революции, который, в конечном счете, приведет его ко власти в России – русское крестьянство. Если Ленин и II съезд раньше говорили о возвращении крестьянам лишь тех «отрезков», которые отошли от крестьянских наделов к помещикам при освобождении крестьян от крепостного права в 1861 году, то теперь III съезд требовал конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель и создания революционных крестьянских комитетов для осуществления такой программы (там же, стр. 454).

По вопросу о либералах съезд предложил «энергично противодействовать попыткам буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение», но «поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или оппозиционной в своей борьбе с царизмом» («КПСС в резолюциях», ч. 1, стр. 82).

Новый устав партии, представленный Лениным на III съезд, уже является истинно ленинским и порывает с «полицентрией» его старого Устава.

Прежде всего, съезд вносит в Устав знаменитый первый параграф в редакции Ленина: «членом партии считается всякий принимающий её программу, поддерживающий партию материальными средствами и *участвующий личной работой* в одной из ее организаций» («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 87).

Параграфы Устава, аннулирующие «полицентрию» старого Устава, гласят:

«5. ЦК представляет партию в сношениях с другими партиями, назначает ответственного редактора ЦО из своей среды, организует комитеты, союзы комитетов и др. учреждения партии и руководит их деятельностью» (там же, стр. 88).

«8. ...Все постановления ЦК обязательны для всех партийных организаций, которые обязаны также давать в центральную кассу 20% всех своих доходов (стр. 89) ... «Местный комитет должен быть распущен ЦК, если за распущение выскажутся одновременно ЦК 2/3 и 2/3 местных рабочих, входящих в партийные организации» (стр. 89).

Далее в новом Уставе говорится, что «кооптация членов ЦК производится единогласно», но в местных комитетах официальные кандидаты, предложенные ЦК, кооптируются простым большинством (стр. 89).

Таким образом, Совет партии аннулируется, ЦО перестает быть самостоятельным и назначается не съездом, а ЦК, местные комитеты делаются простыми филиалами ЦК.

Съезд принял специальное постановление и о меньшевиках, назвав их «отколовшейся частью партии». Участие меньшевиков в местных с.-д. организациях допускалось «при том необходимом условии, чтобы они, признавая партийные съезды и партийный Устав, всецело подчинялись партийной дисциплине» (там же, стр. 81).

Съезд избрал ЦК, куда вошли Ленин, А. Богданов, Л. Красин, Д. Постоловский и А. Рыков. Богданов, Красин, Рыков принадлежали к крылу «примиренцев». Ленин не смог воспрепятствовать их избранию. Съезд объявил, что отныне газета «Искра» перестает быть Центральным Органом партии (так как редакция «Искры» не явилась на съезд, а ее линия расходится с директивами III съезда). Съезд поручил ЦК организовать новую газету партии, назвав ее «Пролетарием».

Между членами ЦК обязанности были распределены так: Ленин – ответственный редактор ЦО и председатель ЦК за границей (кроме того создавалось Заграничное бюро ЦК, секретарь – жена Ленина Н. Крупская), А. Богданов – ответственный редактор и организатор всей литературной части в России; Л. Красин – ответственный финансист и транспортер; А. Рыков и Д. Постоловский (Александров) – партийно-организационная работа в России (сношение с комитетами, распределение сил и пр.). В случае провала членов ЦК кандидатами в члены ЦК назначены А. Эссен, П. Румянцев и С. Гусев (Ленин, Собр. соч., т. VIII, стр. 471).

Почти одновременно с III съездом большевиков происходила «Первая общерусская конференция партийных работников» меньшевиков в Женеве. На конференции присутствовали делегаты 14 комитетов из России, не признавших III съезд правомочным, к ним присоединились эмигрантские организации меньшевиков. Хотя, по утверждению редакции «Искры», эти делегаты фактически представляли большинство членов РСДРП, руководители меньшевиков не захотели назвать свое собрание съездом. Хотя редакция ЦО и сам высший орган власти партии – Совет партии – находился в руках меньшевиков, меньшевики ими не воспользовались.

Насколько большевики бесцеремонно нарушали всякую уставную легальность, настолько же меньшевики скрупулёзно ее соблюдали. Поэтому они и свой фактически съезд объявили совещательным органом –

«конференцией». Но и на решениях самой конференции лежал отпечаток внутреннего раскола среди меньшевиков. «Резолюции, принятые конференцией, показывают признаки глубокого разделения, которые начали оформляться в рядах меньшевиков», замечает один из западных авторов *(*«The Communist Party of the Soviet Union», by L. Schapiro, New York, 1959, p. 62*).*

Две тенденции боролись на этой конференции: с одной стороны, те, которые, следуя Аксельроду, боролись за массовую легальную рабочую партию (их Ленин окрестил кличкой «ликвидаторов»), с другой стороны, те, которые стояли за кадровую нелегальную организацию, созданную «Искрой», избавив её только от ленинских крайностей (Мартов). Отсюда и двойственность решений конференции – рядом с легальными требованиями (борьба за 8-часовой рабочий день, за свободу стачки и за право создавать профсоюзы в рамках существующего режима) выдвигаются и революционные требования, которые мало чем отличаются от решения III съезда – массы должны быть подготовлены к участию в неизбежном восстании, а социал-демократы должны быть готовы взять в свои руки контроль над произвольно возникшим революционным движением.

Хотя меньшевики и отрицают необходимость участия во временном революционном правительстве, но они допускают взятие власти пролетариатом, если русская революция послужит толчком для революции в других странах (там же, стр. 63). Сравнивая позиции обеих фракций, цитированный историк пишет: «Следовательно, много было правды в утверждениях многих меньшевиков, что ничто не разделяет двух фракций, кроме непримиримости Ленина и его решимости создать партию, подчиненную его собственной команде» (там же, стр. 63*).*

Сравнивая общую тактическую линию обеих фракций в революции 1905 года, можно констатировать: большевики были за «левый блок» революционных сил, которым руководят они сами («гегемония пролетариата»), а меньшевики за «национальный фронт» всех революционных и оппозиционных сил, в котором РСДРП лишь одна из участниц. Стратегическая цель обеих фракций в данной революции: большевики выступают за «диктатуру пролетариата и крестьянства» как переходную ступень к диктатуре пролетариата (то есть за диктатуру партии большевиков), меньшевики выступают за демократическую республику, которая создает условия легальной борьбы за социализм.

Меньшевистская конференция, оплошно уступив честь называть высший орган партии «Центральным комитетом» большевистскому съезду, выбрала свой собственный орган, назвав его «Организационной Комиссией». Конференция предлагала восстановить единство партии, но начать это снизу, с местных комитетов, а потом только восстановить единый центр партии. Плеханов, который отказался следовать приглашению участвовать на III съезде, теперь отошел и от меньшевиков. Он винил обе фракции в обострении раскола и начал издавать свой личный орган – «Дневник социал-демократа».

27 апреля (10 мая) 1905 года – в день окончания работы III съезда – состоялось заседание вновь избранного ЦК, на котором, как уже указывалось, были распределены обязанности между членами ЦК, а также утверждены пароль, шифр, клички для связей, обсуждены финансовые, транспортные и технические вопросы. Были намечены кандидаты в члены ЦК на случай ареста членов ЦК. ЦК решил, кроме того, направить в разные районы России своих представителей делать доклады об итогах III съезда и организовать в России группу партийных литераторов и пропагандистов.

Вскоре ЦК был разделен на две части, созданы два бюро ЦК: одно бюро ЦК – для работы за границей, другое бюро – для работы в России. Это второе бюро называлось «Русское бюро ЦК РСДРП» и находилось в Петербурге. В его первый состав входили А. Богданов, Д. Постоловский, Л. Красин и кооптированный в ЦК П. Румянцев. При «Русском бюро ЦК» был создан секретариат из трех человек для текущей работы, кроме того, была создана специальная агитационно-пропагандистская группа из 10-12 человек. Заграничное бюро во главе с Лениным было фактическим центром партии, хотя юридическим центром считалось «Русское бюро». Кроме общего руководства, Заграничное бюро ведало изданием и транспортировкой партийной литературы. Для этого оно имело хозяйственную комиссию, экспедицию, типографию и кассу («История КПСС», т. 2, стр. 66-64).

В ходе революции – 6 августа 1905 года – был издан царский манифест о созыве как законосовещательного органа – Государственной думы (названной булыгинской Думой по имени автора проекта – министра внутренних дел Булыгина). Выборы в Думу были ограниченными и неравными, многие слои населения вообще были лишены избирательного права. Но это был первый акт капитуляции самодержавия перед развивающейся революцией. ЦК большевиков выступил за бойкот этой Думы и за

подготовку вооруженного восстания.

Начавшееся в стране стачечное движение принимает все большие и большие размеры. Правительство старается покончить с ним применением вооруженных сил.

Знаменитый приказ генерал-губернатора Петербурга Трепова от 13 октября – «холостых залпов не давать, патронов не жалеть» – только еще больше накаляет атмосферу. К середине октября всеобщая политическая забастовка охватывает около двух миллионов рабочих, служащих, учащихся. Царь идет на неслыханные и, казалось, маловероятные уступки: он издает «Манифест 17 октября», согласно которому:

1) объявлялись все гражданские свободы – свобода совести, слова, собраний и союзов при неприкосновенности личности;

2) устанавливалось «как незыблемое право, никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий властей» (С. Ольденбург, Царствование Николая II, часть II, Белград, 1939, стр. 317).

Левые партии признали «Манифест» победой революции, хотя и не окончательной. Милюков на банкете вечером 17 октября говорил: «Да, это успех, и успех большой. Но ведь не первый. Это новый этап борьбы» («Роковые годы», «Русские записки», 1939).

Когда царь вместе с «Манифестом» дал России и нового либерального председателя Совета министров – графа Витте, – но оставил министром внутренних дел реакционера Трепова, Л. Троцкий писал в «Известиях» Совета рабочих депутатов:

«Дан Витте, но оставлен Трепов. Пролетариат не хочет ни полицейского хулигана Трепова, ни либерального маклера Витте, ни волчьей пасти, ни лисьего хвоста. Он не желает нагайки, завернутой в пергамент конституции» (С. Ольденбург, там же, стр. 318).

Ленин писал, что «уступка царя есть действительно величайшая победа революции, но эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. Царь далеко еще не капитулировал» и что надо «довести революцию до действительной и полной победы» (Ленин, ПСС, т. 12, стр. 27).

ЦК РСДРП выпустил воззвание «К русскому народу», в котором говорилось, что «народу нужны не бумажные обещания, а действительно надёжные гарантии: немедленное вооружение народа, снятие военного

положения, немедленный созыв Учредительного Собрания, отмена сословного строя, введение восьмичасового рабочего дня, немедленная и полная политическая амнистия заключенным» («История КПСС», т. 2, стр. 99).

13 октября возник Петербургский Совет рабочих депутатов. В середине ноября в нем было 562 депутатов от 147 заводов, фабрик, 34 мастерских и 16 профсоюзов («История КПСС», т. 2, стр. 117).

Как раз Октябрьская всеобщая забастовка и выборы в Совет показали, что популярность и влияние меньшевиков среди рабочих Петербурга и Москвы были куда больше, чем популярность большевиков. Председателем Петербургского Совета рабочих депутатов был избран меньшевик Г. С. Хрусталев-Носарь, который был арестован

26 ноября, а 27 ноября происходит новое заседание Совета, на котором председателем, в присутствии Ленина, избирается опять-таки меньшевик – Л. Д. Троцкий. Меньшевики, как и большевики, держат курс на вооруженное восстание. Официальный большевистский историк пишет, что на заседании Совета, которое собралось после ареста Хрусталева «с участием Ленина, Мартова и других решено было в ответ на новую правительственную провокацию продолжать мобилизацию сил и подготовку восстания». («История КПСС», т. 2, стр. 125).

Интересно отметить, что Русское бюро ЦК с самого начала возникновения Совета рабочих депутатов Петербурга потребовало от него принятия программы РСДРП, угрожая в противном случае уйти из Совета: «Совет рабочих депутатов или партия?», – требовали большевики в одной из статей. Недоверие к Совету официальный историк объясняет тем, что «руководство Советом сразу оказалось в руках меньшевиков» (там же, стр. 104).

Знающий свое дело Ленин поправил ЦК. Он ответил на поставленный вопрос: «решение безусловно должно быть и Совет рабочих депутатов и партия» (Ленин. ПСС, т. 12, стр. 61). Ленин еще тогда увидел в советах и орган восстания и зародыш новой власти.

В Совет и его исполнительный комитет официально вошли с совещательным голосом представители политических партий – меньшевиков, большевиков, эсеров и Бунда. ЦК РСДРП делегировал в состав Совета А. Богданова, Д. Постоловского, кроме того, туда был избран член ЦК Л. Красин, иногда ЦК представлял там сам Ленин («История КПСС», т. 2, стр. 117).

Как Ленин мыслит организационную структуру партии в условиях демократических свобод, в данном случае в условиях России после «Манифеста 17 октября»?

Вот теперь-то Ленин впервые выдвигает положение, ставшее потом руководящим принципом всех коммунистических партий, действующих в демократических странах. Положение это гласит: у партии должно быть два аппарата – один для работы легально, другой – для работы нелегально. На партийном языке это называется «сочетание легальной работы с нелегальной». Практически это означает вот что. Во главе партии и ее отдельных организаций находится по два комитета – один комитет легальный, его состав на каждом уровне известен всем, его члены сидят в парламенте, в профсоюзах, в местных самоуправлениях, в открытых партийных учреждениях, в редакциях партийной печати и т. д. Есть и другой, параллельный комитет каждого уровня, – его состав строго засекречен, его руководители мало известны, многие из них даже неизвестны как партийцы.

В статье «О реорганизации партии», написанной через месяц после издания «Манифеста 17 октября», Ленин видит задачу реорганизации в следующем: «Итак, задача стоит ясно: *сохранить пока конспиративный аппарат и развить новый, открытый»*. Но «новая ячейка должна быть менее строго оформленной, более "свободной", "lose", организацией» (Ленин, «О партийном строительстве», 1956, стр. 341). Что же касается руководящих кадров, «профессиональных революционеров», тут Ленин не отходит от своей доктрины ни на шаг, а подчеркивает «гигантское значение *преемственности* в деле партийного развития».

Глава 3
МЕНЬШЕВИСТСКО-БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ЦК

Ход революции в России опрокинул тактику Ленина и III съезда на изоляцию лидеров меньшевиков от рабочего и революционного движения. Он опрокинул также претензии большевиков на гегемонию в революции.

Не только меньшевистские, но и подавляющее большинство большевистских комитетов осуждали узкую, по существу сектантскую, линию III съезда и требовали восстановления единства партии снизу доверху. На местах уже проходило объединение комитетов партии. Организационная комиссия меньшевиков по-прежнему продолжала

проповедовать решение своей Женевской конференции о восстановлении единства РСДРП. Сам ЦК РСДРП в своем подавляющем большинстве стал на эту же точку зрения. Успехи меньшевиков как в организации забастовочного движения, так и в создании широких профессиональных союзов, а главное, решающая роль, которую сыграли меньшевики в создании Петербургского Совета, как и других, местных, советов (более 50) заставили Ленина впервые капитулировать перед меньшевиками, конечно, в расчете, что из этой капитуляции, в конечном счете, он выйдет победителем.

Официальный историк КПСС признает это, по существу, когда пишет:

«Раскол социал-демократии противоречит интересам революции. В период высшего ее подъема, начиная с октябрьских дней, единство действия снизу, прежде всего, социал-демократических рабочих, получило широкое распространение в массовых политических стачках, в совместной работе в Советах рабочих депутатов, профсоюзах и других организациях. Это убеждало рабочих в возможности и необходимости покончить с расколом в партии... Большевики во главе с Лениным поддержали это требование, считая, что со временем массы на собственном опыте убедятся в правильности их политики. В конечном итоге это и должно было привести к изоляции лидеров меньшевизма, завоеванию партийных масс большевиками» («История КПСС», т. 2, стр. 128-129).

Вместе с тем, Ленин в письме на имя ЦК категорически оговаривал: «Объединить две части – согласны. Спутать две части – никогда» (Ленин, ПСС, т. 47, стр. 80). Ленин требовал, чтобы происходили одновременно и в одном месте два съезда: один – большевиков, другой – меньшевиков с тем, чтобы они обсудили заранее заготовленные проекты объединения. Но Ленин хочет сохранить в этом объединении свою фракцию как органическое и автономное целое. Поэтому в том же письме ЦК он требует: «все усилия и помыслы направить к сплочению, к лучшей организации *нашей* части партии. Эта тактика кажется "эгоистической", но она единственно разумная» (там же). 20 ноября 1905 года в Петербурге собралась Вторая общероссийская конференция меньшевиков. Конференция отвергла идею Ленина о созыве двух параллельных съездов, а предложила слить ЦК РСДРП и ОК в один объединенный ЦК для созыва единого объединительного съезда. Она предложила также создать объединенный Центральный орган печати. Конференция сделала и примирительный жест по адресу большевиков, приняв ленинскую формулировку §1 Устава.

Вслед за меньшевистской конференцией состоялась и Всероссийская конференция большевиков в Таммерфорсе (Финляндия). Она проходила под председательством Ленина с 12 по 17 декабря. Конференция эта, по существу, приняла все те условия объединения, которые были выдвинуты меньшевистской конференцией. Ленин с опаской и без энтузиазма шел на объединение, но ЦК РСДРП, его докладчики на конференции Красин и Румянцев, делегаты местных комитетов доказывали, что объединение снизу становится фактом, и его надо санкционировать, пока это объединительное движение не пройдет мимо руководителей большевиков. Ленин только добился того, что в решении конференции было записано:

«В одно время и в одном месте должны собраться съезды обеих её частей и, договорившись между собою о порядке работы, слиться в один съезд на том условии, что каждая сторона получает по равному числу решающих голосов» («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 96).

Выборы на съезд сорвали и это условие Ленина, дав большинство решающих голосов меньшевикам.

Конференция объявила одновременно, что партия отныне будет строиться на принципах «демократического централизма» с широким выборным началом всех органов партии, которые сменяемы и подотчётны партии (там же, стр. 99). На этой же конференции Ленин впервые встретился со своим будущим преемником – И. Сталиным.

Такова была обстановка в партии, когда в конце декабря 1905 года ЦК большевиков и ОК меньшевиков слились и создали объединенный ЦК (от большевиков туда вошли Красин, И. Лалаянц и И. Саммер), который должен был созвать объединительный съезд.

7 февраля 1906 года в Петербурге был издан первый номер объединенного Центрального Органа партии – «Партийные известия». Редакция была составлена из шести человек – из трех большевиков (Ленин, Лунчарский, В. Базаров) и трех меньшевиков (Ф. Дан, Ю. Мартов, А. Мартынов).

Начались выборы на объединительный съезд. Если раньше эти выборы производились ограниченным кругом професиональных революционеров в лице членов комитетов, то теперь делегатов выбирали на демократической основе из расчета один делегат на 300 членов партии («История КПСС», т. 2, стр. 175). Новая выборная процедура показала, что из революции 1905 года меньшевики вышли более окрепшими, чем большевики. Она показала

одновременно и то, что широкая партийная масса осуждала фракционный фанатизм Ленина.

Когда 10 (23) апреля 1906 года в Стокгольме открылся IV Объединительный съезд, оказалось, что съезд в своем подавляющем большинстве является меньшевистским. Меньшевики имели на нем 62 голоса, большевики – лишь 46. На съезде присутствовало 112 делегатов с решающим голосом и 22 с совещательным, представлявших 62 организации РСДРП (на съезде присутствовали также представители национальных социал-демократических партий – Польши и Литвы, Латышского края, Бунда, Украины и Финляндии). Большинство программно-политических и тактических решений съезда было принято в духе меньшевизма.

Острые дебаты на съезде были по аграрному вопросу. Ленин отстаивал идею национализации земли. Докладчик от меньшевиков отстаивал идею муниципализации (передачи помещичьих земель земствам – муниципалитетам). Ленину возражали не только меньшевики, но и группа большевиков (Суворов, Базаров, Сталин и др.), которые стояли на точке зрения раздела помещичьей земли между крестьянами (их называли «разделистами»).

Особенно резко Ленину возражал на съезде Плеханов. Он говорил: «Проект Ленина тесно связан с утопией захвата власти революционерами...» («IV Объединительный съезд РСДРП».

Протоколы, стр. 60). Эту мысль Плеханов повторил и в другой речи: «Бланкизм или марксизм, – вот вопрос, который мы решаем сегодня. Тов. Ленин сам признал, что его аграрный проект тесно связан с его идеей захвата власти» (там же, стр. 139).

Плеханов обосновывал свое требование муниципализации следующим образом:

«Наша программа должна устранить экономическую основу царизма; национализация же земли в революционный период не устраняет этой основы... Ленин рассуждает так, как будто та республика, к которой он стремится, будучи установлена, сохранится на вечные времена... Иное дело муниципализация. В случае реставрации она не отдает земли в руки политических представителей старого порядка... Я повторяю вслед за Наполеоном: плох тот человек, который рассчитывает лишь на благоприятное стечение обстоятельств» (там же, стр. 61).

По данному вопросу выступил и Сталин на съезде под именем

"Иванович". Он выступил и против Плеханова, и против Ленина. Сталин сказал:

«Исходным пунктом нашей программы должно служить следующее положение: так как мы заключаем временный революционный союз с борющимся крестьянством, так как мы не можем, стало быть, не считаться с требованиями этого крестьянства, то мы должны поддержать эти требования.

Крестьяне требуют раздела; значит мы должны поддерживать полную конфискацию и раздел. С этой точки зрения и национализация и муниципализация одинаково неприемлемы» (там же, стр. 79).

Съезд принял программу муниципализации.

Накануне съезда, при обсуждении вопроса об отношении к Государственной думе, большевики, исходя из своей позиции активного бойкота думы (впоследствии Ленин признал эту позицию ошибочной – см. Ленин, ПСС, т. 41, стр. 18), выдвинули к съезду резолюцию, в которой говорилось, что «РСДРП должна решительно отказаться от участия в Государственной думе» («IV объединительный съезд...», стр. 488).

На самом съезде большевики, ввиду провала кампании бойкота, несколько изменили свою позицию. Большевики говорили теперь, что «социал-демократия должна использовать Государственную думу и столкновения ее с правительством или конфликты внутри нее», но одновременно большевики выступили против создания в Думе парламентской с.-д. фракции (там же, стр. 493). Съезд однако постановил создать такую фракцию из тех депутатов, которые были членами РСДРП. Тогда большевики внесли предложение, чтобы Центральному Комитету была дана точная «инструкция», обеспечивающая контроль партии над ее парламентской фракцией. В нем говорилось:

«ЦК сообщает всем организациям партии:

а) кого именно;

б) когда именно;

в) на каких именно условиях он назначил представителями партии в парламентской группе. ЦК периодически сообщает также всем организациям партии подробные отчеты о деятельности парламентской группы» (там же, стр. 535).

Съезд принял новый Устав партии, в основу которого был положен пресловутый «демократический централизм». Что сей принцип означает, ни

тогда, ни теперь никто толком не знал и не знает. Меньшевики делали ударение на слово «демократическое», а большевики на «централизме». Эта счастливая находка Ленина на время примирила непримиримое, давала каждой из сторон широкий диапазон интерпретации. Достаточно сказать, что Сталин, впоследствии, каждый раз, когда он предпринимал очередную меру по абсолютизации своей власти, неизменно ссылался на «демократический централизм».

Хрущев тоже, ликвидируя сталинскую централизацию, ссылался на этот же принцип. Люди, которые ликвидировали хрущевскую децентрализацию, опять-таки ссылались на тот же принцип.

На съезде разыгралась борьба о характере и взаимоотношении руководящих органов партии (моноцентрие или полицентрие). Докладчик по Уставу от меньшевиков говорил:

«Мы настаиваем на том, чтобы сам съезд выбирал отдельно и ЦК и редакцию ЦО. Товарищи большевики считали более целесообразным такой порядок: съезд выбирает ЦК, а уже ЦК назначает редакцию ЦО».

Докладчик от большевиков обосновывал свое требование так:

«При избрании редакции съездом получается старое двоецентрие. В конце концов, участие редакции в работах ЦК может стать постоянным. Но этого мало. В предлагаемой постановке вопроса о совместной работе ЦК и ЦО двоецентрие принимает характер троецентрия. В этом совместном совещании можно усмотреть черты старого Совета партии» (там же, стр. 461-463).

В конце концов, прошло предложение меньшевиков о двоецентрии, то есть съезд избрал отдельно ЦК и редакцию ЦО.

Ввиду предварительно состоявшегося соглашения между фракциями выборы в ЦК и ЦО прошли в несколько минут. В состав ЦК вошли семь меньшевиков (В. Розанов, Л. Гольдман, Л. Радченко, В. Крохмаль, Б. Бахметьев, П. Колокольников и Л. Хинчук) и 3 большевика (В. Десницкий-Сосновский, Л. Красин, А. Рыков, которого потом, после ареста, заменил А. Богданов).

Потом в ЦК были введены и представители с.-д. Польши и Литвы А. Барский и Ф. Дзержинский (будущий глава Чека), от латышей – К. Данишевский, от Бунда – Р. Абрамович и А. Крамер. В состав редакции ЦО «Социал-демократ» вошли одни меньшевики: Мартов, Мартынов, Маслов, Дан, Потресов (там же, стр. 639, см. также «История КПСС», т. 2, стр. 191).

Вскоре с.-д. Польши и Литвы, Латышского края, а также Бунд вошли в состав РСДРП как территориальные организации.

После съезда Ленин выпустил «Обращение к

партии делегатов Объединительного съезда, принадлежавших к бывшей фракции "большевиков"».

В этом «Обращении» Ленин подверг развернутой критике все главные решения или упущения съезда. Он писал:

«Против тех решений съезда, которые мы считаем ошибочными, мы должны и будем идейно бороться. Но при этом мы заявляем перед всей партией, что мы – против всякого раскола. Мы стоим за подчинение решениям съезда. Отрицая бойкот ЦК и ценя совместную работу, мы согласились на вступление в ЦК наших единомышленников, хотя они будут в ничтожном меньшинстве» (Ленин, ПСС, т. 12, стр. 399).

Словом, с одной стороны, мы будем бороться против решений съезда, с другой стороны, мы будем им подчиняться. Такая «диалектическая» постановка вопроса позволяла не только бойкотировать ЦК, но и всю его текущую практическую работу, основанную на «ошибочных решениях» съезда. Вместе с тем, Ленин оговаривал за собою права, которые вытекали из решения съезда в пользу оппозиции меньшинства. Он писал:

«Мы все сошлись на принципе демократического централизма, на обеспечении прав всякого меньшинства и всякой лояльной оппозиции, на автономии каждой партийной организации, на признании выборности, подотчетности и сменяемости всех должностных лиц партий. В соблюдении на деле этих принципов организации, в их искреннем и последовательном осуществлении мы видим гарантию от расколов, гарантию того, что идейная борьба в партии может и должна оказаться вполне совместимой со строгим организационным единством, с подчинением всех решениям общего съезда» (там же, стр. 399-400).

Вот, пользуясь всеми этими привилегиями оппозиции меньшинства (которых, однако, он никогда не признавал за своими противниками), Ленин развернул между IV и V съездом большую и эффективную деятельность по противопоставлению партийной членской массы и местных партийных комитетов меньшевистскому ЦК. Первым практическим шагом на этом пути было создание собственной большевистской газеты «Пролетарий» (август 1906 г.). Поскольку Устав партии допускал только один Центральный Орган, то большевики назвали газету органом Петербургского и Московского

комитетов. Редакция газеты «Пролетарий» стала фактически большевистским Центральным Комитетом.

Большевики считали, что революция еще не закончилась, она только потерпела временное поражение. Поэтому тактика должна быть рассчитана не на участие в думской работе, а на подготовку нового всероссийского вооруженного восстания. Особое значение большевики придавали в этой связи работе военных и боевых организаций партии. Около 50 комитетов партии имели специальные военные организации и группы, которые назывались «военки» (сокращение слов «Военные комиссии»).

Значительные успехи по работе среди военных имели два большевистских комитета – Петербургский комитет (издавал солдатскую газету «Казарма») и Московский комитет (издавал газету «Солдатская жизнь») («История КПСС», т. 2, стр. 196). Когда царь 8 июля 1906 года разогнал первую Государственную думу за ее желание обсудить аграрный вопрос в пользу крестьянства, большевистские члены ЦК предложили ЦК обратиться к рабочим и ответить на роспуск Думы всеобщим вооруженным восстанием. ЦК отклонил это требование, но решил участвовать вместе с другими левыми партиями Думы, в том числе и с кадетами, в составлении так называемого «Выборгского Манифеста». Манифест призывал оказать правительству пассивное сопротивление: отказаться платить налоги, не давать рекрутов, не признавать царских займов (там же, стр. 204).

Ленин однако продолжает держать курс на вооруженное востание. В статье «Роспуск Думы и задачи пролетариата» он требует создания, наряду с Советами, специальных «военных организаций», чтобы руководить восстанием. Он говорит:

«Эти организации должны иметь своей ячейкой очень мелкие, вольные союзы, десятки, пятерки и, даже, может быть, тройки. Надо проповедовать самым усиленным образом, что близится бой, когда *всякий* честный гражданин обязан жертвовать собой... Эти союзы должны быть и партийные и беспартийные, связанные одной непосредственной революционной задачей: восстанием против правительства... Вольные боевые союзы, союзы дружинников принесут гигантскую пользу в момент взрыва. Дружина умеющих стрелять обезоружит городового, нападет внезапно на патруль, добудет себе оружие. Дружина не умеющих стрелять поможет строить баррикады, делать разведки, организовать сношения, устроить засаду врагу, поджечь здание, занять квартиры, которые могут стать базой для

повстанцев» (Ленин, ПСС, Т. *13,* стр. 322-323).

Любой ценой, в любом месте и любыми средствами дискредитировать политику общего ЦК, – такова партийная тактика Ленина. ЦК наперед может быть уверен, что любая намеченная им акция, даже вполне в большевистском духе, будет раскритикована большевиками. Так, например, когда ЦК в ответ на роспуск Думы призвал рабочих к протесту путем стачки-демонстрации, то Ленин ответил:

«Они (стачки-демонстрации) обессилили бы без всякой пользы пролетариат, они помогли бы поупражнять полицейских и солдат над безоружными, хватая и расстреливая их» (там же, стр. 315), но тот же Ленин в той же статье предлагал: «усиленно использовать именно роспуск Думы, как повод к концентрированной агитации с призывом к всенародному восстанию» (там же, стр. 318).

Весь свой большой политический талант Ленин направил не против правительства или даже не против столь ненавистной ему либеральной буржуазии, а против собственного ЦК. Ленин не ограничивается одними писаниями. Через хорошо организованную сеть агентов большевистского центра в лице «Пролетария» Ленин развертывает в местных комитетах кампанию за недоверие ЦК и за созыв нового съезда партии. Кампания начинает иметь успех. На большевистский Петербургский комитет Ленин возлагает обязанности легального центра в этой кампании. Петербургский комитет выпускает воззвание, в котором пишет:

«Во главе партии стоит Центральный Комитет, представляющий только одну из фракций (бывшее меньшинство) и последними своими действиями ясно показавший, что он разошелся с мнениями и волей большинства партии» («Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905-1907 гг.», ч. *3,* стр. 79). Петербургский комитет требовал созыва нового съезда, чтобы избрать новый ЦК. К этому требованию скоро присоединились партийные организации: московская, уральская, нижегородская, минская, областное бюро с.-д. организаций Центральной России, конференция волжских окружных организаций, Главное Управление Социал-демократии Польши и Литвы, ЦК с.-д. Латышского Края и др. («История КПСС», т. 2, стр. 208).

Когда все попытки поднять новое всероссийское восстание оказались тщетными, а Государственная дума начала завоевывать все большую и большую популярность среди широких слоев населения, большевики

отказались от тактики бойкота Думы. Они решили участвовать в выборах второй Думы, заключая избирательные блоки на высшем уровне только с трудовиками и эсерами («партии мелкобуржуазной демократии», по терминологии большевиков). ЦК партии допускал возможность избирательного блока и с партией конституционных демократов («кадеты»), которая состояла преимущественно из представителей русской либеральной интеллигенции (профессура, адвокатура, врачи, литераторы, либеральные предприниматели). Эта партия, все еще не будучи республиканской, резко выступала против абсолютизма за парламентскую демократию типа английской. Заключая блок с кадетами, ЦК РСДРП предупреждал победу правых партий – октябристов («Союз 17 октября» – так называла себя эта партия, подчеркивая тем самым, что ее идеал и программа – это «Манифест 17 октября» 1905 г.) и откровенных монархистов-абсолютистов, для которых сам «Манифест 17 октября» был неприемлем как слишком революционный документ.

Спор между большевиками и меньшевиками решила новая всероссийская конференция партии в ноябре 1906 года в Таммерфорсе. Конференция признала допустимость блока с кадетами и отвергла экстремистские требования большевиков. В тех комитетах, где тон задавали большевики, продолжали бойкотировать блок с кадетами. Так было в Петербурге, где с.-д. комитет отказался признать решение конференции в Таммерфорсе; Петербургская организация вновь раскололась на меньшевиков и большевиков. Прямым результатом этого явилась неожиданно большая победа здесь партии эсеров, партии по существу крестьянской, а не рабочей.

Общие результаты выборов во вторую Думу (открылась 20 февраля 1907 г.) подтвердили правильность избирательной тактики променьшевистского ЦК – если в первой Думе было лишь 18 социал-демократов, то во вторую Думу РСДРП провела 65 социал-демократических депутатов, из которых большевиков оказалось только 15 человек («История КПСС», т. 2, стр. 211), а сама Дума оказалась более левой, чем разогнанная царем за «левизну» первая Дума. Большевики продолжали в Думе ту тактику, которую они объявили заранее – использование думской легальной трибуны для проповеди лозунгов революции.

Всякие старания большинства с.-д. фракции (председателем ее был меньшевик Церетели) внести на обсуждение Думы конструктивные пред-

ложения для удовлетворения насущных социальных нужд народа встречали решительное сопротивление ее большевистского меньшинства. Для Ленина и его сторонников речь шла не об удовлетворении нужд народа, а об их использовании в целях развязки новых восстаний. Удовлетворенная нужда переставала быть аргументом в пользу революции. Поэтому ничто не было так вредно для революции, как успешное конструктивное социальное законодательство Думы. Вот почему теперь Ленин сосредоточивает все внимание партии на критике законотворческой работы ее думской фракции. Это одновременно служит базой и для критики самого ЦК. «Критика деятельности Думской фракции сливалась с критикой меньшевистского ЦК и служила одним из новых аргументов в пользу экстренного созыва съезда партии» – пишет официальный историк (там же, стр. 214).

Хорошо и широко организованная кампания большевиков против «оппортунизма» ЦК дает свои плоды. Крупнейшие партийные организации во главе с Петербургом и Москвой голосуют за ленинскую «платформу революционной социал-демократии» (так называлась статья Ленина, в которой обосновывались резолюции большевиков к V съезду).

V съезд открылся в Лондоне и работал в помещении церкви Братства Саутгейт-Род (собственность фабианцев), с 30 апреля по 19 мая (13 мая-1 июня) 1907 года. На этом съезде присутствовало 303 делегата с решающим голосом и 39 – с совещательным от 150 тысяч членов партии из 145 парторганизаций. Делегатов с решающим голосом от РСДРП было 177 человек, среди которых большевиков было 89 человек, а меньшевиков – 88, остальные делегаты – 45 человек от Польши и Литвы, 26 – от латышей и 55 от Бунда – («Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы», стр. 621-631). Среди делегатов большевиков с решающим голосом были: Ленин, А. С. Бубнов, К. Е. Ворошилов, С. Г. Шаумян, М. Н. Покровский, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, среди делегатов с совещательным голосом был И. В. Сталин. Польско-литовскую делегацию возглавляли знаменитая Роза Люксембург (она одновременно выступала и как представитель германской социал-демократии), Ян Тишка, Юлиан Мархлевский. Л. Д. Троцкий присутствовал как внефракционный социал-демократ. От меньшевиков присутствовали: Г. В. Плеханов, Ю. Мартов, Б. Аксельрод, А. И. Мартынов, Н. Жордания и др. Максим Горький присутствовал, как «околопартийный» большевик. Повестка дня съезда была весьма широкой – отчет ЦК; отчет думской фракции; отношение к буржуазным партиям; Гос. Дума; «рабочий съезд»;

профсоюзы и партия; партизанские выступления; работа в армии; организационные вопросы.

С отчетным докладом от ЦК выступил Мартов, а с докладом от большевиков – Богданов. Но по существу содокладом от большевиков была речь Ленина. Ленин обвинил ЦК, что он отошел от самостоятельной политики пролетариата и все больше делал концессии либеральной буржуазии, вел оппортунистическую политику соглашательства с ней. Ленин сделал вывод:

«Банкротство нашего ЦК было прежде всего и больше всего банкротством этой политики оппортунизма» (Ленин, ПСС, т. 15, стр. 321).

Исходя из такой оценки работы ЦК, большевики предложили съезду принять следующую резолюцию по отчетному докладу ЦК:

Рассмотрев деятельность ЦК за истекший год, съезд признает:

1. ЦК отступил от постановлений Объединительного съезда, что выразилось:

а) в провозглашении лозунга ответственного министерства и борьбы за Думу, как орган власти;

б) в попытках отказаться от требования конфискации земли без выкупа и заменить его требованием отчуждения земли (отчуждение земли было требованием буржуазной кадетской партии);

в) в тактике соглашения с контрреволюционной либерально-монархической буржуазией во время избирательной кампании;

г*)* в тактике соглашения с той же буржуазией в Гос. Думе и в отказе от углубления конфликтов в Думе и вне Думы.

2. По существу деятельность ЦК не соответствовала классовым интересам пролетариата, что выразилось:

а) в перечисленных выше отступлениях от постановлений Объединительного съезда...;

б) в недостаточной отзывчивости ЦК на важнейшие проявления пролетарской борьбы;

в) в том, что в своей практической, организационной, осведомительной и иной деятельности ЦК не было высшим практическим центром партии, а лишь представителем одной ее части, меньшинства партии («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 156-157).

Разыгравшимся горячим дебатам вокруг этой резолюции положило конец предложение Бунда и латышей, поддержанное «центром» Троцкого,

которое гласило:

«Съезд, выслушав отчет ЦК, переходит через все резолюции к очередным делам» («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 163). Эта резолюция была принята большинством 143 против 91 голоса и при 48 воздержавшихся. С меньшевиками голосовали Бунд и латыши, а поляки воздержались.

Зато по другому, для них столь же важному вопросу о Думе – большевики одержали полную победу.

Съезд принял резолюцию большевиков «О государственной Думе». В ней говорилось:

«1. Непосредственными политическими задачами социал-демократии в Думе являются:

а) выяснение народу полной непригодности Думы, как средства осуществления требования пролетариата и крестьянства;

б) выяснение народу невозможности осуществлять политическую свободу парламентским путем, и выяснение неизбежности открытой борьбы народных масс с вооруженной силой абсолютизма – переход власти в руки народных масс и созыв Учредительного Собрания.

2. На первый план должна быть выдвинута критическая, пропагандная, агитационная и организационная роль социал-демократической думской фракции, *как одной* из *наших партийных организаций.* Именно этим, а не непосредственно законодательным целям должны служить и законопроекты, вносимые с.-д. фракцией, Общий характер думской борьбы должен быть подчинен всей внедумской борьбе пролетариата» («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 161).

Парламент как трибуна проповеди революции, работа в парламенте как работа для взрыва всей государственной машины, а парламентская фракция партии как партийная организация, а не как народное представительство – такова концепция большевизма об отношении партии к парламенту.

Эту концепцию Ленин возвел после революции 1917 года на степень неизменной догмы.

Очень ярко об этой миссии коммунистических фракций в парламентах говорит резолюция II Конгресса Коминтерна в 1920 году в следующих словах, написанных Лениным:

«Коммунизм отрицает парламентаризм как форму будущего общества; он отрицает возможность длительного завоевания парламентов: он ставит

своей целью *разрушение* парламентаризма. *Поэтому речь может идти лишь об использовании буржуазных государственных учреждений с целью их разрушения»* (Ленин, Соч., т. XXV, стр. 581).

XX съезд КПСС (1956), не объявляя формально эту резолюцию устаревшей, все же внес в нее то дополнение, что ко власти коммунисты могут прийти не только через восстание, но и через завоевание парламентского большинства как предпосылки коммунистической революции.

Глава 4

БОЛЬШЕВИСТСКО-МЕНЬШЕВИСТСКИЙ ЦК

На V съезде Ленин вновь восторжествовал по весьма существенному для него организационному вопросу. Полицентрие партии (Совет партии, ЦК и ЦО), провозглашенное на II съезде партии, ликвидированное на III большевистском съезде, восстановленное как двоецентрие на IV Объединительном съезде (ЦК и ЦО), теперь окончательно исчезло. Устав был изменен. ЦК опять сделался единственным верховным органом партии между съездами, а редакция ЦО назначалась ЦК и должна была работать под его контролем. Принцип кооптации был отменен. Отныне выбывших членов ЦК должны были замещать кандидаты, избранные на съезде.

Съезд отверг идею о созыве беспартийного «рабочего съезда» (Аксельрод, Ларин), которая способна привести «к замене социал-демократии беспартийными рабочими организациями» («КПСС в резолюциях», ч. 1, стр. 165), осудил партизанские выступления и грабежи («экспроприации» или «эксы»), которые практиковались большевиками (стр. 169), и призвал партию установить свое идейное руководство над профсоюзами (стр. 170).

Съезд поручил ЦК интенсивировать работу в армии, созвать конференцию военных организаций (стр. 170). Был выбран ЦК, куда вошли пять большевиков (И. П. Гольдман, И. Ф. Дубровинский, Н. А. Рожков, И. А. Теодорович, В. П. Ногин), четыре меньшевика (А. С. Мартынов, Н. Н. Жордания, И. А. Исув, Никифор), два поляка (А. С. Барский и Ф. Э. Дзержинский) и один латыш (К. Х. Данишевский). Еще трех членов должны были делегировать Бунд и латыши («История КПСС», т. 2, стр. 226).

Хотя он и имел формальное большинство в новом ЦК, Ленин все-таки не доверял ему. Тем более, что среди самих большевистских членов ЦК

преобладали «примиренцы» (Дубровинский, Ногин, Рожков), один из которых (Рожков) потом вообще перешел к меньшевикам. Ленин решил окружить официальный центр партии – ЦК – нелегальным центром большевиков. В конце съезда Ленин созвал частное совещание большевистских делегатов и создал «Большевистский центр». Кроме членов ЦК, туда были избраны: Красин, Покровский, Лейтезен, Шанцер, Таратута, Зиновьев, Каменев, Рыков. Центр возглавлял сам Ленин (там же, стр. 227).

Это лишний раз доказывало, как мало Ленин верил в органическое единение с меньшевистскими лидерами. Основная идея Ленина была вполне здравой – из идейно разношерстного и организационно рыхлого центра нельзя было руководить революцией. Волевой, жертвенный, послушный и идейно монолитный центр – вот чего Ленин добивался. Он мало верил, что таким может стать даже пробольшевистский ЦК V съезда. Поэтому и нужен был легально-нелегальный «Большевистский центр».

С 3 июня 1907 года начинается новый этап в истории революционной России – в этот день царь распустил II Государственную думу, арестовал социал-демократическую фракцию и, без согласия Думы (значит, нарушая «Манифест 17 октября»), издал новый избирательный закон, обеспечивающий в новой, III Думе правое большинство. Этот акт царя принято называть «третьеиюньским государственным переворотом». Юридически акт царя означал лишь легализацию фактического положения – первая русская революция кончилась, царское самодержавие от обороны перешло в наступление, началась эпоха реакции. Эта эпоха связана с именем председателя Совета министров П. А. Столыпина.

У Столыпина была собственная, довольно стройная и вполне логичная концепция о причинах революции и о средствах ее преодоления. Две идеи лежали в основе этой концепции – революционный террор должен быть подавлен беспощадно (практика военно-полевых судов), но и социальные причины, вызывающие революцию, должны быть ликвидированы: в основном, надо благоустроить крестьянина, превратив его из общинника в частного собственника (аграрные реформы Столыпина).

В осуществлении первой идеи Столыпин хорошо преуспевал. По советским, несомненно преувеличенным, данным, с 1907 по 1909 год было осуждено по политическим делам более 26 тысяч человек, в тюрьмах находилось 170 тысяч человек, к смертной казни было приговорено 5086 человек («История КПСС», т. 2, стр. 239). Однако при осуществлении второй

идеи – выделить крестьянина из общины, сделать его частным собственником, достаточно обеспеченным землею (отруба, хутора или земли на окраинах России) Столыпин встретил одинаково упорное сопротивление и справа (реакционные помещики) и слева (эсеры и большевики).

Успех Столыпина в деле разрешения аграрного вопроса означал бы только одно: Столыпин окончательно убил бы русскую революцию, отняв у революции ее главного участника – крестьянство. Крестьянин, обеспеченный собственник земли, стал бы консерватором, антиреволюционером. Тогда рушилась и вся доктрина революции Ленина, основанная на «союзе пролетариата и крестьянства» в борьбе за власть.

Ленин это и имел в виду, когда писал: «Я признаю, что политика Столыпина делает еще шаг вперед по «прусскому» пути (мирное разрешение аграрного вопроса. – А. А.) и что на этом пути на известной ступени может наступить диалектический перелом, снимающий с очереди все надежды и виды на 'американский' (т. е. революционный. – А. А.) путь. Но я утверждаю, что сейчас этот перелом еще не наступил». «У нас еще идет борьба. Еще не победил один из двух аграрных путей» (Ленин, Собр. соч., т. XX, дополнительный, ч. 1, изд. 1-е, стр. 313 и 317; см. также М. Н.

Покровский, «Русская история в самом сжатом очерке», Партиздат, 1933, стр. 463-472).

Третья Дума, избранная на основе нового избирательного закона, оказалась явно правой – правые монархисты составляли 40% депутатов Думы, октябристы – 25%, кадеты – 23%, левые – 7%. Социал-демократическая фракция состояла из 19 депутатов вместо 65 во II Думе. Большевиков-депутатов было четыре (Полетаев, Захаров, Сурков и Косоротов).

Начавшаяся волна арестов привела к разгрому многих социал-демократических организаций и их комитетов. Большинство лидеров РСДРП спаслось бегством за границу. В декабре Ленин бежал из Финляндии через Швецию в Швейцарию и обосновался в Женеве. К концу 1908 года за границу эмигрировало около 900 социал-демократов («История КПСС», т. 2, стр. 248). Руководящим центром партии в России было Русское бюро ЦК, куда входили большевики Дубровинский, Гольденберг и Ногин и меньшевики Жордания и Н. Рамишвили (кандидат). Газета «Пролетарий» (1906-1909) по-прежнему продолжала играть роль фактического ЦО Большевистского центра. Кроме того, выходил и официальный орган ЦК «Социал-демократ», первый номер которого вышел в России, но со второго номера он начал

выходить за границей (1909-1917). Хотя «Социал-демократ» считался общим органом, тон в нем задавали Ленин и большевики.

Годы 1908-1909 были годами весьма глубокого идейного и организационного кризиса в руководстве РСДРП. На этот раз раскол происходил уже среди «раскольников» – внутри исторически сложившихся фракций – большевиков и меньшевиков. Кризис был вызван тем, что на главный вопрос времени – как партия должна работать в условиях упадка революции, в условиях думской, «парламентской» России – партийные деятели давали разные ответы как во фракции большевиков, так и во фракции меньшевиков. Среди меньшевиков начало господствовать то течение, которое стояло за приспособление партии к легальным условиям думской России, за создание легальной широкой рабочей партии и отказ от старой, конспиративной организации партии. Это было первое, наиболее влиятельное течение (Аксельрод, Дан, Мартов). Второе течение *среди* меньшевиков стояло за сохранение подпольной партии. Оно было численно слабее и возглавлялось Плехановым. Первое течение Ленин назвал «ликвидаторским» (оно хочет, якобы, «ликвидировать» партию) и объявил ему самую беспощадную войну. Сторонников второго течения Ленин назвал «меньшевиками-партийцами» и предложил им союз в борьбе с ликвидаторами.

Во фракции большевиков тоже появилось несколько групп – «отзовисты», «ультиматисты» и так называемые «богоискатели», которые потом объединились в одну литературно-идейную группу «Вперед». По своей политической физиономии «отзовисты» представляли собой крайне левое крыло большевизма, ортодоксальный и последовательный большевизм. Это течение возникло в марте-апреле 1908 года в Москве при обсуждении работы с.-д. фракции в III Думе. В мае того же года состоялась московская партийная конференция, на которой 14 делегатов из 32 внесли резолюцию, требующую, чтобы с.-д. депутаты сложили свои мандаты, «чтобы подчеркнуть как истинный характер самой Думы, так и революционную тактику РСДРП» (Ленин, Собр. соч. т. XIV, стр. 499). Если же с.-д. депутаты не выйдут из Думы добровольно, то тогда просто отозвать их оттуда («отзовисты») или предъявить им ультиматум о подчинении решениям партии («ультиматисты»).

Официальный комментатор сочинений Ленина замечает:

«Отзовистское течение пустило глубокие корни не только в Москве: в

духе отзовизма были приняты резолюции – Петербургским, Иваново-Вознесенским и др. комитетами», (там же, стр. 499).

Московских отзовистов возглавлял Станислав Вольский. Лидерами ультиматистов выступали Г. Алексинский и А. Богданов. Алексинский говорил, что с.-д. в Думе надо поставить «два ультимативных вопроса: 1) о безусловном подчинении партии и ЦК, 2) о внедумской работе» (там же, стр. 500).

Отзовисты обвиняли Ленина в измене большевизму, в переходе на идейные позиции меньшевизма. На партийной конференции лидер меньшевиков Дан по этому поводу не без удивления заметил: «Кто же не знает, что Ленин обвиняется в меньшевизме» или, как заявил другой социал-демократ, «Ленин ведет право-бундовскую линию» (Ленин, ПСС, т. 19, стр. 13, 15).

Ленин назвал отзовистов «ликвидаторами наизнанку» или «ликвидаторами слева» и повел против них широкую кампанию как в партийной печати, так и на собраниях. Против этих левых большевиков Ленин даже заключил блок с левыми меньшевиками – с группой Плеханова. Когда требовали интересы дела, Ленин делал самые резкие повороты в тактике.

В описываемый период структура ЦК и его вспомогательных органов выглядела так. Из общего состава ЦК был выделен так называемый «Узкий состав ЦК» из пяти человек с правами ЦК (состав: 1 большевик, 1 меньшевик, 1 латыш, 1 поляк и один бундовец). «Узкий состав ЦК» должен был находиться в России. За границей находились три бюро ЦК и ряд комиссий ЦК. Было общее бюро ЦК, которое выполняло роль связующего и информационного центра. Это бюро, возглавляемое заграничным членом ЦК, считалось подчиненным органом «Узкого состава ЦК».

Было создано еще другое бюро, которое называлось «Заграничное Центральное бюро ЦК», из 10 человек, во главе которого стоял член ЦК с правом вето. Заграничное Центральное бюро считалось координационно-связывающим органом заграничных с.-д. организаций. Оно было вправе выносить обязывающие заграничные организации решения, если представитель ЦК не накладывал своего вето. Заграничное Центральное бюро тоже подчинялось «Узкому составу ЦК».

При ЦК существовало и военное бюро, в задачу которого входило развертывание нелегальной работы в армии и флоте (организация ячеек, составление и распространение листовок и т. д.). При ЦК были созданы

разные комиссии: «Комиссия по профсоюзному и кооперативному движению», «Культурно-просветительная комиссия по работе среди пролетариата», «Листковая комиссия» (для составления листков, воззваний, прокламаций, памфлетов по злободневным вопросам). Специальным лицам была поручена работа среди молодежи, особенно среди студенчества. Партия обязывала своих членов возглавлять борьбу студентов и профессоров за университетскую автономию. Все подсобные органы возглавлялись членами ЦК, подотчётными «Узкому составу», но для участия в их работе привлекался весь партийный актив. Был создан общий ЦО партии – «Социал-демократ» (одновременно сохранялся и большевистский орган «Пролетарий», редакция: Ленин, Зиновьев, Каменев, Дубровинский).

В деле уточнения функций как ЦК в целом, так и его подсобных органов в отдельности, важное значение имел августовский пленум ЦК 1908 года. Пленум указал, что вся полнота власти остается за пленарным заседанием коллегии; оно созывается один раз в три месяца, экстренное – по требованию 6 членов коллегии или по требованию большинства «Узкого состава ЦК», работающего в России. Заседание пленума ЦК считается законным, если собралось 8 человек.

В промежутках между пленарными заседаниями всю текущую работу в России ведет «Узкий состав ЦК». По инициативе «Узкого состава ЦК» вопросы, не терпящие отлагательства, могут быть разрешены путем опроса всех членов коллегии ЦК. Тактические вопросы общего характера «Узкий состав ЦК» решает *в* случае крайней спешки, если нет такого положения, то откладывает их решение до созыва пленума. Руководство Думской фракцией с.-д. поручается «Узкому составу ЦК». В резолюции пленума прямо сказано: что с.-д. фракция в Думе «является одним из служебных органов, подчиненных партии и ее ЦК» («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 198) и что «ЦК ввиду его ответственности перед партией за работу фракции должен без колебания применять свое право вето на постановление фракции во всех тех случаях, когда эти последние грозят принести партии вред» (там же, стр. 201).

Вообще «Узкий состав ЦК» действует от имени ЦК в целом и выступает так же как «ЦК РСДРП», облаченный всеми его правами. Через короткие промежутки времени «Узкий состав ЦК» представляет письменные сообщения о своей деятельности в Бюро за границей для информации.

О Заграничном бюро ЦК в резолюции пленума сказано, что это бюро «является представителем интересов ЦК за границей» (не смешивать с За-

граничным, Эмигрантским бюро ЦК).

Практически ЦК – это русская пятёрка, работающая в России («КПСС в резолюциях», ч. 1, стр, 188-189). Ленина это вполне устраивало, так как из пяти членов «Узкого состава ЦК» он имел на

своей стороне большинство в три человека (1 большевик, 1 поляк, 1 латыш), против двух (1 меньшевик и 1 бундовец).

Дальнейшим шагом по укреплению позиций Ленина в ЦК явилась V Всероссийская конференция партии. Она состоялась с 21 по 27 декабря (3-9 января 1909 г.) в Париже. На ней присутствовало 16 делегатов: от большевиков-ленинцев – Ленин, Зиновьев, Таратута (все от ЦК), член Думы Полетаев; от большевиков-отзовистов – Богданов (Максимов) и Денисов; от большевиков-ультиматистов – Ст. Вольский и Лядов; от меньшевиков-ликвидаторов – Аксельрод, Дан, Рамишвили (член ЦК) и др. («История КПСС», т. 2, стр. 259-260). Присутствовали также представители «национальных» с.-д.

Господствующим течением на конференции было ленинское. Это и обеспечило принятие тактических решений в духе ленинского большевизма. Подводя итоги конференции, Ленин писал:

«Год развала, год идейно-политического разброда, год партийного бездорожья лежит позади нас... Кризис был, несомненно, не только организационный, но и идейно-политический».

Выход из этого кризиса указали решения конференции, утвержденные ЦК. Их сущность, по Ленину, заключалась в следующем:

«Новые условия момента требуют новых форм; использование думской трибуны представляется безусловной необходимостью; длительная работа по воспитанию и организации масс выдвигается на первый план; сочетание нелегальной и легальной организации выдвигает перед партией особые задачи».

Несмотря на тяжесть кризиса, когда от 150-тысячной партии уцелело едва два десятка тысяч социал-демократов в России, Ленин все же был настроен оптимически. Да, русский народ он называл «нацией рабов», но русский пролетариат ценил высоко. В цитированной статье он писал:

«Русский пролетариат может гордиться тем, что в 1905 году под его руководством нация рабов превратилась впервые в нападающую на царизм рать миллионов, в армию революции. И тот же пролетариат сумеет теперь выполнить работу воспитания и подготовки новых кадров более могучей

революционной силы» (Ленин, ПСС, т. 17, стр. 354, 360, 361).

Конференция осудила «ликвидаторов» (но обошла молчанием «отзовистов»), поручила ЦК «продолжать охранение целости и единства партии» и констатировала, что «вполне успешная работа ЦК возможна только в том случае, если меньшинство его (ЦК) будет подчиняться партийной дисциплине, лояльно работать в рамках одного учреждения» («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 195).

Конференция одобрила решение ЦК о создании в России «сокращенного состава» («узкого состава») ЦК с правами пленарного состава ЦК, но указала одновременно, что «принципиально-тактические вопросы», по возможности, должны рассматриваться на пленуме ЦК. Было также санкционировано решение о создании Заграничного бюро ЦК («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 204-205).

Тем временем, фракционная борьба между лидерами большевиков и меньшевиков продолжалась, принимая порою весьма острые формы. Положение Ленина осложнялось еще и тем, что в его собственной фракции образовалась подфракция, которая хотела стать левее самого Ленина («впередовцы»). Угрожающее положение с двух сторон заставляло Ленина прибегать к компромиссам, которые б глубине души он презирал и от которых он собирался отказаться при первой же возможности. Для него было важно проглотить меньшевистскую фракцию со всеми её комитетами, но без её лидеров. Ленин никогда не верил в их большевистское перерождение. Он хотел добиться также полной капитуляции «левых».

Тем временем объединительное движение на низах партии все больше и больше разрасталось. Поскольку и пробольшевистский ЦК выступил за действительное объединение, то Ленину приходилось лавировать очень осторожно. В январе 1910 года в Париже при посредничестве внефракционной группы Л. Троцкого, издававшей в Вене газету «Правда», и Бунда был созван так называемый «Объединительный пленум ЦК». На пленуме ЦК присутствовали: от большевиков – Ленин, Зиновьев, Каменев, Дубровинский, Ногин и Гольденберг; от меньшевиков-ликвидаторов – Мартов, Мартынов, Жордания, Рамишвили, Горев; от «впередовцев» – Богданов и Шанцер; от польских с.-д. – Тышка и Барский; от бундовцев – Койген и Айзенштадт; от латышских с.-д. – Озолин (Либавский); от венской «Правды» –

Троцкий. Плеханов не явился («История КПСС», т. 2, стр. 298).

Ленин был против созыва пленума, но активной борьбы против него не

вел, тем более, что он мало верил в его успех. Важнейшие решения пленума свелись к следующему:

1) избрать редакцию нового ЦО из пяти лиц (от большевиков – Ленин и Зиновьев, от меньшевиков – Мартов и Дан плюс поляк Барский, сочувствовавший большевикам);

2) прекратить издание большевистского «Пролетария» и меньшевистского «Голос социал-демократа» ;

3) распустить Большевистский центр;

4) избрать русскую коллегию ЦК из семи человек в составе двух большевиков (Ногин и Гольденберг), двух меньшевиков (не названы), плюс Мартынов, член Бунда Абрамович (Рейн) и латыш Либавский;

5) реорганизовать Заграничное бюро ЦК в составе пяти человек (от большевиков – Любимов,
потом Семашко, от меньшевиков – Горев);

6) передать из большевистской кассы в общепартийную кассу деньги в сумме 500 тысяч (эти деньги хранились у лидеров немецкой социал-демократии Каутского, Ф. Меринга и Клары Цеткин);

7) субсидировать газету Троцкого «Правда», признать её партийным органом, ввести в состав её редакции одного члена ЦК (Каменева);

8) зарегистрировать антиленинский «Вперед», как партийную литературную группу;

9) учредить в Париже партийную школу пропагандистов;

10) издавать «Дискуссионный сборник» (редакция – по одному представителю от каждого течения и национальных организаций);

11) выработать план организации в России партии, создавая группы в легальных организациях, «ячейки» в нелегальных организациях, а существующим фракциям слиться;

1.2) издавать в России легальный орган;

13) созвать общепартийную конференцию с участием деятелей как нелегального, так и легального движения (А. Спиридович, «История большевизма в России», Париж, 1922, стр. 208).

На пленуме был принят и специальный «Устав ЦК РСДРП». Основные его параграфы сводились к следующему:

1) действующая в России коллегия членов ЦК из семи членов («Семерка») пользуется всеми правами ЦК («Семерка»: 2 большевика, 2 меньшевика, 1 бундовец, 1 поляк, 1 латыш);

2) каждый член ЦК обязан исполнять ту или иную работу;

3) действующий ЦК состоит из членов и кандидатов, избранных на Лондонском съезде;

4) в случае выбытия кого-либо из членов «Семерки», его заменяют кандидатом Лондонского съезда, в случае отсутствия такового, «Семерка» сама подбирает кандидата в члены «Семерки»;

5) кадидаты, выбранные Лондонским съездом, замещают выбывающих членов ЦК в порядке, установленном Уставом;

1) за границей действует назначенное ЦК Заграничное бюро ЦК, состоящее из 5 членов ЦК. В состав Бюро входят три представителя «национальных» Центральных Комитетов, которые могут быть и не членами ЦК (но они не участвуют в пленуме ЦК); это Бюро заведует имуществом партии, издательскими и техническими делами, представляет партию за границей, объединяет заграничные группы содействия партии и служит посредником между ними и действующим в России ЦК;

6) в пленум (из 15 чел.) привлекаются: 1) члены «Семерки», 2) члены Заграничного бюро, являющиеся членами ЦК, 3) если те и другие не дают числа 15, то привлекаются к работе пленума кандидаты; при замещении кандидатур соблюдается пропорциональность течений. Вопрос о том, кто именно из кандидатов имеет право присутствовать на пленуме, решает член ЦК данного течения. Устав был принят единогласно (Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 472-473).

Официальный историк пишет: «Несмотря на протест Ленина, пленум решил закрыть газету «Пролетарий», безотлагательно передать ЦК РСДРП часть денег, принадлежащих большевикам, а остальные – в течение двух лет. Деньги временно отдавались на хранение «Держателям – представителям германской социал-демократии Мерингу, Цеткин и Каутскому» («История КПСС», т. 2, стр. 300).

Этот комментарий официального историка совершенно не согласуется со следующим документом, который подписал Ленин, в числе других большевистских участников пленума:

«Мы, нижеподписавшиеся, идя целиком навстречу назревшей потребности в организационном единстве партии, заявляем:

1) мы распускаем свой фракционный центр;

2) мы прекращаем издание газеты «Пролетарий» ;

1) ...

3) ... (в этих двух пунктах речь идет о *немедленной* передаче большевиками части своего имущества в ЦК) (Ленин, Собр. соч., т. XIV, стр. 475).

Но это решение пленума ЦК и ленинского Большевистского центра было опротестовано большевиками из группы «Вперед». Эта группа выпустила специальное обращение, в котором говорилось:

«К товарищам большевикам. Вам, вероятно, уже известно принятое и оглашенное Центральным Комитетом заявление Большевистского центра о том, что "Большевистский центр" признается распущенным, "Пролетарий" закрывается, большевистские деньги передаются ЦК и большевизм, как организационное идейное течение, объявлено не существующим...

Официальные руководители по всей линии отреклись от большевистских традиций...

Это не было просто изменение взглядов. Это был совершенно сознательный обман, направленный против всего большевистского течения... За последние два года не дано было организациям ни одного денежного отчета, истрачены были сотни тысяч... Таким образом, и в идейном, и в материальном, и в организационном смысле Большевистский центр стал бесконтрольным вершителем большевистских дел, поскольку они зависели от заграницы... Но затем Большевистский центр счел себя вправе совершить и последний шаг – официально ликвидировать фракцию, не спросив мнения ни одной из большевистских организаций, и передать её (фракции) материальные средства в ЦК, выговорив при этом себе крупную их долю, – уже как частной группе литераторов. Цепь обмана была завершена таким актом, в котором соединились все меры лицемерия и узурпации: присвоение чужого имени («Большевистский центр»), растрата чужого имущества, распущение чужой организации...

Идейное течение должно руководить своими вождями и представителями. Только решение местных большевистских организаций может считаться действительным решением вопроса. Пока оно не состоялось, постановление Большевистского центра о роспуске фракции, передаче денег в ЦК и т. д. никакой силы иметь не может» (А. Спиридович, там же, стр. 219-222).

Напрасно левые большевики волновались. Объединение враждующих фракций на январском пленуме ЦК оказалось иллюзорным. Наоборот, только после этого пленума еще больше обострились фракционные разногласия.

Пожалуй, никогда РСДРП не представляла такой пестрой картины фракций, групп и группировок, как в месяцы и годы, последовавшие за январским пленумом.

В лагере меньшевиков образовалось целых четыре фракции – фракция Потресова (журнал «Наша заря»), стоящая на самом правом фланге РСДРП; фракция Мартова-Дана-Аксельрода (газета «Голос социал-демократа»); фракция Троцкого (газета «Правда»), выступавшая за примирение между большевиками и меньшевиками; фракция Плеханова («меньшевики-партийцы»).

У большевиков были три фракции – фракция Ленина-Зиновьева-Каменева, фракция Богданова-Луначарского-Покровского-Горького (группа «Вперед») и фракция «примиренцев», которая активно добивалась объединения с меньшевиками (члены ЦК Дубровинский, Ногин, Любимов, Гольденберг и др.).

Из трех центров партии – Руское бюро ЦК было в руках «примиренцев», Заграничное бюро ЦК в руках меньшевиков, центральный орган «Социал-демократ» в руках большевиков-ленинцев (хотя в редакцию входили Мартов и Дан, Ленин и Зиновьев, пользуясь голосом пятого члена – поляка, проводили в ЦО свою линию и даже браковали статьи Мартова).

В этот период Ленин усилено добивается союза с группой Плеханова. Вместе с нею он начинает в конце 1910 года издание легальной партийной газеты «Звезда» в Петербурге. Кроме того, в конце 1911 года большевики начали издавать в Петербурге легальный журнал «Просвещение».

Исключительно важное значение в деле завоевания российских партийных организаций на сторону большевизма имела партийная школа в Лонжюмо под Парижем, которая начала работать весной 1911 года. Из этой школы вышли такие убежденные ученики Ленина (Ленин прочел там 56 лекций), как Орджоникидзе, Белостоцкий, Шварц, Бреслав, которые, вернувшись в Россию, подготовили созыв Пражской конференции 1912 года и сами стали членами ЦК партии большевиков.

Таким образом, январский «объединительный» пленум ЦК не оправдал своего назначения. Фактически объединения не произошло. Слишком сильны были его противники как справа (меньшевики-«ликвидаторы»), так и слева (большевики-«отзовисты»). Меньшевики-«ликвидаторы» вообще отказались войти в состав нового ЦК и признать решения январского пленума.

«Голос социал-демократа» выпустил «Письмо к товарищам», против большевистской интерпретации решений пленума ЦК (Ленин, Собр. соч., XIV, стр. 476-480), а в России меньшевики приступили к изданию легального органа «Наша заря».

Большевики, которые торжественно обещали распустить свой фракционный центр и закрыть его печатный орган, а деньги передать новому составу ЦК («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 242), формально признали решения пленума, но на деле вели борьбу против них.

Что же касается партийных денег, то ими фактически распоряжался Большевистский центр. Субсидию Троцкому тоже прекратили, отозвав из

редакции его газеты командированного туда Каменева, члена ЦК. В противовес газете Троцкого ЦК организовал свой орган – «Рабочую газету». «Дискуссионный сборник», созданный январским пленумом, тоже развалился – представители «Голоса с.-д.» и лево-большевистского «Вперед» оттуда ушли. Дальнейшее разложение ЦК было предупреждено русской полицией – в апреле 1910 года было арестовано Русское бюро ЦК, а вслед за этим – и только что избранная на январском пленуме руководящая коллегия ЦК – «Семерка».

Поэтому фактическая власть ЦК сосредоточилась в руках Заграничного бюро ЦК, где влияние меньшевиков преобладало. Ленин решил предложить большевикам и полякам выйти оттуда, чтобы ликвидировать само это бюро (что и было сделано: большевистский представитель Семашко, взяв кассу и бумаги, покинул Бюро).

После этого Ленин предложил единственному члену «Семерки», уцелевшему от ареста, созвать новое совещание ЦК. Это совещание состоялось в Париже с 28 мая (10 июня) по 4 (17) июня. От большевиков на совещании участвовали Ленин, Зиновьев и Рыков. Присутствовали также представители «Голоса социал-демократа», поляков, латышей и Бунда. Представители «Голоса социал-демократа» и Бунда покинули совещание, когда узнали цели его организатора – Ленина. После этого оставшиеся члены ЦК приняли решение о созыве Всероссийской конференции. Была создана Заграничная организационная комиссия по её созыву (ЗОК). Заграничная организационная комиссия должна была организовать Русскую коллегию из местных людей для подготовки конференции. Была создана также Техническая комиссия (ТК) для «исполнения ряда технических функций в связи с партийным издательством, транспортом и т. д.» («КПСС в

рез.», ч. 1, стр. 248).

В «Извещении» совещания членов ЦК заранее отводилось неизбежное обвинение, что большевики незаконным путем захватили всю власть над ЦК. В нем говорилось: «не о "захвате власти", а о выполнении элементарной партийной обязанности идет речь» (там же, стр. 246).

Но именно как захват власти истолковали меньшевики решение совещания ЦК. Мартов и Дан вышли из редакции «Социал-демократа», что сделало и этот орган ЦК чисто большевистским. На будущую конференцию приглашали всех (кроме «ликвидаторов») группу Плеханова, группу Троцкого («Правда») группу Богданова («Вперед»), Бунд, латышскую социал-демократию (там же, стр. 249). Ленин объяснял, почему он, например, приглашает на конференцию группы «Правда» и «Вперед», таким соображением:

«Обращаться к русским рабочим, связанным с «Впередом» и «Правдой», через головы этих группок против этих группок – такова политика, которую большевизм вел, ведет и проведет через все препятствия» (Ленин, ПСС, т. 20, стр. 350).

Лучшего рецепта не мог бы придумать даже сам Макиавелли.

ЗОК назначила своими представителями в России Оржоникидзе, Шварца и Бреслава. 29 сентября 1911 года в Баку состоялось совещание ряда партийных организаций, на котором была создана Российская организационная комиссия (РОК) по созыву общероссийской конференции. В её состав вошли большевики Орджоникидзе, Шварц, Шаумян, Спандарян и один плехановец – Соколин («История КПСС», т. 2, стр. 349). Таким образом, Ленин создал фактически новый ЦК внутри России.

Так завершил Ленин свой новый переворот в ЦК. Разумеется, это вызвало бурю негодования и правых, и левых меньшевиков. Заграничное бюро ЦК не признало свой роспуск. Оно созвало в Берне ответное совещание (20 августа 1911 г.) с участием Заграничного бюро ЦК, редакции «Голоса с.-д.», редакции «Правды», Бунда, латышской с.-д.

Это совещание постановило создать «Организационный комитет» по созыву российской партийной конференции как ответ и противовес большевистской «Организационной комиссии» и «Технической комиссии» (А. Спиридович, там же, стр. 231-232).

Большевизм и меньшевизм стремительно идут к окончательному и бесповоротному расколу, который сделает их непримиримыми антиподами

не только в тактике, но и в идеологии.

Глава 5
ЗАРОЖДЕНИЕ КРИМИНАЛЬНОГО ТЕЧЕНИЯ В БОЛЬШЕВИЗМЕ («ЭКСЫ»)

Чтобы лучше понять дальнейшее развитие большевизма – от триумфа ленинского ЦК в Октябрьской революции и до его гибели после смерти Ленина, – чтобы документально проследить генеалогию будущего сталинского большевизма, – надо остановиться на истории зарождения криминального течения в большевистской партии – на истории кавказских «экспроприаторов», которых на партийном языке называли сокращенно «эксами». Здесь впервые в истории политической мысли и политических движений мы присутствуем при рождении политико-уголовного «гибрида», когда для осуществления политической цели программы (захват власти) проповедуются и применяются чисто уголовные методы (убийства, грабежи, поджоги, фальшивомонетничество). Вот этот гибрид и родился в революции 1905 года в качестве «боевых дружин» рабочей самообороны. Однако Ленин решил сохранить их и после поражения революции для двух целей: 1) добывать для партии деньги путем «экспроприации экспроприаторов» и 2) убивать шпионов, «черносотенцев» и «начальствующих лиц полиции, армии и флота».

Формулу Маркса, что во время пролетарской революции происходит лишь «экспроприация экспроприаторов», Ленин перевел на понятный русский язык – «грабь награбленное» (через год после установления большевистской власти Ленин суть большевизма как раз и свел к этому. Ленин сказал:

«Прав был старый большевик, объяснивший казаку, в чем заключается большевизм. На вопрос казака: "а правда ли, что вы, большевики, грабите?", – старик ответил: 2Да, мы грабим награбленное"»), (Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 251).

Оправдывает ли цель любые средства, допустимо ли в борьбе против самодержавия применение метода политического бандитизма, чтобы «грабить награбленное» в пользу партии и убивать противников для развязывания новой революции? На эти вопросы обе фракции РСДРП отвечали по-разному.

Мартов и меньшевики отвергали всякие уголовные и аморальные

средства в борьбе с врагом, не отрицая в принципе организованное насилие от имени партии и рабочего класса, если страна находится в полосе революции.

Напротив, Ленин и некоторые из большевиков считали уже одну постановку вопроса о средствах моральных и аморальных, о методах и формах, допустимых и недопустимых в политике не только «оппортунистической», но и преступной. Ленин впоследствии обобщил свой взгляд на этот счет в следующих словах:

«Революционный класс для осуществления своей задачи должен уметь овладеть *всеми,* без малейшего исключения формами и сторонами общественной деятельности... Всякий согласится, что неразумно или даже преступно будет поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы... К политике это еще более относится, чем к военному делу» (Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 232, 3-е изд.).

Вопрос о «боевых дружинах», о «партизанской войне» (то есть об «эксах») обсуждался на двух совместных съездах большевиков и меньшевиков. Разбор позиции сторон на этих съездах по данному вопросу проливает свет не только на дальнейшую эволюцию уголовного крыла в самой большевистской партии, но и на глубокую пропасть, которая образовалась между большевизмом и меньшевизмом как раз в области «моральной философии» самой революции. По существу обе фракции исходили из диаметрально противоположных этических принципов в политической борьбе. Ничто так ярко и в то же время так документально не характеризует две этики двух фракций РСДРП, как сравнение двух проектов резолюций большевиков и меньшевиков «О партизанских выступлениях» на IV съезде, решение самого съезда по данному вопросу против Ленина, а также борьба Ленина с неугодным ему решением в его органе «Пролетарий».

Ленин представил съезду проект, который, исходя из того, что революция в России продолжается в виде «партизанских нападений на неприятеля», предлагал: во-первых, «партия должна признать партизанские боевые выступления дружин, входящих в нее и примыкающих к ней, принципиально допустимыми»; во-вторых, «допустимы также боевые выступления для захвата денежных средств» («Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. Протоколы», 1959, стр. 481, 482).

Меньшевики внесли проект резолюции, в котором говорилось:

«Принимая во внимание, что деклассированные слои общества, уголовные преступники и подонки городского населения всегда пользовались революционными волнениями для своих антисоциальных целей и революционному народу приходилось принимать суровые меры против вакханалии воровства и разбоя; наконец, что важнейшая сила революции заключается в е.е морально-политическом влиянии на революционные массы, на общество и на всю армию, что дезорганизуя государственную власть, она ставит целью не общественную анархию, а организацию общественных сил, – съезд постановляет:

а) бороться против выступлений отдельных лиц или групп с целью захвата денег под именем или девизом с.-д. партии;

б) избегать нарушения личной безопасности или частной собственности мирных граждан;

в) разрушение и порчу казенных зданий, железных дорог и других сооружений, казенных и частных, производить только в тех случаях, когда с этим сопряжена непосредственная боевая цель;

г) капиталы Государственного банка, казначейства и других правительственных учреждений не захватывать, кроме как в случае образования органов революционной власти и по их указанию; при этом конфискация народных денег, собранных в казенных учреждениях, должна происходить гласно и при полной отчетности. Оружие и боевые снаряды, принадлежащие правительству, захватывать при всех представляющихся возможностях» (там же, стр. 528).

Сначала оба проекта обсуждались на комиссии съезда. К немалому огорчению Ленина, большинство большевистской фракции на комиссии отвергло резолюцию Ленина «о партизанских выступлениях» и присоединилось к проекту меньшевиков. Об этом докладывал съезду меньшевик Н. Череванин:

«Представляя съезду проект резолюции по поводу "партизанских действий", я должен заявить, что работа комиссии по этому вопросу весьма упростилась, так как товарищи из большинства (то есть из большевистской фракции. – А. А.) пришли к соглашению с нами» (там же, стр. 401).

Тяжесть поражения Ленина в его собственной фракции выявилась при голосовании. На съезде присутствовало 62 меньшевистских и 46 большевистских делегатов. Первая важнейшая часть меньшевистской резолюции до

пункта «г» была принята 68 голосами против четырех большевиков, в том числе и Ленина, 20 человек воздержалось при голосовании (там же, стр. 462).

Разумеется, Ленин и не думал подчиниться этому решению верховного органа партии, несмотря на то, что в данном вопросе его дезавуировала его собственная фракция. Через пять месяцев после съезда Ленин писал в «Пролетарии»:

«Когда я вижу социал-демократов, горделиво и самодовольно заявляющих: мы не анархисты, не воры, не грабители, мы выше этого, мы отвергаем партизанскую войну, тогда я спрашиваю себя: понимают ли эти люди, что они говорят?..» (Ленин, Собр. соч., т. X, стр. 86).

Ленин определенно этого не «понимал». Он добавлял:

«Говорят: партизанская война приближает сознательный пролетариат к опустившимся пропойцам, босякам. Это верно. Но отсюда следует только то, что никогда партия пролетариата не может считать партизанской войны единственным или даже главным средством борьбы» (там же, стр. 86).

Кончая статью, Ленин как бы нечаянно обмолвился, что спор тут идет, собственно, о возникновении нового *направления* в его же собственной фракции, хотя факт такого направления он, отрицает. Вот слова Ленина:

«Мы далеки от мысли видеть в конкретной оценке тех или иных партизанских выступлений вопрос *направления* в социал-демократии» (там же, стр. 88, выделено Лениным. – А. А.).

В том-то и суть спора, что под духовным водительством Ленина в самой фракции большевиков начало зарождаться новое политико-уголовное направление, над которым он скоро потеряет всякий контроль, находясь за границей.

Когда 15 августа 1906 года, по решению Польской Партии Социалистов, в ряде городов Польши (в Варшаве, Лодзи, Радоме и Плоцке) была совершена серия террористических актов и убиты десятки городовых и русских солдат, что вызвало протест ЦК РСДРП против действий польских социалистов, Ленин выступил по этому вопросу со специальной статьей «К событиям дня». В ней Ленин писал:

«Безусловно ошибается и глубоко ошибается ЦК нашей партии, заявляя: "само собой разумеется, что так называемые "партизанские" боевые выступления, по-прежнему отвергаются партией". *Это неверно...* Мы советуем всем многочисленным боевым группам нашей партии прекратить

свою бездеятельность и предпринять ряд партизанских действий на точном основании решений съезда... с наименьшим "нарушением личной безопасности" мирных граждан и с наибольшим нарушением личной безопасности шпионов, активных черносотенцев, начальствующих лиц полиции, войска, флота *и так далее, и тому подобное»* (Ленин, Собр. соч., т. X, 3-е изд., стр. 45-47, последние слова выделены Лениным. – А. А.).

Между прочим, эти слова Ленина решительно опровергают содержащуюся во всех учебниках легенду, что Ленин и большевизм в отличие от народников и эсеров якобы выступали против индивидуального террора. Депутат Второй Государственной Думы от большевиков, в то время близкий соратник Ленина – Григорий Алексинский – сообщает историю возникновения «экспроприаторов»:

«В период времени 1906-1910 годов большевистская фракция управлялась малым комитетом, существование которого было скрыто не только от глаз полиции, но также и от членов партии. Этот малый комитет, в который входили Ленин, Красин и еще одно лицо, которое держится теперь в стороне от политики (написано в 1921 г., третьим лицом был А. Богданов. – А. А.), особенно занимался финансами партии. В постоянных поисках денежных ресурсов комитет избрал простое средство пополнения кассы. Это средство то самое, которое много позже употреблял Бонно... но Бонно оперировал лично, тогда как большевистская "троица" ограничивалась общим руководством... Грабили почтовые отделения, вокзальные кассы, поезда, устраивая предварительно крушения (Le Matin, 9 Septembre, 1921).

На пятом съезде партии (апрель-май 1907 г.), где фракция большевиков имела большинство делегатов, вновь обсуждался вопрос об «эксах». Докладчик ЦК Мартов доложил съезду:

«Так называемый партизанский террор и экспроприации разлились широкой рекой... Усиливая репрессии правительства, терроризируя буржуазное население и тем толкая его в сторону реакции, террор и экспроприации в то же время дезорганизовывали революционные элементы пролетариата и примыкающей к нему молодежи, внося зачастую крайнюю деморализацию в их ряды...»

(«Лондонский съезд РСДРП. Полный текст протоколов», 1909, стр. 71).

После революции большевистский историк Ем. Ярославский авторитетно засвидетельствовал по этому поводу:

«Отношение к экспроприациям в партии было различное. В то время,

как большевики признавали частичную экспроприацию, меньшевики лицемерно заявляли, что они против экспроприации... Была опасность, что экспроприации могут выродиться и иногда *вырождались* в анархистские выступления и даже *бандитизм,* когда группа эксов тратила добытые экспроприацией средства на свои личные нужды...» (Ем. Ярославский, «Очерки по-истории ВКП (б)», Москва, 1938, стр. 194). По этим причинам пробольшевистский съезд, который принял все резолюции в духе Ленина, одну резолюцию принял и против Ленина: «о партизанских выступлениях». По данному вопросу съезд решил:

«В настоящий момент сравнительного затишья партизанские выступления неизбежно вырождаются в чисто анархистские приемы борьбы... Боевые дружины, существующие при партийных комитетах... неизбежно превращаются в замкнутые заговорщические кружки, деморализуясь, вносят дезорганизацию в ряды партии, – принимая все это во внимание, съезд признает... партизанские выступления нежелательны и съезд рекомендует идейную борьбу с ними» («КПСС в рез.», 1953, стр. 162). Разумеется, Ленин не посчитался и с этим решением своего собственного большевистского большинства V съезда. Сейчас же после съезда он приступил к подготовке новой «экспроприации», наиболее знаменитой из всех большевистских «экспроприации» до революции. Проведение данной «экспроприации» Ленин поручил неизвестному делегату V съезда, но весьма известному в Тифлисе «боевику» и «экспроприатору» – Коба-Сосо Джугашвили, который в результате выполнения этого ленинского задания, собственно, и стал Сталиным.

Прежде чем приступить к изложению событий, связанных с выполнением задания Ленина, расскажем в изложении самого Сталина о его первом знакомстве с Лениным и о том впечатлении, которое произвел Ленин на Сталина. В речи о Ленине на вечере кремлевских курсантов через неделю после смерти Ленина Сталин сообщил, что его первая заочная встреча с Лениным произошла в 1903 году. Эта дата была избрана не случайно. В РСДРП было известно, что после раскола партии на меньшевиков и большевиков в 1903 году Сталин до конца 1904 года примыкал к грузинским меньшевикам. Если вы заглянете в его «Сочинения» (т. 1), то вы не найдете не только за 1903 год, но и за 1904 и 1905 годы ни одной статьи или документа, подписанного каким-нибудь псевдонимом Сталина, из которого была бы видна позиция Сталина по вопросу о расколе. Там приведены два

«Письма из Кутаиси», помеченные сентябрем и октябрем 1904 года, в которых Сталин защищает Ленина против Мартова – и то через год! Но достоверность и этих писем приходится брать под сомнение, ибо, во-первых, к этим письмам сделано примечание: «публикуются впервые», во-вторых, они пущены в «научный оборот» таким известным «ученым», как Берия в его «К истории большевистских организаций в Закавказье». Советский журнал «Вопросы истории» так охарактеризовал «труд» Берия: «Культ Сталина вел к прямому извращению исторической правды», работа Берия была «построена на натяжках и прямых фальсификациях» («Вопросы истории», № 3, 1956, стр. 4).

Тем не менее, надо считать вероятным, что после осторожного оглядывания вокруг и терпеливого изучения ситуации в партии в течение целого года Сталин открыл в Ленине самого себя и присоединился к нему к концу 1905 и началу 1906 года. Если не говорить о сомнительных «документах» Берия, приписываемых Сталину, то первая статья в грузинской социал-демократической газете на грузинском языке, приписываемая Сталину, появилась 8 марта 1906 года. В ней Сталин защищает ленинскую тактику бойкота Думы против меньшевиков.

Теперь вернемся к впечатлению, которое произвел на Сталина Ленин. Сталин говорил на упомянутом вечере:

«Впервые я познакомился с Лениным в 1903 году... в порядке переписки... Знакомство с революционной деятельностью Ленина привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного... Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, мне все время казалось, что соратники Ленина – Плеханов, Аксельрод, Мартов – стоят ниже целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто руководитель, а руководитель высшего типа, горный орёл, не знающий страха» (Демьян Бедный писал, что Сталин, как житель Кавказа, сравнивал Ленина с «горным орлом», но житель севера, вероятно, сравнил бы Ленина с «северным сиянием»).

Дальше Сталин говорит, что об этом своем впечатлении о Ленине он написал одному эмигранту, а последний показал письмо Ленину. Вот тогда Ленин написал Сталину письмо программного характера, в котором «каждая фраза не говорит, а стреляет». Сталин сообщает, что по привычке старого подпольщика он письмо Ленина «предал сожжению» (но до педантичности аккуратный в письменных делах Ленин тоже не сохранил копии столь

важного письма).

Первая личная встреча Сталина с Лениным произошла в декабре 1905 года на конференции в Таммерфорсе. Второй и третий раз Сталин видел и слушал Ленина на IV и V съезде партии, где Сталин присутствовал как делегат с совещательным голосом от Тифлиса. На V съезде Сталин присутствует под кличкой «Иванович», но на Кавказе он известен под кличкой «Коба». (Сталин взял эту кличку из повести «Отцеубийство» грузинского классика князя Казбеги, главный герой которой – Коба – воплощает в себе не только бесстрашный личный героизм, но и беспримерную верность идеалам гуманизма и дружбы!)

Однако *самая* важная встреча, которая, в конечном счете, привела Сталина на верхний этаж партии, произошла у Сталина с Лениным в 1907 году в Берлине. Об этой встрече пишет коммунистический биограф Сталина Анри Барбюс в своей книге «Сталин». После беседы с Лениным Сталин уехал в Тифлис, но в том же году еще раз приезжал в Берлин, чтобы вновь встретиться с Лениным. Сам Сталин упомянул однажды в интервью с немецким писателем Людвигом, что он бывал в Берлине, однако в официальной биографии Сталина никогда не разрешалось писать о столь важнейшем факте его двух встреч с Лениным в Берлине, хотя сообщения об этих встречах Барбюс приводит со слов грузинских старых большевиков и с ведома Сталина. В чем же тогда дело? Если свидание Сталина с Лениным в Берлине накануне или сейчас же после V съезда (съезд закрылся 19 мая 1907 г.) можно считать фактом достоверным, то содержание беседы между ними навсегда осталось секретным. Это можно объяснить только тем, что предметом беседы был как раз вопрос об организации «экспроприации», которую запретил V съезд. Хорошо информированный Троцкий писал:

«Если Ленин совершил специальное путешествие в немецкую столицу для такой встречи, то во всяком случае не ради теоретических "бесед". Встреча могла состояться либо до или еще более вероятно сейчас же после съезда партии, и почти несомненно, что она была посвящена предстоящей экспроприации, добыче денег и т. д.».

Почему же встреча произошла не в Лондоне, а в Берлине? – спрашивает Троцкий. Отвечая на этот вопрос, Троцкий говорит, что весьма вероятно, что Ленин не хотел встречаться с «Ивановичем» на глазах царских и других шпионов, присутствовавших на съезде в Лондоне, к тому же, возможно, что на встрече присутствовало и третье лицо, не имевшее

никакого отношения к съезду партии (L. Trotsky, Stalin, p. 108). Троцкий не называет его имени. Но мы знаем, что это «третье лицо» – Камо – через месяц прославится на весь мир как возглавитель самого дерзкого в истории царской России бандитского налета.

Встреча между Лениным, Коба и Камо произошла, по всей вероятности, после 19 мая. Через месяц – 26 июня 1907 г. – произошла и знаменитая тифлисская «экспроприация».

Прежде всего, кто такой Камо? Камо – грузинский армянин, его настоящая фамилия Тер-Петросян. Он, как и Сталин, родился в г. Гори, почти его ровесник (Камо моложе Сталина только на два года). В его официальной биографии, которая вышла в БСЭ в 1937 году, сказано:

«Камо – большевик, активнейший кавказский боевик. Герой партизанских выступлений. Камо – *ученик Сталина...* Камо организовал ряд крупных экспроприации... В 1907 г. принял участие в известной экспроприации в Тифлисе на Эриванской площади. В связи с этой экспроприацией был арестован 22. 11. 1907 г. в Берлине...» (БСЭ, т. 31, 1-е изд., 1937, стр. 133).

Однако во втором издании БСЭ, которое было подготовлено к изданию еще при жизни Сталина и вышло в 1953 году, в биографии Камо нет ни одного слова об «экспроприациях», в том числе и о такой знаменитой, как тифлисская, хотя самой биографии Камо уделено в два раза больше места, чем в первом издании. В новой биографии, как и в старой, указано, что учитель Камо – Сталин: Камо «в 1901 г. познакомился со Сталиным и под его руководством начал нелегальную партийную работу...» (БСЭ, т. 19, 2-е изд., 1953 г., стр. 543). Далее говорится, что в марте 1906 года Камо приезжал в Петербург, где лично познакомился с Лениным, доставлял из Петербурга оружие на Кавказ, организовал в Тифлисе мастерскую по производству бомб, «занялся формированием, вооружением боевых групп и дружин, участвовал в вооруженных столкновениях с царскими войсками, полицией и черносотенцами... В ноябре 1907 года был арестован в Берлине, в конце 1909 года выдан царским властям» (там же, стр. 543-544).

За что арестован, за что выдан? Об этом во второй биографии Камо нет ни слова. Почему это так, мы увидим дальше, но сейчас важно запомнить две вещи из первой биографии Камо: во-первых, Камо – непосредственный «ученик Сталина», во-вторых, главная революционная профессия Камо, которой его учил Сталин начиная с 1905 года – это «экспроприации».

Наиболее опасной экспроприацией из всех «эксов» 1906 года было ограбление в Чиатури группой Коба-Камо почтового поезда в ноябре 1906 года; из награбленных 21 тыс. рублей, «эксы» направили большевистскому центру только 15 тыс. рублей (Суварин, там же, стр. 100). Значительные деньги к Ленину пошли и от других «экспроприации» – на корабле «Николай I» и в Бакинском порту.

Разрабатывая доктрину о «партизанской войне», о «боевых дружинах» и об «экспроприациях», Ленин недаром обратил свои взоры именно на Кавказ, а из среди своих кавказских учеников особо выделил для этой цели двух «боевиков» – Коба и Камо. На это были исторические и персональные причины. На одну из исторических причин указывал еще Троцкий:

«На Кавказе, с его романтической традицией грабежей и кровавой междоусобицей, которая все еще живуча и сейчас, партизанская война находила любое число бесстрашных практиков. Более тысячи террористических актов всех видов было совершено в Закавказье только за время первой русской революции 1905-1907 гг.» (L. Trotsky, Stalin, p. 96).

Персональные причины были не менее важные. Из всех кавказских большевиков Коба и Камо не только беспрекословно поддержали доктрину Ленина об «эксах», но и сама эта доктрина родилась в голове Ленина как результат практического опыта по проведению «ряда экспроприации» на Кавказе «боевой дружиной» Камо под непосредственным руководством Коба, как его учителя, о чем так подчеркнуто сказано в БСЭ. Тифлисская «экспроприация» 1907 года и явилась прямым результатом берлинской встречи.

Автор классической биографии Сталина – Борис Константинович Суварин – так оценил значение Тифлисской «экспроприации» в карьере Коба:

«Тифлисский "экс", самый грандиозный из всех, был своего рода шедевром, затмившим все предыдущие акции по своей драматичности и абсолютному успеху. Он явился подтверждением принципиального права Сталина подбирать руководителей дела. Малоизвестный провинциальный боевик, действующий под руководством мистического "триумвирата" (Ленин-Богданов-Красин. – А.А.), "профессиональный революционер" par excellence, неспособный продвинуться в иерархии партии интеллектуальной силой ума, но готовый служить ее делу, играя постоянно возрастающую роль, Коба нашел обстоятельства, при которых он покажет свой стальной характер» (В.

C. Souvarine, Stalin, p. 94).

Он его и показал, что мы увидим дальше. Ученик Сталина – Камо (Тер-Петросян, слабо знавший русский язык, слово «кому» произносил всегда как «камо», отсюда Сталин дал ему прозвище «Камо», которое и закрепилось за ним навсегда) являл органическую смесь социального бунтаря, выдающегося авантюриста и героического бандита *с* уму непостижимой силой воли. Все эти качества Камо сказались как раз в тифлисской «экспроприации». Вкратце ее история следующая.

Вернувшись в Тифлис после свидания с Лениным в Берлине, Коба создал из наиболее смелых «экспроприаторов» нечто вроде свободной банды числом, по показаниям свидетелей, около пятидесяти человек. Цель банды – вооруженное нападение и «экспроприации» денег Государственного банка в Тифлисе во время их перевозки. Руководителем банды Коба назначил Камо, переодев его в форму бравого офицера, ему была придана «разведка», в которой участвовали и две грузинки-большевички. Банда была разбита на мелкие группы и «расквартирована» вокруг Эриванской площади, на которой было намечено нападение. Явился ли сам Коба на площадь, чтобы лично руководить «операцией»? Троцкий пишет, что «в партийных кругах личное участие Коба в тифлисской экспроприации считалось бесспорным» (L. Trotsky, цит. пр., стр. 106). Троцкий добавляет, что и он был этого мнения до 1932 года, но что дополнительное изучение вопроса убеждает его, что лично сам Сталин не участвовал в «экспроприации», а только был «советником» Камо. Аргументация? Ссылки на ряд советских книг, в которых нет никаких ссылок на личное участие Сталина плюс молчание самого Сталина. Но само «убеждение» Троцкого не убедительно. Об участии Сталина в тифлисской «экспроприации» никогда не писали в СССР только потому, что сам Сталин это запретил. Став во главе великого государства, Сталин не хотел выглядеть «кавказским бандитом», хотя бы и героическим (бывший американский посол в Москве Буллит: «Рузвельт думал, что в Кремле сидит джентльмен, но там сидел бывший кавказский бандит»). Есть у Троцкого тут и некая личная «корысть» – он не хочет признать в Сталине героя, хотя бы и уголовного. Он для него всего лишь «кинто», а не Аль-Капоне. Более объективный Суварин констатирует, что в доктрине Ленина об «эксах» «Сталин нашел применение своему дару» (B. C. Souvarine, там же, стр. 88), что, конечно, включает и личное мужество.

Вернемся к тифлисской «экспроприации». Она произошла около 11

часов дня 26 июня 1907 г., когда Эриванская площадь была полна людей. В это время на площадь въехали два экипажа, которые везли большую сумму денег Государственного банка, в сопровождении эскорта казаков. Немного ранее на площади были замечены два фаэтона – в одном сидели две женщины, в другом – мужчина в офицерской форме. Как только экипажи с деньгами показались на площади, лицо в офицерской форме подало команду – как из-под земли выросла банда около полусотни людей и на экипажи и на казачий эскорт посыпались бомбы огромной взрывной силы, в том числе из той подводы, на которой сидели женщины. Бомб было брошено около десяти штук. Результат: три человека было убито, более 50 человек ранено. Бандиты, захватив, по одним сведениям 340 тысяч, по другим – 250 тысяч рублей, исчезли с такой же молниеносной быстротой, с какой и появились.

Описывая эти подробности грабежа, газета «Новое время» свою корреспонденцию «Герои бомб и револьверов» кончила восклицанием: «Только дьявол знает, как этот грабеж неслыханной дерзости был совершен».

Тотальная мобилизация всех войск, полицейских сил, агентурной сети, повальные обыски, закрытие границ, сотни арестов, – но ни одного бандита не поймали ни в тот день, ни после него, ни одной копейки денег тоже не нашли.

Куда же бандиты делись, где же деньги очутились? Бандиты вернулись к «мирной» работе, которую они так великолепно сочетали со своей основной профессией (ленинское «сочетание легальной работы с нелегальной»), а деньги очутились под диваном бюро директора Тифлисской обсерватории, где Коба-Сосо Джугашвили тоже занимался «мирным трудом» в качестве счетчика-наблюдателя. Через непродолжительное время деньги очутились в руках Ленина.

Вот этой «экспроприацией» и руководил Коба. Его обвиняли также, что он принял косвенное участие в убийстве тифлисского губернатора генерала Грязнова, князя Чавчавадзе, даже одного своего сотоварища в бакинской тюрьме, о чем еще будет речь впереди. Вот после этой тифлисской «экспроприации» оба – и Коба, и Камо – сумели пробраться за границу, где встретились с Лениным, надо полагать, для доклада о проведенной операции. Тем временем, поставленные в известность русским правительством заграничные органы уголовной полиции начали аресты среди большевиков-эмигрантов, когда те пытались обменивать награбленные

рубли на иностранную валюту. Такие аресты были проведены в Париже, Мюнхене, Стокгольме и Женеве. Среди арестованных были будущие наркомы Литвинов и Семашко. Только после этих арестов партия, в том числе и ее большевистская фракция, узнала, что вооруженный тифлисский грабеж – дело рук учеников Ленина – Коба и Камо. Поскольку каждая попытка обменять рубли на валюту кончалась арестами, ЦК постановил сжечь оставшуюся сумму денег.

По требованию меньшевиков, ЦК, в котором после У съезда преобладали большевики, вынужден был обсудить вопрос и о самой тифлисской «экспроприации». Создается комиссия во главе с будущим наркомом иностранных дел Чичериным (тогда меньшевик), которая должна была произвести подробное расследование. Комиссия Чичерина очень скоро установила, что ученики Ленина не только организовали кровопролитное ограбление в Тифлисе, но что Камо подготовляет взрыв известного банка Мендельсона в Берлине, чтобы экспроприировать для Ленина на этот раз иностранную валюту. Комиссия Чичерина установила также, что большевики дали указания своим агентам приобрести специальную бумагу для производства фальшивых банкнотов. Некоторое количество такой бумаги уже было направлено через экспедицию германской социал-демократической газеты «Форвертс» (о чем, конечно, руководство газеты ничего не знало) в Куоккала (Финляндия), где жили тогда нелегально Ленин и Зиновьев.

Курьер вручил бумагу председателю «Технического бюро ЦК» Красину (члену «триумвирата»), которого он узнал по фотографии, предъявленной ему.

Ленин, пользуясь своим большинством в ЦК, сумел положить конец этим разоблачениям, предложив Центральному Комитету передать дело на доследование «Бюро иностранных сношений». (Троцкий потребовал, чтобы всем этим делом занялся II Интернационал, но это предложение не было принято.) Кроме того, изучением и расследованием дела об «экспроприации» в Тифлисе занялся и Кавказский союзный комитет РСДРП. Установив, что «экспроприацию» провели, в нарушение решений IV и V съездов, Коба и Камо, Кавказский комитет постановил исключить их из партии, как и всех остальных ее участников – социал-демократов. Имена не были названы публично, чтобы не выдать их полиции (B. C. Souvarine, там же, стр. 99-100).

Уже в Советской России в своей «Рабочей газете» от 18 марта 1918 года Мартов напомнил Ленину, что в состав его правительства входит «некий гражданин Сталин», хорошо известный из-за своего участия во всяких сомнительных предприятиях и исключенный из партии за тифлисскую «экспроприацию» (L. Trotsky, цит. пр., стр. 101). Скоро «Бюро иностранных отношений» ЦК «законсервировало» свое расследование, так как главный исполнитель тифлисской «экспроприации» Камо был арестован берлинской полицией по доносу видного большевика Житомирского, оказавшегося агентом русской полиции. Поскольку дело Камо могло привести не только к раскрытию всей кавказской сети «эксов», но иметь и катастрофические политические и уголовные последствия для всего большевистского руководства ЦК, Красин, через немецкого адвоката Камо, предложил Камо играть роль душевнобольного.

Камо эту роль так гениально сыграл, что превзошел действительно душевнобольных не только по симптомам самой болезни, но и по естественности ее проявления в поступках. Он топочет ногами, кричит, рыдает, бушует, рвёт на себе одежду, отказывается от пищи, бьёт надзирателей, бьется об стенку... Его сажают в ледяную камеру, но это не производит на него никакого впечатления. Его переводят в специальное отделение больницы, подвергают там в течение четырех месяцев самым различным испытаниям от тонких научных и до тяжких физических, но он не сдается. Он вновь отказывается от пищи, тогда его подвергают принудительному кормлению не по очень тонкому методу – во время такого кормления ему ломают несколько зубов. Он бушует дальше, рвет волосы, бьется об стенку, и вдруг гробовая тишина: удивленные надзиратели бросаются в камеру – его находят повесившимся, прямо в предсмертных судорогах его снимают с оконной решетки и приводят в себя. Новые «испытания», новые муки. Ему не дают жить, но не дают и умереть. Он пробует последний раз «перехитрить» и жизнь, и немецких «психоаналитиков»: заостренным куском кости он режет себе вену, и его находят без сознания в луже крови. Его опять приводят в себя. Он не сдается, но сдаются врачи. Тогда его переводят в дом для умалишенных, где испытания продолжаются дальше, но на этот раз уже при помощи исключительно физических пыток, которых действительно нормальный человек никогда не выдержит. Чтобы убедиться, что Камо не симулирует бесчувственность, ему под ногти закалывают иголки, выжигают тело каленым железом, – все это он переносит стоически,

без всякой внешней реакции, словно он сам из железа.

Ученые авторитеты немецкой медицины засвидетельствовали, что Камо не симулирует, а безнадежный сумасшедший. Вот тогда, в конце 1909 года, немецкое правительство его выдало русскому правительству, которое направило его по месту преступления в тифлисскую тюрьму (в Метехский замок). Начались новые испытания, новые пытки, более жестокие и менее церемонные, чем у немецких педантов. Конечно, не такие жестокие методы, чтобы от них можно было умереть, но, как выражается Суварин, вполне достаточные, чтобы «сделать здорового человека сумасшедшим». Однако Камо не сдается и на этот раз. Тем не менее, его отдают под военный суд в Тифлисе. На заседаниях суда он сидит совершенно безучастно и спокойно кормит крошками хлеба птичку, которую он приручил в камере. Он убедил суд, что судить его также бессмысленно, как бессмысленно судить птичку, которую он кормит. Суд отменяется, и его переводят в больницу, в отделение душевнобольных для продолжения испытания.

В августе 1911 года при помощи члена группы «эксов» Коте Цинцадзе он подготовляет побег. Побег из Метехского замка считался делом абсолютно безнадежным. Камо решил доказать обратное. Он распилил свои кандалы и оконные решетки, спустился по на скорую руку сплетенной тонкой веревке в реку Кура, но веревка сорвалась и Камо упал на скалу с такой силой, что потерял сознание. Однако сказалась долголетняя «закалка» «сумасшедшего», он быстро пришел в себя, перехитрив погоню, бежал в Батум, а там пробрался на один из пароходов, залез в трюм и «зайцем» отплыл за границу. Через неделю-две он был гостем Ленина в Париже. Ленин его накормил, переодел, проинструктировал и направил на Балканы для выполнения нового задания – переправлять оттуда оружие на Кавказ для новых «экспроприации». Его арестовывают в Константинополе, но из-за поручительства грузинских монахов освобождают. Камо переезжает в Софию, но и там он «попался», был арестован, однако благодаря помощи известного болгарского революционера и друга Ленина Благоева ему удается бежать. При проведении очередной «операции» турки задерживают его вновь на небольшом судне, весь багаж которого состоял из бомб разных калибров. Но он опять выкрутился или откупился и переехал в Грецию. Когда касса партии начала пустовать, Ленин отозвал Камо с Балкан и отправил на Кавказ для организации новой «экспроприации». Камо благополучно прибывает в Тифлис, собирает старую банду на новое дело. В

сентябре 1912 года Камо и его банда совершают новое смелое нападение на денежную почту на Коджарском шоссе. Почту сопровождал чуть ли не целый эскадрон казаков, завязался жаркий бой, в результате которого были убиты семь казаков, перебита почти вся банда, а ее главарь Камо, хотя и остался невредим, но вновь очутился в том же Метехском замке. Военный суд четырежды приговаривал его к смертной казни. Своему соседу по камере и соратнику К. Цинцадзе он пишет записку, что он абсолютно спокойно встретит смерть... «На моей могиле уже давно должна была вырасти трава в несколько аршинов. Смерти никому не миновать, но я попробую еще раз мое счастье. Старайтесь любыми средствами организовать побег. Быть может, нам удастся еще раз посмеяться над нашими врагами. Поступайте по собственному разумению. Я готов на всё». (B. C. Souvarine, там же, стр. 103). Побег не состоялся. Но, как замечает Суварин, начальство питало скрытую симпатию к Камо за его беспримерные по храбрости, дерзости и хитрости криминальные подвиги и поэтому умышленно затягивало оформление формальностей, связанных с казнью Камо. Оно ожидало всеобщей амнистии в связи с предстоящим через год трех-сотлетием дома Романовых, чтобы подвести Камо под эту амнистию. Так и случилось. Камо был в следующем, 1913 году, амнистирован заменой смертной казни двадцатилетним заключением в каторжной тюрьме, откуда его освободила революция 1917 года.

Но где же был Коба во время последней «экспроприации»? Участвовал ли он в ее подготовлении? Бежавший из очередной ссылки Коба был на воле, совершал поездки между Петербургом и Тифлисом, держал тесную связь со своим учеником Камо. Трудно было бы поэтому допустить, что новая «экспроприация» произошла без его ведома. Правда, в партии все еще малоизвестный, но высоко оцененный Лениным за проведение тифлисской «экспроприации», Коба в январе 1912 года был кооптирован в члены ЦК, отозван с Кавказа и переброшен на работу в Петербург, где и началась его общерусская карьера вокруг созданной в мае 1912 года легальной газеты «Правда». Поэтому есть основание думать, что сентябрьская «экспроприация» 1912 года была проведена Камо без непосредственного руководства Коба, чем, вероятно, и объясняется её неуспех.

Вернемся к биографии Сталина после тифлисского грабежа. Исключенный из партии в Тифлисе, где преобладали меньшевики, Коба решил пробраться в Баку. Он быстро вошел в контакт с Бакинским

комитетом партии, в котором большевики имели куда больше влияния, чем в Тифлисе. Коба приехал сюда не без претензии на руководящее положение в местном комитете, но «экс» и недоучившийся семинарист Коба застал здесь сильнейшего конкурента на лидерство – это бывший студент философского факультета Берлинского университета армянин Степан Шаумян. (Орджоникидзе: «Шаумян – тяжелая артиллерия теоретического марксизма».) Поэтому с первых же дней между Коба и Шаумяном разыгралась открытая борьба за руководство, в разгаре которой Шаумян был арестован. Люди, знающие характер Коба, заподозрили его в доносе на Шаумяна в полицию, чтобы убрать конкурента. Разговоры в партийных кругах об этом получили такое широкое распространение, что одна грузинская газета осмелилась открыто обвинить Коба в доносе (газета «Брозолис Кха»), а Бакинский комитет РСДРП даже завел дело на Коба. Когда в марте 1908 года арестовали и самого Коба, дело на него прекратили (В. С. Souvarine, там же, стр. НО). Имеются очень интересные воспоминания сокамерника Коба в Баиловской тюрьме в Баку Семена Верещака о пребывании Коба-Сталина в тюрьме. Они были напечатаны в газете Керенского «Дни» 22 и 24 января 1928 года в Париже.

Поскольку большевики объявляют «клеветой» все, что о них пишет эмиграция, можно было бы и не цитировать воспоминания Верещака, но дело в том, что сама большевистская газета «Правда» 20 декабря 1929 года напечатала статью о воспоминаниях Верещака, как о воспоминаниях правдивых. Статья «Правды» об этих воспоминаниях так и называется: «С подлинным верно». Правда, газета цитирует только те места из воспоминаний Верещака, которые ей очень импонируют, но игнорирует места, которые нам показались очень интересными. Приведем и те, и другие. Вот места, перепечатанные в «Правде»:

«Я был еще совсем молодым, когда в 1908 г. Бакинское жандармское управление посадило меня в Баиловскую тюрьму... Тюрьма, рассчитанная на 400 человек, содержала 1500 человек... Однажды в камере большевиков появился новичок. И когда я спросил, кто этот товарищ, мне таинственно сообщили: 'Это – Коба...". Коба, под фамилией Сосо Джугашвили, как член РСДРП (большевиков), был принят в коммуну... Среди руководителей собраний и кружков (в тюрьме. – А. А.) выделялся и Коба как марксист. В синей сатиновой косоворотке, с открытым воротом, без пояса и головного убора, с перекинутым через плечо башлыком, всегда с книжкой... В личных

спорах и дебатах Коба участия не принимал и всегда вызывал каждого на "организованную дискуссию". Эти "организованные дискуссии" носили перманентный характер. Аграрный вопрос, тактика, философия чередовались почти ежедневно. Особенно аграрный вопрос вызывал жаркие споры, доходившие иногда до рукопашных схваток. Никогда не забуду одной "аграрной дискуссии" Коба, когда его сотоварищ Серго Орджоникидзе, защищая положение Коба (как мы уже видели, на IV съезде 1906 г. Коба был и оставался «разделистом» и выступал как против ленинской «национализации», так и против плехановской «муниципализации». – А. А.), в заключение схватил за физиономию содокладчика эсера Илью Карцевадзе, за что был жестоко эсерами избит... Марксизм был его стихией, в нем он был непобедим. Не было такой силы, которая бы выбила его из раз занятого положения. Под всякое явление он умел подвести соответствующую формулу Маркса. На непросвещенных в политике молодых партийцев такой человек производил сильное впечатление. Вообще же в Закавказье Коба слыл как второй Ленин. Отсюда его совершенно особенная ненависть к меньшевизму (вероятно, за позицию меньшевиков в отношении «эксов». – А. А.)... Он всегда активно поддерживал зачинщиков. Это делало его в глазах тюремной публики хорошим товарищем. Когда в 1909 г. на первый день Пасхи, 1-ая рота Сальянского полка пропускала через строй, избивая, весь политический корпус (тюрьмы), Коба шел, не сгибая головы, под ударами прикладов,, с книжкой в руках» (скоро в стихах советских поэтов эта книжка превратилась в «Капитал» Карла Маркса. – А. А.).

«Правде» так понравилось это место, что член ее редакции Демьян Бедный даже написал восторженную оду:

«Разве сталинское прохождение не сюжет для героической картины. Обращаюсь к писателям – Вы не имеете героических тем? Нате!!.... Но скромна большевистская братва... Строгий большевик о себе ни гу-гу, но не станем же мы шикать врагу за то, что сказал он правду случайно» («Правда», 20. 12. 1929 года, Д. Бедный «С подлинным верно», но статья написана 7 февраля 1928 года).

Однако даже в цитированных ею местах «Правда» делает серьезные пропуски, которые совершенно искажают портрет Коба, нарисованный Верещаком. Восстановим эти места в пересказе. Верещак сидел с Коба восемь месяцев, время вполне достаточное, чтобы изучить характер человека, который резко и точно проявляется как раз в тюремной

обстановке. Все революционеры помнили, что когда в 1899 году Сталина исключили из Тифлисской духовной семинарии за участие в подпольном марксистском кружке, он потащил за собою и всех остальных членов кружка, сделав на них донос администрации семинарии. Верещак пишет, что когда возмущенные семинаристы начали стыдить Сталина за донос, Сталин оправдывал свое действие таким аргументом: потеряв право быть священниками, семинаристы сделаются «хорошими революционерами». В тюрьме существовал неписаный закон революционеров не общаться с уголовными преступниками, но Коба всегда можно было видеть в компании убийц, разбойников, шантажистов. На него производили впечатление только люди «дела», требующего ловкости. Его грубость в спорах и непрезентабельная личность делали его несимпатичным спорщиком. Его речам не доставало остроумия, они были сухие, но его механическая память была удивительна. Отсутствие принципов и природная хитрость делали его мастером тактики. Против врагов «все средства хороши», – говорил он. Бывало, что когда вся тюрьма начинала нервничать в ночь приведения в исполнение очередных смертных приговоров во дворе тюрьмы, Коба спокойно спал или изучал эсперанто, который, по его мнению, явится будущим языком Интернационала: Он никогда не протестовал против несправедливых порядков в тюрьме, не подстрекал к бунту, но поддерживал подстрекателей. Почему Коба так долго оставался неизвестным в партии, объясняется его способкостью «секретно подстрекая других, самому оставаться в стороне». Эту свою способность Коба успел продемонстрировать и в тюрьме. Верещак приводит некоторые примеры. Однажды одного молодого грузина избили до полусмерти по обвинению, что он «агент-провокатор». Никто ничего не знал ни о нём, ни о причинах обвинения против него. Потом выяснилось, что «дело» это было сфабриковано Коба. Другой раз большевик Митка Г. убил молодого рабочего по обвинению в шпионаже. Долгое время это дело оставалось не выясненным. Во всех революционных партиях существовало правило, в силу которого шпионы могут быть убиты только по решению группы или суда чести, а не по приказу одного человека. Впоследствии Митка признался в своей ошибке – он убил этого рабочего по подстрекательству Коба. Верещак сообщает, что во многих делах на воле – в известных грабежах государственных денег («экспроприациях»), в фабрикации фальшивых денег – всегда чувствовалась рука Коба, а теперь он сидел в тюрьме вместе с этими грабителями («эксами») и

фальшивомонетчиками, но следственным органам никак не удавалось найти нити к нему. И это не удивительно: Коба был не только искусным конспиратором, но сама его осторожность была «активной» осторожностью. Это явствует из замечания Верещака: руководя сам террором и «экспроприациями», Коба громко обвинял эсеров в том и другом!

Анализируя историю карьеры раннего Коба, Суварин находит, что в характере Сталина еще тогда преобладали следующие, ярко бросающиеся в глаза черты: 1. «воля к власти»; 2. узкий реализм; 3. вульгарный марксизм, воспринятый Сталиным как катехизис элементарных формул; 4. восточная ловкость в интриге; 5. недобросовестность; 6. отсутствие чувствительности в личных отношениях; 7. презрение к людям и к человеческой жизни (B. C. Souvarine, там же, стр. 115).

Тем не менее, Суварин, как и Троцкий, думает, что Сталин того периода «профессиональный революционер», тогда как он был с самого начала своего появления на кавказской арене человеком, в котором «профессиональный революционер» органически уживался с профессиональным бандитом-«эксом» и бесчувственным убийцей-террористом. Как таковой Сталин был основоположником уголовного течения в самом большевизме.

Хотя духовным отцом «эксов» надо считать Ленина, как мы это уже видели, но он предоставлял «эксам»-партизанам широкую «автономию». Он писал в уже цитированной нами статье «Партизанская война»:

«Мы не имеем ни малейших претензий на то, чтобы навязывать практикам какую-нибудь сочиненную форму борьбы или даже на то, чтобы решать из кабинета о роли тех или иных форм партизанской войны» (Ленин, Собр. соч., т. X, стр. 88).

Ленину были важны не «формы борьбы», а деньги, которые Коба и Камо доставляли ему для дела революции, совершенно так же Ленин поступит в будущем, когда к нему потекут уже миллионы денег для той же цели без всяких грабежей: немецкие деньги. Однако перед немцами Ленин ни в чем не обязывался, кроме того, чем он занимался и без них – организацией революции в России, но Коба и Камо он был обязан содержанием своего штаба и своих изданий в самые тяжелые годы в жизни партии – 1905-1912 гг.

Ленин нес полную политическую и моральную ответственность за кавказские «эксы», о чем он публично заявлял. Он нес личную ответственность за все действия – уголовные и террористические – Коба и

Камо тем, что благословляя их на «подвиги», предоставлял им «автономию». Но самая большая ответственность Ленина перед историей и перед его собственной партией заключается не столько в том, что он добывал деньги через бандитов, сколько в том, что самого верховного «экса» он ввел именно за эти вооруженные грабежи в состав законодательного органа партии – в ЦК. Провокатор Малиновский, который сидел рядом со Сталиным в ЦК 1912 г., отправил в вольную ссылку только какой-нибудь десяток большевиков, а «экс» Сталин убил впоследствии всю партию Ленина и методами «эксов» превратил советскую Россию в страну перманентной инквизиции. Семена перерождения ленинского политического большевизма в сталинский уголовный большевизм после смерти Ленина посеял сам Ленин именно в годы «экспроприации».

После ареста Камо и перевода Коба на «акции» в Петербург кавказские «экспроприации» прекратились. Ленин начал изыскивать другие «формы» для добывания денег. (В двадцатых годах один из старых большевиков рассказывал в печати такой случай: некий член большевистской партии жил с очень богатой московской купчихой и эта купчиха регулярно вносила в кассу партии значительные суммы пожертвования, но «жених» по какому-то пустяковому случаю поссорился с купчихой, ушел от нее и пожертвования прекратились. Когда Ленин предложил ему вернуться к купчихе, «жених» заупрямился, ссылаясь на моральные соображения и спрашивая Ленина, согласился бы он сам добывать партии деньги таким способом? Но невозмутимый Ленин отвечал:

«Я лично определенно не мог бы, но ты ведь можешь, так будь любезен, вернись к ней». Этот рассказ я привожу на память, не имея под рукой журнала, кажется, «Красный архив», в котором он печатался, но за смысл рассказа старого большевика я ручаюсь.)

Начала помогать большевикам даже либеральная русская буржуазия, начиная от известного фабриканта Морозова и до малоизвестных фабрикатов В. А. Тихомирнова (субсидировал издание «Правды») и Н. П. Шмидта (последний завещал партии большевиков около 280 тысяч рублей, которые большевики и получили через его сестер –см. Ем. Ярославский, цит. пр., стр. 195). Много отчислений в кассу партии от своего гонорара делал и писатель Максим Горький, он же совершил большое турне по Америке и всю собранную сумму денег отдал партии. Поскольку даже «профессиональные революционеры» в России получали от ЦК очень небольшое жалование (по

данным Ярославского – 3, 5, 10, максимум 25-30 рублей в месяц), то главная часть средств партии шла на содержание ЦК и его печатных органов за границей и внутри страны.

После ареста и осуждения Камо Ленин потерял всякую связь с уцелевшими «эксами» на Кавказе, но Коба встретился до революции еще два раза с Лениным. Оба раза встречи происходили во время заседаний ЦК в Кракове в ноябре и декабре 1912 года. При последней встрече Коба, вероятно, сообщил Ленину, что он хочет менять профессию «экса» на «теоретика», правда, по очень узкому, но для будущей России очень важному вопросу – по «национальному вопросу».

Как бы там ни было, но Коба действительно отходит от каких бы то ни было акций, связанных с «экспроприациями» и даже отказывается от своей клички «Коба», под которой он сделал всю свою карьеру вплоть до членства в ЦК. У Сталина было много революционных кличек: «Давид», «Нижерадзе», «Чижиков», «Иванович», «Коба» и др. Много было у него и литературных псевдонимов, когда он писал по-грузински. Первый его псевдоним звучит почти символически" «Бесошвили» (по-русски – «Бесов»!). Наиболее частый псевдоним все-таки «Коба», потом «Като». С 1909 года, когда он начал писать и по-русски, он усиленно занят подыскиванием себе оригинального, но русского псевдонима. Уже одно перечисление его чередующихся псевдонимов показывает, как трудно было найти псевдоним, отвечающий его «воле к власти»: статьи его конца 1909 года подписаны – «К. Стефин». Статья его в газете «Звезда» 15 апреля 1912 года подписана: «К. Салин». Уже через три дня в той же газете он подписывается, как «К. Солин». Только 12 (25) января 1913 года в центральном органе «Социал-Демократ» впервые появляется новый и последний псевдоним под большой корреспонденцией «Выборы в Петербурге»: «К. Сталин» (см. Сталин, «Сочинения», т. 2).

Желание Кобы, еще не Сталина, стать теоретиком по национальному вопросу, видно, Ленин одобряет: он поручает ему написать соответствующую работу, даже дает ему в помощники Бухарина для подбора и перевода цитат из трудов по национальному вопросу австро-марксистов (Карла Реннера, Отто Бауэра). Сталин переезжает из Кракова в Вену и садится за свой первый серьезный литературный труд «Национальный вопрос и социал-демократия». Об этом в феврале 1913 года Ленин писал М. Горькому:

«У нас один чудесный грузин засел и пишет для "Просвещения" (большевистский легальный журнал в Петербурге. – А. А.) большую статью,

собрав все австрийские и др. материалы» (Сталин, там же, стр. 403).

Когда редакция журнала хотела напечатать статью, как дискуссионную, Ленин возразил:

«Мы абсолютно против. Статья очень хороша... Мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи» (там же, стр. 403).

Статья вышла в трех номерах «Просвещения» за подписью «К. Сталин». Коба стал Сталиным. Он доказал Ленину, что он не только «экс», но и «теоретик». Однако для Ленина он все-таки остался «эксом» «Коба». Когда по возвращении в Петербург в конце февраля 1913 года Сталин был арестован, Ленин писал: «У нас тяжкие аресты. Коба взят...» (там же).

В заключение укажем на дальнейшую судьбу ученика Сталина – Камо. Как указывалось, освобожденный Февральской революцией из харьковской каторжной тюрьмы, Камо участвует в Октябрьской революции и в гражданской войне. Рекомендуя его Реввоенсовету республики, Ленин писал, что он знает Камо лично «как человека совершенно исключительной преданности, отваги и энергии» («Ленинский сборник», XXXV, 1945, стр. 73). В другой записке Склянскому и Смилге Ленин писал, что он знает Камо, «как человека совершенно исключительной отваги, насчет взрывов и смелых налетов особенно» (Ленин, ПСС, т. 51, стр. 42).

Как сообщает комментатор Ленина, «Камо с группой боевиков, с оружием, боеприпасами и литературой осенью 1919 г. был конспиративно направлен из Москвы для подпольной работы на Кавказ» (Ленин, ПСС, т. 54, стр. 708).

Камо был направлен для организации взрывов в признанную Советской Россией независимую Грузию. Советский посол в Грузии – Сергей Киров – в докладе Ленину в декабре 1919 года, пренебрегая правилами конспирации и своим положением «посла», открыто писал, что Камо все еще не прибыл на место. Такое легкомыслие Кирова Ленина настолько возмутило («дипломатический скандал»!), что он дал распоряжение своему секретарю:

«Надо послать шифровку, чтобы нигде и никогда не смели употреблять кличку Камо, а заменили тотчас иной, новой. Город, где Камо, называть шифром. Ленин» (Ленин, ПСС, т. 54. стр. 421).

Тем временем, Камо прибыл в Тифлис и еще менее осторожно, чем Киров, начал «взрывать» Грузию. Его немедленно арестовали и в январе 1920 года выслали из Грузии. Камо переехал в Баку для продолжения той же

работы против другой независимой кавказской республики – Азербайджана.

После оккупации Грузии Красной армией Камо начал служить в Тифлисе в наркомате финансов (ведь Камо был в своем роде «эксперт» по финансам). Камо продолжает иметь связь с Лениным и во время болезни Ленина. Он просился в его личную охрану во время предполагаемого лечения Ленина на Кавказе, на что Ленин давал согласие при условии, что и секретарь Заккрайкома партии С. Орджоникидзе согласен с этим (Ленин, там же, т. 54, стр. 230).

Но скоро Камо накликал на себя беду, сам того не подозревая. У кавказцев и героизм не считается героизмом, если он не на виду. К тому же, стареющие люди с прозаическим настоящим начинают жить воспоминаниями о романтическом прошлом. Финансовый «эксперт» из Тифлиса в каждом духане начал рассказывать, как он и дважды министр России, теперь всесильный «генсек» Коба убивали «черносотенцев», «экспроприировали экспроприаторов», какие при этом бывали героические схватки, и самое главное – как он и Коба награбленные деньги доставляли самому Ленину. Не просто рассказывал, но еще показывал документы, газетные корреспонденции, письма... Как сообщил первый биограф Камо Бибинейшвили (его Берия расстрелял), очень скоро в Тифлисе появился какой-то важный эмиссар, забрал у Камо весь его архив и отбыл обратно. Ни о своем архиве, ни об этом эмиссаре Камо больше ничего не слышал. Цитируя это место из Бибинейшвили, Троцкий спрашивает:

«Будет ли это поспешным выводом предположить, что Сталин через одного из своих агентов захватил у Камо известные доказательства, которые по тем или иным причинам находил тревожными» (L. Trotsky, цит. пр., стр. 109).

Да, ответим мы, это предположение вполне допустимо, но вывод Троцкого ошибочен: не потому Сталин конфисковал архив Камо, что из этого архива не видна личная «героическая роль» Коба в «эксах», а наоборот, потому что она в них слишком хорошо видна и документирована. Сталин опасался, что если архив Камо попадет в руки врагов, то весь мир узнает из него, что генеральным секретарем ЦК большевиков стал бывший профессиональный бандит.

Все биографы Сталина жалуются, что Сталин никогда не признавал, хотя и не отрицал, своего участия в «эксах». Эти жалобы безосновательны. Сталин признавал свое руководство всеми «экспроприациями» Камо тем, что

объявлял его своим личным учеником, как мы это видели выше. Он только не рекламировал «эксов» как Камо, ибо Камо сидел в тифлисском духанчике и жил воспоминаниями, а Сталин сидел в Кремле и управлял уже не «эксами», а великим государством. Именно «государственный резон» требовал, чтобы Камо тоже замолчал. И он замолчал. В том же 1922 году, в котором у него конфисковали архив, Камо ехал на велосипеде по улице Тифлиса. Движение было небольшое, ведь люди еще ездили на повозках, а во всем Тифлисе в то время было только четыре или пять автомобилей. Но откуда ни возьмись один из этих автомобилей налетел на Камо и задавил его на смерть. «Будет ли это поспешным выводом», если предположить, что водителем этого автомобиля был агент Сталина?

Глава 6

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ЦК

В декабре 1911 года в Париже Ленин созывает совещание заграничных большевистских организаций, которое выносит два постановления: признать РОК как новый центр партии и ему в помощь создать Комитет заграничных организаций (КЗО). Объединенными усилиями заграничных центров большевиков и РОК была созвана VI (Пражская) Всероссийская партийная конференция 18 января 1912 года в присутствии представителей от 20 партийных организаций.

Все течения РСДРП, кроме «ликвидаторов» («Голос Социал-демократа»), были приглашены, но все они отказались признать конференцию и участвовать в ее работе. Отказалась участвовать в конференции и большевистская группа «Вперед». Не участвовали также и «националы». Отказались участвовать персонально приглашенные Горький и Плеханов, но два плехановца из России все-таки участвовали. Это дало повод считать, что формально осуществился «блок большевиков с меньшевиками-партийцами», который проповедовал Ленин.

Однако представители группы Плеханова на конференции (Зевин, Шварцман) с самого начала заявили, что они не признают за конференцией права решать вопросы от имени всей партии («История КПСС», т. 2, стр. 358-360).

Руководители РОК весьма скептически были настроены в отношении всех заграничных групп партии.

«Орджоникидзе говорил, что заграничные группы – нули» (там же, стр.

369). Но такая постановка вопроса прямо била и по Ленину. Его группа ведь тоже была заграничная. Особенно стало это ясно, когда выступил второй руководитель РОК – Спандарян. Он вообще потребовал роспуска заграничных групп: «Пусть, кто желает работать,.. приезжает к нам в Россию», – заявил он (там же, стр. 369).

Ленин выступил против такого требования руководителей РОК. Он защитил эмиграцию, которая «связана тысячами нитей с Россией» (там же, стр. 370), а его помощник Семашко прямо сказал: «Вы, распуская все, убиваете организацию, которая образовалась для того, чтобы помогать вам, и в то же время не заткнете рот ни Мартову, ни "Правде"» (там же, стр. 370).

Был избран новый ЦК из семи человек (Ленин, Зиновьев, Голощекин, Орджоникидзе, Спандарян, Шварцман и Малиновский). ЦК было предоставлено право кооптации новых членов простым большинством голосов. Процедура выборов была следующая: каждый делегат записывал фамилию кандидатов в ЦК и записку передавал Ленину. Результаты выборов, по соображениям конспирации, на коференции не оглашались. Только Ленин знал эти результаты. После конференции Ленин информировал избранных («История КПСС», стр. 370),

В новом ЦК все были большевиками-ленинцами, кроме одного – Шварцмана – меньшевика-партийца.

Представителями РСДРП в Международное социалистическое бюро были избраны Ленин и Плеханов (Плеханов не признал этого решения). Конференция избрала редакцию ЦО – «Социал-демократа» (Ленин, Зиновьев и Каменев). После конференции состоялся пленум ЦК, на котором были кооптированы в члены ЦК те из большевиков, которые на конференции не были избраны (Белостоцкий и Сталин). Позднее были кооптированы в ЦК еще два большевика (Петровский и Свердлов). На случай ареста членов ЦК было намечено пять кандидатов, – все большевики (Бубнов, Калинин, А. П. Смирнов, Стасов и Шаумян).

Для руководства партийной работой в России было создано Русское бюро ЦК, куда вошли Орджоникидзе, Спандарян, Голощекин, Сталин и Стасов – все большевики-ленинцы. Конференция очень высоко оценила и работу РОК:

«Конференция считает своим долгом отметить громадную важность произведенной Российской организационной комиссией работы по сплочению всех российских партийных организаций без различия фракций и

по воссозданию нашей партии, как общероссийской организации. Деятельность РОК, в которой дружно работали совместно большевики и меньшевики-партийцы, тем более заслуживает одобрения, что РОК пришлось работать при неслыханно тяжелых полицейских условиях» (там же, стр. 268-269).

Ленин с полным основанием торжествовал победу. В письме к М. Горькому он писал об итогах Пражской конференции: «Наконец удалось вопреки ликвидаторской сволочи – возродить партию и ее ЦК» (Ленин, Собр. соч., т. XXIX, стр. 19).

Сталинская «История ВКП (б). Краткий курс» (1938) придает Пражской конференции значение почти Учредительного съезда партии. Она говорит, что на этой конференции была создана «новая партия» (стр. 134) или даже «из политической группы большевики оформляются в самостоятельную Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков). Пражская конференция положила начало партии нового типа, партии ленинизма, *большевистской* партии» («История ВКП (б). Краткий курс», стр. 139). Поскольку Сталин впервые был кооптирован в состав ЦК после этой конференции, то вполне понятно желание Сталина видеть партию существующей только с этой конференции (любопытна в этой связи и сталинская фальсификация в названной работе – Сталин указан как избранный в состав ЦК на самой конференции, тогда как он был кооптирован после конференции, а избранные члены ЦК Зиновьев, Голощекин, Шварцман, Малиновский вообще не указаны) (там же, стр. 137).

Десятилетняя работа Ленина и его сторонников по превращению социал-демократической партии в партию большевиков и по захвату власти над этой партией закончилась полным триумфом. Отныне был создан такой Центральный Комитет, который в руках Ленина оказался «ядром профессиональных революционеров» на путях к власти уже в самой России.

Пока меньшевистские лидеры бесконечно дискутировали на заграничных эмигрантских собраниях и в эмигрантской печати о единстве партии, Ленин и его ученики захватили власть и над их организацией в России. Это опять-таки легко было делать под знаменем единой, живой и действующей партии. Ленин так и поступил.

Историческое значение Пражской конференции для большевизма именно заключалось в том, что только теперь, в 1912 году, была окончательно разрешена задача создания «организации профессиональных

революционеров», которую Ленин поставил в своей книге «Что делать?» в 1902 году. Ленин создал, наконец, такой ЦК, который состоял из чистокровных ленинцев. В новом ЦК не было ни одного «примиренца», не говоря уже о меньшевиках. Единственный меньшевик-плехановец был включен в ЦК в виде исключения, чтобы заманить к себе Плеханова. Когда эти расчеты не оправдались, то исчез и этот плехановец.

По тому же принципу, как и ЦК, Ленин начал перестраивать и всю иерархию партийных комитетов в России. И при этом Ленин руководствовался лозунгом, который он впоследствии сформулировал в словах: «Лучше меньше, да лучше»! Лучше маленькая, но дисциплинированная, вышколенная, молчаливая, жертвенная армия исполнителей, чем вольнодумная, критическая, рассуждающая массовая партия.

Жертвенность до самозабвения, преданность вождю до фанатизма, деловитость и исполнительность, сплоченность и дисциплинированность и, конечно, бдительность до скрупулезности, – вот какими качествами должны были обладать, по Ленину, члены той когорты, каковым был большевистский ЦК.

Единственный случайный человек в этом ЦК – член IV Думы Роман Малиновский, и тот оказался не только орудием русской тайной полиции, но – не в меньшей степени – и орудием Ленина. Был ли он агентом-двойником с ведома Ленина – все еще остается тайной. Во всяком случае, пламенные большевистские речи Малиновского в Думе, составленные или редактированные Лениным, в конечном счете, вредили самой полиции. Именно поэтому Департамент полиции сам разоблачил своего агента, сообщив о его роли председателю IV Думы Родзянко. Когда Родзянко предложил Малиновскому убраться из Думы, то Малиновский бежал за границу... к Ленину! Ленин долго не хотел расставаться с Малиновским, несмотря на разоблачение его роли в либеральной (Бурцев) и меньшевистской прессе (Мартов и Дан), устно его разоблачали даже большевики: Бухарин, Трояновский, Е. Розмирович. Ко всему этому, Ленин знал, что до вступления в партию большевиков биография Малиновского было «полна мерзости» (См. B. D. Wolfe, *Three Who Made a Revolution,* New York, The Dial Press, 1960, p. 554-5).

Ленин писал и статьи в защиту Малиновского (ж. «Просвещение»). Наводит на размышления и дальнейшая судьба Малиновского. Попав в плен к немцам во время первой мировой войны, Малиновский вел среди русских

военнопленных страстную большевистскую агитацию и регулярно получал от жены Ленина, секретаря ЦК, Н. Крупской продуктовые и вещевые посылки из Швейцарии через Красный крест. Надо полагать, что Крупская делала это не без ведома мужа.

Выступая после Февральской революции 1917 года (и после окончательного разоблачения Малиновского путем опубликования архива тайной полиции – Охранки – на заседании Чрезвычайной комиссии Временного правительства, Ленин оправдывал свою защиту Малиновского тем, что Малиновский ему и ЦК больше помогал (работая в «Правде» и Думе), чем Охранке.

Странным был и конец Малиновского. Ровно через год после взятия большевиками власти – в ноябре 1918 г. – он вернулся из-за границы и прямо явился в Смольный, в Петроград, требуя либо свидания с Лениным, либо ареста. Ленин предпочел арест, и то после трехдневного раздумья. Потом его судили. «На допросах Малиновский был гордым и вызывающим. Неоднократно он требовал вызова Ленина на суд, но в этой просьбе ему было отказано» (Wolfe, там же, стр. 555). Создается впечатление, что Ленин поступил разумно. Суд был закрытый. Малиновского расстреляли.

После Пражской конференции окончательно выяснилось и для самых непосредственных участников, что РСДРП – это не одна, а две партии, и что эти две партии не близнецы, а антиподы.

Самая глубокая разница между большевиками и меньшевиками была не в их декларативной конечной цели (социализм), а в том, что такое, во-первых, «социализм», который они хотят строить, во-вторых, какие инструменты и методы нужно применять при его строительстве. Решающее превосходство большевиков над Меньшевиками и заключалось в наличии у них цельной, последовательной динамичной концепции достижения поставленной цели – захвата власти как главного инструмента строительства «социализма». У большевиков эта концепция и называлась ленинизмом. У меньшевиков не было единой концепции, у них было столько концепций на этот счет, сколько у них было лидеров, но если привести их всех к одному знаменателю, то получалось, что РСДРП власть в России взять не может, так как, согласно марксизму, Россия должна после свержения царизма пройти через длительный период развития капитализма и буржуазной демократии. За такой взгляд Ленин назвал их догматиками марксизма. 28 февраля (12 марта) 1912 года в Париже собралось совещание всех неленинских течений

РСДРП, посвященное Пражской конференции большевиков. На совещании присутствовали представители «Голоса социал-демократа», группы Плеханова, группы «Вперед» и большевиков-примиренцев, группы Троцкого, Бунда. Совещание обвинило организаторов Пражской конференции в «перевороте в партии и узурпации власти». Оно призвало местные организации не подчиняться решениям конференции. Совещание направило протест против Пражской конференции в Международное социалистическое бюро. Большая статья против конференции появилась и в немецкой с.-д. газете «Vorwarts» (26 марта 1912 г.) («История КПСС», т. 2, стр. 370-377).

Троцкий думал, что в углублении раскола партии виноваты и меньшевики с их пренебрежением к нелегальной партии, и большевики, которые узурпируют права, принадлежащие всей партии. (См. *„The Communist Party of the Soviet Union",* by Leonard Schapiro, New York, p. 126).

С 25 августа по 2 сентября 1912 года в Вене происходила «Конференция с.-д. организаций» (присутствовало 18 делегатов с решающим голосом, 16 делегатов с совещательным голосом). Эта конференция была созвана группой Троцкого от всех с.-д. течений, недовольных ленинским переворотом. На ней присутствовал один большевистский делегат из Москвы, оказавшийся агентом полиции, присутствовала также и большевистская группа «Вперед». Когда Мартов назвал на конференции ленинцев «политическими шарлатанами», то это вызвало целый инцидент, урегулированный с трудом (Спиридович, цит. пр., стр. 242). Это показывает, как, незримо, витал дух Ленина даже над конференцией его противников. Конференция избрала «Организационный Комитет» как противовес ленинскому ЦК.

Годы 1912-1913 проходят под знаком создания нелегальных большевистских партийных ячеек на фабриках и заводах, по созданию нелегальных областных центров партии, по установлению системы «доверенных лиц», по усилению связей между ними и ЦК. Это была чисто нелегальная линия в работе ЦК. Однако в согласии с доктриной Ленина о сочетании нелегальной работы с работой легальной, то есть с работой в легальных организациях, ЦК активизирует и вторую линию ЦК на создание и укрепление партийных легальных органов. Такова была работа ЦК по участию в выборах IV Думы и по созданию в России легальной большевистской ежедневной газеты «Правда» (5 мая 1912 г.) с заимствованным у Троцкого названием (еще до нее с декабря 1910 года

выходила еженедельная газета «Звезда», где вместе сотрудничали большевики и меньшевики-партийцы; по 1914 год выходил также легальный орган ЦК «Просвещение»).

В редакцию «Правды» входили большевики Ольминский, Полетаев, Каменев, Сталин, Свердлов. Секретарем состоял Молотов (на организацию газеты деньги дал богатый студент, друг Молотова – В. А. Тихомирнов, который вместе с Молотовым участвовал в подпольном большевистском кружке в г. Казани).

Роль «Правды» как легального органа была велика. В сталинской истории партии сказано: «Роль "Правды" была исключительно велика. "Правда" завоевывала на сторону большевизма широкие массы рабочего класса (тираж 40 000 экземпляров)... Легальная газета не могла прямо призывать к свержению царизма. Приходилось писать намеками»... Когда, например, в «Правде» писалось о «полных и неурезанных требованиях пятого года», рабочие понимали, что «речь идет о революционных лозунгах большевиков – о лозунгах за свержение царизма, за демократическую республику, за конфискацию помещичьей земли, за 8-часовой рабочий день» («История ВКП (б). Краткий курс», стр. 144-145).

Что большевики умели быть «легалистами», «ликвидаторами», «оппортунистами», когда это надо в интересах дела, показывает письмо в редакцию «Правды» Ленина, Зиновьева и Каменева в ноябре 1913 года. В нем они делают газете выговор за её чрезмерную левизну, революционность и требуют спустить тон. В письме сказано:

«Надо во что бы ни стало *впятеро* спустить тон, стать легальнее, смирнее. Это можно и должно... и назначить свою цензуру. Ради бога, сделайте это, иначе вы губите дело *зря*». (Ленин, ПСС, т. 48, стр. 217-218).

В январе 1913 года в г. Кракове состоялось первое совещание ЦК, посвященное сочетанию легальной работы с нелегальной (к этому времени, чтобы быть ближе к России, Ленин переехал из Парижа в Галицию). Соответственно, в совещании участвовали как члены ЦК, так и легальные работники партии, в том числе и депутаты IV Думы. В нем участвовали Ленин, Крупская, Зиновьев, Сталин, Трояновский, Медведев, В. Лобова, Е. Розмирович, депутаты IV Думы Малиновский, Бадаев и Петровский (в IV Думе была с.-д. фракция из 13 человек – так называемая большевистская «шестерка» и меньшевистская «семерка»).

По конспиративным соображениям, январское совещание ЦК было

названо «февральским». В «Извещении» от имени совещания говорилось:

«В феврале текущего года состоялось совещание ЦК РСДРП с партийными работниками. К совещанию удалось привлечь членов *нелегальных* партийных организаций Петербурга, Московской области, Юга, Урала и Кавказа... Почти все участники совещания принимали выдающееся участие в разного рода *легальных* рабочих обществах и так называемых "легальных возможностях". Таким образом состав совещания обеспечил правильную картину всей партийной работы во всех главных районах России» («КПСС в резолюциях», ч. 1, стр. 288).

Во имя чего большевики пошли в легальные организации, совещание дало совершенно недвусмысленный ответ:

«Продолжая свою неуклонную, настойчивую, систематическую работу по использованию всех и всяких 'легальных возможностей' начиная от трибуны черной Думы и кончая любым обществом трезвости, РСДРП не забывает ни на минуту, что высокого звания члена партии достоин лишь тот, кто всю работу среди масс ведет действительно в духе партийных решений, обдуманных и принятых с точки зрения нарастающей революции... Не плыть по течению легализма, а использовать все легальное для постепенной группировки всего живого вокруг нелегальной партии – наше дело... Не пустые фразы о "единстве" в легальной печати.., *а одно только объединение на местах,* слияние на деле в единую нелегальную организацию всех рабочих, входящих в РСДРП, – только оно одно решает вопрос о единстве» (там же, стр. 289-290).

Так Ленин создавал нелегальную партию, как иерархическую конспиративную организацию с генеральным штабом во главе в виде ЦК, который в своих боевых операциях опирается на всевозможные легальные учреждения от думской фракции с.-д. до «общества трезвости». Не только «ликвидаторы», но и меньшевики-партийцы оказались неспособными на такую работу.

Резолюция совещания констатирует:

«Новая революция, начало которой мы переживаем, является неизбежным результатом банкротства третьеиюньской политики царизма». Совещание сознательно делает ударение на нелегальной работе, которой должны быть подчинены все легальные акции: «единственно правильным типом организационного строительства в переживаемую эпоху является: нелегальная партия, как сумма партийных ячеек, окруженных сетью

легальных и полулегальных рабочих обществ» (стр. 292-293).

Поэтому основная цель, вопреки меньшевикам-ликвидаторам, – дальнейшее строительство нелегальной партии. В резолюции по данному вопросу сказано:

«Главная очередная задача – создание на всех фабриках и заводах чисто партийных нелегальных комитетов... создание из разрозненных местных групп одной руководящей организации в каждом центре... В целях установления тесных связей между местными организациями и ЦК, а также в целях направления и объединения партийной работы Совещание считает настоятельно необходимым организацию областных центров в главных районах рабочего движения» («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 293-294).

В резолюции о работе думской с.-д. фракции говорилось, что «думская с.-д. фракция является органом, подчиненным партии в лице её центральных учреждений» и что над её работой «необходим контроль партии» (там же, стр. 295).

Второе совещание ЦК состоялось в Поронине (около Кракова) 23 сентября – 1 октября (6-14 октября) 1913 года (по конспиративным соображениям совещание было названо «августовским»). На нем присутствовали Ленин, Зиновьев, Каменев, пять членов Государственной думы, десять делегатов от русских организаций и пять польских социал-демократов (в их числе Ганецкий-Фюрстенберг). Председательствовал Ленин, его заместителем был Малиновский. Совещание продолжалось девять дней. Из 18 заседаний 5 были посвящены докладам с мест и докладу ЦК. По официальному извещению рассмотрены были вопросы о стачечном движении, о работе в легальных обществах, о партийной печати и о задачах агитации, о думской работе с.-д., о думской с.-д. фракции, о народниках (эсерах), национальный вопрос, вопрос о партийном съезде, который намечался на лето 1914 года.

Все эти вопросы были рассмотрены с точки зрения неизбежности начала новой революции в ближайшее время («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 302). Еще раз в центре внимания совещания стоял вопрос о необходимости сочетания нелегальной работы с легальной работой. Совещание рекомендовало, а ЦК утвердил, что надо расширить сеть «доверенных лиц» ЦК (агентов ЦК) на местах. Кроме членов ЦК, в России уже работало 14 агентов ЦК («История КПСС», т. 2, стр. 413). Об этих доверенных лицах-агентах ЦК в резолюции сказано:

«Совещание признает, что система доверенных лиц при ЦК для объединения общероссийской работы совершенно необходима... Чтобы выдвинуты были доверенные лица хотя бы в каждом крупном центре рабочего движения и в возможно большем числе» («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 310). О легальных ячейках партии сказано, что необходимо усилить работу во всех легальных рабочих обществах (профсоюзы, клубы, больничные страховые кассы, кооперативы и т. д.) и постепенно взять их под влияние партии, «чтобы каждое из этих учреждений было оплотом партии», и что надо «добиваться избрания на все ответственные посты сторонников партии» (там же, стр. 314).

Совещание отметило, что в предстоящей революции малые нерусские народы России будут играть важную роль. Надо заручиться их поддержкой в пользу партии. Для этого совещание рекомендовало, а ЦК утвердил как главный лозунг по национальному вопросу следующее положение: признание «права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т. е. на отделение и образование самостоятельного государства» (там же, стр. 315-316). Тут же ЦК делал оговорку, сводящую на нет только что объявленное право наций на самоопределение, говоря, что право нельзя смешивать с «целесообразностью» и что партия будет решать национальный вопрос каждый раз конкретно, в «интересах классовой борьбы пролетариата за социализм» (там же).

Этим двумя совещаниями Ленин доказал, что у партии есть не два центра (ЦК и ОК), а только один руководящий и практически действующий в России орган – большевистский ЦК.

Власть – вот фокус средоточия всех политических страстей большевизма. В ЦК Ленин открыл орудие достижения государственной власти. ЦК словно почувствовал близость достижения этой власти, когда он в «Извещении» о Поронинском совещании записал следующие воистину пророческие слова:

«Вопрос о новой революции господствует над всей политической жизнью страны... Путь намечен. Партия нашла основные формы работы в нынешнюю переходную эпоху... Самое трудное время позади, товарищи. Наступают новые времена. Надвигаются величайшей важности события, которые решат судьбу нашей родины» («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 302-308).

Бюро Социалистического Интернационала продолжало предпринимать шаги, чтобы примирить враждующие течения РСДРП (в связи с кампанией

выборов в IV Государственную думу, потом по инициативе члена Бюро Р. Люксембург). Состоялось специальное заседание Бюро Социалистического Интернационала 14 декабря 1913 года, на котором были сделаны тщетные попытки примирить большевиков и меньшевиков.

Последняя такая попытка состоялась 20 июня 1914 года в Брюсселе. Руководители II Интернационала Каутский, Вандервельде, Гюисманс, Р. Люксембург созвали общее собрание по этому вопросу. На собрании присутствовали делегации ЦК во главе с Лениным, представители Бунда, польских с.-д., латышских с.-д., редакций «Правды» и «Нашей рабочей газеты», представители от «шестерки» и «семерки», персонально присутствовали Троцкий, Плеханов, Алексинский.

В ответ на предложение объединиться Ленин заявил, что объединяться, собственно, не с кем, за его ЦК стоят 4/5 всей партии. Ленин кончил речь ультиматумом:

«Признать ЦК РСДРП в качестве единственного руководящего центра и уничтожить меньшевистский центр ОК» («Ко дню 50-летия В. И. Ульянова (Ленина)», Москва, 1920, стр. 29).

Речь Ленина была встречена его противниками резкой критикой. Плеханов даже заявил, что Ленин не хочет объединения потому, что не хочет выпустить из своих рук партийных денег, часть которых, сказал Плеханов, он захватил «воровским способом» (за это выражение Плеханов был остановлен и лишен слова) (Спиридович, цит. пр., стр. 261).

Какой же был итог? «Объединения» с большевиками-ленинцами достигнуто не было. Участники совещания разъехались. Большевики во главе с Лениным и его ЦК продолжали властвовать в партии, которая… была в большинстве фактически большевистской. Для уцелевших (от арестов) небольших кадров, для крепкого штаба с группой заядлых, фанатичных руководителей, располагавших продуманным планом действия и готовыми директивами, не хватало лишь денег и войска» (Спиридович, цит. пр., стр. 262).

Войска дала первая мировая война, а деньги – немецкий Генеральный штаб. То и другое Ленин использовал мастерски.

Глава 7
ЦК В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Чтобы понять политику большевизма в таком судьбоносном для России вопросе, как победа или поражение ее в первой мировой войне, необходимо ясно себе представить «философию власти» Ленина. Ленин на все явления жизни – национальные или интернациональные – смотрел с одной-единственной точки зрения: насколько данное явление приближает или удаляет его от власти. Эпидемия ли голода, экономическая ли забастовка, война ли между государствами или даже стихийные бедствия, вроде наводнения или землетрясения, – на каждое из таких явлений Ленин смотрел через призму власти, а именно: как использовать данное явление или бедствие в интересах завоевания власти. Если возникла коллизия между интересами существования нации и интересами борьбы за власть, большевизм предпочитает интересы борьбы за власть. Нация существует для власти, ибо нация есть лишь сумма личностей, а личность – это ничто. Если власть над нацией может быть завоевана только ценой всеобщей национально-государственной катастрофы (например, поражение в войне), то и такой путь ко власти не только является дозволенным, но и самым кратким и надежным путем.

В полном согласии с этой «философией власти» находился «Манифест ЦК РСДРП» о войне в ноябре 1914 года, опубликованный в «Социал-демократе» от 1 ноября 1914 года. В нем говорилось:

«...Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны... Наша партия, Российская социал-демократическая рабочая партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная печать уничтожена. Большинство союзов закрыто, множество наших товарищей арестовано и сослано. Наше парламентское представительство – с.-д, фракция в Думе – сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов... Для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России *наименьшим злом было бы поражение царской монархии... Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну* есть единственно правильный лозунг... Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом» («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 320, 323, 324).

И вот, с первых же дней войны Ленин и его ЦК ведут «систематическую, настойчивую, неуклонную работу», чтобы использовать ужасы войны и тяжелое положение России в интересах открытия «второго фронта» войны – войны гражданской в тылу России.

Накануне и в начале войны члены ЦК, члены Русского бюро ЦК почти все оказались арестованными (Спандарян, Белостоцкий, Шварцман, Сталин, Орджоникидзе, Свердлов, Голощекин). Арестованы и сосланы были многие из агентов ЦК. Сам Ленин в начале войны был арестован в Австрии, как русский «шпион», но вмешательством вождей австрийских с.-д. (с которыми Ленин столь жестоко воевал) был освобожден, после чего он переехал в Швейцарию. Здесь он окончательно обосновался до самого возвращения в Россию после революции.

Хотя не только большевистский ЦК, но и меньшевистский Организационный Комитет стояли на точке зрения «пораженчества» России и интернационализма против патриотиза, все же нового объединения между большевиками и меньшевиками не произошло. Группа Плеханова (Плеханов, Дейч, Засулич и др.) стала на оборонческую точку зрения (оборона России в войне против Германии). К «оборонцам» примкнул и один из руководителей большевистской, но антиленинской группы «Вперед» – Алексинский.

14-19 февраля (27 февраля-4 марта) 1915 года в Берне происходила созванная ЦК и ЦО («Социал-демократ») конференция всех заграничных большевистских организаций и групп. На конференции участвовало 16 человек, в том числе Ленин, Крупская, Каменев, Бухарин, Трояновский, его жена Е. Розмирович и др. Главной темой конференции был тот же вопрос о войне и о задачах с.-д. В резолюции конференции подтверждались установки «Манифеста ЦК» на поражение России в войне. В ней говорилось:

«В каждой стране борьба со своим правительством не должна останавливаться перед возможностью в результате революционной агитации поражения своей страны... В применении к России это положение особенно верно. Победа России влечет за собой усиление мировой реакции... В силу этого *поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом»* (там же, стр. 329).

Совещание вынесло осуждение всем меньшевистским течениям, обвиняя их в русском шовинизме и патриотизме. Осуждалась группа «ликвидаторов» («Новая заря»), включая и плехановцев. Осуждались даже интернационалисты из Оргкомитета – Мартов, Троцкий, Аксельрод. В

резолюции по этому поводу говорилось:

«Фактически на стороне шовинизма стоят и ОК... и Бунд, у которого преобладает шовинизм германофильский. А элементы, группирующиеся вокруг «Нашего слова» (троцкисты), колеблются между платоническим сочувствием интернационализму и стремлением единства с «Нашей зарей» и Оргкомитетом... Также колеблется и с.-д. фракция Чхеидзе...» (там же, стр. 329).

Резолюция добавляла, что «Временные соглашения допустимы только с теми с.-д., которые стоят за решительный организационный разрыв с ОК, «Нашей зарей» и Бундом» (там же, стр. 330).

Специальную резолюцию совещание посвятило «оппортунизму и краху II Интернационала». Она отмечала, что «губительное влияние оппортунизма особенно ярко проявлялось в политике большинства официальных с.-д. партий II Интернационала во время войны. Голосование кредитов, вхождение в министерства, политика «гражданского мира», отказ от нелегальной организации в то время, когда легальность отнята, означает срыв важнейших решений Интернационала и прямую измену социализму... РСДРП должна поддерживать всяческие интернациональные и революционные массовые выступления пролетариата, стремясь к сближению всех антишовинистских элементов Интернационала» (там же, стр. 328).

Совещание избрало Комитет заграничных организаций (КЗО) как заграничный подсобный орган ЦК.

Вскоре Ленин и его ЦК приняли выдающееся участие в первой интернациональной конференции социалистов 9-12 октября 1915 года в Циммервальде (Швейцария). На ней присутствовали представители левых течений социалистических партий Болгарии, Голландии, Германии, Италии, Норвегии, Румынии, Франции, Швеции, Швейцарии и России. Россия была представлена ЦК РСДРП (Ленин, Рязанов), ОК (Аксельрод, Мартов, Мартынов), ЦК партии социалистов-революционеров (Чернов и Натансон), Бунд (Липник). Присутствовали со стороны России также представители социал-демократов Польши, Литвы и Латышского края.

Ленин проповедовал на конференции принципы, изложенные в «Манифесте ЦК РСДРП», обосновывал и настаивал на принятии конференцией его лозунга «превращение империалистической войны в войну гражданскую». Когда немецкий делегат Ледебур упрекнул Ленина, что легко проповедовать гражданскую войну в России, находясь в

безопасной Швейцарии, то Ленин ответил, что «когда придёт время, он сумеет быть на своем посту и не уклонится от тяжелой обязанности взять власть при победе в гражданской войне» («Ко дню 50-летия Ульянова (Ленина)», Москва, 1920, стр. 32).

Ввиду провала почти всех членов ЦК и многих из агентов ЦК («доверенные лица») заграничная часть ЦК решила еще в апреле 1914 года перестроить конспиративную сеть ЦК. Роль Русского бюро ЦК была возложена на большевистскую фракцию IV Государственной думы. Для этой цели члены фракции Петровский и Бадаев были введены в члены ЦК, а члены фракции Муранов, Самойлов и Шагов были сделаны доверенными лицами ЦК. Кроме того, было создано «Организационное отделение» ЦК по руководству нелегальной работой. Для камуфляжа оно было названо «Рабочей кооперативной комиссией». «Организационное отделение» должно было: 1. направлять работу Петербургского комитета, 2. заботиться о связи работы во всех легальных организациях, *3.* изыскивать особо конспиративные формы прикрытия нелегальных связей и нелегальных предприятий, 4. объединять работу во всероссийском масштабе, устанавливая правильные сношения и объезды. «Организационное отделение» назначалось русской коллегией ЦК в составе 3-5 человек (Ленин, ПСС, т. 25, стр. 55).

Есть указание, что в состав «Организационного отделения» ЦК Ленин выдвинул М. Калинина, А. Киселева, а также активистов страхового движения (там же, стр. 481), но никаких документальных следов работы этот новый орган ЦК партии не оставил.

Реакция большевистской фракции Думы на войну, в общем, была аналогичной ленинской. Член большевистской фракции IV Думы Бадаев сделал в Петербурге перед журналистом заявление, в котором говорилось, что «война войне – вот наш лозунг, за этот лозунг мы, действительные представители рабочего класса, и будем бороться» (А. Е. Бадаев, «Большевики в государственной думе», 1954, стр. 344).

26 июля 1914 года вся с.-д фракция – большевики и меньшевики вместе – сделали общую декларацию, в которой они осуждали войну и протестовали против нее. Во время голосования военных кредитов вся с.-д. фракция отказалась голосовать за кредиты и в знак протеста покинула зал заседания Думы. Большевистский историк замечает:

«Это совместное выступление фракции было первым и последним.

Поведение меньшевиков объяснялось лишь боязнью окончательно потерять доверие масс» («История КПСС», т. 2, стр. 490).

Но члены большевистской части фракции, действуя одновременно и как нелегальное Русское бюро ЦК, разворачивали антивоенную кампанию на заводах и фабриках, открыто выступая на революционных митингах. Царская полиция была бессильна сделать против них что-нибудь, ввиду их неприкосновенности, как депутатов Думы. Вскоре правительство положило этому конец.

На конференции большевиков 4 ноября 1914 года, под Петроградом, на которой обсуждали вопрос об отношении с.-д. к войне, пять с.-д. большевистских депутатов и еще шесть большевистских функционеров, в том числе член редакции ЦО и уполномоченный ЦК Розенфельд (Каменев), были арестованы.

10 (23) февраля 1915 года над ними состоялся суд по обвинению ъ участии в организации, ставящей своей целью свержение существующего государственного строя. Главным обвинительным материалом служили найденные при их аресте тезисы Ленина «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» и Манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». Подсудимым грозила смертная казнь, но они во главе с Каменевым так искусно повели свою защиту, что убедили суд в своей непричастности к антипатриотическим акциям ЦК и его нелегальной работе вообще. Подсудимые отрицали, что они стоят на точке зрения поражения России. Ленин не был доволен поведением на суде своих единомышленников, особенно Каменева.

В статье «Что доказал суд над с.-д. фракцией?» Ленин писал:

«Он показал недостаточную твердость на суде данного передового отряда революционной социал-демократии в России... стараться доказать свою солидарность с социал-патриотом Иорданским, как делал т. Розенфельд, или свое несогласие с ЦК, есть прием неправильный и с точки зрения революционного социал-демократа недопустимый» (Ленин, ПСС, т. 26, стр. 168).

Если бы подсудимые поступили иначе, то, по признанию самого же Ленина, «в первой стадии дела депутатам угрожали военным судом и смертной казнью» (там же, стр. 171). Суд приговорил подсудимых к вечному поселению в Сибирь.

После закрытия легальной газеты «Правда» 8 (21) июля 1914 года

ликвидация большевистской фракции в Думе была наиболее тяжелым ударом по доктрине и практике Ленина о сочетании легальной работы с нелегальной. Ленин не без основания утешал себя тем, что «около 40 000 рабочих покупали "Правду"; много больше читало ее. Пусть даже впятеро и даже вдесятеро разобьёт их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя *нельзя...* С этим слоем надо работать... в направлении к социальной революции» (там же, стр. 175-176).

После всех этих арестов весь аппарат ЦК в России был разрушен. Оставалась лишь заграничная часть ЦК – Ленин, Зиновьев и с осени 1915 года введенный в состав ЦК А. Шляпников, который являлся новым уполномоченным ЦК по России. Секретарем ЦК была Н. Крупская («История КПСС», т. 2, стр. 543). Лишь осенью 1915 года удалось воссоздать Русское бюро ЦК. В его состав были кооптированы В. Н. Залежский, И. И. Фокин, Г. И. Осипов, А. Г. Шляпников, позднее были кооптированы К. С. Еремеев и Е. А. Дунаев, но к весне 1916 года они почти все были арестованы. С осени 1916 года Русское бюро было создано в новом, третьем составе, куда вошли П. А. Залуцкий, В. М. Молотов и А. Г. Шляпников (там же, стр. 543-544).

Русскому бюро ЦК оказывали помощь Петербургский комитет, созданный летом 1916 года, Московское областное бюро ЦК РСДРП, Кавказское бюро РСДРП, ЦК с.-д. партии Латышского края (до мая 1916 г.), Бюро северобалтийской организации РСДРП (с января 1917 г.). Другие организации распались или бездействовали. Официальный историк признает:

«Но окружных и областных организаций в годы войны было мало, действовали они эпизодически и не имели прочных связей с местами» («История КПСС», т. 2, стр. 544). К тому же «в начале войны произошло заметное снижение численности партии» (там же).

Вообще численность партии в обеих столицах была невелика. В ноябре 1914 года в Петрограде было 100-120 с.-д. Но по мере продолжения войны и роста трудностей в стране росло и недовольство среди рабочих. Это сказалось и на росте членов партии. Так, к началу 1917 года Петроградская организация насчитывала 2000 человек. Эти две тысячи и есть тот костяк, который через десять месяцев совершит Октябрьский переворот в столице. В Москве летом 1915 года было 200 большевиков, а к осени – около 500. В Харькове весной 1915 года было 15 членов партии, к осени – 85, а осенью 1916 года – 200, к началу 1917 года – 400 (там же, стр. 547-548).

После почти годичного перерыва начал выходить в Швейцарии ЦО

«Социал-демократ» – с 1 ноября 1914 года по 31 января 1917 года было выпущено 26 его номеров. В ограниченном количестве «Социал-демократ» доходил и до России. Транспортировкой литературы занималась при ЦК специальная группа через Стокгольм с использованием путей на шведско-русской и норвежско-русской границах. В самой России в 80 городах было издано более 600 различных листовок тиражом около двух миллионов экземпляров («История КПСС», т. 2, стр. 550-551). Большевистские группы в России действовали и в различных легальных организациях – в профсоюзах, страховых обществах, больничных кассах, кооперативах. «Часто легальные организации служили прикрытием нелегальной деятельности», – пишет официальный историк (там же, стр. 556).

С самого начала войны большевики всеми доступными им средствами старались проникнуть в армию, на фронт. «Большевики знали, что без привлечения солдатских масс на сторону борющегося пролетариата нельзя рассчитывать на победу революции», – пишет тот же историк (там же стр. 559).

Большевики создавали партийные группы в армии, снабжали их нелегальной литературой. Успехи такой работы оказались настолько очевидными, что в середине 1916 года Департамент полиции сообщал:

«Издаваемые Петроградским Комитетом РСДРП революционные воззвания получили весьма широкое распространение за пределами Петрограда и в значительном количестве попадают в действующую армию и флот» (там же, стр. 559).

Почти каждый партийный комитет имел свой военный отдел; который вел работу среди тыловых частей, рассылал литературу на фронт, организовывал агитационные поездки своих членов в части, создавал в этих частях новые партийные группы. На Северном фронте и на кораблях Балтийского флота было создано 80, а на Западном фронте 30 военных партийных организаций (там же, стр. 560). На военной работе партии выдвинулись тогда такие будущие военные лидеры большевиков, как Дыбенко, Раскольников, Фабрициус, Фрунзе, Мясников и др.

Дела в меньшевистских организациях обстояли гораздо хуже, чем у большевиков. В январе 1916 года Мартов в письме к Аксельроду вполне законно опасался, когда писал:

«В России наши дела плохи... Дан боится, что все жизое уйдет к ленинцам» («Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, 1901-1916 гг.»,

Берлин, 1924, стр. 355).

Так оно на самом деле и было. Ленинская доктрина сочетания легальной работы с нелегальной блестяще выдержала испытание как раз в условиях войны. Ликвидаторов-легалистов легко ловила царская полиция, ибо у них не было нелегального аппарата. Уцелевшие из них, по иронии судьбы, находили теперь убежище в нелегальных организациях у ленинцев, которых они раньше так жестоко критиковали, как заговорщические организации.

Таково было положение партии, когда началась Февральская революция. На участие политических партий в Февральской революции 1917 года в литературе существуют различные точки зрения. Участник событий и первый историк русской революции 1917 года левый меньшевик Н. Суханов, который называл себя «полуленинцем», пишет:

«Ни одна партия не готовилась к великому перевороту. Все мечтали, раздумывали, предчувствовали, "ощущали"»... (Н. Суханов, Записки о революции, кн. 1, Берлин–Петроград–Москва, 1922, стр. 19).

Это скорее эмоциональная оценка, чем реальный анализ. Нет никакого сомнения, что Февральская революция была величайшая из стихийных народных революций. Так же мало сомнения, что она не произошла по расписаниям политических партий. Однако, будучи актом стихийного взрыва народного возмущения, Февральская революция вовсе не была случайностью. Она была подготовлена всем предшествующим историческим развитием России. В этой ее исторической подготовке левые политические партии России – от кадетов до большевиков – сыграли свою роль. Систематическая критика бездарности царского правительства лидерами кадетской партии с трибуны Государственной думы, откровенные разоблачения всего существующего строя с угрозами революцией с той же трибуны лидерами эсеров (Керенский) и меньшевиков (Скобелев, Чхеидзе), революционно-разлагательная работа вне Думы со стороны большевиков, саморазоблачения династии из-за пройдохи Распутина и министерской чехарды, плюс повсеместное возрастающее недовольство войной, – все это создало ту накалённую атмосферу, в которой нужен был лишь повод, чтобы произошел февральский взрыв.

Конечно, буржуазные партии были застигнуты врасплох Февральской революцией. Конечно, верхи меньшевиков в Думе почти не имели контакта с революционным подпольем, но большевики после разгрома своих легальных

органов (фракции в Думе, газета «Правда») все свои силы бросили в подполье. Петроградское и московское подполье – это фактически большевистское подполье. Бюро ЦК и его агентура, работавшая в массах, предвидели и информировали заграничное бюро ЦК о февральских событиях. Только в 1965 году опубликован секретный доклад главы Русского бюро ЦК А. Шляпникова в ЦК РСДРП (Ленину). Из этого исключительно важного документа о работе Бюро ЦК накануне Февраля приведем следующую выдержку:

«Организационные дела у нас неплохи, но могли быть куда лучше, если бы были люди. Теперь успешно организуем Юг, Поволжье, Урал. Основано Московское Областное Бюро. Ждем известий с Кавказа. Требуют людей и литературы. Постановка производства последней внутри России – очередная задача Бюро ЦК. Публику удалось подобрать хорошую, твердую и способную. По сравнению с тем, как обстоят дела у других, – у нас блестяще. Можно сказать, что Всероссийская организация в данное время есть только у нас... Меньшевики, объединенцы и прочие отколовшиеся вновь поступают в ряды партии... Политическая борьба с каждым днем обостряется. Недовольство бушует по всей стране. Со дня на день может вспыхнуть революционный ураган... Настроение угрожающее» («Вопросы истории КПСС», № 9, 1965, стр. 81).

«Революционный ураган» поднялся через пару недель. Некоторые историки пишут: для Ленина революция 1917 года была неожиданностью. Ведь в том и заключается вся суть ленинизма, что любая большая война, особенно мировая война в «эпоху империализма», по Ленину, есть источник революции. Ленин ни на секунду не сомневался в том, что в конце первой мировой войны в Европе, в том числе и в России в первую очередь («слабое звено»!) обязательно вспыхнет революция. Как доказательство этого тезиса можно привести из Ленина не одну, а тысячи цитат и даже целую книгу «Империализм, как высшая стадия капитализма» (написана весной 1916 года, вышла в апреле 1917 г.). В этом нет нужды. Приведем только цитату из того доклада Ленина в январе 1917 года, на который ссылаются эти историки. Там Ленин говорит: «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией... Ближайшие годы как раз в связи с этой хищнической войной приведут в Европе к народным восстаниям». Дальше идет то место, которое якобы доказывает «неожиданность» для Ленина революции: «Мы, старики, может быть, не доживем до

решающих битв этой грядущей революции» (Ленин, Собр. соч., 3-е изд., т. XIX, стр. 357). В ленинском понимании мы не дожили «до решающих битв» даже сегодня, ибо под «решающими битвами» Ленин имел в виду торжество европейской или даже мировой революции.

Приведу еще одну цитату из статьи Ленина от 31 января 1917 года, которая называется «Поворот в мировой политике». В этой статье категорически сказано: «Революционная ситуация в Европе налицо» (там же, стр. 385). Более того, Ленин в той же статье называет политиков, которые составят новое революционное правительство, если царь заключит сепаратный мир с кайзером. Ленин говорит, что это правительство будут возглавлять «Милюков и Гучков, если не Милюков и Керенский» (там же, стр. 381). Когда эти политики пришли к власти и без сепаратного мира, но в результате народной стихийной революции, то Ленин внес в свой прогноз лишь одну корректуру: «Оказалось и-и: все трое вместе. Премило!» (там же, т. XX, стр. 5-6).

Что таково было внутреннее убеждение Ленина засвидетельствовала нам и его жена Н. Крупская. Она писала: «Никогда, кажется, не был так непримиримо настроен Владимир Ильич, как в последние месяцы 1916 и первые месяцы 1917 г. Он был глубоко уверен, что надвигается революция» (Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, Москва, Политиздат, 1957, стр. 271).

Начало революции очевидцы описывают так:

«В четверг 23 февраля с утра в Петрограде начались забастовки на заводах и сразу же приняли характер уличных народных волнений. Они возникли стихийно... вследствие того, что очередям у лавок не хватило хлеба... Со второго дня в толпе появились красные флаги, слышались крики. «Долой войну! Дайте хлеба! Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!» (Д. Заславский и Вл. Канторович, «Хроника февральской революции», Москва, 1923, т. 1, стр. 18-19).

Но положение с каждым днем ухудшается. В телеграмме председателя Думы Родзянко к царю от 25 февраля оно охарактеризовано так:

«Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано... на улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно...»

Телеграмма, видимо, не произвела впечатления на царя. Родзянко послал вторую телеграмму:

«Положение ухудшается. Надо принять немедленно меры, ибо завтра будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии» (там же, стр. 25, 28).

Царь ответил роспуском Думы. Но тогда фактически восстала и сама Дума – лидеры Думы решили не расходиться и создали Временный думский Комитет «в целях поддержания сношений с властями и учреждениями». Временный Комитет состоял из 11 членов. Были представлены все думские партии, в том числе социалисты-революционеры (Керенский) и социал-демократы-меньшевики (Чхеидзе). Члены Временного Комитета, во главе с Родзянко, были, кроме двух социалистов, монархистами и убежденными врагами всякой революции. Но бурные февральские дни, вопреки их воле, навязали им роль штаба революции. Современники свидетельствуют:

«Пока члены Государственной думы колебались, события навязывали Таврическому дворцу (Думе) руководящую роль. Воинские части и толпы со всех сторон направлялись сюда. У Керенского, Скобелева, Чхеидзе требовали директив. Приводили арестованных... Свозили оружие...» (там же, стр. 29).

Временный Комитет все еще отказывался взять власть в свои руки от имени революции. Он думал по-хорошему уговорить рабочих вернуться на заводы, а солдат – в казармы. Но это оказалось абсолютно безнадежным делом. Член Временного Комитета монархист Шульгин так описал свое впечатление от тех дней:

«Пулемётов – вот чего мне хотелось, ибо я чувствовал, что только язык пулемётов доступен уличной толпе и что только он, свинец, может загнать обратно в его берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы – этот зверь был... его величество русский народ» («История гражданской войны в СССР», Москва, 1935, стр. 70-71).

Наряду с Временным Комитетом, который станет потом основой официальной власти, 27 февраля создается еще новая, неофициальная революционная власть – Совет рабочих депутатов. Во главе этого Совета сразу оказались лидеры эсеров и меньшевиков, так как это была не только их идея, но и создавался он вокруг их фракций в Государственной думе. В том же Таврическом дворце, где находилась Дума, в 9 часов вечера 27 февраля под председательством Чхеидзе собралось первое заседание Совета рабочих

депутатов. На нем был избран Исполнительный комитет из 14 членов и президиум из *3* человек. В президиум вошли два меньшевика (Чхеидзе и Скобелев) и один эсер (Керенский). В исполком были избраны и два большевика (члены ЦК Шляпников и Залуцкий). Секретарем Исполнительного комитета был назначен меньшевик Соколов, редактор знаменитого «Приказа № 1».

Позже Исполком советов был расширен введением туда официальных представителей от социалистических партий (меньшевиков, большевиков, эсеров, трудовиков, народных социалистов, бундовцев, «межрайонцев», латышских социал-демократов). От большевиков были введены Сталин и Молотов (Д. Заславский и Вл. Канторович, цит. пр., стр. 30).

28 февраля Совет выпустил «Воззвание», в котором говорилось, что Совет образовался из выборных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий. Совет ставил своей основной задачей «организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России. Совет назначил районных комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда» (там же, стр. 284). «Воззвание» не говорит ни слова о республике, ограничиваясь ссылкой на будущее Учредительное собрание. Но уже 28 февраля, в условиях окончательной победы революции в Петрограде, Временный Комитет берет власть в свои руки и тут же открывает переговоры с Исполкомом Советов о составлении коалиционного правительства.

Вопрос о характере, составе и программе нового правительства оказался весьма трудным, а для социалистов и просто – неразрешимым. По этому вопросу среди партии Советов образовались три группы: небольшая группа Керенского, которая была за то, чтобы Советы официально участвовали во Временном правительстве, еще меньшая группа большевиков, которая предлагала создать «временное революционное правительство» рабочего класса и революционной армии, но без буржуазии и, наконец, третья группа большинства

Совета во главе с меньшевиками (Суханов, Стеклов, Чхеидзе) была против участия социалистов, как и Советов, во Временном правительстве.

Меньшевиками руководили деловые мотивы (у партии нет квалифицированных сил составить правительство) и мотивы, которые можно назвать догматическими (Февральская революция есть буржуазная

революция, а потому и правительство должны составить буржуазные партии). Поэтому предложение об участии во Временном правительстве Исполнительный Комитет Советов 13-ю голосами против 7 отверг (там же, стр. 43). Исполком выработал условия, при которых он признает создаваемое правительство. Стараясь сделать свои условия приемлемыми для кадетов, Исполком исключил из этих условий главные вопросы революции – о форме власти (республика), о земле, о мире, о 8-ми часовом рабочем дне. Эти вопросы отнесены к компетенции будущего Учредительного Собрания, которое, однако, надо созвать в самый короткий срок.

Перед новым правительством вставали следующие непосредственные задачи: обеспечение всех гражданских свобод, демократизация армии, уничтожение полиции и замена ее милицией, немедленная организация демократических выборов в органы местного самоуправления, невывод петроградского гарнизона из Петрограда. На встрече между Временным Комитетом и представителями Советов (Чхеидзе и др.) эти условия, в основном, были приняты.

2 марта царь отрекся от престола за себя и за наследника – своего сына Алексея – в пользу великого князя Михаила. 3 марта отрекся и Михаил. Династия Романовых прекратила свое существование. Того же 3 марта был опубликован назначенный Временным Комитетом Думы состав Временного правительства, в котором участвовал только один социалист – Керенский, вице-председатель Совета. Одновременно было опубликовано и «Воззвание» Совета рабочих и солдатских депутатов, в котором приветствовались намеченные Временным правительством реформы: амнистия, гражданские свободы, отмена религиозных и национальных ограничений, немедленная подготовка созыва Учредительного Собрания, замена полиции милицией, демократические выборы в органы местного самоуправления, неразоружение и невывод из Петрограда его гарнизона, при сохранении военной дисциплины устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами.

Совет обещал поддержку Временному правительству в той мере, в какой оно будет осуществлять эти реформы. Это была формула условной поддержки, которой пользовались и большевики до возвращения Ленина из-за границы (там же, стр. 288-289).

Большевистские историки приписывают большевистской партии в Февральской революции такую выдающуюся роль, которая не подтверждает-

ся ни документами, ни свидетельствами современников. В «Истории гражданской войны в СССР» сказано:

«В авангарде баррикадных бойцов шли большевики, а в Советах очутились в подавляющем большинстве меньшевики и эсеры» (т. 1, стр. 84).

Авторы шеститомной «Истории КПСС» пишут, что «Петроградские большевики использовали отмечавшийся 23 февраля Международный день работницы для проведения собраний и митингов... 23 февраля, когда боевое настроение масс вылилось в мощные демонстрации, заполнившие улицы и площади столицы, явилось первым днем революции... Бюро ЦК и Петербургский комитет дали директиву максимально развивать начавшееся движение» (т. 2, стр. 659, 660).

Выходит, Февральская революция началась по директиве Бюро ЦК и Петроградского комитета, хотя самой этой директивы авторы не приводят. Авторы зато приводят листовки обоих этих комитетов к рабочим, призывающие их продолжать борьбу. Но эти листовки выпущены уже в разгаре революции – 25 февраля. Начиная с этого дня, Бюро ЦК и Петербургский комитет принимают энергичное участие в событиях. Но уже утром 26 февраля почти весь Петербургский комитет арестован, его функции переходят к Выборгскому районному комитету (там же, стр. 667). Не только забастовки и демонстрации, но и стихийно начавшееся вооруженное восстание большевистские авторы приписывают руководству своего ЦК. Они пишут:

«Вечером 26 февраля на станции Удельная собрался Выборгский комитет вместе с представителями Бюро ЦК. Руководящий центр петроградских большевиков решил перевести стачку в вооруженное восстание. Был намечен план действия: братанье с солдатами, разоружение полицейских, захват складов с оружием, вооружение рабочих, выпуск манифеста от имени ЦК РСДРП» (там же, стр. 668-669).

Этот «план действий» составлен задним числом через почти 50 лет после самих событий, поэтому авторы не могут его подтвердить какими-либо документами, хотя бы мемуарного порядка. Только последний пункт этого мнимого плана имел место: выпуск Манифеста ЦК.

Манифест был составлен в духе известных требований партии: демократическая республика, 8-ми часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель, прекращение войны, но в нем отсутствовало самое главное требование Ленина – призыв к поддержке Советов рабочих и солдат-

ских депутатов, – зато выдвигалось требование о создании «Временного революционного правительства», которого не выдвигал Ленин («История гражданской войны в СССР», т. 1, стр. 74). Между тем, сам Ленин полагал, что в Манифесте ЦК говорится о Советах, когда он анализировал этот Манифест в изложении заграничных газет (Ленин, ПСС, т. 31, стр. 34). Но то, что обошли ученики Ленина, было выдвинуто как центральный пункт в воззвании Организационного Комитета РСДРП, то есть меньшевиков, в котором сказано, что Совет рабочих депутатов будет единой организующей силой, которая доведет «всенародную революцию до ее победного конца» (Заславский и Канторович, цит. пр., стр. 286).

Почему меньшевики, а не большевики встали во главе Петроградского Совета? Большевистский историк отвечает на этот вопрос так:

«Значительную роль здесь сыграло то обстоятельство, что меньшевики имели возможность в течение всей войны действовать легально, на виду, обладая таким важным легальным опорным пунктом, как думская фракция. Большевики, загнанные в глубокое подполье, всего этого были лишены... Была еще одна причина. Русское бюро ЦК, уделяя все внимание вооруженному восстанию, недооценило вопроса о власти» («История КПСС», т. 2, стр. 676, 677). Л. Троцкий тоже пишет о «беспомощности и беспринципности» Русского бюро ЦК – Шляпникова, Залуцкого, Молотова в первые дни революции (L. Trotzki, Geschichte der russischen Revolution, S. 112, Frankfurt/M., Fischer Verlag, 1967). На вопрос, кто же руководил Февральской революцией, Троцкий отвечает – сознательные рабочие, воспитанные партией Ленина, но тут же добавляет: «Это руководство оказалось достаточным, чтобы обеспечить победу восстания, но недостаточным, чтобы передать руководство революцией в руки пролетарского авангарда», т. е. в руки большевиков (там же, стр. 139).

Почему власть не взяли большевистские силы, Ленин объяснил очень просто: «Не взяли власть потому, что неорганизованы и бессознательны» (Ленин, ПСС, т. 31, стр. 106). Самое интересное своеобразие Февральской революции заключалось, по Ленину, в том, что возникла не одна, а сразу две власти, конкурирующие между собою: Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов, знаменитое «двоевластие».

Первый председатель Временного правительства князь Г. Е. Львов писал впоследствии, что «Временное правительство было властью без силы, тогда как Совет рабочих депутатов был силой без власти» («История КПСС»,

т. *3,* кн. I, стр. 4).

Глава 8

ЦК В РЕВОЛЮЦИИ

Первый отклик Ленина на Февральскую революцию была его телеграмма на французском языке в Стокгольм 6 (19) марта 1917 года. Телеграмма была адресована «Большевикам, отъезжающим в Россию», В ней в нескольких словах дана тактическая директива Русскому бюро ЦК и большевистской партии. Вот её содержание:

«Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата – единственная гарантия... Никакого сближения с другими партиями. Телеграфируйте это в Петроград» (Ленин, ПСС, т. 31, стр. 7).

Телеграмма эта была доставлена в Петроград, 13 (26) марта оглашена на заседании Русского бюро ЦК и – в тот же день – на заседании Исполнительной комиссии Петербургского комитета (там же, стр. 502-503).

Эта директива Ленина не только не была принята лидерами партии в России, но она даже не была и понята ими. Если старый состав Русского бюро ЦК в феврале был левее и ближе к ленинской точке зрения в смысле углубления революции и захвата власти («создать временное революционное правительство»), если старая «Правда», начавшая выходить с 5 марта (редакция – Ольминский, Калинин, Еремеев, Молотов), объявляла Временное правительство Львова-Керенского контрреволюционным, то новый состав Русского бюро ЦК и новая редакция «Правды» (Каменев, Сталин, Сокольников) стояли на антиленинских позициях. Это о старом составе ЦК и о старой редакции писал Ленин: «Мы за ЦК в России, за "Правду", за свою партию, за пролетарскую милицию, подготовляющую мир и социализм» (там же, т. 49, стр. 410); ничего подобного о новом составе бюро ЦК и о новой редакции «Правды» Ленин не пишет.

Насколько новое руководство ЦК стало в оппозицию к Ленину, показывает и тот факт, что «Правда» согласилась напечатать только одно из четырех писем Ленина о тактике, присланных из Швейцарии и предназначенных к печати («Письма издалека»). Даже и это письмо было напечатано с большими сокращениями. По словам большевистского комментатора Сочинений Ленина, – «сокращения касаются, главным

образом, характеристики лакействующих перед буржуазией лидеров соглашательских партий – меньшевиков и эсеров... а также разоблаченных Лениным монархических и империалистических устремлений Временного правительства» (там же, т. 31, стр. 504). Вот как раз эти два вопроса – вопрос об отношении к Временному правительству и вопрос об отношениях между большевиками и меньшевиками – и составляли корень разногласий между Лениным и новым ЦК. Чтобы понять суть дела, надо рассказать о тех переменах в составе ЦК, которые произошли в первые две недели после Февральской революции.

При Сталине протоколы ЦК этого периода держались в строжайшей тайне. Впервые они опубликованы в 1962 году, в разгар разоблачительной кампании против Сталина. Они дают возможность восстановить действительную политику ЦК до возвращения Ленина в Россию, а тем самым понять и смысл той первой революции в России, которую Ленин провел против собственной партии, без которой абсолютно была бы невозможна и вторая революция Ленина – Октябрьская.

В марте Русское бюро ЦК заседает ежедневно или через день-два. Первое расширенное заседание его происходит 4 (17) марта. Судя по протоколу, можно думать, что на этом заседании, кроме членов Бюро ЦК Шляпникова, Залуцкого и Молотова, приняли участие и бывшие члены бюро ЦК – Еремеев, Шведчиков, Залежский («Вопросы Истории КПСС», № *3,* 1962, стр. 136).

На этом заседании были распределены обязанности между членами Бюро, а также привлечены к работе новые лица. Было решено приступить к возобновлению издания «Правды», назначена редакция (Еремеев, Молотов и Калинин), указано, что «все три редактора одинаково ответственны, и вопросы решаются ими единогласно», в случае разногласия – верховный арбитр Бюро ЦК. Хозяйственная часть возложена на Шведчикова. Сношения с заграницей поручены С. М. Заксу, а с провинцией – Г. И. Бокию. Ведать финансами партии поручено Шляпникову (там же, стр. 136-137).

Самым важным решением заседания 4 марта надо считать принятие резолюции о «тактических задачах». В этой резолюции предвосхищена ленинская характеристика Временного правительства. Там сказано: «Теперешнее Временное правительство по существу контрреволюционно, так как состоит из представителей крупной буржуазии и дворянства, а потому с ним не может быть никаких соглашений» (там же, стр. 136).

Только во второй части не совсем «диалектические» ученики Ленина повторяли устаревшую формулу своего учителя из революции 1905 года: «Задачей революционной демократии является создание Временного революционного правительства демократического характера (диктатура пролетариата и крестьянства)» (там же).

Для Ленина власть Советов рабочих и солдатских депутатов и была теперь новой формой «диктатуры пролетариата и крестьянства», которую он в 1905 году не совсем ясно себе представлял.

На совершенно противоположной, антиленинской, точке зрения стоял Петербургский комитет. *3* марта он постановил одобрить решение Петроградского Совета от 2 (15) марта об условной поддержке Временного правительства. Когда Бюро ЦК захотело выправить положение и предложило ему на утверждение резолюцию, в которой отвергалась любая поддержка «контрреволюционного Временного правительства», то Петербургский комитет

еще раз подтвердил 13 (26) марта свое старое решение (там же, стр. 155).

В начале марта начали возвращаться из Сибири старые большевики, бывшие члены или агенты ЦК. Это привело к постепенному расширению состава ЦК.

Так, 7 (20) марта Бюро ЦК постановило расширить свой состав включением в него бывших членов Бюро ЦК, освобожденных из тюрем и вернувшихся из ссылки, – К. С. Еремеева, В. Н. Залежского, и К. М. Шведчикова, кроме того, было удовлетворено желание Петербургского комитета включить в состав Бюро ЦК трех его представителей – М. И. Калинина, К. И. Шутко и Хахарева. На заседании Бюро ЦК от 8 марта в состав Бюро ЦК были кооптированы еще следующие лица: Ольшанский, М. И. Ульянова (сестра Ленина), А. И. Елизарова-Ульянова (другая сестра Ленина). На том же заседании были приняты две важные тактические резолюции: о войне и об отношении к Временному правительству. Резолюция о войне составлена в духе Манифеста ЦК о войне 1 ноября 1914 года с указанием на то, что война и при новом правительстве остается империалистической, поэтому лозунг партии – «превращение империалистической войны в войну гражданскую» – остается в силе и сейчас. Что же касается отношения к Временному правительству, то в протоколе сказано:

«Из прений выяснилось, что все члены Бюро считают невозможным поддерживать Временное правительство, однако, и активное противодействие не представляется возможным, как невозможно взять на себя ответственность за правительство» (там же, стр. 141).

Бюро ЦК по мере своего расширения становилось все более миролюбивым по отношению к Временному правительству, явно отходя от ленинской линии, если речь идет не о декларациях (о войне), а о практике работы в Советах.

Возникают серьезные трения между Бюро ЦК и Петербургским комитетом, в состав которого в марте входили: Н. К. Антипов, В. Н. Залежский, М. И. Калинин, Н. П. Комаров, И. И. Стучка, Н. Г. Толмачев, К. И. Шутко, Н. И. Подвойский и А. Г. Шляпников («История КПСС», т. 3, кн. I, стр. 22). Как мы выше видели, Петербургский комитет был с самого начала еще более миролюбиво настроен по отношению к Временному правительству, чем Бюро ЦК. Кроме того, он претендовал на самостоятельную руководящую роль в Петроградском Совете, иногда игнорировал директивы Бюро ЦК. Об этом говорилось на заседании Бюро ЦК от 12 марта. Петербургский комитет сделал на этом заседании заявление, что, в отличие от Бюро ЦК, «выступления Петербургского комитета отвечают непосредственно данному моменту, интересам дня, его резолюции более конкретны... Петербургский комитет находит необходимым, чтобы директивы Бюро ЦК передавались на рассмотрение Петербургского комитета для ознакомления с ними, чтобы потом проводить их в жизнь. Далее указывалось, что Бюро. ЦК должно считаться с указаниями Петербургского комитета, так как Петербургский комитет опирается на массы. Было указано, что Бюро ЦК был сделан целый ряд ляпсусов в Манифесте... Такими фактами Бюро ЦК дискредитирует большевизм. Далее товарищи обратили внимание на пустоту "Правды"» («Вопросы истории КПСС», № *3,* 1962, стр. 144).

Таким образом, в самой большевистской партии в Петрограде образовалось «двоевластие» – Бюро ЦК, как легальная высшая партийная инстанция, и Петербургский комитет, как фактическая власть над партией в столице.

Поскольку половина членов Бюро одновременно являлись и членами Исполнительной комиссии Петербургского комитета, то «двоевластие» явно склонялось к единовластию Петербургского комитета. Произошло событие,

которое воспрепятствовало развитию дела в этом направлении. Событие это – возвращение из Сибири бывших членов ЦК Муранова и Сталина, а также бывшего члена редакции Центрального органа Каменева. На том же заседании ЦК от 12 марта обсуждался вопрос о включении их в состав Бюро ЦК, а также о введении в состав ЦК Бокия. Обсуждению данного вопроса предпослано заявление о том, кого из новых лиц и по каким критериям Бюро ЦК кооптирует в свой состав. В заявлении сказано, что Бюро ЦК привлекает в свой состав всех тех лиц, которых оно считает полезными по своему «политическому кредо», а также «ценных теоретических работников». Бокий был включен в состав Бюро ЦК, «так как он стоит на позиции Бюро ЦК. Далее решался вопрос о тов. Муранове, Сталине и Каменеве. Первый приглашен единогласно. Относительно Сталина было доложено, что он состоял агентом ЦК в 1912 году (ошибка: Сталин был агентом ЦК с 1910 года, а членом ЦК с 1912 года. – А. А.) и потому являлся бы желательным в составе Бюро ЦК, но ввиду некоторых личных черт, присущих ему, Бюро ЦК высказалось в том смысле, чтобы пригласить его с совещательным голосом. Что касается Каменева, то ввиду его поведения на процессе (1915) и тех резолюций, которые были вынесены относительно него большевиками, решено принять его в число сотрудников "Правды"... статьи его принимать как материал, но за его подписью не выпускать» (там же, стр. 143).

Кроме того, Каменеву было предложено дать объяснение своему поведению на процессе депутатов Государственной думы в 1915 году (там Каменев отмежевался от линии ЦК в отношении войны). В обсуждении вопроса о Сталине и Каменеве Бюро ЦК продемонстрировало свою полную юридическую и политическую беспомощность. Юридическую – потому, что члены ЦК (Сталин) и члены ЦО (Каменев) из-за ареста своих постов в партии не теряли и после освобождения им автоматически возвращалось их старое положение. Политически – потому, что как лидеры партии они превосходили всех членов Бюро ЦК вместе взятых.

Не прошло и нескольких дней, как они это доказали – с середины марта Сталин и Каменев забирают в свои руки власть и над ЦК, и над «Правдой». Это кладет конец и «двоевластию» в

руководстве партией в Петрограде. Но пока что

властвует старый ЦК.

Ввиду расширения состава Бюро ЦК был избран президиум Бюро ЦК. Туда вошли: Муранов, Молотов, Стасова, Ольшанский, Шляпников (Беленин)

и кандидатом Залуцкий (Петров) (там же, стр. 145).

На заседании Бюро ЦК от 13 марта (присутствовало 11 человек, в том числе и Сталин, с совещательным голосом) была оглашена телеграмма Ленина, в которой содержались лозунги «никакой поддержки Временному правительству», «вооружение пролетариата», «никакого сближения с другими, партиями». Вероятно, эта телеграмма была встречена далеко не дружелюбно. Она осуждала позицию условной поддержки Временного правительства и отвергала всякие соглашения с меньшевиками, то есть осуждала ту политику, которую до сих пор вело большинство Бюро ЦК и весь Петербургский комитет. Вероятно, этим и объясняется то, что после обсуждения телеграммы Ленина «был поставлен вопрос о необходимости дискуссии о тактике, ибо одни голые лозунги являются недостаточными... Было постановлено, что необходимо иметь платформу, раскрывающую лозунги, выставленные Бюро ЦК» (там же, стр. 145).

Для этой цели создали комиссию, куда вошел и Сталин. Было доложено, что по политическим и партийным соображениям Каменев отказывается давать отчет о своем поведении на суде «впредь

до переговоров с тов. Лениным». Была реорганизована редакция «Правды». Сюда вошли теперь: Ольминский, Сталин, Калинин, Еремеев и Ульянова (там же, стр. 146). На том же заседании Молотов подал в отставку со всех постов в Исполкоме совета, президиуме Бюро ЦК и редакции «Правды», ввиду «недостаточной опытности».

Из протокола Бюро ЦК явствует, что Каменев и Сталин, не будучи даже членами Бюро ЦК, фактически начали определять политику не только редакции «Правды», но и самой партии, что вызвало недовольство Бюро ЦК. Особенное недовольство Бюро ЦК вызвала передовая статья «Правды» «Без тайной дипломатии» (Каменев, Сталин) от 15 марта, в которой Сталин и Каменев становились правее даже правого ЦК и, по существу, поддерживали политику Временного правительства в войне. По поводу этой статьи в протоколе Бюро ЦК от 15 марта сказано, что она «признается неудовлетворительной всеми членами Бюро ЦК и предложено *новым приезжим товарищам* до дискуссии держаться резолюций Бюро ЦК и ПК» (Петроградский комитет. – А. А.) (там же, стр. 148).

«Новыми приезжими товарищами» и были Каменев и Сталин. На том

же заседании они все-таки добились первого и серьезного успеха. Редакция «Правды» вновь была реорганизована, на этот раз в ее состав вошли: Каменев, Сталин, Молотов, Еремеев (там же, стр. 148).

Более того: Сталин был избран в президиум

Бюро ЦК (его состав теперь: Сталин, Шляпников, Муранов, Стасова, Залуцкий). Одновременно было решено вместо Молотова и еще одного большевика (Владимира) выдвинуть в Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов Сталина и Каменева (там же, стр. 149). Так, окончательно, Каменев и Сталин взяли на себя руководство в ЦК, «Правде» и большевистской фракции в Совете.

Но сопротивление в ЦК против Каменева продолжается. На заседании Бюро ЦК от 17 марта принимается новое решение, чтобы не вводить Каменева ни в состав Бюро ЦК, ни в состав Совета, пока вопрос о нем не будет решен на партийной конференции (там же, стр. 150).

На данном заседании обсуждалось заявление представителя меньшевиков-интернационалистов (группы Мартова) об объединении с большевиками, а также заявление о том же «Междурайонного комитета объединенных социал-демократов». «Междурайонная организация» была создана в Петербурге в ноябре 1913 года из разных групп, отошедших и от меньшевиков, и от большевиков. Сюда входили: троцкисты, часть партийцев-меньшевиков, большевики-«впередовцы», большевики-примиренцы. К этой группе присоединился и Троцкий в мае 1917 года, после своего возвращения в Россию. Кроме него, здесь были и такие большевистские деятели, как Луначарский, Мануильский, Урицкий, Володарский. Бюро ЦК по этому вопросу высказалось в том смысле, что оно слияние междурайонной организации с партией «находит желательным и приветствует», но решение по этому вопросу передает Петроградскому комитету («Петербургскому комитету переименоваться в Петроградский комитет, дабы избежать ненужных заподозреваний в германофильстве», – там же, стр. 146).

Ленин стоял на той же точке зрения в отношении «междурайонцев» (Ленин, Соч., 4-ое изд., т. 24, стр. *395).*

Но важно было другое решение, в котором сказано:

«Что же касается вопроса объединения с меньшевиками-интернационалистами, то его следует внести на обсуждение руководящих коллективов Бюро ЦК, ПК и группы литераторов» («Вопросы истории КПСС», № *3,* 1962, стр. 151).

«Группа литераторов» – это группа Ленина и Зиновьева из ЦО «Социал-демократ», но «группа литераторов» устами Ленина уже заявила: «никакого сближения с другими партиями». Говоря о группе Мартова, Ленин ставил условием ее включения в партию (а не объединения с ней!), чтобы эта группа публично «порвала с оборонцами» (Ленин, там же).

Резкий поворот вправо в политике ЦК происходит на заседании от 22 марта, когда были приняты два весьма важные политические решения: о Временном правительстве и о войне и мире. Эти решения опубликованы в «Правде» от 26 марта 1917 года как директивные документы высшего органа партии между съездами – ЦК. Тем не менее, они не вошли в кодификацию партийных решений – в сборники «КПСС в резолюциях». Это значит – нынешний ЦК КПСС их не признает. В чем дело, выясняется из их беглого анализа. Выясняется также, что ЦК, как и вся партия большевиков, со времени возвращения (13 марта) из Сибири Сталина, Каменева, Свердлова, Рыкова, Орджоникидзе и других членов ЦК до самого возвращения из-за границы Ленина (4 апреля) вел оппортунистическую, соглашательскую, антиленинскую политику по отношению к Временному правительству. В этих резолюциях сказано:

1. О Временном правительстве:

«Советы должны осуществлять самый решительный *контроль* над всеми действиями Временного правительства («Вопросы истории КПСС», № 3, 1962, стр. 153).

Точка зрения Ленина: контроль над Временным правительством – вреднейшая иллюзия. Вся власть должна перейти к Советам снизу доверху по всей стране.

2. О войне и мире:

«Заставить Временное правительство не только отказаться от всех завоевательных планов, но немедленно и открыто формулировать волю народов России, предложить мир всем воюющим странам» (там же, стр. 153).

Точка зрения Ленина: думать, что можно заставить империалистическое Временное правительство заключить мир – значит, сеять вреднейшую иллюзию. Только власть Советов может предложить и заключить такой мир.

Официальный историк партии сознательно отрицает антиленинское направление в политике ЦК этого периода, хотя признает наличие в этих резолюциях важных тактических ошибок. Вот его рассуждение:

«Бюро ЦК, большинство местных организаций, редакция "Правды" в оценке продолжающейся войны стояли на ленинских позициях... Но они еще не смогли определить правильные пути выхода из войны, так как не ставили в повестку дня вопрос о переходе от первого ко второму, социалистическому, этапу революции, не связывали вопроса о войне с вопросом о власти» («История КПСС», т. 3, кн. I, 1967, стр. 36).

Что верно, то верно – любой вопрос, велик он или мал, философский он или бытовой – Ленин непременно связывал с вопросом о власти. Во всей большевистской партии в России не нашлось ни одного человека, который мог бы предложить альтернативу Временному правительству. Только один Ленин её нашел: Советы. Но, чтобы навязать партии эту альтернативу, нужно было, во-первых, физическое присутствие Ленина в России, во-вторых, «перевооружение большевизма». Тому и другому предшествовало еще одно собрание руководящих большевиков – Всероссийское совещание партийных работников 27 марта-2 апреля 1917 года.

Протокол этого Совещания тоже опубликован после разоблачения Сталина («Вопросы истории КПСС», № 5, 1962, стр. 106-125). Только после внимательного анализа докладов, прений и решений Совещания мы поймем, что перед вернувшимся из-за границы Лениным фактически стояла задача даже не «перевооружения большевизма», выражаясь терминологией Суханова и Троцкого, а прямая задача создания новой коммунистической партии. Через пять дней после своего возвращения – 9 апреля – Ленин так и писал в газете «Правда» в статье «О двоевластии»: «Создадим пролетарскую коммунистическую партию; элементы ее лучшие сторонники большевизма уже создали» (Ленин, ПСС, т. 31, стр. 147-148).

Другими словами, такой партии в России еще нет, есть только «сторонники» и «элементы»!

Как раз анализ работы названного Совещания и показывает, как глубоко прав был Ленин. Всероссийское (мартовское) совещание партийных работников было назначено Бюро ЦК в связи с предстоящим 29 марта 1917 года Всероссийским совещанием Советов рабочих и солдатских депутатов. Большевистские депутаты этого совещания вместе *с* Бюро ЦК должны были обсудить как согласованную тактику партии на советском совещании, так и основные вопросы политики партии на данном этапе революции. Исходя из этого, была составлена повестка дня. Она включала следующие вопросы: 1) об отношении к войне;

2) об отношении ко Временному правительству;

3) об объединении с меньшевиками (некоторые специальные вопросы обсуждались на секциях; были созданы секции: военная, организационная, секция по рабочему вопросу, аграрная, продовольственная, секция по местным делам). Было представлено 70 партийных организаций (из них *30* организаций были «объединенными» с меньшевиками), а всех делегатов было свыше 120 человек, то есть собралась вся элита партии («Вопросы истории КПСС», № 5, 1962, стр. 106, 123).

Из протокола видно, что на Совещании по главным обсуждаемым вопросам образовались три ярко выраженных течения: первое течение – это «революционные оборонцы» (те, которые поддерживают оборонческую линию Исполкома Петроградского Совета). Это течение представлено Войтинским, Элиава, Севруком и др. Второе течение – противоположное, левое. Его возглавляют Коллонтай, Милютин, Теодорович, Молотов. Третье течение – «условная оборона» страны и «условная поддержка» Временного правительства. Это течение объединяет подавляющее большинство участников Совещания. Возглавляют его Сталин и Каменев. Особняком стоит Красиков, о котором мы поговорим дальше.

На заседании 29 марта Сталин сделал доклад «Об отношении к Временному правительству». В отношении оценки социальной природы Временного правительства Сталин стоит на ленинской точке зрения (буржуазное, империалистическое правительство), но на вопрос о том, должны ли большевики его поддерживать, Сталин дал для большевика очень странный ответ: «Поскольку Временное правительство закрепляет шаги революции, постольку поддержка» («Вопросы истории КПСС», № 5, 1962, стр.

112). Сталин оглашает резолюцию Бюро ЦК, в которой сказано об установлении «самого решительного контроля над всеми действиями Временного правительства» через советы. Сталин говорит, что он не совсем согласен с резолюцией Бюро ЦК, а предпочел бы резолюцию, которую принял Красноярский Совет рабочих, солдатских и казацких депутатов. В данной резолюции говорится, что повиновение Временного правительства требованиям революции «может быть обеспечено только непрерывным *давлением* пролетариата, крестьянства и революционной армии» и что «поддерживать Временное правительство в его деятельности постольку,

поскольку оно идет по пути удовлетворения» этих требований (там же, стр. 112, 113, 114).

Содокладчик Войтинский, в основном, солидаризуется со Сталиным, но только более последовательно развивает точку зрения на необходимость поддержки Временного правительства, заявляя, что «Временное правительство – приказчик Совета рабочих депутатов» и что «взять власть целиком в свои руки невозможно при буржуазном строе» (там же, стр. 114, 115). Крестинский заметил идентичность точек зрений Сталина и Войтинского: «Разногласий в практических шагах между Сталиным и Войтинским нет» (там же, стр. 119).

По его мнению, вполне в духе Сталина была составлена и резолюция Войтинского о том, что «определенные революционные шаги правительства должны встречать поддержку» (там же, стр. 120, 2-е примечание).

На заседании 30 марта при обсуждении вопроса о внесении «поправок к резолюции Исполнительного комитета о войне» раздался, наконец, один голос, который прозвучал полным диссонансом во всей работе Совещания. Это выступление было настолько необычным и неожиданным, что вызвало не только негодование собрания, но и даже лишение слова самого оратора. Вот как протокол зафиксировал этот эпизод:

«Красиков: Суть не в поправках, не в демонстрации социал-демократических лозунгов, а в текущем моменте. Если мы признаем Советы депутатов органами, выражающими мнение народа, то вопрос не в том, какие конкретные меры приняты по тому или иному вопросу. Если мы считаем, что сейчас наступило время осуществления диктатуры пролетариата, то так и надо ставить вопрос. Физическая сила в смысле захвата власти, несомненно, у нас. Думаю, что физической силы хватит как в Петрограде, так и в других городах *(движение,* голоса: «неверно»). Я присутствовал…

Председатель: Вопрос о диктатуре пролетариата не обсуждается.

Красиков (продолжает): Раз вопрос стоит не так, то нужно ли по отношению к Временному правительству предпринимать шаги которые…

Председатель лишает его слова».

Бывший член ЦК Красиков (Павлович) оказался единственным ленинцем в этом зале, ибо в формуле «диктатура пролетариата» как главная задача текущего момента – момента перехода от первого этапа ко второму, социалистическому

этапу, как раз и был весь смысл «Апрельских тезисов» Ленина.

30 марта происходит объединенное заседание большевиков и меньшевиков по вопросу о войне. Выясняется, что у меньшевиков есть группа, близкая к большевикам (Ерманский), а у большевиков – группа, близкая к меньшевикам (Войтинский, Севрук, Элиава, Яхонтов, Позерн и др.).

По этой линии – отношения к войне – происходит раскол в большевистской партии. Вся группа «революционных оборонцев», кроме Позерна, покидает отдельное совещание большевиков, чтобы присоединиться к меньшевикам. Потом совещание выносит специальное постановление о приглашении их обратно («Вопросы истории КПСС», 1962, стр. 135).

Резолюция совещания большевиков о войне, в основном, повторяет то, что было сказано ранее на заседании Бюро ЦК: заставить Временное правительство предложить мир, а «вплоть до этого момента мы, отвергая дезорганизацию армии и считая необходимым сохранение её мощи, призываем всех солдат и рабочих остаться на своих постах и соблюдать полную организованность» (там же, стр. 136).

Большевистское совещание предложило эту резолюцию происходящему Совещанию Советов рабочих и солдатских депутатов, как проект его будущего решения о войне. Чтобы облегчить ему принятие такой резолюции, большевистское совещание похвалило еще раз «Манифест к народам мира», который выпустил Совет 14 марта 1917 года. Сталин тогда же в «Правде» писал об этом манифесте, что «нельзя не приветствовать вчерашнее воззвание Совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде к народам всего мира с призывом заставить собственные правительства прекратить бойню» (Сталин, Соч., т. 3, стр. 7). Ленин же, наоборот, говорил об этом манифесте, что он «есть величайшая теоретическая путаница, есть величайшая политическая беспомощность, есть осуждение самих себя и всей своей политики...» (Ленин, ПСС, т. *32,* стр. 278).

Вот эта «путаница» и «беспомощность» повторились еще раз. В этой связи интересно одно место из письма Ленина 30 марта к Ганецкому, в котором он говорит об особой ответственности Каменева: «Каменев должен понять, что на него ложится всемирно-историческая ответственность» (Ленин, ПСС, т. *49,* стр. 423).

Большие прения на большевистском совещании вызвало обсуждение вопроса об отношении к Временному правительству. Заседание 31 марта

было целиком посвящено этому вопросу. Принятая ранее Бюро ЦК по докладу и предложению Сталина формула условной поддержки Временного правительства «постольку-поскольку» подверглась на совещании критике. Под влиянием этой критики резко изменили теперь свое отношение к этому вопросу Сталин и Каменев. Каменев заявил:

«Совершенно неприемлем в резолюции пункт о поддержке. Выражение о поддержке, даже как намек, недопустимо. Мы не можем поддерживать правительство, потому что оно империалистично, несмотря на свои заявления, оно остается в союзе с англо-французской буржуазией» («Вопросы истории КПСС», № 6, 1962, стр. 137).

«Сталин предлагает дать директиву комиссии об изменении пункта о поддержке» (там же, стр. 138).

Каменев и Сталин явно начали говорить другим языком. Чувствовалось приближение ленинского поезда к русским границам! Большинством, против 4, пункт о поддержке из резолюции исключается. В результате принимается резолюция, выработанная комиссией (Милютин, Каменев, Сталин, Теодорович), в которой уже нет формулы условной поддержки Временного правительства, но все еще сохраняется другая антиленинская формула: «бдительный *контроль* над действиями Временного правительства» (там же, стр. 141).

Зато по другому вопросу – об объединении большевиков и меньшевиков – целиком побеждает старая линия Сталина-Каменева об объединении против врагов объединения (Молотов, Скрыпник, Залуцкий и др.). На предложение лидера меньшевиков Церетели об объединении Сталин отвечает: «Мы должны пойти. Необходимо определить наши предложения о линии объединения. Возможно объединение по линии Циммервальда-Кинталя» (там же, стр. 139).

Когда Молотов, Скрыпник и Залуцкий, выступая один за другим, высказали сомнения в отношении возможности объединения из-за принципиальных разногласий между большевизмом и меньшевизмом, Сталин ответил: «Забегать вперед и предупреждать разногласия не следует. Без разногласий нет партийной жизни...» (там же, стр. 140).

Предложение Сталина об объединении с меньшевиками принимается большинством 14 против 13 голосов. Избирается комиссия для ведения переговоров (Сталин, Каменев, Ногин, Теодорович). Сталину поручается выступать с докладом на объединенном собрании большевиков и меньше-

виков об объединении, назначенном на 4 апреля. Этот большой заговор большевистских верхов против Ленина имел своей целью поставить Ленина перед совершившимся фактом: перед осуществленным объединением большевизма и меньшевизма. В этом случае, конечно, Ленин, как лидер объединенной РСДРП, отпадал. Сталин-Каменев-Мартов-Церетели, – вот, кто должен был верховодить объединенной партией. Ленин буквально в последние часы предупредил заговорщиков.

Глава 9

ПЕРЕВОРОТ ЛЕНИНА В ЦК

Общий анализ исторических событий и исторических документов от 23 февраля до 4 апреля 1917 года показывает следующую общую закономерность развития партии в революции: чем выше по ступеням иерархии большевизма, тем меньше революционной ярости, тем больше оппортунистической лояльности к Временному правительству. В то же время сама база революции, ячейки на заводах, фабриках, казармах, на которые опиралась партийная иерархия, «толкает налево» не только Временное правительство, но и свой штаб: ЦК партии.

К этому времени и партия тоже выросла: к январю 1917 года в партии было 23 тысячи человек (из них рабочих – 60,2%, служащих – 25,8%, крестьян – 7,6%, прочих – 6,4%, – «История КПСС», кн. I, т. 3, стр. 24), и уже к апрелю в партию вступило почти 60 тысяч новых членов. Это была часть того революционного авангарда, который заставил царя отречься от престола, а Думу (Временный думский комитет) – создать Временное правительство. Ни на минуту нельзя сомневаться, что большевистская революция произошла бы уже в конце февраля, если бы в те дни Ленин был в Петрограде. Этому авангарду недоставало именно Ленина. Возражения того порядка, что Ленину после своего возвращения из-за границы для новой революции понадобилось все-таки целых семь месяцев, отпадают потому, что ему приходилось теперь создавать новую революционную ситуацию, которая была упущена ЦК партии во время Февральской революции *из-за* физической ограниченности сил старого руководства в феврале (Шляпников-Залуцкий-Молотов), а в марте – из-за оппортунизма нового руководства (Каменев-Сталин-Свердлов).

Поэтому, прежде чем подготовить новую революцию против

Временного правительства, Ленин должен был провести революцию на верхах своей партии. «Апрельские тезисы» Ленина – это одновременное объявление войны на три фронта: против ЦК собственной партии, с одной стороны, против Временного правительства, с другой, против меньшевиков и эсеров, с третьей.

Л. Троцкий был прав, когда писал: «Апрельское столкновение Ленина с Генеральным штабом партии не было единственным. Во всей истории большевизма за исключением отдельных эпизодов, которые только подтверждают правило, все лидеры партии, во все время развития стояли правее Ленина... Против старых большевиков Ленин нашел поддержку в другом, уже закаленном, но с массой связанном партийном слое. В Февральской революции большевистские рабочие сыграли решающую роль. Они считали само собою разумеющимся, что тот класс должен взять власть, который добился победы. Эти рабочие бурно протестовали против курса Каменева-Сталина, а Выборгский райком партии даже угрожал исключением «лидеров» из партии. То же самое наблюдалось и в провинции... На этих рабочих ориентировался Ленин...» (L. Trotzki, "Geschichte der russischen Revolution", Fischer Verlag, 1967, S. 359-360).

Нельзя думать, что ЦК собирался легко сдаться. Он был в курсе политики и тактики «Апрельских тезисов» уже из пяти «Писем издалека» Ленина, из которых «Правда» опубликовала в марте только одно, и то с сокращениями, как уже упоминалось.

Бюро ЦК, редакция «Правды» и ПК партии думали, что не они должны стать на точку зрения Ленина (по их мнению – эмигрантская, отсталая и даже немарксистская), а Ленин должен подчиниться ЦК и поддержать решение Бюро ЦК и только что окончившегося Всероссийского совещания партийных работников. К тому же, авторитет Ленина в партии не был абсолютным. Троцкий замечает: «Фактическое влияние Ленина в партии было, несомненно, очень велико, однако оно ни в коем случае не являлось неограниченным. Оно не сделалось и позднее, после Октября, неограниченным» (там же, стр. 257).

Мы уже видели из истории, как соратники Ленина, основатели большевизма, часто расходились с Лениным. В большинстве случаев побеждал Ленин, но бывали случаи, когда побеждали и они. Правда, еще не было такого случая, чтобы весь генеральный штаб большевизма восстал против Ленина, как сейчас. Тем большее основание было у восставших

рассчитывать на победу. Хотя Ленин и собирался воевать «1 против 110», но он был слишком реальным политиком, чтобы не видеть, что один, без своей уже существующей армии и ее штаба, он не может добиться поставленной цели – захвата власти в ближайшее время. Тут взаимозависимость была полная: партия без Ленина – это машина без руля, а Ленин без партии – это руль без машины. Суханов, свидетель и участник событий, которого Ленин называл «лучшим представителем мелкобуржуазной демократии», писал:

«Остаться без Ленина – не значит ли вырвать из организма сердце, оторвать голову?.. Кроме Ленина в партии не было никого и ничего. Несколько крупных генералов – без Ленина ничто, как несколько необъятных планет без солнца» (Н. Суханов, Записки о революции, кн. III, Берлин-Петербург–Москва, 1922, стр. 54-55). Конечно, и без Ленина партия существовала бы, как она существовала в марте, но она была бы обыкновенной левой революционно-демократической партией, немножко левее меньшевизма, но куда ближе к Мартову, чем к Ленину. Такая партия кончила бы, дав парламентской республике двух-трех левых министров.

Но не для парламента Ленин создавал свою партию, а партию свою Ленин задумал как инструмент уничтожения всякого парламентаризма. Спор между Лениным и ЦК кажется тактическим, а на деле речь идет о том, что Ленин обвиняет свою партию в том, что, будучи в плену догматических схем, она проморгала власть в феврале-марте.

Автором догматических схем, правда, был сам Ленин, когда в «Двух тактиках» (1905) доказывал, что, согласно марксизму, сначала бывает «буржуазно-демократическая» революция и демократическая республика («демократическая диктатура»), а потом – пролетарская революция и диктатура пролетариата. За эту схему и цеплялся русский ЦК. Но как раз в связи с войной Ленин ее пересмотрел, выдвинув новую доктрину о победе социализма в «слабом звене» империализма.

Этот пересмотр прошел мимо ушей его учеников, потому что Ленин намеренно не был конкретным, чтобы не быть обвиненным в открытой ревизии марксизма в этом кардинальном вопросе. В «Апрельских тезисах» Ленин был уже конкретным, там он, во-первых, объяснил причину, почему партия не захватила власть, во-вторых, поставил задачу захвата этой власти, хотя бы и с опозданием. Вот соответствующее место «тезисов»:

«Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, *давшего власть буржуазии* в *силу* недостаточной

сознательности и организованности *пролетариата* (курсив мой. – А. А.), – ко второму её этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства» (Ленин, Соч., 4-е изд., т. 24, стр. 4).

Значит, вы, лидеры ЦК большевиков в России, в силу «несознательности» и «неорганизованности» не взяли власти в феврале-марте, но вы обязаны её взять теперь, вы даже находитесь на пути к ней. Это значит далее, что «диктатура пролетариата» в России могла быть и ее нужно было установить сейчас же после свержения царя, точь-в-точь по знаменитому лозунгу Троцкого в 1905 году: «Без царя, а правительство рабочее». Троцкий замечает по поводу реакции большевистских лидеров на «Апрельские тезисы»: «Перспектива непосредственного перехода к диктатуре пролетариата пришла совершенно неожиданно, противореча традиции. Она просто не вмещалась в голову... Неудивительно, что «Апрельские тезисы» Ленина заклеймили как троцкистские (L. Trotzki, там же, стр. 255).

Вернемся к хронологии событий. На второй день после возвращения в Петроград, 4 апреля, Ленин выступил в Таврическом дворце на собрании большевиков – участников Всероссийского совещания рабочих и солдатских депутатов со своими «Тезисами». Это выступление в тот же день он повторил на совместном собрании большевиков и меньшевиков, участников того же Всероссийского совещания. В этих тезисах дан ответ на вопрос, как теперь, наконец, большевики могут и обязаны взять власть в свои руки. То, что Ленин говорил, не укладывалось не только в меньшевистские, но и в большевистские головы. Главные «тезисы»:

1. никакой поддержки Временному правительству, разоблачение «требования», чтобы это правительство перестало быть империалистическим;

2. ни малейшей уступки «революционному оборончеству», разоблачение его;

3. мир невозможен при существующем строе, для мира надо взять власть в свои руки;

4. не парламентарная республика, а республика Советов, завоевать большинство в Советах, разоблачая там «мелкобуржуазные оппортунистические партии» меньшевиков и эсеров;

5. перемена программы партии и переименование партии в

Коммунистическую партию, чтобы отмежеваться от мировой социал-демократии и от русских меньшевиков (Ленин, там же, стр. 4-6).

Итак, Ленин, по существу, объявил три войны: 1. войну Временному правительству, 2. войну мелкобуржуазным оппортунистическим партиям меньшевиков и эсеров, 3. войну всему руководству большевистской партии.

Как реагировали на это меньшевистские и большевистские лидеры?

О реакции группы Плеханова Ленин сам писал так: «Г. Плеханов в своей газете назвал мою речь "бредовой". Очень хорошо, г. Плеханов. Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели бред сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению "бреда"?» (там же, стр. 7).

Суханов рассказывает, как лидер меньшевиков в Думе, будущий министр Скобелев отзывался о речи Ленина: «Разговор перешел вообще на Ленина. Скобелев рассказывал о его бредовых идеях, оценивая Ленина, как совершенно отпетого человека, стоящего вне движения. Я в общем присоединился к оценке ленинских идей и говорил, что Ленин в настоящем его виде до такой степени для кого не приемлем, что сейчас он совершенно не опасен для моего собеседника Милюкова» (Суханов, там же, стр. 48).

Тот же Суханов приводит и реакцию большевистских лидеров: «через пять дней по приезде Ленин созвал совещание из старых большевистских генералов... Ленин призвал своих маршалов не для того, чтобы убеждать их и спорить с ними: он хотел только узнать, верят ли они в его новые истины... Маршалы произнесли по речи. Ни один не высказал ни малейшего сочувствия» (там же, стр. 50).

7 апреля «Тезисы» Ленина были опубликованы в «Правде». 8 апреля «Правда» – центральный орган партии, редактируемый Каменевым и Сталиным, – сделала к ним следующее редакционное примечание: «Что же касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитывает на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую».

Сам Ленин замечал, что «"тезисы" и доклад мой вызвали разногласия в среде самих большевиков и самой редакции "Правды"» (Ленин, там же, стр. 23). Это было скромно сказано: в ЦК, ПК и редакции не раздалось ни одного голоса в пользу Ленина. Неясна была позиция даже Зиновьева, который

приехал вместе с Лениным. Ленина поддержали только три близкие ему женщины-эмигрантки – Коллонтай, Инесса Арманд и его жена Н. Крупская.

Своим взбунтовавшимся партийным «маршалам» Ленин предложил провести в партии открытую дискуссию – кто прав: ЦК или Ленин? «Правда» или Ленин?

«После ряда совещаний мы единогласно пришли к выводу, что всего целесообразнее *открыто* продискутировать эти разногласия» (там же, стр. 23).

Но это уже предрешило тотальную победу Ленина. В «Апрельских тезисах» была только удачно сформулирована идея захвата власти, которая смутно владела низовой большевистской массой. Эта идея уже была однажды сформулирована в Манифесте ЦК от 26 февраля в виде лозунга о переходе власти к «Временному революционному правительству», но Каменев, Сталин, Свердлов, заменив в руководстве ЦК Шляпникова, Залуцкого и Молотова, отвергли эту идею. Начиная с 8 апреля, в главнейших комитетах партии и районных организациях начинается дискуссия за и против тезисов Ленина. Чем ниже по лестнице иерархии партии, тем больше поддержки Ленина. Партийные комитеты Петрограда и Москвы раскалываются – верхи против, рядовые члены – за Ленина. Районные организации в большинстве за Ленина, местные ячейки – все за. Некоторые местные рабочие и солдатские собрания даже требуют немедленного перехода власти к Советам («История КПСС», т. 3, кн. I, стр. 63). Официальный историк замечает: «Именно среди рабочих тезисы нашли горячий отклик» (там же стр. 60). Ленину ничего больше и не надо было.

Пользуясь военной терминологией Суханова, можно сказать, что создалось положение, когда на верху партийной пирамиды стал полководец, решивший дать генеральное сражение, под ним – Генеральный штаб, саботирующий планы сражения, а в основании пирамиды – большевистская армия, готовая в любое время по приказу полководца двинуться в бой. К этой-то армии, минуя Генеральный штаб, и начал апеллировать Ленин – полководец с первого же дня своего возвращения. Ленин еще в 1900 году говорил, что газета не только коллективный пропагандист, но и коллективный организатор. Поэтому первое дело, о котором он заботится после возвращения, – это перенятие главного редактирования «Правды», вытеснив из её редакции Сталина (посадил в ЦК работать над национальным вопросом), Каменева (переключил на работу председателя большевистской

фракции в Совете рабочих и солдатских депутатов).

Через «Правду» Ленин устанавливает прямой контакт с рядовой массой партии. Для завоевания на свою сторону «офицерского корпуса» партии он пишет в течение пяти дней (с 8 по 13 апреля) три работы исключительно тактического значения: «О двоевластии», «Письма о тактике» и «Задачи пролетариата в нашей революции». В них Ленин окончательно хоронит платформу и тактику старого Бюро ЦК, ПК и редакции «Правды». В них Ленин дает теоретическое обоснование «переориентировки», «перевоoружения» партии – Ленин провозглашает ревизию старого классического ленинизма 1903-1905 годов, за который хватаются ныне его ученики. Корень ревизии: пересмотр того пункта действующей программы партии, который говорит об установлении после свержения царизма «демократической республики» в России, пересмотра того пункта работы Ленина «Две тактики» (1905), который говорит о демократической республике, как о неизбежном строе на путях к социализму.

Ленин, как говорят, прямо берет быка за рога. Он говорит: «Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти» (Ленин, Соч., т. 24, стр. 19). Так вопрос и стоял в феврале-марте, но большевики в силу ряда условий, в том числе и догматического порядка, упустили эту власть. Как быть теперь, в апреле, надо ли тотчас свергнуть Временное правительство? Ленин: «Отвечаю: 1) его надо свергнуть, ибо оно олигархическое, буржуазное... 2) его нельзя сейчас свергнуть, ибо оно держится прямым и косвенным... соглашением с Советами... 3) его вообще нельзя «свергнуть» обычным способом» (Ленин, там же, стр. 21).

Как быть? Надо большевикам завоевать большинство в Советах, оттеснив оттуда меньшевиков и эсеров, и как только эта цель будет достигнута, свергнуть Временное правительство не «обычным» путем, а восстанием (так и случилось в октябре 1917 года). Ленин вновь и вновь ставит все тот же вопрос о власти: вы, рабочие и солдаты, свергли царя, поэтому вам, рабочим и солдатам, и должна принадлежать власть. «Вся власть Советам», – говорит Ленин. Ленин не только имеет успех в низах, в партийной массе, но теперь, чем ближе к Всероссийской партийной конференции, назначенной на конец апреля, тем больше он склоняет на свою сторону «офицерство партии». Это, в свою очередь, влияет и на генералитет партии. Вот, что писал об этом процессе Суханов:

«Разудалая "левизна" Ленина, бесшабашный радикализм его,

примитивная демагогия, не сдерживаемая ни наукой, ни здравым смыслом – впоследствии обеспечили ему успех среди самых широких пролетарско-мужицких масс, не знавших иной выучки, кроме царской нагайки. Но эти же свойства ленинской пропаганды подкупали и более отсталые элементы самой партии... Позиция же этой массы не могла не оказать решающего действия и на вполне сознательные большевистские элементы, на большевистский генералитет. Ведь после завоевания Лениным «партийного офицерства», люди, подобные, например, Каменеву, оказывались совершенно изолированными... И Ленин одерживал победу за победой» (Суханов, там же, стр. 57-58).

Период от Петроградской общегородской конференции (14 апреля) до начала Всероссийской партийной конференции (24 апреля) есть серия побед Ленина над старым ЦК. Главный доклад «О текущем моменте» на Петроградской общегородской конференции сделал сам Ленин. Там Ленин еще раз обосновал ревизию старого ленинизма Лениным. Говоря о «двоевластии», как феноменальном факте, Ленин заметил: «Тут и нужен пересмотр старого большевизма... Буржуазная революция в России закончена, поскольку власть оказалась в руках буржуазии. Здесь старые большевики опровергают: "она не закончена – нет диктатуры пролетариата". Но Совет рабочих и солдатских депутатов и есть эта диктатура» (Ленин, Соч., т. 24, стр. 116). Ленин говорит, что теперь как раз и надо бороться за единовластие этого Совета, что будет означать переход власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, то есть установление диктатуры пролетариата.

На фронте штыки тоже не надо бросать, их надо только повернуть во внутрь страны. «Долой войну – не значит бросанье штыка. Это значит переход власти к другому классу» – говорил Ленин (там же, стр. 119).

Что это значит? Это значит – «Правительство должно быть свергнуто... завоевав большинство в Советах», – говорит он (там же, стр. 120). Словом: «Старый большевизм должен быть оставлен»! (там же, стр. 122).

Ленин решительно осудил и всю революционную фразеологию мартовских решений Бюро ЦК о войне и Временном правительстве:

«Революционная демократия никуда не годится, это – фраза... Кончить войну пацифистски – утопия... Контролировать (Временное правительство. – А. А.) без власти нельзя... объединение *с* партиями, как целыми, проводящими политику поддержки Временного правительства,... безусловно

невозможно» (Ленин, там же, стр. *123,* 124, 131). Все резолюции конференции были приняты в этом, ново-ленинском духе. Петроград задал тон провинции. Из провинции начали поступать резолюции с одобрением «Апрельских тезисов». Ленин их аккуратно печатал в «Правде». Умело использовал Ленин и первый кризис Временного правительства, связанный с нотой министра иностранных дел Милюкова правительствам Англии и Франции (18 апреля). В этой ноте Милюков писал, что Россия будет соблюдать свои обязательства в войне и верить в победоносное окончание войны. Это вызвало взрыв возмущения рабочих и солдат Петрограда. Произошла вооруженная демонстрация и митинг солдат (15 тысяч человек) перед резиденцией Временного правительства – перед Мариинским дворцом. Выделялись лозунги: «Долой Милюкова», «Долой Временное правительство». Меньшевистско-эсеровским лидерам удалось мирно ликвидировать инцидент, обещав обсудить вопрос в Совете. Большевики воспользовались кризисом, чтобы еще раз заявить, что войну кончить удастся только взятием власти Советом (резолюция ЦК РСДРП (б) от 21 апреля). Часть руководителей Петроградского комитета (группа Богдатьева) даже выдвинула лозунг о немедленном свержении Временного правительства. Однако ЦК, по предложению Ленина, осудил такой лозунг. В резолюции ЦК от 22 апреля 1917 года говорится:

«Лозунг: "Долой Временное правительство" потому не верен сейчас, что без прочного (т.е. сознательного и организованного) большинства народа на стороне революционного пролетариата такой лозунг либо есть фраза, либо объективно сводится к попыткам авантюристического характера. Только тогда мы будем за переход власти в руки... когда Советы рабочих и солдатских депутатов станут на сторону нашей политики» (Ленин, ПСС, т. 31, стр. 319-320).

Как практические задачи для ЦК Ленин выдвинул лозунги: 1. разъяснение большевистской политики «Апрельских тезисов», 2. разоблачение и критика партии меньшевиков и эсеров в Советах, 3. пропаганда и агитация «среди каждого полка, на каждом заводе, особенно среди самой отсталой массы, прислуги, чернорабочих...», 4. «организация, организация и еще раз организация пролетариата: на каждом заводе, в каждом районе, в каждом квартале», 5. вместо оппортунистов посылать в Советы «только таких товарищей, которые выражают волю большинства» (там же, стр. 320).

ЦК указал своим членам партии, что он, ЦК, сейчас против всяких вооруженных демонстраций. Поэтому ЦК считает правильным постановление Совета рабочих и солдатских депутатов против таких демонстраций и что оно «подлежит безусловному выполнению» (там же, стр. 320).

Тем самым Ленин объявил во всеуслышание, что он играет не в темную, а идет к бою, создавая прочные предпосылки победы. В эти дни Ленин много раз повторяет: мы не бланкисты и не авантюристы. Ленин готов на решительный бой только тогда, когда на его стороне «большинство», но он имеет в виду большинство не во всей стране и не во всей армии, даже не в столице, а только большинство на петроградских заводах и в казармах, большинство – только на петроградских улицах.

Таким образом, только за две недели работа Ленина вызвала такое полевение в партии, что партийная масса в Петрограде и часть Петроградского комитета сделали, по выражению Ленина, «попытки взять "чуточку полевее" нашего ЦК» (там же, стр. 337); но Ленин призвал партию к дисциплине и к тому, чтобы от каждой местной организации были «прямые нити к центру, к ЦК»; нити эти должны быть «постоянные, ежедневно, ежечасно укрепляемые и проверяемые», «чтобы враг не мог застать нас врасплох» (там же, стр. 338). Другими словами, к захвату власти готовиться надо, но когда это произойдет, на этот раз будет определять не масса снизу, а ЦК партии – сверху.

Такова была в партии обстановка, когда 24 апреля открылась седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б).

Глава 10
ЦК МЕЖДУ АПРЕЛЕМ И ИЮЛЕМ 1917 ГОДА

На VII партийной конференции (24-29 апреля 1917 г.) присутствовал 151 делегат (133 с решающим голосом и 18 с совещательным). Они представляли 80 тысяч членов партии от 78 партийных организаций («История КПСС», т. 3, кн. I, стр. 70). Ленин был избран председателем конференции, а Каменев и Сталин не попали даже в ее президиум. На конференции, на которой собралась вся элита партии, обсуждались вопросы, поставленные в «Апрельских тезисах».

Именно: война и Временное правительство, отношение к Советам,

пересмотр партийной программы, Интернационал и задачи партии, объединение социал-демократических интернационалистских организаций, аграрный вопрос, национальный вопрос, Учредительное собрание, доклады по областям, выборы нового ЦК («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 333-353). Все главные доклады делал Ленин. Кроме того, он выступил по разным вопросам повестки дня около 30 раз. Содоклад сделал Каменев, в котором он отстаивал известную нам уже линию старого ЦК.

Каменев заявил: «На мой взгляд не прав тов. Ленин, когда он говорит, что буржуазно-демократическая революция закончилась. Я думаю, что она не закончилась, и в этом наше расхождение... Рано говорить, что буржуазная демократия исчерпала все свои возможности» («Седьмая (Апрельская) конференция РСДРП(б)... Апрель 1917 г. Протоколы». Москва, 1958, стр. 80).

Каменев предлагал по-прежнему давление на Временное правительство и контроль Совета рабочих и солдатских депутатов над его действиями. Кроме того, он думал, что не надо порывать с блоком меньшевиков и эсеров в Советах (там же, стр. 81). В разной степени и по разным мотивам к нему склонялись Рыков, Бубнов, Смидович, Богдатьев, Милютин. В отличие от Каменева, Сталин на конференцию явился уже в качестве капитулянта. Очень разумно и своевременно (с точки зрения дальнейшей карьеры) Сталин по всем вопросам старой политики ЦК капитулировал перед «Апрельскими тезисами», которые он еще три недели тому назад называл «голой схемой», и сдался безоговорочно на милость Ленина. Если критик сдавался, то Ленин щадил его. Так случилось и со Сталиным. Ленин ему поручил сделать на конференции доклад по национальному вопросу. Главные тезисы доклада, правда, принадлежали Ленину в виде проекта резолюции конференции, но их Сталин и защищал вполне квалифицированно (Сталин считался экспертом партии по национальному вопросу с 1913 г., когда он написал известную работу «Марксизм и национальный вопрос»).

Как уже отмечалось, Ленин рассматривал национально-колониальный вопрос как вопрос тактики, а не программы. Поэтому выдвигалось требование права народов России на самоопределение вплоть до отделения. Цель требования – обеспечить поддержку большевистской революции нерусскими народами. После же захвата власти вопрос о праве отделения народов от России решался «с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата за социализм» (Ленин, ПСС, т. 31, стр. 440). Иными словами, при

социализме право на отделение отпадало.

Ленину и Сталину приходилось защищать эту «диалектическую» истину на конференции против Пятакова, Дзержинского, Махарадзе, Бухарина, которые никак не могли ее усвоить. Да, Ленин победил, но часть старого ЦК во главе с Каменевым продолжала на конференции борьбу против «Тезисов» Ленина почти по всем вопросам. Следующие данные о голосованиях показывают остроту обсуждения («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 332-353).

Вопросы обсуждения	За Ленина	Против Ленина	Воздер-жалось
1. О войне	126	–	7
2. Отношение к Временному правительству	122	3	8
3. По аграрному вопросу	122	–	11
4. Отказ от участия на конференции II Интер-национала (Предло-жение г. Боргбьерга)	140	–	8
5.Национальный вопрос	56	16	18
6. Об участии в Циммер-вальдской конференции	1 (сам Ленин)	132	–
7.О текущем моменте	71	39	8
8. О Советах	все	–	3

В конце конференции состоялись выборы ЦК, впервые после Пражской конференции 1912 года. В члены ЦК было избрано 9 человек: В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, В. П. Милютин, В. П. Ногин, Я. М. Свердлов, И. Т. Смилга, И. В. Сталин, Г. Ф. Федоров («История КПСС», т. 3, кн. I, стр. 80).

Кроме Смилги и самого Ленина, все другие принадлежали к старому ппортунистическому Бюро ЦК (позиция Зиновьева была неопределенной). Согласие Ленина руководить таким ЦК показывало, что после решений конференции по всем спорным вопросам в пользу Ленина генералитет партии сдался.

В чем секрет победы Ленина?

Три выдающихся современника Ленина дают три разных ответа. Суханов говорит: «Гениальный Ленин был историческим авторитетом, это одна сторона дела. Другая та, что кроме Ленина в партии не было никого и ничего» (Суханов, Записки о революции, кн. *3,* стр. 55).

Троцкий с этим не согласен: «Фактически авторитет Ленина в партии несомненно был большой, ни в коем случае он не был неограниченным. Он не был и позже, после Октября, неограниченным (L. Trotzki, Geschichte der russischen Revolution, стр. 257; интересно тут же отметить мнение самого Ленина о масштабе его влияния в ЦК: когда А. А. Иоффе написал Ленину, в 1921 году, письмо, что «ЦК – это Ленин», то Ленин ответил следующим образом: «Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что «ЦК, это я»... Старый ЦК (1919-1920) побил меня по одному из гигантски важных вопросов, что Вы знаете из дискуссии. По вопросам организационным и персональным несть числа случаям, когда я бывал в меньшинстве. Вы сами видели примеры тому, когда были членом ЦК». – «Ленинский сборник», XXXVI, 1958, стр. 208).

Троцкий думает, что к истине ближе старый большевик Ольминский, который писал: «Мы держали бессознательный курс на пролетарскую революцию, когда мы думали, что держим курс на буржуазно-демократическую революцию. Другими словами, мы готовили Октябрь, тогда как мы думали, что подготовляем Февральскую революцию» (L. Trotzki, там же, стр. 258). Троцкий добавляет, что «старые большевики» были «обречены на поражение из-за того, что они защищали как раз тот элемент партийной традиции, который не выдержал исторической проверки» (там же, стр. 259). Сталин подчеркивал всепобеждающую силу логики Ленина как оратора. Сталин писал, правда, по другому поводу:

«Меня пленила та непреодолимая сила в речах Ленина, которая несколько сухо, зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее и потом берет ее в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили тогда многие из делегатов: "Логика в речах Ленина – это какие-то всесильные щупальцы, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из объятия которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал"» (Сталин, Соч., т. 6, стр. 55).

Субъективные качества большевистского вождя, как и его исторический авторитет, конечно, имеют большое значение. Однако, при прочих равных условиях, решающее значение имеет влияние объективного

фактора – действие иерархического принципа субординации в такой уникальной организации, как большевистская партия. В этой партии право на свое мнение – относительно, обязанность послушания – абсолютна. Ленинский демократический централизм, по словам самого же Ленина, означает централизацию руководства и децентрализацию ответственности. К тому же, если говорить по аналогии, то большевистская партия была политической фирмой, созданной и изобретенной Лениным, в которой он был полным хозяином. Все эти Каменевы и Сталины были его рабочими. Если случалось, что «рабочие» бунтовали («впередовцы»), то он их просто выкидывал прочь. Ленин считал себя незаменимым уже по одному праву владения фирмой. И он был таковым. На резких поворотах истории только тот вождь имеет шансы на успех, кто обладает даром политического предвидения, только тот овладевает своей партией, кто предлагает ей наиболее убедительную альтернативу на путях ко власти.

Ленин был таким. Ко всему этому, Ленин был *фанатик власти.* Постепенно движущей силой его идей, как и идей созданной им партии, *сделалась жажда власти.* Власть – это «либидо» всех социальных страстей большевизма. Дорога Ленина к государственной власти лежала через победу над собственной партией. В апреле Ленин и одержал эту победу. Меньшевистская «Рабочая газета» (2 мая 1917 г.) констатировала лишь правду, когда, подводя итоги Апрельской конференции, – писала:

«Знаменитые ленинские «тезисы» перестали быть продуктом личного творчества Ленина, товаром привезенным из-за границы… 140 делегатов большевистской конференции, почти как один человек, приняли резолюции, которые в развернутом виде излагают основные мысли тех же тезисов».

Взяв бразды правления партии в свои руки, Ленин развивает исключительную активность по распространению и популяризации в народе решений Апрельской конференции. С апреля до 4 июля 1917 года в 69 печатных органах партии было опубликовано 175 статей и заметок Ленина («История КПСС», т. *3,* кн. 1, стр. 85-86). Все они бьют в одну цель: ни один вопрос жизни России не может быть разрешен без перехода власти к большевикам. Печать партии – 50 газет и журналов с тиражом более 500 тысяч экземпляров – проповедует ту же идею. В первую очередь и главным образом Ленин внушает партийному активу, ее офицерскому корпусу, что идея захвата власти – не утопия и не мечта, а действительность буквально дней, недель, максимум месяцев, но не года.

В интересах организационной подготовки захвата власти Ленин перестраивает и работу ЦК. При ЦК создается новый ведущий исполнительный орган – Секретариат ЦК во главе с профессиональным революционером Я. М. Свердловым, при нем два вспомогательные учреждения: Бюро Военной организации («военка») и Бюро печати.

Секретариат ЦК развертывает вербовочную кампанию в партию людей из рабочих и солдат. Это приводит к росту партии. Через три месяца после Апрельской конференции партийная организация Петрограда, Москвы, Урала, Донбасса, Центрального промышленного района вырастает более чем в два раза. Одновременно происходит размежевание с меньшевиками. По установкам Апрельской конференции, из местных партийных организаций изгоняют тех меньшевиков, которые не признают решений этой конференции.

Публикуя решения Апрельской конференции, Ленин сопроводил их таким объяснением: «Для взятия власти… для удержания её… необходима организация, организация и организация» (Ленин, ПСС, т. 31, стр. 456). Эту организацию Ленин развертывает следующим образом:

1. *Среди рабочих.* Буквально на каждом крупном заводе организуются ячейки или группы партии. Во всех профсоюзах (фабзавкомах) создаются партийные фракции. 30 мая-3 июня 1917 года в Петрограде происходила Первая конференция фабрично-заводских комитетов, на которой выступали с речами Ленин и министр труда социалист Скобелев. Министр говорил о контроле правительства над производством, а Ленин предлагал *рабочий контроль,* «чтобы во все ответственные учреждения входило большинство рабочих и чтобы администрация… давала отчет перед авторитетными рабочими организациями» (Ленин, там же, т. 32, стр. 240). Словом, хозяевами на производстве должны быть не собственники и даже не Временное правительство, а рабочий класс с его контролем. Такая пропаганда имела успех: когда в конце конференции в Центральный Совет фабзавкомов избрали 25 человек, из них 19 человек оказались членами большевистской партии. Официальный историк говорит:

«Это позволило ЦК РСДРП(б) через ЦС ФЗК Петрограда влиять на работу фабзавкомов других городов», так как он «вплоть до октября 1917 г. фактически выполнял функции общероссийского центра» («История КПСС», т. *3,* кн. 1, стр. 99).

2. *Среди крестьян.* Слабее всего позиция большевиков была в деревне.

Достаточно сказать, что большевикам до самого захвата власти так и не удалось создать ни одной ячейки партии в деревне. Русская деревня – это монополия эсеров, этих духовных наследников народничества. Тем более интересно подчеркнуть, что большевики одним ударом политически убили эсеров тем, что не только приняли их аграрную программу (передача земли крестьянам через крестьянские комитеты), но и дискредитировали эсеровских вождей-министров, выдвинув требование захвата крестьянами помещичьих земель, не дожидаясь злополучного Учредительного собрания. С обоснованием этого требования выступил Ленин на 1 Всероссийском съезде Крестьянских Советов. Среди делегатов не было большевиков. Только маленькая «беспартийная группа» из 14 человек симпатизировала большевикам. В противовес установкам лидеров эсеров, заявлявших, что разрешение аграрного вопроса – это дело будущего Учредительного собрания, Ленин выдвинул другую программу. Эффективность программы Ленина была слишком очевидной, чтобы ее можно было назвать демагогической. Ленин сказал, что если взять самых богатых помещиков всей Европейской России, то окажется, что у 30 000 человек находится около 70 000 000 десятин земли, тогда как у 10 000 000 бедных крестьянских дворов тоже около 70-75 миллионов десятин земли, это значит, там каждый помещик имеет свыше 2 тысяч десятин, а каждый крестьянский двор только 7 десятин! Ленин заключил свою речь: «Мы хотим, чтобы сейчас, не теряя ни одного месяца, ни одной недели, ни одного дня, крестьяне получили помещичьи земли» (Ленин, там же, стр. 174). Это можно добиться, сказал Ленин, объявлением земли «всенародным достоянием». Хотя съезд был эсеровский, но протокол отмечает, что Ленина провожали «аплодисментами». Более того, эсеровская газета «Земля и Воля» отмечала, что «Последние два дня настроение на съезде было весьма напряженное. Значительная часть депутатов настаивала на том, чтобы немедленно же земля была объявлена общенародным достоянием... Наибольшая напряженность чувствовалась на другой день после доклада Ленина (23 мая)...» (Ленин, ПСС, т. 32, стр. 490).

Лед большевизма тронулся и в крестьянском океане России. Четырнадцатимиллионная русская армия – это и была переодетая в солдатские шинели крестьянская Россия. От того, как себя поведет эта Россия, зависела судьба ленинского плана захвата власти. В растущее аграрное движение России (в марте было 50 крестьянских выступлений а в

мае-июне – 1600) большевики бросают нашумевший тогда лозунг: «грабьте награбленное». И крестьяне грабят, сжигают, захватывают помещичьи имения.

3. *Среди солдат.* Ленин великолепно понимал, что в борьбе за власть один пролетариат – ничто, если армия в решающий момент окажется на стороне правительства. Армию надо было противопоставить Временному правительству, а для этого надо давать такие лозунги, которые доходчивы, доступны простому солдатскому уму. Среди таких лозунгов первое место отводилось лозунгу «немедленный мир», положить «конец проклятой бойне» (Троцкий), отпустить солдат домой. ЦК РСДРП(б) издает директивы о создании большевистских партийных ячеек во всех полках и на кораблях. Уже к маю в Петроградском гарнизоне было около 6 тысяч большевиков, а ячейки были во всех полках («История КПСС», т. *3,* кн. 1, стр. 120).

ЦК через «Военку» и через специальную газету ЦК для армии – через «Солдатскую правду» – создает особую сеть пропагандно-политической службы в армии. Связь между партией и армией становится регулярной. Только за июнь в Военную комиссию ЦК за советами и инструкциями обратились более 9 тысяч делегатов фронта и тыловых гарнизонов (там же, стр. 120). Военное Бюро Московского комитета партии объединяло более двух тысяч военных коммунистов из московского гарнизона. В Балтийском флоте партийные организации или группы были почти на всех крупных кораблях. Численность коммунистов там к лету 1917 года доходила до 3-4 тысяч человек (там же, стр. 121). Военная организация 12-й армии, стоявшей в районе Латвии, составляла более 3500 человек. Она издавала газету «Окопная правда» (там же, стр. 122).

16-23 июня ЦК провел Всероссийскую военную конференцию фронтовых и тыловых организаций. На ней были представлены 43 фронтовых и 17 тыловых организаций (26 тысяч членов партии). Доклад о текущем моменте сделал Ленин. В резолюции по этому докладу конференция записала: «Самым энергичным образом всесторонне готовить силы пролетариата и революционной армии к новому этапу революции» – то есть к захвату власти («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 356). На конференции был утвержден Устав военных партийных организаций, в котором была установлена структура партийных организаций от ротной ячейки, как элементарной единицы, до Всероссийского бюро военных организаций при ЦК, как высшей инстанции. Во Всероссийское бюро военных организаций

были избраны будущие военные руководители октябрьского переворота: Антонов-Овсеенко, Крыленко, Подвойский, Кедров, Мехоношин, Невский и др. Председателем был избран Подвойский («История КПСС», т. 3, кн. 1, стр. 125-126). 4. *Среди нерусских народов.* В России Ленин был единственным политиком, который еще накануне первой мировой войны прямо и открыто объявил право народов многонациональной России на самоопределение вплоть до отделения от русского государства. К удивлению своих учеников и к ужасу своих врагов, он это право признавал даже за Украиной. Расчленение России, конечно, не было целью Ленина, но путь к большевистскому завоеванию народов России он видел через признание права независимости. Это признание должно было обеспечить ему поддержку нерусских народов (около 47%!) на путях к власти. Обязанность русских большевиков признавать это право, обязанность большевиков из нерусских народов России – проповедовать невыход из России, –такова установка Ленина на путях к Октябрю. Такая тактика целиком себя оправдала. Сталин был прав, когда подводя итоги этой ленинской тактике, писал:

«Революция в России не победила бы и Колчак с Деникиным не были бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской империи» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 51). В отношении тех народов, которые пожелают оставаться в составе России, большевики предлагали автономию национальных районов. Только впервые на I съезде Советов в июне 1917 года Ленин нашел давно искомую формулу. Признавая по-прежнему право народов на самоопределение, он предложил создать новую Россию, как федерацию республик. Он сказал: «Пусть Россия будет союзом свободных республик» (Ленин, ПСС, т. *32,* стр. 286).

Гибкость тактики Ленина по национальному вопросу была продемонстрирована, когда Финляндский сейм и Украинская рада (первый «Универсал») выступили с требованиями об автономии их стран, а Временное правительство отклонило эти требования, ссылаясь на Всероссийское Учредительное собрание. Все политические партии России от меньшевиков, эсеров и до кадетов, не говоря уже о более правых группах, единодушно поддержали Временное правительство в этом конфликте. Только Ленин и его партия признали право их на автономию и даже на отделение от России. В частности, о требовании Украины Ленин писал:

«Ни один демократ, не говоря уже о социалисте, не решится отрицать

полнейшей законности украинских требований. Ни один демократ не может также отрицать *права* Украины на свободное отделение от России» (Ленин, ПСС, т. 32, стр. 351).

Правда, в январе 1918 года, когда Украинская рада объявила независимость Украины от Советской России, то Ленин заявил: большевики признавали право на независимость украинского народа, а не украинской буржуазии и помещиков! Большевики связывали как разрешение мировых проблем, так и улучшение бытового обслуживания неизменно и всюду с одним и тем же вопросом -с вопросом о переходе власти в их руки. Только их власть могла удовлетворить любые требования. В одном из документов ЦК партии в мае 1917 года «особо подчеркивалось, что муниципальные (коммунальные) вопросы могут быть решены в интересах народа только при переходе власти к пролетариату» (История КПСС, т. 3, кн. 1, стр. 107). Так, связывая большую политику с «мелочами» быта, ЦК добивается увеличения числа депутатов большевиков в Советах и городских думах. Такая тактика имеет некоторые, хотя и не решающие успехи. Так, если в марте 1917 года в Петроградском Совете было только 40 большевиков, то в июле их стало 400. В июне из 625 депутатов в Московском Совете большевиков было 205 (там же, стр. 93, 94). На выборах в районные думы в Петрограде в мае большевики получили 20% всех голосов, а в Московской городской думе – 12% (там же, стр. 108). Это было еще далеко от большинства. При таких темпах роста влияния большевиков далеко было и до заветной цели – до завоевания власти мирным путем через советское большинство, как об этом говорилось в Апрельских тезисах».

Такой незначительный успех большевиков Ленин объяснял «дурными инстинктами»... пролетариата! В статье от 6 мая он писал:

«Есть дурные инстинкты и у пролетариев с полупролетариями: например, медленное освобождение от иллюзий мелкобуржуазного характера, медленный переход к убеждению, что «власть» надо всю взять в руки именно этого класса и только этого класса» (Ленин, ПСС, т. *32,* стр. 35).

И. Г. Церетели говорит в своих «Воспоминаниях о Февральской революции», что уже начиная с мая Ленин, собственно, и готовит своих учеников к насильственному захвату власти. Церетели пишет:

«В кругу своих сотрудников, на закрытых собраниях большевистского ЦК Ленин уже с мая усердно вдалбливал своим сторонникам эти взгляды и именно этим соображением обосновывал необходимость немедленного

перехода от пропаганды к вооруженной борьбе за власть» (И. Г. Церетели, Воспоминания о Февральской революции, кн. II, Париж, 1963, стр. 168).

Что Ленин был готов взять власть в свои руки даже будучи в абсолютном меньшинстве в Совете, показала реплика и выступления Ленина на I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 года. На этом съезде были представлены 822 делегата, из которых 533 делегата принадлежали к меньше-вистско-эсеровскому блоку (285 эсеров и 248 меньшевиков), а к большевистской фракции принадлежало только 105 делегатов (там же, стр. 165, см. также «История КПСС», т. *3,* кн. 1, стр. 141).

Церетели вспоминает в связи с этим свой доклад на I съезде и реплику Ленина (впрочем, этот эпизод отражен во всех большевистских писаниях о 1917 г.):

«Когда я констатировал, что в настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Такой партии в России нет. Ленин вдруг, неожиданно для всех, демонстративно поднялся с места и крикнул: "Есть"! Это восклицание Ленина вызвало настоящую сенсацию. В первый раз после Февральской революции лидер большевиков решился заявить, что его партия готова немедленно взять власть в свои руки» (там же, стр. 169-170).

Свое «есть» Ленин повторил и в речи на съезде 4 (17) июня: партия большевиков «каждую минуту готова взять власть целиком (аплодисменты, – смех). Вы можете смеяться сколько угодно, но если гражданин министр поставит нас перед этим вопросом рядом с правой партией, то он получит надлежащий ответ» (Ленин, там же, стр. 267).

Обосновывая тезис, что власть можно и нужно брать в свои руки, если к этому представляется удачный случай, Ленин писал немного позже, в сентябре 1917 года:

«Я продолжаю стоять на той точке зрения, что политическая партия... не имела бы право на существование, была бы недостойна считаться партией, была бы жалким нулем во всех смыслах, если бы она отказалась от власти, раз имеется возможность получить власть» (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 290-291).

Речь Ленина на I съезде была, по словам Церетели, оглашением нового поворота в тактике большевиков – перехода от тактики мирного завоевания власти через советское большинство («Апрельские тезисы») к тактике насильственного захвата власти еще до завоевания названного большинства.

Такая установка была утверждена на секретном заседании ЦК. Был назначен и день восстания – 10 июня 1917 г. В этот день была назначена вооруженная демонстрация, которая должна была кончиться восстанием и свержением Временного правительства. Впервые этот план восстания большевиков был опубликован в четвертой книге «Записок о революции» Суханова в 1922 г. Большевики данные Суханова не опровергли. Церетели не сомневается в существовании тогда такого плана у большевиков. Пересказывая Суханова, он пишет:

«На конспиративном заседании большевистского ЦК, при обсуждении вопроса о выступлении 10 июня, Ленин и его ближайшие сторонники занимали, по словам Суханова, следующую позицию: "группа Ленина не шла прямо на захват власти, но она была готова взять власть при благоприятной обстановке, для создания которой она принимала меры". Против этой осторожной тактики высказались двое членов ЦК, Сталин и Стасова, поддержанные одним из двух главных руководителей большевистской военной организации Невским: они предлагали форсировать движение и довести его, при всяких условиях, до конца. С другой стороны, два члена ЦК, Зиновьев и Каменев, высказались против выступления. Большинство ЦК отвергло оба эти крайние предложения и приняло следующий план действия, исходящий от Ленина: "Ударным пунктом манифестации, назначенной на 10 июня, был Мариинский дворец, резиденция Временного правительства. Туда должны были направиться рабочие отряды и верные большевикам полки. Особо назначенные лица должны были вызвать из дворца членов кабинета и предложить им вопросы. Особо назначенные группы должны были во время министерских речей выражать "народное недовольство", поднимать настроение масс. При надлежащей температуре настроения Временное правительство должно было быть тут же арестовано» (Церетели, там же, стр. 185).

Да, Ленин так и предлагал. Воззвание ЦК к солдатам и рабочим никакого сомнения в этом не оставляет. В этом воззвании, которое распространялось на заводах, фабриках, казармах и на улицах Петрограда 9 июня 1917 года, говорилось:

«Рабочие! Присоединяйтесь к солдатам... Все на улицу, товарищи!

Солдаты! Протяните руки рабочим... Ни один полк, ни одна рота не должна сидеть сегодня в казарме.

Все на улицу, товарищи!

Вся власть Всероссийскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (Церетели, там же, стр. 204-205).

На заседании ЦК и ПК было решено под видом мирной демонстрации начать выступление 10 июня.

Задача выступления: если силы и обстановка позволят, то перевести выступление в восстание, если же обстоятельства сложатся неблагоприятно, то ограничиться вооруженной, но «мирной» демонстрацией. Однако этот план сорвал сам I Всероссийский съезд Советов, который категорически запретил любого вида демонстрации. Официальный историк пишет:

«Большевики поставлены были в довольно сложное положение. Проведение демонстрации противопоставило бы их съезду... что дало бы предлог обвинить большевиков в заговоре и расправиться с ними» («История КПСС», т. *3,* кн. 1, стр. 144).

Под массивным давлением I съезда Совета, Исполкома Крестьянских Советов и собственной фракции I съезда ЦК большевиков вечером 9 июня капитулировал: он отменил выступление. Когда I съезд назначил сам мирную демонстрацию на 18 июня, то ЦК большевиков присоединился к ней под тем же лозунгами, какие он приготовил было на 10 июня: «Долой 10 министров-капиталистов!» (другие 6 были социалистами), «Вся власть Советам».

Данные Суханова и Церетели о заседании ЦК, по существу, подтверждает и большевистский официальный историк:

«6 июня было проведено совещание членов ЦК, военной организации при ЦК партии и Исполнительной комиссии Петербургского комитета. С докладом выступил Подвойский, который сообщил о решении военной организации, о влиянии большевиков в Петроградском гарнизоне и высказался за демонстрацию рабочих и солдат. Во время обсуждения выявились две точки зрения. Ленин считал целесообразным провести совместную демонстрацию рабочих и солдат против Временного правительства с требованием перехода власти к Советам. Эту точку зрения поддержали члены ЦК Свердлов и Сталин. Против демонстрации выступили Зиновьев, Каменев, Ногин... Ногин утверждал, что Ленин "предлагает революцию, когда мы в стране в меньшинстве"» («История КПСС», т. 3, кн. 1, стр. 143, см. также, «Революционное движение в России», Документы и материалы, Москва, 1959, стр. 485).

Так сорвалась первая попытка большевиков свергнуть Временное

правительство и захватить власть.

Большевистские историки вовсе не считают заговор 10 июня своей неудачей. Они пишут:

«Властное требование революционных масс "Вся власть Советам!", воочию показало шаткость кадетско-меньшевистско-эсеровского правительства. И хотя июньские события не вызвали падение правительства, они протекали в условиях более обостренных классовых противоречий...» (там же, стр. 147).

Смысл цитаты ясен: свергнуть правительство большевикам на этот раз не удалось, но они убедились в возможности сделать это в ближайшем будущем.

Если со стороны смотреть, то кажется, центральный лозунг большевиков «Вся власть Советам!» означает не что иное, как «Вся власть меньшевикам и эсерам». В самом деле, даже после I съезда Советов большевики составляли маловлиятельное меньшинство как в столичном, так и провинциальных Советах. Так, в высшем советском органе – в ЦИКе, избранном на I съезде, партии были представлены следующим образом: всего депутатов – 256, из них: 104 меньшевиков, 99 эсеров, 18 близких к ним представителей мелких групп и только 35 большевиков («История КПСС», т. 3*,* кн. 1, стр. 142).

Поэтому переход власти в руки Советов должен был означать создание правительства меньшевиков и эсеров без участия буржуазных партий. Ленин обещал условную поддержку советскому правительству, но обещал он, будучи убежден, что *власть перейдет не в руки данных Советов, я* в руки большевистских Советов, которые будут созданы и переизбраны в ходе победоносного восстания. Уже на Апрельской конференции был выдвинут лозунг отзыва меньшевистско-эсеровских депутатов из Советов и замены их новыми депутатами.

События после I съезда Советов – провал наступления на фронте и новый кризис Временного правительства – привели к еще большему обострению обстановки. Катастрофически разлагается армия. После первоначального успеха июньское наступление Русской армии начало выдыхаться. Во время этого наступления на Юго-западном фронте с 18 июня по 6 июля армия потеряла 56 тысяч человек убитыми и ранеными. Но катастрофа заключалась в другом: на приказ идти в наступление роты, полки, дивизии отвечали отказом. Главнокомандующий фронтом Брусилов

объяснял провал наступления тем, что никто, начиная от командира роты и кончая главнокомандующим, не пользуется властью над солдатами. Другой генерал – Клембовский – безнадежно спрашивал самого себя – что делать? «Ввести смертную казнь? Но возможно ли казнить целые дивизии? Судебное преследование? Но тогда сидела бы половина армии в Сибири...» (L.Trotzki, Geschichte der russichen Revolution, Fischer Verlag, 1967, S. 379).

Таков был результат работы солдатских комитетов в армии. В этих условиях происходит новый кризис Временного правительства: *3* июля министры-кадеты А. А. Мануйлов, В. Н. Шаховской и А. И. Шингарев заявили о своем выходе из правительства. Поводом послужило признание делегацией Временного правительства (Керенский, Церетели, Некрасов), ездившей в Киев, внутренней автономии Украины («Второй Универсал» Украинской рады). Делегация эта представила соответствующее предложение Временному правительству, но кадеты, возглавляемые своим лидером Милюковым, слышать не хотели о какой-либо, даже культурной, автономии Украины. Социалисты (Керенский, Церетели) и даже левые кадеты (Некрасов, Ефремов) находили, что в интересах консолидации революционной демократии необходимо проявлять эластичность в национальном вопросе как раз в такой многонациональной стране, как Россия.

Новый кризис правительства и провал нового наступления на фронте явились для большевистского ЦК желанными условиями попытаться еще раз поднять восстание под лозунгом «Вся власть Советам!» По-прежнему тактика ЦК следующая: организовать вооруженную демонстрацию солдат, красной гвардии и рабочих. Демонстрация должна направиться не к Мариинскому дворцу (резиденции Временного правительства), как в апреле, а к Таврическому дворцу (резиденции Советов), как в феврале 1917 года, когда там находилась Дума. Демонстранты предложат Советам – Петроградским и Всероссийскому ЦИК Советов – взять всю власть теперь в свои руки. Если в ходе демонстрации выяснится, что соотношение сил сложилось в пользу большевиков, а Советы капитулируют перед ультиматумом демонстрантов, то есть повстанцев, то большевики берут власть. Если же Советы и Временное правительство окажутся хозяевами положения, то большевики распустят демонстрацию. Но при всех условиях, демонстрация должна именоваться неорганизованной, стихийной; большевики ее, по словам сталинского учебника, решили только возглавить, чтобы «придать ей

мирный и организованный характер» («История ВКП(б). Краткий курс», 1946, стр. 186).

Новейшая официальная «История КПСС», рисует дело немного по-другому. Там сказано, что ЦК и ПК на специальном совещании «постановили провести 4 июля мирную и организованную демонстрацию под лозунгом "Вся власть Советам!" Совещание отклонило предложение Каменева избежать общегородской демонстрации, ограничившись митингами. Не нашло поддержки и предложение Троцкого выйти на улицу без оружия» (там же, т. 3, кн. 1, стр. 150). Что демонстрация не была стихийной и что большевики собирались, если удастся, захватить власть, доказывает и само «обращение» ЦК и ПК в ночь с 3 на 4 июля:

«Товарищи рабочие и солдаты Петрограда!.. Пусть Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов возьмет всю власть в свои руки. Такова воля революционного населения Петрограда... Вчера революционный гарнизон Петрограда и рабочие выступили, чтобы провозгласить этот лозунг: вся власть Советам. Это движение, вспыхнувшее в полках и на заводах, мы зовем превратить в мирное, организованное выступление всего рабочего, солдатского и крестьянского Петрограда» (И. Церетели, «Воспоминания о Февральской революции», кн. II, стр. 289).

Это воззвание с раннего утра большевики распространяли по полкам и заводам. Оно находило широкий отклик.

Как Советы, так и Временное правительство были хорошо осведомлены, что готовится не стихийная демонстрация, а проба сил, и, если удастся, захват власти ЦК партии большевиков. Чем больше большевики подчеркивали мирный характер демонстрации, тем меньше им верили. Очень интересен эпизод, который в связи с этим рассказывал И. Церетели: на одно из заседаний Совета явился Сталин, чтобы сообщить Совету, что массы солдат и рабочих Петрограда рвутся на улицу, но что «большевистская партия разослала своих агитаторов в полки и на заводы, чтобы удержать их от выхода на улицу. Сделав это заявление в самой категорической форме, Сталин обратился к председателю с просьбой внести в протокол это его заявление и вместе со своими товарищами покинул заседание... Чхеидзе сказал мне с усмешкой: «Теперь положение довольно ясно». Я его спросил, в каком смысле он считает положение ясным. «В том смысле, – ответил Чхеидзе, – что мирным людям незачем заносить в протокол заявления об их мирных намерениях» (И. Церетели, там же, стр.

267).

Между ЦК партии и Петроградским и районными комитетами было правильное и точное распределение ролей. ПК и районные комитеты призваны были организовать «стихийное движение» массы, рвущейся на улицу, на восстание, а ЦК партии должен был играть роль «организующего» и «сдерживающего» фактора, пока велось прощупывание сил и решимости врага. Эту двойную роль ЦК (чтобы в случае неудачи создать себе алиби) отмечает и И. Церетели, когда пишет:

«Характерно было поведение большевистского ЦК, который до 11 часов вечера 3 июля выдерживал роль противника выступления солдатских и рабочих масс на улицу. Этот высший орган большевистской партии стремился создать впечатление, что призывы к выступлению, начатые агитаторами партии с 4 часов пополудни и поддержанные сначала районными комитетами, а затем и Петроградским комитетом партии, делались без его согласия и под давлением стихийно возникшего движения масс» (там же, стр. 298).

Конспирация по созданию алиби для ЦК была настолько строгая, что даже Ленина ЦК направил под видом болезни на дачу Бонч-Бруевича под Петроградом, но 4 июля он вернулся в резиденцию ЦК.

Началась вооруженная демонстрация 4 июля рабочих, солдат и кронштадских матросов. Большевистские историки называют число участников в 500 тысяч человек, И. Церетели говорит лишь о нескольких десятках тысяч. Как бы там ни было, демонстрация оказалась довольно внушительной, одних вооруженных матросов, привезенных большевиками из Кронштадта, оказалось около 10 тысяч. Демонстрация сначала направилась к зданию ЦК, который находился в особняке артистки Кшесинской. Там демонстранты потребовали выступления Ленина, но Ленин предложил выступить Луначарскому. Его неопределенным выступлением толпа осталась недовольна. Тогда вышел сам Ленин. Но и Ленин был нарочито двусмысленным. С одной стороны, Ленин говорил толпе, что она должна проявить «выдержку», а с другой, требовал от неё «стойкости», но подчеркивал, что при всех условиях должен победить и победит лозунг «Вся власть Советам!». (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 24).

После этого толпа во главе с членами ЦК направилась к Таврическому дворцу (резиденция Советов) с требованием к Советам немедленно взять всю власть в свои руки. Однако и тут большевистские лидеры проявляют

двоедушие. Церетели вспоминает:

«Когда ожесточенные толпы манифестантов, собравшихся перед Таврическим дворцом, пытались переходить от слов к действиям и арестовать министров-социалистов, в которых они усматривали главных противников установления советской власти, то они видели, что больше всего такие действия пугали их признанных лидеров, представителей большевистской партии» (Церетели, там же, стр. 306).

Министра земледелия эсера Чернова, который вышел, чтобы успокоить толпу, матросы арестовали и усадили в автомобиль, намереваясь увезти его. Тогда по предложению Чхеидзе представители левых в Советах – Троцкий, Каменев, Луначарский и Мартов – вышли к толпе, чтобы освободить Чернова. Что тогда произошло, Л. Троцкий описывает со слов руководителя матросов Раскольникова: «Лев Давидович произнес короткую речь, закончив её вопросом: "Кто за насилие над Черновым, пусть поднимет руку?" "Никто не вымолвил ни слова возражения – гражданин Чернов, вы свободны", – торжественно произнес Троцкий» (Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 33.)

Вопреки ожидания большевиков, лидеры Советов не только не ударились в панику, а, наоборот, проявили решимость подавить восстание. С самого начала стало ясно, что ЦК большевиков именно и рассчитывал на капитуляцию советских лидеров под влиянием внушительной вооруженной демонстрации. Церетели вспоминает:

«4 июля было кульминационным пунктом июльского восстания, и соединенное заседание исполкомов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в этот день имело решающее значение для хода восстания. Большевистский ЦК *с* особенным вниманием следил за этим заседанием, т. к. Ленин и его сторонники уже совершенно определенно ставили в этот день попытку захвата власти в зависимость от того, согласится или нет советское большинство, под влиянием уличных демонстраций, на образование однородного чисто советского правительства. Большевики ясно понимали, что если им удастся провести первый этап захвата власти под эгидой соглашения с центральными органами революционной демократии, то главная опасность, которая им угрожала, – приход войск в Петроград для восстановления порядка, – была бы устранена» (Церетели, там же, стр. 319-320).

Через заседания Советов проходили делегации за делегациями, требуя взятия всей власти Советами, а Ленин и Троцкий, не участвуя в прениях, присутствовали на хорах и оттуда следили за прениями. За переход власти к

Советам высказался даже и лидер меньшевиков-интернационалистов Мартов, находившийся в оппозиции к официальному меньшевистскому руководству (ОК).

Однако большинство Советов перешло от слов к делу: силами верных Совету и Временному правительству частей Петроградского гарнизона восстание было подавлено. С обеих сторон было много убитых и раненых. Когда же большевистскому ЦК стало известно, что к Петрограду движется сводный отряд с фронта для наведения порядка, то по поручению ЦК Зиновьев выступил ночью 4 июля со следующим заявлением:

«Наша партия сделала все, чтобы сообщить стихийному движению организованный характер и в настоящий момент наша партия редактирует воззвание к рабочим и солдатам Петрограда: не выходить на улицу, прекратить демонстрации *(возгласы:* после гор трупов!)» (Церетели, там же, стр. 330).

Этим заявлением ЦК признал свое фиаско при попытке захватить власть. ЦК, однако, не признал своего окончательного поражения и не терял надежды в будущем повторить эту попытку. В упомянутом Зиновьевым воззвании ЦК и ПК предложили рабочим и солдатам очистить улицы, но указали одновременно: «Цель демонстрации достигнута. Лозунги передового отряда рабочего класса и армии показаны внушительно и достойно... Будем продолжать готовить свои силы...» («История КПСС», т. 3, кн. 1, стр. 152). Троцкий вспоминает о настроении Ленина после июльского восстания:

«5 июля утром я виделся с Лениным. Наступление масс уже было отбито. "Они теперь нас перестреляют, – говорил Ленин, – самый подходящий момент для них". Но Ленин переоценил противника... – не его злобу, а его решимость и способность к действию» (Л. Троцкий, Моя жизнь, ч. II, Берлин, 1930, стр. 34).

Впоследствии Сталин признавал, что выступление 3-4 июля было «пробой сил», рассчитанной как «первый удар» восстания, если противник окажется слабее восставших. Вот его рассуждение:

«Иногда партия, проделав подготовительную работу к решительным выступлениям, и, накопив, как ей кажется, достаточное количество резервов, считает целесообразным совершить пробное выступление, испробовать силы противника, проверить боевую готовность своих сил... Она («проба сил») есть нечто среднее между демонстрацией и восстанием... При благоприятных условиях она может развиться в первый удар (выбор

момента), в восстанье (выступление нашей партии в конце октября), при условиях неблагоприятных она может поставить партию перед угрозой прямого разгрома (демонстрация 3-4 июля 1917 года). Поэтому целесообразнее всего производить пробу сил, когда "плод созрел"... Делая пробу сил, партия должна быть готова ко всему» (И. Сталин, Соч., т. 5, стр. 75-76).

Уже этого авторитетного свидетельства достаточно, чтобы сделать общий вывод: 3-4 июля ЦК партии сделал «пробу сил», пробу захвата власти путем восстания, но потерпел на этот раз поражение. Временное правительство закрыло большевистские газеты, дало приказ об аресте лидеров ЦК за государственную измену и за организацию вооруженного восстания. Ленин и Зиновьев были обвинены в шпионаже в пользу Германии. 12 июля была введена смертная казнь на фронте за дезертирство. 5 июля фракция большевиков ЦИК Советов попросила создать советскую комиссию по расследованию обвинения Ленина и Зиновьева. 7 июля сам Ленин направил письмо в ЦИК Советов, в котором дал согласие на свой арест, если приказ правительства будет утвержден ЦИКом. Ленин писал:

«В Бюро Центрального Исполнительного Комитета. Сейчас только, в 31/4 часа дня, 7 июля, я узнал, что у меня на квартире был сегодня ночью обыск, произведенный, вопреки протестам жены, вооруженными людьми, не предъявившими письменного приказа. Я выражаю свой протест против этого, прошу Бюро ЦИК расследовать это прямое нарушение законов. Вместе с тем я считаю долгом официально и письменно подтвердить то, в чем, я уверен, не мог сомневаться ни один член ЦИК, именно: что в случае приказа правительства о моем аресте и утверждения этого приказа ЦИКом, я являюсь в указанное мне ЦИКом место для ареста. Член ЦИК Владимир Ильич Ульянов (Н. Ленин) Петроград, 7/VII 1917» (Ленин, ПСС, т. 49, стр. 445).

Это письмо Ленина было хорошо придуманным и правдоподобным трюком. Ему нужно было время, чтобы скрыться. Он его и получил.

В самом деле, уже после заявления большевистской фракции Бюро ЦИК Советов обсудило его на своем заседании от 5 июля. В полном согласии с заявлением большевистской фракции оно постановило:

«В связи с распространившимся по городу и проникшими в печать обвинениями Н. Ленина и других политических деятелей в получении денег из темного немецкого источника, исполком доводит до всеобщего сведения,

что им, по просьбе

представителей большевистской фракции, образована комиссия для расследования дела. Ввиду этого, до окончания работ комиссии, Исполком предлагает воздержаться от распространения позорных обвинений и от выражения своего отношения к ним и считает всякого рода выступления по этому поводу недопустимыми».

Это постановление было опубликовано в органе Советов – в «Известиях» от 6 июля 1917 г. (И. Церетели, там же, стр. 341).

Надо заметить, что советское большинство, его лидеры (Чхеидзе, Церетели, Дан, Гоц и др.) сделали все, что в их силах, чтобы в печать не попало сообщение министра юстиции Переверзева о связях Ленина с Германским генеральным штабом, В этом сообщении говорилось, что Ленин через доверенных лиц получал крупные суммы денег от немцев. Доверенными лицами являлись в Стокгольме большевик Ганецкий (Фюрстенберг), старый друг и ученик Ленина, Парвус (доктор Гельфанд), учитель и старый друг Троцкого, а в Петрограде адвокат большевик М. Ю. Козловский и родственница Ганецкого – Суменсон. В сообщении говорилось, что «Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами» (Церетели, там же, стр. 333).

ЦК большевиков направил грузина Сталина к председателю Исполкома Советов грузину Чхеидзе, чтобы он и министр-социалист Церетели (тоже грузин) приняли меры против публикации этого сообщения газетами. Результат визита Сталина Церетели описывает так:

«От имени ЦК Сталин просил Чхеидзе, чтобы он, от своего имени, как председатель Совета, и от имени Церетели, как члена правительства, обратился ко всем газетам с просьбой не опубликовывать этот документ. Чхеидзе спросил меня, согласен ли я на это и, когда я ему ответил утвердительно, сейчас же передал по телефону эту просьбу» (Церетели, там же, стр. 334).

Все-таки одна правая газета («Живое слово») опубликовала это сообщение, переданное ей большевистским членом II Думы Алексинским и бывшим политкаторжанином Панкратовым. 22 июля газеты опубликовали сообщение прокурора о расследовании дела Ленина. В первой реакции Ленина на это содержались два заведомо неверные утверждения, которые опровергаются документами самого Ленина. Они следующие. В «письме в

редакцию "Новой жизни" от 11 июля Ленин, говоря о том, что его "впутывают в коммерческие дел» Ганецкого и Козловского", заявляет, что "мы вообще ни копейки денег ни от одного из названных товарищей ни на себя лично, ни на партию не получали"» (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 7). В другом месте, в статье «Ответ» (22-26 июля 1917 г.) Ленин писал: «Прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным! Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким никаких» (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 31). Таким образом, Ленин утверждал, что у него «никаких дел» с Ганецким не было... Когда Ленин писал свою статью в газете «Рабочий и солдат» от 26 и 27 июля 1917 года, конечно, никто ничего не знал о большой и регулярной переписке между ним и Ганецким. Это стало известно только после прихода Ленина и Ганецкого к власти. Ганецкий был близким сотрудником и даже другом Ленина. От польских большевиков при поддержке Ленина он был включен в состав пробольшевистского ЦК на V съезде РСДРП. Уезжая в апреле в Россию, Ленин создал в Стокгольме Заграничное бюро ЦК РСДРП (б), во главе которого был поставлен Ганецкий, как агент ЦК, за которого Ленин заступался открыто (Ленин, там же, т. 49, стр. 441). Кроме того, в Сочинениях Ленина, в томе 49, опубликовано 8 личных писем и 7 телеграмм Ленина к Ганецкому. В этих письмах Ленин Ганецкого иначе не называл, как «дорогой друг», «дорогой товарищ» и один раз даже по-немецки: «Werter Genosse». Их содержание интересно и по существу. Они не оставляют никакого сомнения, что Ганецкий был с февраля 1917 года главным снабженцем Ленина деньгами, предназначенными не лично для Ленина, а для партии. Вот некоторые выдержки этих писем.

В начале войны Я. С. Ганецкий, сам не имея денег, просил их у Ленина. Ленин ответил 28 ноября 1914 г.:

«Дорогой друг! Я мог бы дать Вам взаймы, если бы была какая бы то ни было возможность... Виктор твердо обещал мне прислать денег: я немедленно вышлю и Вам...» (Ленин, ПСС, т. *49,* стр. 7-8).

Собираясь выезжать через Германию и Скандинавию в Россию, 1 апреля 1917 года, Ленин телеграфирует Ганецкому:

«Выделить две тысячи, лучше три тысячи, крон для нашей поездки» (там же, стр. 425).

После возвращения в Россию 12 апреля Ленин пишет в Стокгольм Ганецкому и Радеку:

«Дорогие друзья! До сих пор ничего, ровно ничего: ни писем, ни пакетов, ни денег от вас не получили… Будьте архи-аккуратны и осторожны в сношениях» (там же, стр. 437).

21 апреля 1917 г. Ленин пишет Ганецкому:

«Деньги две тысячи от Козловского получены… В общем выходят около 15 большевистских газет» (там же, стр. 438).*)

Вопрос вовсе не в том, получал ли большевистский ЦК за границей в лице его руководителей Ленина и Зиновьева через агентов ЦК Ганецкого, Карла Радека и Козловского деньги из германских

*) Эти последние два письма Ленина, разоблачающие его связь с немцами через сотрудника Парвуса – Ганецкого, – Сталин предложил опубликовать, без ведома больного Ленина, еще в 1923 году, когда он узнал, что Ленин его хочет политически похоронить («Завещание» Ленина). Поскольку Ленин и после прихода к власти продолжал отрицать свою связь с Парвусом и немцами через Ганецкого, то опубликование этих писем (журнал «Пролетарская революция», № 9, 1923 г.) произвело на партию впечатление взорвавшейся бомбы. Сталин же этим актом как бы напомнил Ленину – смотри, не храбрись уж слишком, когда у самого «рыльце в пушку»!

источников (фонды министерства иностранных дел и Генерального штаба). Вопрос не стоит даже и так – знал ли лично Ленин, откуда в его кассу текут огромные суммы на организацию революции. Невыясненными надо считать другие вопросы, а именно:

1. во сколько обошлась германскому правительству организация в России антигосударственной и антивоенной пропаганды?
2. было ли в курсе дела русское Бюро ЦК?
2. какие другие революционные организации в России, кроме большевиков, субсидировало германское правительство?

В деле разгрома демократической России, в деле организации внутри России гражданской войны, в деле выхода России из войны, в деле захвата власти антивоенной и антипатриотической революционной партией интересы кайзера и Ленина шли рука об руку. Ленин не был бы успешным большевиком, а был бы жалким проповедником секты социалистических фанатиков, если бы он отказался от принятия германской помощи по каким-либо моральным соображениям. Еще Макиавелли учил, что политика и мораль противопоказаны друг другу и что для достижения цели все средства хороши. К тому же, сам Ленин говорил: «Всякую такую нравственность,

взятую из внечеловеческого понятия, мы отрицаем... Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата» (Ленин, ПСС, т. 41, стр. 309).

Из всех важных разоблачений о немецких деньгах при жизни Ленина надо выделить выступление известного деятеля немецких социал-демократов Эдуарда Бернштейна в центральном органе СПД «Vorwarts» от 14 января 1921 г. Бернштейн писал: «Ленин и его товарищи действительно получили от императорской Германии огромные суммы. Я узнал об этом в конце декабря 1917 г. ...Речь идет о почти невероятных суммах, во всяком случае свыше 50 миллионов золотых марок, – иными словами, о столь крупных суммах, что у Ленина и его товарищей не могло остаться места для сомнения, из каких источников они притекали. Я, конечно, знаю, какое большое значение с точки зрения военной политики тройственного союза придавалось финансированию большевистской акции. Тот *самый* военный, который первый сообщил мне об этом деле, передал мне также слова, сказанные ему видным членом парламента одной из союзных (с Германией) стран, что это финансирование – "мастерской ход Германии..." Одним из последствий их действий в этой области был Брест-Литовск, и презрительно высокомерное поведение там представителей германского военного командования, вероятно, еще не изгладилось из памяти Троцкого и Радека. Ведший с ними переговоры генерал Гофман, у которого они были в руках в двояком смысле, давал это им сильно чувствовать... Если верна моя информация, Ленин на обвинения, выдвинутые в свое время против него Антантой, будто бы ответил, что никому нет дела до того, откуда он брал деньги. Совершенно неважно, какие цели преследовали деньгодаватели, – он, Ленин, прибывавшие к нему деньги употребил на социальную революцию, и этого достаточно» (цитирую по Церетели, там же, стр. 338-339).

Ни Ленин, ни ЦК большевиков никогда не давали опровержения этого обвинения, оставаясь неизменно при утверждении, что все это клевета. Ленин писал в связи с этим обвинением в конце июля 1917 года:

«Само собой разумеется, что за все решительно шаги и меры ЦК нашей партии, как и вообще нашей партии в целом, я беру на себя полную и безусловную ответственность» (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 21).

Ленин предпочитал отвечать вне досягаемости суда, прокурора и даже комиссии ЦИК, которая была создана по его же предложению.

На VI съезде партии (июль-август 1917 г.) специально обсуждался вопрос о явке Ленина и Зиновьева на суд. Группа делегатов (Володарский, Мануильский, Лашевич) внесла на съезд проект резолюции, в которой говорилось, что съезд разрешает Ленину и Зиновьеву «отдать себя в руки власти», если будет дана гарантия их личной безопасности («История КПСС», т. 3, кн. 1, стр. 179). Но съезд, по требованию тех, которые были больше в курсе дела (Орджоникидзе, Дзержинский, Скрыпник, Шлихтер), отверг эту резолюцию.

Современники, как и историки из враждебного Ленину лагеря, слишком упрощенно ставили вопрос о Ленине, как об «агенте Германского генерального штаба». Ленин не был из тех людей, которых вербуют разведки, он был из тех, которые сами вербуют вражескую разведку. Поэтому в широком политическом смысле слова не Ленин был агентом германского правительства, а, наоборот, германское правительство сделалось финансовым агентом Ленина для организации революции в России. Поэтому не германское правительство, а ЦК большевиков в лице Ленина ставил и условия получения денег, а именно: Ленин делает с деньгами что хочет, как он хочет и где он хочет и отвечает только перед самим собою. Поэтому-то Ленин организует пропаганду на немецкие деньги не только против русского правительства, но он организует на эти же немецкие деньги пропаганду и против немецкого правительства! Организацию коммунистической революции в России Ленин органически связывает с такой же организацией коммунистической революции в Германии. Деньгодаватели это знают точно, но думают перехитрить Ленина. Однако хитрость не удалась. Ленин в России победил. Под влиянием русской революции германская революция смела германскую монархию, хотя германский Ленин был предупрежден (убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург). «Николай II такой же разбойник, как и кайзер Вильгельм», «Временное правительство в Петрограде такое же разбойничье империалистическое правительство, как и кайзерское правительство в Берлине», – эти лозунги постоянно присутствуют во всех писаниях Ленина и большевиков. Что касается юридической стороны дела о «немецких деньгах», то вопрос этот в принципе уже выяснен. В Лондоне в 1958 году в издательстве «Oxford University Press» вышел сборник документов, изданных Z. A. B. Zeman. Сборник называется «Germany and the Revolution in Russia 1915-1918» (документы из архива германского министерства иностранных

дел). Здесь приведем только две выдержки из этих документов:

1. Государственный секретарь министерства иностранных дел Германии Kuhlmann пишет от 29сентября 1917 года:

«Большевистское движение никогда бы не достигло того масштаба или влияния, какое оно имеет сегодня, без нашей продолжительной поддержки» (стр. 70, документ № 71).

2. Тот же Kuhlmann пишет 3 декабря 1917 года: «Россия казалась слабейшим звеном во вражеской цепи. Поэтому задача заключалась в том, чтобы постепенно отвязать его (звено), и, если возможно, оторвать его. Такова была цель диверсионной деятельности, которую мы организовали в тылу России, – в первую очередь в виде поощрения сепаратистских тенденций и поддержки большевиков. Этого не случилось, пока большевики не получили от нас постоянно возрастающих фондов через различные каналы и под различными ярлыками. Таким путем они оказались в состоянии развернуть свой главный орган «Правда», организовать энергичную пропаганду и ощутимо расширить первоначально узкий базис своей партии» (стр. 44, док. № 94).

Удивительнее всего, что большевики даже после прихода к власти продолжали брать деньги у немцев – так, 10 ноября 1917 года большевики получили на политическую пропаганду 15 миллионов марок, а после подписания сепаратного Брестского мира германский посол в Москве г. Мирбах 13 мая 1918 года предложил своему правительству поддерживать большевиков и дальше; Берлин ответил полномочием Мирбаху использовать для этой поддержки 40 миллионов марок (там же, документы №№ 75, 92, 124, 128, 129, 131, 132, 133, 135). Как Z. Zeman, так и Л. Шапиро полагают, однако, что поскольку Мирбах был убит 6 июля 1918 года, деньги не дошли до России (Zeman, цит. пр., стр. 137; L. Schapiro, The Communist Party of the Soviet Union, p. 184). В свете всего этого становится ясным, что Ленин не мог явиться на суд Временного правительства. Вполне прав поэтому и большевистский историк, который писал «о серьезнейшей ошибке Сталина по вопросу о явке Ленина на реакционный суд»… Цитируя тогдашнего секретаря ЦК КПСС, он пишет: «Секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев отмечал, что в период культа личности считалось недопустимым писать о серьезнейшей ошибке Сталина по вопросу о явке Ленина на реакционный суд в 1917 г. В «Кратком курсе» необоснованно утверждалось, что на VI съезде Сталин «решительно высказывался против явки Ленина на суд».

Любопытно заключение автора: «На съезде (VI съезд) были делегаты, которые поддавшись атмосфере Советов, конституционным иллюзиям, *наивно полагали,* будто суд над Лениным превратится в разоблачение Алексинских, Церетели и компании, что партия выйдет победителем из этого процесса» (Ж. «Вопросы истории КПСС», № 4, 1962, стр. 46, 48).

Что верно, то верно. Партия действительно не могла выйти победителем из этого процесса, ибо факты были против нее.

Глава 11

ЦК ПОСЛЕ ИЮЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ

После июльского восстания начинается новый этап или, как выражается Ленин, «новый цикл» в подготовке большевистской революции. Ленин характеризует новый этап как качественно отличный от старого этапа в том отношении, что ставка Ленина на «мирное» взятие власти через Советы («Вся власть Советам!») бита, она оказалась нереальной ввиду антибольшевистской политики большинства Советов, ввиду участия Советов в подавлении июльского восстания. Поэтому Ленин констатирует, что «двоевластие» кончилось, новое правительство Керенского (8 июля Керенский стал вместо Львова председателем правительства) есть не что иное, как орудие победившей контрреволюции, а Советы превратились в «фиговый листок» этой контрреволюции. Отсюда Ленин снимает лозунг «Вся власть Советам!» и заявляет: отныне путь ко власти лежит не через Советы, а через вооруженное восстание. В статье «Политическое положение» от 10 июля 1917 года Ленин говорит:

«Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно... Лозунг перехода всей власти к Советам был лозунгом мирного развития революции, возможного в апреле, в мае, июне, до 5-9 июля, то есть до перехода фактической власти в руки военной диктатуры. Теперь этот лозунг неверен... никаких иллюзий мирного пути больше. ...Цель вооруженного восстания может быть лишь переход власти в руки пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством для осуществления программы нашей партии» (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 5).

Но Ленин делает одно серьезное предупреждение своей партии: партия «не бросая легальности, но и ни на минуту не преувеличивая ее, должна соединить легальную работу с нелегальной, как в 1912-1914 годах»

(там же). Другими словами, из Советов не уходим, но на них при *данном* их составе больше не полагаемся как на орудие захвата власти. Дорога к власти лежит через полную изоляцию меньшевиков и эсеров.

Впоследствии, после победы большевиков, Ленин в работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» выдвинул положение, которое гласит, что путь победы коммунистической революции на Западе лежит только через изоляцию политического и организационного влияния социал-демократических партий в рабочем классе. Это положение Ленин возводит в непреложный закон любой коммунистической революции.

Выдвинув новые задачи и новые лозунги, Ленин, вместе с Зиновьевым, укрылся от властей. Сначала они жили в шалаше у озера Разлив, потом в августе-сентябре пробрались в Финляндию, где по существу были на полулегальном положении.

ЦИК Советов по предложению меньшевиков и эсеров (резолюция Дана) осудил поведение Ленина и Зиновьева. ЦИК признавал себя «заинтересованным в суде над большевиками, обвиняемыми в мятеже и в получении немецких денег» и пока такой суд состоится, ЦИК устранял их из своего состава. «Экзекуция, учинённая ЦИК над Лениным и Зиновьевым, была, по существу, вполне справедлива, но это не значит, чтобы она была политически допустима», – говорит по этому поводу Суханов (Н. Суханов, «Записки о революции», кн. V, стр. 50).

Каменев, Луначарский, Крыленко, Мехоношин, Коллонтай, Раскольников (большевистский комиссар в Кронштадте) были арестованы. Троцкий опубликовал в газетах открытое письмо-вызов на имя Временного правительства, заявляя, что если Ленин – немецкий шпион, то он, Троцкий, – тоже немецкий шпион. Поэтому он требовал от правительства распространить и на него приказ об аресте. Дан заметил (устами депутата Булата), что Троцкий все-таки благоразумно умолчал свой адрес в письме к правительству. Однако правительство скоро нашло адрес Троцкого и удовлетворило его просьбу: Троцкого тоже арестовали.

Но большевистская фракция ЦИК Советов, как и фракция Петроградского Совета, продолжала существовать и функционировать легально. Правда, Сталин там редко показывался, но член ЦК Ногин, большевистские лидеры Рыков, Рязанов и руководитель меньшевиков-интернационалистов Мартов, в полном согласии с Лениным, резко критиковали на заседании Советов политику как Временного правительства,

так и лидеров Советов.

Хотя Временное правительство закрыло издания большевиков, заняло дом Кшесинской, издало приказ об аресте Ленина и Зиновьева, арестовало Каменева и Троцкого, оно тем не менее не объявило ни партию большевиков, ни ее ЦК преступными, мятежными организациями. Оно винило отдельных лиц, а не организацию. В силу этого ЦК большевиков, большевистские фракции в Советах, большевистские партийные комитеты Петрограда, Москвы, провинций, большевистские фабрично-заводские комитеты, наконец, Военная организация ЦК партии («военка») остались не только в полнейшем контакте, но и политически и организационно боеспособными. Ленин отсутствовал только физически, но политически своими бесконечными записками и письмами, а также через постоянного связного (Шотман), он присутствовал на заседаниях ЦК. Собственно, его даже не искало правительство, может быть, довольное тем, что он сам исчез с легальной арены.

Поэтому руководящие органы партии беспрепятственно продолжают работу по подготовке нового восстания. 13-14 июля в Петрограде происходит расширенное совещание ЦК. Хотя большевистские историки и указывают на то, что это совещание происходило нелегально, но сам широкий круг участников говорит об обратном. Кроме членов ЦК, на нем участвовали: представители Петроградского комитета, Военной организации, Московского областного бюро, Московского городского комитета, Московского окружного комитета, плюс обслуживающий персонал.

Совещание ЦК обсудило положение, создавшееся для партии после июльского восстания, но не согласилось с Лениным как в отношении общей оценки политического положения, так и снятия лозунга «Вся власть Советам!» Расширенное совещание ЦК считало, что установилась не военная диктатура контрреволюции, а «диктатура Керенского, Церетели, Ефремова», что это «представительство мелкой крестьянской буржуазии, за которой идет часть рабочих» и что между этой диктатурой мелкой буржуазии и правым крылом «идет в настоящее время торг» и что «контрреволюция от нападения на большевиков переходит уже к нападению на Советы и партии советского большинства... роль Советов падает» («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 369).

Резолюция совещания ЦК призывала создать такую власть, которая даст мир, землю, рабочий контроль. Резолюция указывала, что такую власть

по-прежнему можно получить только через Советы, а именно *данные* Советы. Вопреки Ленину в ней говорилось: «Добиваясь сосредоточения всей власти в руках революционных пролетарских и крестьянских Советов, мы полагаем, что только при выполнении вышеуказанной программы эта власть может осуществить задачи революции» (там же, стр. 369-370).

После марта-апреля (до возвращения Ленина) уже второй раз Сталин открыто предъявлял свои претензии на роль вождя партии. В мартовско-апрельские дни он эти претензии делил с Каменевым, но теперь и Каменев отпал ввиду его ареста. Среди оставшихся на воле членов ЦК у Сталина конкурентов не было (Ногин, Милютин, Свердлов, Смилга, Федоров). Поэтому вся работа ЦК, происходила под непосредственным водительством Сталина.

Хотя на руках делегатов были цитированные нами выше тезисы Ленина «Политическое положение», совещание ЦК приняло свою явно анти-ленинскую резолюцию, предложенную Сталиным. Советский партийный историк склонен преуменьшить значение этого факта, хотя и вынужден его отметить:

«Резолюция совещания не давала ясного ответа на такие вопросы текущего момента: в чьих руках находится власть и как относиться к лозунгу "Вся власть Советам!"» («История КПСС», т. 3, кн. 1, стр. 167).

Это неверно. Читатель видел выше, что резолюция давала такие ответы, но только прямо противоположные тем ответам, которые давал Ленин, а именно – власть находится не в руках военной диктатуры контрреволюции, как Ленин писал, а в руках диктаторов эсера Керенского, меньшевика Церетели и прогрессиста Ефремова, что же касается лозунга «Вся власть Советам!», то ЦК и актив партии не считают нужным снять его. Отсюда на протяжении всего июля и до начала августа Ленин упорно и систематически борется со своим ЦК за выправление линии ЦК в духе тезисов «Политическое положение» и за отмену резолюции июльского расширенного заседания ЦК.

В статье «К лозунгам» Ленин косвенно критикует резолюцию расширенного совещания ЦК и объясняет, почему ЦК должен снять лозунг «Вся власть Советам!» Он пишет:

«Слишком часто бывало, что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но

потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл "внезапно" настолько же, насколько "внезапен" был крутой поворот истории. Нечто подобное может повториться, по-видимому, с лозунгом перехода всей государственной власти к Советам» (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 1.0).

Ленин открыто борется против ЦК, который считает ошибочным снятие лозунга «Вся власть Советам!» Он говорит, возражая ЦК: «Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка» (там же, стр. 12).

Ленин требует от ЦК оперировать не старыми, до-июльскими категориями, а новыми: *данные* Советы нас предали, мелкая буржуазия в лице меньшевиков и эсеров нас предала, а поэтому надо готовить вооруженное восстание не только против Временного правительства, но и против *данных* Советов в лице Чхеидзе, Церетели, Дана, Чернова. Ленин против всякого «морализирования» в политике. Он не при всех условиях против мелкобуржуазных партий. Если, например, они осудят своих лидеров и станут на точку зрения «пролетарской партии», он готов их поддержать. В той же статье он так и говорит: «для *пользы* дела пролетариат поддерживает всегда не только колеблющуюся мелкую буржуазию, но и крупную буржуазию» (стр. 13). Но сейчас положение другое. Один цикл партийно-политической борьбы с 27 февраля по 4 июля – закончился, «начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные» (стр. 17). Отсюда Ленин делает главный вывод: дорога к власти лежит только через дискредитацию и изоляцию партий меньшевиков и эсеров, но Советы, очищенные от них, будут новой формой государства диктатуры пролетариата. На протяжении всего июля Ленин вел борьбу с легальной частью ЦК во главе со Сталиным, Свердловым и Ногиным, чтобы заставить ЦК провести предстоящий VI съезд партии под новыми лозунгами и установками, выдвинутыми им в тезисах «Политическое положение». Хотя и не во всем, но в значительной мере это ему удалось. Легальное руководство ЦК должно было пойти на ревизию собственных решений, принятых на июльском расширенном совещании ЦК.

Через десять лет после последнего объединенного большевистско-меньшевистского V съезда (1907) открылся VI съезд, как съезд большевиков совместно с группой «межрайонцев» – с группой Л. Троцкого (она состояла, как указывалось, из «внефракционных» меньшевиков-интернационалистов, большевиков-«впередовцев» и «примиренцев»). Съезд был легальным, хотя

все официальные историки говорят о его нелегальном или «полулегальном» характере (Ем. Ярославский, «Краткая история ВКП (б)», *1930,* стр. 276; «История ВКП (б). Краткий курс», *1953,* стр. 187; «История гражданской войны в СССР», т. 1, *1935,* стр. 179; «История КПСС», т. *3,* кн. 1, стр. 174). Однако из протоколов VI съезда видно, что почти все делегаты участвуют на съезде под своими именами или уже общеизвестными кличками, а главное – в большевистской газете «Рабочий и солдат» ежедневно появляются отчеты о ходе работы съезда. Даже кадетская газета «Речь» от 28 июля 1917 года напечатала заметку о работе съезда. Делегат съезда Скрыпник, возмущаясь этим фактом, говорил:

«Я не знаю, кто осведомляет "Речь". *Мы работаем открыто,* но не допустимы искажения и клевета» и по его предложению было записано: «Съезд заявляет, что единственные проверенные и соответствующие действительности отчёты о работах съезда помещаются в газете «Рабочий и солдат» («Шестой съезд РСДРП (б). Протоколы», Москва, 1958, стр. 67-68).

Да и не мог быть нелегальным съезд, на котором участвовало вместе с техническим персоналом более 300 человек. Временное правительство было точно о нем осведомлено, но не запретило его. На съезде присутствовало 157 делегатов с решающим и 110 делегатов с совещательным голосом, представляющих 240 тысяч членов партии,

таким образом, между Апрельской конференцией и VI съездом (то есть, за три месяца) партия выросла втрое. Он заседал с 26 июля по *3* августа. Повестка дня съезда была следующая:

1. доклад Организационного бюро по созыву съезда (Свердлов) (оно состояло из *3* большевиков и 2 межрайоновцев);
2. доклад ЦК РСДРП (Сталин, Свердлов и Смилга);
3. отчеты с мест;
4. текущий момент: а) война и международное положение (Бухарин), б) политическое (Сталин) и экономическое положение (Милютин);
5. выборы в Учредительное собрание;
6. Интернационал;
7. пересмотр программы;
8. объединение партии;
9. выборы;
10. разное.

Президиум съезда был избран из пяти человек: Свердлов, Ольминский,

Ломов, Юренев (от межрайоновцев) и Сталин. Почетными председателями съезда были избраны Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Коллонтай и Луначарский. Доклад по «текущему моменту» вместо трех докладчиков – Сталина, Бухарина и Милютина – должен был делать Л. Троцкий.

Делая отчет Организационного бюро, Свердлов заметил: «По вопросу о докладчиках Оргбюро сделало все, что могло, но съезду придется отказаться от. тех докладчиков, к голосу которых мы привыкли прислушиваться. В самое последнее время, докладчик по текущему моменту, т. Троцкий был изъят...» («Шестой съезд РСДРП (б). Протоколы», стр. 8).

Любопытная деталь: съезд приветствовало Центральное Бюро меньшевиков-интернационалистов как устно (через Ю. Ларина), так и письменно (за подписями Л. Мартова и Астрова). Ларин говорил на съезде: «Как мне известно, впоследствии на ваш съезд явится вождь меньшевиков-интернационалистов т. Мартов и выступит официально *(аплодисменты)*» (там же, стр. 69).

Но Мартов все-таки не явился, а прислал приветствие. В нем говорилось:

«Приветствуем съезд вашей партии, собравшийся в столь тяжелое для нее время... Не сомневаемся в том, что эти преследования и травли не смогут поколебать влияние идей интернационализма на организованную под знаменем вашей партии часть пролетариата, и пользуемся случаем, чтобы выразить еще раз наше глубокое возмущение против клеветнической кампании, которая целое течение в русской социал-демократии стремится представить агентурой германского правительства» (там же, стр. 194).

Мартов констатировал, что между его течением и большевиками существует «глубокое расхождение в вопросе о методах рабочего движения и революционной борьбы», которое делает невозможным объединение (там же, стр. 195).

Ленин и Зиновьев обратились к съезду с письмом, в котором они сообщали, что они уклонились от ареста потому, что дело против них создано «контрреволюцией» и что только «Учредительное собрание будет правомочно сказать свое слово по поводу приказа Временного правительства о нашем аресте» (там же, стр. 316).

Надо сказать, что вопрос о явке или неявке Ленина и Зиновьева на суд занял в работе съезда с самого начала очень видное место, хотя формально он и не был включен в повестку дня. В большевистских учебниках по

истории революции из одной книги в другую кочует легенда, совершенно искажающая весь характер обсуждения данного вопроса на съезде. Во-первых, умалчивается сам факт, что ЦК и Ленин были против обсуждения этого вопроса на съезде, во-вторых, скрывается и тот факт, что Сталин и Орджоникидзе при определенных условиях были за то, чтобы Ленин явился на суд, а многие делегаты при любых условиях были против явки Ленина. Даже сама постановка вопроса Сталиным о неявке Ленина была неленинская. В то время как Ленин и Зиновьев твердо решили не явиться на суд, Сталин говорил на съезде: «Если суд будет демократически организован и будет дана гарантия, что их не растерзают… Если во главе будет стоять власть, которая будет иметь хоть некоторую честь, они явятся» (там же, стр. 27-28).

Делегаты съезда, знавшие мнение Ленина, решительно возразили Сталину.

Скрыпник сказал: «В резолюции, предложенной Сталиным, было известное условие, при котором наши товарищи могли бы пойти в республиканскую тюрьму – это гарантия безопасности.

Я думаю, что в основу резолюции должны лечь иные условия…» (там же, стр. 31).

Володарский говорил: «Один пункт резолюции т. Сталина неприемлем: честный буржуазный суд» (там же, стр. 32).

Бухарин, возражая Сталину, сказал: «В вопросе о выдаче и невыдаче т.т. Ленина и Зиновьева мы не можем стать на почву схоластики. Что значит "честный буржуазный суд"? Разве честный буржуазный суд не будет стремиться отсечь нам голову?» (там же, стр. 34). Но Бухарин привел и более убедительный мотив о невозможности явиться на суд Ленину и Зиновьеву. Он сказал: «На этом суде будет ряд документов, устанавливающих связь с Ганецким, а Ганецкого с Парвусом, а Парвус писал о Ленине. Докажите, что Парвус не шпион!» (там же, стр. 34).

Бухарин внес резолюцию, которая при всех условиях отвергала явку на суд Ленина и Зиновьева. Съезд отверг резолюции Сталина об условной явке Ленина. Съезд отверг также резолюцию Володарского, Лашевича и Мануильского, в которой говорилось, что Ленин и Зиновьев должны явиться в суд, если будут удовлетворены следующие условия: 1) гарантия личной безопасности, 2) гласное ведение следствия, *3)* участие в следствии представителей Советов, 4) возможно более скорый разбор дела гласным

народным судом – судом присяжных (там же, стр. 32).

Съезд принял резолюцию Бухарина, в которой приципиально отвергалась явка на суд. В ней говорилось, что «нет абсолютно никаких гарантий

не только беспристрастного судопроизводства, но и элементарной безопасности привлекаемых к суду» (там же, стр. 270). Так как вожди и эсеров и меньшевиков в Советах открыто заявляли, ссылаясь на моральные аргументы, что они не верят в «измену» Ленина в пользу Германии, то VI съезд решил использовать авторитет этих вождей в пользу Ленина и Зиновьева. Поэтому в добавлении к резолюции о неявке Ленина говорилось: «Съезд в то же время требует от ЦИК в целях разоблачений гнусных клеветников образования следственной комиссии из представителей всех революционных партий, который только и может доверять пролетариат» (там же, стр. 270, примечание).

Ленин, разумеется, не согласился явиться и на такую комиссию. Ленин целил лишь в одну точку: в победу собственной революции, хорошо зная, что победителей не судят.

В политическом отчете ЦК Сталин изложил ход событий с апреля по июль 1917 года, повторяя известные тезисы партии об июньских событиях и июльском восстании. На обвинение части делегатов, что ЦК партии лишь командовал, не запрашивая волю партии, Сталин ответил в заключительном слове:

«Требовать от ЦК, чтобы он не предпринимал никаких шагов, предварительно не опросив провинции, значит требовать, чтобы ЦК шел не впереди, а позади событий и только констатировал в своих революциях уже совершившиеся факты. Но это был бы не ЦК» (там же, стр. 27).

Как в этом заключительном слове, так и в докладе о политическом положении Сталин разошелся с Лениным по трем важнейшим вопросам: 1) по вопросу о явке на суд (о котором мы уже говорили); 2) по вопросу о природе власти, которая установилась после июльского восстания (Ленин говорил о полной победе контрреволюции, а Сталин заявил: «В данный момент все еще не ясно, в чьих руках власть»), – (там же, стр. 27-28); 3) по вопросу об анализе движущих сил Февральской революции.

Сталин говорил о «коалиции» четырех сил в революции: рабочего класса, крестьянства, либеральной буржуазии и иностранного капитала (там же, стр. 110), тогда как, по Ленину, Февральскую революцию совершили

лишь два класса: пролетариат и крестьянство.

В организационном отчете ЦК Свердлов сообщил, что если в апреле в партии было лишь 78 организаций с 80 000 членов, то в июле в партии 162 организации с 240000 членов, из них 26000 военных членов (там же, стр. 36). Партия имела 41 газету с ежедневным тиражом 320 тысяч экземпляров. 27 газет выходили на русском языке, остальные на грузинском, армянском, латышском, татарском, польском и других языках («История гражданской войны в СССР», т. 1, стр. 177).

Докладчик ЦК по финансам Смилга сообщил, что существующий состав ЦК принял от предыдущего состава деньги в сумме 71 123 руб. 02 коп.

Из этой суммы в кассе сейчас 25 028 руб. 85 коп. (на жалованье партийных работников было израсходовано 11 135 руб.). ЦК приобрел собственную типографию, заплатив за нее 260 000 руб. Указано, что около 140 000 руб. из них было собрано «рабочими», а 120 000 взяты из денег «Правды» (в отчете говорится, что у «Правды» оказались эти средства из подписных денег, хотя известно, что «Правда» себя никогда не окупала). «Правда» .издавалась тиражом 85-90 тысяч, имея в марте 8 000 подписчиков, в апреле 13 000, в мае 18 000 и в июне 21 000 («Шестой съезд...», стр. 38-41). Причем обязательные 10% отчисления от местных организаций в кассу ЦК составили только 4 104 руб. 06 коп. (там же, стр. 38). (Скажем тут же: не только до захвата власти, но и после прихода к власти ЦК держит свой бюджет в строжайшей тайне, но на этот раз уже по другим мотивам). Сам докладчик признался: «Нам приходится жить на сборы и пожертвования. Отчисления дали очень мало» (там же, стр. 39). (Немецкие деньги ведь тоже были своего рода «пожертвованием» в пользу революции.)

Съезд в целом отнесся к Советам более осторожно, чем Ленин. В то время как Ленин одновременно объявлял войну и Временному правительству и Советам, VI съезд принял эластичную, скорее просоветскую формулу, чем проленинскую (определенно антисоветскую). Ленин еще до съезда писал, что Церетели и Чернов превратили «Советы в фиговый листок контрреволюции» (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 2) и что «Данные Советы провалились, потерпели полный крах из-за господства в них партий эсеров и меньшевиков. В данные минуты эти Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат» (там же, стр.

17). Отсюда требование Ленина снять лозунг «Вся власть Советам!» Съезд не выдвигает этого лозунга, но и не снимает его. Съезд молчаливо допускает пригодность этого лозунга даже сейчас, но взять власть Советы уже не могут мирным путем. Соответствующий пункт резолюции гласит:

«Советы переживают мучительную агонию... Лозунг передачи власти Советам... был лозунгом мирного развития революции, безболезненного перехода власти... В настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны... Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии...» («Шестой съезд...», стр. 256).

Такая постановка вопроса допускает, что Советы могут оказаться теперь (иначе, чем раньше) органами немирного и «болезненного» перехода власти. Поэтому надо беречь Советы даже такие, какими их рисует Ленин. Та же резолюция целит как раз в эту точку, когда ставит задачей партии: «Отстаивать против контрреволюционных покушений все массовые организации и в первую голову Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (там же, стр. 257). Многие делегаты открыто возражали против ленинского требования, предлагая сохранить лозунг «Вся власть Советам!», не подвергая его какой-либо ревизии (Ярославский, Юренев, Преображенский, Джапаридзе и др.).

В отношении программы партии съезд подтвердил решение Апрельской конференции о ее пересмотре, но не предпринял такого пересмотра, отложив это до следующего съезда. Были приняты резолюции «Текущий момент и война» (Бухарин), «Политическое положение» (Сталин), «Экономическое положение» (Милютин), «Профессиональное движение» (Глебов-Авилов), «О молодежи» (Харитонов и Смилга), «Об объединении партии» (Юренев), о новом Уставе партии (Харитонов).

Когда читаешь официальную историю советских историков, создается впечатление, что в основе каждой из названных резолюций лежат готовые проекты Ленина. Анализ протоколов VI съезда показывает, что каждая из названных резолюций является творчеством соответствующего докладчика вместе с комиссией (секцией), которую выбирал съезд по каждому докладу.

Никаких документов от Ленина на съезде не фигурировало, кроме уже упомянутого заявления Ленина и Зиновьева, почему они уклонились от ареста. Поэтому совершенно бездоказательно следующее утверждение официальных историков: «Наиболее важные документы съезда готовились

Лениным... Делегат Шумяцкий отмечал: Тезисы, проекты, резолюции, директивы – все это исходило от Ильича"» («История КПСС», т. 3, кн. 1, стр. 174). В протоколах VI съезда («Шестой съезд РСДРП (б). Протоколы». Москва, 1958) нет каких-либо следов таких документов, поэтому официальные историки ссылаются для подтверждения своего тезиса на третьестепенного свидетеля-мемуариста.

Тем не менее, дух Ленина витал над съездом. Самостоятельность съезда как раз говорит в пользу Ленина. Ленин создал такую великолепную партийную машину, что она способна действовать даже в отсутствие ее конструктора и главного водителя.

На этом же VI съезде официально в большевистскую партию вошел и Л. Троцкий со своей «межрайонной группой», которая начиная с 1913 года действовала в Петербурге и во время войны сблизилась с большевиками. Вместе с Троцким в партию через «межрайонную группу» (4 000 человек) вернулись и лидеры большевиков-«впередовцев» (Луначарский, Мануильский и др.).

Съезд принял новый Устав партии. Знаменитый ленинский § 1 был теперь изложен так: «Членом партии признается всякий, признающий программу партии, входящий в одну из ее организаций, *подчиняющийся всем постановлениям партии* и уплачивающий членские взносы» («КПСС в рез.», ч. 1, стр. 384). Выделенные слова были введены впервые в § 1 и они означали лишь одно: партийные организации на всех . уровнях подчиняются поставлениям своих комитетов, а партия в целом – постановлениям ЦК. В Уставе значительно уточнялись и расширялись права ЦК, а в самом ЦК создавался, так сказать, «ЦК в ЦК» под названием «Узкого состава ЦК» для руководства текущей работой. Впервые была создана и ревизионная комиссия по проверке финансов партии и ее предприятий. Верховным органом партии объявлялся ежегодный съезд партии; нормы представительств на съезде устанавливались ЦК. Съезд: 1) заслушивает и утверждает отчёты ЦК, ревизионной комиссии и прочих центральных учреждений; 2) пересматривает и изменяет программу партии; 3) определяет тактическую линию партии; 4) избирает ЦК и ревизионную комиссию.

Создание ревизионной комиссии, политически не затрагивающей моноцентрие партии, по-видимому, было вызвано желанием партии узнать поближе о происхождении партийных денег. До сих пор узкая руководящая головка ЦК во главе с Лениным не давала отчета о своих финансах ни

партии, ни даже ее ЦК в полном составе. Именно разоблачения о «немецких деньгах» сделали вопрос создания центральной ревизионной комиссии, выборной и подотчётной только съезду партии, актуальным.

Пункт о ЦК был сформулирован так: ЦК избирается ежегодно на съезде. Для текущей работы ЦК выделяет из своей среды узкий состав ЦК. Пленарные заседания ЦК собираются не раже одного раза в два месяца. ЦК представляет партию в сношениях с другими партиями и учреждениями, организует различные учреждения партии и руководит их деятельностью, назначает редакцию Центрального органа, работающего под его контролем, организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение, распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии (там же, стр. 384-385).

ЦК, избранный VI съездом, был расширен более, чем вдвое. В его состав вошли: 21 член и 10 кадидатов, избранных путем тайной подачи голосов. Съездом было принято решение, что если он закончится «нормально» (то есть без арестов), то он опубликует список членов и кандидатов ЦК. Это решение съезда после выборов ЦК было отменено, хотя никаких арестов не было (Временное правительство даже не пыталось затруднять работу съезда). Съезд только огласил имена четырех членов ЦК, получивших наибольшее число голосов: Ленин – 133 голоса из 134, Зиновьев – 132, Каменев – 131, Троцкий – 131 («шумные аплодисменты» – отмечает протокол в этом месте – «Шестой съезд...», стр. 252).

Весь состав ЦК VI съезда был следующим: члены: Я. А. Берзин, Н. И. Бухарин, А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А.

М. Коллонтай, Н. Н. Крестинский, В. И. Ленин, В. П. Милютин, М. К. Муранов, В. П. Ногин, А. И. Рыков, Я. М. Свердлов, Ф. А. Сергеев (Артем), И. Т. Смилга, Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, М. С. Урицкий, С. Г. Шаумян. Кандидаты: П. А. Джапаридзе, А. А. Иоффе, А. С. Киселев, А. Ломов, Е. А. Преображенский, Н. А. Скрыпник, Е. Д. Стасова, В. Н. Яковлева. Скоро Стасова, Ломов и Иоффе были переведены в члены ЦК. Таким образом членов ЦК стало 24 человека («История КПСС», т. 3, кн. 1, стр. 197).

На первом пленуме ЦК после съезда 5 (18) августа 1917 года был избран «узкий состав» ЦК, куда вошли: Сталин, Сокольников, Дзержинский, Милютин, Урицкий, Иоффе, Свердлов, Муранов, Бубнов, Стасова, Шаумян. «Узкий состав» ЦК представлял собою нечто вроде будущего Политбюро ЦК. На заседании этого «узкого состава» 6 августа был выделен Секретариат ЦК.

В состав Секретариата ЦК вошли: Свердлов (фактически первый секретарь ЦК), Дзержинский, Иоффе, Муранов и Стасова («Протоколы ЦК РСДРП (б)», Москва, 1958, стр. 6, 13).

Подводя общий итог VI съезда, надо зафиксировать один исторической важности факт: тон вождя партии на съезде задавал Сталин. Конечно, внешне это стало возможным из-за отсутствия Ленина, Зиновьева, Каменева и Троцкого (формально еще не члена партии). Однако именно VI съезд партии доказал, что из всех вождей большевизма вождем класса и формата Ленина является только один Сталин. Между тем, Ленин его недооценивал. Несмотря на то, что Сталин был в партии с 1898 г., несмотря на то, что Сталин участвовал вместе с Лениным на Гельсингфорской конференции в 1905 г., на IV и V съездах в 1906 и 1907 гг., на Поронинском совещании в 1913 г., был кооптирован в члены ЦК в 1912 г., не говоря уже о письменной связи между ними, Ленин даже не знал почти до 1917 года настоящей фамилии Сталина. В письме Зиновьеву в июле 1915 года Ленин спрашивает: «Не помните ли фамилию Кобы?» (Ленин, ПСС, т. 49, стр. 101). В ноябре 1915 года в письме к В. А. Карпинскому Ленин повторяет этот вопрос: «Большая просьба: узнайте фамилию Кобы (Иосиф Дж ?). Мы забыли. Очень важно!!» (там же, стр. 161). Увы, потом не только Ленин, но и история страны навеки запомнит это имя.

Как уже отмечалось, репрессии Временного правительства после июльского восстания были направлены не против партии, даже не против ЦК партии большевиков, а против отдельных вождей, главным образом, против Ленина. Но и против Ленина не был объявлен общий розыск. Его оставили в покое, лишь бы он не показывался на собраниях. Большевики же, в свою очередь, использовали бегство Ленина от суда, как акт мученичества и преследования старого революционера и «демократа» революционным демократическим правительством.

Тем временем, ЦК большевиков развертывает весьма интенсивную пропаганду дела Ленина. В июле ЦК и его местные филиалы выпустили 51 печатный орган (сюда не входят большевистские газеты, издаваемые Советами и профсоюзами). Из них только 13 органов были запрещены после июльского восстания, из которых пять (в том числе Центральный орган) начали выходить под новыми названиями и, кроме того, прибавилось еще пять новых («История КПСС», т. 3, кн. 1, стр. 183). Ежедневный тираж всех большевистских газет и журналов составлял накануне октябрьского

переворота около 600 тыс. экземпляров (там же, стр. 253).

На VI съезде были приведены многочисленные данные о той огромной организаторской работе по подготовке революции, которую вели агенты ЦК на местах. Четыре заседания VI съезда были посвящены «докладам с мест». Докладывали Военная организация при ЦК, Военная организация при Московском комитете, Военная организация 12-ой армии и Румынского фронта, гражданские партийные организации – Петрограда, Москвы, Донбасса, Белоруссии, Кронштадта, Урала, Средней Сибири, Прибалтики,Повольжья, Грозного, Закавказья, Петроградской межрайонной организации и др. («Шестой съезд...», стр. 55-96). Все докладчики единодушно подчеркивали, что после июльского восстания местные большевистские организации работают еще более интенсивно, главное – легально, без каких-либо притеснений со стороны властей. VI съезд воочию убедил всех, кроме, кажется, Временного правительства и эсеро-меньшевистских вождей Советов, что большевики всерьез держат курс на вооруженное восстание в самом близком будущем. Это была не риторика, когда изданный ЦК от имени VI съезда «Манифест» (он был написан Бухариным) кончался словами: «...Грядет новое движение и настаёт смертный час старого мира. Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи!» (там же, стр. 276).

Трагедия свободной России заключалась в том, что в это предупреждение она решительно не верила. Самый распространенный предрассудок сводился к тому, что большевики, если даже и захватят власть, то не справятся с нею и не удержат ее. Против этого предрассудка Ленин даже написал специальную брошюру: «Удержат ли большевики государственную власть?» И Ленин без всяких обобщений и философских мудрствований отвечал на этот вопрос так: если старой Россией управляли 130 000 помещиков, то новой Россией могут управлять 240 000 большевиков. На основной аргумент противников, что у большевиков нет «культурных кадров», чтобы справиться со сложными задачами управления, чтобы овладеть государственной машиной, Ленин в полном согласии с Марксом отвечал: да мы и не собираемся ею •овладевать. Мы хотим ее разрушить до последнего винтика, а это мы вполне можем. Управлять же новым государством мы будем через новую форму власти – через Советы.

Сейчас же после VI съезда перед ЦК стал ряд вопросов: как трактовать на практике снятие лозунга «Вся власть Советам!»? Означает ли это перенесение центра тяжести работы с легальных органов партии на ее

нелегальные органы? Другой вопрос казался еще более щекотливым – на какую из двух столиц страны ориентироваться, как на будущий центр восстания, – на Петроград или на Москву? Наконец, был выдвинут и такой вопрос – допустимы ли принципиально соглашения между большевиками и другими советскими партиями против контрреволюции справа.

На первый и главный вопрос ЦК отвечает классической ленинской формулой: сочетать нелегальную работу с легальной. Оставаться в Советах, но всеми средствами дискредитировать *данные* Советы и добиваться их перевыборов. Даже идти и в такой легальный орган, как Московское государственное совещание (12-15 августа), где правые генералы Корнилов и Каледин собираются с представителями Государственной думы всех четырех созывов, вместе с Милюковым, Керенским, Церетели. Идти, чтобы образовать на совещании большевистскую фракцию, которой поручается выработать декларацию, «зачитать ее перед началом работы совещания и в знак протеста демонстративно покинуть зал заседаний» («История КПСС», т. *3,* кн. 1, стр. 210).

Сделать это большевикам не удалось, так как ЦИК Советов, официально участвовавший на Московском совещании, исключил из состава своей делегации группу большевиков, разгадав их замысел. Тогда ЦК большевиков, пользуясь преобладанием большевиков в руководстве московских профсоюзов, объявил день открытия Московского совещания днем всеобщей политической забастовки.

Призыву ЦК последовало свыше 400 000 рабочих Москвы и ее окрестностей (там же, стр. 211). Вот этот неожиданно большой революционный успех в Москве, которую до сих пор считали более консервативной по сравнению с Петроградом (потому и было созвано здесь Государственное совещание), заставил даже Ленина пересмотреть (на время) свою стратегию завоевания власти в отношении главного центра восстания. 19 августа Ленин писал:

«Москва *теперь,* после Московского совещания, после забастовки, после 3-5 июля, приобретает или может приобрести значение *центра.* В этом громадном пролетарском центре, который больше Петрограда, вполне возможно нарастание движения типа 3-5 июля... 3-5 июля 1917 г. в Питере лозунг взятия власти был бы неверен... Теперь совсем не то. Теперь в Москве, если вспыхнет стихийное движение, лозунг должен быть именно взятия власти» (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 77, 78).

В отношении временных блоков и соглашений с меньшевиками и эсерами ЦК держался другой политики, чем Ленин. После 3-5 июля Ленин уже в принципе отрицал всякую связь и всякие совместные акции с этими партиями. ЦК и Московский комитет, наоборот, именно теперь, в связи со слухами о подготовке выступления Корнилова, считали, что такие связи не только допустимы, но и полезны. На заседании «Узкого состава» ЦК от 14 августа было доложено, что в Москве создан Временный революционный комитет из 7 человек: двух большевиков, двух меньшевиков, двух эсеров и одного от штаба. На том же заседании «ЦК постановил войти в информационную связь» с ЦИК, в котором меньшевики и эсеры создали «Информационное бюро» из всех советских партий в связи со слухами о заговоре справа. Информационное бюро официально пригласило в свой состав представителей ЦК большевиков. Последний постановил направить туда членов ЦК Свердлова и Дзержинского («Протоколы ЦК РСДРП(б)», стр. 21).

Такое поведение ЦК вызвало резкий протест Ленина. В статье «Слухи о заговоре» он писал по поводу поведения ЦК и МК:

«...ясное сознание массами предательства меньшевиков и эсеров, *полный разрыв с ними,* такой же бойкот их всяким революционным пролетарием...» Ленин требовал «отстранить от работы членов ЦК или' МК, ежели бы факт блока подтвердился, и внести вопрос о формальном отстранении их до съезда на первый же пленум ЦК». (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 77).

ЦК эти требования Ленина оставил без внимания.

Глава 12
ЦК ПРОТИВ ПЛАНА ЛЕНИНА О ВОССТАНИИ

Впрочем, очень скоро, буквально через неделю, сам Ленин пересмотрит свою тактику по вопросу об отношении к эсерам и меньшевикам, пересмотрит настолько резко, насколько резкими оказались новые события – поход Корнилова на Петроград. Однако накануне похода Корнилова, между 21 августа (сдача немцам Риги) и 25 августа (начало похода Корнилова) Ленин не склонен к компромиссам. Как раз в это время он препровождает в ЦК «Листок по поводу взятия Риги», в котором он выдвигает лозунг «Долой правительство Керенского». Ленин требует, чтобы ЦК практиковал издание таких нелегальных листков с открытыми

призывами к свержению правительства. Ленин предлагает подписывать подобные листки от имени «группы преследуемых большевиков», чтобы не подвергать опасности закрытия легальных газет ЦК большевиков. Характерна оговорка Ленина. Он пишет:

«Я знаю, косность наших большевиков велика и что много труда стоить будет добиться издания нелегальных листков» (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 86). Но, как сказано, поход Корнилова резко меняет как общую ситуацию, так и тактику Ленина.

Политика Ленина этого периода – шедевр тактического искусства.

Сам Корниловский поход не был авантюрой генерала, вызванной честолюбием. Корнилов хотел предупредить второе восстание большевиков, к которому Ленин начал призывать свой ЦК после сдачи Риги (см. выше). Бойка, которые затребовал Керенский для укрепления петроградского гарнизона, генерал Корнилов считал полезным использовать в борьбе с революционным экстремизмом. Поэтому, двигая на Петроград третий конный корпус ген. Крымова, Верховный главнокомандующий Корнилов потребовал себе полноты военной и гражданской власти, пока в тылу не будет наведен полный порядок. Фактором беспорядка в глазах Корнилова, несомненно, был и весь Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В ответ на это требование Керенский снял Корнилова с поста Верховного главнокомандующего и обратился к Совету за помощью, а Совет, в свою очередь, обратился за помощью к ЦК большевиков. То была ошибка, равной которой не знала история России. Ленин мастерски ею воспользовался.

На первый взгляд, большевики были поставлены перед сложной дилеммой: либо, воспользовавшись восстанием Корнилова, попытаться свергнуть Керенского, либо поддержать Керенского, как «меньшее зло», против Корнилова? Дилемма не оставляла возможности для третьего решения. Меньше всего допускала дилемма и решение, основанное на чувстве. Не эмоция, не чувство мести к Керенскому, который арестовал Троцкого и Каменева и загнал в подполье Ленина и Зиновьева, а реальный расчет ума, – таков должен быть большевистский подход к решению этой проблемы исторической важности не только для судьбы Керенского, но и для судьбы самого же большевизма. Троцкий писал:

«Все понимали, что если Корнилов вступит в город, то первым долгом зарежет арестованных Керенским большевиков» (Л. Троцкий, «Моя жизнь»,

ч, 2, стр. 39).

Более сложной была дилемма самого Керенского: либо капитуляция перед Корниловым и тогда торжество военной диктатуры с возможной перспективой реставрации старого порядка, либо открытая борьба против Корнилова, с опорой на левый революционный фронт, включая сюда и большевиков, и тогда вероятный разгром Корнилова с возможной перспективой установления большевистской диктатуры.

Как правительство Керенского, так и эсеро-меньшевистские Советы переоценили опасность первой перспективы и недооценили опасности второй. В этом помог им и сам генерал Корнилов. Направляя генерала Крымова на Петроград, Корнилов говорил, что Крымов «не задумается, в случае, если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов» («Воспоминания генерала А. С. Лукомского», т. 1, Берлин, 1922, стр. 228). «Перевешать весь состав Совета» означало вешать не только Ленина и Троцкого, но и самого Керенского вместе с Церетели и Черновым. Такая перспектива лидерам Советов менее улыбалась, чем все еще проблематичная победа большевиков. Ленин, как всегда, вопрос связывал с перспективой захвата власти: допустимо ли выступление большевиков против Корнилова и тем самым косвенная поддержка Керенского с точки зрения завоевания власти? Приближает или удаляет подобное действие большевиков от власти? В письме в ЦК РСДРП (б) от 30 августа Ленин дает следующую тактическую установку:

«Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя... Мы видоизменяем форму нашей борьбы с Керенским... Не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо *учесть* момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы иначе подойдем к задаче борьбы с ним... теперь главным стало: усиление агитации за своего рода "частичные требования" к Керенскому: арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих... узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль... Неверно было бы думать, что мы дальше отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но *не прямо, а* со стороны. И агитировать надо сию минуту не столько прямо против Керенского, сколько косвенно против него ж....менно: требуй активной и активнейшей истинно революционной войны

против Корнилова.

Развитие этой войны одно только может привести нас ко власти и говорить в агитации об этом поменьше надо» (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 120-121).

Надо заметить, что ЦК независимо от Ленина наметил и вел приблизительно ту же самую политику «условной поддержки» Керенского, начиная с первого же дня кризиса – 25 августа. Поэтому в приписке к своему письму Ленин констатирует полное совпадение своих взглядов с политическими статьями последних шести номеров (с начала кризиса) Центрального органа ЦК (газ. «Рабочий») (там же, стр. 121). Правда, в ЦК была небольшая группа, которая выступала за поддержку Временного правительства без всяких оговорок, даже за блок с эсерами (там же, стр. 119), но после письма Ленина о ней уже больше ничего не было слышно.

Когда эсеро-меньшевистский ЦИК Советов образовал «Комитет народной борьбы с контрреволюцией» и обратился к ЦК большевиков о вступлении в этот Комитет, то ЦК РСДРП (б) послал туда своих представителей. Чтобы объяснить такой резкий поворот в отношениях к меньшевикам и эсерам, ЦК 29 августа разослал местным партийным организациям телеграмму, которой говорилось:

«Во имя отражения контрреволюции работаем в техническом и информационном сотрудничестве с Советом при полной самостоятельности политической линии» («КПСС в борьбе за победу великой октябрьской социалистической революции». 5 июля-5 ноября 1917, стр. 44).

ЦК большевиков энергично взялся за организацию рабочих дружин и Красной гвардии в рабочих районах Петрограда. Оружие они получали из правительственных складов и даже непосредственно от заводов (так, Путиловский завод дал Красной гвардии 100 артиллерийских орудий) («История КПСС», т. 3, кн. 1, стр. 220). На военно-политическое обучение Красной гвардии большевики выделили свыше 700 инструкторов (там же). Вовсю развернула в эти дни свою работу Военная организация ЦК, на этот раз при официальной поддержке правительства и Советов. Более того. Корниловские дни и свой временный контакт с правительством и Советом ЦК большевиков использовал для вооружения своих сторонников во всех узловых пунктах страны: в областях Москвы, Центральной промышленной области, Урала, Поволжья, Украины, Закавказья, Дона, Сибири, Туркестана, Прибалтики, – всюду создавались рабочие дружины и Красная гвардия.

Л. Троцкий был совершенно прав, когда писал: «Армия, восставшая против Корнилова, была будущей армией Октябрьской революции» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. 2, стр. 39). Разумеется, Временное правительство освободило всех арестованных большевиков во главе с Троцким, Каменевым, Луначарским. Распоряжение Временного правительства о привлечении к судебной ответственности Ленина и Зиновьева формально отменено не было, хотя их, по-прежнему, никто не искал. Зиновьев даже участвовал на заседаниях ЦК, которые происходили легально.

30 августа поход Корнилова почти без единого выстрела провалился, а генерал Крымов, приехавший на аудиенцию к Керенскому, через час после этой аудиенции застрелился. Корнилова арестовали, но остались вооруженные отряды рабочих и Красная гвардия большевиков. Тот, кто их вооружил, не был теперь в силах их разоружить. Свою двуединую задачу – разгром Корнилова, чтобы разгромить Керенского – большевики выполнили только в отношении первой части. Теперь на карту была поставлена судьба самого Керенского. Вполне естественно, что ЦК большевиков постарался извлечь из своего участия в подавлении похода Корнилова на Петроград максимальный политический капитал. В решающем пункте – в вопросе об изменении партийного состава столичных Советов – этот капитал был уже извлечен: на перевыборах Советов в Петрограде и Москве большевики вместе с сочувствующими им левыми эсерами получили большинство. Председателем Петроградского Совета решением ЦК от 24 сентября 1917 года был выдвинут Троцкий («Протоколы ЦК», стр. 69), которого Совет и утвердил 25 сентября (председателем Московского Совета был утвержден другой член ЦК – В. Ногин). Этой своей победой большевики были обязаны поражению Корнилова.

Однако как ни была важна такая победа сама по себе, воспользоваться ею для захвата власти было трудно, пока во главе ЦИК Советов сидели меньшевики и эсеры. Поэтому ЦК большевиков ищет методов и путей оторвать ЦИК Советов от Временного правительства и заставить его образовать чисто советское правительство, хотя бы и без большевиков. Даже представился и случай для такого оборота дела. Так, когда после подавления «корниловского восстания» стал вопрос о реорганизации Временного правительства, в которое должны были войти три партии – кадеты, меньшевик и эсеры, – то меньшевики и эсеры заявили, что они не войдут в правительство вместе с кадетами. ЦК большевиков решил воспользоваться

создавшимся положением, чтобы предложить меньшевикам и эсерам компромисс: меньшевики и эсеры согласны образовать свое, чисто советское, правительство, а большевики согласны отказаться от требования немедленного перехода власти в руки «пролетариата и беднейшего крестьянства» (диктатуры пролетариата).

ЦК большевиков специально обсуждал данный вопрос на своем заседании от 31 августа (13 сентября) 1917 г. По докладу Каменева была принята резолюция «О власти», которая была предложена ЦИК Советов, Петроградскому и Московскому Советам. В резолюции выдвигались следующие требования:

1. устранение Временного правительства и создание «власти революционного пролетариата и крестьянства»;
2. декретирование демократической республики;
3. передача помещичьей земли без выкупа крестьянам;
4. введение рабочего контроля;
5. объявление тайных договоров недействительными и предложение немедленного *мира;*
6. прекращение репрессий против большевиков;
7. отмена смертной казни на фронте и выборность комиссаров;
8. осуществление права наций на самоопределение (Финляндия, Украина);
9. роспуск Государственного Совета и Государственной думы;
10. уничтожение всех сословных (дворянских) преимуществ

(Протоколы ЦК РСДРП (б), стр. 37-38).

1-3 сентября Ленин написал специальную статью об этом компромиссном предложении ЦК большевиков. Эта статья так и называлась: «О компромиссах». Ленин пишет, что обычное представление о большевиках сводится к тому, что большевики не признают никаких компромиссов. Ленин говорит, что как бы лестно ни было для революционеров такое представление о них, но все же оно неверно. В истории большевизма бывали вынужденные и добровольные компромиссы, но при этом большевики оставались верными своим принципам. Ленин писал:

«Компромиссом является, с нашей стороны, наш возврат к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков... Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве...

отказались бы от выставления немедленного требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование» (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 134-135). Резолюция ЦК «О власти» была принята на заседании Петроградского Совета (за – 279, против – 115, воздержались 50 депутатов). Она была принята также на заседании Московского Совета (за – 354, против – 252). Однако на предшествовавшем заседании ЦИК Советов 31 августа 1917 года резолюция «О власти» ЦК большевиков была отвергнута меньшевистско-эсеровским блоком, как чисто пропагандный маневр большевиков (Протоколы ЦК РСДРП (б), стр. 257).

Когда же была создана Директория (Совет пяти) во главе с Керенским, большинство ЦИК Советов поддержало ее. После этого Ленин писал:

«Меньшевики и эсеры не приняли, даже после корниловщины, нашего компромисса, мирной передачи власти Советам (в коих у нас тогда еще не было большинства), они скатились опять в болото грязных и подлых сделок с кадетами. Долой меньшевиков и эсеров. Беспощадная борьба с ними» (Ленин, там же, стр. 262).

Лозунг «Вся власть Советам!» оставался, но этот лозунг теперь рассматривался как лозунг восстания. ЦК большевиков и Ленин решили, что уже наступает время, когда в порядок дня становится вопрос о восстании.

Одновременно с ростом влияния большевиков в Петроградском и Московском Советах росла и численность самой партии. Следующие официальные данные показывают это:

Время	Число членов партии
февраль 1917	23 000
апрель (конец) 1917	80 – 100 000
август (начало) 1917	240 000
октябрь 1917	350000

(Источник: «История КПСС», т. 3, кн. 1, стр. 244).

География распределения большевиков была следующая:

Москва и ее область – 70 000 (20%);

Петроград и губерния – 70000 (17%);

Украина, юго-западный и румынский фронты, Чёрное море – 60000 (17%)

Прибалтика, Северный фронт, Балтийский флот, русские войска в Финляндии – 30 000 (8,5%);

Белоруссия и западный фронт – 30000 (8,5%); Поволжье – 20000 (5,5%);
Кавказ, Кавказский фронт, Дон   20 000 (5,5%);
Сибирь и Дальний Восток – 15 000 (4,5%); Другие – 10000 (3,5%)
(Источник: там же, стр. 247).

Росла и Красная гвардия, руководимая Военной организацией ЦК. Перед октябрьским переворотом красногвардейские отряды насчитывали в Петрограде свыше 20 тысяч бойцов, в Москве – около 10 тысяч, тысячи и сотни красногвардейцев были и в других городах. Всех красногвардейцев из рабочих было 200 тысяч человек (там же, стр. 264). Быстро росло влияние большевиков и в армии. Из 12 армии в ЦК партии сообщали: «Громадное большинство войск на нашей стороне. Примыкают к нам целые полки», из 5 армии сообщали в ЦК: «Большинство армии доверяет только большевикам. Это их последняя надежда» (там же, стр. 272). Официальный историк партии, анализируя рост влияния большевиков в армии, приходит к выводу: «Даже командующие фронтами и представители Ставки вынуждены были признать, что армия выходит из повиновения, не хочет продолжать войну, слушает только большевиков» (там же, стр. 272).

Почему это так? Ответ очень простой: партия большевиков, пользуясь максимальной легальностью и безнаказанностью, твердила каждый день, каждый час одно и то же: любой ценой заключить мир, распустить солдат по домам, а пока это произойдет, немедленно отменить смертную казнь на фронте, а комиссаров и командиров не назначать сверху, а выбирать голосами самих рядовых солдат! Знаменитый «Приказ № 1» по демократизации армии от 1 марта 1917 года, составленный меньшевиками и эсерами, оказался в конечном счете динамичным инструментом в руках большевиков по завоеванию армии на свою сторону.

Суханов ярко рисует общую ситуацию, которая сложилась в России после корниловского выступления: «Никакого управления, никакой органической работы центрального правительства не было, а местного – тем более. Развал правительственного аппарата был полный и безнадежный. А страна жила. И требовала власти, требовала работы государственной машины... О земельной политике теперь не было и речи. Даже разговоры о земле застопорились на верхах, в то время, как волнение низов достигло крайних пределов. В Зимнем дворце даже не было и ответственного человека, не было министра (земледелия), а по России катилась волна варварских погромов, чинимых жадными и голодными мужиками. С

продовольственными делами было не лучше. В Петербурге мы перешли пределы, за которыми начался голод со всеми его последствиями. Но никакого выхода не виделось в перспективе. Органическая работа была нулем, но политический курс давал отрицательную величину. Не нынче – завтра армия должна была начать поголовное бегство с фронта, ибо голод – прежде всего. Во всех промышленных центрах не прекращались забастовки, в которых, по очереди, участвовал, кажется, весь российский пролетариат. Положение на железных дорогах становилось угрожающим. Движение сокращалось от недостатка угля... Вся пресса, сверху донизу, в разных аспектах, с разными тенденциями и выводами, но одинаково громко и упорно, вопила о близкой экономической катастрофе. Чисто административная разруха также была свыше меры. Там, где в корниловщину возникли бойкие военно-революционные комитеты, уже не было речи о законной власти, действующей согласно общегосударственным нормам и директивам из столицы» (Н. Суханов, «Записки о революции», кн. VI, стр. 73-75).

Как тут не вспомнить то, что Ленин назвал «основным законом революции»? Сравните выше нарисованную ситуацию России накануне октября 1917 года с тем, что Ленин говорит об этом законе. В работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» Ленин писал:

«Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и, в частности, всеми тремя русскими революциями в XX в. состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда "низы" не хотят старого и когда "верхи" не могут по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса» (Ленин, 3-е изд., т. XXV, стр. 223).

Таковы именно и были условия в стране, когда Ленин поставил перед ЦК в четырех письмах от 12-14 сентября, 13-14 сентября, 29 сентября и 24, октября настойчиво и категорически вопрос о немедленном захвате власти. Эти письма Ленина, кроме принципиального значения, имеют еще и большую историческую ценность, так как вскрывают всю остроту борьбы Ленина против ЦК именно по вопросу о своевременности или несвоевременности захвата власти. В связи с вопросом захвата власти в ЦК

образовались три группы:

1. группа Троцкого – власть захватить, но самый захват приурочить к открытию II съезда Советов, назначенного на 20, а потом перенесенного на 25 октября (съезд назначал старый меньшевистско-эсеровский ЦИК Советов);

2. группа Ленина – власть захватить немедленно и не дожидаясь открытия съезда;

3. группа Зиновьева-Каменева – захват власти в данных условиях авантюра, а потому гибелен для революции.

В первом письме от 12-14 сентября 1917 года (накануне открытия Демократического совещания) в ЦК Ленин пишет:

«Получив большинство в обоих столичных Советах, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки… на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и Москве, завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати» (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 239-240).

Второе письмо Ленина ЦК от 13-14 сентября озаглавлено: «Марксизм и восстание». Это письмо представляет собой как бы конденсированный тактико-стратегический трактат на тему: *как успешно провести вооруженное восстание.* Его центральная мысль: восстание – это искусство. Его практические предложения: «А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку (там должно 15 сентября открыться Демократическое совещание. – А. А.), занять Петропавловку (крепость на Неве в центре Петрограда. – А. А.), арестовать Генеральный штаб и правительство… занять сразу телеграф и телефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы» (Ленин, там же, стр. 247).

Как реагировал ЦК на эти письма Ленина? На этот вопрос отвечает протокол заседания ЦК от 15 сентября 1917 г. На этом заседании присутствовало из 24 членов ЦК – 16 человек. В числе присутствовавших были – Троцкий, Каменев, Рыков, Ногин, Сталин, Свердлов, Дзержинский и др. Главным и единственным вопросом повестки дня было обсуждение цитированных выше двух писем Ленина. Из протокола явствует, что ЦК

фактически отклонил предложение Ленина о восстании. Письма Ленина дали Центральному Комитету лишь повод «в ближайшее время назначить собрание ЦК, посвященное обсуждению тактических вопросов» (Протоколы ЦК РСДРП (б), Москва, 1958, стр. 55). Не было принято и предложение Сталина «разослать письма в наиболее важные организации и обсудить их» (это был предлог, чтобы вообще уклониться от прямого ответа Ленину). Не было принято также и предложение Каменева, который очень резко требовал отклонить письма Ленина. В его предложении говорилось:

«ЦК, обсудив письма Ленина, отвергает заключающиеся в них практические предложения, призывает все организации следовать только указаниям ЦК и вновь подтверждает, что ЦК находит в текущий момент совершенно недопустимым какие-либо выступления на улицу» (там же, стр. 55). ЦК однако принимает резолюцию, которая отклоняет установки Ленина и в своей заключительной части совпадает с резолюцией Каменева. В резолюции ЦК сказано:

«Членам ЦК, ведущим работу в Военной организации и в ПК, поручается принять меры к тому, чтобы не возникло каких-либо выступлений в казармах и на заводах» (там же, стр. 55).

Заседание ЦК далее выносит постановление: уничтожить все экземпляры писем Ленина, кроме одного. Это решение принимается 6 голосами против 4, 6 воздержалось (там же, стр. 55).

Ленин считал ошибкой ЦК и участие в Всероссийском Демократическом совещании, которое было созвано меньшевиками и эсерами от имени ЦИК Советов (с 14 по 22 сентября 1917 г.). На этом совещании были представлены, кроме советских партий, городские самоуправления, земства, кооперативы, профсоюзы, представители деловых кругов, а также сами Советы, всего около 1 500 чел. Вопрос об участии в этом Демократическом совещании, а также в работе органа, который оно создало – в Предпарламенте (Временный Совет республики) обсуждался на многих заседаниях ЦК в сентябре 1917 г. Принципиальное решение об участии в Демократическом совещании ЦК принял 3 сентября. В циркулярном письме к местным организациям он потребовал «приложить все усилия к созданию возможно более значительной и сплоченной группы из участников совещания, членов нашей партии» («Переписка секретариата ЦК РСДРП (б) с местными партийными организациями», март-октябрь 1917 г., 1957, стр. 35).

Это решение было принято без согласия Ленина, который вынужден был его признать, хотя очень условно. Но поскольку случилось так, что ЦК решил участвовать в совещании, то Ленин предлагал Центральному Комитету огласить на Совещании от имени большевистской фракции краткую декларацию и потом «мы должны всю нашу фракцию двинуть на заводы и казармы: там ее место, там нерв жизни. Там мы должны разъяснить нашу программу и ставить вопрос так: либо полное принятие ее Совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя» (Ленин, там же, стр. 247).

Ленин был, конечно, категорически против вхождения большевиков и в Предпарламент. Эти требования Ленина обсуждались на заседании ЦК от 21 сентября, на котором присутствовало 17 человек, в том числе Троцкий, Каменев, Сталин, Свердлов, Рыков, Бухарин и др. В протоколе этого заседания ЦК сказано: «По вопросу о Демократическом совещании решено с него не уходить» («Протоколы ЦК РСДРП (б)», стр. 65). В отношении Предпарламента было решено 9 голосами против 8 туда не входить, но поскольку такое разделение голосов не создавало устойчивого большинства, то ЦК решил передать окончательное решение данного вопроса самой фракции большевиков на Демократическом совещании, выделив двух докладчиков: за бойкот – Троцкий и против бойкота – Рыков. Далее в протоколе ЦК говорится: «На совещании (фракции) 77 голосами против 50 принято участие в Предпарламенте, какое решение и утверждено ЦК» (там же, стр. 65). Только Троцкий и троцкисты за ленинскую тактику бойкота: «Троцкий был за бойкот. Браво, товарищ Троцкий», – пишет Ленин (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 262).

Однако Ленин не успокаивается. Он продолжает бомбардировать ЦК, ПК, МК и отдельных лидеров партии письмами, записками, статьями о необходимости выправить линию ЦК и отказаться от участия в Демократическом совещании. В статье «Ошибки нашей партии» (которая, впрочем, не была принята ЦО партии и впервые опубликована только в 1924 г.) Ленин пишет: «Надо было бойкотировать Демократическое совещание, мы все ошиблись, не *сделав* этого... Надо бойкотировать Предпарламент. Надо уйти в Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» (Ленин, там же, стр. 262). Ленин резко критикует большевистскую фракцию за ее решение об участии в Предпарламенте. Ленин критикует также и колебание ЦК вокруг этого вопроса. Он говорит: «Невозможны никакие сомнения

насчет того, что в "верхах" нашей партии заметны колебания, которые могут стать гибельными» (там же, стр. 263).

Ленин категорически ставит вопрос о восстании почти во всех письмах, начиная с 12 сентября.

Однако все это не производит на ЦК должного впечатления. Тогда Ленин обращается в ЦК с новым письмом от 29 сентября, которое по существу является ультиматумом Ленина перед ЦК: или ЦК примет предложение Ленина о немедленном назначении восстания или Ленин выходит из ЦК. Вот самое важное место из этого письма:

«Если бы мы ударили сразу, внезапно, из трех пунктов, в Питере, Москве и Балтийском флоте, то девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3-5 июля... При таких шансах, как теперь, не брать власти, тогда все разговоры о власти Советов превращаются в ложь... Видя, что ЦК оставил даже без ответа мои настояния в этом духе с начала Демократического совещания, что Центральный орган (газета ЦК – Сталин. – А.А., вычеркивает из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в Предпарламенте, как предоставление места меньшевикам в Президиуме Совета (25 сентября по предложению ЦК большевиков был избран Президиум Петроградского совета как «коалиционный президиум» в составе 4 большевиков, 2 эсеров и 1 меньшевика. – А. А.) и т. д. и т. д., видя это, я должен усмотреть тут «тонкий» намёк на нежелание ЦК даже обсудить этот вопрос, тонкий намёк на зажимание рта и на предложение мне удалиться. *Мне приходится подать прошение о выходе из ЦК,* что *я и делаю* и оставить за собою свободу агитации в низах партии и на съезде партии, ибо мое крайнее убеждение, что если мы будем "ждать" съезда Советов и упустим момент теперь, мы губим революцию» (Ленин, там же, стр. 282-283).

Какая была реакция ЦК на этот ультиматум Ленина? В протоколах ЦК нет упоминания ни об этом письме Ленина, ни о принятии или отклонении ЦК отставки Ленина. Официальная история партии тоже обходит молчанием этот эпизод. Единственно, что имеется на этот счет в партийной литературе – это воспоминания Бухарина, члена ЦК. Еще при жизни Ленина, на вечере воспоминаний к четвертой годовщине Октября Бухарин сообщил:

«Письмо (Ленина. – А. А.) было составлено чрезвычайно решительно и угрожало нам всякого рода штрафами. Мы все были ошарашены. Никто до этого вопрос так круто не ставил. Может быть, это был единственный раз в

истории нашей партии, когда ЦК единогласно постановил сжечь письмо Ленина... Хотя мы верили, что нам безусловно удастся захватить власть в Петрограде и Москве, но мы думали, что в провинции мы все еще не в силах добиться этого (цитирую по L. Trotzki, «Geschichte der russichen Revolution,» стр. 601). Комментируя это высказывание Бухарина, Троцкий говорит, что решение ЦК о сожжении письма *Ленина не* было единогласным, но тут Троцкий допускает ошибку, так как ссылается *на* протокол *ЦК* от 15 сентября («Протоколы ЦК», стр. 55), где обсуждались первые два письма Ленина, и приводит результаты голосования по этим письмам (там было решено сохранить только один экземпляр: за – 6, против – 4, воздержалось – 6). У Бухарина же речь идет о третьем письме Ленина от 29 сентября (как приписка к статье «Кризис назрел», приписка предназначалась только для членов ЦК, ПК, МК и Советов. Ленин, ПСС, Т. 34, стр. 280-283).

Письмо от 29 сентября все-таки возымело свое действие. Об этом мы поговорим в следующей главе.

Глава 13
ЦК – ОРГАНИЗАТОР РЕВОЛЮЦИИ

Ленин, опираясь на Троцкого (Ленин: «Троцкий был за бойкот. Браво, т. Троцкий!»), добился первого и очень серьезного тактического успеха: заседание ЦК от 5 октября 1917 года выносит постановление всеми голосами против одного (вероятно, Каменев) уйти из Предпарламента в первый же день открытия его сессии, огласив там соответствующую декларацию («Протоколы ЦК РСДРП (б)», стр. 76). 7 октября 1917 года большевистская фракция, в соответствии с этим требованием ЦК, покинула Предпарламент, огласив мотивированную декларацию. Декларация содержит общеизвестные требования большевиков о власти (Советов), земле, мире и т. д.

Подтекст декларации яснее ее текста – это бойкот демократии и ставка на установление диктатуры через вооруженное восстание.

Того же 7 октября Ленин по специальному решению ЦК от 3 октября 1917 года («Протоколы ЦК...», стр. 74) возвращается из своего финляндского подполья в Петроград, чтобы, как сказано в протоколе, «была возможной постоянная и тесная связь» (там же, стр. 74). Отныне Ленин берет на себя непосредственное руководство над ЦК.

Теперь он имеет возможность встречаться с каждым из членов ЦК и

ПК. Его информация тоже стала полнее. Ленин на всякий случай снял бороду и усы, надел грим, сделав себе через ЦК и через большевика Смилгу (председатель областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии) удостоверение на имя рабочего Константина Петровича Иванова (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 268). На имя Иванова был выписан Ленину пропуск и в Смольный институт, где находился легальный большевистский центр. Хотя Ленин и говорил, что ему нужно фальшивое удостоверение «на всякий случай, ибо возможен и "конфликт" и "встреча"» (там же, стр. 268), но надобность в этом едва ли была. Временное правительство давно не ищет Ленина, а ЦК партии еще 6 сентября предложил Ленину и Зиновьеву («Протоколы ЦК...», стр. 74) в случае их согласия поставить перед ЦИК Советов вопрос об освобождении их от преследования под залог (под залог был освобожден и Троцкий 4 сентября 1917 г.) Однако Ленин предпочел оставаться «нелегальным».

Через три дня после возвращения Ленина – 10 октября 1917 года – происходит с его участием то историческое заседание ЦК, на котором был, наконец, поставлен вопрос о восстании. Это заседание происходило на квартире редактора газеты М. Горького «Новая жизнь» меньшевика-интернационалиста Н. Суханова. Как это случилось, что квартира врага октябрьского переворота Суханова оказалась местом исторического заседания ЦК большевиков, Суханов объясняет так:

«Собрался полностью большевистский партийный ЦК... О, новые шутки веселой музы истории! Это верховное и решительное заседание состоялось у меня на квартире, на Карповке (д. 32, кв. 31). Но все это было без моего ведома. Я по-прежнему очень часто заночевывал где-нибудь вблизи редакции или Смольного, то есть вёрст восемь от Карповки. На этот раз к моей ночевке вне дома были приняты особые меры: по крайней мере, жена моя точно осведомилась о моих намерениях и дала мне дружеский, бескорыстный совет – не утруждать себя после трудов дальнейшим путешествием. Во всяком случае, высокое собрание было совершенно гарантировано от моего нашествия...» (Н. Суханов, «Записки о революции», кн. VII, 1923, стр. 33).

Ленин явился на собрание в парике с упомянутым удостоверением на имя Иванова, а Зиновьев – с бородой, но без шевелюры, тоже с фальшивым удостоверением (Зиновьев, как упоминалось, без особого риска уже с сентября участвовал на заседаниях ЦК, его даже хотели легализовать под залог, но ЦК не соглашался оторвать его от Ленина). Суханов допускает одну

ошибку и одно упущение в своем изложении. Упущение в том, что он не говорит, что жена его Г. К. Суханова-Флаксерман была членом большевистской партии и сотрудником Секретариата ЦК партии большевиков («История КПСС», т. 3, кн. 1, стр. 301). Официальный историк замечает, что именно то обстоятельство, что Флаксерман была женой Суханова делало квартиру Суханова «весьма удобной с точки зрения конспирации» (там же, стр. 301).

Ошибка же Суханова заключается в том, что он думал, что собрался весь состав ЦК. Между тем, протоколы ЦК, опубликованные позднее мемуаров Суханова, показывают следующую картину: на решающем заседании ЦК от 10 октября 1917 года присутствовало только *50%* всех членов ЦК. Как мы видели, на шестом съезде был избран 21 член ЦК и потом в члены ЦК были переведены три человека из кандидатов ЦК. Таким образом, членский состав ЦК поднялся до 24 человек. Протокол заседания ЦК перечисляет присутствующих в следующем порядке: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов (Оппоков). Как обычно, председательствует Свердлов, которого Троцкий называет «Генеральным секретарем Октябрьской революции» (Свердлов был фактическим первым секретарем ЦК и руководителем всей партийной иерархии).

Повестка дня заседания вовсе не выглядит «исторически»:

Вот она: 1) Румынский фронт
2) Литовцы
3) Минский и Северный фронт
4) Текущий момент
5) Областной съезд
6) Вывод войск

Все эти практические и тактические вопросы сформулированы нарочито так, чтобы вернее завуалировать главный и решающий вопрос о судьбе всей революции – четвертый вопрос о текущем моменте. По этому-то вопросу с докладом выступил Ленин. Он теперь имел возможность лично изложить свои аргументы за восстание. Его основная мысль: политически восстание давно назрело, но в партии «с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании... Это недопустимо... Вопрос стоит очень остро и решительный момент близок... Абсентеизм и равнодушие масс можно объяснить тем, что массы утомились от слов и резолюций...

Политически дело совершенно созрело для перехода власти... Надо говорить о технической стороне. В этом все дело. Между тем мы, вслед за оборонцами, склонны систематическую подготовку восстания считать чем-то вроде политического греха. Ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно» («Протоколы ЦК...», стр. 84-85).

В прениях выступило только три человека и то не по принципиальному вопросу о восстании, а с информацией о состоянии дел на местах (Ломов, Урицкий, Свердлов). Голосуется предложенная Лениным резолюция о том, что вся внешняя и внутренняя обстановка «ставит на очередь дня вооруженное восстание. Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы» (там же, стр. 85-86). За резолюцию голосуют 10 человек, против – два (Каменев и Зиновьев).

Таким образом, решение о большевистском восстании было принято меньшинством ЦК (10 за, 2 против, 12 отсутствовало). Из отсутствующих важных членов ЦК два – Рыков и Ногин (председатель Московского Совета) определенно были на стороне голосовавших против, к ним примыкал и другой видный член ЦК Милютин (см. Л. Троцкий, цит. пр., стр. 612). На этом же заседании Дзержинский предложил «создать для политического руководства на ближайшее время Политическое бюро из членов ЦК». В протоколе сказано, что такое Бюро создано из семи человек: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников и Бубнов («Протоколы ЦК...», стр. 86).

Л. Троцкий говорит, что это Политбюро оказалось не жизнеспособным и ни разу не собралось в указанном составе (L. Trotzki, Geschichte der russischen Revolution, стр. 616). На заседании не был записан срок начала восстания, но Троцкий пишет, что устно было условлено: восстание начнется 15 октября (Сталин это оспаривал, говоря, что октябрьское восстание произошло именно тогда, когда оно было назначено – 25 октября) (L. Trotzki, там же, стр. 616).

Один очень характерный и существенный момент в резолюции: почему надо спешить с восстанием, резолюция ЦК перечисляет благоприятные предпосылки, называет и одну отрицательную предпосылку, могущую сорвать восстание. В резолюции об этом сказано так: «угроза мира империалистов с целью удушения революции в России» («Протоколы ЦК...»,

стр. 86). Эта «угроза мира» дополнялась другой угрозой – предполагаемым предоставлением земли крестьянам, над проектом которого работали и ЦИК Советов и Временное правительство. А эти – мир и земля – как раз и были те два кита, на которых строилась вся стратегия захвата власти большевиками.

На второй день после решения ЦК о восстании Зиновьев и Каменев обратились к «Петроградскому, Московскому областному, Финляндскому областному комитетам РСДРП, большевистской фракции, Петроградскому Исполкому Советов, большевистской фракции съезда Советов Северной области» с заявлением против восстания. Они писали: «Говорят: 1) за нас уже большинство народа в России и 2) за нас большинство международного пролетариата. Увы! – ни то, ни другое неверно, и в этом все дело» (там же, стр. 88).

Заявление Зиновьева и Каменева не имело практических последствий. Большевистская машина восстания начала работать методически и систематически. Меньшевики и эсеры, не желая того, сами способствовали созданию весьма важного, быть может, решающего легального органа этой машины – Военно-революционного комитета. Еще за день до заседания ЦК – 9 октября происходило заседание Петроградского Совета, в котором сейчас большевики были в большинстве. На этом заседании говорилось о необходимости создания, во-первых, контроля над действиями Петроградского военного штаба (которого обвиняли, что он хочет вывести революционный гарнизон из Петрограда), во-вторых, организации такого органа, который мобилизовал бы население для обороны Петрограда – Комитета революционной обороны. Меньшевики и эсеры сначала были против этого, но потом сами внесли предложения, которые гласили:

1. создать при командующем войсками Петроградского округа «коллегию» из представителей Совета, и всякий вывод той или иной части войск может быть произведен только с согласия этой «коллегии»,

2. очистить командный состав от правых,

3. создать комитет революционной обороны Петрограда.

Большевистский Исполком Советов весьма охотно принял эти предложения (за 13, против – 12) (Н. Суханов, цит. пр., стр. 38). В тот же день состоялся пленум Совета, на котором нашли, что предложения меньшевиков и эсеров недостаточно радикальны. Пленум Совета записал, что власть должна перейти в руки Советов, что же касается «революционного комитета обороны» Петрограда, который «сосредоточил

бы в своих руках все данные, относящиеся к защите Петрограда и подступов к нему» то он должен быть создан (из резолюции).

Так была подготовлена, при участии меньшевиков и эсеров, почва по созданию легального органа восстания – Военно-революционного Совета. Он был официально создан 12 октября. Что речь идет об органе восстания знали только большевистские члены Совета, его меньшевистские и эсеровские члены полагали, что создается, по существу, тот орган, который они сами же предложили. Большевики и Троцкий в особенности делали все возможное и невозможное, чтобы укрепить их в этом заблуждении. Даже в постановлении о. задачах комитета большевики сумели ловко замаскировать его истинную цель. Однако надо было бы быть очень наивным, чтобы не видеть этой истинной цели создаваемого органа. В самом деле, вот что говорилось в постановлении Исполкома:

«Ближайшими задачами Военно-революционного комитета являются: определение боевой силы и вспомогательных средств, необходимых для обороны столицы; затем учет и регистрация личного состава гарнизона Петрограда и его окрестностей, а равно и учёт предметов снаряжения и продовольствия, разработка плана работ по обороне города, меры по охране его от погромов и дезертирства, поддержание в рабочих массах и солдатах революционной дисциплины. При Военно-революционном комитете организуется гарнизонное совещание, куда входят представители частей всех родов оружия. Гарнизонное совещание будет органом, содействующим Военно-революционному комитету в проведении его мероприятий, информирующим его о положении дел на местах и поддерживающим тесную связь между комитетом и частями» (Н. Суханов, там же, стр. 40-41).

Во главе Военно-революционного комитета был поставлен левый эсер П. Е. Лазимир, который, разумеется, не знал, что он возглавляет легальный штаб восстания ЦК партии большевиков! Зато он был окружен большевиками, которые знали, в чем дело: это – сам Троцкий, потом товарищ председателя Подвойский (накануне переворота он и юридически заменил Лазимира), секретарь комитета Антонов-Овсеенко, члены – Невский, Юренев, Мехоношин (меньшевики и правые эсеры отказались войти в этот комитет). Большевистские конспираторы так хорошо организовали свой комитет, что создали при нем отличные вспомогательные службы. Таковыми были отделы комитета: 1) обороны, 2) снабжения, 3) связи, 4) информации, 5) рабочей милиции, 6) донесений, 7) комендантуры (Суханов, там же, стр.

41). Комитет прочно опирался на гарнизон в 150 тысяч солдат («История КПСС», стр. 314).

Словом, Ленин, став теперь «оборонцем» больше, чем сам Керенский, создал легально-нелегальную власть над Петроградом почти за две недели до того, как он захватил власть над всей страной. В этих условиях поражала бездеятельность Временного правительства.

Второе заседание ЦК, посвященное вооруженному восстанию, состоялось 16 октября (29 октября) 1917 г. (если, как Троцкий утверждает, вооруженное восстание было назначено на 15 октября, то этот срок был пропущен). На этот раз заседание было расширенное – ЦК заседал совместно с ответственными руководителями Исполнительной комиссии (бюро) Петроградского комитета, Военной организации, Петроградского Совета, Профессиональных союзов, железнодорожников, Петроградского окружного комитета. Протокол не перечисляет фамилий присутствовавших, но из голосования видно, что присутствовало 25 человек, в том числе члены ЦК Ленин, Свердлов, Зиновьев, Каменев, Сокольников, Сталин, Скрыпник, Иоффе, Милютин, Дзержинский. (Л. Троцкий в этом заседании не участвовал, так как руководил пленумом Петроградского Совета, на котором того же 16 октября утверждался Военно-революционный комитет.) Расширенное заседание происходило на окраине Петрограда, в помещении Лесновско-Удельнинской районной Думы, которая находилась в руках большевиков (председателем ее был М. И. Калинин) («История КПСС», стр. 306).

На этом заседании Ленин обосновал решение 10 октября о восстании, а представители ЦК и названных выше организаций докладывали о том, как и насколько успешно идет техническая подготовка восстания. Тут в генеральном штабе партии трезво, деловито и без всякого ложного пафоса взвешивались все плюсы и минусы происходящей подготовки. Уже из сухого протокольного изложения видно, что Ленин и его ученики подходили к восстанию как к искусству, которым они владели в совершенстве. Конечно, раздавались и пессимистические нотки неверия в успех дела, но они тонули в большом хоре убежденных сторонников восстания.

Ленин принципиально нового ничего не сказал. Он только заметил, что сейчас стоит дилемма – либо новая корниловщина, либо власть большевиков. Он сказал, что массы требуют от большевиков не слов, а дел «в борьбе с войной и в борьбе с разрухой»; Ленин пожелал сначала выслушать доклады с

мест из большевистских центров, прежде чем делать дальнейшие выводы. При этом он многозначительно добавил: «Настроением массы руководствоваться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету» («Протоколы ЦК...», стр. 94).

Свердлов, председательствовавший и на этом заседании, доложил, что партия выросла до 400 тысяч человек (данные эти оказались преувеличенными), растет влияние большевиков в Советах, а также в армии и на флоте.

Руководитель Петроградского комитета партии Бокий доложил положение дел по районам столицы : *Васильевский остров* – боевого настроения нет, но боевая подготовка ведется.

Выборгский район – готовится к восстанию и образован Военный Совет.

1-ый городской район – Красная гвардия есть, но настроение трудно учесть.

2-ой городской район – настроение лучше.

Московский район – выйдут по призыву Совета, но не партии.

Нарвский район – стремления выступать нет, но авторитет партии не падает.

Невский район – за Советом пойдут все.

Охтенский район – дело плохо.

Петербургский район – настроение выжидательное.

Рождественский район – то же самое.

Пороховский район – настроение в пользу большевиков улучшилось.

Шлиссельбург – настроение в пользу большевиков.

Крыленко, докладывая от Бюро Военной организации ЦК заявил, что у них в Бюро расхождения в оценке положения в гарнизоне, но что он лично думает, что настроение в полках «поголовно наше».

Представитель Петроградской окружной организации Степанов заявил, что в округе «настроение боевое, готовятся к выступлению», большинство гарнизонов большевистские. Володарский от имени Петроградского Совета заявил, что «на улицу никто не рвется, но по призыву Совета все явятся». Представитель профсоюзов (500 тыс. чел.) Шмидт сказал, что «влияние нашей партии преобладающее... Требуют всей власти Советам».

Представитель союза металлистов Шляпников (бывший член ЦК) заметил, что у них влияние большевиков преобладает, но «большевистское

выступление не является популярным; слухи об этом даже вызвали панику».

Скрыпник от фабрично-заводских комитетов констатирует, что люди хотят, чтобы от слов перешли к делу; руководители отстали от масс. Шмидт дополнительно говорит, что петроградские и московские железнодорожные узлы ближе к большевикам; почтовики – низшие служащие – большевики.

Свердлов дополнительно информирует, что в Москве в связи с резолюцией ЦК предприняты шаги выяснения положения о возможности восстания («Протоколы ЦК...», стр. 93-97).

На основе этих информационных докладов о подготовке к восстанию развернулись прения «О текущем моменте». В прениях выступил 21 человек, некоторые выступили по несколько раз. Милютин и Шотман заявили, что партия к восстанию не готова и выступать сейчас рано. Скалов заявил, что до созыва II съезда Советов нельзя устраивать восстание, но на съезде нужно взять власть. Володарский тоже считал, что вопрос о взятии власти надо решать на II съезде. Пессимистически был настроен и Г. И. Бокий. Зиновьев и Каменев повторили свою старую точку зрения и решительно выступили против восстания, по крайней мере, в ближайшие дни. Зиновьев говорил: «Мы должны сказать себе прямо, что в ближайшие пять дней мы не устраиваем восстания». Каменев говорил, что с принятия резолюции прошла неделя и ничего не сделано для восстания. Вывод этой недели – «данных для восстания у нас нет». В другой речи Каменев косвенно подтвердил указание Троцкого, что восстание было назначено на 15 октября. Каменев сказал: «Раньше говорили, что выступление должно быть до 20, а теперь говорят о курсе на революцию... Назначение восстания есть авантюризм». Сталин, возражая Каменеву и Зиновьеву, заявил, что их выжидательная тактика с восстанием только помогает контрреволюции организоваться, но «день восстания должен быть целесообразен». Все другие ораторы тоже поддержали курс на немедленное восстание.

После прений на голосование были внесены две резолюции:

1. Резолюция Ленина: «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления»;

2. Резолюция Зиновьева: «Не откладывая разведочных,

подготовительных шагов, считать, что никакие выступления впредь до совещания с большевистской частью съезда Советов – недопустимы».

За резолюцию Ленина голосовало: за – 19, против – 2, воздержалось – 4. За резолюцию Зиновьева голосовало: за – 6, против – 15, воздержалось – *3* («Протоколы ЦК...», стр. 97-104).

Самым чудовищным преступлением в большевистской партии считается нарушение дисциплины партии безотносительно к тому, какие бы веские аргументы ее нарушитель ни приводил. При этом, чем выше стоит в иерархии партии нарушитель дисциплины, тем больше ответственности.

Поэтому даже Ленин, когда он оказывался в высшем органе партии в меньшинстве, вел закрытую полемику, но никогда открыто не выступал против решения большевистского ЦК. Если случалось, что Ленин намеревался нарушить этот принцип дисциплины, то он угрожал выходом из ЦК, чтобы как рядовой член партии получить свободу действия против ЦК и его неугодных ему решений.

Каменев и Зиновьев, проголосовав 10 и 16 октября против восстания, выступив в непартийной газете «Новая жизнь» (орган Горького и Суханова) против решения ЦК, будучи его членами, нарушили этот железный закон большевистской дисциплины. Каменев 18 октября писал: «Не только я и т. Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до созыва съезда Советов было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом» («Протоколы ЦК...», стр. 116).

Это выступление вызвало у Ленина взрыв возмущения. До глубины души, видимо, возмутили Ленина и выступления Каменева и Зиновьева в ЦК. Ленин писал в ЦК: «Зиновьев имеет бесстыдство утверждать, что "партия не опрошена" и что такие вопросы (восстание), не решаются десятью человеками» или: «Каменев бесстыдно кричал: "ЦК провалился, ибо за неделю ничего не сделано" (опровергнуть я не мог, ибо сказать, чт***о*** именно сделано, нельзя)», и Ленин категорически потребовал от ЦК: «Каменев и Зиновьев выдали Родзянко и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании... Ответ на это может и должен быть один: немедленное решение ЦК: ...ЦК исключает обоих из партии». Ленин добавляет: «Мне нелегко писать про бывших близких товарищей, но колебания здесь я считал бы преступлением... Изменником может стать лишь свой

человек» (Ленин, ПСС, т. 34, стр. 424-426). Это письмо Ленина в ЦК, датированное 19 октября, не произвело особого впечатления не только на Зиновьева и Каменева, но даже и на ЦК в целом. Правда, Каменев еще 16 октября (за три дня до письма Ленина) в ответ на новое решение ЦК о восстании подал заявление о выходе из ЦК, но оно еще не рассматривалось ЦК.

20 октября происходит новое заседание ЦК. Присутствуют – Троцкий, Сталин, Сокольников, Дзержинский, Урицкий, Иоффе, Свердлов, Милютин, Коллонтай. Отсутствуют Ленин, Каменев, Зиновьев. Но обсуждается как раз заявление Ленина о Каменеве и Зиновьеве. Вот некоторые интересные выдержки из прений:

Свердлов: «ЦК не имеет права исключать из партии… Отставка Каменева должна быть принята».

Сталин: «Предложение Ленина должно быть разрешено на пленуме и предлагает в данный момент не решать».

Милютин: «Присоединяется к мнению т. Сталина, но доказывает, что вообще ничего особенного не произошло».

Троцкий: «Считает, что отставка Каменева должна быть принята».

Сталин (второй раз): «Считает, что Каменев и Зиновьев подчинятся решениям ЦК… Считает, что исключение из партии не рецепт, предлагает оставить в ЦК».

В результате прений предложение Ленина об исключении Каменева и Зиновьева из партии отклоняется, но отставка Каменева, как члена ЦК, принимается (за – 5, против – 3) («Протоколы ЦК…», стр. 106-107).

Однако и это решение об отставке Каменева было потом пересмотрено. На последнем заседании ЦК перед переворотом – 24 октября 1917 года – Каменев принимает руководящее участие (там же, стр. 119).

Активная защита Сталиным Каменева и Зиновьева против Ленина выявилась не только в выступлениях Сталина на заседаниях ЦК, но и в том, что он в ЦО партии «Рабочий путь» без ведома своего соредактора Сокольникова поместил, во-первых, письмо в редакцию Зиновьева, в котором Зиновьев говорит, что «действительные мои взгляды по спорному вопросу очень далеки от тех, которые оспаривает т. Ленин» и предлагал «отложить наш спор до более благоприятных обстоятельств» ; во-вторых, Сталин сделал к этому заявлению следующее явно антиленинское примечание от редакции: «Мы в свою очередь выражаем надежду, что сделанным заявлением т.

Зиновьева (а также заявлением т. Каменева в Совете) вопрос можно считать исчерпанным. Резкость тона статьи Ленина не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками» (там же, стр. 114, 115). Когда на заседаниях ЦК от 20 октября выяснилось, что Сталин действовал самочинно, а его соредактор Сокольников это действие считал ошибочным, как и *Ленин,* то Сталин заявил о своем выходе из редакции, но ЦК отставки его не принял (там же, стр. 108).

Газеты Петрограда полны сведений о предстоящем восстании большевиков. Не только из выступления Каменева и Зиновьева, но из самих статей Ленина в «Рабочем пути» совершенно ясно видно, что восстание – дело решенное, гадают только о сроке – когда же оно назначено. Максим Горький, который так близок был к Ленину, 18 октября выступил в «Новой жизни» со статьей «Нельзя молчать!». Он писал: «Всё настойчивее распространяются слухи о том, что 20-го октября предстоит "выступление большевиков"». Он предупреждал против повторения «отвратительных сцен 3-5 июля» и писал: «Вспыхнут... все темные инстинкты толпы, раздраженной разрухою жизни, ложью и грязью политики – люди будут убивать друг друга, не умея уничтожить своей звериной глупости». Он предлагал ЦК большевиков опровергнуть слухи о восстании, если этот ЦК не стал «орудием в руках бесстыднейших авантюристов или обезумевших фанатиков». (Н. Суханов, «Записки о революции», кн. VII, стр. 46-47). «Обезумевшим фанатиком» Горький считал Ленина.

Между тем, политическая и особенно техническая подготовка восстания шла на всех парах. 21 октября большевики созвали собрание полковых и ротных комитетов всех частей армии и флота столицы. На собрании доклад о «текущем моменте» сделал Троцкий. Результат: «21 октября Петербургский гарнизон окончательно признал единственной властью Совет, а непосредственным начальствующим органом Военно-революционный комитет» (Суханов, там же, стр. 86). Свидетель Суханов утверждает: «Уже 21 октября Временное правительство было низвергнуто, и его не существовало на территории столицы...» (там же, стр. 95). 22 октября Петроградский Совет документально подтвердил, что властью в столице является не Керенский, а Троцкий. В этот день Совет разослал по всем частям гарнизона телефонограмму, в которой говорилось: «Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, не действительны» (там же, стр. 101). Одновременно Военно-

революционный комитет выпускает прокламацию и к населению Петрограда:

«В интересах защиты революции... нами назначены комиссары при воинских частях и особо важных пунктах столицы и ее окрестностей. Приказы и распоряжения, распространяющиеся на эти пункты, подлежат исполнению лишь по утверждению их уполномоченными нами комиссарами. Комиссары, как представители Совета, неприкосновенны» (там же, стр. 109).

Это уже было начало открытого восстания, руководимого из комнаты 18 Смольного института (там помещалась большевистская фракция Совета).

Почему же в этих условиях бездействовало правительство? Может быть, надо было много сил, чтобы изолировать обитателей комнаты 18? Суханов уверенно свидетельствует: «Хороший отряд в пятьсот человек был совершенно достаточен, чтобы ликвидировать Смольный со всем его содержанием» (там же, стр. 109). У Временного правительства, однако, не только не было воли к власти, но даже воли к жизни. Даже его вернейшая опора – Петропавловская крепость, – которая отказалась принять и признать комиссара Троцкого, после доклада Троцкого на собрании гарнизона перешла на сторону большевиков. Гарнизон Петропавловска почти единогласно принял резолюцию о советской власти и о своей готовности восстать против правительства. В крепости было около 100 тысяч винтовок. Одной речью Троцкого большевики заполучили эти 100 тысяч винтовок. Ленин был прав. Переворот в Петрограде не только созрел, но и перезрел.

Заседание ЦК, которое дало последние директивы по проведению переворота, состоялось 24 октября 1917 г. На нем отсутствуют Ленин, Зиновьев, Сталин, но присутствуют Каменев, Дзержинский, Ногин, Ломов, Милютин, Иоффе, Урицкий, Бубнов, Свердлов, Троцкий, Берзин – всего 11 членов из 24.

Протокол этого заседания начинается с указания: «т. Каменев предлагает, чтобы сегодня без особого постановления ЦК ни один член ЦК не мог уйти из Смольного. Принято» («Протоколы ЦК...», стр. 119). Таким образом, Каменев, голосовавший против восстания, теперь, когда решается его судьба, стал вместе с Троцким и Свердловым во главе восстания. Причины неприсутствия Сталина (вероятно, в редакции ЦО) и Зиновьева неизвестны. Ленин свое неприсутствие объяснил в письме к Свердлову от 23 октября так: «На пленуме мне, видно, не удастся быть, ибо меня «ловят» («Октябрьское вооруженное восстание», Москва, 1957 г., стр. 66). На

заседании происходит распределение членов ЦК по главным пунктам и объектам восстания. Назначаются: Бубнов на железные дороги, Дзержинский – на почту и телеграф, Милютин – организация продовольственного дела, Свердлов – наблюдение за Временным правительством, Ломов и Ногин – связь с Москвой, Каменев и Берзин – ведение переговоров с левыми эсерами. По предложению Троцкого, решено создать запасной штаб восстания в Петропавловской крепости (постоянную связь с крепостью должен поддерживать Свердлов). В связи с этим решено снабдить всех членов ЦК пропусками в крепость («Протоколы ЦК...», стр. 119-121). Имя и функция Сталина, равно как и Зиновьева, в Протоколе не упоминаются.

Того же 24 октября 1917 года Ленин обратился со своим последним перед переворотом письмом в ЦК. В этом письме он писал:

«Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс... Надо во что бы то ни стало сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство... нельзя ждать!! Можно потерять всё!!.. Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало. Промедление в выступлении смерти подобно» (Ленин, ПСС, т. *34,* стр. 435-436).

Это письмо Ленина на заседании ЦК не обсуждалось. Оно, видно, опоздало, так как ЦК уже решил начать восстание, как мы уже видели выше. Ленин явился в Смольный уже в разгаре подготовки восстания. Официальный историк пишет: «До позднего вечера 24 октября Ленин вынужден был оставаться на конспиративной квартире. Волнуясь за исход восстания, он трижды направлял Фофанову с письмами... для передачи их в ЦК... Поздним вечером пришел связной ЦК Эйно Рахья... Ленин тотчас же принял решение идти в Смольный: переменил одежду, завязав щеку платком, надел парик, старую заношенную кепку и поздно вечером покинул последнюю конспиративную квартиру» («История КПСС», там же, стр. 322).

Тем временем, по свидетельству Троцкого, Военно-революционный комитет разработал тактическую схему завоевания столицы. Он говорит: «Город разбит на боевые участки, подчиненные своим ближайшим штабам. На важнейших пунктах сосредоточены бойцы Красной гвардии. Они приведены в связь с войсками по соседству, где охранные роты стоят наготове. Цели каждой отдельной операции и силы, необходимые для этого,

утверждены заранее» (Троцкий, цит. пр., стр. 664).

Как прошло само восстание, рассказывает свидетель Суханов:

«Сопротивление не было оказано. Начиная с двух часов ночи, небольшими силами, выведенными из казарм, были постепенно заняты вокзалы, мосты, осветительные учреждения, телеграф, телеграфное агентство. Группки юнкеров не могли и не думали сопротивляться. В общем, военные операции были похожи скорее на смену караулов в политически важных центрах города... начавшиеся решительные операции были совершенно бескровны; не было зарегистрировано ни одной жертвы... Город был совершенно спокоен» (Суханов, там же, стр. 160).

Утром 25 октября Керенский уехал на Северный фронт, чтобы привести в Петроград верные правительству части (большевики пишут, что Керенский бежал на машине с американским флагом), но восстание развивается успешно и без сопротивления. В 2 часа 35 минут Ленин и Троцкий на экстренном заседании Петроградского Совета в Смольном торжественно объявляют о переходе власти в руки Советов в лице Военно-революционного комитета. Некоторые министры арестованы, другие во главе с новым «диктатором», заместителем Керенского М. Н. Кишкиным засели в Зимний дворец и сопротивляются. Их защищают юнкера и женский ударный батальон. Военно-революционный комитет предлагает им сдаться без боя, но они не сдаются. Тогда знаменитый крейсер «Аврора» в 9 часов 40 минут вечера делает свой символический холостой выстрел. Это приказ Красной гвардии штурмовать Зимний дворец. Завязался короткий бой, в результате которого Зимний дворец капитулирует. Большевистский октябрьский переворот совершился. Жертвы переворота: 6 убитых и 50 раненых («История КПСС», там же, стр. 328).

В ЦК обсуждается вопрос о составе первого советского правительства. Троцкий вспоминает: «Надо формировать правительство. Нас несколько членов ЦК».

Летучее заседание в углу комнаты. «– Как назвать? – рассуждает вслух Ленин. Только не министрами: гнусное, истрепанное название». Троцкий предлагает министров назвать «народными комиссарами», а правительство «Советом народных комиссаров»:

«– Совет народных комиссаров? – подхватывает Ленин, – это превосходно: ужасно пахнет революцией».

Троцкий продолжает: «На другой день на заседании ЦК партии Ленин

предложил назначить меня председателем Совета народных комиссаров. *Я* привскочил с места с протестом – до такой степени это предложение показалось мне неожиданным и неуместным.

«– Почему же? – настаивал Ленин: – вы стояли во главе Петроградского Совета, который взял власть», – я предложил отвергнуть предложение без прений. Так и сделали» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, Берлин, 1930, стр. 60-61).

Соответствующий протокол ЦК Сталин не разрешал опубликовывать, не опубликован он и до сих пор, но ЦК никогда и не опровергал выше-приведенное утверждение Троцкого. Что Троцкий был из всех членов ЦК наиболее последовательным сторонником Ленина в Октябрьской революции – это подтверждают решительно все документы эпохи. Даже Сталин писал в первую годовщину Октябрьской революции:

«Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и, главным образом, т. Троцкому» (Л. Троцкий, там же, стр. 233).

Джон Рид в своей знаменитой книге «10 дней, которые потрясли мир» как о вождях Октября говорит только о Ленине и Троцком. Он отмечает, в полном согласии с протоколом ЦК, что *с* самого начала «из интеллигентов за восстание стояли только Ленин и Троцкий» (Джон Рид, «10 дней, которые потрясли мир», Москва, 1957, стр. 53).

В предисловии к этой книге Ленин написал, что «она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий». Все, что здесь дока-зывается о роли Троцкого, кажется просто излишним.

Но вот в 1968 году в СССР вышла книга академика И. И. Минца в двух томах (2065 стр.!) «История Великого октября», где на стр. 954 о Троцком сказано: «Хотя Троцкий и голосовал за резолюцию о восстании, он не признавал его необходимости, практически его не готовил, никакого участия в разработке плана восстания не принимал». Уже одна эта цитата достаточно ярко характеризует всю фальшь и историческую субъективность всей советской историографии об Октябрьской революции, главой которой является Минц.

Однако при всем сказанном, при анализе Октябрьской революции все-

таки нельзя упускать из виду выдающееся значение в революции той партийной машины, которую создал!» большевики. Порою эта машина действует и без Ленина и даже через голову Ленина, не говоря уже о Троцком.

25 октября (7 ноября) в 10 часов 45 минут вечера открылся II съезд Советов. Открыл его член бюро ЦИК Советов меньшевик Ф. Дан (Церетели и Чхеидзе уехали отдыхать на Кавказ в самый ответственный период революции). На съезде присутствуют 670 делегатов: 300 большевиков, 193 эсера (из них 169 левых), 68 меньшевиков, 14 объединенных интернационалистов, 10 членов Польской партии социалистов (ППС) и Польской партии социал-демократов (ПС-Д), 49 других партий и 36 беспартийных («Второй Всероссийский съезд Советов», Гиз, 1928, стр. 170, 171; см. также Ленин, Собр. соч., 3-е изд. т. XXII, стр. 574).

Избирается президиум: 14 большевиков, 7 эсеров, 3 меньшевика и 1 интернационалист из группы «Новой жизни» Горького. Джон Рид пишет:

«После этого старый ЦИК покидает трибуну и его место занимают Троцкий, Каменев, Луначарский, Коллонтай, Ногин... Весь зал встает, гремя рукоплесканиями. Как высоко взлетели они, эти большевики – от непризнанной и гонимой секты всего четыре месяца назад и до величайшего положения рулевых великой России» (Джон Рид, там же, стр. 91).

Каменев оглашает повестку дня: 1. Организация власти, 2. Декрет о мире, 3. Декрет о земле.

Большевистские лидеры потребовали от съезда санкции происшедшего переворота (Ленин в первый день съезда не присутствовал). В ответ на это меньшевики и эсеры (кроме левых), огласив декларацию протеста «против военного заговора и захвата власти» большевиками, ушли со съезда. Это сразу превратило большевиков из меньшинства (300 из 670 делегатов) в подавляющее большинство (300 из 578). Суханов совершенно прав был, когда писал:

«Уход со съезда меньшевиков и эсеров сильно упростил и облегчил положение Ленина и Троцкого. Теперь никакая оппозиция не путалась в ногах при создании пролетарского правительства» (Суханов, там же, стр. 239).

Что это было так, показывают результаты голосования по декретам: воззвание о переходе власти к Советам было принято всеми голосами против 2 при 12 воздержавшихся. Второе и последнее заседание происходило с 9

вечера 26 октября до 5 часов 15 минут утра 27 октября. На этом заседании Ленин сделал два доклада – 1) о мире и 2) о земле. Был принят «декрет о мире», согласно которому новое правительство обязывалось обратиться ко всем воюющим народам о заключении «немедленного мира без аннексий и контрибуций», для чего предлагалось объявить трехмесячное перемирие. По вопросу о земле был принят декрет, целиком переписанный из программы эсеров (переход земли без выкупа к крестьянам через местные крестьянские комитеты) (Ленин, Собр. соч., 3-е изд. т. XXII, стр. 13-23).

Суханов иронизировал: «И досталось же Ленину за этот дневной грабёж. Эсеры кричали: хорош марксист, травивший нас 15 лет за нашу мелкобуржуазность и ненаучность с высоты своего величия и осуществивший нашу программу, едва захватив власть! А Ленин огрызался: хороша партия, которую надо было прогнать от власти, чтобы осуществить ее программу» (Суханов, там же, стр. 257).

Принимая эсеровскую программу по земельному вопросу, Ленин знал, что он делал. Россия была крестьянской страной (80% населения составляло крестьянство). Только та политическая партия имела шансы удержаться у власти, которая провозгласит именно эсеровскую программу законом (большевистская аграрная программа требовала национализации земли, что и было осуществлено потом, когда власть укрепилась). Макиавеллианец до мозга костей, Ленин был убежден, что цель (власть) оправдывает средство (плагиат эсеровской программы). Впрочем, сам Ленин ссылался на демократию. В докладе о земле он заявил:

«Здесь раздаются голоса, что сам декрет составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов (тут речь идет о наказе крестьянского съезда Советов. – А. А.), хотя бы мы *с* ними были не согласны» (Ленин, там же, стр. 23).

Съезд постановил также «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом народных комиссаров» (Ленин, там же, стр. 25). Слово «Временное» и ссылка на Учредительное собрание было тактической данью времени – только так могли большевики рассчитывать на утверждение своего однопартийного правительства даже II съездом Советов, где они были в большинстве. (Уже в январе 1918 г., на III съезде Советов, ссылки на «временное» и Учредительное собрание были

исключены (Ленин, там же, стр. 575).

В состав правительства вошли члены ЦК большевиков – Ленин (председатель), Троцкий (народный комиссар иностранных дел), Рыков (народный комиссар по внутренним делам), Милютин (земледелия), Ногин (торговли и промышленности), Ломов (юстиции), Сталин (по делам национальностей), бывшие члены ЦК – Шляпников (труда), Теодорович (продовольствия), Глебов-Авилов (почты и телеграфа). По делам военным и морским был создан комитет в составе трех военных работников ЦК – Антонов-Овсеенко, Крыленко и Дыбенко. Бывший межрайонец из большевиков – Луначарский – стал народным комиссаром просвещения.

Каменев и Зиновьев в состав правительства не были включены, но получили руководящие должности: Каменев стал председателем советского парламента – ВЦИК Советов, а Зиновьев – главным редактором органа ВЦИК – «Известий» (потом Зиновьев стал вместо Троцкого председателем Петроградского Совета).

Состав правительства от имени большевистской фракции был оглашен Каменевым. Суханов, входивший в группу Мартова (она осталась на съезде), был участником заседания 26 октября, на котором утверждались члены правительства. Он пишет, что из оглашенных лиц «аудитории были знакомы только Ленин, Троцкий и Луначарский. Их имена она встречает шумными аплодисментами» (Суханов, там же, стр. 262).

Последним вопросом были выборы Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) Советов. Партийный состав ВЦИК Советов оказался таким: всего членов ВЦИК – 101 человек; 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 социал-демократов интернационалистов, *3* от украинской социалистической партии и 1 эсер-максималист. Было принято постановление, что ВЦИК должен быть пополнен за счет представителей партий и групп, ушедших со съезда (меньшевиков и эсеров), но этого никогда не случилось (Ленин, там же, стр. 575).

Подводя итоги революции, надо поставить следующий главный вопрос: большевики утверждают, что Октябрьская революция была совершена как *социалистическая* революция, в отличие от Февральской *буржуазной* революции. Так ли это? Иными словами, являлась ли Октябрьская революция по своей объявленной программе революцией социалистической? На этот вопрос приходится ответить категорическим: нет! Возьмите «Апрельские тезисы» Ленина, являющиеся программой большевистской

революции. Что там сказано о «социалистической революции»? Ни слова. Там сказано, что своеобразие текущего момента в России заключается в переходе от первого этапа революции, давшей власть буржуазии, ко второму этапу, который даст власть пролетариату и беднейшему крестьянству. Там не сказано, что новая власть будет ставить перед собою социалистические задачи. Цели и задачи новой «пролетарской», «советской» власти в «Апрельских тезисах» сведены к следующим пунктам:

1. мир,
2. конфискация помещичьих земель в пользу крестьянства,
3. контроль советского государства над производством,
4. слияние всех банков в один национальный банк и контроль над ними.

Все эти требования вполне укладываются в рамки любой радикальной буржуазной революции. Они могли быть с успехом проведены и Временным правительством, опирающимся на Советы (даже контроль над производством – вполне нормальная вещь во время большой войны). Да и сам Ленин писал в тех же «Апрельских тезисах»:

«Не "введение" социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь *к контролю* со стороны Советов за общественным производством и распределением продуктов» (Ленин, ПСС, т. 31, стр. 116).

Правда, в «Тезисах» есть и два «социалистических» пункта, которые, однако, остались невыполненными и через 52 года после революции. Эти пункты гласят:

1. «устранение полиции, армии, чиновничества»,
2. «плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего» (там же, стр. 115).

Может быть, если не Ленин, то ЦК большевиков проповедовал «социалистическую революцию» и «социализм»? Вот свидетельство Суханова: «Большевики говорили: "У богачей всего много, у бедных ничего нет. Все будет принадлежать беднякам, все будет поделено между ними. Это говорит ваша собственная рабочая партия, единственная партия, которая борется с богачами и их правительством за землю, мир и хлеб..." Но возникает деликатный вопрос: был ли социализм в этой "платформе"? Не пропустил ли я социализма? Приметил ли я слона?.. Нет, *я констатирую, что о социализме, как цели и задачи советской власти* большевики в прямой

форме тогда не твердили массам, *а массы, поддерживая большевиков, и не думали о социализме»* (Суханов, там же, стр. 24).

Все документы той эпохи целиком подтверждают утверждение Ленина и свидетельство Суханова о том, что социализм, как ближайшая цель, начисто отсутствует в программе и пропаганде большевиков в Октябрьской революции. Октябрьский переворот был организован и проведен под лозунгом радикальной буржуазно-демократической революции. У Октябрьской революции оказались два лица – ее одно лицо, направленное к народу, было демократическое, ее другое лицо, завуалированное и обращенное к партии, носило антидемократический характер. Советы же были внешним фасадом, за которым очень удачно скрывалась монопартийная диктатура. О советской маске и о втором лице революции народ узнал лишь тогда только, когда большевики прочно овладели властью над всей страной.

Почему большевикам так легко удалось захватить государственную власть? Если бы Временное правительство вышло из войны и объявило радикальную земельную реформу в пользу крестьян, то в России не произошла бы большевистская революция. Она не произошла бы и при отсутствии этих мер, если бы Временное правительство объявило ответственным за июльское восстание и за получение немецких денег не отдельных вождей (Ленин, Зиновьев), а всю партию во главе с ее ЦК со всеми вытекающими отсюда выводами. Ни того, ни другого оно не сделало. В этих условиях «воля к власти» большевиков оказалась сильнее «воли к жизни» существующей власти. Конечно, был еще один чисто субъективный фактор, способствовавший победе большевиков, – это их классический конспиративный аппарат – ЦК и его ячейки.

В «Апрельских тезисах» Ленин писал: «Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран» (Ленин, ПСС, т. 31, стр. 114). Вот в этом и заключается общая причина исторической катастрофы – демократическая Россия погибла из-за изобилия свободы, приведшей к безнаказанности ее врагов.

Глава 14
ПЕРВЫЙ КРИЗИС В ЦК ПОСЛЕ ВЗЯТИЯ ВЛАСТИ

Переворот большевиков встретил сопротивление с трех сторон:

1. Керенский организовал поход командира 3-его конного корпуса

генерала Краснова на Петроград, взял Гатчину (27 октября), Царское Село (28 октября), находясь таким образом на подступах к Петрограду. Однако, несмотря на все личные старания Керенского, ни армия в целом, ни казаки (III конный корпус) не захотели идти дальше на Петроград, чтобы свергнуть власть большевиков. По словам генерала Краснова, казаки говорили: «Нам, одним казакам, против всей России не устоять. Если вся Россия с ними (то есть с большевиками. – А. А.), что же будем делать?» (П. Н. Краснов, На внутреннем фронте, «Архив русской революции», т. I, изд. 2-е, Берлин, 1922, стр. 171).

2. В самом Петрограде против большевиков образовался «Комитет спасения родины и революции», куда вошли меньшевистские и правоэсеровские фракции II съезда Советов, ЦИК Советов старого созыва, представители Всероссийского исполкома железнодорожного профессионального союза (Викжель), Городской думы. Комитет возглавил видный лидер эсеров Год. Борьба этого комитета против большевистского захвата власти ограничилась рядом платонических заявлений, без попытки оказать большевикам вооруженное сопротивление. Вообще вызывает крайнее удивление, как ведет себя знаменитая «революционная демократия» накануне, во время и сейчас же после большевистского переворота. Ее вожди – Церетели и Чхеидзе, – как уже упоминалось, после победы большевиков на выборах в Петроградский и Московский Советы, «умыли руки» и уехали отдыхать к себе на родину – на Кавказ. Заменявший их в руководстве ВЦИК Советов Ф. Дан, как констатирует известный биограф Ленина Давид Шуб, «даже за день до большевистского восстания» возглавил делегацию Советов, которая «явилась к Керенскому и предупредила его, чтобы он ни в коем случае не смел посылать казаков подавлять большевистское восстание», ибо это поведет к «гражданской войне в рядах самого пролетариата» (ж. «Новый журнал», № 107, 1972, стр. 184, – Д. Шуб, «Из давних лет»).

Другой лидер меньшевиков, но меньшевиков-интернационалистов, – Мартов – не покинул II съезд Советов, как это сделало официальное руководство партии меньшевиков, а продолжал активно участвовать в заседаниях съезда, что объективно означало признание правомерности большевистского переворота. Осталась на съезде и партия левых эсеров, голосовавшая за все ленинские декреты, хотя и не согласившаяся войти в состав ленинского правительства (потом в конце ноября левые эсеры

вступили в состав Совнаркома).

Лидер официальной партии эсеров Виктор Чернов накануне переворота уехал в Ставку. Его реакцию на октябрьский переворот тоже надо признать более чем странной. К Чернову, в Гатчину, 30 октября приезжала делегация эсеров города Луги за советом: «верна ли занятая ими позиция? Накануне они приняли резолюцию сохранить нейтралитет и свободно пропускать в обе стороны эшелоны, идущие как на помощь правительству, так и по призыву большевиков. Чернов утвердил резолюцию, а на заявление Станкевича, что такое решение – удар в спину правительства, ответил: «Практически важно одно, чтобы пропускались эшелоны правительства, так как эшелоны к большевикам, по-видимому, не идут» («История гражданской войны в СССР», т. II, 1943, стр. 376, см. также – Краснов, цит. пр., стр. 171).

Правда, тот же Дан на II съезде Советов осудил переворот большевиков, но предложил создать коалиционное правительство из большевиков, эсеров и меньшевиков, на что Троцкий *не без* основания ответил: «Мы *открыто* ковали волю масс на восстание. Наше восстание победило. Теперь нам предлагают: откажитесь от победы, заключите соглашение. С кем? Вы – жалкие единицы, вы – банкроты, ваша роль сыграна, отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории» (Л. Троцкий, Моя жизнь, ч. И, стр. 49).

3. Наиболее эффективное сопротивление большевикам оказал Викжель, который выдвинул платформу создания «однородного социалистического правительства» из всех советских партий в ультимативной форме (в случае отказа большевиков Викжель угрожал всеобщей железнодорожной забастовкой). Ультиматум Викжеля вызвал раскол в ЦК партии большевиков и в советском правительстве.

Позиция Викжеля угрожала не только парализацией жизни страны, но и срывом посылки большевистских частей из Петрограда против наступающего генерала Краснова. В телеграмме, разосланной «Всем, всем, всем», Викжель писал:

«В стране нет власти... образовавшийся в Петрограде Совет народных комиссаров, как опирающийся только на одну партию, не может встретить признания и опоры во всей стране. Необходимо создать новое правительство...» («Протоколы ЦК...», стр. 270). В это «новое правительство» Викжель предлагал включить представителей всех социалистических партий от большевиков и до правых «народных социалистов» включительно.

Положение стало настолько угрожающим, что ЦК большевиков решил обсудить требования Викжеля на специальном заседании ЦК, которое и было созвано 29 октября (11 ноября) 1917 г. Присутствовало 11 членов ЦК во главе с Рыковым, Каменевым и Свердловым. Ленин, Троцкий, Зиновьев и Сталин почему-то отсутствовали. По поводу требования Викжеля о создании правительства с участием всех социалистических (советских) партий в протоколе ЦК сказано: «1) Ставится на голосование: ЦК признает необходимым расширение базы правительства и о возможном изменении его состава (принято единогласно)» (там же, стр. 122). В пункте пятом постановления ЦК сказано: «Голосуется предложение: мы не делаем ультиматума из вхождения в правительство всех советских партий до народных социалистов включительно. За 7, против – 3» (там же, стр. 122). Таким образом, ЦК большевиков в отсутствии Ленина и вопреки Ленину 'принимает ультиматум Викжеля о создании коалиционного правительства из всех социалистических партий «до народных социалистов включительно».

Так как лидеры меньшевиков и эсеров условием своего вхождения в советское правительство ставили устранение из правительства виновников переворота – Ленина и Троцкого, то ЦК обсуждал и данный вопрос. В примечании от редакции «Протоколов ЦК РСДРП (б)» сказано по этому поводу следующее: «В подлинной секретарской записи далее следует зачеркнутый текст: *«и соглашается* (ЦК) отказаться от *кандидатур Троцкого и Ленина, если* этого *потребуют (принято)"* (там же, стр. 122). Этот якобы «зачеркнутый текст» на самом деле был принят в общей редакции в следующем, шестом пункте постановления ЦК. Там сказано: «6. Голосуется предложение: допускается право взаимного отвода партийных кандидатур. Принято: 5 за, 1 против, 3 воздержались» (там же, стр. 123). Для участия на совещании с Викжелем об организации нового правительства ЦК выделил Каменева и Сокольникова, а ВЦИК в свою очередь тоже выделил для той же цели делегацию в составе Свердлова, Рязанова, левого эсера Закса и др.

ЦК большевиков продолжает стоять на точке зрения создания коалиционного правительства даже ценою вывода из правительства своих ведущих вождей – Ленина и Троцкого. Контроль над ЦК на время переходит к демократическому крылу в лице Каменева, Зиновьева, Рыкова, Ногина, Милютина. Официальное положение каждого из них (Каменев – председатель ВЦИК, Зиновьев – председатель Петроградского Совета, Ногин – председатель Московского Совета, Рыков и Милютин – наркомы) делают их

исключительно опасными соперниками диктаторского крыла Ленина и Троцкого. Причем большевистская фракция нового парламента – ВЦИК голосует за предложение группы Каменева «по вопросу о численном и персональном представительстве нашей партии в составе правительства». Тогда Ленин обвинил группу Каменева, что этого решения большевистской фракции ВЦИК она добилась вопреки и «за спиной ЦК» (Ленин, ПСС, т. 35, стр. 48). С тем большим упорством Ленин работает над тем, чтобы объявить новое большинство в ЦК «оппозицией» и изолировать его от руководства. Для этого в ход пускаются испытанные методы: созыв с подобранным составом расширенного заседания ЦК наверху и партийных активов в столицах, а также в крупных центрах страны. Так, 1 ноября 1917 года созывается расширенное заседание ЦК, на котором присутствует 23 человека, из них членов ЦК – 12 человек, а 11 человек – это «актив» (представители Петербургского комитета, Военной организации, профсоюзов, *3* члена правительства, но не члены ЦК). На этом заседании Каменев докладывает об условиях меньшевиков и эсеров по созданию коалиционного правительства (вместо Ленина они выдвигают премьером лидера правых эсеров Чернова или Авксеньева, а вместо ВЦИК – создать «Народный Совет», перед которым ответственно правительство).

Выступая по докладу Каменева, Троцкий заявил:

«Из доклада ясно только, как партии, в восстании участия не принимавшие, хотят вырвать власть у тех, кто их сверг... Ясно, что мы не можем дать права отвода, точно так же мы не можем уступить председательство Ленина; ибо отказ от этого совершенно недопустим» («Протоколы ЦК...», стр. 125).

Дзержинский говорит, что «мы не допускаем отвода Ленина и Троцкого». То же самое говорит и Урицкий. В ответ на упреки, что он торговался с антибольшевистскими партиями насчет кандидатур Ленина и Троцкого, Каменев оглашает решение прошлого собрания и доказывает, что делегация не обсуждала кандидатур, не торговалась, а только заслушала мнение других; рвать (переговоры) было не на чем» (там же, стр. 125).

Ленин резко заявил: «Политика Каменева должна быть прекращена в тот же момент. Разговаривать с Викжелем теперь не приходится. Нужно отправить войска в Москву» (там же, стр. 126). Ленин добавляет: «переговоры должны быть как дипломатическое прикрытие военных действий» (там же, стр. 127).

Зиновьев не связывает вопроса о создании коалиционного правительства с именами Ленина и Троцкого. Он говорит: «Для нас ультимативны два пункта: наша программа и ответственность власти перед Советом ЦИК как источником власти» (там же, стр. 127).

Каменев, Милютин, Рязанов стоят за продолжение переговоров. После широких прений ЦК голосует принципиальное предложение: прервать переговоры. «За» голосуют – 4, «против» – 10. В протокол записывается: «ЦК постановляет: переговоры продолжать. Заявить, что для нас ультимативна *Программа»* (там же, стр. 129-130).

Значит, ультимативны не Ленин с Троцким, а программа партии.

Из протокола ЦК далее видно, что заседание отклонило более решительную резолюцию Ленина о переговорах с Викжелем (там же, стр. 129), приняв компромиссную резолюцию Троцкого. В ней говорилось:

«ЦК постановляет: разрешить членам нашей партии, ввиду уже состоявшегося решения ЦИК, принять сегодня участие в последней попытке левых эсеров создать так называемую однородную власть с целью последнего разоблачения несостоятельности этой попытки и окончательного прекращения дальнейших переговоров о коалиционной власти» (там же, стр. 130).

Группа Каменева голосовала против этой резолюции, несмотря на ее компромиссный характер. Она считала, что переговоры надо вести для действительного создания коалиционной власти, тогда как Ленин и Троцкий рассматривали их как «дипломатическое прикрытие» для подготовки военных действий.

2 ноября (по старому стилю) Ленин созвал новое заседание ЦК с присутствием 15 членов ЦК (из 23). Протокол этого заседания не сохранился, но сохранились принятая там резолюция и заметки Ленина об итогах голосования по каждому пункту резолюции. Резолюции предпосланы следующие вводные слова: «ЦК признает настоящее заседание имеющим историческую важность и потому необходимым зафиксировать две позиции, обнаружившиеся здесь» («Протоколы ЦК...», стр. 131). Не дожидаясь исхода переговоров с советскими партиями, предусмотренных постановлением ЦК от 29 октября (11 ноября), Ленин, по-существу, ставит вопрос о пересмотре этого постановления. Более того. Бывшее большинство ЦК искусным маневрированием он превращает в оппозицию меньшинства, тем более, что под личным давлением Ленина и Троцкого некоторые из бывших

сторонников Каменева переходят на сторону Ленина. Идя по этому пути, Ленин и само заседание ЦК от 2 ноября превращает в суд над сторонниками Каменева. В предложенном Лениным проекте постановления ЦК первые три пункта посвящены оппозиции меньшинства, то есть бывшему большинству ЦК. В этих пунктах говорится: «1) ЦК признает, что сложившаяся внутри ЦК оппозиция целиком отходит от всех основных позиций большевизма... 2) ЦК возлагает всю ответственность... за преступные в данный момент колебания на эту оппозицию... 3) ЦК подтверждает, что без измены лозунгу Советской власти нельзя отказываться от чисто большевистского правительства...» (там же, стр. 131).

Но как раз эти три пункта были опущены в постановлении ЦК, опубликованном в «Правде» от 4 ноября 1917 г. Были ли они отвергнуты заседанием ЦК в порядке компромисса с оппозицией? Имеющиеся документы не дают возможности ответить на этот вопрос. В примечании от редакции Полного собрания сочинений Ленина по данному вопросу очень лаконично сказано: «Первые три пункта резолюции в рукописи перечеркнуты» (Ленин, там же, т. 35, стр. 452).

В остальном резолюция ЦК выдержана в компромиссных тонах, причем в шестом пункте сказано: «ЦК подтверждает, что не исключая никого со II съезда Советов, он и сейчас вполне готов вернуть ушедших и признать коалицию этих ушедших в пределах Советов, что, следовательно, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти» (там же, стр. 45). Поскольку резолюция написана Лениным, ее надо признать чистейшим тактическим маневром. Ленин не собирался делить власть ни с кем, хотя был готов на время принять в правительство представителей левых эсеров, однако при гегемонии большевиков.

3 ноября Ленин переходит в решительное наступление, узнав, что «Вчера на заседании ЦИК большевистская фракция, при прямом участии членов ЦК из состава меньшинства, открыто голосовала против постановления ЦК (по вопросу о численном и персональном представительстве нашей партии в составе правительства)» (Ленин, там же, стр. 48). Действительно, резолюция большевистской фракции ЦИК хотя и вытекала из решения ЦК от 2 ноября, но шла вразрез с линией Ленина и Троцкого на сохранение чисто большевистского правительства. Резолюция большевистской фракции ВЦИК требовала продолжения переговоров о коалиционной власти со всеми партиями, входящими в Советы. В резолюции

говорилось о предоставлении половины мест в правительстве эсеро-меньшевикам, о расширении ВЦИК с добавлением в его состав еще 245 представителей: от губернских крестьянских комитетов (75 чел.), от войсковых комитетов (80), от профсоюзов (40), от Петроградской городской думы (50). Эта резолюция была принята ВЦИК (6 против и 1 воздержался). ВЦИК создал комиссию в составе Каменева, Зиновьева и Рязанова от большевиков и Карелина и Прошьяна от левых эсеров для продолжения переговоров по составлению нового правительства («Протоколы ЦК...», стр. 275-276).

Все это приводило Ленина в ярость. Власть, завоеванная восстанием, мирным путем начала ускользать из его рук. Ленин единолично принял решение предъявить ультиматум Центральному Комитету, то есть навязать свою волю большинству ЦК. Вот что рассказывает об этом большевистский источник:

«По свидетельству члена ЦК Бубнова, *3* (16) ноября Ленин, составив «Ультиматум большинства ЦК меньшинству», приглашал к себе в комнату отдельно каждого члена ЦК из находившихся в этот период в Петрограде, знакомил с текстом документа и предлагал подписать его» («Протоколы ЦК...», стр. 275).

Вместе с Лениным ультиматум подписали следующие члены ЦК: Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Иоффе, Бубнов, Сокольников, Муранов. В нем говорилось:

«Обращаясь к меньшинству ЦК, мы требуем категорического ответа в письменной форме на вопрос, обязуется ли меньшинство подчиниться партийной дисциплине и проводить ту политику, которая формулирована в принятой ЦК резолюции т. Ленина. В случае отрицательного и неопределенного ответа мы обратимся к ПК, МК, большевистской фракции ЦИК, к чрезвычайному партийному съезду с альтернативным предложением: либо партия должна поручить нынешней оппозиции сформировать власть... Либо – в чем мы не сомневаемся – партия одобрит единственно возможную революционную линию, выраженную во вчерашней резолюции ЦК, и тогда партия должна решительно предложить представителям оппозиции перенести свою дезорганизаторскую работу за пределы нашей партийной организации» («Протоколы ЦК...», стр. 134).

Давление партийной машины после этого ультиматума на оппозицию было так велико, что она оказалась вынужденной сделать соответствующие

организационные выводы. 4 ноября 1917 года члены ЦК Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев и Ногин подали заявление о выходе из состава ЦК. В заявлении говорилось:

«Мы не можем нести ответственность за эту гибельную политику ЦК, проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии. Мы складываем с себя поэтому звание членов ЦК, чтобы иметь право откровенно сказать свое мнение массе рабочих и солдат и призвать их поддержать наш клич: "Да здравствует правительство из советских партий"» (там же, стр. 135).

Четыре члена Совета народных комиссаров – Рыков, Милютин, Теодорович, Ногин вышли одновременно и из правительства, мотивируя свой выход тем, что вне коалиции советских партий есть только один путь «сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора» (там же, стр. 136).

Как первое, так и второе заявление были опубликованы в органе ВЦИК – в «Известиях» за 5 ноября 1917 г.

Заявление руководящих деятелей партии о выходе из ЦК и из правительства вызвало очень невыгодное эхо для диктаторского крыла ЦК. Как раз данный кризис в ЦК и правительстве показал, что истинная цель Ленина не вообще советская власть как таковая, а советская власть как форма диктатуры одной партии – большевистской партии. Но Ленин не хочет, да и не может в данных условиях открыто декларировать эту свою цель. Однако то, чего не хочет и не может делать Ленин, делает за него и вопреки ему оппозиция. Оппозиция изнутри партии устами авторитетнейших лидеров партии разоблачает на всю партию, на всю страну скрытые диктаторские замыслы Ленина. Поэтому для Ленина важно не только исключить ее из ЦК, но и изгнать ее из партии.

Надо сказать, что отстаивая необходимость сохранения однородного большевистского правительства, Ленин по-своему был прав и последователен. Только теперь, впервые за все время революции, заполучив власть, он заговорил о социализме. В той же резолюции ЦК о демократическом крыле партии (группа Каменева) Ленин писал: «ЦК подтверждает, наконец, что вопреки всем трудностям победа социализма и в России и в Европе обеспечивается продолжением политики теперешнего правительства» (Ленин, ПСС, т. 35, стр. 46).

А эта победа может быть достигнута, по циничному признанию Сталина, только диктатурой одной партии и ее методами принуждения по отношению к 80% населения страны, то есть крестьянства. Вот это признание Сталина в январе 1921 г.: «...что крестьяне не пойдут бороться за социализм, что их можно и нужно заставить бороться за социализм, применяя методы принуждения» (Сталин, т. 5, стр. 5-6).

Имея коалиционное правительство с меньшевиками и эсерами, противниками диктатуры, нельзя было бы вводить в России этот принудительный социализм. Путем персонального давления на каждого члена ЦК, методом мобилизации «общественного мнения» партии через центральный и местный активы партии, а также через партийную печать столицы и провинций диктаторское крыло Ленина-Троцкого окончательно одержало верх над демократическим крылом Каменева-Рыкова. К тому же, началось разложение и разногласия и среди самих сторонников коалиционного правительства из всех советских партий. Первым капитулировал Зиновьев, который свою капитуляцию в «Письме к товарищам» объяснял тем, что меньшевики и эсеры во время переговоров о коалиции не проявили желания договориться с большевистской партией («Протоколы ЦК...», стр. 144). Зиновьев полагал, что левые эсеры, возложив ответственность за срыв соглашения на меньшевиков, войдут в советское правительство (это потом подтвердилось). Зиновьев потребовал от своих сторонников подчиниться дисциплине и «поступить так же, как поступили левые большевики, когда они остались в меньшинстве по вопросу об участии в Предпарламенте и обязались при этом проводить политику большинства» (там же, стр. 145).

Как мы видели из предыдущего изложения, этими «левыми большевиками» из меньшинства в ЦК были Ленин и Троцкий. Разница между двумя «дисциплинами» – меньшинства Ленина (каждый раз, когда он оказывался в меньшинстве) и большинства ЦК, заключалась всегда в том, что Ленин путем искусной манипуляции мнения партии и комбинацией партийных сил, стоящих вне ЦК (актив партии) при всех условиях добивался своего, то есть превращал свое меньшинство в большинство, а бывшее большинство, разложив его на части, объявлял «оппозицией». Конечно, формальная дисциплинированность Ленина во второстепенных вопросах была безупречна, но когда речь шла о победе его личной воли в принципиальных вопросах, он ломал любую дисциплину. Коварство Ленина,

как партийного стратега, собственно, только тогда и видно, когда он в периоды внутрипартийных кризисов, будучи в числе меньшинства, соблюдал формальную дисциплину подчинения большинству, умел обходить, а где это невозможно, ломать действительную дисциплину. Дисциплина у него, как и другие категории организации и идеологии, подчинена интересам власти.

Так Ленин поступил и в данном случае. Он очень ловко разложил большинство ЦК, результатом чего была и капитуляция Зиновьева. На заседании ЦК от 8 ноября был снят с поста председатель ВЦИК Каменев, замененный Свердловым. Через три недели он и еще три члена (Рыков, Милютин, Ногин) подали заявление о своем подчинении «большинству» и о возвращении обратно в ЦК. Заявление это не сохранилось, но из выступления Ленина на заседании ЦК от 29 ноября видно: авторы заявления считают, что «ЦК пошел на уступки». Ленин это категорически отрицает, предлагая им ответить письменно, «что назад их не принимаем» («Протоколы ЦК...», стр. 154-155). Выступивший по данному вопросу Урицкий предлагал принять их обратно в ЦК только в том случае, если они дадут формальные гарантии, что «они вновь не поступят дезорганизаторски» (там же, стр. 155). Обсуждение кончилось без определенного решения. Комиссия ЦК из трех человек во главе с Лениным должна была решить вопрос. Какое же было это решение – из партийных документов неизвестно. Судя по протоколам ЦК до конца февраля 1918 года, на его заседаниях участвуют из «оппозиционеров» только один Зиновьев (вовремя капитулировал!), а имена других четырех в Протоколах ЦК не встречаются. Отсюда можно заключить, что они снова в члены ЦК не были приняты. Так кончился первый кризис в ЦК.

Однако, более грозным, полным драматического напряжения, был второй кризис в ЦК, связанный с заключением сепаратного мира с Германией. Ленин, оказавшийся в безнадежном меньшинстве, заявил о своей отставке с поста главы правительства. Если эта отставка не была принята и советский режим был спасен, то всем этим большевики обязаны тому, кого они, по завету Сталина; проклинают на всех перекрестках, – Л. Д. Троцкому.

Об этом втором кризисе мы и поговорим в следующей главе.

Глава 15

ВТОРОЙ КРИЗИС В ЦК ПО БРЕСТСКОМУ МИРУ

Из своих постоянных трудностей на заседаниях ЦК и подвластных ему органов Ленин сделал некоторые организационные выводы. Ленин решил так реорганизовать руководящие органы партии, печати, Советов и профсоюзов, чтобы создать себе там надежную опору в случае нового кризиса.

В структуре ЦК и его подсобных органов были произведены следующие изменения:

1) Было создано «Бюро ЦК» из четырех членов для решения экстренных вопросов. В его состав вошли: Ленин, Троцкий, Сталин и Свердлов. Бюро ЦК было прообразом будущего Политбюро. О его задачах в протоколе ЦК сказано только в общих словах: «ввиду трудности собирать заседание ЦК этой четверке предоставляется решать все экстренные дела, с обязательным привлечением всех членов ЦК, находящихся в тот момент в Смольном» («Протоколы ЦК...», стр. 155). Любой политический вопрос можно было объявить «экстренным».

2) Редакционная коллегия «Правды» была утверждена в новом составе: Сталин, Сокольников, Троцкий и Бухарин (там же, стр. 153).

3) Поскольку старый президиум ВЦИК оказался антиленинским, был намечен его новый состав: Крестинский, Луначарский, Менжинский, Лашевич, Зиновьев, Сталин, Смилга, Стучка. Потом этот состав был изменен и окончательный состав президиума ВЦИК оказался следующим: Свердлов, Муранов, Зиновьев, Аванесов, Ландер, Окулов, Петерсон, Володарский (там же, стр. 165, 180).

4) Одновременно Бюро ЦК производит перевыборы старого состава бюро фракции большевиков в Учредительном собрании, во главе бюро фракции ставятся Бухарин и Сокольников (получив менее 30% голосов на выборах, Ленин разогнал Всероссийское Учредительное собрание силой оружия 19.01.1918 г.).

5) Назначается партийное руководство от ЦК над профсоюзами. Председателем профсоюзов назначается Шляпников, секретарями – Шмидт и Томский и редактором профсоюзного органа Глебов (там же, стр. 160-161, 167-168).

6) Общее руководство над военными организациями осуществляет Свердлов, а на помощь ему, как докладчики от ЦК на армейских и фронтовых съездах, выдвигаются Лашевич, Муранов и Орджоникидзе (там же, стр. 153-

154).

Как уже указывалось, два требования большевистской платформы – немедленный мир и вся земля крестьянам – предопределили относительно легкую победу большевиков в революции. Нетрудно было объявить землю крестьянской, трудным оказалось дело заключения мира. Надежда большевиков, что стоит им объявить о немедленном выходе России из войны, как немцы тут же согласятся на «мир без аннексий и контрибуций», оказалась иллюзорной. Иллюзорной оказалась и надежда, что если кайзер откажется принять большевистский мир, то немедленно поднимется пролетариат Германии. Предстоял долгий, чреватый тяжелыми последствиями, торг об условиях мира. Соглашение о перемирии было советским правительством и державами Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция) заключен еще 2 (15) декабря 1917 г. В Брест-Литовске 9 (22) января начались переговоры о мире. Советскую делегацию возглавил нарком иностранных дел Троцкий. Он сделал от имени советского правительства заявление, что Советская Россия стоит за мир без аннексий и контрибуций, но признает право народов на самоопределение. Глава немецкой делегации Кюльман, легко разгадав пропагандную подоплеку позиции советского правительства, заявил, что советские условия могли бы лечь в основу обсуждения, если бы союзники России – державы Антанты – участвовали в мирных переговорах. Исходя из советского же требования о праве народов на самоопределение, Германия выдвинула главными условиями мира: независимость Украины (делегация украинской центральной Рады, признанная советским правительством, участвовала на конференции, как равноправная сторона), отход от России Польши, Литвы, части Латвии, Эстонии и Белоруссии. В ответ на это советская делегация устами Троцкого заявила, что Советская Россия мир не подписывает, войну прекращает, армию демобилизует. Немцы, приняв это к сведению, 18 февраля 1918 года возобновили войну и перешли в наступление по всему фронту.

В январе-феврале на почти беспрерывных заседаниях ЦК происходят весьма бурные прения и споры о заключении мира или о продолжении войны. С самого начала ЦК раскололся на три группы: 1) группа Ленина за немедленное заключение мира любой ценой; 2) группа Бухарина за продолжение «революционной войны»; 3) группа Троцкого за дальнейшее маневрирование под лозунгом «ни войны, ни мира».

Ленин еще 7 (2О) января 1918 года обосновывал необходимость

заключения мира следующим рассуждением: «Нет сомнения, что наша армия в данный момент абсолютно не в состоянии успешно отразить немецкое наступление... Сильнейшие поражения заставят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир, причем мир этот будет заключен не социалистическим правительством, а каким-либо другим» (Ленин, ПСС, т. 35, стр. 248-250). Другими словами, продолжение войны при всех условиях приведет к гибели большевизма в России и тогда ко власти придут другие партии (Ленин назвал эсеровскую партию Чернова). С этими тезисами Ленин выступил в Петрограде 8 (21) января на собрании руководящих деятелей партии. При голосовании тезисов Ленина собрание раскололось, как и ЦК, на три группы: за заключение мира на немецких условиях (точка зрения Ленина) голосовали 15 человек, за продолжение революционной войны (точка зрения Бухарина) голосовали 32 человека, за прекращение войны без заключения мира (точка зрения Троцкого) голосовали 16 человек («Протоколы ЦК...», стр. 168).

Самым решительным образом вопрос о мире Ленин поставил на заседании ЦК от 11 (24) января 1918 г. На нем присутствовали 17 членов ЦК. Ленин вновь повторил свои тезисы о мире, подчеркнув, что «если начнется война, то наше правительство будет сметено и мир будет заключен другим правительством» (там же, стр. 168). Ленин добавлял, что он не теряет веры в будущем вести революционную войну, но сейчас Россия не может ее вести. Он указал в заключение, что «конечно, мы делаем поворот направо, который ведет через весьма грязный хлев, но мы должны его сделать» (там же, стр. 169).

Большинство выступивших в прениях разошлось с оценкой Ленина, некоторые даже обвинили: «Ленин делает в скрытом виде то, что в октябре делали Зиновьев и Каменев» (там же, стр. 172, речь главы Чека Дзержинского). Косиор от имени Петроградской организации заявил: «Петроградская организация протестует и будет протестовать, пока может, против точки зрения т. Ленина и считает возможной только позицию революционной войны» (там же, стр. 172). Московская организация с самого начала стояла на такой же точке зрения. Троцкий и Бухарин повторили свои доводы против мира. Сталин и Зиновьев поддержали Ленина. Однако мотивы их поддержки были явно антиленинские. Сталин оправдывал заключение мира тем, что провалилась большевистская стратегия, рассчитанная на мировую революцию. Он говорил: «В октябре (1917) мы говорили о

священной войне, потому что нам сообщали, что одно слово «мир» поднимет революцию на Западе. Но это не оправдалось» (там же, стр. 171). Зиновьев, хотя и был за мир, но предупреждал, что «миром мы усилим шовинизм в Германии и ослабляем революционное движение на Западе... А дальше виднеется другая перспектива – это гибель социалистической республики» (там же, стр. 171).

Эти мотивы обоих своих единомышленников Ленин решительно отвел. В протоколе ЦК сказано, что Ленин не согласился с утверждением Сталина и Зиновьева, что на Западе нет революционного движения или оно ослабится от заключения мира. Ленин добавил, что хотя на Западе нет революции, но там есть революционное движение и что «если в силу этого мы изменили бы свою тактику, то мы явились бы изменниками международному социализму» (там же, стр. 172). На этом же заседании Ленин впервые в условиях советской России высказал пораженческую мысль, в которой он пояснил, при каких условиях он согласился на «перерыв» в мирных переговорах, а именно – «Если мы верим в то, что германское движение может развиться немедленно в случае перерыва мирных переговоров, то *мы должны пожертвовать собою, ибо германская революция по силе будет гораздо выше нашей»* (там же, стр.

172), но так как в данных условиях такое ускорение германской революции проблематично, то Ленин приходит к выводу: «если мы в настоящий момент не скажем ясно, что мы согласны на мир, то мы погибнем» (там же, стр. 172).

К концу заседания ЦК Ленин изменил свою точку зрения. Он отказался от требования немедленного заключения аннексионистского мира и предложил проголосовать его новое предложение: «мы всячески затягиваем подписание мира». За это голосовали 12, против – 1.

Вслед за этим Троцкий ставит на голосование следующую формулу – «Мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем». За голосовали 9 человек, против – 7 человек (там же, стр. 173).

Таким образом, на этом заседании ЦК Ленин потерпел поражение. Была принята формула Троцкого, к которой присоединился и Бухарин. Поэтому сталинская легенда, которая гуляет и до сих пор в советской литературе, о том, что Троцкий действовал в Брест-Литовске самочинно, предательски, вопреки ЦК, – есть явная историческая фальсификация.

Через два дня после заседания ЦК большевиков – 13 января 1918 года

состоялось объединенное заседание членов ЦК большевиков и ЦК левых эсеров (которые входили в советское правительство). Обсуждался тот же вопрос о войне и мире. Это объединенное заседание большинством голосов высказалось в том смысле, чтобы предложить предстоящему III съезду Советов формулу:

«войны не вести, мира не подписывать» (там же, стр. 283). И здесь победила точка зрения Троцкого против Ленина.

Однако Ленин не сдается. На III съезде Советов 13 (26) января Ленин, уклонившись обсудить вопрос о мире по-существу, добился, чтобы съезд предоставил Совнаркому (правительству) неограниченные полномочия в деле ведения мирных переговоров и заключения самого мира.

В самой партии точка зрения Ленина не находит поддержки. Совершенно вышли из-под контроля Ленина две ведущие столичные партийные организации, которые задавали тон всей партии, – Петроградская и Московская. Обе они высказались против линии Ленина на сепаратный мир с Германией. В заявлении Петроградского комитета партии от 15 января, поданном на имя ЦК партии, говорилось: «Огромное большинство высказалось против точки зрения т. Ленина, самые влиятельные организации нашей партии – Петроградская и Московская областная – определенно высказываются против аннексионистского мира с Германией» (там же, стр. 182). Петроградский комитет открыто грозил расколом партии. В резолюции Московского комитета партии от 11 января говорилось, что принятие немецких условий мира «могло бы привести к одному из худших видов оппортунизма» (там же стр. 185). Это было сказано прямо по адресу Ленина.

В этих условиях происходит новое заседание ЦК от 19 января, посвященное тому же вопросу о заключении мира. На нем присутствуют 13 членов ЦК, в том числе Ленин, Зиновьев, Сталин и Бухарин. Троцкий отсутствует, так как возглавляет советскую мирную делегацию в Брест-Литовске. На этом заседании представитель Московской парторганизации Ломов (Оппоков) недвусмысленно обвиняет руководителей ЦК, что для них «сепаратный мир с немцами предрешен», а партия совершенно не опрошена. Он предлагает, чтобы ЦК выслушал партию, которая «так долго молчала». Для этого, говорит он, необходим созыв партийной конференции (там же, стр. 175).

Ленин возразил против созыва конференции партии, так как ее

решения, по Уставу, не обязательны для ЦК. Он предложил продолжать линию на затягивание переговоров, чтобы выиграть время, приближаясь в этом вопросе к точке зрения Троцкого. Точку зрения отсутствующего Троцкого защищал не кто иной, как Сталин. Сталин заявил: «Вся сила нашей партии заключалась в том, что мы занимали вполне ясную и определенную позицию по всем вопросам. Этой ясности и определенности нет по вопросу о мире, так как существуют различные течения. Надо этому положить конец. *Выход из тяжелого положения дала нам средняя точка – позиция Троцкого»* (там же, стр. 178).

Надо сказать, что так думал не только Сталин, но так думал сначала и Ленин. Еще 3 (16) января в разговоре по прямому проводу с Троцким, находившимся во главе советской мирной делегации в Брест-Литовске, Ленин в отношении формулы Троцкого «ни войны, ни мира» заявил: «Ваш план мне представляется дискутабельным. Нельзя ли только отложить несколько его окончательное проведение, приняв последнее решение после специального заседания ЦИК здесь?» (Ленин, ПСС, т. 35, стр. 225).

Троцкий дает к этому следующее разъяснение: «Борьба в партии разгоралась со дня на день. Вопреки позднейшей легенде она шла не между мною и Лениным, а между Лениным и подавляющим большинством руководящих организаций партии. В основных вопросах этой борьбы: можем ли мы ныне вести революционную войну? и допустимо ли вообще для революционной власти заключать соглашения с империалистами? – я был полностью и целиком на стороне Ленина, отвечая вместе с ним на первый вопрос отрицательно, на второй – положительно. Первое более широкое обсуждение разногласий происходило 21 января (по старому стилю 8 января) на собрании активных работников партии. Выявились три точки зрения. Ленин стоял за то, чтобы попытаться еще затянуть переговоры, но в случае ультиматума немедленно капитулировать. Я считал необходимым довести переговоры до разрыва, даже с опасностью нового наступления Германии, чтобы капитулировать – пришлось – если вообще придется – уже перед очевидным применением силы. Бухарин требовал войны для расширения арены революции... 32 голоса получили сторонники войны, Ленин – 15 голосов, я – 16 голосов... Во всех руководящих учреждениях партии и государства Ленин был в меньшинстве... На решающем заседании ЦК 22 января прошло мое предложение: затягивать переговоры» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, Берлин, 1930, стр. 110-111).

Вот эта тактика «затягивания» переговоров вполне устраивала и Ленина, но в случае ультиматума немцев Ленин был готов капитулировать, а Троцкий колебался. Тем не менее, Свердлов в полном согласии с Лениным внес 14 февраля от имени большевистской фракции ВЦИКа резолюцию, в которой сказано, что, заслушав доклад Троцкого, «ВЦИК вполне одобряет образ действий своих представителей в Бресте» (там же, стр. 114).

Впоследствии на седьмом экстренном съезде партии по заключению сепаратного мира Ленин так уточнил свои разногласия с Троцким: «В его (Троцкого. – А. А) деятельности нужно различать две стороны: когда он начал переговоры в Бресте, великолепно использовал их для агитации, мы все были согласны с т. Троцким... Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан» (Ленин, ПСС, т. 36, стр. 30).

Вернемся к хронологии событий.

Новое совещание членов ЦК с активными работниками партии от 21 января (3 февраля) по вопросу о мире еще раз подтвердило, что Ленин продолжает оставаться в явном меньшинстве. На совещании выявилось на этот раз не три, как раньше, а четыре группы по вопросу войны и мира: группа Ленина (6 человек – Ленин, Сталин, Муранов, Артем-Сергеев, Сокольников, Зиновьев), группа Ломова (6 чел.), группа Осинского (2 чел.), группа Преображенского (3 чел.). Троцкий, будучи в Бресте, на совещании не участвовал. По главному вопросу: допустимо ли сейчас подписать сепаратный аннексионистский мир? – за голосовала только группа Ленина (пять человек, так как во время голосования Зиновьев отсутствовал), против голосовали все остальные группы (девять человек, так как во время голосования Бухарин и Урицкий отсутствовали). Таким образом, девятью голосами против пяти, а если считать и отсутствовавших – одиннадцатью голосами против шести совещание ЦК проголосовало против предложения Ленина о капитуляции («Протоколы ЦК...», стр. 190-191).

В свете такой позиции высших органов партии и государства становится вполне понятной неподатливая тактика Троцкого в Брест-Литовске. Надо указать еще и на то важное обстоятельство, что не только «левые коммунисты», но и другие советские социалистические партии, представленные во ВЦИКе (меньшевики и эсеры) и в советском правительстве (левые эсеры) категорически были против сепаратного мира с

Германией. Это тоже укрепляло позиции противников Ленина.

21 января (3 февраля) главы немецкой (Кюльман) и австро-венгерской (Чернин) мирной делегации, ввиду упорства Троцкого, попросили сделать перерыв и выехали в Берлин и Вену за новыми инструкциями. Вернувшись, они заключили 27 января (9 февраля) мирный договор с представителями признанной их державами Украинской народной республики. В тот же день немцы предъявили ультиматум советской делегации о принятии их условий мира. В ответ на это Троцкий заявил, что Советская Россия мира не подписывает, войну прекращает, армию демобилизует. 16 февраля генерал Гофман из немецкой делегации уведомил советскую делегацию, что 18 февраля в 12 часов дня кончается перемирие и возобновляется состояние войны («История гражданской войны в СССР», т. 3, Москва, 1957, стр. 111). Вечером 17 февраля собрался ЦК, чтобы обсудить ультиматум немцев. Фундаментальная «История гражданской войны в СССР» искаженно передает решение этого заседания ЦК. В ней сказано:

«Вечером 17 февраля ЦК партии обсудил вопрос о немецком ультиматуме. Большинство членов ЦК признало, что в случае немецкого наступления необходимо заключить мир» (там же, стр. 112).

Обратное имело место – большинством шесть против пяти было принято решение, отклоняющее ведение новых переговоров с немцами. За отклонение переговоров голосовали Бухарин, Троцкий, Ломов, Урицкий, Иоффе, Крестинский. За открытие новых переговоров голосовали Ленин, Сталин, Свердлов, Сокольников, Смилга («Протоколы ЦК...», стр. 194-195).

Разумеется, что Ленин на этом не успокоился. Поразительная сила воли, неукротимая энергия, тактическая изворотливость и непревзойденное мастерство в эксплуатации низменных инстинктов политической черни, все те качества, которые Ленин продемонстрировал накануне большевистского переворота, вновь пришли ему на помощь. К ним прибавилось еще одно качество нового Ленина у власти – всепобеждающий инстинкт самосохранения власти. Он так умело и так ультимативно рисует капитуляцию перед Германией, как единственную гарантию сохранения большевистской власти, одновременно продолжая свои обычные интриги против противников, что в лагере антиленинского большинства в ЦК уже обозначился раскол.

Весь день 18 февраля ЦК заседает и дискутирует по вопросу о мире. На утреннем заседании выступают «фракционные ораторы» (так сказано в

протоколе) за заключение мира – Ленин и Зиновьев, против – Троцкий и Бухарин. Но соотношение сторон все еще не в пользу Ленина. Большинством в семь голосов против шести ленинское предложение отклоняется. Днем 18 февраля немцы возобновили военные действия и перешли в наступление. Ленин потребовал созвать новое вечернее заседание ЦК, чтобы обсудить последние сведения с фронта, а по-существу для пересмотра утреннего решения. На этом заседании присутствует сторонник капитуляции Сталин, который отсутствовал на утреннем заседании, и отсутствует противник мира Дзержинский, который присутствовал на утреннем заседании. Это – в пользу Ленина. Уже из скудных протокольных записей заседания ЦК видно, что для Ленина вопрос о сепаратном мире не был вопросом «быть или не быть России», а был вопросом «быть или не быть большевистской власти» над Россией. Все аргументы Ленина в пользу мира бьют в эту точку. Ленин говорил на этом заседании, что «игра зашла в тупик, что крах революции неизбежен... Теперь нет возможности ждать... Нужно предложить немцам мир». Но Ленин добавляет: «Если бы немцы сказали, что требуют свержения большевистской власти, тогда, конечно, надо воевать» (там же, стр. 201).

Ленин согласен отдать немцам Польшу, Прибалтику, Финляндию, даже часть Белоруссии и признать независимость Украины, но не согласен отказаться от власти. Власть для него все и вся. Хоть половина России, но чтобы власть была большевистская. Ею он хочет не столько «осчастливить» народ свой, сколько большевизировать всю Европу. Он был глубоко убежден, что это случится в конце данной мировой войны. Ленин поддержал Сталина, добавив тот аргумент, что стоит немцам «на пять минут открыть ураганный огонь, и у нас не останется ни одного солдата на фронте» (там же, стр. 202). Бухарин повторил свои доводы в пользу «революционной войны» и «мировой революции», заодно обвинив Ленина и его сторонников в «панике и растерянности» (там же, стр. 202-203). Ленин ему ответил тем же аргументом «паники и растерянности». Ленин сказал: «На революционную войну мужик не пойдет – и сбросит всякого, кто открыто это скажет» (там же, стр. 203). Поскольку Троцкий уже публично заявил в Брест-Литовске, что советское правительство демобилизует армию, то Ленин считает, что взять теперь обратно это заявление означало бы гибель советской власти. Он так и сказал: «Сказать, что демобилизация прекращена – это значит слететь» (там же, стр. 203).

В конце довольно горячих споров ставится на голосование вопрос,

который призван решить судьбу режима. В протоколе ЦК сказано:

«Ставится вопрос: следует ли немедленно обратиться к немецкому правительству с предложением немедленного заключения мира? За – 7: Ленин, Смилга, Сталин, Свердлов, Сокольников, Троцкий, Зиновьев. *Против* – 5: Урицкий, Иоффе, Ломов, Бухарин, Крестинский (присоединяется Дзержинский). *Воздерживается* 1: Стасова» (там же, стр. 204). Это решение уточняется указанием на то, что советское правительство готово подписать старые условия мира немцев, «но что нет отказа от принятия худших предложений» (там же, стр. 205). Составление текста предложения поручается Ленину и Троцкому. Решено сейчас же по радио передать немцам советское предложение. Ленин хочет отрезать ЦК всякие пути отступления, памятуя о своем очень слабом большинстве.

Для окончательного решения вопроса требовалось еще согласие ЦК партии левых эсеров, которые вместе с большевиками составляли советское коалиционное правительство. Поэтому в ночь на 19 февраля было назначено совместное заседание ЦК большевиков и ЦК левых эсеров. На этом заседании «левые коммунисты» из ЦК большевиков вместе с левыми эсерами вновь одержали победу над Лениным. В информационном сообщении о результатах этого заседания говорилось, что на нем выявились два течения – одно за подписание мира, другое – за продолжение революционной войны. Последнее течение получило большинство: «Большинство стояло на той точке зрения, что революция русская выдержит испытание; решено сопротивляться до последней возможности» (газ. «Социал-демократ», 20 февраля 1918 г.).

Хотя в постановлении ЦК большевиков от 18 февраля (вечернее заседание) было сказано, что решение двух ЦК – ЦК большевиков и ЦК левых эсеров – будет принято за решение правительства, Ленин пошел на прямое и открытое нарушение постановления своего ЦК.

Не дожидаясь вышеуказанной встречи с левыми эсерами, а значит не дожидаясь и вышецитированного решения обоих ЦК, утром 19 февраля Ленин по радио передал немцам предложение о принятии немецких условий мира. С этим предложением произошел маленький «казус». Известные своим педантизмом немцы нашли, что радиограмма Ленина – не официальный документ. Генерал Гофман проучил Ленина, как надо составлять официальные документы. Ленин должен обращаться к немцам не через эфир, а письменно. Письмо должно носить официальную форму, оно должно

быть Лениным лично подписано, закреплено соответствующей печатью и передано по дистанции в руки германскому коменданту Двинска! Ленин поспешил ответить, что советский курьер с официальным текстом советского предложения о капитуляции находится в пути.

Немцы не сразу ответили на советскую капитуляцию. Тем временем поступило предложение от Франции и Англии, союзников России, об оказании военно-материальной помощи Советской России, при условии продолжения войны с немцами.

Заседание ЦК от 22 февраля было целиком посвящено этому вопросу. На заседании присутствовало 11 человек. Ленин и Сталин отсутствовали. Обсуждение вопроса вызвало очень бурные прения. Левое крыло во главе с Бухариным считало, что большевики принципиально не могут пользоваться помощью «англо-французского империализма» в деле защиты своей «пролетарской» власти. Троцкий считал такую позицию, по меньшей мере, наивной. Он говорил, что «государство принуждено делать то, чего не сделала бы партия». Поэтому, если не удастся мир, то советское правительство должно воспользоваться любой помощью капиталистических стран. Предложение Троцкого было принято большинством только в один голос: за – 6, против – 5 (там же, стр. 208). Отсутствовавший Ленин прислал «Заявление в ЦК», в котором политический цинизм был доведен до утрировки с тем, чтобы научить левых идеалистов думать реалистическими категориями в политике. Ленин писал: «Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма» (там же, стр. 208).

На том же заседании Троцкий заявил о сложении с себя должности наркома иностранных дел. Об этом Троцкий уже говорил с Лениным:

«– Мне кажется, – сказал я в частном разговоре с Лениным, – что политически было бы целесообразно, если бы я, как нарком иностранных дел, подал в отставку.

> – Зачем? Мы, надеюсь, этих парламентских порядков заводить не будем.
>
> – Но моя отставка будет для немцев означать радикальный поворот политики и усилит их доверие к нашей готовности подписать на этот раз мирный договор.
>
> – Пожалуй, – сказал Ленин, размышляя. – Это серьезный политический довод» (Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 117-118).

На том же заседании ЦК от 22 февраля группа членов ЦК подала заявление о выходе из ЦК, чтобы иметь свободу действия против политики «самоубийства» «ничтожного большинства» ЦК, которое капитулирует перед германским империализмом. Его подписали четыре члена ЦК – Бухарин, Урицкий, Ломов, Бубнов. Другая группа членов ЦК – Иоффе, Крестинский, Дзержинский подписали данное заявление с той оговоркой, что они тоже осуждают решение ЦК о капитуляции, но, чтобы не было раскола в партии, не выходят сейчас из ЦК («Протоколы ЦК...», стр. 209-210). Таким образом, по вопросу о капитуляции ЦК вновь раскололся фактически на две равные части – 7 человек за капитуляцию, 7 человек против.

23 февраля был получен немецкий ответ. Немцы, видимо, убедились, что Ленин решил капитулировать любой ценой, кроме потери власти, к которой он пришел не без их помощи. Ответ немцев содержал новые условия, куда худшие, чем тем, которые отвергла делегация Троцкого 28 января (10 февраля). По новым условиям, Россия теряла всю территорию Прибалтики, часть Белоруссии, города Карс, Батум и Ардаган Россия должна была уступить Турции, она должна немедленно вывести войска из Финляндии и Украины, заключить мир с Украинской народной республикой (Радой), сейчас же приступить к полной демобилизации армии, да еще уплатить Германии шесть миллиардов марок контрибуции («Документы внешней политики СССР», т. I, Москва, 1957, стр. 119-124, 446). Советская Россия должна была принять эти условия в течение 48 часов, немедленно направить в Брест-Литовск делегацию для подписания мира в трехдневный срок.

Таков был новый ультиматум Берлина. Ленин, признавая, что он заключает «похабнейший и унизительный мир», сравнивал его условия с условиями Тильзитского мира для пруссаков (1807), но историческая аналогия не выдерживала никакой критики: в Тильзите Россия спасла трон прусского короля и отстояла сохранение Пруссии, как государства, сама же не теряла ни одного клочка собственной территории, наоборот, приобрела Белостокскую область, разделила сферы влияния в Европе между Францией и Россией, а теперь? Теперь прусский король и германский кайзер ставил перед Россией условия, которые отбрасывали Россию на 250 лет назад в отношении ее западных территориальных приобретений. Для мало-мальски политически мыслящего человека было ясно, что такие неслыханно

жестокие для России требования стали возможными из-за полного разложения русской армии теми же большевиками на те же немецкие деньги под лозунгом мира любой ценой. Ленина можно было бы обвинить в сознательной измене не только России, но и большевизму (в последнем его обвиняли его левые коллеги), если бы он допускал мысль хотя бы на одну минуту, что не разорвет мир с Германией при первой же безнаказанной возможности. Ленина страшно злила наивность его оппонентов из ЦК, думавших о моральных или юридических обязательствах соблюдать договор, который можно будет разорвать, когда условия изменятся.

Начался второй этап борьбы Ленина в ЦК за принятие нового немецкого ультиматума. Заседание ЦК от 28 февраля как раз и посвящено новому немецкому ультиматуму. На нем присутствуют 15 членов ЦК и 5 руководящих деятелей правительства с совещательным голосом. Левые, подавшие заявление на прошлом заседании о выходе из ЦК, тоже присутствуют как члены ЦК, так как их отставка еще не была принята. Атмосфера исключительно напряженная. Групповая борьба зашла настолько далеко, что иногда создается впечатление, что в ЦК представлена не одна, а две партии не только с разной тактикой, но и с разными программами: одна партия – партия

«мира в одной стране», «партия социализма в одной стране» (Ленин), другая партия – «партия войны», «партия мировой революции» (Бухарин). Между ними болтается еще одна буферная группа, которая умом с Лениным, а душой с Бухариным. Это группа Троцкого. Сталин идет с Лениным, резервируя за собою право для отступления. Поэтому он часто маневрирует и никогда не сжигает мостов ни к Троцкому, ни к Бухарину. Троцкий спрашивал: «Какова была позиция Сталина? У него, как всегда, не было никакой позиции. Он выжидал и комбинировал. "Старик все еще надеется на мир, – кивал он мне в сторону Ленина, – не выйдет у него мира". Потом он уходил к Ленину и делал, вероятно, такие же замечания по моему адресу» (Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 122). Это более, чем вероятно. Никто ведь не играл в политике так виртуозно и одновременно на двух разных инструментах разные ноты, как это делал Сталин.

Исчерпав за последние две-три недели все свои аргументы за немедленное заключение мира, Ленин прибегает к самому последнему и решающему средству, – ультиматуму, к которому он прибегал и накануне Октябрьского переворота, требуя от ЦК начать восстание. В протоколе ЦК

этот ультиматум изложен так: «Тов. Ленин считает, что политика революционной фразы окончена. Если эта политика будет теперь продолжаться, то *он выходит* и *из правительства и из ЦК»* («Протоколы ЦК...», стр. 211).

Создалась реальная угроза раскола партии, поскольку Ленин сделал свое заявление в форме, не допускающей сомнения в его решимости стать на путь создания второй большевистской партии. Оно произвело соответствующее впечатление на группу Троцкого. Троцкий сказал, что «вести революционную войну при расколе в партии мы не можем... Нужно было бы максимальное единодушие; раз его нет, я на себя не возьму ответственности голосовать за войну» (там же, стр. 211-212).

Это выступление Троцкого предрешило победу Ленина, так как воздержание членов группы Троцкого автоматически превращало группу Ленина в ЦК в большинство при решении вопроса о мире. На группу Бухарина ни ультиматум Ленина, ни заявление Троцкого не произвели никакого впечатления. Бухарин сказал, что предъявленные немцами условия николько не оправдывают старого прогноза Ленина, а единомышленник Бухарина – Ломов прямо заявил: «Если Ленин грозит отставкой, то напрасно пугаются. Надо брать власть без В. И. (Ленина. – А. А.). Надо идти на фронт и делать все возможное» (там же, стр. 213-214). Но как раз тогда, когда начало выясняться общее положение в пользу Ленина, то один из его же группы изменил Ленину – это был Сталин. Он прямо и недвусмысленно заявил: «Можно не подписывать, но начать мирные переговоры» (там же, стр. 212).

Этот рецидив «троцкизма» Сталина, когда уже сам Троцкий открывал Ленину дорогу к миру, страшно возмутил Ленина. Ленин видел, что победа позиции Сталина означала бы гибель советской власти. Вот почему Ленин во втором своем выступлении основной удар нанес Сталину. Ленин сказал:

«Сталин не прав, когда он говорит, что можно не подписать. Эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через три недели... Я ставлю ультиматум не для того, чтобы его снимать» (там же, стр. 213).

Сталин вернулся в лагерь Ленина, хотя и не без оговорок. Выступая второй раз, он заметил: «Мы полагаем, что немец все делать не может» (там же, стр. 213). После долгих и продолжительных прений (было 21 выступление, некоторые выступали по два-три раза) Ленин сформулировал вопросы голосования:

1) Принять ли немедленно германские предложения?

За голосовали 7 членов ЦК (Ленин, Стасова, Зиновьев, Свердлов, Сталин, Сокольников, Смилга); против – 4 члена ЦК (Бухарин, Ломов, Урицкий, Бубнов); воздержались – 4 члена ЦК (Троцкий, Крестинский, Дзержинский, Иоффе).

2) Готовить ли немедленно революционную войну?

За голосовали единогласно все члены ЦК. («Протоколы ЦК...», стр. 215)

Таким образом прошло предложение Ленина о безусловном принятии нового немецкого ультиматума. Оно было принято меньшинством наличных членов ЦК, так как воздержавшиеся члены ЦК (4 чел.) фактически стояли на позициях противников мира – на позициях группы Бухарина. Группа Бухарина из своего поражения сделала соответствующие выводы – ее члены подали заявление о выходе из ЦК и из правительства.

Обосновывая это заявление от своего имени и от имени Бухарина, Ломова, Бубнова, кандидата ЦК Яковлевой, видных работников партии Пятакова и Смирнова, Урицкий писал, что поскольку принятое решение гибельно для международной и русской революции, «тем более, что решение это принято меньшинством ЦК, так как 4 воздержавшихся стоят на нашей позиции», то они уходят со своих постов, но с тем, чтобы вести агитацию против сепаратного мира как в рамках партии, так и вне партии (там же, стр. 216).

Члены ЦК Крестинский, Иоффе и Дзержинский тоже подали заявление в ЦК, в котором писали, что одновременно бороться на три фронта – против германского империализма, против русской буржуазии и «части пролетариата во главе с Лениным» более опасно, чем заключить мир; поэтому они, не будучи все-таки в состоянии голосовать за мир, предпочли воздержаться (там же, стр. 216). Троцкий мотивировал свое воздержание тем, что он хотел помочь найти выход из создавшегося тупика и не препятствовать Ленину в получении большинства голосов для установления единой линии (там же, стр. 216).

В дальнейшем борьба в ЦК идет уже вокруг вопроса – принять или отклонить отставку членов ЦК из группы Бухарина. Ленин ясно видел, что уход из ЦК бухаринцев, играющих такую видную роль в партии, по логике вещей может привести к расколу партии, что в данных условиях приведет к катастрофическим последствиям. Ленин в глубине души даже был с ними, но в отличие от них, он не видел никаких возможностей продолжать войну

сейчас. Однако вместе с ними он хотел готовиться к ней и разорвать заключаемый сейчас мирный договор в тот самый момент, когда Советская Россия будет готова к ведению революционной войны. Потому он и его сторонники голосовали в ЦК с Бухариным за подготовку такой войны.

Ленин никак не мог вдолбить в догматические мозги «революционеров фразы» (как он называл «левых коммунистов» из группы Бухарина) ту элементарную истину большевистской философии права и морали, что договоры заключаются не для их соблюдения, а для выигрыша времени, для «передышки», чтобы перестроить свои ряды, накопить новые силы и опять начать новую войну. Эта новая война тогда будет происходить в условиях максимальной демобилизованности врага в уверенности, что большевики будут держаться заключенного договора, в условиях реорганизации старых и накопления новых большевистских сил для нанесения смертельного удара врагу. Только заведомые догматики или безнадежные тупицы в политике не могли его понять, думал Ленин, когда он на VII съезде партии, обосновывая необходимость заключить сейчас мир, говорил:

«Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя. Смешно не знать того, что... договор есть средство собирать силы... Некоторые определенно, как дети, думают: подписал договор, значит, продался сатане, пошел в ад. Это просто смешно... подписание договора при поражении есть средство собирания сил... Стиснув зубы, не хорохорься, а готовь силы. Революционная война придет, в этом у нас разногласий нет... Надо в интересах революционной войны отступать физически, отдавая страну, чтобы выиграть время. Стратегия и политика предписывают самый что ни на есть гнусный мирный договор» (Ленин, Сочинения, 3-е изд., т. XXII, стр. 334, 335, 336).

В интересах этой стратегии Ленин признает за членами из группы Бухарина право свободной агитации за свои взгляды против официальной политики ЦК, что он никогда не признавал и не признает в других условиях. Этой ценой он старается сохранить их в составе ЦК. Не разгадав сути такой тактики Ленина или, может быть, вовсе не разделяя ее, Сталин начал угрожать бунтовщикам исключением из партии (Сталин: «не означает ли уход с постов фактического ухода из партии», стр. 217). Такая постановка вопроса только подливала масло в огонь. От нее явно пахло провокацией. Поэтому Ленин поспешил отмежеваться от Сталина. Ленин ответил ему, «что уход из ЦК не значит уход из партии» (стр. 217).

На следующем заседании ЦК от 24 февраля Сталин настолько резко меняет свою позицию по данному вопросу, а членов группы Бухарина считает настолько незаменимыми в ЦК, что вызывает ироническое замечание со стороны последних. В протоколе ЦК эта сталинская метаморфоза нашла свое отражение. Там сказано:

«Тов. Сталин ничего не предлагает, но говорит о той боли, которую он испытывает по отношению к товарищам... Они прекрасно знают, что их некем заменить, и ставит вопрос, зачем они это делают» (там же, стр. 224).

Но дальше в протоколе следует: «Урицкий выражает удивление на слова Сталина... Сталин предлагал им вчера выйти из партии, но они из партии не думают выходить» (там же, стр. 224).

На заседании ЦК от 24 февраля, на котором присутствовали 12 членов ЦК и три приглашенных, было решено отправить на подписание мира делегацию в новом составе – Сокольников (председатель), Петровский, Карахан, Чичерин. Председатель предыдущей (после Троцкого) делегации – Иоффе – был, против его воли, но по настоянию Ленина, назначен консультантом делегации, так как из всех членов ЦК его считали наиболее компетентным в вопросах, связанных с заключением мира. На том же заседании обсуждали заявления противников мира и Троцкого об их уходе из правительства. Обосновывая свое заявление об отставке, Троцкий говорил, что «в партии сейчас два очень резко отмежеванных друг от друга крыла. Если смотреть с точки зрения парламентской, то у нас есть две партии, и в смысле парламентском надо было бы меньшинству уступить но у нас этого нет, так как у нас идет борьба групп» (там же, стр. 224). Троцкий оценивал создавшееся положение как «кризис власти». Сталин присоединился к этой оценке с той оговоркой, чтобы Троцкий все же остался в правительстве. В протоколе сказано:

«Тов. Сталин говорит, что он не делает ни тени упрека Троцкому, он также оценивает момент как кризис власти, но все же просит его выждать пару дней» (там же, стр. 224).

Ленин оценил утверждение Троцкого и Сталина о «кризисе власти» как ошибочное. Ленин указал, что есть смена политики в отношении заключения мира (безусловное принятие немецкого ультиматума), но нет кризиса власти. Он по-прежнему настаивает на том, чтобы члены правительства, подавшие заявление об отставке (Троцкий, Ломов, Смирнов, Урицкий, Пятаков, Боголепов, Спундэ), так же, как и те, которые ранее подали

заявления о выходе из ЦК, остались на своих постах, по крайней мере, до предстоящего экстренного съезда партии. Ленин тут же вносит и второе предложение, гарантирующее право за противниками мира опубликовать их соответствующие заявления о несогласии с политикой ЦК на страницах газеты «Правда».

Эти предложения Ленина, как не достаточно гарантирующие права меньшинства, были отвергнуты (за них голосовало только 5 членов ЦК). Было принято более определенное предложение Крестинского и Троцкого: ЦК предлагает товарищам, подавшим заявление, остаться на своих постах, не неся политической ответственности, при полной свободе отстаивания своей точки зрения в партии, в печати, на собраниях (там же, стр. 223, 226, 227). За это предложение голосовали все члены ЦК, в том числе и подавшие заявление об отставке. Ленин избег раскола ценой признания свободы групп и свободы слова за оппозицией, что противоречило всей его доктрине о партии.

24 февраля ночью большевистская фракция срочно внесла во ВЦИК резолюцию о принятии немецких условий мира и отправке мирной делегации в Брест-Литовск. Эта резолюция была принята большинством 116 голосов против 85, воздержалось 26 человек. Против голосовали меньшевики, правые и левые эсеры и ряд беспартийных членов ВЦИК.

Того же 24 февраля Ленин и Троцкий телеграфируют в Берлин, что советское правительство принимает условия мира и направляет делегацию в Брест-Литовск. Ленин настолько спешил с принятием немецкого ультиматума, словно опасаясь, что если медлить и дальше, как этого требовал Сталин, то немцы могут предъявить дополнительно то единственное условие, которого он действительно не мог принять: уход большевиков от власти. Дальнейшее развитие событий показало, что это опасение Ленина было напрасным. Никакая другая политическая партия России, кроме большевиков, не была готова капитулировать перед немцами. Точно осведомленные на этот счет немцы больше самого Ленина были заинтересованы в сохранении власти большевиков. Поразительно, почему Ленин не использовал этого своего козыря против Вильгельма. А может быть, использовал. Мы только этого не знаем.

Того же 24 февраля Ленин от имени Организационного бюро ЦК партии написал обращение к партии, в котором объяснял, почему было необходимо принять немецкий ультиматум. Оно было опубликовано в «Правде»

от 28 февраля. В этом обращении Ленин и ЦК во всеуслышание заявляют не только друзьям, но и врагам, что военный триумф немцев при всех условиях неизбежен. Ленин и ЦК как бы подсказывают немцам, какова кратчайшая дорога к их победе. Это было чудовищно и неслыханно, ибо история не знает примера, чтобы обороняющаяся в смертельной схватке с врагом страна так опрометчиво сообщала врагу о своем бессилии, как это делал Ленин и ЦК. Вот соответствующие места из этого обращения ЦК:

«Безусловная необходимость подписания мира вызывается прежде всего тем, что у нас нет армии, что мы обороняться не можем... Россия сейчас беззащитна и будет разгромлена даже ничтожными силами германцев, которым достаточно перерезать главные железнодорожные линии, чтобы голодом взять Петроград и Москву» (Ленин, Соч., т. XXII, стр. 294-295).

Трудно объяснить такую откровенность, которая была бы признана предательством в устах обычных смертных.

После такого публичного официального заявления Ленина и ЦК немцы знают, что России можно предъявлять любые условия, вплоть до требования выставления русских войск против русских союзников на западном фронте, как это в свое время делал Наполеон с русскими союзниками против русских (поддержка Австрией и Пруссией Наполеона против России в войне 1812 г.). Однако немцы этого не делают. На новой встрече, которая продолжалась в том же Брест-Литовске с 1 по *3* марта, немцы просто повторяют свой ультиматум, а советская делегация во главе с Сокольниковым, не читая, согласно инструкции подписывает текст сепаратного мира. Он подлежал теперь ратификации в двухнедельный срок как партийным съездом, так и съездом Советов.

Не задача этой работы обелять Троцкого. Он стоит в одном ряду с Лениным и Сталиным, уступая первому, как мастеру революции, и второму, как мастеру власти. Однако в описываемое время позиция Троцкого, а не Сталина, решала судьбу ленинского режима и самого Ленина. Безымянная партийная машина – организатор революции – выступала тогда в двух лицах: Ленина и Троцкого. Поэтому капитуляция Троцкого перед Лениным в ЦК, в виде воздержания во время голосования, имела эпохальное значение. Если бы Сталин в то время воздержался или даже голосовал против Ленина, то это имело бы только протокольно-арифметическое значение в том смысле, что Ленин получил бы на один голос меньше или больше. Тем более несправедливы советские историки, когда они рисуют спасителя ленинского

режима врагом ленинизма. Если бы не этот шаг Троцкого в пользу Ленина, Ленин не лежал бы в мавзолее на Красной площади в Москве, а о существовании Сталина никто бы не знал, кроме охранки и родственников самого Джугашвили.

Глава 16

VII ЭКСТРЕННЫЙ СЪЕЗД ПАРТИИ

VII экстренный съезд партии, созванный для ратификации мира, происходил 6-8 марта 1918 г. Это был первый съезд партии после захвата власти. К этому времени партия насчитывала в своих рядах около 300 тысяч членов, но на съезде было представлено только 170 тысяч членов в лице 47 делегатов с решающим голосом и 59 делегатов с совещательным голосом (все члены ЦК во главе с Лениным имели только совещательные голоса). Повестка дня съезда включала три главных вопроса:

1. Вопрос о войне и мире.
1. Пересмотр программы и наименования партии.
2. Выборы ЦК.

В президиум съезда было выбрано шесть человек, в том числе Ленин, Бухарин и Свердлов.

По первому вопросу докладчиком выступил Ленин, контрдокладчиком – Бухарин. Доклад Ленина свелся к развернутому изложению его аргументов в пользу мира на заседаниях ЦК. Ленин сослался на два исторических примера, когда не бывает иного выхода, как открытая капитуляция, но капитуляция с тем расчетом, чтобы выиграть время и создать предпосылки для конечной победы. Первый пример касался Тильзитского мира (1807), когда Наполеон обязал разбитых пруссаков давать ему войска для завоевания других народов. Говоря об этом, Ленин заметил: «До этого дело дойдет и у нас, если мы будем только надеяться на международную полевую революцию. Смотрите, чтобы история не довела вас и до этой формы военного рабства» («Седьмой экстренный съезд РКП (б). Стенографический отчет». Москва, 1962, стр. 21).

Второй пример Ленин взял из *истории* большевизма, когда по решению ЦК большевистские депутаты III Государственной думы (1907) вынуждены были принять присягу на верность царю, так как депутаты, отказывающиеся принять такую присягу, считались выбывшими из Думы, Ленин говорил, что «подписывая (тогда) монархические бумажки, мы переживали то же самое в маленьком масштабе по сравнению с теперешним» (там же, стр. 17). Ленин заключил свой доклад словами:

«Мир есть передышка для войны... Я еще раз скажу, что готов подписать и буду считать обязанностью подписать *в двадцать раз, в сто раз более унизительный мир...* Ловите передышку, чтобы поддержать контакт с дальним тылом, там создавать новые армии» (там же, стр. 22, 24).

Впервые в этом докладе о мире Ленин сформулировал свой знаменитый тезис о

невозможности, в принципе, мирного сосуществования Советской России *с* капиталистическим миром и о задачах большевиков организовать международную революцию. Этот тезис гласит:

«Международный империализм со всей мощью его капитала ... ни в коем случае, ни при каких условиях не мог ужиться рядом с Советской республикой... *Тут конфликт является неизбежным.* Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделать этот переход от нашей революции, как узко национальной, к мировой» (там же, стр. 11).

Для осуществления этой исторической миссии большевизма Ленин и хотел сохранить советскую власть, пользуясь продолжающейся войной между «двумя группами империализма» – между Антантой и Четверным союзом. Не в том Ленин расходился с оппозицией, что надо организовать мировую революцию, а в том, как и когда ее организовать. Ленин был за сохранение советской власти, как базы мировой революции, «левые коммунисты» были за организацию мировой революции даже ценой риска потери советской власти.

Контраргументы Бухарина против заключения мира были не менее убедительны, чем аргументы Ленина за мир. Прежде всего, Бухарин проанализировал причины разложения армии, которая действительно не желает воевать. Даже тот знаменитый гегемон революции – пролетариат – тоже не хочет воевать. Почему? Бухарин отвечает:

«У нас на всех собраниях, на всех митингах, на съездах всюду и везде выставлялся в качестве ударного только один тезис, что сейчас никакая война невозможна... *Я утверждаю, что в значительной степени та деморализация,* которая сейчас наблюдается среди пролетариата, возникновением своим в значительной степени *обязана нам самим».* И дальше: «Ведь когда мы были в оппозиции, *когда Керенский всячески взывал к защите отечества, мы всячески разлагали волю к защите этого отечества»* (там же, стр. *36,* 38).

То была горькая правда, которую Ленин хотя и признал, но отнес ее на счет всей партии, в том числе и Бухарина. Ленин сказал:

«Когда теперь Бухарин громит нас за то, что мы деморализовали массы, он абсолютно прав, только он себя громит, а не нас» (там же, стр. 110).

Бухарин считал, что заключая мир на немецких условиях, Ленин только помогает германской коалиции продолжать войну, ибо «империалисты австро-германской коалиции могут вести эту войну только при одном условии, только при условии беспощадной расправы с Россией – просто-напросто по чисто экономическим соображениям... ибо для того, чтобы вести войну против Англии, ей необходимо сырье, ей необходим хлеб» (там же, стр. 28). Бухарин указывал далее, что этим же русским хлебом кайзер хочет накормить не только армию, но и немецких рабочих, которых как раз тяжкая экономическая катастрофа в Германии толкает к своей собственной революции. Что же касается тезиса Ленина о «передышке», то Бухарин считает всю аргументацию Ленина, связанную с этим тезисом, совершенно несостоятельной. Бу-

харин говорил:

«Если тов. Ленин говорит: "Берите передышку хотя бы на несколько дней, говорит, что именно такая передышка нам предстоит" – я утверждаю, что овчинка не стоит выделки... она ничего нам не даст, потому что ни перестроить железных дорог, ни обучить население стрельбе, ни наладить транспорт, ни наладить экономическую жизнь, т. е. разрешить все те главные задачи, о которых говорил тов. Ленин, в несколько дней нельзя» (стр. 30).

Какие у Ленина «минус-пункты»? Бухарин их подсчитал так: признавая независимость Украины и ее отделение от России, Ленин лишает страну ее главной хлебной и угольной базы; отказываясь от Прибалтики, Ленин лишает страну ее выгодной стратегической позиции; признавая по договору неприкосновенность иностранного капитала в России, с которым тесно связан русский капитал, Ленин тем самым аннулирует декрет революции о национализации промышленности; отказываясь по договору от революционной пропаганды в других странах, Ленин отказывается от всей программы большевиков в отношении мировой революции; беря по договору на себя обязательства поддержать немецкую позицию «независимости» Персии и Афганистана, Советская Россия берет на себя роль колониального жандарма германского империализма против английского империализма. Таковы были «минус-пункты», которые насчитал Бухарин у Ленина. Бухарин сказал, что немцы «отнимают у Советской России самое существенное, самое жизненно необходимое, как раз то, из-за чего мы и могли бы по аргументации т. Ленина идти на передышку и подписание мира» (там же, стр. 31).

Смешным, сентиментальным, совершенно не большевистским, а оппортунистическим считал Бухарин и аргумент Ленина о том, что он «готов подписать мир в двадцать раз, в сто раз более унизительный, чтобы получить несколько дней для эвакуации Петрограда», ибо «я облегчаю этим мучение рабочих, которые иначе могут подпасть под иго немцев» (там же, стр. 22). Бухарин отвечал, что это рассуждение Ленина «как раз есть фраза, не холодный расчет, а самое настоящее увлечение чувством, конечно, очень хорошим чувством, но далеким от холодного расчета, который говорит нам, что в случае необходимости мы можем и должны пожертвовать десятками тысяч рабочих. Ведь так всегда рассуждают оппортунисты всех стран: «не нужно выходить на улицу, потому что может пролиться кровь» (там же, стр. 32-33). Разумеется, большевистская правда в данном случае была на стороне Бухарина, а не Ленина. Этот пример показал и самому Ленину, что ученики начинали явно превосходить учителя. Это было симптоматично, что такую постановку вопроса Бухариным Ленин обошел полным молчанием. Не мог отразить Ленин и другой веский аргумент Бухарина, который заявил:

«Ведь в самом деле с первого взгляда ясно, что если бы в договоре были такие условия, как свержение Советской власти, как созыв Учредительного собрания и т. д., то мы не могли бы его подписать» (там же, стр. 31).

Да, отвечал Ленин, в этом случае мы продолжали бы революционную войну; но

когда его спрашивали, почему же он не может ее продолжать в условиях, когда немцы отнимают у России «самое жизненно важное», когда Россию расчленяют, правда, пользуясь лозунгом тех же большевиков о «праве народа на самоопределение», – на эти вопросы Ленин не отвечал, да и не мог отвечать.

Один исключительно важный, в данных условиях даже решающий, аргумент (как это показали последующие условия) Бухарин и его сторонники совершенно игнорировали – это гарантия союзников России оказать ей необходимую материальную помощь для совместного продолжения войны до победного конца против Германии. Как раз в этом вопросе бухаринцы проявляли всю догматическую беспомощность и наивность своего политического мышления – они считали принципиально недопустимым для революционеров пользоваться помощью «англо-американских империалистов против германских империалистов». Вот здесь Ленин был в своей стихии – он вполне допускал возможность пользоваться такой помощью, для него всегда было ясно, что «цель оправдывает средства», но он, вероятно, был связан условиями немецкой помощи большевикам в революции или он настолько стал пленником своего идефикса – «передышки», что не допускал иного решения, как полная капитуляция, лишь бы сохранить власть. Однако надо тут же подчеркнуть, что Ленин боялся потерять власть не столько от наступления немцев, не столько от падения Петрограда и Москвы, сколько от внутреннего восстания, главным образом, крестьянского восстания и восстания армии. Ленин не забывал, что он к власти пришел, обещав именно безусловный мир. Сегодня в дискуссии с бухаринцами он, конечно, предусмотрительно обходил щекотливый вопрос.

Противники капитуляции вслед за Бухариным повторили на съезде свои известные возражения. Выступив первым, Урицкий заявил, что ему совершенно «непонятна паника сидящих здесь» перед немцами (стр. 42), добавив: «факты направлены не против нас, а в гораздо большей степени против вас, т. Ленин..., заключив мир, мы бьем тех товарищей, которые с энтузиазмом записываются в Красную армию» (стр. 42-43). Другой противник капитуляции обвинил Ленина в политической беспринципности, напомнив ему его же слова на I съезде Советов в июне 1917 г. Тогда Ленин говорил: «сепаратного мира для нас не может быть, и по резолюции нашей партии нет и тени сомнения, что мы его отвергаем, как всякое соглашение с капиталистами» (Ленин, Сочинения, 4-е изд., т. 25, стр. 20). Радек, обвинив Ленина за подготовление капитуляции, обвинил также и Троцкого, что он, ведя в брестских переговорах правильную тактику на затягивание переговоров и разжигание германской революции, потом изменил самому себе, когда воздержался во время решающего голосования в ЦК о войне или мире. Народному комиссару иностранных дел Российской республики нельзя воздерживаться при голосовании вопроса о войне или капитуляции, – воскликнул Радек. Радек указал Ленину на всю опасность его открытых заявлений с утверждением, что заключив мир, мы приступили к подготовке новой войны против Германии. Радек сказал: «Этим самым вы даете немцам право при первых разногласиях с документами в руках доказать, что мы подготовляем новую

войну, и снова подогревать шовинистические настроения» («Седьмой съезд РКП (б)», стр. 60). Троцкий объяснил свое воздержание в ЦК по вопросу о подписании капитуляции двумя причинами: «во-первых, я не считаю решающим для судеб нашей революции то или другое наше отношение к нему (миру) ... Нельзя вести войну против немцев... и в то же время иметь против себя половину или большую часть партии во главе с т. Лениным... Ввиду сложившегося соотношения сил в ЦК от моего голосования зависело очень много... потому, что некоторые товарищи (в ЦК) разделяют мою позицию... Я считаю более целесообразным отступать, чем подписывать мир, создавая фиктивную передышку, но я не мог взять на себя ответственность за руководство партией в таких условиях» (там же, стр. 65, 66, 69).

Рязанов обвинял Ленина в том, что он ставку делает не на европейский пролетариат, а на русских мелких буржуа, то есть крестьян. Он уточнил свою мысль:

«Ленин хотел воспользоваться лозунгами Толстого, видоизменив их сообразно с переживаемой эпохой. Толстой предлагал устроить Россию по-мужицки, по-дурацки, Ленин – по-мужицки, по-солдатски. Плоды этой политики, мужицкой и солдатской, мы теперь расхлебываем» (там же, стр. *73).*

В ответ на тезис Ленина, что подписание мира сохранит Советскую Росию, как очаг мировой революции, Рязанов резко обвинил Ленина и его сторонников, во-первых, в желании укрыться под защитой немецкого штыка, не имея права пропагандировать такую революцию, во-вторых, в открытой лжи в своих предыдущих декларациях. Вот эти слова Рязанова: желание сохранить Советскую Россию как очаг революционной пропаганды для международного пролетариата «есть желание устроить в России "келью под елью", под защитой германского штыка. Вот перед вами декларация прав трудящихся и эксплуатируемых народов (она опубликована 17 января 1918 г. – А. А.), о которой т. Свердлов в Учредительном собрании говорил, что она будет заменять декларацию прав Великой Французской революции. Дайте себе труд прочесть эту бумажку и спросить себя: сколько раз вы лгали» (там же, стр. 75).

Рязанов (этот человек долгие годы был директором Института Маркса, Энгельса, Ленина при ЦК) кончил свою речь так:

«Ленин готов отступать, отступать и отступать, даже тогда, когда Троцкий хватает его за фалды.

Я скажу, что этому отступлению есть предел. Я не скажу, что измена и предательство» (стр. 76), но отрицая измену, он намекал на нее.

О пределе, дальше которого нельзя пойти, говорил и Троцкий. Он говорил, что для него этот предел наступит тогда, когда немцы потребуют заключения мира с Украинской радой, а ЦК и правительство должны дать гарантию, что до этого предела они не дойдут (стр. 72). На это Свердлов, сторонник капитуляции, ответил так:

«Вчера в ЦК т. Троцкий предложил нам соответствующую резолюцию о том, что мир с Винниченками (т. е. с Украинской народной республикой. – А. А.) недопустим. Но мы ее отвергли. Мы не признали невозможным и мир с Винниченко» (стр. 80). (Интересно, что этот протокол заседания ЦК от 6 марта числится в списке

«ненайденных», ибо иначе невозможно было бы обвинять Троцкого, что это он виноват в том, что мирная делегация Украинской рады во главе с Голубовичем в Брест-Литовске была признана, тогда как ее признал ЦК во главе с Лениным.)

Очень смелым, многозначительным, раскрывающим связь между немецким курсом на разложение большевиками русской армии и политикой капитуляции Ленина сегодня было выступление видного деятеля партии Оболенского (Осинского). Он заявил, что еще во время контрнаступления немцев летом 1917 года на Рижском фронте «немцы, несомненно, имели абсолютную возможность раздавить русскую революцию, точно так же, как русскую армию. Почему они не сделали этого?

Потому, что они рассчитывали достичь своих целей еще более легким способом: они дожидались внутреннего разложения... ожидали победы партии мира, которой они считали большевиков» (стр. 82).

Почему же тогда немцы наступают после победы такой «партии мира»? Оболенский имеет ответ: советская власть оказалась в глазах германского империализма «совершенно неработоспособной с его точки зрения, совершенно неспособной заключить с ним ту сделку, которая была нужна» (стр. 82-83). Он закончил: «Все те обещания, которые дает т. Ленин, являются совершенно пустыми речами» (стр. 85).

Коллонтай решительно выступила против капитуляции и закончила речь возгласом «Да здравствует революционная война!», вызвавшим аплодисменты в зале.

Из сторонников Ленина, членов ЦК, выступили, кроме Свердлова, еще Зиновьев, Сокольников, Смилга, Сергеев. Они, в основном, повторяли аргументы Ленина.

По данному, столь судьбоносному для власти Ленина вопросу Сталин не обмолвился ни одним словом в пользу мира. Это было очень странно и загадочно. Такое поведение Сталина даже в сталинской историографии осталось без объяснения. Мы уже видели определенные колебания в позиции Сталина во время обсуждения вопроса о мире на заседаниях ЦК, хотя голосовал он за Ленина. Опубликован один документ ЦК от 13 мая 1918 года, который проливает, может быть, некоторый свет на поведение Сталина. 13 мая 1918 года на заседании ЦК, через два месяца после VII съезда, обсуждались «Тезисы о современном политическом положении» Ленина. По вопросу о внешней политике там сказано:

«Внешняя политика советской власти никоим образом не должна быть изменяема. Наша военная подготовка еще не закончена, и потому общим лозунгом остается по-прежнему: лавировать, отступать, выжидать...» (Ленин, Сочинения, 4-е изд. т. 27, стр. 325). В примечании к этим тезисам в протоколе VII съезда сказано: «13 мая тезисы обсуждались на заседании ЦК партии. За тезисы Ленина голосовали все, кроме Сокольникова и Сталина» («VII съезд РКП(б)», стр. 229).

Однако вернемся к съезду.

В заключительном слове Бухарин сказал, что основной вопрос, на который нужно дать ясный ответ, сводится к следующему: возможно ли теперь с нашей стороны ведение войны? Когда Бухарин указал, что его сторонники отвечают на этот вопрос

«возможно», а сторонники Ленина – «невозможно», то Ленин крикнул с места: «Возможно!» Эта реплика Ленина дала повод Бухарину поставить другой вопрос:

«Если эта война возможна в ближайшем будущем, то нужно спросить сторонников того течения, которое представляет Ленин, на чем же в конце концов они базируют свою позицию? Ведь как раз центральный пункт ваших аргументаций, всех ваших речей, резолюций и выступлений, митинговых и съездовских и всяких иных заявлений в том, что сейчас, в силу объективных причин, при разложении армии, при современном состоянии продовольственного дела, при развале транспорта и пр. войну вести мы не можем» (там же, стр. 101-102).

В своем заключительном слове Ленин остановился на речах Рязанова, Радека, Бубнова, Урицкого, Троцкого и Бухарина. Рязанову он ответил, что Рязанов прав, когда утверждает, что «Ленин уступает пространство, чтобы выиграть время» (стр. 109). Утверждение Урицкого, что мир с немцами есть «Каносса», «предательство» – все это взято Урицким из левоэсеровской критики (стр. 110-111). Обращаясь к Троцкому, Ленин сказал, что Троцкий требует от него обещания не подписать мира с Украинской народной республикой (Радой), но он, Ленин, «ни в коем случае такого обязательства на себя не возьмет… Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя» и, обращаясь к съезду, Ленин добавил, если вы думаете иначе, «тогда отдавайте посты Троцкому и другим» (стр. 112). Слабым и малоубедительным был ответ Ленина Бухарину. На резко поставленный вопрос – возможна ли в ближайшем будущем война, Ленин ответил «диалектически»: «возможна, а сейчас надо заключить мир. Тут никакого противоречия нет» (стр. 110)*.

* Вместе с докладчиками за мир выступили 9 делегатов, против мира – 11 делегатов. И все-таки победили сторонники мира. Но тут секрет победы очень простой – Ленин по испытанному методу организовал (а не созвал) съезд из большинства сторонников своей линии (так постоянно поступал впоследствии и Сталин). На этот факт уже обратил внимание Бухарин в своем докладе, когда заметил, что сторонники мира «имеют на этом съезде громадное большинство» (там же, стр. 39).

Закончились доклады, заключительные слова и прения. Приступили к голосованию – резолюция Ленина о ратификации мира была принята большинством: 30 голосов – за, против – 12, воздержалось – 4 (там же, стр. 175).

Когда начали обсуждать добавления и поправки, то острые споры разыгрались вокруг тактики Троцкого в Брест-Литовске, которая была выражена в формуле «ни войны, ни мира». Были внесены три резолюции:

Резолюция Крестинского: «Тактика неподписания мира в Бресте была совершенно правильной тактикой».

Резолюция Зиновьева: «Съезд приветствует брестскую советскую делегацию за ее громадную работу в деле разоблачения германских империалистов, в деле вовлечения рабочих всех стран в борьбу против империалистических государств» (стр. 131).

Резолюция Зиновьева, за спиной которого стоял Ленин, дипломатически обходила вопрос о правильности или неправильности тактики Троцкого. Угадав смысл маневра резолюции Зиновьева, Троцкий заявил, что в Бресте он вел тактику, одобренную большинством ЦК, что подтвердил и сам Зиновьев (Зиновьев: «Троцкий по-своему прав, когда сказал, что действовал по постановлению правомочного большинства ЦК». – Стр. 134-135).

Когда проголосовали обе эти резолюции, создалась совершенно путаная картина: за резолюцию Крестинского голосовало 15 делегатов, против – 4; за резолюцию Зиновьева – 20, против 3. Поэтому председательствующий Свердлов объявил обе резолюции принятыми, что вызвало протест Зиновьева.

Чтобы внести полную ясность и заставить своих противников раскрыть карты, Троцкий внес собственную резолюцию, осуждающую Троцкого: «Съезд считает заявление нашей делегации о неподписании мира ошибочным» (стр. 133). После бурных дебатов, резолюция Троцкого, резолюция об осуждении его тактики в Бресте, была отвергнута съездом (стр. 137), а была принята более или менее каучуковая резолюция Зиновьева. Ленин, который в заключительном слове говорил, что «тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан» (стр. 111), теперь, во время дебатов вокруг тактики Троцкого, не сказал ни слова. Не мог он опровергнуть и заявление Троцкого, что в ноябре 1917 года с немцами можно было заключить мир на лучших условиях, но «все, в том числе и т. Ленин, говорили: «Идите и требуйте от немцев ясности в формулировках, уличайте их, при первой возможности оборвите переговоры и возвращайтесь назад» (стр. 66).

Чтобы закончить с темой Брестского мира, важно ответить на следующие вопросы:

1. Существовала ли реальная опасность, что немцы дойдут в своей политической программе ведения войны до требования свержения большевистской власти, а в своей военно-захватнической программе до оккупации Центральной России?

2. Была ли правильной оценка Ленина состояния боеспособности немецкой армии, его вера в то, что она бесконечно может наступать («этот зверь прыгает сильно»)?

Теперь мы располагаем огромной исторической документацией, – немецкой, англосаксонской, французской, советской, – чтобы удовлетворительно ответить на эти вопросы. Скрытые факторы и тайные замыслы военно-политической стратегии, как и тайная война разведывательных центров участников первой мировой войны теперь в значительной мере уже раскрыты, изучены, доступны для анализа, сравнения, выводов (особенного внимания заслуживают здесь такие фундаментальные немецкие труды, как многотомная работа "Die Ursachen des deutschen Zusammenbruches im Jahre 1918", изданная после первой войны в Берлине, и "Ursachen und Folgen", изданная в Западном Берлине после второй мировой войны). Чтобы ответить на вышепоставленные вопросы, нет никакой необходимости предпринимать широкую историческую экскурсию в дебри

той эпохи. Главный критерий всех критериев – *время* показало, что Ленин абсолютно ложно оценил материально-военные возможности Германии, переоценил ударную, наступательную силу ее армии, совершенно недооценил не только возможности организации новой (революционной) оборонительной войны со стороны России, но и сделал грубые просчеты в отношении неизбежности победы стран Антанты над Четверным союзом, особенно с тех пор, как Америка вступила в войну.

Между тем, сами руководители германской армии, не говоря уже о германском правительстве, уже в то время, когда Ленин вел переговоры о капитуляции, пришли к убеждению, что вести победоносную войну они не в состоянии. Изданы воспоминания графа Чернина, австро-венгерского представителя в Бресте, который писал, что если бы хватило сил, немцы вели бы не переговоры, а начали бы наступление на Петроград. Цитируя Чернина, Троцкий пишет: «10 февраля делегации Германии и Австро-Венгрии пришли к заключению: «состояние, предложенное Троцким должно быть принято»... Кюльман, по словам Чернина, с полной уверенностью говорил в Бресте о необходимости принять мир де факто. Один генерал Гофман выступил против этого» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 114).

Такой авторитетный свидетель, как генерал Людендорф еще по свежим следам войны (его книга вышла в 1919 г.) писал, что в начале 1918 года задача германского командования сводилась лишь к тому, чтобы не дать большевикам организовать новый восточный фронт и поэтому нанести им короткий, сильный удар, но, добавляет он, «о широкой операции не могло быть и речи» (Erich Ludendorff, "Meine Kriegserinnerungen", Berlin, 1919, S. 447). Тот же Людендорф, оберквартирмейстер главной квартиры, глава крайне правой военной клики, пишет, что он был против уничтожения России, как государства. После последнего наступления 18 февраля Германия ставила только такие условия мира, которые «избегали всякого вмешательства во внутриполитическую и хозяйственную жизнь России и не навязывала ей ничего, что не было бы совместимо с честью независимого государства и что поработило бы его жителей... Поучительно сравнить мир, который тогда получила Россия, с тем миром, который она *могла* бы получить» (там же, стр. 450). Генерал делает два очень важных сообщения, почему большевики так спешили заключить с немцами мир. Во-первых, говорит он, там, куда наша армия приходила, «население чувствовало себя освобожденным от большевизма» (стр. 452), во-вторых, сперва большевики были не прочь, при упорствовании немцев, вместе со странами Антанты продолжать войну (это мы уже видели выше), но «как только советское правительство увидело, что Антанта хочет его свергнуть и поставить у руля другое правительство, от которого она ждет проявления больших усилий для ведения войны, то оно (советское правительство) отвернулось от Антанты и повернулось к Германии, чтобы укрепить власть внутри страны» (стр. 459).

Как уже указывалось, немцам как раз нужна была партия капитуляции на Восточном фронте, чтобы сосредоточить потом все свои главные силы на опасном Западном фронте. Сохранился чрезвычайно интересный документ германского министерства иностранных дел по вопросу о том, как Германия относилась к возможности

образования в России другого, демократического правительства вместо большевистского. Это письмо заместителя государственного секретаря из Берлина 9 января 1918 года государственному секретарю Кюльману, который находился на переговорах с Троцким в Брест-Литовске. В письме сообщается, что к германскому послу в Стокгольме обратился социалист-революционер, который передал послу содержание письма лидера с.-р. Чернова. В этом письме представитель партии Чернова рисует массовый красный террор, при помощи которого большевики держатся у власти, но *недалеко* время, когда вся страна отвернется от Ленина и тогда спасение России – на путях Учредительного собрания. Партия Чернова предлагает немцам отказаться от своей ставки на вероломных большевиков и заключить честный и продолжительный мир с демократической Россией. Информируя обо всем этом, заместитель государственного секретаря заключает свое письмо: «Если ваше превосходительство одобрит, я намереваюсь сообщить ему (представителю партии социалистов-революционеров. – А. А.), что в данное время мы, к сожалению, не в состоянии связаться с другими русскими партиями, так как мы ангажированы для переговоров с большевиками. Пожалуйста, телеграфируйте вашу точку зрения». Кюльман ответил: «Я согласен» (Germany and the Revolution in Russia. 1915-1918. By Z. A. B. Zeman, p. 113-115). И это было в те дни, когда Троцкий, грубо прервав переговоры, крикнул: «Ни войны, ни мира!», «Да здравствует пролетарская революция в Германии!»

Общеизвестна немецкая националистическая легенда об «ударе в спину» ("Dolchstofilegende"), согласно которой немцы выигранную на поле битвы войну проиграли из-за революции в тылу. Когда национал-социалисты приходили ко власти, эта легенда сыграла роль великой взрывной силы для мобилизации ярости нации, которая беззаботными отцами Версаля из-за ошибок правителей была унижена, оскорблена и выключена из европейской семьи равноправных. Собственно, там, в Версале, и были посеяны зерна того ужасного урожая людских черепов (50 миллионов!), который человечество собрало в конце второй мировой войны. Ставка большевиков – и правых во главе с Лениным, и левых во главе с Бухариным – тоже била в ту же точку: выиграть войну, организовав революцию в Германии. Однако Ленин был нетерпелив и подвержен колебаниям. Он как бы не верил в собственную веру о неизбежности германской революции. Эта вера казалась иной раз настолько невероятной, что он был готов договориться с генералами кайзера на условиях в «сто раз хуже» (Ленину никто не задавал вопроса – что значит мир, который был бы в «сто раз хуже» Брестского мира?).

В то время, когда Ленин до невероятности преувеличивал общую мощь Германии и непобедимость ее *армии,* сами руководители германской армии считали, что они войну уже фактически проиграли. Мы уже цитировали свидетельство Людендорфа о вынужденной ограниченности масштаба операций немецкого восточного фронта, а также его свидетельство, что Германия и не ставила перед собою цели оккупировать этнографическую Россию, да она и не могла ее ставить из-за внутреннего катастрофического положения. Многочисленные исследования, монографии, книги

написаны немецкими историками и публицистами на эту тему. Здесь сошлемся на самое последнее немецкое свидетельство – на мемуары предпоследнего рейхсканцлера Веймарской республики Брюнинга. Брюнинг вспоминает: когда он говорил генералу Шлейхеру, что в начале первой мировой войны построение боевого порядка (Aufmarsch) немецкой армии было чудесным, хотя война была проиграна из-за способа самого построения, – генерал Шлейхер сказал: «Я говорил еще 26 марта 1918 года, что наше дело давно уже потеряно» (Воспоминания Брюнинга, Der Spiegel, Mr. 45, 2.XI.1970, S. 196). Заметьте, что генерал так думал через три недели после капитуляции Ленина и выигрыша войны против России, в результате которого к немцам переходили так нужные им резервы стратегического сырья и снабжения (хлеб, мясо, уголь, металл Украины), а их дивизии на Востоке освобождались для переброски на Западный фронт.

Еще более значительно, а как исторический документ исключительно важно, свидетельство начальника Генерального штаба Германской армии фельдмаршала Гинденбурга в изложении того же Брюнинга. Брюнинг говорит, что, когда он в 1932 году, будучи рейхсканцлером, начал доказывать Гинденбургу, тогда президенту Германии, что при правильном обращении можно было бы удержать солдат в 1918 году от бунта против кайзера, то старик отрицательно покачал головой и заявил: «Нет... Я знал еще в феврале 1918 года, что война уже проиграна. Однако я хотел дать Людендорфу еще раз шансы» (там же, стр. 178). Как эти свидетельства, так особенно подтверждающие их последующие события, приведшие к революции в ноябре 1918 года и капитуляции Германии на Западе, показали, что только одному Ленину Германия была обязана возможностью сопротивляться на Западе еще восемь месяцев после Бреста.

Ученики Ленина приписывают ему задним числом политическую мудрость и прозорливость в деле предвидения ноябрьской революции 1918 года в Германии, между тем, именно из-за капитуляции Ленина она произошла с запозданием на несколько месяцев. История с абсолютной очевидностью доказала, что в прогнозе событий, как и крушения Германской империи, правы оказались не Ленин, даже не Троцкий, а Бухарин и Гинденбург. По иронии судьбы, Ленина избавили от Брестского сепаратного мира, а России вернули потерянные ею территории как раз те бывшие русские союзники, которым Ленин так вызывающе изменил: Франция, Англия и Америка.

Хотя Милюков писал, что одно время у немцев было намерение свергнуть большевистское правительство, опираясь на русских офицеров («Россия на переломе», т. И, 1927, Париж), но большевистский официальный историк в этом сомневается. Наоборот, он констатирует: «Даже 6 июля, когда левые эсеры убили германского посла Мирбаха, немцы не ввели своих солдат в Москву, как первое время грозили, и ограничились увеличением штата посольства до 300 человек» (БСЭ, 1-е изд. т. 7, стр. 461).

Кайзеру нужны были не Милюков с Черновым, тем более, не Деникин с Колчаком, а ему нужен был любой ценой капитулянт Ленин.

В конце шестидесятых годов в СССР начали издавать серию книг-документов

«Советско-германские отношения». Документы подобраны, конечно, однобоко, тенденциозно, чтобы доказать величие и прозорливость Ленина и близорукость и ничтожество его противников в спорах о заключении Брест-Литовского сепаратного мира. Несмотря на такой однобокий «классовый подход», все же в первый том названной серии попали и некоторые документы из немецкой публикации, которые как раз опровергают то, что большевистские историки считают доказанным. Эти немецкие документы 1918 года довольно красноречиво рисуют, с одной стороны, внутреннее положение самой Германии в начале 1918 года, с другой, отношение правительства и Верховного главнокомандования к вопросу о судьбе большевистского режима в России.

На совещании 5 февраля 1918 года в имперской канцелярии в Берлине, в присутствии рейхсканцлера Гертлинга, статс-секретаря Кюльмана, австрийского министра Чернина, фельдмаршала Гинденбурга, генерала Гофмана и др., глава военной партии Людендорф, настаивая на наступлении, все же признавал, что если начались бы новые военные операции, то «последние, правда, осуществлялись бы медленно, учитывая снег, плохие дороги и недостаточную обеспеченность тягловой силой» («Советско-германские отношения», т. I, Москва, 1968, стр. 289). Кюльман на том же совещании предпочитал заключить с Троцким мир, ибо: «Заключение мира даже с Троцким было бы все же выигрышем как по отношению к Антанте, так и ввиду положения у нас самих» (там же, стр. 290).

В тот день, когда Троцкий демонстративно отверг немецкие условия, – 10 февраля 1918 г. – рейхсканцлер писал в телеграмме к кайзеру, что «народ считает, что интересы Германии требуют заключения мира», указывая одновременно, что затягивание заключения мира может вызвать новые демонстрации, забастовки, и все это приведет к тому, что «мы не будем иметь на нашей стороне большинство народа и парламента, так что я не хотел бы взять на себя ответственность за возможный исход такого положения» (там же, стр. 315).

На совещании под председательством кайзера от 13 февраля, созванном для обсуждения положения после заявления Троцкого «ни войны, ни мира» в ответ на требование Людендорфа «закончить войну по-военному», начальник Главного военно-морского штаба Гольцендорф с той же определенностью военного языка ответил своему коллеге: «Нет никаких шансов, что скоро будет одержана победа и что высвободившиеся войска могут быть использованы на Западе» (там же, стр. 325-326).

Решение, принятое на этом совещании, говорит о возобновлении военных действий после истечения срока перемирия (согласно условиям перемирия, он истекал через семь дней после его расторжения одной из сторон – поскольку заявление Троцкого от 10 февраля немцы квалифицировали как такое расторжение, то военные действия могли начаться только после 17 февраля). Но очень важно констатировать, что и в этом случае немцы ставят перед собою только ограниченные военные цели, скорее тактические, чем стратегические. Сообщая решения совещания директору отдела печати ведомства иностранных дел, заместитель статс-секретаря фон Радовиц писал: «По истечении срока перемирия должны быть предприняты военные операции,

преследующие цель восстановить порядок и спокойствие в районах, примыкающих к оккупированным нами областям... Операции должны служить обеспечению наших границ таким образом, чтобы их можно было охранять с помощью небольших контингентов войск, высвободив тем самым войска для Запада» (там же, стр. 329).

То же самое можно констатировать и в отношении их политических целей – немцы были не только за сохранение у власти большевиков, но и против того, чтобы поддерживать какое-либо антибольшевистское движение в России.

После этого длинного исторического отступления вернемся снова к съезду.

Доклады по вопросу о новой программе партии сделали те же первые докладчики: Ленин – доклад, а Бухарин – содоклад. Принципиальных разногласий ни между докладчиками, ни между выступавшими в прениях не было. Некоторые разно-речия вызвали два вопроса – о переименовании РСДРП(б) в Российскую коммунистическую партию большевиков /РКП(б)/ и о характеристике социализма (коммунизма) на почве отмирания государства. Вопрос о переименовании партии был поставлен еще в «Апрельских тезисах» 1917 года. Ленин мотивировал свое предложение так: «Вместо "социал-демократии", официальные вожди которой во *всем* мире предали социализм, перейдя к буржуазии..., надо назваться *Коммунистической партией»* (Ленин, 4-е изд. т. 24, стр. 6). На съезде Ленин обосновал это предложение еще двумя аргументами – во-первых, Маркс и Энгельс тоже называли свою партию коммунистической (знаменитый «Манифест коммунистической партии»), во-вторых, термин «коммунистическая» вместо «социал-демократическая» не только более точен в научном отношении, но одновременно указывает и на конечную цель партии (строительство коммунизма). Кроме того, Ленин считал, что название «социал-демократ» испачкано лидерами II Интернационала и что он отныне хочет бросить эту «старую грязную рубашку». Наиболее резко против Ленина выступил видный деятель партии Стеклов. Он сказал, что «решительно протестует против перемены названия и предлагает оставить наше старое славное название РСДРП», добавив в скобках слово «коммунисты» вместо случайного слова «большевики». Когда проголосовали два предложения, Ленина и Стеклова, Ленин получил большинство голосов, тем более, что Бухарин поддержал Ленина («VII экстренный съезд РКП(б)», стр. 156-158).

Ленин еще в своих работах об империализме до революции 1917 года настойчиво доказывал, что каждая большая война обязательно является источником пролетарской революции. В своем докладе о программе партии уже в условиях победы коммунистической диктатуры в России Ленин считал нужным напомнить партии эту свою доктрину и ввести ее в новую программу. Ссылаясь на работы Энгельса в 1887 году, Ленин говорил:

«В отличие от людей, которые искажают марксизм... что на почве разрухи социализма не может быть, Энгельс понимал превосходно, что война всякая, даже во всяком передовом обществе, создает не только разруху, одичание, мучения, бедствия в массах, которые захлебнутся в крови, что нельзя ручаться, что это поведет к социализму, он говорит, что это будет: «либо *победа рабочего класса, либо создание*

условий, делающих эту победу возможной и необходимой», и что война создает условия, чтобы пролетариат «взял в свои руки власть» (там же, стр. 140).

Как известно, коммунистическая партия Китая и сегодня последовательно проповедует эту доктрину Ленина о связи между большой войной и коммунистической революцией в отличие от КПСС, которая после XX съезда проявляет колебания и делает зигзаги в данном вопросе (и это понятно, ибо результатом термоядерной войны, вопреки оптимизму Пекина, была бы не революция, а самоуничтожение человечества).

Серьезное расхождение между Лениным и Бухариным вызвало предложение Бухарина дать определение социализма (коммунизма), а именно в том смысле, как этот строй, который чают коммунисты, будет выглядеть на практике. Далее, поскольку с победой социализма (коммунизма) отмирает государство, то зафиксировать в программе темпы процесса отмирания государства. Ленин отвел эти предложения. Он не поддался соблазну фантазировать о будущем социалистическом обществе, во имя которого, собственно, и была захвачена власть. Насколько он высоко ценил власть, настолько же он мало ценил ее социальные последствия. Но в одном отношении Ленин фантазировал охотно – это о судьбе советского государства. Сегодня, читая ленинскую фантазию на этот счет, просто удивляешься, до каких нелепостей мог договориться такой мастер революции. Вот, что говорил Ленин, возражая Бухарину:

«Когда еще государство начнет отмирать? Мы до тех пор успеем больше, чем два съезда собрать (съезды собирались тогда по Уставу ежегодно. – А. А.), чтобы сказать: смотрите, как наше государство отмирает» (там же, стр. 162).

Эта ленинская фантазия, основанная, конечно, на высказываниях Маркса и особенно Энгельса, в КПСС считалась официальной догмой, пока такой трезвый мастер власти, как Сталин, не выкинул ее за борт. Неподражаемый «диалектик», Сталин в 1933 году заявил ясно и недвусмысленно:

«Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление» (Сталин, «Вопросы ленинизма», 1947, стр. 394).

К концу прений Ленин предложил поручить Центральному комитету разработать окончательный текст новой программы. Съезд не принял этого предложения, а предпочел создать специальную программную комиссию от имени съезда. Было решено создать комиссию из семи человек. Когда в числе кандидатов в комиссию было названо имя Сталина, то член ЦК Урицкий дал ему отвод, мотивируя тем, что ему неизвестны какие-либо программные статьи Сталина, и предлагал вместо Сталина включить в комиссию Карла Радека. Председательствующий Свердлов, который со Сталиным всегда находился в натянутых отношениях, тем не менее, поддержал кандидатуру Сталина, заявив, что Сталин является автором статей по национальному вопросу. Были выдвинуты 9 человек. Результаты голосования интересны как показатели популярности каждого из лидеров партии как теоретиков партии.

Голосовало:

за Ленина – 37

за Троцкого – 37

за Бухарина - 36
за Смирнова - 32
за Зиновьева - 30
за Сокольникова – 25
за Сталина – 21
(«VII съезд РКП(б)», стр. 163)

Эта семерка и была избрана в программную комиссию с тем, чтобы она представила свой проект VIII съезду партии в 1919 г.

Последним вопросом повестки дня съезда были выборы нового состава ЦК.

Председатель съезда Свердлов предложил сократить количественный состав членов ЦК до 15 человек. Он мотивировал это предложение тем, что старый состав ЦК был слишком громоздким (сначала 21, потом 24 человека) и что он никогда в таком составе не собирался и «уже в октябрьский период дело дошло до того, что нормой стало 9-12 человек» (там же, стр. 164). Поэтому Свердлов считал, что 15 членов ЦК является нормой «наиболее удобной». Это предложение, несомненно, исходило от Ленина и его сторонников, которые хотели обеспечить себе надежное большинство в ЦК. Но, с другой стороны, Ленин догадывался, что невключение лидеров «левых коммунистов» в ЦК может привести к расколу партии, чего он хотел избегнуть по соображениям тактическим.

Разгадав тактику Ленина, «левые коммунисты» заявили, что они в интересах создания «однородного ЦК», которого Ленин желает, вообще отказываются войти в новый ЦК. По этому вопросу с заявлениями об отказе войти в ЦК выступили Бухарин, Ломов, Урицкий. Ленин, однако, быстро заметил опасность и отступил. Он настоял на том, чтобы некоторые из «левых коммунистов», одни как члены (Бухарин, Крестинский, Дзержинский), другие как кандидаты (Ломов, Урицкий, Иоффе), были включены в ЦК даже против их воли. Ленин говорил:

«Ломов чрезвычайно остроумно сослался на мою речь, в которой я требовал, чтобы ЦК был способен вести однородную линию. Это не означает, чтобы все в ЦК имели одно и то же убеждение. Так считать, значило бы идти к расколу... Я тоже был в ЦК в таком положении, когда принималось предложение о том, чтобы мира не подписывать, и молчал, нисколько не закрывая глаза на то, что ответственности я за это не принимаю» (там же, стр. 167). Потом Ленин многозначительно добавил: «Нужно сделать попытку найти некоторую узду, чтобы вывести из моды выход из ЦК» (там же, стр. 167).

Ленин забыл, что это он, Ленин, прибегал дважды к той же «моде» угрожать выходом из ЦК, когда оставался в меньшинстве – первый раз это было 29 сентября 1917 г. (см. Ленин, ПСС, т. 34, стр. 282-283) и второй раз 23 февраля 1918 г. («Протоколы ЦК...», стр. 211). Но теперь, когда его противники прибегают к этой же «моде», то он хотел найти «узду» против них. И он ее нашел. Он внес предложение, беспримерное в практике и истории политических партий:

«По *поводу отказа «левых коммунистов» войти в ЦК.* Съезд считает, что отказ от

вхождения в ЦК при теперешнем положении партии особенно нежелателен... Поэтому съезд... производит выборы, не считаясь с этим заявлением» («VII экстренный съезд РКП (б)», стр. 178).

Предложение Ленина было принято большинством голосов. После этого приступили к голосованию списков членов и кандидатов в члены ЦК. Всего в зале было 44 делегата с решающим голосом. Из них десять делегатов отказались голосовать за Ленина и за состав ЦК, который он предложил (списки формально огласил Соловьев). Голосование производилось по запискам – было подано 39 действительных голосов и 5 недействительных голосов («белые записки»). Подсчет голосования показал следующие результаты:

Члены ЦК: Ленин – 34, Троцкий – 34, Свердлов – 33, Зиновьев – 33, Бухарин – 32, Сокольников – 32, Сталин – 32, Крестинский – 32, Смилга – 29, Стасова – 28, Лашевич – 27, Шмидт – 26, Дзержинский – 26, Владимирский – 24, Сергеев – 23.

Кандидаты ЦК: Иоффе – 24, Киселев – 20, Винтер – 20, Урицкий – 19, Стучка – 24, Петровский – 23, Ломов – 21, Шляпников – 22 (там же, стр. 170).

Таким образом Ленин сумел создать такой ЦК, в котором оппозиция хотя и была представлена, но не могла иметь решающего влияния (три человека в членском составе и три человека в кандидатском составе).

Съезд принял одно чрезвычайно важное дополнение к резолюции о войне и мире. Это дополнение и сейчас считается действующим правом партии и поэтому вошло в кодификацию резолюций КПСС 1970 г. (см. «КПСС в резолюциях», часть I, 1970, стр. 27). Вот ее текст:

«Съезд особо подчеркивает, что Центральному Комитету дается полномочие во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистскими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну» («VII экстренный съезд РКП (б)», стр. 176).

Если бы этим уникальным правом Ленин воспользовался в ту до-атомную эпоху, это еще не грозило бы гибелью цивилизации. Что же будет, если им воспользуется какой-нибудь новый диктатор КПСС в нашу термоядерную эпоху? До тех пор, пока ЦК КПСС на своем очередном или экстренном съезде не отменит это страшное решение, разговоры Кремля о «мирном сосуществовании» не могут быть признаны искренними.

Другое дополнение, хотя и внесенное Лениным, находилось в кричащем противоречии с главными принципами его учения о партии. Это дополнение гласило, что группа «левых коммунистов», даже оставаясь в составе ЦК, может иметь свою собственную позицию и не нести ответственности за линию ЦК («КПСС в резолюциях», ч. I, 1954, стр. 406). Так была впервые в истории большевизма легализована свобода мнений не только в партии, но свобода мнений и, главное, свобода фракций или групп в составе самого ЦК.

Только через два года – в 1921 году на X съезде – Ленин, поняв, какую катастрофическую оплошность он допустил здесь, как раз в сердцевине собственной доктрины о дисциплине и монолитности партии, исправил свою ошибку. Более того. Он ввел в партии перманентное осадное положение, которое существует и поныне.

В ответ на принятие сепаратного мира левые эсеры вышли из состава советского правительства. Старый офицерский корпус на юго-востоке и в Сибири поднял знамя борьбы за освобождение России от немцев и большевиков. Началась гражданская война. Создалась Белая добровольческая армия, во главе которой стали сначала Алексеев, Корнилов, а потом Деникин, Колчак, Юденич, Врангель...

Все политические партии России от эсеров, меньшевиков, кадетов и до монархистов выступили против беспримерно позорной капитуляции России со времен Ивана Грозного.

Какое же было отношение кайзеровской Германии к начавшейся гражданской войне? Разумеется, она была на стороне большевиков.

Через четыре месяца после заключения Брестского мира, в разгаре гражданской войны – 2 июля 1918 года – под председательством Вильгельма II происходит совещание высших политических и военных руководителей Германии, посвященное тактике и политике Германии в русской гражданской войне. Докладчиком по данному вопросу выступает тот же Людендорф. Он говорит, что «позиция большевиков сильно ослаблена, а влияние монархических элементов значительно выросло. Следует считаться с возможностью переворота в любой момент». К этой оценке присоединяется рейхсканцлер, подчеркивая, что он сомневается, чтобы монархисты признали Брестский договор. Грозная дилемма для Германии становилась все явственнее – кого поддерживать в этой исторической схватке: большевиков или «монархистов» (монархистами немцы тогда считали всех русских антибольшевиков). Монарх Вильгельм и монархист Людендорф, при всей своей глубокой ненависти к большевизму, все-таки сделали выбор против монархистов в пользу большевиков. Совещание приняло точку зрения Людендорфа, которая гласила: «Если даже монархисты и представляют собою сторонников порядка (Ordnungselemente), *мы все-таки не должны предпринимать попыток свергнуть в настоящее время большевиков"* («Советско-германские отношения», там же, стр. 567).

Насколько такая позиция поддержки большевиков оказалась прочной и далеко рассчитанной политикой, показало убийство германского посла в Москве Мирбаха 6 июля 1918 г. Даже в этом случае Берлин ограничился требованием о введении в Москву батальона немецких солдат для охраны германского посольства. Советский посол в Берлине Иоффе, по поручению Ленина, легко убедил имперское правительство, что такая мера привела бы к свержению большевиков, тем более, что в Москве левые эсеры уже подняли восстание против большевиков, а главнокомандующий Восточного фронта эсер Муравьев отдал приказ о движении войск на Москву против режима Ленина. Немцы взяли обратно свое требование. Ленин был второй раз спасен немцами.

Здесь надо немного остановиться на судьбе тех, кто проложил большевикам дорогу к власти – на судьбе левых эсеров. Более грозным врагом для Ленина после захвата власти были не меньшевики, а эсеры – идеологи русского крестьянства. В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс рассматривали крестьянство как реакционную силу. Такое же было отношение к крестьянству и у раннего Ленина. Но

революция 1905 года убедила его, что крестьянство представляет собою весьма взрывчатый класс, умелое использование которого может привести его к власти. Никто так не боялся успехов «аграрных реформ» П. А. Столыпина, как Ленин. Ленин хорошо понимал, что крестьянство перестанет быть взрывчатой силой революции, если Столыпину удастся превратить его из малоземельного бунтаря-общинника в обеспеченного собственника на собственной земле. Ленин не без злорадства отмечал скромность успехов Столыпина (из-за оппозиции как реакционеров, так и революционеров). Использование частнособственнического, мелкобуржуазного инстинкта крестьян для революции против всякой частной собственности – такова цель Ленина.

Исходя из этого, Ленин и разработал доктрину рабоче-крестьянской революции «при гегемонии пролетариата». В интересах такой революции надо поддерживать самые антикоммунистические требования крестьянства, но Ленин не забывает, как и Маркс, что он имеет дело с реакционной силой. Вот почему Ленин писал еще в разгаре первой русской революции:

«Мы сначала поддерживаем до конца, всеми мерами, до конфискации (земли помещиков. – А. А.), – крестьянина вообще против помещика, а потом... мы поддерживаем пролетариат против крестьянина вообще» (Ленин, 4-е изд., т. 9, стр. 213).

Идеал аграрной программы Ленина – это «национализация земли», в то время, как эсеры проповедовали «социализацию земли», то есть передачу земли в руки местных крестьянских комитетов для раздела среди крестьян (меньшевики требовали «муниципализации земли»).

Февральская революция убедила большевиков в бесперспективности их лозунга «национализации земли». На I Всероссийском съезде крестьянских Советов в июне 1917 года не присутствовал ни один выборный большевистский депутат. Весь съезд прошел под знаменем и руководством партии эсеров. Быстро сориентировавшись в обстановке, Ленин на этом съезде по существу держал проэсеровскую речь, а через три месяца – на II съезде Советов в дни Октябрьского переворота совершил, как мы уже указывали, беспримерный в истории политических партий плагиат: он предложил II съезду от имени ЦК партии большевиков аграрную программу ЦК партии эсеров. Поэтому II съезд Советов голосами большевиков и эсеров санкционировал и переворот большевистской партии.

Принятие Лениным эсеровской аграрной программы лучше всего характеризует тактическую гибкость ленинизма, граничащую с беспринципностью в идеологии, когда этого требуют интересы захвата власти. Еще до Февральской революции Ленин писал, что «программа (эсеров. – А. А.) есть нечто абсолютно безжизненное, внутренне противоречивое» (Ленин, 3-е изд., т. VIII, стр. 257), *«Партия социалистов-революционеров лишена всякого социального базиса. Она не опирается ни на один общественный класс»* (там же, т. V, стр. 132), «партия эсеров есть в сущности не что иное, как фракция буржуазной демократии... эклектически соединяющая новейший

оппортунизм и стародедовское народничество» (там же, стр. 362).

В дополнение к Ленину Большая Советская Энциклопедия лапидарно засвидетельствовала: «Еще перед Великой Октябрьской социалистической революцией социалисты-революционеры стали *контрреволюционной буржуазной партией* – (БСЭ, 1-е изд., т. 52, стр. 289).

Вот у этой «контрреволюционной буржуазной партии» Ленин не только берет всю аграрную «контрреволюционную» программу без единой большевистской поправки, но еще защищает ее против тех, кто критиковал большевиков за столь «открытый дневной грабеж» Лениным эсеров, как об этом писал Н. Суханов.

Выступая с докладом «Декрет о земле» 26 октября 1917 года, Ленин сказал: «Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен… В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы, – не в этом суть» (Ленин, 3-е изд., т. XXII, стр. 23).

Суть в том, что Ленин убедился, что дорога к власти лежит через принятие программы «контрреволюционной буржуазной партии» эсеров.

Если изворотливость Ленина, капитулирующего идеологически, чтобы выиграть политически, вполне объяснима, то поражает беспомощность и примитивизм партийных историков, когда надо объяснить, почему же Ленин не только принял аграрную программу этой эсеровской «контрреволюционной буржуазной партии», но еще составил с нею коалиционное советское правительство (ноябрь 1917-март 1918). (По вопросу об отношении к большевистскому перевороту партия эсеров раскололась в ноябре 1917 года на две партии – на партию эсеров во главе с Виктором Черновым и партию левых эсеров во главе с Марией Спиридоновой). Конечно, со стороны Ленина это не было браком по любви и даже браком по расчету. Он был, как мы это видели, навязан ему правым крылом ЦК во главе с Каменевым, Зиновьевым, Рыковым, Ногиным. Ленин с самого начала стоял на точке зрения создания однопартийной власти. Вынужденный на компромисс, он ждал удобного момента, чтобы выбросить левых эсеров из своего правительства. Этого ему не пришлось делать. Левые эсеры сами вышли из правительства, когда Ленин заключил Брестский сепаратный мир. Но они остались в Советах как во ВЦИК, так и на местах. Не только остались, но и начали значительно укреплять свои позиции в местных Советах. В выборах на V Всероссийский съезд Советов (июль 1918 г.), несмотря на монополию однопартийной диктатуры большевиков в местных исполкомах, несмотря на высокое искусство политической демагогии большевистской пропагандной машины, несмотря на все трюки и фальшивки, к которым эта машина прибегала, из 1164 делегатов V съезда большевиков или им сочувствующих оказалось 773 человека, остальные делегаты распределялись так: левых эсеров – 370 человек, меньшевиков-интернационалистов – 4, анархистов – 4, других беспартийных или партийных антибольшевиков – 13. На таком съезде Ленин не мог все же чувствовать себя полным хозяином. Когда фракция левых эсеров внесла резолюцию, осуждающую внешнюю (сепаратный мир, коллаборация с немцами) и внутреннюю политику (террор, введение смертной казни), большевики устроили самую

дикую обструкцию ораторов эсеров, чтобы спровоцировать уход левых эсеров из зала съезда, чего и добились (он происходил в здании Большого театра). Воспользовавшись этим, как откровенно пишет советский комментатор Ленина, съезд «"принял единогласное решение" по всем вопросам в духе большевиков» (Ленин, ПСС, т. *36,* стр. 628-629).

Дальше происходят события, которые многие историки на Западе считают «таинственными», но таинственными они кажутся потому, что ими управляет опытная рука конспиратора – рука Ленина. Конечно, пока на территории СССР существует большевистская власть, мы никогда не узнаем о деталях «таинственных событий». Но, как всегда в таких случаях, надо ставить вопрос: кому на пользу были данные события? В условиях начавшейся гражданской войны с белыми Ленину нужна была консолидация своей власти, а для этого надо было избавиться от последнего конкурента и самого опасного врага внутри Советов – от партии левых эсеров. Но ввиду все еще исключительного влияния левых эсеров среди крестьян и отчасти среди городского населения, надо было найти такой предлог, который сразу и резко упростил бы Ленину его игру с огнем. И такой предлог нашелся. Оперативный уполномоченный Чека, на котором лежали функции обеспечения безопасности дипломатического корпуса в Москве, Блюмкин убил 6 июля 1918 года германского посла в Москве графа Мирбаха. В его кармане лежало личное удостоверение, подписанное главой Чека Дзержинским, но советское правительство, не отрицая официального положения Блюмкина, объявило, однако, что он действовал по поручению левых эсеров, чтобы спровоцировать войну между Германией и Россией. Еще никакого следствия не было, кроме факта установления личности Блюмкина как сотрудника Чека, но Ленин уже на следующий день, 7 июля, «знает», что убийство совершено по поручению партии эсеров. Сохранились два документа Ленина от июля: один – интервью с газетой «Известия» (зачем такая спешка?), другой – телеграмма Сталина в Царицын. Из обоих документов хорошо видно, что убийство графа Мирбаха нужно не эсерам, а Ленину. В интервью Ленин сообщает, что «серая, безграмотная старушка, негодуя, говорила по поводу убийства Мирбаха: «Ишь, проклятые, толкнули-таки нас в войну!» Кто эти «проклятые», старушка еще не знает, но вот Ленин знает точно, даже без следствия: «Все и сразу до очевидности ясно поняли и оценили, что после эсеровского террористического акта Россия оказалась на волосок от войны. Именно так оценивали народные массы выступление левых эсеров» (Ленин, ПСС, т. *36,* стр. 519). После подавления восстания левых эсеров Я. Г. Блюмкин перешел к большевикам, в том же 1918 году послан на фронт, где вступил в партию большевиков («Who was Who in the USSR»).

Во втором документе – в телеграмме Сталину, находившемуся в Царицыне, – уже дается приказ открыть повсюду массовый террор против левых эсеров: «Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов... Итак, будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще» («Правда», 21 января 1936 г.).

Сталин ответил по-сталински: «Будьте уверены, что у нас не дрогнет рука...»

(Сталин, Сочинения, т. 4, стр. 118). В этом уверении не было надобности.*) Блюмкин убил Мирбаха 6 июля, а Ленин уже 7 июля знает, что его убили левые эсеры. Николаев убил Кирова 1 декабря 1934 года, а Сталин того же 1 декабря знает, что его убили зиновьевцы, троцкисты, бухаринцы... На XX съезде мы узнали, что Киров был убит чекистами Ягоды по заданию Сталина, по чьему же заданию чекисты Дзержинского убили Мирбаха? На этот вопрос дадут исчерпывающий ответ только позднейшие историки, но сейчас важно отметить следующее: независимо от факта, кто организатор убийства Мирбаха и каковы могли быть его мотивы, убийство в сложившихся условиях нужно было не ЦК левых эсеров, а ЦК большевиков. К тому же, в политике важны не мотивы, а последствия. Последствия не заставили себя ждать – того же 6 июля большевики арестовывают всю фракцию левых эсеров на съезде во главе со Спиридоновой. В ответ на это оставшиеся на воле левые эсеры захватили телеграф, телефонную станцию, а один из отрядов войск Чека во главе с заместителем Дзер-

*) У Сталина не только не дрогнула рука, но, пользуясь полномочием Ленина, он развернул такую вакханалию террора в Царицыне, что похоронная команда чекистов не успевала закапывать жертвы расстрельной команды. Узнав это, Ленин предложил Сталину «умерить» огонь. Вот признание, опубликованное впервые в 1970 г.: «Когда Сталин расстреливал в Царицыне, я думал, что это ошибка, думал, что расстреливают неправильно. Моя ошибка раскрылась, я ведь телеграфировал: Будьте осторожны» («Ленинский сборник», XXXVII, Москва, 1970, стр. 136).

жинского – левым эсером Д. И. Поповым (хотя левые эсеры вышли из правительства, но некоторые из них все еще оставались в командном составе армии и Чека) захватил резиденцию Чека и арестовал Дзержинского и другого его заместителя, Лациса. Ленин пригрозил расстрелом всей фракции эсеров на съезде, если Дзержинский не будет освобожден. Его освободили, но левые эсеры остались в тюрьме.

От. Брестского «похабного» мира избавили Ленина те, которым он своим сепаратным миром нанес удар в спину: западные союзники России – Франция, Англия и Америка – принудили Германию к капитуляции (произошла революция, кайзер отрекся). 13 ноября 1918 г. Москва аннулировала Брестский мир.

Глава 17
ЛЕНИН, ОППОЗИЦИИ И VIII СЪЕЗД

Советская Россия могла аннулировать Брестский сепаратный мир только в результате капитуляции Германии перед западными державами, но все же большевики считали, что капитуляция Германии «имела некоторое отрицательное значение» («История ВКП (б). Краткий курс», 1953, стр. 220). Это отрицательное значение большевики видели в том, что отныне державы Антанты превращались «в господствующую силу Европы и Азии», которые, в отличие от немцев, могут держать

курс на свержение большевистского режима. «Правительства Антанты решили начать военную интервенцию, чтобы свергнуть Советскую власть», говорится в вышецитированном сталинском учебнике (стр. 215).

Вполне разумное – свержение режима большевизма через интервенцию – большевики выдавали за вполне неизбежное. Однако державы Антанты никогда не ставили своей целью свержение господства большевиков путем новой войны.

Смертельная опасность обозначилась для режима изнутри, когда в ответ на Брестский мир в России вспыхнула гражданская война одновременно в разных районах (хотя и без руководства из одного центра) – на Севере, на Волге, в Сибири, на

Северном Кавказе, на Дону. Особенно опасными оказались две армии антибольшевиков – армия адмирала Колчака в Сибири и армия генерала Деникина на Северном Кавказе, которые медленно, но успешно двигались по направлению к Москве.

В этих условиях происходит VIII съезд партии (18-23 марта 1919), который был посвящен выработке политической и военной стратегии большевиков в гражданской войне. На съезде участвовали 301 делегат с решающим голосом и 102 с совещательным (интересно отметить, что на съезде с совещательным голосом присутствовали представители меньшевиков-интернационалистов из группы Мартова, от имени которых Лозовский выступил с приветствием к съезду).

На повестке дня съезда стояли вопросы:

1. Отчет ЦК.
2. Принятие новой программы партии.
1. Создание Коммунистического Интернационала.
5. Военное положение и военная политика.
5. Работа в деревне.
6. Организационные вопросы.
7. Выборы ЦК.

В президиум съезда были выбраны Ленин, Каменев, Зиновьев, Пятаков, Евдокимов, Смидович и Преображенский. С мест были выдвинуты еще кандидатуры Рыкова, Бухарина и Сталина. Бухарин и Рыков сняли свои кандидатуры, а Сталин не снял, но не прошел по голосованию. Троцкий не был включен в состав президиума потому, что он находился на фронте.

На этом съезде впервые участвует Каменев после своего ухода из ЦК в ноябре 1917 г. (он тогда настаивал на создании общесоветского правительства со включением туда меньшевиков и эсеров). Во время Брестского кризиса в ЦК Каменев активно поддерживал Ленина против «левых коммунистов». За это Ленин его амнистировал и даже сразу ввел в состав президиума съезда, тогда как «преданный» Сталин должен был первый раз после революции сидеть среди рядовой массы (такие «мелочи» злопамятный Сталин никогда не прощал даже Ильичу!).

В отчетном докладе ЦК Ленин еще раз подчеркнул два самых важных тезиса большевизма – это, во-первых, только война рождает революцию, во-вторых, сосуществование между демократическими странами и Советской Россией абсолютно

исключено. Ленин сказал:

«Каутский употребил выражение, что у большевиков не социализм, а милитаризм, я усмехнулся и развел руками. Точно была в самом деле в истории хоть одна крупная революция, которая не была бы связана с войной. Конечно, нет! Мы живем не только в государстве, но и в *системе государств,* и существование Советской республики рядом с империалистскими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов, либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен» («Восьмой съезд РКП (б). Протоколы», 1959, стр. 17).

Для решения этой ультимативной дилеммы в пользу большевистского режима Ленин предлагал строить и создавать мощную и дисциплинированную Красную армию при помощи «буржуазных специалистов», то есть бывших царских офицеров. Таким же образом Ленин предлагал использовать враждебную большевизму буржуазную техническую интеллигенцию для строительства коммунизма. Он говорил: «Нам... приходится руками наших врагов создавать коммунистическое общество» (там же, стр. 20).

Ленин отметил успехи большевизма на международной арене в виде создания в Москве в марте 1919 года Коммунистического интернационала. Он говорил, что засылая в тыл стран Запада бывших военнопленных оттуда, завербованных в русских лагерях для военнопленных и проинструктированных в ЦК партии, мы добились того, что «бациллы большевизма захватили эти страны целиком» (там же, стр. 24).

Последнюю часть отчета ЦК Ленин посвятил организационному вопросу. Его главная мысль по организационным делам выражена в следующих словах:

«Организационная деятельность никогда не составляла сильной стороны русских вообще и большевиков в частности, а между тем главная задача пролетарской революции, это – именно *организаторская задача»* (там же, стр. 24).

Если говорить об организационной технике конспирации большевиков на путях ко власти или о «технологии власти» после революции, то это замечание явно противоречило историческим фактам. Как раз данный VIII съезд партии сыграл выдающуюся роль в закладке основания той беспримерной в истории пирамиды власти, которая называется «диктатурой пролетариата». Если сама основа основ пирамиды – политическая полиция (ЧеКа) – была создана еще 20 декабря 1917 года, то принципы организации вооруженных сил диктатуры были утверждены на этом съезде. На этом же съезде окончательно сконструировали тот уникальный водитель диктатуры, который я называю «партией в партии», то есть иерархию партаппарата. Данный же съезд дал и всестороннее идеологическое обоснование целей и задач диктатуры (принятие новой программы партии). Здесь мы впервые присутствуем при начале того мучительного, даже трагического процесса узурпации власти партии и Советов в пользу всесильного партийного аппарата. Тем более велико было сопротивление самой партии этому процессу. До сих пор Ленин боролся за беспрекословность своего личного авторитета

внутри и во главе ЦК – теперь, после относительного достижения этой цели, он борется за беспрекословность авторитета ЦК и всей иерархии партаппарата над партией. Партия в лице ее съездов начинает оказывать этому решительное сопротивление. Выражением такого сопротивления и явились две оппозиции: одна – по организационным вопросам, другая – по военным вопросам, с которыми Ленин столкнулся на VIII съезде. «Организационную оппозицию» на съезде возглавил Н. Осинский (Оболенский), а «военную оппозицию» – В. Смирнов (оба в партию вступили в 1907 г.).

Выступая первым оратором по отчету Ленина, Осинский констатировал: «Тов. Ленин на сегодняшнем заседании ВЦИК, говоря речь, посвященную памяти Свердлова, указывал, что в эпоху резкой борьбы, осуществляя рабочую диктатуру, надо выдвигать принцип личного авторитета, морального авторитета отдельного человека, решениям которого все подчиняются без долгих обсуждений» (там же, стр. 28).

Осинский доказывал, что эта самая «философия власти» отдельной личности, выдвинутая Лениным, привела на практике к тому, что партией и страной управляла не коллегия ЦК, а отдельные «авторитетные личности». Он говорил: «У нас было не коллегиальное, а единоличное решение вопросов... Центральный Комитет, как коллегия, фактически не существовал... Вопросы решались от случая к случаю авторитетными товарищами... Нам надо добиться на этом съезде, чтобы у нас родился ЦК, который представлял бы собою товарищескую коллегию» (там же).

Организационный вопрос особо обсуждался на заседании специальной секции съезда, на котором с докладом выступил от ЦК Зиновьев, а с содокладом тот же Осинский, представлявший Московскую губернскую организацию. Зиновьев доложил точку зрения руководителей ЦК, что партия и ее органы строятся не по принципу федерации коммунистических партий советских республик (Украина; Белоруссия, Латвия, Литва), а по принципу строжайшей централизации. Центральные комитеты компартий этих республик пользуются только правами областных или губернских комитетов партии в РСФСР, причем «все решения высшей партийной инстанции абсолютно обязательны для низших» (там же, стр. 160), то есть центральные комитеты республик, обкомы и губкомы не имеют права протестовать против решений московского ЦК, а должны беспрекословно их проводить в жизнь.

Содокладчик Осинский повторил свой старый аргумент: беда в том, что не было и нет такого ЦК, как коллегии, а есть лишь вожди, которые проводят не партийную, а личную политику. Осинский спрашивал: «Каким же образом... определялась партийная политика?» Его ответ гласил: «Преимущественно так, что т.т. Ленин и Свердлов решали очередные вопросы путем разговоров друг с другом... все решения были частными решениями... Этим объясняется то перерождение партии, которое происходит... надо в широком масштабе ЦК орабочить, надо ввести туда достаточное количество рабочих... принять решение о том, чтобы выборы ЦК производились после тщательного обсуждения каждой отдельной кандидатуры... Съезду (прошлому. – А. А.) был дан список, он был проголосован, и в нем оказалось много декоративных фигур... Это корень зла.

Съезд должен положить конец тому положению дел в партии, какое есть сейчас» (там же, стр. 166-167).

Делегат Игнатов находил, что в партии происходит бюрократизация: «Эту бюрократизацию наших организаций, эту отчужденность от масс необходимо нашей партии изжить», – говорил он (там же, стр. 181). Спасение он видел в демократизации партии снизу доверху. Он добавлял: «И хотя у Ильича голова такая, какой нет на всей земле, все-таки нужно, чтобы вокруг этой головы были люди» (там же, стр. 182).

Делегат Скрыпник находил тоже, что после Бреста в партии не было ни коллективного мнения, ни коллективного руководства. «Я не помню, – говорил он, – вопросов, кроме Бреста, которые были бы поставлены на партийное обсуждение... партия обсуждала их только после того, как они были уже решены» (там же, стр. 175).

В заключительном слове Зиновьев выразил явное неудовольствие ЦК критикой, которая развернулась на съезде против партийного руководства. Он сказал: «От членов своей собственной партии можно было ожидать гораздо более добросовестной и беспристрастной критики, чем та, которая была здесь» (там же, стр. 184).

Обсуждение вопроса о партаппарате кончилось созданием комиссии из пяти человек для выработки резолюции. Туда вошли докладчик Зиновьев и контрдокладчик Осинский.

На заседании организационной секции, посвященном советскому строительству и отношениям между партией и Советами, Осинский подчеркнул, что Советского правительства как такового и не было. Важнейшие вопросы правительственной политики решались немногими лицами за спиной самого правительства. Он говорил:

«В данный момент у нас, в сущности говоря, если иметь в виду Совет народных комиссаров, единого правительства не существует. Я имел честь быть членом Совета народных комиссаров в ноябре, декабре и январе 17-18 года. Тогда в Совете народных комиссаров обсуждались основные вопросы политики... В настоящее время этого не наблюдается» (там же, стр. 192).

Все это случилось потому, что ЦК, вопреки советской Конституции, превратил самого себя в правительство страны. Осинский предлагал для восстановления советской легальности включить большинство членов ЦК в состав советского правительства.

На узурпацию государственной власти Советов партийным аппаратом указывал и делегат Игнатов. Он говорил, что мы начали с лозунга «Вся власть Советам!», а «в дальнейшем наше строительство пошло несколько иначе. Мы уклонились от первоначального пути... Мы зафиксировали в конституции определенные положения, но от этих положений потом отошли... Съезды и советы на местах постепенно лишаются той роли, которая им должна по праву принадлежать... Нельзя допустить, чтобы партийные организации присваивали себе функции советов» (там же, стр. 197-199).

Ту же мысль об агонии Советов делегат Антонов выразил более лапидарно: «Мы видим, что почему-то Советы начинают медленно умирать» (стр. 200).

Сапронов, защищая тезисы оппозиции, добавил, что «оппозиция создалась не

ради оппозиции, а очевидно сама жизнь выдвигает новые потребности, к которым мы должны прислушиваться» (стр. 201).

Ленин в прениях по организационному вопросу не участвовал, но устами Зиновьева дал понять, что Советы – ширма, хотя и импозантная, а власть – это ЦК. Лозунг «Вся власть Советам!» трактовался теперь, как лозунг «Вся власть ЦК!». Обращаясь к оппозиции и напоминая доктрину Ленина о партии, Зиновьев говорил:

«Выступал Совнарком, а решал ЦК партии. Надо это изменить? Нет, не надо. А раз это так, то все ваши тезисы падают... У вас в ваших рассуждениях отсутствовал ЦК партии, а поэтому, повторяю, падают все рассуждения оппозиции» (стр. 222).

Тезисы Зиновьева были приняты за основу большинством съезда. В окончательной резолюции съезда «По организационному вопросу» были утверждены те принципы партийного строительства, согласно которым партией и государством руководили партийные комитеты каждого уровня. Впервые были юридически зафиксированы созданные еще в январе-феврале 1919 года руководящие органы ЦК – Политбюро из 5 членов ЦК для принятия политических решений между пленумами ЦК и Оргбюро из 5 членов ЦК для принятия организационных решений; кроме того, был создан Секретариат ЦК из одного ответственного секретаря, члена Оргбюро ЦК и пяти технических секретарей. При Секретариате создается аппарат ЦК из разных отделов. Число членов ЦК увеличилось с 15 до 19 человек.

Была сделана и уступка оппозиции, когда в той же резолюции было записано, что «смешивать функции партийных коллективов с функциями государственных органов, каковыми являются Советы, ни в каком случае не следует. Свои решения партия должна проводить через советские органы, *в рамках советской конституции.* Партия старается *руководить* деятельностью Советов, но не заменять их» (там же, стр. 429).

Это был со стороны Ленина тактический маневр. Идя на эту вынужденную концессию оппозиционной части съезда, Ленин и не думал допустить новое «двоевластие» в стране – власть партии и власть Советов. Верховная власть по его концепции могла быть только одна: единая и неделимая власть ЦК. Поскольку даже в элите партии в лице съезда все еще свежи были иллюзии о демократии, о народовластии, о всесильных Советах, то приходилось считаться с ними и соответственно маневрировать.

Весьма сильной по численности, очень опасной по своему составу оказалась на съезде «военная оппозиция», направленная против военной политики Ленина и Троцкого. Эта оппозиция возникла еще до VIII съезда, осенью 1918 г. Ее ближайшая цель – поссорить Ленина с Троцким, ее дальнейшая цель – свалить Троцкого как руководителя Красной армии, чтобы потом легче было разговаривать с Лениным. Представители «военной оппозиции» выступали на местных партийных конференциях с резкой критикой Троцкого. Даже в газете «Правда» печатались статьи с критикой военной политики и военного руководства Троцкого («Правда» от 29 ноября и 25 декабря 1918 года).

«Военную оппозицию» поощрял и негласно возглавлял Сталин, но, по словам

Троцкого, «Сталин держал себя, однако, так, чтобы в любой момент можно было отскочить» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 173). Рупором Сталина в «военной оппозиции» выступал Ворошилов, который командовал Царицынским фронтом, а Сталин был с июня 1918 года членом Реввоенсовета этого фронта. Внутри ЦК и в своей переписке с Лениным Сталин не только не скрывал, что он поддерживает «военных оппозиционеров», но и проводил много доводов о порочности военной политики Троцкого (см. военные письма и телеграммы Сталина периода 1918-1919 гг., Сталин, Сочинения, т. 4, 1947). В «биографической хронике» Сталина к 4-му тому его «Сочинений» сказано: «8 октября (1918 г.) И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов посылают телеграмму В. И. Ленину с требованием обсудить в ЦК вопрос о действиях Троцкого, грозящих развалом Южного фронта» (Сталин, Сочинения, т. 4, стр. 453).

Как реагирует Ленин? Когда интрига против Троцкого начала принимать опасный для режима характер, Ленин решил ответить. В резолюции ЦК от 26 декабря 1918 года, написанной Лениным, сказано:

«Политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее ЦК и под его непосредственным контролем» («Правда», 26 декабря 1918 г.).

Вот тогда «военная оппозиция» решила на VIII съезде выступить и против Ленина и против Троцкого. Чтобы правильно оценить действия оппозиции, надо остановиться на освещении ее предыстории.

Троцкий еще в 1930 году, в своих мемуарах «Моя жизнь», впервые опубликовал документы ЦК и письма Ленина, убедительно доказывающие, что «военная оппозиция» – это партийная гвардия Сталина в его начинающейся борьбе против Троцкого (эти документы до сих пор не опубликованы в СССР). Вот краткий рассказ Троцкого:

«Оппозиция по военному вопросу сложилась уже в первые месяцы организации Красной армии. Основные ее положения сводились к отстаиванию выборного начала, к протестам против привлечения специалистов, против введения железной дисциплины, против централизации армии... Особое место в Красной армии и военной оппозиции занимал Царицын, где военные работники группировались вокруг Ворошилова... Сталин несколько месяцев провел в Царицыне. Свою закулисную борьбу против меня, уже тогда составлявшую существенную часть его деятельности, он сочетал с доморощенной оппозицией Ворошилова... Сталин держал себя, однако, так, чтобы в любой момент можно было отскочить. Жалобы главного и фронтового командования на Царицын поступали ежедневно. Нельзя добиться выполнения приказа... нельзя даже получить ответа на запрос. Ленин с тревогой следил за развитием этого конфликта. Он лучше меня знал Сталина и подозревал, очевидно, что упорство царицынцев объясняется закулисным режиссерством Сталина... 4 октября 1918 года я говорил по прямому проводу Ленину и Свердлову: "Категорически настаиваю на отозвании Сталина. Я оставляю Ворошилова командующим десятой (царицынской) армией на условии подчинения командующему Южным фронтом... Для дипломатических переговоров времени нет". Сталин был отозван. 23 октября Ленин пишет мне: "Сталин очень хотел бы работать на

Южном фронте... Сталин надеется, что ему на работе удастся убедить в правильности его взглядов... Сообщая вам, Лев Давыдович, обо всех этих заявлениях Сталина, я прошу вас обдумать их и ответить, во-первых, согласны ли вы объясниться лично со Сталиным, для чего он согласен приехать, а во-вторых, считаете ли вы возможным, на известных конкретных условиях, устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин. Что же меня касается, то я полагаю, что необходимо приложить все усилия для налажения совместной работы со Сталиным. Ленин"» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 169, 171-177).

Троцкий ответил согласием на компромисс и на назначение Сталина членом Реввонсовета Южного фронта, ставка которого находилась в Харькове. Туда же был, по требованию Троцкого, переброшен и Ворошилов. Но и там Сталин и Ворошилов продолжают «царицынскую» линию неподчинения приказам Главного командования (сам Ворошилов приводил документы, как Сталин на иные приказы Главнокомандования накладывал резолюцию: «Не принимать во внимание»! См. К. Ворошилов, «Сталин и вооруженные силы СССР», 1951, стр. 27).

Поэтому 10 января 1919 года Троцкий телеграфирует Свердлову: «Заявляю в категорической форме, что царицынская линия, приведшая к полному распаду царицынской армии, на Украине допущена быть не может... Линия Сталина, Ворошилова и компании означает гибель всего дела» (Троцкий, «Моя жизнь», стр. 177). Ленин находит, что нужно еще раз попытаться добиться компромисса со Сталиным. В ответ на это требование Троцкий телеграфирует 11 января 1919 года Ленину и Свердлову:

«Компромисс, конечно, нужен, но не гнилой. По существу дела в Харькове собрались все царицынцы... Я считаю покровительство Сталина царицынскому течению опаснейшей язвой, хуже всякой измены и предательства военных специалистов. Троцкий» (там же, стр. 177).

Троцкий заключает свой документированный рассказ словами:

«Немудрено, если военная работа создала мне не мало врагов. Я не оглядывался по сторонам, отталкивал локтем тех, которые мешали военным успехам, или в спешке наступал на мозоли зевакам и не успевал извиняться. Есть люди, которые все это запоминают. Недовольные и обиженные находили дорогу к Сталину, отчасти к Зиновьеву. Эти ведь тоже чувствовали себя обиженными. Каждая неудача на фронте вызывала натиск недовольных на Ленина. За кулисами уже тогда этими махинациями руководил Сталин» (там же, стр. 179-180).

Сталин и «военная оппозиция» правильно считали, что в борьбе за торжество их линии нет другого более надежного пути, как противопоставить Троцкого Ленину, с тем, чтобы убрать Троцкого при помощи Ленина, а потом будет легче разговаривать и с Лениным (Бухарин: «Сталин и под Ильича вел подпольные ходы», Л. Троцкий, там же, стр. 184).

Заместитель председателя Чека Менжинский, докладывая Троцкому о работе особых отделов Чека в армии, сообщил ему, что Сталин «внушает Ленину и еще кое-

кому, что вы группируете вокруг себя людей специально против Ленина», но когда при одной из бесед Троцкий задал Ленину вопрос: «Неужели же тут есть частица правды? – я сразу заметил, как заволновался Ленин. Даже кровь бросилась ему в лицо. "Это пустяки", повторял он, но неуверенно... Но я понял, что Менжинский говорил не зря. Если Ленин отрицал, не договаривая, то только потому, что боялся конфликта, раздора, личной борьбы... Но Сталин явно сеял злые семена. Лишь значительно позже мне стало известно, с какой систематичностью он этим занимался» (там же, стр. 183-184).

Такова была внутрипартийная и внутриармейская атмосфера, когда была поставлена на обсуждение съезда военная политика Ленина-Троцкого.

Естественно встает вопрос, почему же в столь тяжелой и враждебной для Троцкого атмосфере, когда буквально речь шла о судьбе военного руководства Троцкого, Троцкий решил не присутствовать на съезде?

Не было ли это тактическим ходом Ленина, чтобы, не раздражая оппозицию неизбежно резким ответом на съезде Троцкого, вернее защищать позицию Троцкого в его отсутствии? Троцкий не дает на это ответа. Сталинская историография тоже обходила этот вопрос. Новая «История КПСС» дает ответ, который удивляет своей «беспартийностью». Там сказано:

«Недооценивая значение постановки военного вопроса на съезде, Троцкий еще до съезда возбудил перед ЦК ходатайство о том, чтобы в связи с обострением обстановки на Восточном и на некоторых других фронтах его самого и всех военных делегатов отправили в действующую армию. Против этого предложения выступали делегаты от фронтовых парторганизаций. Всем было ясно, что решение военного вопроса откладывать нельзя. Пленум ЦК согласился с делегатами... Троцкому же было разрешено выехать на фронт, и в работе съезда он не участвовал» («История КПСС», т. 3, кн. II, стр. 276).

Вернемся теперь к съезду.

На открытом заседании съезда докладчиком ЦК по вопросу о «военном положении» выступил член ЦК Г. Сокольников, который изложил «тезисы доклада» Троцкого, утвержденные ЦК. Точку зрения «военной оппозиции» изложил В. Смирнов, который выступил как содокладчик.

Чтобы правильно оценить вес и значение «военной оппозиции», надо дать некоторые справки о ее лидерах.

«Военную оппозицию» возглавили на съезде:

В. Смирнов (член партии с 1907 г., член Реввоенсовета армии);

А. Бубнов (член партии с 1903 г., бывший и будущий член ЦК, член Реввоенсовета республики) ;

Ф. Голощекин (член партии с 1903 г., член ЦК в 1912-1917 гг.);

Г. Сафаров (член партии с 1908 г., партийный руководитель 3 армии);

А. Александров (член партии с 1900 г., заместитель командующего Северокавказским военным округом);

А. Мясников (член партии с 1906 г., бывший командующий Западным фронтом,

секретарь МК РКП (б);

В. Сорин (член партии с 1917 г., председатель Военного трибунала Восточного фронта);

М. Рухимович (член партии с 1913 г., один из руководителей компартии Украины);

Н. Толмачев (член партии с 1913 г., член Реввоенсовета 3 армии);

С. Минин (член партии с 1905 г., член Реввоенсовета 1 Конной армии);

Р. Землячка (член партии с 1898 г., в 1917 г. секретарь Московского обкома партии, партийный руководитель 8 армии);

Г. Пятаков (член партии с 1910 г., глава правительства Украины);

Ем. Ярославский (член партии с 1898 г., руководитель Военной организации ЦК, секретарь ЦК в 1921 г.);

К. Ворошилов (член партии с 1903 г., командующий Царицынским фронтом, при котором Сталин был членом Реввоенсовета).

(Отметим тут же в скобках, что то, что Сталин был духовным главой «военной оппозиции» доказывает и тот факт, что потом, при режиме Сталина, все они сделались либо членами ЦК или ЦКК, либо занимали высокие посты в государственном аппарате, но во время «Великой чистки» в 1936-1939 гг. Сталин поступил с ними по-сталински – не только лидеры, но и рядовые участники «военной оппозиции» были расстреляны, только своим вернейшим оруженосцам Сталин сохранил жизнь – Землячке, Ярославскому и Ворошилову.)

Сокольников, излагая военную политику ЦК, заявил, что система добровольческого формирования Красной армии с выборным командным составом уже отжила (по свежим следам Октябрьского переворота и во исполнение своих прежних обещаний большевистское правительство 16 декабря 1917 года приняло два декрета: 1) *«О выборном начале* и об организации власти в армии», 2) «Об *уравнении* всех военнослужащих в правах» – теперь, укрепившись у власти, ЦК их отменил). Период добровольчества в армии был, по словам Сокольникова, периодом, «когда государственная власть фактически не могла руководить армией», «в конце концов получилась система независимых маленьких отрядов вокруг отдельных предводителей» (там же, стр. 144-145). Теперь наступило время, когда надо создавать большую регулярную армию, с прежней субординацией и дисциплиной, с массовым использованием десятков тысяч царских военных специалистов.

Когда Ленин и Троцкий убедились в том, что ни советскими декретами, ни солдатскими выборами из унтер-офицеров или партийных агитаторов никак невозможно сделать знающих свое дело командиров, они отбросили в сторону все декреты на этот счет и начали создавать командный состав из назначенных сверху бывших царских офицеров (По данным Троцкого, таких офицеров в Красной армии к началу 1919 г. было около 30 тыс. человек. – См. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 180.)

Обосновывая такую новую военную политику ЦК, Сокольников заметил: «Мы были за выборность, когда мы восстановляли солдат против верхов, которые служили

царскому, помещичьему и буржуазному режиму... Теперь, при режиме пролетарской диктатуры, отменять тот командный состав, который назначен ей, значило бы выносить вотум недоверия этой власти» («Восьмой съезд».., стр. 147).

Сокольников продолжал: «Нам говорят: возвращая в армию бывших офицеров, вы тем самым восстанавливаете бывшее офицерство и бывшую армию. Но эти товарищи забывают, что рядом с командиром стоит комиссар, представитель советской власти...» (там же, стр. 147).

Сокольников приводил примеры оправданности новой военной политики ЦК: «Выяснилось, что там, где военные специалисты были привлечены... там был достигнут военный успех. И наоборот, там, где ... присланных из центра военных специалистов отсылали обратно или сажали на баржу, как это было в кавказской армии, там мы пришли к полному разложению и исчезновению самих армий...» (там же, стр. 146).

Докладчик ЦК указал и на такую практику на местах, когда местные коммунистические ячейки и коммунисты, работающие в качестве рядовых служащих в армейских учреждениях, стараются взять в свои руки контроль и управление над армией. Руководство армией может быть только централизованное. Оно может исходить только от ЦК, советского правительства и его военных органов.

Сокольников закончил свой доклад выражением от имени ЦК полного доверия и поддержки линии и методам военного ведомства. Он сказал, что «только в том случае, если военный аппарат будет строиться и дальше методами, которые мы старались до сих пор проводить, если эти методы будут применены и в тех областях, в которых они до сих пор целиком применены не были, только в этом случае мы можем создать из Красной армии оплот коммунизма» (там же, стр. 152).

Содокладчик от «военной оппозиции» В. Смирнов доказывал, что бывший царский офицерский корпус, привлеченный к службе в Красной армии, в силу своего происхождения и идеологии, тяготеет к белогвардейцам. Поэтому его представители часто переходили и дальше будут переходить на сторону врага. Между тем, советское правительство их назначает на ответственные командные посты, предоставляя им больше прав, чем политкомиссарам при них. В связи с этим Смирнов критиковал «Положения» правительства «О командующем армиями фронта» от 12 декабря 1918 г. В этих положениях говорилось, что во главе каждой армии и фронта стоит Революционный военный совет. Его члены, как и командующие армиями и фронтами, избираются и утверждаются Реввоенсоветом республики. Командующему армией предоставляется полная самостоятельность в вопросах стратегически-оперативного характера, а также право назначения, перемещения и отставления от занимаемых должностей всего командного состава войск, военных управлений и учреждений армии. Реввоенсовет армии имел право ограничения власти командующего, кроме вопросов оперативного характера и личного состава войск, донося о своих действиях каждый раз вышестоящему Реввоенсовету (все приказы и распоряжения командующего армией обязательно должны быть подписаны одним из членов Реввоенсовета).

Смирнов находил такой порядок совершенно неправильным. Он говорил, что в

«Положениях» Совета Народных Комиссаров «командующему армией, фронтом и т. д. предоставляется управление *армией,* политическому же комиссару предоставляется лишь право в отдельных случаях отменить решение командующего армией или командующего фронтом, сообщая о каждом таком случае в высшее учреждение. В вопросах оперативных они (комиссары, – А. А.) не имеют права делать даже этого... Одним словом, роль политического комиссара ограничивается функциями контроля» (там же, стр. 155-156). Он потребовал от съезда изменить эту политику. Он критиковал также Дисциплинарный устав Красной армии, изданный в январе 1919 г. Он находил, что этот устав восстанавливает старые привилегии офицеров и ущемляет права красноармейцев, устанавливая «мелочную регламентировку».

Обобщая свою критику по части организации и управления армии, Смирнов сказал: «Опыт указал, что участие комиссара в управлении необходимо, ограничиваться функциями только контроля невозможно... членам революционных советов необходимо предоставить право решающего голоса в области оперативных вопросов» (там же, стр. 157). Он критиковал «чрезвычайную громоздкость центральных учреждений», дающих противоречивые приказы. Он потребовал обратить «самое серьезное внимание» на организацию Реввоенсовета республики. Политотделы в армии строят свою работу на бюрократических, а не на коллегиальных началах. Словом, военная политика ЦК до сих пор была порочной – ее надо пересмотреть.

Председательствующий Зиновьев сообщил, что для выступления в прениях записалось 64 человека. Официальный историк пишет: «Ясно было, что вопросу придается большое значение и предстоит острая дискуссия» («История КПСС», т. *3,* кн. II, 1968, стр. 275). Была создана «военная секция» съезда, на трех заседаниях которой участвовало 85 делегатов, а в прениях выступило 23 делегата. Как сталинская, так и послесталинская партийная историография по поводу платформы «военной оппозиции» упорно и последовательно проповедует ту точку зрения, что «военная оппозиция» была направлена не против ЦК, не против Ленина, а исключительно против Троцкого (См. «История ВКП (б). Краткий курс», стр. 224, «История КПСС», т. 3, кн. II, стр. 275-276).

Эта намеренная фальсификация стала возможной лишь потому, что материалы всей дискуссии по военной политике ЦК были исключены из протоколов при опубликовании «Стенографического отчета» VIII съезда в 1919 г. Это было вполне естественно в условиях продолжающейся гражданской войны в России, дабы не дать противнику ориентироваться в масштабе и характере бунта военно-комиссарской элиты партии против Ленина и Троцкого. Однако эти материалы «военной секции» и пленарного заседания съезда, на котором с большой речью выступил Ленин, не были опубликованы и после окончания войны. Почему? Вот ответ Троцкого:

«На съезде партии Ленин, в мое отсутствие, – я оставался на фронте – выступил со страстной защитой проводившейся мною военной политики от критики оппозиции. Именно поэтому протоколы военной секции VIII съезда партии не опубликованы до сих пор» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 181).

Вот и ответ Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в предисловии к

новому изданию протоколов VIII съезда: «Ввиду совершенно необработанных секретарских записей, материалы по четвертому вопросу («Военное положение и военная политика») – закрытое заседание съезда, состоявшееся 21 марта, – не публикуются» и дальше о материалах секции: «Ввиду совершенно необработанных секретарских записей, материалы заседаний военной секции, состоявшихся 20 и 21 марта, не публикуются» («Восьмой съезд РКП(б). Протоколы», 1959, стр. VII, XIII). В этом аргументе о «необработанных секретарских записях» поражает не столько целеустремленная фальшь, сколько очень наивный расчет авторов предисловия, что его читатели все равно невежды в вопросах истории партии и лишены всякого дара критического мышления.

Между тем, у любого критически думающего читателя возникает вопрос: почему в протоколах VIII съезда оказались застенографированными самым подробным образом прения на заседаниях организационной секции и аграрной секции, а вот «записи» по такому важному вопросу, как прения в военной секции и выступления на пленарном заседании о «военной оппозиции» Ленина, оказались «необработанными»? Даже в полное собрание сочинений Ленина, изданное после разоблачения Сталина, не включено это исключительно важное выступление Ленина, хотя авторы предисловия выгодные для своей цели места из этой речи Ленина широко цитируют (там же, стр. XIV-XV).

Объяснение, вероятно, надо искать не только в «страстной защите» Лениным военной политики Троцкого (это само собою разумеется), а в том недоверии, которое военная секция съезда выразила и Ленину, и Троцкому. Защищая Троцкого, Ленин защищал самого себя. Это вытекает даже из тех скупых сведений, которые опубликовал партийный издатель. Так в «Примечаниях» к протоколам VIII съезда мы читаем: «В результате бурных прений, развернувшихся на заседаниях военной секции, днем 21 марта большинство (37 против 20) высказалось против ЦК и за принятие тезисов «военной оппозиции». Тогда меньшинство секций, стоящее на точке зрения ЦК, устроило отдельное заседание и потребовало перенесения обсуждения этого вопроса на пленум съезда» (там же, стр. 539). То же самое говорится и в многотомной «Истории КПСС»: «После бурных прений большинство секции высказалось за тезисы оппозиции, предложенные Смирновым... Делегаты съезда, защищавшие точку зрения ЦК... ушли с заседания секции» («История КПСС», т. *3,* кн. II, стр. 276).

Ленин, который до сих пор не придавал серьезного значения «военной оппозиции» (поэтому он записался не в «военную секцию», а в «аграрную секцию»), увидел, что дело принимает почти катастрофический оборот, и энергично взялся за усмирение оппозиции. Он созвал закрытое заседание съезда, на котором выступил с непредусмотренным повесткой дня докладом представитель военного ведомства о положении на фронтах. Докладчик (С. Аралов) сообщил сведения, которые до сих пор считались секретными. Главное из этих сведений гласило: в Красной армии недоставало до 60% военных специалистов (там же, стр. 276). Этим аргументом Ленин хотел выбить из рук оппозиции главный ее козырь о военных специалистах. Это не произвело

на оппозицию никакого впечатления. Тогда выступил сам Ленин. Как указывалось, речь эта никогда не опубликовывалась, но официальный историк говорит, что «с глубоким обоснованием линии партии в строительстве регулярной армии выступил Ленин. В его речи дана была принципиальная критика "военной оппозиции"... Самым решительным образом Ленин опроверг обвинения "военной оппозиции" в адрес ЦК» (там же, стр. 277).*) Ленин не ограничился этим. Хорошо зная, что с оппозицией заигрывают за его спиной Сталин и Зиновьев, он заставил их выступить на том же заседании с защитой тезисов Сокольникова (Троцкого) и принципиальной критикой «военной оппозиции». Они это вынуждены были сделать, хотя и безо всякого энтузиазма. Сталин сказал: «Проект, представленный Смирновым, неприемлем, так как он может лишь подорвать дисциплину в армии и исключает возможность создания регулярной армии» (Сталин, Сочинения, т. 4, стр. 250).

После таких же выступлений других членов ЦК Ленин, в глубокой уверенности, что он окончательно разоружил оппозицию, предложил голосовать на съезде тезисы ЦК и тезисы Смирнова. Неожиданные результаты голосования на какой-то момент обескуражили Ленина: за тезисы ЦК (Сокольникова – Троцкого) голосовало 174 делегата, за тезисы Смирнова – 95 делегатов, воздержалось – 3, не участвовал в голосовании – 1. («Восьмой съезд РКП (б). Протоколы», стр. 273). С такой большой, компактной и решительной оппозицией Ленин никогда не имел дела в истории

***) О Троцком Ленин заявил: «Когда здесь выступил т. Голощекин, он сказал: политика ЦК не проводится военным ведомством. Если вы такие обвинения ставите, если вы, выступая ответственным оратором на партийном съезде, можете Троцкому ставить обвинение, что он не проводит политику ЦК, – это сумасшедшее обвинение. Вы ни тени доводов не приведете» («Ленинский сборник», XXXVII, Москва, 1970, стр. 136).**

большевизма. С тем большей яростью он набросился на противника. В ход были пущены все виды оружия из богатого тактического арсенала Ленина: дипломатия, нажим, угрозы и испытанный метод индивидуальной «обработки» лидеров оппозиции. Всю эту работу Ленин провел в довольно короткое время – в течение 22 и 23 марта. 22 марта председательствующий Зиновьев заявил, что бюро ЦК и президиум съезда делают съезду предложение:

«Мы находим, что в данный момент следует попытаться поискать сближения между вчерашним большинством и меньшинством по такому коренному вопросу, как вопрос о военной политике... Мы предлагаем поэтому сейчас съезду не переходить к детальному обсуждению той резолюции, которая была принята за основу (тезисы т. Троцкого), а предварительно сдать вопрос в комиссию из 5 членов» (там же, стр. 273).

Бюро ЦК и президиум предложили состав комиссии: от большинства – Сталина, Зиновьева и Позерна, а от меньшинства – Ярославского и Сафарова. Более подходящей комиссии Ленин и не мог бы выдумать. Не столько судьба оппозиции, сколько карьера Сталина и Зиновьева была поставлена на карту. Произошло «чудо», которое Ленин предвидел: комиссия пришла к «единодушному решению» о военной политике. Результаты работы комиссии доложил съезду 23 марта Ярославский:

«Так как съезд положил в основу тезисы доклада т. Троцкого, то комиссия

прежде всего, рассмотрев эти тезисы, нашла необходимым внести только редакционные изменения... когда мы, меньшинство съезда, выступили на съезде с критикой этих тезисов т. Троцкого, которые защищал здесь т. Сокольников, то мы указывали на то, что принципиально мы не возражаем против такой постановки вопроса, какая имеется в этих тезисах» (там же, стр. 339).

Эта поразительная метаморфоза оппозиции, которая еще два дня тому назад «в острых и бурных прениях» отвергла на военной секции тезисы Троцкого – Сокольникова, а сегодня находит нужным делать в них «только редакционные изменения», стала возможной из-за капитуляции Сталина и лидеров «военной оппозиции», лично связанных с ним (Ворошилов, Ярославский, Бубнов, Сафаров и другие). Сталин организовал «военную оппозицию», он же ее и распустил, когда он увидел, что Ленин разгадал его двойную игру. Поставленные на голосование тезисы Троцкого с «редакционными изменениями» согласительной комиссии были приняты съездом единогласно при одном воздержавшемся (там же, стр. 340).

В своей заключительной речи Ленин не без гордости торжествовал победу над «военной оппозицией» :

«Мы пришли к единодушному решению по вопросу военному. Как ни велики казались вначале разногласия, как ни разноречивы были мнения многих товарищей..., – нам чрезвычайно легко удалось в комиссии прийти к решению абсолютно единогласному» (там же, стр. 346).

Как это ему удалось, Ленин не рассказал, но мы об этом уже говорили выше.

На VIII съезде обсуждалась и была принята новая (вторая) Программа партии. Документ этот имел пропагандно-тактическое, менее всего программное значение. В основе новой программы лежала известная концепция Ленина из его работы «Империализм, как высшая стадия капитализма». Эта работа Ленина, претендующая на прогноз будущего и причисленная его адептами к классическому труду ленинизма, оказалась в исторической проверке синтезом утопии и желания.

Основная идея Ленина: капитализм, начиная с конца XIX и начала XX века, вступил в свою последнюю монополистическую загнивающую стадию – стадию финансового капитализма, стадию империализма. Ленин писал:

«Самая глубокая экономическая основа империализма есть монополия... Как и всякая монополия, она порождает неизбежное стремление к застою и загниванию. Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является, далее, *экономическая* возможность искусственно задерживать технический прогресс... Монополия, олигархия, стремление к господству, эксплуатация все большего числа маленьких и слабых наций небольшой горсткой богатейших и сильнейших наций – все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический и загнивающий капитализм» (Ленин, Собр. соч., 3-е изд., т. XIV, стр. 151, 171-172).

На этой стадии капитализм достиг своего высшего экономического и технического уровня, своего зенита, дальнейшее его развитие идет вниз, под уклон, к краху, наступает эра неизбежных империалистических войн и, как их результат, – мировая революция.

Выход: «только коммунистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами» (Из Программы партии, VIII съезд РКП(б), стр. 393).

Ленин, который так же, как Маркс и Энгельс, не любил или сознательно избегал фантазировать, как будет выглядеть на деле социалистическое, коммунистическое общежитие, охотно фантазировал о судьбах капитализма. Однако более чем полувековая история технико-экономического развития «загнивающего капитализма» и «прогрессивного» социализма самым наглядным образом опровергла смелую фантазию Ленина: приоритеты всех великих изобретений второй индустриальной революции (кибернетика, расщепление атомного ядра, электроника и т. д.) как раз принадлежат этому «загнивающему капитализму», а не социализму. Правда, КПСС по праву гордится тем, что первым человеком в космосе был «советский коммунист» (тут была специфическая причина – Кремль предложил своим военным инженерам изобрести такую ракету, которая могла бы достичь США, а они «перевыполнили» план – изобрели ракету, способную лететь в космос). «Капиталисты» перекрыли этот советский успех, послав человека на Луну.

Утопичной оказалась доктрина Ленина о «мировой революции», изложенная в той же Программе. Преамбула ленинской Программы торжественно провозгласила: «Началась эра всемирной пролетарской, коммунистической революции» (там же, стр. 390). В результате этой «всемирной революции» Ленин думал, что будет создана одна единая «Всемирная Советская республика» без границ. (Ленин: «Может быть, будет у нас общая программа, когда создастся Всемирная Советская республика», VIII съезд РКП(б), стр. 101).

Однако даже восточноевропейские страны, где коммунистические режимы были принесены из СССР на штыках Красной армии, и те не захотели составить с СССР одну «Всемирную Советскую республику», не говоря уже об азиатских коммунистических государствах.

Утопичной оказалась теория об отмирании государства, провозглашенная Марксом и Энгельсом, специально развитая Лениным в книге «Государство и революция» и зафиксированная в ленинской Программе в словах: борьба с бюрократизмом и «упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся ведут к уничтожению государственной власти» (там же, стр. 397).

Советское государство развилось в тоталитарное супергосударство, в котором бюрократия руководит не только политикой, администрацией, народным хозяйством, распределением, культурой и бытом, но и каждым движением советского человека от колыбели до гроба. Это единственное государство в истории, которое самым строжайшим образом регламентирует мораль, чувство, вкус, мысль своего подданного.

Не государство для человека, а человек для государства. Поэтому абсолютный примат государства над человеком стал «философией власти» советской партократии. Поэтому здесь бюрократ не слуга народа, а его повелитель. Вот эта универсальная и беспрецедентная властная цель потребовала создания универсальной и беспрецедентной бюрократии.

Вполне естественно, что развитие поэтому пошло не по пути «уничтожения государственной власти», как это записано в ленинской Программе, а, наоборот, по пути создания «государственной сверхвласти». Сталин впоследствии вполне «диалектически» обосновал отказ от марксистско-ленинской утопической теории об отмирании государства, заявив: «Мы придем к отмиранию государства не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление» (Сталин, «Вопросы ленинизма», 1953, стр. 429).

В ленинской Программе были и чисто пропагандно-конъюнктурные пункты, рассчитанные на непосредственный агитационный эффект. Вспомним еще раз, что VIII съезд происходил в условиях опаснейшей для судьбы советской власти гражданской войны, когда большевикам нужна была поддержка крестьян, рабочих, «буржуазных специалистов», нерусских народов и верующих. Каждому из этих классов Программа обещала:

1) *Крестьянству:* Ленин: «Никаких насилий по отношению к среднему крестьянству мы не допускаем. Даже по отношению к богатому крестьянству мы не говорим с такой решительностью, как по отношению к буржуазии... Мы говорим о подавлении его контрреволюционных поползновений. Это не есть полная экспроприация» (там же, стр. 347); Программа: сельскохозяйственные коммуны (тогда слово «колхоз» еще не бытовало) – «совершенно *добровольные* союзы земледельцев» (там же, стр. 405);

2) *Рабочим:* «Профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым» (там же, стр. 403);

3) Буржуазным *специалистам:* «Более высокое вознаграждение специалистов, чтобы они могли работать не хуже, а лучше, чем прежде... Равным образом необходимо ставить буржуазных специалистов в обстановку товарищеского общего труда» (там же, стр. 405);

4) *Нерусским народам:* «Полное равноправие наций... право на государственное отделение» (там же, стр. 398);

5) *Верующим:* «Необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих» (там же, стр. 402);

6) Свободу и права *всем народам России:* «Лишение *политических прав* и какие бы то ни было *ограничения свободы* необходимы исключительно в качестве *временных мер* борьбы с попытками эксплуататоров отстоять или восстановить свои привилегии. По *мере того, как будет исчезать объективная возможность эксплуатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах и партия будет*

стремиться к их сужению и к полной их отмене» (там же, стр. 395).

Человеку, мало-мальски знакомому с историей СССР или с советской действительностью сегодня, совершенно излишни комментарии к этим пунктам. Свою организационно-пропагандную цель или, выражаясь грубо, но точно, свою демагогическую цель ленинская Программа выполнила: большевики выиграли гражданскую войну. Впрочем, сам Ленин признавал, что цель его Программы и была агитационно-пропагандная. Он так оценил общее значение Программы: «Наша Программа будет сильнейшим материалом для пропаганды и агитации» («VIII съезд РКП(б)», стр. 364).

Поэтому обсуждение Программы на съезде партии не вызвало каких-либо бурных прений и резких возражений против докладов Ленина и Бухарина по Программе, сделанных ими официально от имени ЦК. Поэтому не было и содокладчика или контрдокладчика от какой-либо группы на съезде, как это имело место во время обсуждения организационного вопроса или военной политики. Только официальные докладчики ЦК – Ленин и Бухарин – спорили между собой по ряду абстрактных вопросов (о структуре Программы, о характеристике империализма и т. д.), которые мало интересовали делегатов. Единственным спорным вопросом, который, по Ленину, «непомерно много места» занял в дискуссии как между докладчиками, так и делегатами, явился национальный вопрос. Для многонациональной Российской империи национальный вопрос всегда играл видную роль. Теперь, в условиях разгара гражданской войны, когда генерал Деникин на своем знамени написал «За единую и неделимую Россию», национальный вопрос стал ахиллесовой пятой всего Белого движения и особенно в его многонациональном кавказском тылу. Большевики как раз и целили в эту «пяту», выдвинув против лозунга «За единую и неделимую» контрлозунг: «право народов на самоопределение», хотя Ленин был куда более абсолютным централистом, чем не только Деникин с Колчаком, но и все русские цари вместе взятые. Но эластичный тактик Ленин знал, что декларативное признание «права народов на самоопределение» есть не только вернейшее пропагандное оружие завоевать симпатию нерусских народов, но и безошибочное средство противопоставить их Деникину и Колчаку. Схоласт Бухарин, великорусские шовинисты из партии (Ленин: «поскрести иного коммуниста – и найдешь великорусского шовиниста», «VIII съезд РКП(б)», стр. 106) или обрусевшие «националы» (Ленин: «известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения», ПСС, т. 45, стр. 358) не могли понять всю тонкость игры, которую ведет Ленин в национальном вопросе. Отсюда – «великорусская оппозиция» на съезде против Ленина.

В советских исторических учебниках постоянно перекочевывает из одного в другой легенда будто только Бухарин и Пятаков возглавляли эту «великорусскую оппозицию», не упоминая, что ее точку зрения целиком разделял и Сталин. Вместо ленинского лозунга «право народов на самоопределение» Бухарин, опираясь как раз на эксперта партии по национальному вопросу Сталина, выдвинул другой лозунг: «В комиссии я, опираясь на заявление, сделанное т. Сталиным на III съезде Советов, предлагал формулу: самоопределение трудящихся классов каждой национальности»

(«VIII съезд РКП (б)», стр. 47).

Делегат съезда (потом директор Института Маркса, Энгельса и Ленина) Д. Рязанов тоже указал на источник «великорусской идеи» Бухарина: «Та формулировка, которую он (Бухарин. – А. А.) повторяет за т. Сталиным, – самоопределение трудящихся классов, – как объективный критерий так же несостоятельна, как и формула право наций на самоопределение» (там же, стр. 68-69).

Не в меру усердствующие сталинцы из редакции нового издания «Протоколов съезда» (1959 г.) сделали примечания: «Изложение заявления И. В. Сталина на III съезде Советов дано Бухариным неправильно» (там же, стр. 526) или «Заявление Рязанова о формулировке И. В. Сталиным «самоопределение трудящихся классов» не соответствует действительности» (там же, стр. 529).

Спрашивается, если это «не соответствует действительности», то почему же Сталин упорно молчит на съезде, когда его точку зрения так бесцеремонно искажают, а в то же самое время Ленин ведет на съезде самый отчаянный спор именно против формулировки «право самоопределения трудящихся классов»? Стоит только заглянуть в упоминаемое выступление Сталина на III съезде Советов (январь 1918 г.), чтобы убедиться, что Бухарин и Рязанов правильно цитировали Сталина, а партийные историки сознательно искажают истину.

Вот, что по этому вопросу говорил Сталин: «Принцип самоопределения был использован буржуазно-шовинистическими кругами Украины в своих классовых империалистических целях. Все это указывает на необходимость толкования принципа самоопределения *как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации»* (Сталин, Соч., т. 4, стр. 31-32; выделено мною. – А. А.). Таким образом, духовным вождем и «великорусской оппозиции» был Сталин, а не Бухарин (в этом мы еще раз убедимся, когда будем анализировать дискуссию между Лениным, Троцким и грузинскими «национал-уклонистами», с одной стороны, и Сталиным, Дзержинским и Орджоникидзе, с другой, по поводу «автономизации» советских республик).

Вообще говоря, «великорусская оппозиция» возникла на почве сущего недоразумения. Ее лидеры искренне верили (кроме Сталина!), что Ленин говорит то, что он думает. Ленин не хуже Талейрана знал, что слова даны, чтобы скрывать свои мысли, и не хуже Макиавелли понимал, что все средства хороши, которые достигают цели. Он говорил, что «политика есть наука и искусство» (Ленин, Собр. соч., т. XXV, стр. 219), «надо соединить строжайшую преданность идеям коммунизма с уменьем пойти на все необходимые практические компромиссы, лавирования, соглашательства, зигзаги, отступления...» (там же, стр. 231), даже больше: в интересах завоевания влияния и власти надо «пойти на все и всяческие жертвы, – в случае надобности – пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды» (там же, стр. 199), то есть пойти на ложь и обман, но не выражаясь так.

Сталин потом превзойдет Ленина и по этой части своими шедеврами непревзойденной лжи, но сейчас он предпочитает молчать (он не выступил ни на одном пленарном заседании съезда), зато выступили некоторые из учеников Ленина, которые

куда лучше усвоили азы ленинизма. Так, Томский заявил: «Я думаю, в этом зале не найдется ни одного человека, который сказал бы, что самоопределение наций, национальное движение является нормальным и желательным. К этому мы относимся как к неизбежному злу» («VIII съезд РКП (б)», стр. 82). Осинский еще приподнял завесу над сокровенной мыслью Ленина о «самоопределении». Он сказал, что этот лозунг имеет три смысла: «во-первых, – декларативный смысл... Мы заявляем, что даем народам право на самоопределение... Во-вторых, это – лозунг, нейтрализующий самую национальную борьбу, и в-третьих, это – лозунг разоблачительный» (там же, стр. 92).

Ленин видел в этом лозунге выдающееся тактическое значение и на международной арене, не только в колониях, но и вообще в западных странах. Ленин думал, что если внешний мир установит, что Коминтерн есть всего лишь филиал РКП (б), а иностранные национальные компартии подчинены ЦК РКП (б), то дело мировой революции погибло. Он говорил:

«Здесь многие увлекающиеся товарищи договорились до всемирного Совнархоза и до подчинения всех национальных партий (имеются в виду иностранные компартии. – А. А.) ЦК РКП... (П я т а к о в : (с места): «А *разве вы думаете, что это было бы плохо?*»). Если он сейчас бросает замечание, что это было бы недурно, то я должен ответить, что, если бы что-нибудь подобное стояло в программе, то критиковать ее не было бы надобности: авторы такого предложения сами бы убили себя» (там же, стр. 100).

В этой связи прямо-таки пророческим оказалось другое замечание Ленина: «Мы должны поставить дело так, чтобы немецкие социал-предатели (имеются в виду социал-демократы. – А. А.) не могли говорить, что большевики навязывают свою универсальную систему, которую будто бы можно на красноармейских штыках внести в Берлин» (там же, стр. 55).

Дискуссия по Программе закончилась избранием комиссии для представления окончательного проекта (Ленин, Зиновьев, Бухарин, Сталин, Каменев, Сокольников, Пятаков, Преображенский, Томский, Смидович, Бубнов). От имени этой комиссии Каменев доложил съезду окончательный проект, принятый комиссией единогласно (при одном против по национальному вопросу – это был Пятаков). В Программу был внесен ряд непринципиальных поправок. Съезд, отвергнув поправку Пятакова по национальному вопросу, утвердил Программу в целом.

По последнему вопросу повестки дня были проведены выборы ЦК (из 19 членов и 8 кандидатов), ревизионной комиссии (из 3 членов). Председательствует на этом последнем заседании съезда Каменев (на протяжении всего съезда на пленарных заседаниях председательствовали только три человека – Ленин, Зиновьев и Каменев и на одном – Евдокимов).

Из его сообщения выясняется, какова была техника выборов ЦК (сами выборы были тайные). Один список был представлен группой руководителей прошлого ЦК, подписанный Лениным, Зиновьевым, Сталиным и др. Был список, представленный другой группой, был список, представленный московской, петроградской и нижегородской делегациями, потом идут: список представителей Московской губернии,

список уральских делегатов, список 3 и 4 армий, список, выставляемый частью московской делегации, делегациями украинской, саратовской, белорусской, литовской и частью фронтовых делегаций. Делегаты Урала, Вятки и 11 армии предлагают свой список. Наконец, еще одна группа предлагает свой список. Это перечисление списков показывает, что у КПСС когда-то было нечто вроде «внутрипартийной демократии», о которой сегодня и думать не смеют. Во всех этих списках как общепризнанные вожди неизменно присутствуют только 6 человек: Ленин, Зиновьев, Троцкий, Бухарин, Каменев и Сталин.

Избранными оказались:

Члены ЦК: 1. Белобородое, 2. Бухарин, *3.* Дзержинский, 4. Евдокимов, 5. Зиновьев, 6. Калинин, 7. Каменев, 8. Крестинский, 9. Ленин. 10. Муранов, 11. Радек, 12. Раковский, 13. Серебряков, 14. Смилга, 15. Сталин, 16. Стасова, 17. Стучка, 18. Томский, 19. Троцкий.

Кандидаты: 1. Артем, 2. Бубнов, *3.* Владимирский, 4. Данишевский, 5. Мицкевич, 6. Смирнов (И. Н.), 7. Шмидт, 8. Ярославский.

Ревизионная комиссия: 1. Курский, 2. Луначарский, 3. Цивцивадзе.

В членский состав ЦК не попал никто из оппозиционеров (если таковыми не считать Бухарина – по национальному вопросу и Сталина – по военному), в кандидатский состав были включены два «военных оппозиционера» (Бубнов, Ярославский).

Ленин получил «передышку» от оппозиции на целый год – до следующего очередного съезда партии.

На пленуме ЦК нового состава 25 марта были избраны его руководящие органы: *члены Политбюро:* Ленин, Каменев, Крестинский, Троцкий, Сталин; кандидаты: Бухарин, Зиновьев, Калинин.

Члены *Оргбюро:* Белобородое, Крестинский, Серебряков, Сталин, Стасова; кандидат: Муранов. Ответственный секретарь ЦК: Стасова («История КПСС», т. *3,* кн. II, стр. 282).

Общий вывод: если до сих пор Ленину приходилось бороться с оппозициями, которые возникали только внутри ЦК и в его же рамках оспаривали претензии Ленина на безошибочность своих действий и безапелляционность своей гегемонии в руководстве над партией и государством, то теперь, когда ЦК в основном был очищен или умиротворен, борьба развертывается вне ЦК. Теперь съезды партии, куда все еще попадают инакомыслящие, делаются ареной борьбы партийных оппозиций. В то время, когда различные внутрипартийные оппозиции, под различными кличками, отражают в своих платформах волю и чаяния широких партийных масс, ЦК отстаивает неприкосновенность своего авторитета и безошибочность действий партаппаратной иерархии. Есть у этих оппозиций и еще одна общая им всем, характерная черта: конъюнктурные постулаты партийного аппарата они принимают за истинную программу партии, агитационные лозунги – за действительную цель.

Отсюда Ленин сделал необходимые выводы в двух документах, принятых один на

VIII съезде – о проведении первой чистки партии под наименованием «общей регистрации всех членов партии» («КПСС в резолюциях», ч. I, стр. 441), другой документ – это новый Устав партии, принятый на VIII партконференции (декабрь 1919 г.), в который был введен целый новый раздел о «строжайшей дисциплине», хотя сохранялся и пункт о «демократическом централизме». Новый раздел о дисциплине подчинял всю партию Центральному Комитету и его комитетской иерархии на местах. В Устав был включен впервые и пункт об обязательном прохождении кандидатского испытательного стажа для желающих вступить в партию. Чистка партии продолжалась до конца сентября 1919 г., в результате, по подсчетам американского историка, было исключено более половины из 250 тысяч коммунистов (A Concise History of the Communist Party of Soviet Union, by John S. Resheter, 1960, Praeger, p. 163).

Официальная партийная статистика не располагает точными данными о количестве «вычищенных» из партии в эту первую чистку. Дается только общее число исключенных из партии и мобилизованных на гражданскую войну в количестве 91 тысячи членов и 50 тысяч кандидатов. Одновременно была объявлена так называемая «партийная неделя» по вербовке в партию рабочих и красноармейцев. Вербовка дала более 200 тысяч коммунистов («Девятый съезд РКП (б). Протоколы», 1960, стр. 574). Главный критерий при приеме – абсолютное послушание директивам партаппарата.

А. Авторханов

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАРТОКРАТИИ

ТОМ ВТОРОЙ

ЦК и Сталин

Глава 22

ЗАГОВОР «ТРОЙКИ» ПРОТИВ ЛЕНИНА

С конца 1921 г. Ленин часто болел и брал продолжительные отпуски. Еще весной 1922 года он успешно провел XI съезд партии, хотя и не был на нем так активен, как на предыдущих съездах. 23 апреля 1922 г. ему делают операцию по извлечению одной из двух пуль, которыми он был ранен летом 1918 г., но уже 27 апреля он участвует в заседании Политбюро. В дальнейшем Ленин целый месяц руководил работой правительства и ЦК,

пока его не сразил первый удар болезни, приведший к частичному параличу правой руки и правой ноги и к расстройству речи. Это было 25 мая 1922 г.

Историю болезни Ленина и ее политическое последствие Троцкий описывает со свойственным ему пафосом: «На третий день ко мне пришел Бухарин.

– «И вы в постели?» – воскликнул он в ужасе.

– «А кто еще, кроме меня», – спросил я.

– «С Ильичом плохо: удар, – не ходит, не говорит. Врачи теряются в догадках»...

Ленин считался крепышом, и здоровье его казалось одним из несокрушимых устоев революции. Он был неизменно активен, бдителен, ровен, весел... В конце 1921 г. состояние его ухудшилось...

В марте усилились головные боли... Ленин заболел, оказывается, еще третьего дня. Тогда мне и в голову не приходили какие-либо подозрения. Бухарин говорил вполне искренно, повторяя то, что ему внушали «старшие». В тот период Бухарин был привязан ко мне чисто бухаринской, т. е. полуистерической, полуребяческой привязанностью. Свой рассказ о болезни Ленина Бухарин кончил тем, что повалился ко мне на кровать и, схватив меня через одеяло, стал причитать: «не болейте, умоляю вас: есть два человека, о смерти которых я всегда думаю с ужасом ... это Ильич и вы»... Удар был оглушающий. Казалось, что сама революция затаила дыхание... Гораздо позже... я опять вспомнил со свежим удивлением, что мне о болезни Ленина сообщили только на третий день... Это не могло быть случайно. Те, которые давно готовились стать моими противниками, в первую голову Сталин, стремились выиграть время. Болезнь Ленина была такого рода, что сразу могла принести трагическую развязку. Завтра же, даже сегодня могли ребром встать все вопросы руководства. Противники считали важным выгадать на подготовку хоть день... В это время, надо полагать, уже возникла идея «тройки» (Сталин-Зиновьев-Каменев)» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 206-209). Вот с этих пор и начинается борьба за наследство еще не умершего, но явно умирающего Ленина. Правда, от первого удара Ленин как будто оправился, даже вернулся к работе в октябре, но в декабре последовал второй, еще более серьезный удар... Ленин медленно, но явно умирал. В Политбюро сидели три претендента в наследники: Троцкий, Зиновьев, Каменев. Ни Сталин – фактический наследник, ни Рыков – юридический наследник никому и в голову не приходили. В отношении Рыкова это вполне

понятно, но в отношении Сталина это объяснялось невежеством в деле знания партийной машины и роли в ней Сталина с первых дней его вступления в ЦК (1912). Даже советскую государственную машину никто, включая Ленина, так универсально не знал, как Сталин. В самом деле, Сталин с первых же дней большевистской революции входит беспрерывно в бюро ЦК, потом Политбюро, одновременно Оргбюро, как единственный из членов Политбюро, он нарком национальностей, одновременно нарком государственного контроля (РКИ), он член Реввоенсовета республики от ЦК, он член Коллегии ВЧК – ОГПУ от ЦК, он член Совета труда и обороны от президиума ВЦИК. Эти не номинальные должности, а такие, где Сталин оставил глубокие следы личного творчества. Не забудем, что в семичленном законодательном органе – в Политбюро пять эмигрантов (Ленин, Троцкий, Зиновьев и отчасти Каменев и Рыков) и только два настоящих подпольщика революции в России – Сталин и Томский. В эмиграции были «литераторы партии», как они именовались в протоколах ЦК в марте 1917 г., а в России – организаторы партии и революции. Психологически Сталин был для рабочих большевиков-подпольщиков «свой парень», а эмигранты – «интеллигенты». Это не было секретом, хотя об этом из-за уважения к Ленину не говорили вслух, а только шептались: интеллигенты – завсегдатаи женевских кафе и парижских «бистро» – отсидели царизм за границей, а рабочие большевики, как Томский, и подпольщики, как Сталин, делали революцию. Беглый взгляд на биографии вождей показывал, что каждый из эмигрантов членов Политбюро по одному разу ссылались, а Сталин – семь раз арестовывался, пять или шесть раз ссылался, причем пять раз бежал, чтобы дальше делать революцию, хотя он мог эмигрировать, как эмигрировали «интеллигенты». Все это надо помнить, если мы хотим понять дальнейшее развитие событий.

Первое серьезное столкновение Ленина произошло со Сталиным по вопросу о принципах создания из советских республик РСФСР, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджана одной федерации СССР (название «СССР» было выбрано как универсальная форма для мировой федерации, так как в нем нет ни этнического, ни континентального ограничения; вначале Ленин хотел дать название: «Союз советских республик Европы и Азии»). 10 августа 1922 г., по предложению Политбюро, была создана комиссия Оргбюро ЦК по вопросу о федерации с включением туда представителей названных республик. Возглавлял комиссию Сталин, он же представил и проект резолюции комиссии. Согласно проекту, все

советские республики входили в РСФСР на правах автономных республик («автономизация»). Сталин поспешил, без ведома Ленина, направить свой проект Центральным Комитетам компартий Грузии, Армении, Азербайджана, Украины, Белоруссии. Грузия отклонила проект с мотивировкой: «Предлагаемое на основании тезисов т. Сталина объединение в форме автономизации независимых республик считать преждевременным. Объединение хозяйственных усилий и общей политики считаем необходимым, но с сохранением всех атрибутов независимости» (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 556). Белоруссия высказалась за сохранение старой формы договорных отношений между республиками. Украина колебалась, Азербайджан и Армения поддержали идею Сталина.

Комиссия Оргбюро 24 сентября приняла за основу проект Сталина. 25 сентября Ленин затребовал к себе в Горки все материалы Комиссии Сталина. Но, как отмечает официальный комментатор, «одновременно, не дожидаясь указаний Ленина и без рассмотрения этого вопроса в Политбюро, секретариат ЦК разослал резолюцию комиссии всем членам и кандидатам ЦК к пленуму, назначенному на 5 октября» (там же, стр. 558). Недовольный этим, Ленин 26 сентября пишет Каменеву, временному председателю Политбюро, письмо для членов Политбюро с требованием обсудить данный вопрос («вопрос архиважный. Сталин немного имеет стремление торопиться»). Ленин сообщает, что на личной встрече, 26 сентября, «одну уступку Сталин уже согласился сделать» (по параграфу № 1 его проекта) – эта уступка Сталина принципиально меняла всю схему объединения в духе Ленина: советские республики не «вступают в РСФСР», как этого требовал Сталин, а вместе с РСФСР образуют новую федерацию суверенных советских республик. Однако Сталин свою уступку рассматривал, как уступку терминологическую, а не по существу дела. Составляя вместе q РСФСР юридически новую федерацию, фактически союзные республики должны быть подчинены органам верховной власти РСФСР. Предложение же Ленина о «равноправии и суверенитете» (Ленин, конечно, был того же мнения, что и Сталин, но искал формулу пропагандно более эластичную) Сталин в письме членам Политбюро от 27 сентября оценил как позицию «национального либерализма» (там же, стр. 558).

Остальные пункты проекта Сталина, которые критикует Ленин, следующие:

§ 2 у Сталина изложен так:

Постановления ВЦИК РСФСР, Совнаркома и СТО обязательны для союзных республик (Ленин, там же, стр. 557).

Ленин предлагает: изменить его в соответствии с изменением § 1, а именно создать новые законодательный и исполнительный органы новой федерации ;

§4 у Сталина изложен так:

Наркоматы финансов, продовольствия, труда и народного хозяйства союзных республик подчинены соответствующим наркоматам РСФСР;

Ленин предлагает слить эти наркоматы в общесоюзные наркоматы;

§ 5 у Сталина изложен так:

Остальные наркоматы (юстиции, просвещения, земледелия, внутренних дел, здравоохранения, социального обеспечения) считать самостоятельными, но органы ГПУ союзных республик подчиняются ГПУ РСФСР.

Ленин предлагает: республиканские наркоматы – самостоятельны, в том числе и ГПУ, но могут быть учреждены совместные съезды или конференции соответствующих наркоматов с совещательным характером (там же, стр. 211-212 и стр. 557).

В своем сопроводительном письме на имя Политбюро Сталин отводит все три поправки Ленина: поправка к § 2 «не может быть, по моему мнению, принята. Существование двух ЦИК-ов в Москве не дает ничего, кроме конфликтов и дискуссий...», поправка к § 4 не приемлема, здесь «сам т. Ленин немного торопится, предлагая слияние наркоматов... Едва ли можно сомневаться, что такая «торопливость» дает *горючее защитникам независимости во вред национал-либерализму т. Ленина»* (Л. Троцкий, Сталинская школа фальсификации, стр. 66-67).

Неизвестна реакция Ленина на эти замечания Сталина, но в день заседания Политбюро – 6 октября Ленин пишет Каменеву:
«Великодержавному шовинизму объявляю войну не на жизнь, а на смерть. Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИК председательствовали по очереди

русский
украинец
грузин и т. д.

Абсолютно!» (Ленин, там же, стр. 214).

6 октября Политбюро, в отсутствие Ленина, обсудило проект Сталина и

возражения Ленина. Обмен записками между Каменевым и Сталиным на заседании показывает остроту положения. Каменев пишет Сталину: «Ильич объявляет войну в защиту независимости» (республик), Сталин отвечает: «Я думаю, что мы должны быть твердыми с Лениным» (П. Поспелов, В. И. Ленин. Биография, 2-ое изд., 1963, стр. 611).

Политбюро, как и ЦК в целом, не разделяло позиции Сталина. Оно решило создать новую комиссию (Сталин, Молотов, Орджоникидзе, Мясников) и переработать коренным образом проект Сталина на основе замечаний Ленина. Вынужденный исполнить это решение, Сталин проявил нелояльность по отношению к Ленину. Официальный комментатор Сочинений Ленина пишет, что, рассылая членам ЦК новый проект, Сталин умалчивал, что новый проект родился в результате принципиальных замечаний Ленина, но – что еще хуже: «смазывалась коренная разница между проектом «автономизации» и ленинским проектом, утверждалось, что новая резолюция представляла собой лишь «более уточненную формулировку резолюции комиссии Оргбюро, которая в основе правильная и безусловно приемлемая» (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 558-559).

Пленум 6 октября принял резолюции о создании СССР на принципах, изложенных Лениным в критике проекта Сталина. Сталин даже после этого продолжал бороться за свою «автономизацию», что составит потом и сущность так называемого «грузинского вопроса».

Другой вопрос, по которому у Ленина были принципиальные разногласия со Сталиным, касался закона монополии внешней торговли. Сталин, Зиновьев и Каменев провели через пленум ЦК от 6 октября решение, по которому пересматривались основы монополии внешней торговли, разрешался свободный ввоз и вывоз ряда товаров. Ленин был крайне возмущен. В письме к Сталину для членов ЦК Ленин оценил решение пленума как «срыв монополии внешней торговли» и потребовал отсрочить его выполнение на два месяца – «до следующего пленума ЦК» (там же, стр. 221-222). Сталин разослал копии письма Ленина членам ЦК. В сопроводительном письме Сталин писал: «Письмо т. Ленина не разубедило меня в правильности решения пленума ЦК... Тем не менее, ввиду настоятельного предложения Ленина об отсрочке решения пленума ЦК, я голосую за отсрочку с тем, чтобы вопрос был вновь поставлен на следующий пленум с участием т. Ленина» (там же, стр. 563).

Отметим тут же, что когда Ленин сообщил Сталину 15 декабря 1922 г.,

что он заключил «соглашение с Троцким о защите моих взглядов на монополию внешней торговли... и уверен, что Троцкий защитит мои взгляды нисколько не хуже, чем я» (там же, стр. 338-339), то Сталин решил предупредить образование блока Ленин-Троцкий. Поэтому в письме к членам ЦК в тот же день Сталин пишет: «Ввиду накопившихся за последние два месяца новых материалов... говорящих в пользу сохранения монополии, считаю своим долгом сообщить, что снимаю свои возражения против монополии внешней торговли» (там же, стр. 589). Разумеется, «новые» материалы были те же самые старые материалы, но новым во всем политическом развитии партии был этот явно обозначившийся, для дела Сталина очень опасный блок Ленина и Троцкого. Его надо было любой ценой предупредить. Для Сталина, как для «тройки» вообще, Троцкий, действующий по мандату Ленина, был хуже, чем сам Ленин. Партия наглядно увидела бы, кого Ленин метит в свои преемники.

Именно между двумя ударами (май и декабрь) происходит особенное сближение между Лениным и Троцким. С 10 октября Ленин возвращается к работе. Троцкий пишет, что «Ленин чуял, что в связи с его болезнью, за его и за моей спиной плетутся пока что почти неуловимые нити заговора. Он готовился дать "тройке" отпор» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 212). Последние недели перед вторым ударом Ленин беседует с Троцким, предлагая Троцкому стать заместителем. Троцкий отказывается (это подтверждают и официальные партийные документы). Мотив отказа Троцкого не очень скромный: «Нет никакого сомнения в том, что для текущих дел Ленину было удобнее опираться на Сталина, Зиновьева или Каменева... Ленину нужны были послушные практические помощники. Для такой роли я не годился» (там же, стр. 214-215).

Ленин настаивал, во время новой встречи, на своем предложении, говоря, что «нам нужна радикальная личная перегруппировка» – и что новое положение помогло бы Троцкому «перетряхнуть» аппарат. Когда в ответ Троцкий сказал, что все зло заключается не столько в государственном бюрократизме, сколько в партийном и во взаимном укрывательстве влиятельных групп, собирающихся вокруг иерархии партийных секретарей, то «чуть подумав, Ленин поставил вопрос ребром: «вы, значит, предлагаете открыть борьбу не только против государственного бюрократизма, но и против Оргбюро ЦК»... Оргбюро ЦК означало самое средоточие сталинского аппарата». – «Пожалуй, выходит так». – «Ну, что ж, – продолжал Ленин, явно

довольный тем, что мы назвали существо вопроса, – я предлагаю вам блок: против бюрократизма вообще, против Оргбюро, в частности». – «С хорошим человеком лестно заключить хороший блок», – сказал я. Мы условились встретиться снова через некоторое время... Он намечал создание комиссии ЦК... Мы оба должны были войти туда. По существу эта комиссия должна была стать рычагом разрушения сталинской фракции» (Л. Троцкий, там же, стр. 216-217). Троцкий даже не подозревает, какой это великий комплимент по адресу Сталина, что признанные вожди октябрьского переворота – Ленин и Троцкий – должны заключить блок, чтобы свергнуть одного Сталина!

Мог бы блок иметь успех, удалось бы свергнуть Сталина? На эти вопросы ответить не очень просто. В иерархии партаппарата позиция Сталина была почти неотразима, в ЦК он имел надежное большинство из личных сторонников, в лице «тройки» создалась сила, готовая противостоять даже Ленину. Троцкий ставит тот же вопрос и дает ответ: «Смог бы Ленин провести намеченную им перегруппировку руководства? В тот момент – безусловно» (там же, стр. 218). Однако это не кажется, очень уж бесспорным в свете последующих событий. Но уже совершенно неубедительно звучит второй ответ Троцкого: «Более того. Я не сомневаюсь, что если б я выступил накануне XII съезда в духе «блока» Ленина-Троцкого против сталинского бюрократизма, я бы одержал победу и без прямого участия Ленина» (стр. 219). Вся ситуация в «иерархии партийных секретарей» и все факты расстановки сил внутри партии, даже сама тщательная подготовка «тройкой» XII съезда решительно говорят против уверенности, точнее, самоуверенности Троцкого, что он и один справился бы с задачами «блока». Впрочем, Троцкий и не собирался двинуться в такой бой, несмотря на всю помощь и подталкивание Ленина. Еще 21 декабря, когда по вопросу о монополии внешней торговли «тройка» капитулировала (правда, Зиновьев в угоду Сталину еще храбрился) и ЦК пересмотрел свое старое решение, Ленин писал Троцкому: «Как будто удалось взять позиции без единого выстрела простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление» (Ленин, ПСС, т. 54, стр. 327-328).

Почему же Троцкий не последовал этому призыву Ленина «продолжать наступление»?

Прежде, чем выслушать Троцкого на этот счет, изложим содержание двух других важнейших ленинских документов: 1) Завещание Ленина

(«Письмо к съезду»), 2) Записка Ленина «К вопросу о национальностях или об "автономизации"».

13 декабря 1922 г. у Ленина было два приступа болезни, а 15-16 декабря произошло резкое ухудшение здоровья. 18 декабря происходит пленум ЦК, который специальным постановлением возлагает на Сталина персональную ответственность за соблюдение режима, установленного врачами для Ленина. В ночь с 22 на 23 декабря у Ленина второй удар – наступает паралич правой руки и ноги. Но того же 23 декабря Ленин, словно предчувствуя приближение конца, просит врачей разрешить ему продиктовать стенографистке в течение пяти минут, так как его «волнует один вопрос». Однако и ЦК, и врачи одинаково не хотели, чтобы Ленин писал. Тогда, по свидетельству сестры Ленина – М.Ульяновой, Ленин предъявил ультиматум: или ему разрешат несколько минут диктовать свой «дневник», или он бросит лечиться. Он получает разрешение и 23 декабря 1922 г. начинает диктовать свое знаменитое «Завещание» («Письмо к съезду»). 24 декабря после совещания Сталина, Каменева и Бухарина с врачами Политбюро вынуждено подтвердить решение:

1. Ленину разрешается диктовать ежедневно 5-10 минут, но это не должно носить характер переписки, и Ленин на эти записки не должен ждать ответа. Свидания запрещаются.

2. «Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Ленину ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений» (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 710).

Это значит, что Ленину закрыт доступ к любой политической информации, а главное – ко всем документам ЦК. Следить за соблюдением этого режима должен Сталин. Все-таки есть одно лицо из Политбюро, с которым Ленин свободно может говорить на политические темы и информироваться у него – это сам Сталин во время его «дежурных» визитов к Ленину. Ведь это сам Сталин описал один из своих визитов к Ленину во время ранней стадии болезни Ленина. Ленин Сталину говорил: «Мне нельзя читать газеты, мне нельзя говорить о политике, я старательно обхожу каждый клочок бумаги, ... боясь, как бы он не оказался газетой и как бы не вышло из этого нарушения дисциплины». Но Сталин замечает к рассказу Ленина: «Я хохочу и превозношу до небес дисциплинированность тов. Ленина. Тут же смеемся над врачами, которые не могут понять, что профессиональным политикам, получившим свидание, нельзя не говорить о

политике» (Сталин, Соч., т. 5, стр. 135).

Понятно, о какой «политике» Сталин говорил с Лениным и какой информацией он его снабжал.

События с Лениным и вокруг Ленина с 23 декабря (когда Ленин начал писать «Завещание» (и до 6 марта 1923 г., когда он порвал всякие отношения со Сталиным, поддаются приблизительной реконструкции благодаря трем источникам:

1) «Дневнику дежурных секретарей Ленина» (21 ноября 1922 г. – 6 марта 1923 г.), 2) отрывочным комментариям редакции Сочинений Ленина пятого издания, 3) самим «запискам» Ленина.

При всей его субъективности по отношению к Сталину и оценке политических событий, Троцкий является дополнительным источником, так как все факты и документы, которые он приводит, прямо или косвенно подтверждены теперь и советскими историками.

Записку 23 декабря 1922 г. Ленин продиктовал своей секретарше М. Володичевой. В «дневнике» сказано: «Перед тем, как начать диктовать (Ленин), сказал: "Я хочу вам продиктовать письмо к съезду. Запишите". Продиктовал быстро, но болезненное состояние его чувствовалось» (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 474).

Сущность этой части «Письма к съезду» сводится к тому, что Ленин предлагает: 1) увеличить число членов ЦК «до нескольких десятков или даже до сотни… Я думаю, что такая вещь нужна и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии» и

2) «придать законодательный характер на известных условиях решениям Госплана, идя навстречу требованиям т. Троцкого» (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 343). Эта часть «Письма» была послана Сталину в тот же день, но, как отмечает официальный комментатор, «в протоколах заседаний Политбюро и пленумов ЦК не упоминается об этой записи Ленина» (там же, стр. 593). Более чем вероятно, что ее Сталин скрыл даже от членов «тройки». Такое предположение основывается не только на отсутствии упоминания этой части «письма» в бумагах руководящих органов ЦК, но и на том факте, что, делая политический отчет ЦК на XII съезде (апрель 1923), Зиновьев совершенно игнорирует установки Ленина, тогда как Сталин говорит о необходимости увеличения членского состава ЦК, выдавая это

предложение за свое собственное (об этом у нас еще будет речь). В дальнейшем здоровье Ленина начало опять улучшаться. Он имеет разрешение диктовать 30-40 минут в день. Когда впоследствии «тройка» отказалась исполнить «Завещание» Ленина, она выдавала его за продукцию больного ума умирающего паралитика. Между тем, официальный комментатор пишет: «Будучи тяжело больным физически, Ленин сохранил полную ясность мысли, необычайную силу воли, величайший оптимизм» (там же, стр. 592). Ленин надеется, что он сможет выступить на предстоящем XII съезде и там сам изложит свои предложения и аргументы. Тем интенсивнее он работает. С одной стороны, он продолжает диктовать «Завещание» (с 24 декабря по 4 января 1923 г.), с другой, диктует статьи на актуальные темы для «Правды» («Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции» (по поводу записок Н. Суханова), «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше»). Политбюро тоже думает, что Ленин будет в состоянии выступать на XII съезде, чем и объясняется решение Политбюро ЦК от 11 января назначить Ленина докладчиком по политическому отчету ЦК XII съезду.

Нет никаких указаний, что Сталин получил, кроме упомянутой первой части «письма», его продолжение. М. Володичева писала уже в период единовластия Сталина в 1929 г. (что заставляет относиться к ее свидетельствам этого периода критически):

«Все статьи и документы, продиктованные Лениным, переписывались по желанию Ленина в пяти экземплярах, из которых один просил оставлять для него, три Надежде Константиновне и один в свой секретариат (строго секретно)... На запечатанных сургучной печатью конвертах, в которых хранились копии документов, он просил отмечать, что вскрыть может лишь Ленин, а после его смерти Надежда Константиновна (черновики копий мною сжигались)» (там же, стр. 592-593).

Очень похоже, что Сталин здесь задним числом создает себе *алиби,* ибо совершенно невозможно допустить, чтобы Сталин не интересовался «продолжением» записи Ленина, а секретарши Ленина – люди, назначенные сюда Сталиным (в том числе и его жена Надежда Аллилуева), которые хорошо знают, что Ленин умирает, но Сталин остается. Интересно, что Сталин, который впоследствии расстрелял многих жен «врагов народа», не тронул ни одной из секретарш Ленина.

Основная часть «Завещания» заключена в записях 24-25 декабря и

приписке от 4 января 1923 г. Если Сталин скрывал его от партии на протяжении 30 лет, то наследники Сталина, опубликовав его, тем не менее интерпретируют его нелояльно, просто антиленински.

На самом деле «Завещание» не содержит ничего двусмысленного и не допускает разных интерпретаций. Вот вкратце его характеристика членов ЦК:

1) *Сталин:* «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью»;

2) *Троцкий:* «Тов. Троцкий ... отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела»;

3) *Зиновьев и Каменев:* «Октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому»;

4) *Бухарин:* «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики»);

5) *Пятаков:* «Затем Пятаков – человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством, . . . чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе. Конечно, и то и другое замечание делаются мною для настоящего времени в предположении, что эти оба (Бухарин и Пятаков. – А. А.) выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои односторонности» (24-25 декабря 1922 г.) (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 345-346).

Потом, 4 января 1923 г. последовало «Добавление к письму от 24 декабря 1922 г.». В этом «добавлении» и вся суть «Завещания» Ленина. Там сказано: «Сталин слишком груб... Этот недостаток становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от т. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более

вежлив... меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью... Но с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение» (там же, стр. 346).

Хотя характеристики Ленина руководителям ЦК несколько напоминают характеристику, которую давал незабвенный Собакевич губернскому прокурору, все же из этих характеристик вытекают ясные политические выводы. Однако не те, которые делают официальные историки, но также и не те, которые делает Троцкий. Троцкий думает, что Ленин хотел провести в верхах партии такую перестройку руководящих кадров и создать «такие условия в партии, которые дали бы мне возможность стать заместителем Ленина, по его мысли: преемником на посту председателя совнаркома... Бесспорная цель завещания: облегчить мне руководящую работу» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 217).

Троцкий ошибается. Это вовсе не вытекает из «Завещания». Правда, Троцкий назван «самым способным человеком в ЦК», но «самый способный человек» еще не значит самый способный большевик. Кроме того, в такой характеристике Троцкого Ленин явно ошибся. Поскольку у Ленина речь идет о политической «способности», то самым способным оказался тот, кого Ленин хотел вообще убрать – Сталин. Ведь о величии или ничтожестве политического деятеля судят по его успехам в политике, а не в публицистике или в ораторском искусстве, тем более не по тому, что он о себе думает.

Весь смысл «Завещания» в следующем: в ясном сознании чувства приближающегося конца своей жизни Ленин пришел к сокрушительному для своего наследства выводу: во главе партии и государства он оставляет Политбюро, в котором нет ни одного политика без крупного политического порока, а один даже предрасположен к криминальным преступлениям – Троцкий небольшевик, Зиновьев и Каменев способны на новую измену («октябрьский эпизод» Ленин в свое время оценил как измену), Сталин – не лоялен и способен злоупотребить властью, Бухарин – схоласт и марксист без диалектики. Остались еще два члена Политбюро, которых Ленин не упомянул: Рыков и Томский, но Рыков дореволюционный «примиренец», революционный «дезертир» (уход из советского правительства в ноябре 1917 г.), а Томский постоянно боролся с Лениным за «самостоятельность»

комфракций в иерархии профсоюзов, за их независимость от ЦК. Едва ли они, будучи даже упомянуты, заслужили бы характеристики без оговорок. Хотя Ленин никого из них не требует снять, кроме Сталина, но хочет, чтобы они все были поставлены под контроль расширенного ЦК, ибо без этого, по Ленину, перечисленные им «качества двух выдающихся вождей современного ЦК (Троцкого и Сталина. – А. А.) способны ненароком привести к расколу» (там же, стр. 345). Заметим: Ленин все-таки не отметил у Сталина, в отличие от других, ни одного из его политических изъянов, хотя они у него были, что касается «грубости» и «нелояльности», то Сталин впоследствии будет признаваться в этих своих качествах, присовокупляя смягчающие вину обстоятельства: да, товарищи, говорил Сталин, это верно, я груб и нелоялен по отношению к тем, кто издевается над ленинизмом!

Но после того, как было составлено политическое «Завещание» Ленина, весь вопрос сводился к тому, кто из названных в нем лиц наилучшим образом воспользуется им. Вот здесь Сталин показал такой высокой класс тактического искусства, в котором все рецепты Макиавелли и достижения Ленина кажутся просто детским лепетом.

К Сталину Ленин возвращается еще раз в записках «К вопросу о национальностях или об "автономизации"» от 30 и 31 декабря 1922 г. Краткая история возникновения этих записок такова. В Закавказье была создана локальная федерация из трех советских республик – Азербайджана, Армении и Грузии. Над компартиями трех республик был поставлен Закавказский крайком партии во главе с С. Орджоникидзе. Заккрайком не считался с «суверенитетом» республик, а Орджоникидзе чувствовал себя вроде если не «великого визиря», то в роли кавказского наместника Москвы. По существу он был прав, но Ленин придавал большое значение как раз вежливой форме правления своего сатрапа, особенно в такой чувствительной стране, как Кавказ (он даже писал в 1921 г. особое письмо коммунистам Кавказа, чтобы они не копировали московской политики, а в соответствии с национально-бытовыми условиями видоизменяли ее). Когда Орджоникидзе начал управлять Грузией, минуя руководящие органы Грузии, то ЦК Грузии 22 октября подал в отставку. Положение осложнилось еще и тем, что на одном из совещаний Орджоникидзе, исчерпав, видимо, все другие аргументы, дал сильную пощечину одному из сторонников грузинского ЦК в присутствии заместителя Ленина – Рыкова. Руководители компартии Грузии во главе со старыми большевиками Буду Мдивани и Махарадзе обратились с жалобой на

Орджоникидзе в ЦК партии в Москве. ЦК назначил комиссию в составе Дзержинского (председатель), Мануильского и Капсукас-Мицкевича (25 ноября 1922 г.). Так как Сталин безусловно поддерживал «великодержавника» Орджоникидзе против «социал-националиста» Б. Мдивани (Мдивани хотел, чтобы Грузия вступила прямо в состав СССР, минуя Закавказскую федерацию – в этом был весь «национал-уклонизм»), вернувшись из Грузии, Дзержинский доложил Ленину грузинское дело в угодном Сталину свете. Ленин усомнился в объективности Дзержинского, так как начал получать из Грузии убедительные факты не только о произволе Орджоникидзе, но и об укрывательстве его со стороны Сталина. Отсюда родились названные записи по национальному вопросу. В записке от 30 декабря Ленин говорит, что он два раза собирался (на октябрьском и декабрьском пленумах ЦК) вмешаться «в пресловутый вопрос об автономизации», но ему оба раза помешала болезнь. На какой стороне собирался выступить Ленин – на стороне Орджоникидзе и Сталина или на стороне «национал-уклонистов» или «социал-националистов», как их первоначально окрестил Сталин, – довольно ясно показывают сами записки. Официальные историки до сих пор фальсифицируют Ленина, утверждая, что Ленин якобы осуждал «национал-уклонистов» во главе с Мдивани, на самом деле Ленин осуждал изобретателя этого ярлыка и главного виновника преследования грузинских большевиков – Сталина и его помощников Дзержинского и Орджоникидзе. Ленин говорит, что после беседы с вернувшимся из Грузии главой комиссии ЦК (она ездила туда 25 ноября) он вынес «только самые тяжелые опасения... Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия, то можно себе представить, в какое болото мы слетели. Видимо вся эта затея «автономизации» (затея Сталина. – А. А.) в корне была неверна... Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и административное увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль» (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 356-357). Обвиняя нерусских – Дзержинского, Орджоникидзе, Сталина в великорусском шовинизме, Ленин делает одно интересное замечание: «известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения» (там же, стр. 358). В записке по тому же вопросу от 31 декабря Ленин произносит над Сталиным убийственный политический приговор. Ленин пишет: «В данном случае по отношению к грузинской

нации мы имеем типичный пример того, где сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость требуются с нашей стороны... Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинением в «социал-национализме» (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности...» (там же, стр. 360). Кончая записки по национальному, в частности по грузинскому вопросу, Ленин требует «примерно наказать Орджоникидзе», «доследовать и расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются» (там же, стр. 361). Ленин делает вывод: «Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского» (там же, стр. 361). По свидетельству секретарши Ленина – Л. Фотиевой, Ленин хотел к XII съезду опубликовать данные записки в виде одной статьи по национальному вопросу в «Правде» (см. письмо Л. Фотиевой Сталину в приложении к книге Bertram D. Wolfe, Khrushchev and Stalin's Ghost, p. 278, Praeger, New York). Несмотря на тяжесть болезни, Ленин продолжает настойчиво и детально интересоваться грузинским вопросом. Из этого уже видно, что он действительно готовит «бомбу» против Сталина на XII съезде, как он сам выразился в одной из бесед с Фотиевой, делая из грузинского вопроса принципиальный вопрос национальной политики партии вообще.

Под 30 января запись Л. Фотиевой в «Дневнике» гласит: «24 января Владимир Ильич вызвал Фотиеву и дал поручение запросить у Дзержинского или Сталина материалы комиссии по грузинскому вопросу и детально их изучить. Поручение это дано Фотиевой, Гляссер и Горбунову. Цель – доклад Ленину, которому требуется это для партийного съезда. О том, что вопрос стоит в Политбюро, он, по-видимому, не знал. В четверг, 25 января, он спросил, получены ли материалы. Я ответила, что Дзержинский приедет лишь в субботу... В субботу спросила Дзержинского, он сказал, что материалы у Сталина. Послала письмо Сталину... Вчера, 29 января, *Сталин звонил, что материалы без Политбюро дать не может.* Спрашивал, не говорю ли я Владимиру Ильичу чего-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел... Сегодня Владимир Ильич... сказал, что будет бороться, чтобы

материалы дали» (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 476-477).

Действительно, 1 февраля 1923 г. Политбюро выносит решение о выдаче Ленину материалов комиссии Дзержинского. Поручая эти материалы для разработки своим сотрудникам, Ленин сказал: «Если бы я был на свободе (сначала оговорился, а потом повторил, смеясь: если бы я был на свободе), то я легко бы все это сделал сам» (там же, стр. 478). Но Ленин не знает, что тем временем Политбюро утвердило отчет и выводы комиссии с осуждением грузинских «социал-националистов» и полностью подтвердило политику Сталина – Орджоникидзе. Материалы комиссии Ленин получил не без сопротивления Сталина. Фотиева вспоминает, что на заседании Политбюро Каменев сказал, что «поскольку Ленин настаивает, будет даже хуже не давать», на что Сталин ответил: «Не знаю. Пусть делает, что хочет» и потребовал, чтобы его освободили от ответственности за режим больного, но с этим Политбюро не согласилось (Фотиева, «Из воспоминаний», стр. 64-65).

3 февраля Ленин спрашивает Фотиеву, просмотрела ли она грузинские материалы и стоял ли данный вопрос в Политбюро. Когда Фотиева ответила, что она не имеет права говорить об этом, Ленин спросил: «Вам запрещено именно и специально об этом?» – «Нет, вообще я не имею права говорить о текущих делах». – «Значит, это текущее дело?» Фотиева замечает: «Я поняла, что сделала оплошность» (там же, стр. 479). 5 февраля Ленин подробно расспрашивает другую секретаршу – М. Гляссер, как продвигается обработка материалов комиссии Дзержинского. Он узнает, что доклад ему будет сделан через три недели, а до съезда еще шесть недель.

В записи Л. Фотиевой от 12 февраля сказано, что врачи так расстроили Ленина своими запрещениями газет, информации и свиданий, что «у него дрожали губы». У «Владимира Ильича создалось такое впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а ЦК дает инструкции врачам» (там же, стр. 485).

14 февраля Л. Фотиева записала, что Ленин очень торопит с докладом по грузинскому вопросу и поручает сообщить члену президиума ЦКК А. Сольцу, что он, Ленин, «на стороне обиженного» (то есть на стороне Мдивани и его сторонников), то же самое сообщить «кому-либо из обиженных» (там же, стр. 486, 607).

3 марта сотрудники Ленина представили Ленину письменный доклад о результатах изучения ими материалов Дзержинского.

5 марта Ленин продиктовал два письма – одно Троцкому, другое – Сталину, а 6 марта написал письмо Мдивани, Махарадзе и другим. Из них самое важное письмо – письмо Сталину.

По сообщению официального комментатора, Ленин узнал, что Политбюро от 25 января 1923 г. утвердило выводы комиссии Дзержинского. Предварительно изучив материалы этой комиссии через своих собственных сотрудников, выводы которых у него уже были на руках, Ленин пришел к заключению, что нужно протестовать против решения Политбюро на предстоящем пленуме ЦК. Сам выступать Ленин не может, но кому же поручить? Зиновьев и Каменев для Ленина заранее отпадают, тогда остается только Троцкий. Предварительно выяснив позицию Троцкого по грузинскому вопросу, оказавшуюся идентичной с позицией Ленина, и в ложной надежде, что у Троцкого хватит смелости выступить против «тройки» и за «блок» Ленина – Троцкого, Ленин пишет ему следующее письмо: «Строго секретно. Лично.

Уважаемый т. Троцкий!

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия. С наилучшим товарищеским приветом Ленин» (Ленин, ПСС, т. 54, стр. 329).

Вспоминая по свежим следам историю этого письма, Троцкий писал: «Два секретаря Ленина Фотиева и Гляссер служат связью. Вот, что они мне передают. Ленин до крайности взволнован сталинской подготовкой предстоящего партийного съезда... «Владимир Ильич готовит против Сталина на съезде бомбу». Это дословная фраза Фотиевой: Слово «бомба» принадлежит Ленину, а не ей. Владимир Ильич просит Вас взять грузинское дело в свои руки» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 220).

Троцкий убедился, что «на примере политики Сталина Ленин хотел вскрыть перед партией, и притом беспощадно, опасность бюрократического перерождения диктатуры...

– Каменев едет завтра в Грузию на партийную конференцию, – говорю я Фотиевой. Я могу познакомить его с ленинскими рукописями, чтобы побудить его действовать в Грузии в надлежащем духе. – Через четверть часа

Фотиева возвращается (Ленин и Троцкий жили в разных домах в Кремле. – А. А.): «Ни в коем случае. Ленин говорит: «Каменев сейчас же все покажет Сталину, а Сталин заключит гнилой компромисс и обманет» (там же, стр. 222).

6 марта Ленин пишет Мдивани, Махарадзе и др.: «Уважаемые товарищи! Всей душой слежу за Вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь. С уважением Ленин» (Ленин, ПСС, т. 54, стр. 330).

Копия этого письма адресована не только Троцкому, но и Каменеву. Когда удивленный Троцкий наводит справку, почему же Ленин изменил свое мнение о Каменеве, то Фотиева сообщила, что Ленин сказал: «чтобы не опоздать, приходится прежде времени выступать» (Л. Троцкий, там же, стр. 223).

Но спешит и Сталин тоже. Он знает, что Ленин резко осуждает необъективную комиссию Дзержинского. Поэтому Сталин направляет в Грузию новую комиссию в составе Каменева и Куйбышева. Едва Каменев и Куйбышев прибыли в Тифлис, они получили телеграмму Сталина: у Ленина новый тягчайший удар. Если перед отъездом Каменев еще колебался в пользу Ленина, то теперь он решил действовать в духе Сталина – Орджоникидзе – Дзержинского.

Ленин действительно спешит. События начинают принимать драматический оборот. Порою кажется, что «бомба» Ленина против Сталина взорвется еще до открытия съезда. Апогея внутрипартийная драма достигает 5 марта, когда Ленин пишет следующее письмо Сталину:

«т. Сталину. Строго секретно. Лично.

Копия т.т. Каменеву и Зиновьеву.

Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением Ленин» (Ленин, ПСС, т. 54, стр. 329-330).

Факт разрыва Ленина со Сталиным способен произвести в партии

оглушительное впечатление, но едва ли самые ярые ученики Ленина поймут его мотив, когда оскорбленное чувство капризной и, конечно, нервной женщины ставится выше интересов партии. Многие увидят в этом поступке Ленина если не отрыжки мещанства, то запоздалое рыцарство «потомственного дворянина» (ведь в метрике Ульянова-Ленина, там где графа «сословие», стоит: «потомственный дворянин»!).

Об этом письме стало известно и Троцкому через Каменева. Троцкий пишет: «Каменев сообщил мне дополнительные сведения. Он был у Крупской, по ее вызову. Она сообщила ему, что Владимир продиктовал письмо Сталину о разрыве с ним всяких отношений... Он никогда не пошел бы на разрыв личных отношений, если бы не считал необходимым разгромить Сталина политически» (Л. Троцкий, там же, стр. 223).

В «Дневнике» 6 марта М. Володичева пишет, что Ленин просил передать его письмо Сталину «лично из рук в руки и получить ответ... Ответ от Сталина был получен тотчас же после получения им письма Владимира Ильича (письмо было передано мною лично Сталину и мне был продиктован его ответ...)» (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 486).

Ленин не успел прочесть ответ Сталина – того же 6 марта не без влияния всей этой истории у него наступает резкое ухудшение в состоянии здоровья, а 10 марта – третий удар, приведший к усилению паралича правой части тела и к потере речи.

Действительно ли Сталин написал ответное письмо Ленину и Крупской и, если да, каково было его содержание, документально установить невозможно. Когда лидер «новой оппозиции» Зиновьев поднял этот вопрос на объединенном пленуме ЦК и ЦКК в июне 1926 г., рассказав пленуму, что Сталин даже не удостоил Ленина ответа, то Сталин вместо оглашения своего ответа Ленину привел в свидетели сестру Ленина – М. Ульянову. Она сообщила президиуму пленума, что Сталин действительно написал письмо Крупской и Ленину с извинением (Ленин, ПСС, т. 54, стр. 675).

Если уж нужны не документы, а свидетели, то почему же Сталин не взял в свидетели тут же присутствующую на пленуме в качестве члена ЦКК жену Ленина – Крупскую? Официальные комментаторы Ленина не отвечают на такой вопрос.

Вернемся теперь к вопросу, который уже был нами поставлен: почему же Троцкий не последовал призыву Ленина совместными усилиями («блок Ленин – Троцкий») свергнуть Сталина, тем более, что сам Троцкий

утверждает, что Сталин был и его главный враг и что он его мог бы свалить и без прямого участия Ленина? Ответ Троцкого показывает необъяснимую незадачливость в политике, беспомощность в тактике, дилетанство в обращении с властью и поразительное невежество в «секретах» функционирования партийной машины. Революция, в которой Ленин был – мозг, а он – мотор, словно кастрировала у него «волю к власти». Он так и остался революционером, не сделавшись мастером власти. Конечно, в революции он – гигант, а Сталин – пигмей, но, очутившись у власти, гигант сделался пигмеем, а пигмей превратился в гиганта. Нет, свалить такого гиганта Троцкий, конечно, не мог. Еще хуже: он даже этого и не хочет.

В цитированной выше беседе с Каменевым по вопросу о том, как поступать со Сталиным после всех тех акций, которые предпринимает против него Ленин, Троцкий открыто выступает против Ленина. Он сам пишет: «Я изложил ему (Каменеву) свой взгляд на обстановку. Иногда из страха перед мнимой опасностью – говорил я – люди способны накликать на себя опасность действительную. Имейте в виду и передайте другим, что я меньше всего намерен поднять на съезде борьбу ради каких-либо организационных перестроек. Я стою за статус-кво... Я против ликвидации Сталина, против исключения Орджоникидзе (Ленин требовал исключить его из партии), против снятия Дзержинского... Не нужно интриг. Нужно честное сотрудничество» (Л. Троцкий, Моя жизнь, ч. II, стр. 224).

«Честное сотрудничество» со Сталиным!

Почему же все-таки Троцкий отклонил предложение Ленина о совместном выступлении против Сталина? Ответ Троцкого можно было бы квалифицировать как образец бездонной наивности в политике, если бы это не был ответ именно Троцкого. Вот он: «Идея «блока Ленина и Троцкого» была в тот момент полностью известна только Ленину и мне, остальные члены Политбюро смутно догадывались... Мое выступление могло быть понято, изображено, как моя личная борьба за место Ленина в партии и государстве. Я не мог без внутреннего содрогания думать об этом. Я считал, что это может внести такую деморализацию в наши ряды, за которую, даже в случае победы, пришлось бы жестоко расплачиваться... Поймет ли партия, что дело идет о борьбе Ленина и Троцкого за будущность революции, а не о борьбе Троцкого за место больного Ленина?» (Троцкий, там же, стр. 219-220). Что за вопрос?

Ведь это сам Ленин требует у Троцкого выступить во имя Ленина и

Троцкого с уничтожающими Сталина документами, подписанными лично Лениным, по грузинскому делу. Трудно найти удовлетворительное объяснение такому поведению Троцкого, если не предположить, что Троцкий абсолютно не знал Сталина или, может быть, прав тот американский историк, который утверждает, что все поведение Троцкого было в этом деле просто «негероическим» (A. Ulam, Bolsheviks, p. 571, The Macmillan Comp., New York, NY).

Даже Крупская, которая *23* декабря 1922 г. написала Каменеву и Зиновьеву письмо против Сталина в связи с ее оскорблением (Крупская: «Интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину», Ленин, ПСС, т. 54, стр. 675), теперь, когда Ленин порвал со Сталиным, не проявляет никакой активности, чтобы уговорить Троцкого исполнить волю Ленина. Американский биограф Ленина Стефан Т. Поссони считает, что, может быть, Крупская не очень полагалась на твердость Троцкого (S. T. Possony, Lenin, S. 425, Verlag Wissenschaft und Politik, Koln).

Все это не говорит в пользу Троцкого, как политика. С другой стороны, трудно говорить и об отсутствии у него гражданского мужества. В одном он поразительно уникален: каждую свою дискуссию в партии он затевал в неподходящее время, по неподходящему вопросу и с неподходящими союзниками. Когда и время было исключительно благоприятное (кризис в Политбюро), и вопрос был вопросом власти (главная цель любого политика), и союзник был сам основатель и вождь большевизма (Ленин), Троцкий пускается в гамлетовские сомнения: поймет или не поймет партия?

Приближался XII съезд, на имя которого было написано «Письмо к съезду» Ленина. Хотя «тройка» приняла все меры к тому, чтобы ни одна бумага от Ленина не поступила на съезд, одна все-таки проскользнула и застигла «тройку» врасплох. Это было 16 апреля, за день до открытия съезда, когда Фотиева написала Каменеву письмо с копией Троцкому. В этом письме Фотиева писала: «Как я уже информировала Вас, Владимир Ильич продиктовал 31. XII. 22 г. статью по национальному вопросу... Он собирался поставить этот вопрос на съезде. Незадолго перед своей последней болезнью он сообщил мне, что он опубликует эту статью, но после он заболел и окончательной договоренности не было. В. И. рассматривал свою статью как руководящую и придавал ей большое значение. По распоряжению Владимира Ильича эта статья была послана т. Троцкому, которому В. И. поручил защиту своей позиции по этому вопросу на съезде партии, так как оба они

имели одинаковый взгляд на это дело. Л. Фотиева, личный секретарь т. Ленина. 16. IV. 1923 г.» (здесь, как и дальше, обратный перевод с английского) (B. D. Wolfe, Khrushchev and Stalin's Ghost, Praeger, New York, p. 277, английский перевод документов, приложенных к секретному докладу Хрущева на XX съезде). Из письма Фотиевой Политбюро «тройка» впервые узнала, что Ленин находился в связи с Троцким («блок»!) и что Троцкий скрыл как этот факт, так и статью Ленина от ЦК. Троцкий, догадываясь, какой оборот это дело может принять, решил быстро исправить положение. Того же 16 апреля он пишет письмо Сталину «для всех членов ЦК». Троцкий сообщает Сталину, что статью Ленина он получил еще 5 марта, сделал из нее копию для использования ее для собственной статьи в «Правде», а также для внесения поправок к тезисам Сталина по национальному вопросу на XII съезде (которые, поправки, Сталин уже принял). Троцкий добавляет: «Статья эта имеет исключительно важное значение. Она содержит также резкое осуждение трех членов ЦК. Пока хоть тень надежды существовала, что В. И. даст какие-либо указания, касающиеся этой статьи для партийного съезда, я избегал сообщить об этой статье. Если никто из членов ЦК не решится довести эту статью в той или иной форме до сведения партии или съезда, то я, со своей стороны, буду рассматривать это как решение молчать, решение, которое – в связи с партсъездом – снимает с меня личную ответственность за эту статью» (там же, стр. 270).

Получив письмо Фотиевой с приложением статьи Ленина, временный председатель Политбюро Каменев просто умыл руки: он направил весь материал в Секретариат ЦК, поскольку материал «ничего не содержит, что касалось бы лично меня», но, с оглядкой в сторону возможной настойчивости Троцкого (в чем он ошибся) и все еще живого Ленина, добавил: «По моему мнению, ЦК должен немедленно принять решение опубликовать статью Владимира Ильича» (там же, стр. 278). Однако, в отличие от Каменева, Сталин не растерялся. «Дело Сталина» он легко превратил в «дело Троцкого», а публикацию статьи Ленина предупредил самым обычным его трюком в таких случаях. Он заставил ту же Фотиеву написать на его имя новое письмо, касающееся статьи Ленина. Датированное тем же числом письмо это гласит: «Тов. Сталин! Я посоветовалась сегодня с Марией Ильиничной (сестра Ленина. – А.А.), должна ли быть опубликована статья Владимира Ильича, которую я Вам послала... С моей точки зрения я должна только добавить, что Владимир

Ильич не рассматривал эту статью как законченную и готовую для печати. Л. Фотиева, 16. IV. 1923 г. 9 часов вечера» (там же, стр. 278).

Имея на руках письма Троцкого, Каменева и особенно последнее письмо Фотиевой, Сталин обращается с «Заявлением к членам ЦК», в котором пишет:

«Я очень удивлен, что статьи тов. Ленина, которые, без сомнения, имеют особо фундаментальное значение и которые т. Троцкий получил еще 5 марта этого года, он считал допустимым делать собственным секретом более месяца без того, чтобы довести их содержание до сведения Политбюро или пленума ЦК, вплоть до дня перед открытием XII съезда партии.

Тема этих статей – как меня информировали делегаты съезда – является предметом дискуссий и слухов среди делегатов; эти статьи, как я слышал сегодня, стали известны людям, не имеющим ничего общего с ЦК. Сами члены ЦК должны довольствоваться информацией из этих слухов и рассказов, тогда как само собой очевидно, что содержание этих статей должно быть сообщено в первую очередь всем членам ЦК.

Я думаю, что статьи т. Ленина должны быть опубликованы в прессе» (там же, стр. 278-279).

Таким образом, Сталин присоединился к Каменеву по вопросу о необходимости опубликовать статьи Ленина. Однако Сталин добавил, как конец письма, еще одно замечание, которое начисто снимает возможность публикации статей. Сталин кончает письмо так: «Только прискорбно – как это с ясной очевидностью вытекает из письма т. Фотиевой – эти статьи явно не могут быть опубликованы, так как они не проверены т. Лениным» (там же, стр. 279). Как бы прозрачны ни были доводы Сталина – статьи ведь отредактированы и подписаны Лениным – члены ЦК должны были верить секретарше Ленина больше, чем самому Ленину. К тому же, никто не брался проверять ни подписи Ленина, ни то, как Сталин организовал второе письмо Фотиевой.

Не то что опубликовать, Сталин и Каменев сначала не хотели даже довести статью (письмо) Ленина до сведения XII съезда и только прямое вмешательство секретариата Ленина заставило их отступить от своего первоначального решения скрыть статью от съезда. Та же Л. Фотиева после XX съезда писала: «Несмотря на то, что *Сталин и Каменев знали содержание письма* и указание Ленина о необходимости огласить письмо на XII съезде, они уклонились от оглашения его на съезде, пользуясь тем, что Ленин, по

состоянию здоровья, не мог лично вмешаться в это дело. И лишь в результате официального письма из секретариата В. И. Ленина ... о воле Ленина Сталин буквально накануне партсъезда, 16 апреля, затребовал его из секретного архива Ленина, и оно было зачитано руководителям делегации на XII съезде» (Таким был Ленин, Москва, 1965, стр. 431).

«Руководители делегации» – это собственно члены и кандидаты ЦК, которых уже Троцкий, помимо Каменева и Сталина, поставил в известность. Очень характерно и важно указание Л. Фотиевой, что Сталин и Каменев еще раньше знали о содержании письма (статьи) Ленина, как, впрочем, они могли знать и, вероятно, знали обо всем «Завещании» в целом. Не принимать к сведению официально «Завещание» вполне входило в их расчеты, пока «тройка» не разделается с Троцким. Троцкий, видно, знал только статью по национальному вопросу, но не знал всех записок, входящих в состав «Завещания», не знал даже и той первой записки Ленина от 24 декабря о необходимости расширения ЦК до 50-100 человек, которая была препровождена Сталину. Сталин скрыл ее не только от Троцкого, но и от Зиновьева и Каменева. Только этим незнанием можно объяснить, что на февральском пленуме ЦК (1923 г.), где Сталин как бы лично от себя поставил вопрос о расширении ЦК на предстоящем съезде (то же самое повторил без ссылки на Ленина на XII съезде), Троцкий и Рыков начали возражать против этого (см. главу о XII съезде).

Вернемся к переписке между Троцким и Сталиным о статье по национальному вопросу. Троцкий, угадав, что Сталин хочет «делать из нужды добродетель», хваля «фундаментальную статью» Ленина и упрекая Троцкого за то, что он утаил столь важную вещь от ЦК, решил дать еще раз объяснение и отвести всякое подозрение о своей конспирации с Лениным («блок»!).

В день открытия съезда, 17 апреля, Троцкий направил всем членам ЦК заявление, в котором отводил упрек Сталина, говоря, что «т. Ленин прислал свою статью мне лично и секретно, и тем не менее мое определенное намерение ознакомить со статьей членов Политбюро Ленин категорически отвел через т. Фотиеву». Если кто-нибудь думает, что он действовал неправильно, то, писал Троцкий, он может, со своей стороны, внести предложение передать данное дело на расследование специальной комиссии съезда (L. Trotski, Stalin, p. 362-363, London, Hollis and Carter, Ltd., 1947).

18 апреля, на второй день открытия съезда, Троцкий направил личное

письмо Сталину по тому же вопросу. Настойчивость Троцкого, чтобы оправдать себя от всякого обвинения в «нелегальных» связях с Лениным, так велика, что трудно найти этому удовлетворительное объяснение. В новом письме Троцкий раскрывает одну интересную деталь. Он пишет: «Вчера в личной беседе со мною Вы сказали, что в делах статьи т. Ленина я не допустил ничего неправильного и что сформулируете письменное заявление в этом смысле», замечая, что такого заявления он до сих пор не получил, Троцкий сообщает Сталину, если Сталин раздумал поступить так, как обещал, то остается передать дело в конфликтную комиссию «для расследования от начала до конца» (там же, стр. 363). Разумеется, Троцкий не дождался ни письменного заявления Сталина *с* его реабилитацией, ни создания комиссии для расследования обвинения Сталина. Но Сталин достиг своей цели: показал Троцкого нелояльным членом ЦК, да еще конспирирующим с больным Лениным. Вот этого Троцкий и боялся, охваченный, как пишет вышеупомянутый историк, «паникой», он переходит к угрозам... конфликтной комиссией (Ulam, ibid., p. 573).

Обо всем этом в докладе о национальном вопросе на самом съезде Сталин сказал: «Многие ссылались на записки и статьи Владимира Ильича. Я не хотел бы цитировать учителя моего, тов. Ленина, так как его здесь нет, и я боюсь, что, может быть, неправильно и не к месту сошлюсь на него» (Сталин. Соч., т. 5, стр. 266). Цитируя это место из речи Сталина, Троцкий говорит, что «эти слова несомненно представляют собою образец самого крайнего иезуитизма» Сталина, так как Сталин хорошо знал, с каким возмущением Ленин осуждал его национальную политику и что только смертельная болезнь «учителя» предупредила политическую *гибель* столь «преданного» ученика.

Глава 23

ПОСЛЕДНИЙ СЪЕЗД БЕЗ ЛЕНИНА

Последним съездом при жизни Ленина был XII съезд, который происходил в апреле 1923 г. Надежды на участие Ленина в работе съезда

были еще так велики, что Политбюро 11 января 1923 г. утверждает его докладчиком по политическому отчету ЦК. Но врачи-специалисты – иностранные и русские – все менее уверенно говорят о такой возможности; тем интенсивнее работает Ленин над письмами и записками на имя съезда, над директивными статьями для «Правды», которые каждый раз публикуются только по специальному разрешению Политбюро. Ленин старается обойти цензуру Политбюро при помощи редактора «Правды» Бухарина и своей сестры Марии Ульяновой, которая работала в редакции, но это почти никогда ему не удается. Самые важные документы – «Письмо к съезду» и «Об автономизации» Ленин предназначает – первый для XII съезда, второй – для опубликования накануне XII съезда. История и назначения обоих документов, даже теми, которые разоблачали Сталина, фальсифицируются. В основе фальсификации лежат легенды, сочиненные самим Сталиным в согласии с Зиновьевым и Каменевым, но в тайне от других членов ЦК, в том числе и от Троцкого. Непосредственное участие в создании сталинских легенд и в сокрытии от XII съезда «Письма к съезду» приняли три женщины из окружения Ленина: его жена Н. К. Крупская, сестра М. Ульянова и заведующая личным секретариатом Ленина – Л. Фотиева. Самое удивительное то, что сталинские легенды, основанные на вынужденных и неправдоподобных показаниях этих сотрудниц Ленина и пленниц Сталина, легли даже в основу некритических писаний западных историков по поводу «Письма к съезду». Разберем эти легенды по порядку:

1) Название «Письмо к съезду» придумано тогдашним сталинским аппаратом, чтобы сказать, что Ленин писал это письмо только к первому съезду после его смерти, а не к определенному, то есть к предстоящему XII съезду. Чтобы поддержать *эту* версию, фальсифицирован и «Дневник» секретариата Ленина. Там нигде не говорится, что Ленин писал «письмо» для оглашения именно на XII съезде. Однако само письмо Ленина начинается словами: «Я очень просил бы предпринять на *этом* съезде ряд перемен в нашем политическом строе» (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 343). Значит, не вообще «Письмо к съезду», а «Письмо к XII съезду» (это очень важно, как мы увидим дальше);

2) Поэтому, если Ленин пишет «к этому съезду», который открывается через 21/2 месяца, то совершенно нелогично заявление, которое Сталин взял у секретарши Ленина М. Володичевой задним числом – в 1929 г. Володичева «свидетельствует», что Ленин просил ее, чтобы она сделала

надпись на конверте, где хранилось «Письмо к съезду», что вскрыть его может Ленин, а после его смерти Крупская, но что она отказалась писать слова «смерть Ленина» (там же, стр. 593). Как же так, письмо, предназначенное XII съезду в апреле 1923 г., открывать только после смерти Ленина?

3) Однако странным образом «письмо» Ленина Крупская не открывает даже после смерти Ленина 21 января 1924 г., а только через четыре месяца – 18 мая 1924 г. (там же, стр. 594); что в первые дни после смерти Ленина Крупской было не до «писем», это психологически вполне понятно (хотя аналогичной историей запоздалого открытия конверта с «Завещанием» Александра I в той же России заговорщики воспользовались для поднятия трагической военной революции 14 декабря 1825 г.), но как же не вручать ЦК важнейшие документы в течение четырех месяцев после смерти Ленина?

4) В день смерти Ленина, в отсутствие Троцкого, который лечился на Кавказе, ЦК создает две комиссии: одну государственную комиссию для похорон Ленина во главе с Дзержинским (которого Ленин хотел сам похоронить политически), другую комиссию ЦК по приему «бумаг В. И. Ленина» под прямым руководством самого Сталина, против которого написаны все последние «бумаги» Ленина.

Какие же «бумаги» Ленина принимала вторая комиссия? Разумеется все, политические они или семейные, под сургучной печатью они или открытые, доверены ли они секретариату Ленина или даже Крупской – для партии частного Ленина не было, поэтому все бумаги Ленина – бумаги партии, в том числе и, конечно, в первую очередь его «Письмо к XII съезду». К тому же, «Письмо к съезду» изготовлено, по свидетельству М. Володичевой, в пяти экземплярах – один экземпляр личный, для Ленина, второй экземпляр для его секретариата и три экземпляра для Крупской (там же, стр. 592). Как могли ускользнуть от комиссии, по крайней мере, экземпляр из личного архива Ленина и экземпляр из архива его секретариата? Какие же бумаги Ленина принимала комиссия, если не эту важнейшую изо всех бумаг умершего человека – его «Завещание» партии? Троцкий и всерьез думает, что «Завещание» не было известно никому, значит, и Сталину (Л. Троцкий, Моя жизнь, ч. II, стр. 219). Если бы мы допустили хоть на минуту верность данного предположения Троцкого, это означало бы одно только: абсолютное невежество в понимании сыскных способностей и криминального образа мышления Сталина. Собственно, физической жертвой этого непонимания

как раз и стал Троцкий. Чтобы Сталин, легальный уполномоченный от Политбюро ЦК по надзору за больным Лениным, Сталин, который великолепно знает хотя бы по двум документам – письмо Ленина от 5 марта о разрыве личных отношений и статья по национальному вопросу с решительным осуждением его политики – что Ленин готовит против него удар, чтобы Сталин, у которого секретарши Ленина на побегушках, среди которых и его собственная жена Надежда Аллилуева, чтобы этот Сталин не знал «Завещания» Ленина – трудно допустить. Сталин знал, но ему нужно было время. Любой ценой предупредить передачу «Письма» Ленина XII съезду, – такова цель Сталина. Поскольку в этом также заинтересованы Зиновьев и Каменев, то эта цель была достигнута. Так как из членов Политбюро еще по эмиграции у Крупской самыми близкими друзьями (как и у Ленина) были Зиновьев и Каменев, а Каменев, к тому же, временный председатель Политбюро и Совнаркома, то Сталин через них легко мог уговорить Крупскую воздержаться от передачи «Письма» Ленина XII съезду. Более того. Сталин самолично переименовал «Письмо к XII съезду» в «Письмо к XIII съезду». Когда Зиновьев и Каменев признались на пленуме ЦК и ЦКК в октябре 1927 г., что они вместе со Сталиным скрыли от XII съезда «Письмо к XII съезду» Ленина, то Сталин не только вопреки фактам, но вопреки всякой логике заявил: «Было доказано и передоказано, что никто ничего не скрывает, что «завещание» Ленина было адресовано на имя XIII съезда» (Сталин, Соч., т. 10, стр. 173). Предстоит XII съезд, а Ленин пишет XIII съезду!

Накануне вот этого XIII съезда аппарат Сталина организовал так называемый «Протокол Н. Крупской о передаче записей В. И. Ленина». Протокол составлен 18 мая 1924 г. На нем лежит явственный отпечаток его искусственной фабрикации. В протоколе Крупская показывает: «Мною переданы записи, которые Владимир Ильич диктовал во время болезни с 23 декабря по 23 января... Среди неопубликованных записей имеются записи от 24-25 декабря 1922 г. и от 4 января 1923 г., которые заключают в себе личные характеристики некоторых членов ЦК. Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта его запись *после его смерти* была доведена до сведения *очередного партийного съезда.* Н. Крупская» (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 594).

Нигде ни в одной из записей «Завещания» Ленина нет ни одного слова о том, чтобы передать эти записи «после его смерти», нет ни одного слова

также передать записи «очередному съезду» после смерти, зато, как мы видели, само «Завещание» начинается словами, что Ленин предназначает записи «этому съезду», то есть XII съезду, который происходит за девять месяцев до смерти Ленина.

Ко всему этому надо сказать, что Ленин, хотя и тяжело больной, но еще не старый (ему было только 52 года), умирать и не собирался, и в этом смысле никакого предсмертного «Завещания» не составлял. Его надежды на выздоровление разделяли и врачи. Поэтому-то Каменев в своей вступительной речи на XII съезде говорил: «Лучшие представители медицинской науки всех стран были собраны здесь… Они нам сказали: болезнь Ленина трудна, но отнюдь не безнадежна… Опасности сейчас нет» (Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. 17-25 апреля 1923 г., стр. 1, 1923). Да, Ленин жил еще девять месяцев, с переменами в состоянии здоровья то к лучшему, то к худшему. А «тройка» держала почти полтора года «Письмо к XII съезду» Ленина в тайне даже от членов Политбюро, не только от членов ЦК.

Таким образом, Сталин, Зиновьев и Каменев приняли все меры, чтобы «Письмо к XII съезду» не дошло до своего адресата. Со стороны Сталина были приняты дополнительные меры, чтобы и состав съезда оказался, если не антиленинским то, во всяком случае, антитроцкистским и просталинским. Члены «тройки» – Зиновьев твердо владел Ленинградом, Каменев считался хозяином Москвы (он был одновременно и председателем Моссовета, как и Зиновьев был одновременно председателем Петроградского Совета). Дальше, в провинции, они не заглядывали. В провинции безраздельно господствовал «генсек». Провинции собственно и составляли абсолютное большинство делегатов очередных съездов. Зиновьев и Каменев имели большинство в Политбюро, но съезды организовывали Оргбюро и Секретариат, где вся власть принадлежала Сталину (потом мы увидим, как Зиновьев и Каменев будут жаловаться на Сталина, что он через эти органы узурпировал власть Политбюро). Через Оргбюро и Секретариат Сталин и подготовил XII съезд по тому же методу Ленина, руководствуясь которым он подготовил и предыдущий XI съезд, не будучи еще генеральным секретарем. Микоян в 1970 г. в своих воспоминаниях о Ленине рассказал нам технику такой подготовки. Микоян пишет: «В начале января 1922 г. меня срочно вызвали в ЦК (Микоян тогда работал первым секретарем губкома партии в Нижнем Новгороде. – А. А.). Когда я прибыл, в ЦК сказали, что меня хочет

видеть Сталин... Сталин сказал, что вызвал меня по поручению Ленина. Речь идет о подготовке к XI съезду партии... Мы очень озабочены тем, какие делегаты приедут на съезд, много ли будет среди них бывших троцкистов. Ведь на губернских конференциях теперь будут выбирать делегатов только по персональным качествам. А среди ответственных работников довольно много троцкистов, и они пользуются доверием в своих организациях. Особенно много их в сибирских губерниях. Вот мы и опасаемся, что из Сибири может прибыть много делегатов-троцкистов. Поэтому Ленин поручил мне все это сказать вам и, если вы согласитесь, попросить вас съездить в Ново-Николаевск (Новосибирск) к Лашевичу (председатель Сибревкома и член Сиббюро ЦК. – А. А.) и передать ему от имени Ленина все то, что я вам здесь сказал... Беседуя, Сталин был очень спокоен и вообще *тогда* произвел на меня хорошее впечатление. Я собрался было уходить, как вдруг вошел Ленин. Поздоровался и, улыбаясь, глядя на Сталина и на меня, в шутку спросил: – Вы что это, свои кавказские разногласия обсуждаете? Сталин ответил, что он передал мне все, что у них было условлено» (ж. «Юность», № 4, 1970, стр. *53).* Микоян, вероятно, и не подозревает, что открывая эту «тайну», он рисует Ленина таким же нелояльным человеком, как и Сталин, ибо Троцкий был не только коллегой Ленина по Политбюро, но еще, по свидетельству того же Сталина, в том же 1922 г. Ленин предлагал Троцкому стать его первым заместителем. Но важно не это, важно, как Ленин учил Сталина подготовлять съезды партии. Важно, что XII съезд был подготовлен при помощи той же техники, что и XI съезд. Ленин теперь, накануне XII съезда, тщетно взывал к помощи того же Троцкого, безуспешно старался оторвать Каменева от Сталина, бился в отчаянии, чтобы добраться хоть своими письмами до XII съезда, но Сталин по-ленински заградил Ленину туда дорогу. Воистину, «кто посеет ветер, пожнет бурю!»

После того, как съезд был хорошо подготовлен, а делегаты основательно профильтрованы, второй важной проблемой стало назначение докладчика по политическому отчету ЦК, с которым всегда со дня создания партии и особенно после прихода к власти выступал сам Ленин. По тому, кто выступит с этим докладом на XII съезде, должны были судить, кто же наследник умирающего Ленина. Если докладчик будет назначен с точки зрения его популярности в стране, то им должен был быть Троцкий, если докладчик будет назначен по формально-юридическим признакам, то им должен быть либо временный председатель Политбюро Каменев, либо

генеральный секретарь ЦК Сталин. Но Троцкий и Сталин категорически отказались, позиция Каменева осталась неясной, а Зиновьев потребовал, чтобы политический доклад был поручен ему. Вот как Троцкий рассказывает историю с назначением политического докладчика: «Близился XII съезд. На участие в нем Ленина надежды почти не оставалось. Возникал вопрос, кому читать основной политический доклад.

Сталин сказал на заседании Политбюро: "Конечно, Троцкому". Его сейчас же поддержали Калинин, Рыков и, явно против своей воли, Каменев. Я возражал. Партии будет не по себе, если кто-нибудь из нас попытается персонально заменить больного Ленина. Обойдемся на этот раз без вводного политического доклада... Зиновьев был в отпуске на Кавказе. Вопрос остался не решенным. Вернулся Зиновьев. Зиновьев требовал для себя политического доклада. Каменев допрашивал «старых большевиков», из которых большинство лет на 10, на 15 покидало партию: "неужели мы допустим, чтобы Троцкий стал единоличным руководителем партии и государства?" ... "Тройкой" было решено, что политический доклад сделает Зиновьев. Я не возражал...» (Л. Троцкий, Моя жизнь, ч. II, стр. 227-8).

Это Троцкий писал в 1930 г. Через десять лет в книге о Сталине, которую ему не дал дописать топор Сталина в руках агента НКВД, Троцкий вносит в этот рассказ существенное изменение: когда Сталин сказал, что политический отчет должен делать Троцкий, то Троцкий отказался делать доклад, но предложил: «Будем надеяться на скорое выздоровление Ленина, тем временем доклад по должности надо делать генеральному секретарю ЦК. Так будут лишены почвы всякие спекуляции... Я продолжал настаивать, чтобы доклад делал Сталин. "Ни при каких обстоятельствах – партия этого не поймет. Доклад должен делать наиболее популярный член ЦК", – ответил он с демонстративной скромностью» (L. Trotski, Stalin, London, p. 366).

Был ли искренен Сталин, предлагая делать доклад Троцкому, сказать трудно, но отказ Троцкого и его предложение, чтобы сам генеральный секретарь сделал такой доклад, вероятно, преследовали цель, если не внести раздор в «тройку», то предупредить открытого претендента в наследники Ленина – Зиновьева. С другой стороны, Сталин явно хотел противопоставить «небольшевика» Троцкого вождю Коминтерна и долголетнему помощнику Ленина в эмиграции – Зиновьеву, чтобы предупредить возможный союз между Троцким и Зиновьевым. Однако Троцкий, который все время жалуется на «тройку» и Сталина, даже тогда, когда Сталин изменяет «тройке» и

предлагает ему доклад, никак не соглашается на это только из-за того, чтобы партия не подумала, что он хочет быть наследником Ленина! Где же тут государственный ум, политическое дерзновение или просто ницшеанская «воля ко власти»?

XII съезд заседал с 17 по 25 апреля 1923 г. На нем присутствовало 458 делегатов с решающим голосом и 417 делегатов с совещательным голосом от 386 тысяч коммунистов. Повестка дня XII съезда:

1. Политический отчет ЦК – Зиновьев, организационный отчет ЦК – Сталин.
2. Отчет ревизионной комиссии – Ногин.
3. Отчет ЦКК – Шкирятов.
4. Отчет российского представительства в Исполкоме Коминтерна – Бухарин.
5. О промышленности – Троцкий.
6. Национальные моменты в партийном и государственном строительстве – Сталин.
7. Налоговая политика в деревне – Каменев (содокладчики – Сокольников, Калинин).
8. О районировании – Рыков.
9. Выборы центральных органов партии.

Был избран президиум съезда из 25 чел., куда вошли и все члены и кандидаты Политбюро, большинство членов ЦК, в том числе и Орджоникидзе. Дзержинский был включен в комиссию по приему жалоб.

Съезд открыл кратким вступительным словом Каменев.

Из повестки дня видно, что кроме больного Ленина и Томского, все члены и кандидаты Политбюро выступали докладчиками, но «тройка» обеспечила за собою важнейшие позиции: открытие съезда (Каменев), политический отчет ЦК (Зиновьев), организационный отчет ЦК (Сталин), налоговая политика в деревне (Каменев), закрытие съезда (Зиновьев). Сталин был компенсирован еще одним докладом как раз по вопросу, по которому Ленин его хотел разгромить на этом же съезде, – по вопросу национальному. Насколько далеко зашла «тройка» в своей безоглядной защите Сталина против Ленина показывает этот беспримерный в истории большевизма факт (ЦК утверждает доклад Сталина по национальному вопросу, в котором Сталин, вопреки Ленину, защищает позицию Орджоникидзе, одобряет выводы комиссии Дзержинского и осуждает «социал-националистов»

(Мдивани, Махарадзе и др.).

В краткой, но солидной вступительной речи Каменев хотя и воздал должное отсутствующему Ленину, заметил, что Ленин не знает ни повестки дня, ни проектов резолюций съезда, но сказал заведомую неправду в свете «Завещания» Ленина: «Хотя его нет здесь физически, он фактически идейно руководит и этим нашим партийным съездом». Он закончил речь призывом к единству партии (Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. 1923 г., стр. 3). Речь была встречена аплодисментами, Когда председательствующий Каменев сказал, что слово для отчета ЦК предоставляет т. Зиновьеву, ни одна рука не шевельнулась, чтобы поаплодировать. Грозная выжидательная тишь водворилась в зале. Не очень беспристрастный Троцкий думает, что съезд насторожился, чтобы дать знать Зиновьеву, что он узурпатор если не власти, то прерогатив Ленина, а насчет аплодисментов, то это подстроил сам младший «союзник» Сталин, который владел президиумом съезда – всегда президиум дает сигнал съезду: когда, кому и сколько надобно аплодировать. Сталин и президиум не дали сигнала, зал поэтому молчал.

Зиновьев был настолько дипломатичен, что сразу оговорился, что он заменить Ленина не может и не претендует. Он сказал, что съезду придется «работать более внимательно, чем это было раньше, когда эта работа в значительной мере производилась за нас Лениным. Нам придется заменить указания Ленина коллективной работой» (там же, стр. 6). Далее Зиновьев сказал, что на предыдущем *съезде* Ленин заявил, что отступление закончилось. ЦК выполнил это обещание, сейчас отступления больше нет, идет подготовка к наступлению. Зиновьев доказывал, ссылаясь на Ленина, что не исключена возможность начала «второго тура» мировой войны. Но СССР нуждается в мире для восстановления своего хозяйства, а значит и для подготовки ко «второму туру», поэтому «наша стратегия проста: если придется вмешаться, то как можно позже» (там же, стр. 13). Революционные резервы и союзники СССР – это побежденные Антантой страны (Германия!) и революционный Восток, особенно Китай. Докладчик придавал большое значение сближению с Америкой, но привел цитату из речи Юза, статс-секретаря США, который, по мнению Зиновьева, проявил похвальное знание советской доктрины о мировой революции. «Он приводит многие цитаты: в ноябре прошлого года я, многогрешный, сказал, дескать, что "вечное в русской революции заключается в том, что она положила начало мировой

революции". Он обвиняет *затем* т. Ленина, что на IV Конгрессе Коминтерна тот заявил, что виды на мировую революцию хороши и будут еще лучше. Но еще с большим возмущением Юз цитирует речь т. Троцкого, который заявил, что не только в Европе, но и в Америке придет в свое время мировая революция» (там же, стр. 16). Три авторитета мировой революции: на первом месте – Зиновьев, на втором – Ленин, на третьем – Троцкий, хотя непонятным образом Троцкий представлен *качественно* лучше, чем оба первые. Принцип монополии внешней торговли незыблем (хотя именно Зиновьев даже после протеста Ленина остался в единственном числе в Политбюро за ее отмену). Характерна последняя фраза по этому поводу: «Пусть бросит она (буржуазия) свои глупые пересуды, что у нас есть левая, правая и центр в этом вопросе, как, впрочем, и в других вопросах (там же, стр. 17). Зиновьев предложил, чтобы был увеличен экспорт хлеба. Мы вывезли пока около 20 миллионов, один только юг России вывозил до войны 400 миллионов в год (там же, стр. 21). Зиновьев предлагал из-за торговли не забывать, что основная цель «гегемона» – пролетариата в том, чтобы, в конечном счете, организовать мировую революцию. Он говорил, что в 1917 г. гегемон должен был захватить власть, в 1918-1919 г. – организовать Красную армию против белых, в 1921 г. – помочь крестьянству, в 1923 г. гегемон требует организации экспорта хлеба, а в 1930 г. – гегемония, быть может, выразится в том, что мы, русские коммунисты, бок о бок с иностранными рабочими будем драться на улицах европейских столиц» (там же, стр. 24).

Все-таки общий хозяйственный итог через два года после окончания гражданской войны не был утешительным: сельское хозяйство дало в 1922 г. три четверти довоенного урожая. Промышленность – 25% продукции довоенного времени, внешняя торговля – 14% довоенного баланса, производительность – 60%, зарплата – 50% (там же, стр. 25). Но ближайшие годы нэпа перекроют все довоенные показатели, что заставит удариться в панику того же Зиновьева с Троцким, особенно перед зажиточным, то есть перед наиболее прилежным крестьянством. Но тогда в том же докладе Зиновьев говорил: «да, мы не только должны "уклониться" в сторону крестьянства и его хозяйственных потребностей, но надо поклониться, и если нужно, преклониться перед хозяйственными потребностями крестьянина» (там же, стр. 37).

В национальном вопросе Зиновьев сказал то, что находилось в явном противоречии с решением ЦК и установками Сталина. Он сказал: «Ни ма-

лейших уступок "великодержавной" точке зрения и ни малейшего отступления от школы Ленина в национальном вопросе мы не должны допустить и не допустим» (там же, стр. 38).

В вопросах атеистической пропаганды надо проявлять осторожность (это было под влиянием резкой реакции Запада на преследование религии в СССР).

С точки зрения тактических табу большевизма, Зиновьев допустил грубейшую ошибку в своих тезисах в Политбюро, в докладе на съезде и в резолюции самого съезда, принятой по докладам Зиновьева и Сталина. Нигде, ни разу, в том числе в своем докладе после доклада Зиновьева Сталин не исправил Зиновьева, но воспользовался этой ошибкой Зиновьева буквально через два месяца против Зиновьева. Тактическая ошибка заключалась в следующем: Зиновьев начал развивать и обосновывать тезис, что в СССР «диктатура партии». Зиновьев напомнил: «У нас есть товарищи, которые говорят: "диктатура партии – это делают, но об этом не говорят". Почему не говорят? Это стыдливое отношение неправильно... Почему мы не должны сказать то, что есть, и чего нельзя спрятать» (там же, стр. 41). Зиновьев предлагал проводить эту «диктатуру партии» на всех уровнях партийной иерархии и во всех сферах государственной и хозяйственной жизни. Протокол съезда, изданный в 1923 г., указывает, что Зиновьев получил «бурные, долго не смолкающие аплодисменты» (там же, стр. 47), но крайнее недоумение вызывает, как исправляют сотрудники Института марксизма-ленинизма протоколы съезда, хотя эти сотрудники даже не присутствовали на XII съезде: в переизданных протоколах съезда в 1968 г. сказано, что Зиновьев получил только «аплодисменты» (Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. 1968 г., стр. 53).

Организационный отчет Сталина выгодно отличался от многословного и малосодержательного доклада Зиновьева тем, что он впервые изложил не только ясную концепцию власти, но и обоснованную доктрину о примате партаппарата в системе диктатуры.

Главные задачи, которые поставил Сталин перед партаппаратом еще до съезда, были 1) очистить партию, а также государственный и профсоюзный аппарат от внутрипартийных оппозиционеров; 2) произвести полицейско-чекистскую операцию в государственном аппарате, чтобы изъять бывших белогвардейцев, бывших членов и сторонников бывших антикоммунистических партий – эсеров, меньшевиков, националистов,

монархистов и т. д.; 3) поставить вновь созданный партаппарат всюду над государственным аппаратом – так, как партаппарат ЦК поставил себя над правительственным аппаратом в Москве (против чего восставали, как мы видели, Ленин и Троцкий). Но обосновал он новую доктрину – «Что делать?», что делать, чтобы поставить партаппарат и над государством и над самой партией, впервые на XII съезде. Делегаты видели (и сочувствовали), как Сталин обосновывает свою организационную практику по созданию новой *«партии в партии»,* по созданию профессиональной партийной бюрократии на строго иерархических принципах с военной дисциплиной и с военной субординацией (впоследствии Сталин пользовался в этой связи даже и военной терминологией: на мартовском пленуме ЦК 1937 г. он говорил, что партработники состоят из трех корпусов – корпус партийных унтер-офицеров, корпус партийных офицеров и корпус партийных генералов). Вот соответствующие места из доклада Сталина на этом XII съезде о принципах подбора и расстановки партаппаратчиков :

«Едва ли кто-нибудь из вас будет утверждать, что достаточно дать хорошую политическую линию, и дело кончено. Нет, это только полдела. После того, как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие их проводить в жизнь. В противном случае политика теряет смысл, превращается в маханье руками. Вот почему «учраспред», т. е. тот орган ЦК, который призван учитывать наших основных работников как на низах, так и вверху и распределяет их, приобретает громадное значение. Доселе дело велось так, что дело учраспреда ограничивалось учетом и распределением товарищей по укомам, губкомам и обкомам. Теперь учраспред не может замыкаться в рамках укомов, губкомов, обкомов...

...Руководящая роль партии должна выразиться не только в том, чтобы давать директивы, но и в том, чтобы на известные посты ставились люди, способные понять наши директивы и способные провести их честно. *Необходимо каждого работника изучить* по косточкам... *Необходимо охватить все без исключения отрасли управления»* (Двенадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет, 1923 г., стр. 56-57).

Мы уже цитировали слова Ленина из «Что делать?» (1902): «дайте нам организацию революционеров и мы перевернем Россию». И Ленин дей-

ствительно перевернул ее, превратив Россию демократическую в Россию советскую. Та же идея лежала в основе новой доктрины Сталина о путях и методах превращения России советской в Россию сталинскую – «дайте мне организацию партаппаратчиков и я переверну советскую Россию», – таков был замысел этой доктрины власти Сталина. Но само слово «партаппаратчик» было и остается под запретом. Сталин говорил только о «партработниках» или об «активистах» партии. Еще при жизни Сталина газета «Правда» сформулировала сталинскую доктрину власти так: «товарищ Сталин указывает, что *актив* при умелом его использовании может составить *величайшую силу, способную на чудеса»* («Правда», 25. 7. 1952).

Сам Сталин пояснял, из чего исходит его новая доктрина, установление его единоличной диктатуры. «ЦК руководствовался при этом, – говорил он, – гениальной мыслью Ленина о том, что главное в организационной работе – *подбор людей* и проверка исполнения» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 479). Меньше чем за год после своего назначения Генеральным секретарем ЦК Сталин успел не только воссоздать партаппарат, но и поставить целую армию партаппаратчиков над государственным аппаратом.

Как проходила чистка, например, в госаппарате, Сталин докладывал XII съезду так:

«Есть у нас такое учреждение, называемое Промбюро на юго-востоке. В этом аппарате состояло около 2 000 человек. Этот аппарат призван был руководить промышленностью юго-востока... тов. Ворошилов с отчаянием говорил мне, что не легко было *управиться с* этим аппаратом... Нашлись добрые люди: Ворошилов, Эйсмонт и Микоян, которые взялись за дело по-настоящему» (Двенадцатый съезд... 1923 г., стр. 55).

«Добрые люди» оставили после проверки из этих двух тысяч служащих только 170 человек «социально-близких» и «преданных», а всех остальных вычистили. Новый набор и производился с точки зрения тех требований, которые Сталин огласил на XII съезде. Так было везде.

Правда, на том же съезде, по докладу того же Сталина, раздавались и критические голоса против узурпации аппаратом ЦК «суверенитета» национальных республик, назначая чистки сверху. Особенно протестовали против диктатуры партаппаратчиков грузинские ученики Ленина, доказывая, что жестокие и малоразборчивые методы расправы Сталина не только с беспартийными, но и с инакомыслящими коммунистами противоречат

учению Ленина.

Сталин обосновал и программу превращения Советов из органов государственной власти в вспомогательные органы партийного аппарата. Узурпация власти Советов в пользу партаппарата происходила незаметно и внешне в вполне легальной форме. Создавались так называемые «комфракции» в Советах на всех уровнях (село, район, город, область, край, центр), которые были прямо подчинены партийным органам каждого уровня. Такие коммунистические фракции, как на съездах Советов, так и в выборных ими исполнительных органах власти – в исполкомах, предварительно обсуждали и решали все без исключения вопросы, подлежащие рассмотрению Советских органов с участием беспартийных. Таким путем принятые «комфракцией» и утвержденные соответствующим партийным комитетом решения поступали на формальное утверждение советских органов. Сегодня такой порядок в СССР считается само собой разумеющимся, но в то время, когда Советы пришли к власти под лозунгом самого Ленина «Вся власть Советам!», такая бесцеремонная узурпация власти Советов, этих якобы народных парламентов («Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»), партаппаратчиками считалась прямо-таки кощунством (сейчас «комфракции» переименованы в «партгруппы»). В первый раз идеей Ленина об увеличении состава ЦК Сталин воспользовался на XII съезде для укрепления своей позиции в ЦК, причем воспользовался настолько умело, что одновременно нанес скрытый, но тягчайший удар и по своим союзникам. Случилось это так. Делая организационный отчет ЦК, как бы между прочим, Сталин заявил, что в ЦК образовалось целое «ядро в 10-15 человек» или, как он еще выразился, нечто вроде касты «жрецов по руководству». Эти «жрецы» монополизировали власть в своих руках, но они, говорит Сталин, имеют «все шансы закостенеть и оторваться от массы». Чтобы этого не случилось есть лишь одно средство – увеличение числа членов ЦК за счет «способных и независимых» местных коммунистических фунционеров. Ни одного слова, что это воля Ленина, но зато ясное указание на то, что в ЦК при обсуждении данного вопроса не могли прийти к положительному решению, более того – некоторые члены ЦК не только против расширения ЦК, они даже за его сокращение (так предлагал Троцкий), а он, Сталин, думает, что ЦК надо расширять за счет «независимых»! Горе-союзники Сталина из Политбюро безмолвно проглотили горькую пилюлю Сталина, делая вид, что все, что Сталин

говорит о «жрецах», касается не их, а одного «жреца», и этот «жрец» – Троцкий!

Это место речи Сталина – шедевр тактического искусства обходного удара по соперникам и высокий класс замаскированной фальсификации политического «завещания» умирающего Ленина. Сталин сказал: «Есть один вопрос о расширении самого ЦК, вопрос, который несколько раз обсуждался внутри ЦК, и который вызвал одно время серьезные прения. Есть некоторые члены ЦК, которые думают, что следовало бы не расширять, а даже сократить число членов ЦК. Я их мотивов не излагаю: пусть товарищи сами выскажутся. Я вкратце изложу мотивы в пользу расширения ЦК. Нынешнее положение вещей в центральном аппарате нашей партии таково: есть у нас 27 членов ЦК, а внутри ЦК имеется ядро в 10-15 человек, которые до того наловчились в деле руководства политической и хозяйственной работой наших органов, что рискуют превратиться в своего рода жрецов по руководству. Это, может быть, и хорошо, но это имеет и очень опасную сторону: эти товарищи, набравшись большого опыта по руководству, могут заразиться самомнением, замкнуться в себе и оторваться от работы в массах. Ежели некоторые члены ЦК или, скажем, ядро человек в 15 стали такими опытными и так навострились, что в деле выработки указаний в девяти случаях из десяти они не допустят ошибки, то это очень хорошо. Но если они не имеют вокруг себя нового поколения будущих руководителей, тесно связанных с работой на местах, то эти высококвалифицированные люди имеют все шансы закостенеть и оторваться от массы. Во-вторых, то ядро внутри ЦК, которое сильно выросло в деле руководства, становится старым, ему нужна смена (заметим, что самым старшим из этого «ядра» – Сталину и Троцкому было только по 43 года. – А. А.). Вам известно состояние здоровья Владимира Ильича. Вы знаете, что и остальные члены основного ядра ЦК достаточно поизносились. А новой смены еще нет, – вот в чем беда. Создавать руководителей партии очень трудно, для этого нужны годы… Гораздо легче завоевать ту или другую страну при помощи кавалерии тов. Буденного, чем выковать 2-3 руководителей из низов, могущих в будущем стать действительными руководителями страны. И пора подумать о том, чтобы выковать новую смену. Для этого есть одно средство – втянуть в работу ЦК новых, свежих работников и в ходе работы поднять их вверх, поднять наиболее способных и *независимых,* имеющих головы на плечах» (там же, стр. 60-61).

Это был гимн прямо по адресу «иерархии секретарей партии», рвущихся в «ареопаг» партии, как Сталин называл ЦК.

Председатель Центральной Ревизионной Комиссии Ногин, который на предыдущем съезде так резко критиковал аппарат ЦК, теперь при Сталине нашел его почти идеальным. Он доложил съезду выводы Комиссии о том, что секретариат ЦК теперь работает лучше, «что повело к более правильному разделению труда, установило большую связь между отделами и подотделами, а также укрепило и развило связь аппарата с местами, позволив ему быстрее и полнее учитывать широкий опыт партийных организаций и правильнее реагировать на выдвигаемые жизнью требования» (там же, стр. 74). Уже из этого видно, в какую самодовлеющую силу начал превращаться партийный аппарат.

Прения по докладам Зиновьева и Сталина были интересны тем, как реагируют делегаты на содержание их докладов и как оценивают их места в пирамиде власти. Вл. Косиор назвал доклад Сталина «обстоятельным» по сравнению с докладом Зиновьева, но того и другого обвинил, что они создали внутри партии атмосферу нетерпимости любой критики. Косиор сказал, что резолюция X съезда «о единстве партии» была принята в условиях Кронштадта и кризиса в партии, но сейчас нет ни того, ни другого, «а эта резолюция превратилась в систему управления нашей партии… Сам Зиновьев свидетельствует, что в партии всякого рода группировки отмирают, – зачем нам сейчас этот исключительный закон? А вместе с тем, товарищи, ведь это исключительный закон (Смех, шум). Исключительный закон возведен в систему управления партии. Тов. Зиновьев говорит о коллективном мнении в партии. Но как возможно коллективное мнение (при таком законе)?.. Всякое коллективное мнение 3-6 членов партии возводится во фракцию и подвергается этому самому закону… Настоящее единство и предохранение партии от личных трений и влияний, о которых пишет т. Ленин в своей первой статье, возможно будет, когда мы изменим систему и способ подбора руководящих органов нашей партии» (там же, стр. 95).

Ларин критиковал одного только Зиновьева, который оправдывает неправильную политику ссылкой на мудрость партии. В связи с этим он напомнил свою статью «История РКП» в «Правде»: «Я писал: РКП никогда не ошибается, РКП всегда права, РКП обладает в максимальной мере талантом, умом и характером. В промежутке между съездами этими качествами обладает ЦК, а в промежутках между заседаниями пленума и ЦК они

принадлежат Политбюро».

Если Зиновьев не нашел никаких недостатков в политике ЦК, «то он поступает так в силу недостатка медицинского образования – лучше замалчивать «дурную болезнь», вместо того, чтобы ее лечить» (там же, стр. 103-104).

Старый рабочий большевик Лутовинов сказал, что «доклад т. Зиновьева привел меня в большое уныние. Откровенно говоря, много нового от доклада т. Зиновьева я лично не ожидал, но все же теплились искорки надежды на то, что т. Зиновьев подойдет поближе к разрешению глубоко всех нас волнующих внутрипартийных вопросов... Зиновьев говорит, что нет группировок, но их загнали в подполье... ЦК, как страус, прячет голову в песок... Если появляются анонимные тезисы, то это лишь потому, что в нашей партии не существует возможности нормальным путем высказывать свои соображения... Если вы попытаетесь критиковать не политическую линию, а чисто практическое проведение этой линии, то вас сейчас же зачислят в меньшевики, эсеры, в кого угодно. Мы это слышали из доклада т. Зиновьева, я записал у него следующую фразу: «При настоящих условиях всякая критика, хотя бы и слева, неизбежно должна будет превращаться в меньшевистскую»... Лишь Политбюро является непогрешимым папой... Не смей возражать, никто не имеет права никакой критики наводить. Это положение не только не марксистское, но и крайне вредное на практике» (там же, стр. 105-106).

Этим ораторам возразил делегат Беленький, который сказал коротко: «ЦК этого состава проводил линию, являющуюся продолжением всей нашей политики, начиная с 1903 г.» (там же, стр. 108).

Жестоким ударом по престижу Зиновьева, как претендента в преемники Ленина, было выступление старого соратника Ленина, многократного наркома по хозяйственным вопросам, инженера-путейца Л. Красина. Красин сказал, что Зиновьев известен в партии как один из лучших агитаторов и полемистов, но «эти его особенности несколько невыгодно сказались на его политическом докладе». Внутренний режим партии таков, что даже наркомы не могут выйти на съезде на трибуну и откровенно сказать свое мнение. Зиновьев думает, что «все надо оставить по-старому», но по-старому оставить нельзя, «потому нельзя, что важнейший элемент этого старого – Ленин – на довольно значительный срок вышел из работы... Когда мне говорят, что какая бы то ни было тройка или пятерка заменит т.

Ленина, и что мы все оставляем по-старому, я говорю: нет, старого не будет до того времени, пока Ленин снова не возьмет в свои руки руль государственного корабля... Я, оставаясь в пределах парламентарных выражений, не могу обозначить обвинение в меньшевизме, брошенное мне т. Зиновьевым, иначе, как панической демагогией». Общая оценка доклада Зиновьева, по мнению Красина, может быть выражена в словах: «нельзя не сознаться, что то и другое будет не совсем хорошо, но в то же время надо признаться, что многое идет хорошо» (там же, стр. 114-115).

Красин критиковал и внешнеполитическую часть доклада за отсутствие в ней постановки основных задач советской внешней политики в новых условиях. Речь Красина была отмечена аплодисментами.

Осинский начал свое выступление с указания на то, что Зиновьев и Каменев зачислили его в ревизионисты ленинизма. Если у меня не хватит времени, чтобы ответить на это обвинение, сказал он, то «я согласен остаться в глазах именно только т.т. Зиновьева и Каменева и сменовеховцем, и либералом, и ревизионистом, и даже человеком, убившим свою родную тетку (Смех)» (там же, стр. 119).

Из дальнейшего выступления Осинского выяснилось, что «тройка» его заподозривает в желании выключить всю «тройку» из Политбюро. Такое предложение выдвигалось в анонимной платформе старых большевиков, которые принадлежали ранее к «децистам», как Осинский и Сапронов, и к группе «Рабочей оппозиции» (группа «Рабочая Правда»). В отношении Каменева и Сталина Осинский отмежевался, но в отношении Зиновьева находил такое требование справедливым. Осинский сказал: «т. Зиновьев, который усиленно старается привязать ко мне анонимную платформу, подобно тому, как озорные мальчишки привязывают жестянку к хвосту кошке, – т. Зиновьев старается привязать меня и к неумному предложению об устранении из ЦК Зиновьева, Каменева и Сталина». Осинский сказал, что Каменев и Сталин нужны в ЦК, но о Зиновьеве он думает, что характеристика Сталина о «жрецах» и партийных генералах, оторвавшихся от партии, как раз относится к Зиновьеву, «этому мы имеем ряд доказательств» (там же, стр. 122).

Осинский закончил заявлением, что его «крайне порадовал доклад т. Сталина», он ждет «реального осуществления» плана Сталина набрать в ЦК людей «с самостоятельными головами с мест», но «к сожалению, реальное осуществление от слов всегда отличалось, и, может быть, будет отличаться и

сейчас» (там же, стр. 122).

Карл Радек не очень убедительно, а, может быть, и неискренно, возражал Косиору. Он отводил обвинение, что в Политбюро проводилась групповая политика. Если работников перебрасывают или снимают, это не значит, что тут преследуется групповая цель. Радек приводил такой аргумент: «Ведь достаточно назвать: в истории партии сколько раз Сталин был недоволен решением против него, или Троцкий, или Орджоникидзе, но никому не пришла в голову мысль, что ЦК выступал здесь по групповым интересам» (там же, стр. 123*).* Радек старался отвести и критику Лутовинова на том основании, что авторы анонимной платформы не имеют мужества открыто выступить, если бы они открыто выступили, то их «платформа могла быть напечатана, хотя она в значительной степени антипартийна». Лутовинов требует не свободы критики, говорил Радек, а «возмещения расходов по проезду для критиков». Радек, как и Зиновьев, критиковал следующий тезис статьи Красина накануне съезда: «Строго выдержанная политическая линия и государственной власти не должна мешать восстановлению производства… Надо, чтобы в самом государственном и руководящем партийном аппарате производственникам и хозяйственникам, – конечно, партийным, – была бы отведена, по меньшей мере, такая же доля влияния, как *газетчикам, литераторам* и чистым политикам» (там же, стр. *113).* Под «газетчиками» и «литераторами» Красин имел в виду в первую очередь Зиновьева, Каменева, того же Радека, а там и Бухарина с Троцким, но возмущенный Зиновьев еще в своем докладе ответил Красину: «ведь Ллойд Джордж тоже не агроном. Пуанкаре тоже не инженер путей сообщения, то, право, не грех и рабочему классу тоже иметь своих политических вождей» (там же, стр. 43). Радек добавил к аргументации Зиновьева, что сам Зиновьев, как и Каменев, не меньше хозяйственники, чем Красин, так как они стоят во главе Советов Петрограда и Москвы (там же, стр. 124). Радек утверждал, что «в ЦК не было ни одного товарища, который – это касается политической линии – не был бы вполне согласен с т. Зиновьевым» (там же, стр. 126).

Преображенский признал внешнеполитическую часть доклада Зиновьева удовлетворительной, но его анализ хозяйственной политики и хозяйственных задач считал неудовлетворительным, хотя и защитил его как политика против хозяйственника Красина. О докладе Сталина: «Доклад т. Сталина был чрезвычайно содержательным, – я бы сказал, что это был очень

умный доклад», но он критиковал практику ЦК «рекомендовать секретарей губкомов партии». Если практика «рекомендаций» (т. е. фактические назначения сверху) секретарей превратится в систему, то такие секретари, не встречая поддержки местных организаций, создают собственное «государство в государстве» (там же, стр. 133).

Сорин упрекал ЦК, что он уже около 30 тыс. человек выходцев из других партий (меньшевиков, эсеров) принял в партию, тогда как самих старых большевиков в партии только около 10 тысяч человек. Сорин не согласился и с Косиором, что «нам нужно создать в этом ЦК «барьер», который должен служить противовесом той основной группе, которая ведет работу в нашем ЦК»; «барьер», предложенный Косиором, говорил Сорин, есть «не что иное, как кол, который вы хотите вбить в ЦК» (такой «барьер» накануне съезда Троцкий предлагал создать в виде «Совета» партии над ЦК, что было отвергнуто ЦК, как противоречащее принципу моноцентризма). Хотя Косиор, сказал Сорин, и не согласен с требованием анонимной группы исключить из ЦК «группу из трех» (Зиновьев, Каменев, Сталин), он все же согласен исключить одного из них (Зиновьева).

Согласившись со Сталиным, что нужно расширить ЦК за счет «независимых» людей с мест, Сорин указал, что они все-таки должны «зависеть» от того «круга людей», которые стоят во главе ЦК. Единственное его возражение Сталину – ЦК не школа управления, а «руководящий и управляющий орган», школой он является только «на десятом месте» (там же, стр. 136).

«Тройка», почувствовав, что даже наиболее рьяные защитники ее линии на съезде не смогли ослабить впечатления от выступлений Косиора, Лутовинова, Красина, Ларина, Осинского, выпустила на трибуну Каменева. Возлагаемые на него надежды Каменев оправдал только частично. Прежде всего он признался, что «мы знаем, что нас обвиняли в том, что ради всяких целей, – это говорилось в анонимной платформе и в отнюдь не анонимных речах, – что политика партии направляется нами не во имя определенных идей, а теми или другими групповыми комбинациями…» (там же, стр. 139). Каменев старался опровергнуть это обвинение, но ему это так и не удалось. Он доказывал правильность политики "тройки" (Политбюро) при помощи одного аргумента: «в этом Политбюро сосредоточен в данный момент политический мандат рабочего класса, в то время, как у вас (у критиков ЦК. – А. А.) есть мандат от статистики» (там же, стр. 141). Каменев цитирует: «т.

Осинский говорит: Политбюро боится сажать в Совнарком ответственных людей, чтобы они не съели Политбюро», но, говорит Каменев, то же самое сказано и в анонимной платформе. Каменев заключает, как «марксист», обращаясь к критикам: «Чуждая нам классовая стихия делает вас своим орудием!» Каменев сказал, что «мы по Осинскому и по Красину судим о тех настроениях, которые есть за пределами этого зала. Если вникать в это дело не с точки зрения того, что мы с Зиновьевым хотим или не хотим, чтобы нас кто-то не съел, а с точки зрения идейных принципов», то, по Каменеву, Красин, Осинский и другие критики – просто уклонисты, на которых влияют «настроения за пределами этого зала», то есть «мелкобуржуазная стихия». В отношении замечания Красина, что «наркомы боятся выступить здесь», что он выступает от тех «наркомов, которые говорят по коридорам», Каменев сказал: Красин произнес «смелую, блестящую речь, которая есть политический манифест тех товарищей, которые во всей нашей политике поняли и приняли только нэп» (там же, стр. 142-143). Критики хотят, сказал Каменев, чтобы «государственный аппарат государствовал», а партия занималась агитацией и пропагандой коммунистического сознания. «Нет, товарищи: тут мы стоим и отсюда никуда не пойдем», – добавил Каменев.

Каменев огласил один абзац из той анонимной платформы, о которой так много говорил и Зиновьев. Каменев: «Эта платформа говорит: "Мы зовем все честные пролетарские элементы, группирующиеся вокруг демократического централизма, «Рабочей правды» и примыкающие к рабочей оппозиции, как состоящие в партии, так и находящиеся вне рядов ее, объединяться на основах манифеста «рабочей группы РКП». Процитировав это место, Каменев с деланным возмущением спрашивает: «Почему действительно не зовут честные рабочие элементы, группирующиеся вокруг ЦК?» Обращаясь к бывшим «децистам» Осинскому и Сапронову, Каменев сказал: «Вы сделали политический шаг, который классовым врагам нашим дал право зачислить вас в свою церковь, в свой приход» (там же, стр. 145). Когда впоследствии те же аргументы будут пущены в ход Сталиным против Каменева и Зиновьева, то они будут глубоко возмущены «подтасовкой фактов».

Грузинский вопрос занял видное место не только в прениях по национальному вопросу, но и в прениях по докладам ЦК. Первым выступил Мдивани, которого Сталин через Оргбюро отозвал из Грузии, объявив лидером грузинских шовинистов, а Ленин собирался реабилитировать на том

же съезде. История вопроса и документы на этот счет были известны делегатам съезда. С тем большим интересом съезд встретил выступления грузинских «уклонистов». Однако «уклонисты» проявили больше такта и сдержанности, чем те, которые их обвиняли. Мдивани начал с того, что о больших вопросах говорили большие люди, а ему, провинциалу, приличествует говорить о том, что происходило «на очень маленьком кусочке советской земли, называемой Грузией». Он сказал, что как ЦК в Москве, так и его орган в Закавказье – Заккрайком в национальном вопросе проявляли постоянные колебания: то предлагали хозяйственное объединение Закавказья, то предлагали федерацию, потом отвергали федерацию, а предлагали «автономизацию», та же самая чехарда происходила и в отношении беспрерывных отзывов, снятий, перебросок работников. Мдивани сказал: «Я, как старый партиец, признаю, нахожу все это нужным и даже приветствую такую переброску, если это нужно. Но надо помнить, товарищи из Оргбюро, из Политбюро, из ЦК, об этом я говорил уже в Политбюро, одно дело, когда вы перебрасываете товарища из Тамбовской губернии в Орловскую, а другое – когда вы из Грузии в Москву перебрасываете... Если это нужно, мы, коммунисты, против этого не можем протестовать... Лично нам в высшей степени приятно вот здесь в Москве... Но другое дело отношение к этим переброскам беспартийной массы, приисканием приводных ремней к которой так усердно занят т. Сталин. Такие переброски всегда рассматриваются, как наказание со стороны русской части, (против) данной национальности (Голос с места: «Неправда!»). «Неправда» может говорить тот, кто неправду эту делает там» (там же, стр. 150-151). Мдивани не говорил, вероятно, и пяти минут (по стенограмме он говорил только 11/2 страницы), тогда как по регламенту ему полагается 15 минут, как председательствующий (Рудзутак) его остановил: «Ваш срок истек». Мдивани: «Разрешите еще три минуты». Из зала голоса: «Просим».

Мдивани сказал, что даже по заключению комиссии Каменева и Куйбышева обвинения против «уклонистов» не подтвердились, их политика по национальному вопросу оказалась правильной. Мдивани: «И теперь мы находимся в такой стадии, что там, в ЦК, эта политика признана, да и признается теперь в тезисах т. Сталина, поскольку я вообще могу понять т. Сталина... (но) теперь создано такое положение, когда политика одна, а лица другие. Что ж, т. Сталин, задаю вам вопрос: политика для лиц, или лица

подбираются под политику?» (Сталин согласился одобрить политику «уклонистов», но не согласился вернуть их из Москвы в Грузию. – А.А.). Мдивани кончил вопросом: «...Где же ваша национальная политика?.. Говорить о каких-либо уклонах... это шутки да прибаутки... По национальному вопросу были разногласия, и эти разногласия решены теперь в пользу нашей группы. Политика их должна проводиться там, а люди остаются здесь. Так что же, т. Сталин, политика для лиц или лица для политики?» (там же, стр. 152).

Выступивший после Мдивани сторонник Сталина Орахелашвили оспаривал, что комиссии Дзержинского или Каменева в чем-либо находили правильной политику по национальному вопросу группы Мдивани. Он сказал, что «в лице т. Мдивани перед съездом предстал тип грузинского уклониста» (там же, стр. 152). Сторонник Мдивани, бывший председатель правительства Грузии Ф. Махарадзе, указав, что Орахелашвили все еще продолжает говорить об «уклонистах», заметил: «После тех фактов, которые хорошо известны и т. Орахелашвили (оратор имеет в виду секретную статью Ленина по национальному вопросу. – А. А.), это слово должно быть изъято из употребления... Этот термин (уклон) должен быть отнесен, пожалуй, к тем товарищам, которые действительно уклонились от нашей национальной программы, от учения по этому вопросу т. Ленина» (там же, стр. 155).

Махарадзе рассказал, как Орджоникидзе единолично руководит не только Закавказским крайкомом, но непосредственно руководит также местными организациями, минуя Центральные Комитеты закавказских республик. С очень резким ответом «уклонистам» выступил Орджоникидзе, который, собственно, осуждал не столько политику «уклонистов», сколько ту осторожную национальную политику, которую Ленин требовал проводить в Грузии. По Орджоникидзе выходило, что руками «уклонистов» Грузией управляют националисты-меньшевики и князья. Даже после секретного письма Ленина по национальному вопросу, с которым все делегаты были уже ознакомлены, Орджоникидзе не отступил ни на шаг от своей, по словам Ленина, «политики великодержавного держиморды». Такое смелое и безоговорочное противопоставление Ленину Орджоникидзе мог позволить себе при условии абсолютной поддержки «тройки».

Речь Орджоникидзе записана на пяти страницах без того, чтобы его прервал председатель, как это было с Мдивани. Даже после продления времени речи Мдивани отведено только 2 1/2 страницы, речи Махарадзе – 3

страницы. Еще одна деталь, показывающая, до чего терпеливый Сталин доходил в своей мелочной мстительности: Мдивани и Махарадзе были членами большевистской партии беспрерывно со дня ее создания – с 1903 года. Так записано во всех справочниках до данного съезда. Но в списке делегатов двенадцатого съезда, где приводятся даты вступления в партию, у Мдивани вместо даты поставлена черточка, как будто он вообще не вступал в партию, а у Махарадзе указано: «в трех анкетах разные даты. Запрошен ЦК Грузии» (там же, стр. 693, 701).

В заключительном слове Сталин ответил только четырем оппонентам – Лутовинову, Осинскому, Мдивани и Махарадзе. О Лутовинове: «Он не доволен режимом нашей партии: нет свободы слова в нашей партии, нет легальности, нет демократизма... Он хочет, чтобы все важнейшие вопросы обсуждались по всем ячейкам снизу доверху... чтобы вся партия принимала участие в обсуждении вопроса» (там же, стр. 181).

Сталин отверг это требование, заявив, что «при таком порядке партия превратилась у нас в дискуссионный клуб вечно болтающих и ничего не решающих... Мы окружены врагами... Обсуждать вопрос в 20 тысячах ячеек – это значит выносить вопрос на улицу. Следует помнить, что в условиях, когда мы окружены врагами, внезапный удар с нашей стороны, неожиданный маневр, быстрота решают все... Демократизм т. Лутовинова есть утопия» (там же, стр. 182).

Об Осинском: «Он уцепился за мою фразу о том, что расширяя ЦК, мы должны ввести в его состав людей независимых. Тов. Осинский полагает, что в этом пункте я устроил некоторую смычку с Осинским, с демократическим централизмом... Нам нужны независимые люди, свободные от личных влияний, от навыков и традиций борьбы внутри ЦК... Он похвалил т. Сталина, похвалил т. Каменева и лягнул т. Зиновьева, решив, что пока достаточно отстранить одного, а потом дойдет очередь и до других. Он взял курс на разложение того ядра, которое создалось внутри ЦК («тройки»), с тем, чтобы постепенно разложить все... Если т. Осинский серьезно думает преследовать такую цель, то я должен его предупредить, что он натолкнется на сплошную стену, о которую он расшибет себе голову. Пусть пожалеет себя т. Осинский» (там же, стр. 183).

О Мдивани: Мдивани ведет борьбу против ЦК, «это установлено как комиссией т. Дзержинского, так и комиссией т.т. Каменева – Куйбышева... т. Мдивани изображает дело так, что несмотря на его отзыв, все-таки он

победил. Я не знаю, что назвать тогда поражением. Впрочем известно, что блаженной памяти Дон-Кихот тоже считал себя победителем, когда его расшибло ветряными мельницами. Я думаю, что у некоторых товарищей… в Грузии там, в верхнем этаже, по-видимому, не все в порядке» (там же, стр. 185-186). Когда Сталин перед съездом так подчеркнуто оспаривал правоту Мдивани и защищал выводы комиссии Дзержинского, то он тем самым оспаривал и отвергал как аргументы, так и выводы в пользу Мдивани, которые содержались в статье Ленина и которые уже были известны съезду. Но даже тогда, когда Сталин выступал против установок Ленина, он делал это, апеллируя к Ленину, как к своему учителю. Так и здесь. Перейдя от Мдивани прямо к Ленину, Сталин закончил: «Я жалею, что тут нет т. Ленина. Если бы он был здесь, он бы мог сказать: «25 лет пестовал я партию и выпестовал ее, великую и сильную» (Продолжительные аплодисменты)» (там же, стр. 187-188).

Многословный, как всегда, Зиновьев ответил каждому оппоненту, в том числе и тем, которым уже ответил Сталин. В этих ответах Зиновьев прибегал, как и Сталин (вероятно, такая была договоренность в ЦК), к методу отрицания существующих фактов, известных действий или сознательного умолчания позиции Ленина по обсуждаемым вопросам. Вот типичный пример – отвечая критикам о колебаниях в ЦК по вопросу монополии внешней торговли, Зиновьев сказал: «В ЦК не было ни малейших споров насчет незыблемости монополии внешней торговли» (там же, стр. 188). Из предыдущего изложения мы знаем, что ЦК, по предложению «тройки», провел решение о пересмотре монополии и только после категорического вмешательства Ленина вместе с Троцким отменил его. Одному из критиков – Красину – Зиновьев ставил в вину: «Он критиковал политику Ленина, а делал вид, что критикует политику его учеников, хотя Красин не мог критиковать политику Ленина по той простой причине, что за последние шесть месяцев Ленин не имел даже права знать, что делается в ЦК. Другому критику – Ларину, – который приводил факты вынужденной отмены ЦК не только решения о монополии внешней торговли, но и о концессии, Зиновьев отвечал так: «т. Ларин говорил так, как будто он не только сидел в Политбюро, а там родился, там днюет и ночует» (там же, стр. 196).

Аргумент против третьего критика – против Косиора – был такой: «т. Косиор в прошлом году произнес совершенно такую же речь после доклада, не *случайного докладчика, как я,* а после доклада Владимира Ильича… По-

видимому, это его профессия» или: «т. Косиор явно не от себя одного говорил и обвинял нас в том, что мы не даем возможность работать товарищам, которые принадлежали к другой группировке, чем мы. Если бы это обвинение было верно, то нас надо было бы гнать в шею» (там же, стр. 199).

Четвертому критику – Осинскому – жаловавшемуся, что в партии нет свободы критики из-за «исключительного закона» X съезда, Зиновьев ответил: «В нашей партии *(спросите любого члена Коминтерна),* – в нашей партии достаточно свободы... Исключительного закона у нас нет, и по этой причине его отменить никак нельзя» (там же, стр. 200). Или: «т. Осинский говорил, что позволено Ленину, то не позволено кому-нибудь другому. Само собою разумеется. Осинский сказал: когда Ленин сечет, то это еще куда ни шло. Вполне разделяю его вкусы: уж сечься, так сечься у мастера... По Осинскому... «они мол не хотят выпускать власть»... т. Осинский, бросьте это!.. Власти у нас, если уж на то пошло, у каждого хоть отбавляй, и никто не чувствует тоски по власти» (там же, стр. 202). В этом месте невольно вспоминаются слова Зиновьева (вложенные в его уста Сталиным) на его процессе в августе 1936 г. На вопрос прокурора, почему вы вместе с Каменевым стали вредителями, шпионами, убийцами, Зиновьев ответил: «Мы жаждали власти!». Зиновьев, по существу, обвинил Осинского, Сапронова и других бывших лидеров демократического централизма, среди которых был и такой ныне верноподданный, как Бубнов, что они несут политическую ответственность за упомянутую анонимную платформу, в которой требовалось сплочение всех коммунистов вокруг «рабочей группы РКП» и *удаление* из ЦК «тройки». Доказательства Зиновьева были очень просты: «Я поручил одному товарищу взять платформу демократического централизма и взять платформу анонимную и выписать в одном столбце то, что говорится в первой платформе, и с правой стороны то, что говорится во второй... и получилось совпадение на 99%» (там же, стр. 203).

Категорическое заявление «децистов», что они все-таки не имеют никакого отношения к анонимной программе, на Зиновьева и ЦК впечатления не произвело.

Пятого критика политики ЦК – Лутовинова – Зиновьев сначала процитировал буквально: «Если так дальше будет продолжаться, то неизбежно будут группировки», – говорил он. – Это есть угроза в устах одиночки... А мы говорим, что продолжаться это будет именно так» (там же,

стр. 200). Через год лидер Коминтерна вспомнит, каким пророком оказался все-таки этот «одиночка» – простой шахтер из Донбасса.

Не в пример шахтеру плохим пророком оказался сам Зиновьев, когда, кончая заключительное слово, он сказал, что в отсутствие Ленина партией будет руководить коллектив, ибо «у нас нет про запас другого гениального вождя» (там же, стр. 205). Ровно через пять лет тот же Зиновьев, возвращаясь в партию после первого исключения, скажет: есть другой гениальный вождь – это «Сталин – Ленин сегодня». То, в чем Зиновьев обвинял критиков политики «тройки» – нехорошо играть в прятки, когда Ленина здесь нет – целиком относилось к нему. Оба докладчика ЦК – Зиновьев в грубой форме, а Сталин более дипломатически – отрицали глубокие расхождения между «тройкой» (Политбюро) и Лениным по ряду важнейших вопросов. Оба докладчика внушали делегатам, что все, что они говорят о прошлой и будущей политике ЦК, целиком опирается на письменные или устные указания Ленина. В этих условиях не вызывает удивления, что съезд «единогласно» одобрил политику ЦК.

Отчет ЦКК Шкирятова вызывал к себе в некотором отношении больший интерес тем, что как раз последние статьи Ленина о реорганизации и пересмотре роли ЦКК по отношению к ЦК были опубликованы в газете («Правда», 25.I.1923 г. и 4. III. 1923 г.). Ленин явно хотел увеличить независимость и контрольные функции ЦКК по отношению к ЦК, для чего он предложил обязательное участие делегации Президиума ЦКК на каждом заседании Политбюро. ЦКК, избираемая наряду с ЦК непосредственно съездом партии, по Ленину, не только должна быть судом чести партии, но и бичом партаппаратного и государственного бюрократизма совместно и объединение с РКИ (Рабоче-крестьянская инспекция СССР), «не взирая на лица», на генсека и других членов ЦК», как Ленин писал в статье, подзаголовок которой гласит «Предложение XII съезду партии» («Правда», 23.I.1923 г.). Поэтому Ленин предлагал расширить ее состав и выбрать туда старых *независимых от ЦК деятелей* партии с большим партийным стажем, для соблюдения этой независимости член ЦКК не мог быть одновременно и членом ЦК. Ничего обо всем этом Шкирятов не говорил, даже больше – в докладе Шкирятова (оставшегося на протяжении всего периода правления Сталина его вернейшим помощником по чисткам) не было ни одной ссылки на название статьи Ленина (Двенадцатый съезд.., стр. 217-227). Это и понятно. Центральный пункт доклада Шкирятова о работе ЦКК гласил, что у

ЦКК «разрешение всех более или менее важных вопросов было согласовано с ЦК» и что органы ЦКК надо рассматривать, как органы, «работающие совместно с ЦК» и, конечно, с ГПУ (там же, стр. 221, 224). В книге Троцкого «Сталин» есть примечание с указанием, что Сталин был неофициальным председателем ЦКК. В докладе Шкирятова есть косвенное подтверждение этому там, где говорится, что ЦК и Сталин писали и говорили о вещах, которые явно входили в исключительную компетенцию ЦКК (там же, стр. 223). Президиум съезда, не желая особенно распространяться о задачах ЦКК (вопреки ленинским статьям), внес предложение о том, чтобы прения по докладу ЦКК не открывать; делегат Мышкин, ссылаясь именно на статьи и предложения Ленина о ЦКК, возразил президиуму и настаивал на открытий прений. За Мышкина голосовало меньшинство. Таким образом, под дирижерством «тройки» съезд не обсуждал и этих, опубликованных накануне съезда, статей Ленина.

Доклад Бухарина о работе Коминтерна интересен только в отношении двух проблем, которые он поставил еще тогда (1923 г.), когда они казались либо преходящими, либо совершенно не актуальными: проблемы угрозы фашизма и предстоящего пробуждения колониального мира. О фашизме он сказал, что. «повсеместное распространение фашизма» становится основной тенденцией развития Европы и что «глубочайший корень фашизма заключается в том, что европейская буржуазия не в состоянии управлять всей хозяйственной жизнью страны на таких началах, которые соответствуют нормальному ходу капиталистического развития... Фашистские организации и функции этих фашистских организаций представляют собою легализованную гражданскую войну... Террор со стороны фашизма усилился... В Италии фашистская партия стала правящей... В Германии... наиболее яркой организацией является баварская организация «национал-социалистов» во главе с *Гитлером»* (там же, стр. 248-249). В отношении колониального мира Бухарин предвосхитил не только доктрину, но и терминологию Мао Цзэ-дуна. Бухарин говорил: «Если рассматривать положение вещей в их всемирно-историческом масштабе, можно сказать, крупные промышленные государства – это города, а колонии и полуколонии – это деревни. И вот когда в «городе» начинается революционное брожение, и в деревне начинают пускать красного петуха, необходимо создание великого единого фронта между революционным пролетариатом мирового «города» и крестьянством *мировой «деревни».* На этот путь история

вступила бесповоротно» (там же, стр. 279). По докладу Бухарина прений не было, а деятельность делегации РКП в Коминтерне была одобрена.

Зато второй доклад Сталина «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» вновь вызвал бурные прения, а со стороны грузинских «национал-социалистов» и резкие возражения.

Прежде всего, Сталин обошел гробовым молчанием статью Ленина по национальному вопросу, в которой как мы видели уже, столь резко и категорически осуждалась политика Сталина в национальном вопросе вообще и в грузинском вопросе, в частности. Сталин заявил, что существует не только один уклон – к великодержавному шовинизму (как указано у Ленина), а еще и другой – уклон к местному национализму. Хотя уклон к великодержавному шовинизму более опасен, но бороться надо с обоими уклонами. Сталин не назвал никого, кого можно заподозрить в великодержавном шовинизме (мы видели, что Ленин назвал таковых: Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе, хотя они и бывшие «нацмены»), но зато назвал уклонистов в сторону местного национализма в лице группы Мдивани в Грузии. Проявление грузинского национализма этой группы Сталин видел в том, что она хотела, во-первых, войти непосредственно в состав СССР, минуя закавказскую федерацию, во-вторых, грузинские уклонисты угнетают национальные меньшинства в Грузии – абхазцев, аджарцев и южных осетин. Первым в прениях с ответом Сталину выступил тот же Мдивани. Он начал с указания, что «у нас существует школа Ильича по национальному вопросу, которая раз и навсегда разрешила национальный вопрос... Многие наши товарищи не отвергли национальную программу, а отодвинули в сторону... Один из членов ЦК заявил, что национальный вопрос для нас – вопрос тактики... Что же нам нужно? Нам нужно то, чему нас всегда учил т. Ильич и к чему нас призывал в последних своих письмах, *известных съезду только через отдельные делегации...* Я заявляю, что имевшее здесь место (в докладе Сталина. – А. А.) противопоставление интернационализма нашему «национализму» в корне неверно, если понимать интернационализм так, как его понимает т. Ильич... В письмах Владимира Ильича очень твердо и выразительно сказано как раз то, из-за чего мы гам боролись.

Орджоникидзе (с места). Гении. *Мдивани.* Нет, не мы гении, у нас имеются другие, возведенные в сан гениев люди, но мы простые коммунисты, которые думают о национальной программе. Если мы подошли к правильному разрешению национальной программы, так это сделали наши

коммунистические и интернациональные головы, а не ваши. Мне приходится возражать, чего я не думал делать, докладчику. Тов. докладчик очень много места уделил Грузии и грузинскому шовинизму.

Сталин (с места). В знак особого уважения! *Мдивани.* Спасибо, т. Сталин. Но разрешите мне в знак «особеннейшего» уважения напомнить вам кое-что из прошлой нашей жизни» (там же, стр. 454-455).

Мдивани привел ряд фактов, свидетельствующих, что национальные меньшинства Грузии – абхазцы и осетины – получили из рук «уклонистского» ЦК Грузии свои автономии и политику этого ЦК всегда одобряли, а с аджарцами произошел казус, задержалось провозглашение их автономии, потому что Сталин, приехавший в 1921 г. в Грузию, приказал председателю правительства Грузии Мдивани быть «осторожным» с аджарцами. Мдивани добавил: «Когда это делается с распоряжения т. Сталина, я должен сказать: слушаюсь, т. Сталин! Мне было дано указание сделать так, чтобы аджарцы не хозяйничали в Батуме (столица Аджарии. – А. А.). С этого и началось их недовольство... Аджарцам автономию мы дали» (там же, стр. 456-457).

Мдивани остановился и на самом главном обвинении в уклонизме, «социал-национализме» того ЦК Грузии, который он возглавлял. Мдивани сказал: «Самое ужасное это то, что мы против Закавказской федерации... Мы не против Закавказской федерации, а против той самой единой Закавказской республики, которую создали... Когда комиссия Каменева и Куйбышева приехала, Куйбышев сказал: «зачем эта федерация в такой форме, разве нельзя федерировать по экономическому вопросу и создать экономический совет?» Это сказал секретарь ЦК (Куйбышев). Другой член ЦК Каменев сидит тут же и не протестует. И вот, в результате, они не уклонисты, а мы уклонисты и ужасные люди» (там же, стр. 458).

В чем же был корень всех разногласий между Сталиным и Орджоникидзе, с одной стороны, и «уклонистами», с другой? Этот вопрос был поставлен самим Мдивани, на который он дал довольно ясный ответ: «Товарищи, чего же мы хотим? (Голос: «Кто: "мы"?») Кто? Вы спросите тех, кто нас окрестил уклонистами... Да, мы всесоветское объединение! Дайте в это советское объединение самые главные комиссариаты, определяющие нашу внешнюю политику, защиту нашей республики... Отдайте этим отдельным национальностям другие комиссариаты, где они могут проявить свою волю, свое умение хозяйничать, свое умение творить новую жизнь» (там же, стр. 455, 458).

Сторонник и один из информаторов Сталина в Грузии, бывший «буддист», то есть ученик Буду Мдивани, теперь уже нарком Грузии, Стуруа сказал, что «если мы останемся верными Марксу, у пролетариата нет никакой родины», а насчет морали «запомним слова т. Ленина, который наивным товарищам, когда они спросили что «такое коммунистическая мораль?», – сказал: убивать, уничтожать, камня на камне не оставлять, когда в пользу революции; но в другом случае гладьте по голове, называйте Александром Македонским, если это в пользу революции. Вот как нужно подойти к этому вопросу». Стуруа рассказал, что ему открыло глаза одно нелегальное собрание старого грузинского ЦК, на котором он присутствовал: «там стоял вопрос, что «великодержавники» – это т.т. Орджоникидзе, Сталин и др., нужно их послать восвояси... Но каким образом? Это вышло так, как мыши хотели повесить кошке на шею колокольчик, чтобы звенел, когда она идет, но повесить не решался никто. Так же и тут. Судили-рядили и пришли к заключению, что... нас побьют. Нашли такой выход: мы выйдем из состава РКП и вступим в Коминтерн, как грузинская секция... Теперь я понял: «тут умысел другой был, хозяин музыку любил» (там же, стр. 462-644).

Махарадзе указал, что в точном смысле слова в СССР вообще нет независимости или самостоятельности каких-либо советских республик: «ведь у нас одна партия, один центральный орган, который определяет для всех республик все решительно, и общие директивы, вплоть до назначения ответственных руководителей в республиках, – все это исходит от одного центра, так что говорить при этих условиях о самостоятельности, независимости, – это в высшей степени непонятное само по себе положение» (там же, стр. 472). Поэтому речь может идти о правильном практическом проведении национальной программы в республиках. Он указал Сталину, что знаменитый отныне «декрет о кордонах» Грузии против других советских республик был составлен не «уклонистами», а «интернационалистом», сторонником Сталина и Орджоникидзе – наркомом внутренних дел Гегечкори, «этот проект Гегечкори у нас в Грузии не увидел света и пропал» (там же, стр. 472). Махарадзе сказал, что этот проект, сознательно подсунутый «уклонистам» со стороны Орджоникидзе, не только отпечатан в «Правде», но даже в бюллетене съезда – «я нахожу, товарищи, это недостойным нашего съезда». Махарадзе указал и на то, что точка зрения Сталина в переписке с Лениным, чтобы не спешили с федерацией, тоже

была точкой зрения «уклонистов» против Орджоникидзе, который хотел провести федерацию просто «по военному приказу». Махарадзе указал, имея в виду выступление Стуруа, что не «уклонисты» говорили о Сталине и Орджоникидзе как о «великодержавниках», а другой человек: «Это был т. Ильич. Вы все это хорошо знаете. Теперь я вас спрашиваю: похоже ли то, что здесь провозглашается, на то, что говорил Владимир Ильич?» (там же, стр. 474).

Член ЦК, председатель правительства Украины Раковский выразил общее настроение многих членов ЦК, когда сказал, что «некоторое время мы питали надежду накануне съезда, что национальный вопрос, как предполагал Ильич, станет центром нашего съезда, а он стал хвостом нашего съезда». Партия много раз ставила национальный вопрос в повестку дня своих съездов, но «чем больше мы ставим его, тем больше удаляемся от коммунистического понимания и решения национального вопроса». Раковский далее указал, что «т. Сталин остановился как раз на пороге выяснения подоплеки национального вопроса», а этой подоплекой Раковский считал озабоченность партийно-советской бюрократии неудобством техники управления многонациональной страной, считаясь там со всякими «автономиями». Раковский: «Наши центральные органы начинают смотреть на управление всей страной с точки зрения их канцелярских удобств… Неудобно управлять двадцатью республиками, а вот если бы все это было одно, если бы, нажав на одну кнопку, можно было бы управлять всей страной, – это было бы удобно». Раковский кончил словами: «Уездный исполком больше знает свои права, чем национальные республики. Союзное строительство пошло по неправильному пути. Как вам известно, это есть мнение не только мое, – это есть мнение Владимира Ильича» (там же, стр. 532-534).

Делегат Цинцадзе напомнил съезду, что тот принцип права народов на самоопределение, завоевавший большевикам симпатию колониальных народов Востока, Сталин свел на нет в своем плане «автономизации» независимых советских республик. Оратор указал, что дело вовсе не в том, что отдельные люди в центре или на местах ошибаются, «дело не в людях, дело в системе управления», если эта система не будет пересмотрена, положение не изменится, поэтому, сказал Цинцадзе, «нужно резко переменить политику, которая велась и ведется», и в этом вопросе так называемые уклонисты «абсолютно солидарны со школой т. Ленина, с самим

т. Лениным» (там же, стр. 534-537).

Секретарь ЦИК СССР, один из наиболее доверенных и близких друзей и единомышленников Сталина, сам тоже грузин по национальности, Енукидзе (которого Сталин потом, конечно, тоже расстрелял) выступил с резкой, открытой критикой секретной статьи Ленина по национальному вопросу. Хотя на речи Енукидзе явно видна редакторская рука Сталина, но сам Сталин не осмелился так защищать себя против Ленина, как это позволил себе за него его усердный соратник. Сначала Енукидзе, увидев в выступлении Раковского образование нечто вроде «украинско-грузинского фронта» против Сталина, решил ударить по Раковскому. Он объяснил обвинения Раковского, как недоразумение в результате его горячности. Енукидзе сказал: «Вчера товарищи, видя горячность выступавших здесь грузин, шутили, что нужно обыскивать их перед выступлением, как бы не произошло столкновения, но т. Раковский затмил своей горячностью всех кавказцев, вместе взятых».

Переходя к анализу национальной статьи Ленина, Енукидзе осмелился сделать ряд утверждений, явно фальсифицирующих статью Ленина. Вот они:

1) «Вопрос, который выдвигает Ленин в своем известном вам письме, имеет колоссальное значение *не по отношению ...* к Грузии или Украине, или в отношении тех отдельных фактов, которыми он иллюстрирует свою общую мысль. Этот вопрос интересен в отношении нашего международного положения» (то есть, по Енукидзе, письмо или статья Ленина не имеет значения для внутренней национальной политики, а только для внешней пропаганды);

2) «Много здесь было нареканий и больше всего это производило впечатление, что политика Орджоникидзе была политикой насилия, политикой Держиморды... Это слово значится и в письме т. Ленина... На самом деле Орджоникидзе проводил политику ЦК...»

3) Ленин требовал «проявлять максимум уступчивости на Кавказе... Если уступчивость граничит с тем, что мы уступаем всяким мелко-националистическим предрассудкам, то такую уступчивость надо пресечь в корне... Уклонисты поддались этим предрассудкам»;

4) «Теперь о письме т. Ленина. Тут т. Мдивани в своей речи ежесекундно склонял имя т. Ильича, и он хотел создать впечатление, что т. Ленин будто специально написал это письмо, чтобы поддержать товарищей уклонистов и оправдать всецело их политику. *(Бухарин:* «Конечно, с этой

целью».) Не с этой целью, т. Бухарин. Я позволю себе сказать, что т. Ленина мы тоже немного знаем»;

5) «Большая часть письма т. Ленина посвящена общим вопросам нашей национальной политики, и против этих общих мыслей ни т. Сталин, ни т. Орджоникидзе, конечно, не возражают. Что же касается частных вопросов, затронутых в его письме (т. е. вопросов, касающихся критики действий Сталина, Орджоникидзе, Дзержинского. – А. А.), то мне кажется, что *т. Ленин сделался жертвой односторонней неправильной информации»...*

Мдивани. Отчего не опубликовывают письмо?

Енукидзе. Письмо все делегаты читали» (там же, стр. 537-541).

Вопрос о том, почему ЦК отказывается опубликовать письмо Ленина, ставили и другие делегаты. Президиум съезда поручил Зиновьеву ответить на это. Зиновьев объяснил, что неопубликование статьи Ленина связано с характером указаний Ленина, но в чем заключались эти указания, он не объяснил, не объяснил по той простой причине, что их вообще не было. Вот соответствующее место из речи Зиновьева: «Т. Яковлев требовал опубликовать письмо т. Ленина. Президиум съезда принял *единогласное решение:* не опубликовать пока этого документа, ввиду характера тех указаний, которые дал сам Владимир Ильич», но Зиновьев решил сразу отвести всякие подозрения против Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского. Он сказал: «Дело тут вовсе не в личных нападках. Товарищи, которые непосредственно заинтересованы, первые требовали публикации этого письма». Как поверить Зиновьеву, что «заинтересованные товарищи», то есть Сталин, Орджоникидзе и Дзержинский, потребовали публикации политически убийственного для них письма Ленина? К тому же, Зиновьев противоречит самому себе. Ведь эти «товарищи» сидели в президиуме съезда, а президиум "единогласно" решил не публиковать письмо Ленина, в том числе голосами членов президиума Сталина и Орджоникидзе (там же, стр. 552).

Представитель Азербайджана Ахундов не согласился с «уклонистами», что Ленин, если бы он присутствовал на съезде, ударил бы по той политике, которую ведут сейчас. Ахундов сказал, что «никогда этого не будет, чтобы Владимир Ильич или какой-нибудь отдельный член партии, каким бы уважением он ни пользовался, чтобы *он решился* ударить по целой партии». Ахундов предупредил, что «уклонисты всех стран объединяются» и поэтому в борьбе с ними «никаких колебаний не должно быть» (там же, стр. 560).

Ряд делегатов с мест выступили тоже в духе Ахундова – политика ЦК верна, она в духе Ленина. Когда начали выступать члены ЦК в пользу критикуемой в письме Ленина политики Сталина в национальном вопросе, то казалось, что в ЦК существует единодушная поддержка Сталина. Полным диссонансом прозвучало поэтому выступление Бухарина. Едва ли Ленин защитил бы свою позицию лучше, чем это сделал Бухарин. Бухарин указал Зиновьеву, что дела обстоят в национальной политике не так уж блестяще, как их рисует Зиновьев. Если национальный вопрос за последнее время обсуждался на трех пленумах ЦК, значит, есть что обсуждать и что осуждать. Бухарин целиком поддержал тезис Ленина о «великодержавном шовинизме» в политике ЦК. Он заявил: «Почему т. Ленин с такой бешеной энергией стал бить тревогу в грузинском вопросе? И почему т. Ленин не сказал ни слова в своем письме об ошибках уклонистов, и, наоборот, все слова сказал, и четырехаршинные слова сказал, против политики, которая велась против уклонистов? Почему он это сделал? Потому, что не знал, что существует местный шовинизм? А потому, что т. Ленин – гениальный стратег. Он знает, что нужно бить главного врага. Например, на этом съезде нечего говорить о местном шовинизме. Это – вторая фаза нашей борьбы. Если мы будем говорить в целях «объективной справедливости» о великорусском шовинизме и в то же время рассуждать, что существует еще грузинский, украинский, ахалцихский, гомель-гомельский шовинизм и какой угодно шовинизм, этим мы потопим основной вопрос. И поэтому совершенно ясно, что т. Ленин в своих письмах и в известном документе, о котором здесь говорилось, вовсе не стоял на точке зрения этой замечательной «объективной справедливости», а *взял кое-кого за волосы* и давай дергать направо и налево. И совершенно правильно сделал, именно потому, что только так можно повернуть общественное мнение партии по той дороге, которую т. Ленин считает правильной *(Аплодисменты).* Вы заметьте, что с т. Зиновьевым произошло, когда он говорил против местного шовинизма, – гром аплодисментов отовсюду посыпался. Какая замечательная солидарность... Но когда речь идет о русском шовинизме, там только кончик торчит *(аплодисменты, смех)* и это есть самое опасное». Бухарин *сделал* исключение для Сталина, но такое исключение, которое, вероятно, звучало в ушах Сталина как оскорбление: «Я понимаю, когда наш дорогой друг, т. Коба Сталин, не так остро выступает против русского шовинизма, и что он, как грузин, выступает против грузинского шовинизма» (там же, стр. 563-564)

(кто был Сталин по национальности, лучше всего выразил его сын, мальчик Василий, когда он своей сестре Светлане, по ее словам, сообщил новость: «А знаешь, наш отец *раньше* был грузином»).

Речь Радека была так построена, чтобы и Ленину угодить, но и Сталина не обидеть. Начал он с Бухарина: «Тут некоторые товарищи говорили, что когда т. Бухарин видит мертвого воробья, то кричит: «все помрем через два дня» и впадает в панику. Я разделяю мнение о растущем значении национального вопроса... И лучше, чтобы здесь Мдивани орал вовсю, чем мужики в Грузии», но, к удовлетворению Сталина и Зиновьева, добавил: «Тут т. Зиновьев сказал одну важную вещь: не одна или две палаты (то есть палаты ЦИК СССР. – А. А.) важны сами по себе, а важна партия... Несмотря на принципиальное согласие с т. Бухариным... я не согласен с той «карт-бланш», которую т. Бухарин дает Мдивани и уклонистам» (там же, стр. 565-567).

В заключительном слове Сталин обвинил Бухарина и Раковского в преувеличении значения национального вопроса и из-за этого «они прогля-дели... вопрос о власти рабочего класса». Бухарин «предложил выкинуть пункт, говорящий о вреде местного шовинизма. Дескать, незачем возиться с таким червячком, как местный шовинизм, когда мы имеем такого «Голиафа», как великорусский шовинизм. Вообще у т. Бухарина было покаянное настроение. Это понятно: годами он грешил против национальностей, отрицая право на самоопределение, – пора, наконец, и раскаяться. Но раскаявшись, он ударился в другую крайность. Курьезно, что т. Бухарин призывает партию последовать его примеру и тоже покаяться, хотя весь мир знает, что партия тут ни при чем... каяться ей не в чем. Дело в том, что т. Бухарин не понял сути национального вопроса» (там же, стр. 596-597).

Что же сказал Сталин по существу тех обвинений, которые столь резко сформулировал лично против него Ленин? Только следующее: «Тут очень многие ссылались на записки и статьи Владимира Ильича. Я не хотел бы цитировать учителя моего, т. Ленина, так как его здесь нет, и я боюсь, что, может быть, неправильно и не к месту сошлюсь на него. Тем не менее, я вынужден одно место аксиоматическое процитировать... Разбирая письмо Маркса о национальном вопросе, Ленин делает такой вывод: «по сравнению с рабочим вопросом подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса». Тут всего две строчки, но они решают все.

Вот это надо зарубить себе на носу некоторым не по разуму усердным товарищам» (там же, стр. 597). Чтобы не ошибиться в интерпретации, Сталин побоялся процитировать то, что учитель писал о нем и о национальном вопросе всего четыре месяца тому назад, но не побоялся цитировать и интерпретировать то, что Ленин писал о Марксе и национальном вопросе задолго до захвата власти.

Некоторые подробности в отношении освещения борьбы внутри Политбюро и ЦК как вокруг национального вопроса, так и по другим вопросам, которые стояли в повестке дня съезда, дает новый стенографический отчет XII съезда 1968 г. Редакция издания протоколов этого съезда приобщила к старым протоколам те места, которые были выпущены из старых протоколов в 1923 г.:

1) По национальному вопросу: Президиум съезда заслушал информацию ЦК о письме Ленина. Президиум постановил не опубликовывать его, а только огласить письмо Ленина и «весь материал» (то есть, материал комиссий ЦК и Сталина. – А. А.) на «сеньорен-конвенте», «после этого члены Президиума оглашают на делегациях съезда ... на секции по национальному вопросу не оглашать». Поскольку в широких кругах партии начали говорить, что Политбюро («тройка») уже четыре месяца скрывает письмо Ленина, то Президиум считает нужным сказать, что «Записка» Ленина стала известна ЦК только накануне съезда, поэтому Президиум будет считать распространение каких-либо слухов о задержке оглашения этой записки со стороны кого бы то ни было из членов ЦК клеветой» (Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет, 1968 г., стр. 821).

К новому изданию протоколов приложено письмо всех членов и кандидатов Политбюро, в котором критикуется позиция Троцкого. По поводу грузинских дел мы узнаем, по крайней мере, двойственность поведения Троцкого. Мы уже знаем, что Ленин просил Троцкого поддержать перед ЦК линию статьи или письма Ленина против Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского. Теперь из письма членов и кандидатов Политбюро мы узнаем, что Троцкий, по существу, не поддержал Ленина, а предложил резолюцию, за которую голосовал даже Сталин. В этом письме говорится: «По вопросу о Грузии мы констатируем, что т. Троцкий сам сформулировал постановление Политбюро о Грузии... несмотря на то, что большинство из нижеподписавшихся считает сейчас прежние решения ЦК не во всех частях

правильными, т. Троцкий несет за эти ошибки полную ответственность» (там же, стр. 819). О каких ошибках речь идет – неясно, в свете доклада Сталина и речей его сторонников на данном съезде можно предположить, что тут говорится об ошибочности компромиссных решений ЦК об «уклонистах», вместо того, чтобы их резко осудить, хотя бы даже это было против письма Ленина.

2) По поводу тезисов Троцкого о промышленности. Троцкий рассказывал в своих мемуарах, что «тройка» всячески искала повода подчеркнуть свои разногласия с ним. Это подтверждает опубликованое теперь «Письмо членов и кандидатов Политбюро», в котором хотя и подчеркивается, что «Пленум ЦК единодушно голосовал за взятие за основу известных тезисов т. Троцкого по вопросам о промышленности» (там же, стр. 816), но после Пленума ЦК и накануне открытия съезда члены Политбюро («тройки») указали Троцкому, что он допустил ошибку, не указав в своих тезисах «о соотношении между пролетариатом и крестьянством» и «о соотношении между партией и госаппаратом» (там же, стр. 819), то есть не указал пунктов, которые касаются политического и организационного отчетов ЦК, а не доклада на узкую, чисто хозяйственную тему, порученную Троцкому. Искусственность этого обвинения была настолько очевидна, что редакция старых протоколов съезда выключила «Письмо членов Политбюро» из материалов, а новая редакция привела его как убийственное доказательство недооценки Троцким роли крестьянства!

3) По поводу групповой организационной политики ЦК.

Из старых протоколов были исключены, а теперь восстановлены следующие места из речей Косиора и Сталина. В. Косиор: «Основной вопрос заключается в том, что руководящая группа ЦК в своей организационной политике в значительной степени проводит групповую политику» (там же, стр. 102).

Ответ Сталина: «т. Косиор сказал, что ЦК занимался тенденциозным подбором работников снизу доверху, причем в результате такого подбора ряд товарищей от Троцкого до Шляпникова оказался без. работы (речь идет о партийной работе. – А.А.)... В сентябре прошлого года т. Ленин внес в Политбюро предложение, чтобы Троцкого назначили его заместителем, заместителем председателя Совнаркома. Предложение это было проголосовано. Т. Троцкий категорически отказался без мотивов. В январе этого года я повторил предложение т. Ленина... Мы еще раз получили

категорический ответ с мотивировкой о том, что назначать его заместителем – это значит ликвидировать его как советского работника» (там же, стр. 198-199).

Но между предложениями Ленина и Сталина была одна существенная разница – Ленин хотел сделать Троцкого заместителем председателя правительства по политическим делам, а Сталина – по делам хозяйственным. (ВСНХ, Госплан и т. д.). Сталин, несомненно, метил еще дальше – лишить Троцкого непосредственного руководства Красной армией. Только это мог иметь в виду Троцкий, когда говорил, что его хотят ликвидировать как «советского работника». В своем ответе Косиору Сталин пошел так далеко, что перед всем съездом заподозрил члена Политбюро, верховного шефа Красной армии в каких-нибудь скрытых мотивах поведения. Вот слова Сталина: «Очевидно, у т. Троцкого какой-то мотив, какое-то соображение, какая-то причина, которая не дает ему взять, кроме военной, еще другую, более сложную работу. Тут, товарищи, ЦК, конечно, ни при чем» (там же, стр. 199). Вероятно, Сталину указали на съезде, что неудобно так подозревать коллегу по Политбюро из-за того, что тот не хочет быть заместителем председателя правительства, то есть, по советским понятиям, «министром без портфеля». Поэтому, вероятно, это место выступления Сталина было изъято из старых протоколов, даже из Сочинений самого Сталина. Все-таки Сталин распространил вышецитированное «Письмо членов и кандидатов Политбюро» среди делегатов съезда, оно кончалось словами: «Будто в Политбюро какое-то предвзятое большинство, связанное кружковщиной, мы отметаем как простое извращение истины» (там же, стр. 818), но так как это письмо не подписано только двумя членами Политбюро – больным Лениным и здравствующим Троцким, то совершенно ясно, что оно само по себе свидетельствует об образовании вокруг «тройки» антиленинского, антитроцкистского большинства.

4) По поводу расширения ЦК.

Ленин предлагал расширить состав ЦК, чтобы предупредить раскол в ЦК между Троцким и Сталиным. Сталин ухватился за эту' идею (не ссылаясь на Ленина) и предложил февральскому пленуму ЦК расширить ЦК за счет «независимых людей» с мест (иначе говоря, за счет секретарей губкомов, которые зависели только от одного Сталина). Троцкий увидел, что Сталин хочет расширить ЦК как раз своими людьми с мест. Поэтому он и Рыков голосовали против плана Сталина. Зиновьев и Каменев вообще не поняли, в

чем дело. Когда Троцкий выдвинул предложение вместо расширения ЦК создать новый верховный центр – «Совет партии», как директивный орган, «тройка» в этом предложении увидела угрозу монополии своей власти в Политбюро. Предложение Троцкого было отвергнуто, а предложение Сталина принято (там же, стр. 848). Съезд закрылся принятием резолюции в духе «тройки» и выборами новых руководящих органов в духе Сталина.

Членский состав был расширен с 27 человек до 40. Кандидатов ЦК было избрано 17 чел. Членов ЦКК было избрано 50 чел., кандидатов – 10 чел. Членов Центральной Ревизионной комиссии избрано 3 человека.

Перечислим состав ЦК.

Члены ЦК:

1. Андреев, 2. Бухарин, *3.* Ворошилов, 4. Дзержинский, 5. Евдокимов (новый, зиновьевец), 6. Зеленский, 7. Зиновьев, 8. Залуцкий (новый, зиновьевец), 9. Калинин, 10. Кубяк (новый, сталинец), 11. Киров (новый, сталинец), 12. Короткое, 13. Комаров (новый, сталинец), 14. Квиринг (новый, сталинец), 15. Каменев, 16. Ленин, 17. Лашевич (новый, сначала сталинец, потом троцкист), 18. Мануильский (новый, сталинец), 19. Молотов, 20. Микоян (новый, сталинец), 21. Михайлов (новый, сталинец), 22. Орджоникидзе, 23. Петровский, 24. Пятаков (новый, троцкист), 25. Рудзутак, 26. Рыков, 27. Радек, 28. Раковский, 29. Сталин, 30. Сулимов (новый, сталинец), 31. Сокольников, 32. Смирнов, 33. Томский, 34. Троцкий, 35. Угланов (новый, сталинец), 36. Уханов (новый, сталинец), 37. Фрунзе, 38. Харитонов (новый, сталинец), 39. Чубарь, 40. Цюрупа (новый).

Из этих шестнадцати новых членов ЦК только два человека стояли ближе к Зиновьеву и Каменеву, а десять губернских или центральных работников были прямыми выдвиженцами Сталина. Кандидаты ЦК:

1. Бадаев, 2. Бубнов, 3. Каганович, 4. Колотилов, 5. Косиор С., 6. Лепсе, 7. Лебедь, 8. Москвин, 9. Мясников, 10. Морозов, 11. Нариманов, 12. Орахелашвили, 13. Румянцев, 14. Рыскулов, 15. Скрыпник, 16. Урываев, 17. Чудов.

Из этих семнадцати кандидатов три человека стояли близко к Зиновьеву (Бадаев, Мясников, Москвин), два были центральными работниками, остальные двенадцать были выдвиженцами Сталина с мест.

Куйбышев и Ярославский не были переизбраны в ЦК, так как Сталин поручил им непосредственное руководство над ЦКК. ЦКК тоже была расширена с 5 человек до 50 членов и 10 кандидатов ЦКК и подобрана

приблизительно на тех же принципах и в тех же пропорциях, что и ЦК партии. Та «необъятная власть» генсека, против которой Ленин предупреждал в «Завещании», теперь была организационно закреплена. Не только Троцкий, но едва ли и объединенный блок его с Зиновьевым и Каменевым мог бы сейчас ее поколебать. Однако терпеливый и предусмотрительный Сталин будет блокироваться *с* Зиновьевым и Каменевым, пока политически не покончит с Троцким.

Даже данный съезд, открыто антитроцкистски подготовленный «тройкой», показал все еще невероятную популярность Троцкого не только в стране, но и в партии. Почти каждая делегация рабочих и других организаций, пришедших приветствовать съезд, кончала речь возгласом «Да здравствуют наши вожди Ленин и Троцкий!», иногда «да здравствуют наши вожди Ленин, Троцкий и Зиновьев!», но никогда ни в одном из приветствий не упомянуто имя Сталина. По аплодисментам самого съезда Троцкий стоит на первом месте, Зиновьев – на втором, Сталин – на третьем месте. Партия еще сама не знает, кто ее подлинный вождь.

Глава 24

СМЕРТЬ ЛЕНИНА, ОПАЛА ТРОЦКОГО И XIII СЪЕЗД

В гражданской войне против Белого движения большевиков морально и политически поддерживали определенные группы партий меньшевиков и эсеров, за что они решением ЦК партии в 1919 году были вновь допущены во ВЦИК и местные советы. Когда же война кончилась полным триумфом большевизма не только в районах Белого движения, но и на далеких национальных окраинах, где после революции большевиков были провозглашены независимые национальные государства (Кавказ, Туркестан и др.). Ленин взялся и за ликвидацию своих временных союзников. Сначала Ленин пробует действовать по принципу: «не мытьем, так катаньем». Так, когда в начале марта 1920 года на выборах в Московский совет прошли по списку меньшевиков 46 человек во главе с Ю. Мартовым и Ф. Даном, Ленин пишет председателю Моссовета Л. Каменеву:

«По-моему, Вы должны "загонять" их *практическими* поручениями:

Дан – *санучастки,*

Мартов – контроль за столовыми» (Ленин, ПСС, т. 51, стр. 150).

Ленин думает, что высоким политикам окажется не по душе прозаическая работа по контролю над кухнями и уборными и этим их можно «загнать». Его цель ясна – лидеров «лояльных» меньшевиков и эсеров изолировать, арестовать или выслать из страны, а рядовую членскую массу этих групп включить в большевистскую партию. Он добился очень скоро последней цели: в начале двадцатых годов в РКП (б) оказалось около 30 тысяч бывших меньшевиков и эсеров, тогда как самих старых большевиков было всего только около 10 тысяч человек. Теперь оставалось изолировать лидеров этих партий. В первую очередь Ленин взялся за меньшевиков-интернационалистов группы Мартова.

Отношения между Лениным и Мартовым были более сложные, чем отношения между обычными врагами. Они были противоречивые и психологически странные, если не сказать загадочные. Их исходные идеологические позиции (ортодоксальный марксизм, включая сюда вначале и концепцию «диктатуры пролетариата») были одни и те же, даже их политическая линия сначала была единая (вместе организовали в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», Мартов подписал ленинский «Протест российских социал-демократов» в 1899 году против «credo» «экономистов» Е. Кусковой и др., Мартов, Ленин и Потресов составили инициативную группу по изданию «Искры», Мартов вместе с Лениным был одним из ее главных редакторов, вместе с Лениным и через эту газету подготовил II съезд партии).

Только на II съезде партии выяснилось, что Ленин и Мартов не единая сила, даже не параллельные силы, а силы, глубоко антагонистические. Там и родились из одной и той же идеологии два антипода, смертельно возненавидевшие друг друга: демократический социализм (меньшевизм) Мартова и диктаторский социализм (большевизм) Ленина. Но как бы неистово ни воевали между собой адепты новых «церквей» в русском марксизме, их лидеры соблюдали странным образом правила порядочной игры и иммунитет личной неприкосновенности. И после раскола Ленин и Мартов участвуют вместе на съездах партии, на которых делаются попытки вновь объединиться (IV и V съезды), участвуют вместе на Циммервальдской (1915) и Кинтальской (1916) конференциях, как «социалисты-интернационалисты», вместе участвуют на II съезде Советов (25-27 октября), вместе участвуют и

во ВЦИК – всегда вместе и всегда против друг друга.

Единственный раз Мартов решительно и безоговорочно стал на сторону Ленина после июльских дней, когда Ленина обвинили в шпионаже в пользу Германии и Мартов это считал неслыханной клеветой. Он публично выступал в защиту Ленина, а VI съезду большевиков прислал приветствие, хотя тут же оговорил свое несогласие с методами партии и Ленина. На то, на что не был способен он сам, Мартов считал неспособным и Ленина. Ведь всю жизнь, при всех драках, интригах, расхождениях все-таки оба питались соками из одного идеологического древа – марксизма. Мартов был верующим марксистом, а Ленин – эксплуататором марксизма. Для Мартова, как и для Розы Люксембург, «нет социализма без демократии, как нет демократии без социализма», для Ленина демократия – фикция, социализм – отдаленная цель, а диктатура – средство на целую историческую эпоху. В фокусе внимания Мартова – вера во врожденные добродетели человека и в возможности усовершенствования его социальной этики. В фокусе внимания Ленина стоит другой человек – человек с врожденными пороками эгоизма, жестокостей, подлостей, которые можно и нужно использовать, чтобы сделать этого же человека беспорочным, по выражению И. Эренбурга, «ускомчелом» – усовершенствованным коммунистическим человеком.

Историческое поражение Мартова, как и меньшевизма в целом, вытекало из его догматической обреченности в оценке движущих сил и перспектив русской революции. Мартов был слишком добродетелен, чтобы стать динамичным политиком. Наоборот, Ленин был слишком рафинированным тактиком, чтобы считаться с таким «балластом» в политике, как «моральный кодекс» людей. Поэтому как политик Мартов не выдерживает сравнения с Лениным, но как человек он был для Ленина недосягаем, порою даже непонятен. Ленин на всю жизнь сохранил в себе какой-то таинственный комплекс своей моральной неполноценности по сравнению с Мартовым. Отсюда Ленин, выражаясь по Шекспиру, питал к Мартову «любящую злобу и злобную любовь». Поэтому психологически вполне понятно, что когда Мартов умер в Берлине в 1923 г., то от больного Ленина скрыли этот факт. Близкие к Ленину боялись, что у Ленина может случиться удар, если он узнает о смерти Мартова! Ленин узнал о смерти Мартова, когда сам он поправился от первого приступа болезни и ему было разрешено читать старые газеты.

Периоду хрущевского либерализма мы обязаны тем, что советский

писатель и чекист Э. Казакевич (во время войны он был помощником начальника разведки армии) получил разрешение копаться в архивах Чека и ЦК и таким образом рассказал нам об одном интересном эпизоде взаимоотношений между Лениным и Мартовым, о таком эпизоде, упоминание которого в официальной истории считалось до сих пор табу. Названный писатель в 1962 году напечатал в «Известиях» рассказ о Ленине и Мартове. Рассказ называется «Враги». В примечании к рассказу сказано: «В этом рассказе описывается истинное происшествие». В чем же суть рассказа? 1920 год. Ленин – председатель правительства и живет в Кремлевском дворце, Мартов – подпольщик и живет, как аскет, на чердаке дома на Мясницкой улице, но Чека его усиленно ищет, чтобы арестовать и... через свою секретаршу Ленин вызывает к себе бывшую меньшевичку, некую Софию Марковну, которую он знал по эмиграции как близкого к Мартову человека, но теперь вступившую в большевистскую партию. Он дает ей задание:

«Я хочу вам поручить одно дело. Вы должны узнать, где Юлий (Юлий Осипович Мартов. – А. А.), повидаться с ним и передать ему от моего имени... нет-нет, не записывайте. Запомните. Вы же старая подпольщица. Конспираторша. А мы с вами теперь конспирируем... Итак, в пятницу, в одиннадцать часов вечера от первой платформы Балтийского вокзала отходит последний – заметьте, последний пассажирский поезд на Минск и Варшаву. Последний потому, что мы ожидаем буквально в ближайшие дни начала войны с Польшей... Если Юлий хочет, он может сесть в этот поезд, в шестой вагон, место пятнадцать. Там, в вагоне, будут знать. А не захочет, тогда пускай остается в подполье, это его дело... Меньшевики на всех парах идут к созданию антисоветского подполья. Юлия, своего лидера, они уже запрятали... Но терпеть антисоветское подполье мы не можем... Мартов враг потому, что он выступает против диктатуры пролетариата. Вы всего этого не говорите ему... Это бесполезно. Скажите ему только о поезде». Когда София Марковна спросила Ленина, обязана ли она будет докладывать Чека о местонахождении Мартова и, вообще, почему Ленин столь ответственное поручение не дает своему шефу тайной полиции Дзержинскому, то последовал ответ, который должен был показаться ортодоксальному большевику чудовищной изменой большевизму. Ленин сказал:

«Ни в коем случае вы ни мне, ни кому-либо не расскажете, где Юлий скрывается. Я вам просто запрещаю это мне докладывать. Даже Совнарком (правительство. – А. А.) не будет поставлен в известность о нашем

разговоре». В ответе на вопрос, почему он это дело не поручает Дзержинскому и почему он действует за спиной правительства и партии, Ленин был обезоруживающе искренним: «Дело в том, что среди наркомов (министров теперь. – А. А.) есть люди, – как бы вам это сказать, – более решительные ленинцы, чем сам Ленин» (газ. «Известия», 21 апреля 1962 г.). София Марковна через Н. Суханова разыскала Мартова и передала ему поручение Ленина. Мартов воспользовался услугой друга-врага, уехал названным поездом и приступил в Берлине к изданию антиленинского журнала «Социалистический вестник». Интересно, что наследники Сталина и Хрущева, задним числом, от имени ЦК и советского правительства одобрили этот явно антисоветский акт Ленина. В «Советской исторической энциклопедии» за 1966 год сказано, – что Мартов «в 1920 году с разрешения ЦК РКП(б) и советского правительства уехал за границу» (СИЭ, т. 9, М., 1966, стр. 151). Разумеется, такого разрешения никогда не давалось и не могло быть дано, что ясно видно из рассказа об этом «истинном происшествии».

Труднее оказалось Ленину избавиться от лидеров эсеров. Эти ни о какой эмиграции думать не хотели. Ленину, по его словам, не так страшна была русская буржуазия во главе с Милюковым, как страшны были главари «мелкобуржуазной демократии» Мартов и Чернов, которые действуют, по Ленину, «частью по глупости, частью по фракционной злобе на нас, а главным образом по объективной логике их мелкобуржуазно-демократической позиции» в пользу Милюкова (Ленин, 4-е изд., т. 32, стр. 481).

Гораздо труднее и продолжительнее оказалась борьба с партией эсеров, члены которой убили Володарского, Урицкого, ранили Ленина, поднимали восстания. Кремль решил сокрушительным ударом обезглавить партию эсеров. 28 февраля 1922 года ГПУ производит повальные аресты и предает суду Верховного трибунала 47 членов ЦК и активных деятелей партии эсеров по обвинению в «заговоре» против советского правительства. Это означало, что всем арестованным виднейшим вождям двух русских революций – 1905 и 1917 гг. – неминуемо грозит смертная казнь. Демократическая и рабочая печать во всем мире подняла против этого широкую кампанию. «Заграничная делегация партии социалистов-революционеров» опубликовала в газете «Голос России» в Берлине от марта 1922 года воззвание «К социалистическим партиям всего мира». В воззвании

указывалось, что большевики решили физически уничтожить своих противников путем фальсификации обвинения в контрреволюционной деятельности самой революционной из всех русских революционных партий. Призыв был подхвачен всей мировой печатью. Даже некоторые западные лидеры Коминтерна присоединились к протесту (К. Цеткин и др.).

Ленину пришлось согласиться на созыв совместной конференции трех Интернационалов – II, II 1/2 и III Интернационала – по вопросу о суде. На конференции от Коминтерна и ЦК РКП участвовали Бухарин и Радек. Лидер английских лейбористов Макдональд от имени II Интернационала потребовал от представителей Коминтерна и ЦК РКП гарантию, что к арестованным не будет применена смертная казнь и что председатель II Интернационала Вандервельде будет допущен в суд в качестве защитника подсудимых. Бухарин и Радек эти условия приняли, что вызвало решительное недовольство Ленина. В статье «Мы заплатили слишком дорого» Ленин писал, что «наши представители поступили неправильно, приняв эти два условия», но все-таки Ленин, хорошо чувствуя возмущение общественного мнения во всем мире преданием суду старых русских революционеров, добавлял: «Но я думаю, что рвать подписанного соглашения нам не следует» («Правда, 11 апреля 1922).

Но прежде чем судить эсеровских лидеров и для того, чтобы вообще узаконить террористическую систему властвования большевизма, Ленин самолично ввел в Уголовный кодекс РСФСР пресловутую статью 58. В письме к наркому юстиции от 17 мая 1922 года Ленин так обосновал свою инициативу: «В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа. Основная мысль ясна: открыто выставить принципиальное положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость. Суд должен не устранять террор, а объяснить и узаконить его принципиально...» (Ленин, Соч. т. XXVII, стр. 297).

Суд состоялся в Москве 8 июня-7 августа 1922 года. Лидеры эсеров превратили суд в трибуну пропаганды своей программы и разоблачений террористической практики большевизма. Вождь эсеров и руководитель их ЦК Гоц заявил: «Мы выполним свой долг, какая бы участь нас здесь ни ожидала», член ЦК эсеров Гендельман сказал: «И мертвые, и живые мы будем вам опасны», третий член ЦК Тимофеев, как бы обращаясь к лидерам большевизма, сделал вызов: «Вы получите наши головы, чтобы положить их к ногам Коминтерна, но чести нашей вы не получите (М. Вишняк, Годы

эмиграции. Hoover Institution Press, Stanford University).

Суд приговорил 12 человек к смертной казни, в том числе Гоца, Гендельмана, Тимофеева, Донского, Ратнер. Президиум ВЦИК утвердил приговор, но привести его в исполнение большевики все-таки не осмелились. Троцкий предложил Ленину более чем блестящий выход. Вот этот выход в рассказе самого Троцкого: «Приведение его (смертного приговора. – А. А.) в исполнение означало бы неотвратимо ответную волну террора. Ограничиться тюрьмой хотя бы и долголетней, значило бы просто поощрять террористов, ибо они меньше всего верили в долголетие советской власти. Не оставалось другого выхода, как поставить выполнение приговора в зависимости от того, будет или не будет партия (эсеров. – А. А.) продолжать террористическую борьбу. Другими словами: вождей партии превратить в заложников. Первое свидание мое с Лениным после его выздоровления произошло как раз в дни суда над социалистами-революционерами. Он сразу присоединился к решению, которое я предложил: «правильно, другого выхода нет» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 211-212).

Таким путем Ленин избавился и от партии эсеров. Для окончательной консолидации режима монопартийной диктатуры надо было обезвредить еще две социальные группы, которые сыграли в истории русского государства и русского общества выдающуюся роль: это интеллигенция и православное духовенство. В духовном подготовлении всех трех русских революций влияние русской радикальной интеллигенции ничуть не уступает тому влиянию, которое энциклопедисты оказали на подготовление Великой Французской революции. Но энциклопедисты боролись против абсолютизма монархического вовсе не для его замены другим, революционным абсолютизмом. В фокусе всех их страстей стоит свободный человек как высшая ценность всех ценностей. Когда революция, сметая старые устои, начала создавать новый порядок перманентного террора якобинцев, то те из энциклопедистов, которые еще остались в живых, оказались в лагере врагов нового абсолютизма. Так случилось и с русской не только демократической, но и радикальной интеллигенцией. Она подготовила духовно революцию 1905 года, но когда увидела ее кровавый лик, она в значительной части отвернулась от нее («Вехи»). Она подготовила духовно Февральскую революцию и приняла ее, но она осудила и решительно отвернулась от Октябрьской революции. Ничто Ленин так глубоко не презирал, как эту антибольшевистскую интеллигенцию. Поэтому он предоставляет полную сво-

боду рук «рыцарю революции» по кровопролитию – Дзержинскому – расправиться с русской интеллигенцией по усмотрению его учреждения. В результате – преследование, аресты, расстрелы, бегство и массовые высылки за границу элиты русской политики, науки, искусства, религии.

Но выселять можно людей, а вот остаются еще исторические памятники и сокровища религиозного зодчества, которые напоминают о мощи и величии былого «проклятого времени», их ведь не выселишь – их начинают просто уничтожать. Если этот беспримерный после варваров вандализм не завершился тотальным уничтожением всех памятников старины и всех русских соборов, то только из-за усилия нескольких «болельщиков» старой культуры и архитектуры среди большевиков, вроде Луначарского и Максима Горького. Когда «болельщики» старались спасти не только вещи, но и людей, которые их создали или их обслуживают, то Ленин с раздражением их отчитывал. Что стоит, например, письмо, которое Ленин написал М. Горькому 15 сентября 1919 года о русской интеллигенции. Ленин пишет, что русская интеллигенция – это лишь «интеллигентики, лакеи капитала, мнящие себя мозгом нации. На деле это не мозг, а г....» (Ленин, ПСС, т. 51, стр. 48).

Институт марксизма-ленинизма при ЦК не постеснялся опубликовать это столь грубое, нецензурное письмо Ленина, но он не отважился зато опубликовать другое письмо, хотя и вполне цензурное, но чудовищное по своей античеловечности и произволу. Это письмо Ленина от 19 марта 1922 года секретарю ЦК Молотову для членов Политбюро. В Хронологии к Сочинениям Ленина есть прямое указание на это письмо:

«Март, 19 (1922 г.). Ленин в письме членам Политбюро ЦК РКП(б) пишет о необходимости решительно подавить сопротивление духовенства проведению в жизнь декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 г. об изъятии церковных ценностей...» (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 666-667).

Теперь, благодаря стараниям Самиздата в Москве, опубликовано и само это письмо Ленина. Для нашей цели вполне достаточно привести из него только следующие выдержки: «Один умный писатель по государственным вопросам сказал, если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут... Политбюро дает детальную директиву судебным властям, тоже устную,

чтобы процесс против шуйских мятежников (в г. Шуе верующие не давали властям грабить церковные ценности. – А. А.) был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как *расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуя,* а по возможности также и *не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров»* (ж. «Вестник русского студенческого христианского движения», № 98, 1970 г., стр. 55-56, Париж-Нью-Йорк).

Однако вернемся к внутрипартийным делам.

В полном согласии с Лениным, но без использования ленинского авторитета, 8 октября 1923 года Троцкий в письме к членам партии (в том числе и членам ЦК и ЦКК) пишет, что сложившийся внутри партии аппаратный режим засилия над партией, более жестокий, чем в период военного коммунизма, не может быть более терпим. В партии надо ввести ту внутрипартийную «рабочую демократию», которую требовал X съезд и сентябрьский (1923 г.) пленум ЦК. Надо партию поставить над ее аппаратом. Независимо от этого письма Троцкого, группа старых большевиков, активных руководителей революции и гражданской войны, из которых многие были членами ЦК или наркомами, написали 15 октября 1923 года письмо в ЦК и ЦКК («письмо 46») на ту же тему. Оно начиналось словами: «Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас (в интересах нашей партии, в интересах рабочего класса) сказать вам открыто, что продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии». Приводились многочисленные факты в подтверждение этого тезиса.

Формально-юридической связи между письмом Троцкого от 8 октября и «письмом 46» нет, но «тройка» сама устанавливает эту связь, чтобы обвинить Троцкого в создании «левой оппозиции». Между состоянием здоровья Ленина и атаками «тройки» против Троцкого видна определенная закономерность – лучше Ленину, тогда «тройка» уходит за кулисы, хуже ему – тогда учащаются атаки против Троцкого. То же самое и теперь, когда вновь ухудшилось состояние Ленина. Чем больше прогрессировала болезнь Ленина, тем решительнее форсировала «тройка» выключение из активной политики Троцкого и его сторонников. Дело доходит до того, что всякое публичное выступление Троцкого, совершенно ортодоксальное и основанное на решениях партии и указаниях Ленина, Политбюро начинает квалифицировать как антиленинское, а критику ошибок как «фракционное выступление». Чтобы придать вес и партийный авторитет своим действиям

против Троцкого, Политбюро широко практикует созывы всевозможных партактивов на местах с критикой «ошибок Троцкого». Той же цели служат и расширенные пленумы ЦК и ЦКК в центре. Так, октябрьский (1923) объединенный пленум ЦК и ЦКК с «активом» выносит постановление, в котором сказано, что они «признают выступление Троцкого в переживаемый международной революцией и партией ответственнейший момент глубокой политической ошибкой, в особенности потому, что нападение Троцкого, направленное на Политбюро, объективно приняло характер фракционного выступления… Троцкий для постановки затронутых им вопросов выбрал путь обращения к отдельным членам партии вместо единственно допустимого пути – предварительной постановки этих вопросов на обсуждение коллегий, членом которых состоит Троцкий.

Путь, избранный Троцким, послужил сигналом к фракционной группировке (заявление 46-ти)» («КПСС в рез.», 1954, ч. I, стр. 767-768). Результаты голосования этой резолюции указывают на соотношение сил «тройки» и Троцкого: против Троцкого 102 голоса, за – 2, воздержалось 10. В этих условиях битва Троцкого была проиграна еще до того, как он ее начал. Единственная надежда была на выздоровление Ленина, но тогда вставал вопрос: был бы сам Ленин в силах разбить «тройку»?

Уже на январском пленуме ЦК (1924), за неделю до смерти Ленина, Политбюро окончательно оформило членов ЦК Троцкого, Радека, Пятакова и других в официальную «оппозицию», «фракцию», и все это поспешило опубликовать в печати («Правда», 16 января 1924 г.).

Срочно созванная XIII конференция 16-18 января, за два дня до смерти Ленина, выносит уже развернутую резолюцию по докладу Сталина об осуждении «троцкистской оппозиции». В ней говорится:

1. После сентябрьского пленума ЦК (1923) Троцкий и «группа 46» написали письма, широко распространяемые в партии, в которых критикуют политику Политбюро и внутрипартийный режим.

2. Политбюро нашло нужным договориться с Троцким и в результате этой договоренности 5 декабря 1923 г. Политбюро ЦК и Президиум ЦКК приняли единогласно резолюции о внутрипартийной демократии и о запрещении фракций.

3. Через два дня после этого Троцкий выпустил новое письмо «Новый курс» против ЦК.

4. По всей России оппозицией рассылаются ее представители –

«борьба принимает неслыханно острые формы», военные ячейки и ячейки высших школ выступают за оппозицию против ЦК.

5. «Оппозиция, возглавляемая Троцким, выступила с лозунгом ломки партаппарата и попыталась перенести центр тяжести борьбы против бюрократизма в госаппарате на "бюрократизм" в аппарате партии».

6. Оппозиция противопоставляет партийныймолодняк Центральному Комитету (Троцкий: «молодежь – барометр партии»).

7. «Большевистский взгляд на партию, как на монолитное целое, оппозиция заменяет взглядом на партию, как на сумму всевозможных течений и фракций».

8. Оппозиция угрожает единству партии и безопасности государства.

9. Ядром оппозиции стали бывшие «децисты» или те члены ЦК, которые, по предложению Ленина, не были переизбраны (Преображенский, Серебряков, Смирнов).

10. Вся платформа и обвинения троцкистской оппозиции против ЦК – суть «мелкобуржуазный уклон» («КПСС в рез.», ч. I, стр. 778-782).

Как же Ленин реагировал на это решение конференции?

В январе 1924 года Ленин себя опять чувствовал хорошо. 7 января он был на детской елке в совхозе «Горки», 19 января выезжал на санях в лес наблюдать за охотой. 17-18 января Н. Крупская ему читает отчет о ходе XIII конференции, опубликованный в «Правде». 19-20 января она читает Ленину резолюцию конференции из «Правды».

Вот эти «новости» о начавшейся внутрипартийной драке действуют на Ленина ужасающе. Его смертельный враг – болезнь – нашла вернейшего союзника: им стала «тройка». Врачи считали, что любые волнения будут катастрофически ухудшать состояние Ленина. Так как Ленин даже жизнь считал сплошной политикой, его ничто не могло так глубоко волновать, как то, что происходит в партии и какова будет судьба его политического наследства. Поэтому-то врачи и запретили ему интересоваться политикой, читать газеты, писать статьи. Но «тройка» давно уже перестала контролировать «медицинский режим» Ленина; Ленин мог свободно читать газеты, следить за политикой «из вторых рук» (но не имел права читать материалы ЦК и связываться с внешним миром). Из газет опытный политик Ленин легко узнавал, что в его партии разыгралась острейшая фракционная борьба за трон, который сейчас политически пустует. Его «верные» ученики из

«тройки» искусственно накаляют обстановку, ведут дело к тому, чего так боялся Ленин: к расколу. Ученики бездумно или намеренно подхлестывают болезнь Ленина своими действиями. Да, «тройка» – вернейший союзник смертельной болезни Ленина. Может быть, не столько физические страдания, сколько глубочайшее духовное отчаяние было причиной тому, что Ленин просил у Сталина, при очередном его визите, дать ему яд, чтобы отравиться. Об этом факте Сталин доложил на заседании Политбюро в конце февраля 1923 г. Если мы вспомним, что в архиве Ленина лежит «Завещание» с постскриптумом от 4 января 1923 года о снятии Сталина, то мы вполне можем согласиться с Троцким, что Ленин знал, у кого надо попросить яд (Trotski, Stalin, p. 376-377).

Богатырский организм Ленина, каким его рисуют близкие, все еще борется со смертью, однако внутрипартийная лихорадка безжалостно треплет его больной и разлагающийся мозг. Главный «надзиратель» болезни Ленина от ЦК – Сталин – как раз накануне XIII партконференции (16-18 января 1924 г.), к удивлению всех, снимает «информационный карантин» вокруг Ленина. На этой конференции осуждается Троцкий и троцкизм, торжествует Сталин и сталинизм. Конференция и утвердивший ее решения пленум ЦК дезавуируют Ленина с его «Завещанием». Все это Ленин свободно может узнать из «Правды».

Вернемся к поставленному вопросу: какова же реакция Ленина? Осторожная и поднадзорная (надзиратель ведь Сталин) Крупская все-таки осмелилась сообщить нам немногое, которое говорит о многом. Вот, что зарегистрировано в хронологии «Даты жизни и деятельности В. И. Ленина», приложенной к 45 тому Полного собрания сочинений Ленина: «январь, 19-20 (1924 г.) – «Н. К. Крупская читает Ленину резолюции XIII конференции РКП(б), опубликованные в «Правде». Сама Крупская пишет: «Суббота и воскресенье ушли у нас на чтение резолюций. Слушал Владимир Ильич очень внимательно, задавая иногда вопросы», но «когда в субботу Владимир Ильич стал, видимо, волноваться, я сказала ему, что резолюции приняты единогласно», то есть Ленин должен был поверить Крупской, что Троцкий признал себя антиленинским «мелкобуржуазным уклонистом» и голосовал за свое осуждение! Но таким наивным Ленин, вероятно, не был даже при смерти.

Если бы Ленин во время чтений этих резолюций осудил Троцкого и похвалил Сталина, то сталинская историография не обошла бы молчанием

этого факта.

Если 20 января Ленин только «волновался», то у него произошло «21 января неожиданное резкое ухудшение в состоянии здоровья», а в 18 часов 50 минут вечера Ленин умер (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 716-717).

Не надо быть медиком, чтобы констатировать: кошмарный психологический яд, который Сталин впрыснул в мозг Ленина в виде резолюций январской конференции, ускорил роковую развязку. Диагноз врачей гласил: «основой болезни явился резко выраженный склероз сосудов мозга от чрезмерно напряженной умственной деятельности. Непосредственная причина смерти – кровоизлияние в мозг» (В. И. Ленин, Биография, 4-е изд., 1970, стр. 682).

Мы указывали выше, что если бы Ленин осудил Троцкого во время ознакомления с материалами январской конференции, об этом партийные историки не замедлили бы сообщить потомству. Однако то, что не удалось даже Сталину, – приписать Ленину осуждение Троцкого, – стараются делать теперь сталинские наследники в биографии Ленина 1970 г., изданной к 100-летию со дня рождения Ленина. Там сказано как бы мимоходом: «Есть все основания полагать, что не без ведома Ленина Н. К. Крупская выступала против Троцкого» (там же, стр. 682). Когда выступала, где выступала, какие имеются на этот счет документы, – об этом ни слова. Да это и понятно. Нет в природе документов, говорящих о выступлениях Крупской во время болезни или смерти Ленина против Троцкого, как нет и документов, говорящих, что Ленин поручил своей жене защищать того, с кем он порвал личные отношения из-за нее (об этом мы писали) или осудить Троцкого, которого он вербовал в союзники против Сталина. Зато в архиве Троцкого находится еще один документ, который решительно опровергает новое «предположение» партийных историков. Это письмо Н. К. Крупской Л. Троцкому через несколько дней после смерти Ленина. Вот оно:

«Дорогой Лев Давидович, Я пишу, чтобы рассказать вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечесть ему это место, слушал очень внимательно, потом еще раз просматривал сам.

И еще вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у Владимира Ильича к вам тогда, когда вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти. Я желаю вам, Лев

Давидович, сил и здоровья и крепко обнимаю. Н. Крупская» (Л. Троцкий, Моя жизнь, ч. II, стр. 251-252).

Троцкий комментирует это письмо: «В книжке, которую В. И. просматривал, я сопоставлял Ленина с Марксом... Мне было отрадно, что Ленин незадолго до кончины со вниманием читал мои строки о нем, ибо масштаб Маркса был и в его глазах самым титаническим масштабом для измерения человеческой личности. С неменьшим волнением читал я теперь письмо Крупской. Она брала две крайние точки: октябрьский день 1902 года и конец декабря 1923 г. Между этими двумя точками прошли два десятилетия, сперва совместной работы, затем жестокой фракционной борьбы и снова совместной работы на более высокой исторической основе. По Гегелю: тезис, антитезис, синтезис. И Крупская свидетельствовала, что отношение ко мне Ленина, несмотря на длительный период антитезиса, оставалось «лондонским»: это значит отношением горячей поддержки и дружеской приязни, но уже на более высокой исторической основе. Даже если бы не было ничего другого, все фолианты фальсификаторов не перевесили бы перед судом истории маленькой записочки, написанной Крупской через несколько дней после смерти Ленина» (там же, стр. 252-253).

Но Троцкий умудряется допустить оплошность, которая в политике не может остаться безнаказанной. 21 января 1924 года Троцкий, находившийся в Тбилиси, в пути на курорт Сухуми, получил от Сталина зашифрованную телеграмму о смерти Ленина. На запрос Троцкого по прямому проводу Кремль ответил Троцкому, что похороны Ленина назначены на субботу (Ленин умер в понедельник) и что так как Троцкий «все равно не поспеет на похороны», то Кремль рекомендовал ему «продолжать свое лечение». Троцкий замечает: «На самом деле похороны состоялись только в воскресенье, и я вполне мог бы поспеть в Москву. Как это ни кажется невероятным, но меня обманули насчет дня похорон. Заговорщики по-своему правильно рассчитали, что мне не придет в голову проверять их...» (Л. Троцкий, Моя жизнь, ч. II, стр. 249-250).

Да, Троцкого обманули, но иногда случается и так, что обманывают того, кто сам хочет быть обманутым. Здесь же бросается в глаза, что Троцкий явно потерял масштаб расстояния: поезд Тбилиси–Баку–Москва пробегает это расстояние за три дня, а в распоряжении Троцкого было пять дней, если даже похороны назначены на субботу. Кроме того, военный

министр мог быть доставлен в Москву и военным самолетом. При всех случаях, Троцкий должен был учитывать, что его отдых на солнечном южном курорте, когда в Москве, в лютую зиму, партия хоронит своего вождя, это как раз и было то, что нужно «тройке». Это физическое отсутствие Троцкого Сталин превратил в его политическое отсутствие у трона, которым сейчас овладела «тройка» и юридически. Экстренный пленум ЦК 21-22 января 1924 г., в отсутствие Троцкого, преемником Ленина на посту председателя Совнаркома СССР и РСФСР выдвинул «нейтрального» А. И. Рыкова, а преемником Ленина на посту председателя Совета труда и обороны (СТО) был выдвинут Л. Каменев. Это был результат явного компромисса внутри «тройки», так как члены «тройки» не могли договориться о выдвижении на пост главы правительства кого-нибудь из своей среды. Заодно было решено «укрепить» военное ведомство, которым руководил Троцкий. К уже ранее назначенному туда стороннику «тройки» Уншлихту теперь ЦК решил назначить первым заместителем Троцкого М. Фрунзе, сняв с этой должности давнишнего врага Сталина – Склянского.

Троцкий сообщает: «В Сухуми приезжала ко мне делегация ЦК в составе Томского, Фрунзе, Пятакова и Гусева, чтобы согласовать со мною перемены в личном составе военного ведомства. По существу это была чистейшая комедия. Обновление личного состава в военном ведомстве давно совершалось полным ходом за моей спиной... Первый удар пришелся по Склянскому. На нем прежде всего выместил Сталин свои неудачи под Царицыным, свой провал на Южном фронте, свою авантюру под Львовом» (Л. Троцкий, там же, стр. 253).

Это были, конечно, подкопы под самого Троцкого, чтобы предупредить потенциального Бонапарта, которым он и не собирался стать.

Пленум ЦК принял обращение «К партии. Ко всем трудящимся». В этом обращении, между прочим, говорилось:

«Никогда еще после Маркса история великого освободительного движения пролетариата не выдвигала такой гигантской фигуры, как наш покойный вождь, учитель, друг... бесстрашный ум, железная, несгибаемая, упорная, все преодолевающая воля, священная ненависть... к рабству и угнетению, революционная страсть, которая двигает горами, безграничная вера в творческие силы масс, громадный организационный гений, – все это нашло свое великолепное воплощение в Ленине...

Ленин умел, как никто, видеть и великое и малое, предсказывать

громаднейшие исторические переломы и в то же время учесть и использовать каждую маленькую деталь; он умел, когда нужно, бешено наступать и, когда нужно, отступать, чтобы готовить новое наступление. Он не знал никаких застывших формул; никаких шор не было на его мудрых, всевидящих глазах...

В сокровищницу марксизма товарищ Ленин внес немало драгоценного. Именно ему рабочий класс обязан разработкой учения о пролетарской диктатуре, о союзе рабочих и крестьян, о всем значении для борющегося пролетариата национального и колониального вопросов и, наконец, его учением о роли и природе партии...

Никогда Ленин не был так велик, как в минуты опасности. Твердой рукой он проводил партию через строй этих опасностей, с несравненным хладнокровием и мужеством идя к своей цели. Ничего противнее, отвратительнее, гаже паникерства, смятения, смущения, колебания для Ленина не было» («ВКП(б) в рез.», ч. I, 1933, стр. 809-810).

Пленум ЦК поручил Сталину выступить на открывающемся 26 января 1924 года II Всесоюзном съезде Советов с речью «По поводу смерти Ленина». Произнесенная как проповедь священника с церковного амвона, речь эта была полна религиозной патетики и мистицизма, устанавливала новые каноны идолопоклонства партийных шаманов, взывающих к духу Ленина на церковном же языке. Сказывался бывший воспитанник духовной семинарии, но Сталин знал, что он делал. То была «политика дальнего прицела». Сталин сказал: «Мы, коммунисты, – люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы – те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина...

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. *Клянемся* тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою *заповедь!»* (.выделено мною. – А. А.). И таких «клятв» Сталин насчитал еще пять – о единстве партии, о диктатуре пролетариата, о союзе рабочих и крестьян, об укреплении и расширении СССР, об укреплении и расширении Коминтерна. Каждая «клятва» кончалась по одному и тому же канону: «Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!» (Сталин, Сочинения, т. 6, стр. 46-51).

Тот же II съезд, по предложению Сталина, подтвердил решение «тройки» не предавать труп Ленина земле, а, набальзамировав, поставить

его как святыню в Мавзолей на Красной площади. Сам Сталин объяснил, почему атеиста и революционера Ленина набальзамировали, как древнеегипетского фараона: «Вы видели за эти дни *паломничество к* гробу товарища Ленина десятков и сотен тысяч трудящихся. Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся... Можете не сомневаться в том, что за представителями миллионов потянутся потом представители десятков и сотен миллионов со всех концов света» (там же, стр. 51; выделено мною. – А. А.). Слова, которые Сталин ввел сейчас в большевистский жаргон, означали, по изданному Академией наук СССР «Словарю современного русского литературного языка»: *«заповедь»* – *«библейское* или евангельское изречение», а по Далю: *«клясться»* – «давать клятву, божиться», *«паломник»*-«богомолец, бывший на поклонении у гроба Господня». Сталин намеренно превратил мавзолей Ленина в «гроб Господень», чтобы его именем освящать свою будущую инквизицию. Ленин, конечно, хотел, чтобы ученики продолжали его дело, но едва ли он согласился бы на создание ему культа нового бога. Слишком хорошо знавший Ленина в этом отношении, Троцкий писал: «Отношение к Ленину, как к революционному вождю, было подменено отношением к нему, как к главе церковной иерархии. На Красной площади воздвигнут был, при моих протестах, недостойный и оскорбительный для революционного сознания мавзолей. В такие же мавзолеи превращались официальные книги о Ленине. Его мысль разрезали на цитаты для фальшивых проповедей» (Л. Троцкий, Моя жизнь, ч. II, стр. 257).

Со смерти Ленина в истории режима обозначился постепенный переход от одной фазы к другой: от монопартийной диктатуры к монопартийной тирании, от Ленина к Сталину. Однако это была смена вождей, как психологических типов, но не смена идей. Весь Сталин в эмбрионе был в самом Ленине. Все основополагающие компоненты будущей сталинской тирании были выработаны Лениным. Другой вопрос, стал бы сам Ленин Сталиным, если бы он жил дольше и имел бы дело с такими же опасными оппозициями в ЦК и с не менее опасным сопротивлением крестьянства коллективизации, с какими пришлось бороться Сталину. В принципе на этот вопрос надо ответить безусловным «да», но масштабы, методы и формы могли быть иными. Тем не менее, без Ленина Сталина вообще бы не было. Поэтому нелогично и нелепо поступали наследники Сталина, когда они осуждали Сталина, апеллируя к Ленину. Тут вполне уместна одна аналогия:

если в возможной будущей войне человечество погибнет из-за применения термоядерного оружия, то кто же несет ответственность – ученые, которые это чудовищное оружие изобрели, или правители, которые его применили? Ленинизм и явился в руках Сталина тем страшным оружием, пользуясь которым он три десятилетия тиранил страну, устраивал инквизиции и создал мировую коммунистическую систему. Обо всем этом у нас будет речь впереди. Вернемся к подведению итогов жизни и деяний Ленина.

Из всех характеристик, которые дали Ленину в первые дни и месяцы его смерти, две характеристики выдержали историческую проверку. Одна из них принадлежит преемнику Ленина – Сталину, другая – врагу Ленина Виктору Чернову, лидеру партии социалистов-революционеров. Характеристика Сталина о Ленине – конечно, целеустремленный панегирик, характеристика Чернова – критический политико-психологический портрет. В обеих характеристиках, между строк, мы читаем: Сталин рисует Ленина таким, каким сам хочет быть, а Чернов – таким, каким может быть успешный политик, но не истинный социалист и гуманист.

Сталин: Впервые я познакомился с Лениным в 1903 г. в порядке переписки. Она оставила во мне неизгладимое впечатление и привела к убеждению, что мы имеем в лице Ленина необыкновенного человека... Мне все время казалось, что соратники Ленина – Плеханов, Мартов, Аксельрод стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин руководитель высшего типа, горный орел (Демьян Бедный заметил по поводу этого сравнения: Сталин, как абориген кавказских гор, сравнил Ленина с «горным орлом», но житель Севера, вероятно, сравнил бы его с северным сиянием. – А. А.)... Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, – когда каждая фраза не говорит, а стреляет... Впервые я встретился с Лениным в декабре 1905 г. на конференции большевиков в Таммерфорсе. Я надеялся увидеть горного орла, великого человека, великого не только политически, но и физически, ибо Ленин рисовался в моем воображении в виде великана, статного и представительного. Каково же было мое разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных... Принято, что «великий человек» обычно должен запаздывать на собрания, с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления: «тсс... тише... он идет». Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково было мое разочарование, когда я

узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, по-простецки ведет беседу с самыми обыкновенными делегатами. Не скрою, что это показалось мне некоторым нарушением некоторых необходимых правил... Простота и скромность Ленина, стремление остаться незаметным, во всяком случае не бросаться в глаза и не подчеркивать свое высокое положение, – эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя... Необычная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффективных фраз, бьющих на впечатление, – все это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных «парламентарских» ораторов... Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее и потом *берет ее* в плен... Я помню, как говорили: "Логика в речах Ленина – это какие-то всесильные щупальцы, которые охватывают со всех сторон клещами и из объятия которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал"... Второй раз я встретил Ленина в 1906 г. на Стокгольмском съезде... Известно, что на этом съезде большевики остались в меньшинстве, потерпели поражение. Я впервые видел Ленина в роли побежденного. Он ни на йоту не походил на тех вождей, которые хныкают и унывают... Наоборот, поражение превратило Ленина в сгусток энергии... На следующем съезде в 1907 г. в Лондоне большевики оказались победителями. Я впервые видел Ленина в роли победителя. Обычно победа кружит голову иным вождям, делает их заносчивыми и кичливыми... Но Ленин ни на йоту не походил на таких вождей. Наоборот, именно после победы становился он особенно бдительным и настороженным. Ленин настойчиво внушал делегатам: "первое дело не увлекаться победой и не кичиться, второе дело – закрепить победу, третье – добить противника"... Вожди партии не могут не дорожить мнением большинства своей партии... Но Ленин никогда не становился пленником большинства... Бывали моменты в истории партии, когда мнение большинства приходило в конфликт с коренными интересами пролетариата. В таких случаях, Ленин, не задумываясь, становился на сторону принципиальности против большинства партии... Он не боялся выступать в таких случаях буквально один против всех, рассчитывая на то, что "принципиальная политика есть единственно правильная политика"...

Теоретики и вожди партий, знающие историю народов,

проштудировавшие историю революции от начала до конца, бывают иногда одержимы одной неприличной болезнью. Болезнь эта называется боязнью масс, неверие в творческие способности масс... возникает иногда некий аристократизм вождей... боязнь, что стихия может разбушеваться, что массы могут "поломать много лишнего"... Ленин представлял полную противоположность таким вождям... Я не знаю другого революционера, который умел бы так беспощадно бичевать самодовольных критиков "хаоса революции" и "вакханалии самочинных действий масс", как Ленин... Вера в творческие силы масс... давала ему возможность осмыслить стихию и направлять ее в русло пролетарской революции. Ленин был рожден для революции. Он был поистине гением революционных взрывов и величайшим мастером революционного руководства. Никогда он не чувствовал себя так свободно и радостно, как в эпоху революционных потрясений... В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидящим, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони. Недаром говорится в наших партийных кругах: "Ильич умеет плавать в волнах революции, как рыба в воде". Отсюда "поразительная" ясность тактических лозунгов и "головокружительная" *смелость* революционных замыслов Ленина... Гениальная прозорливость, способность быстро схватывать и разгадывать внутренний смысл надвигающихся событий – это то самое свойство Ленина, которое помогало ему намечать правильную стратегию и ясную линию поведения на поворотах революционного движения (Сталин, Соч., т. 6, стр. 52-64, О Ленине, речь 28 января 1924 г.).

15 марта 1924 года, через неполных два месяца после смерти Ленина, лидер партии эсеров Виктор Чернов напечатал в солидном американском журнале «Иностранные дела» статью о Ленине. Хотя Чернов был противником Ленина, но в годы первой мировой войны их позиции так сблизились, что они вместе, как русские социалисты-интернационалисты, участвовали на знаменитой Циммервальдской конференции 1915 года, но еще и до войны, оба будучи непримиримыми врагами царизма, вступали во временные контакты. После революции Чернов входил в состав первого коалиционного правительства (ушел в отставку после июльских дней). Был председателем Всероссийского Учредительного собрания, в котором его партия имела абсолютное большинство. Характеристика Ленина, данная Черновым, несмотря на определенную дозу субъективизма, как и у Сталина,

– документ большой исторической ценности.

Многочисленные книги Ленина и о Ленине за эти почти 50 лет ничего принципиально нового не добавили к портрету Ленина, нарисованному Черновым. Этим, вероятно, объясняется, что названный журнал перепечатал статью Чернова к 100-летию со дня рождения Ленина.

Чернов: Ленин был большим человеком, он не просто был самым большим человеком в его партии; он был некоронованным, но заслуженным королем этой партии. Он был ее голова, ее воля, я бы даже сказал, был ее сердцем, если бы оба – он и партия – не подразумевали бессердечность как долг. Интеллект Ленина был энергичен, но холоден. Это был прежде всего иронический, саркастический и циничный интеллект. Ничто не было ему так чуждо, как сентиментальность... моральные или этические соображения в политике для него были "мелочью, лицемерием, поповской проповедью". Политика для него означала стратегию, чистую и простую. Только победа заслуживала внимания. Воля ко власти и осуществление политической программы без компромисса – только это было добродетелью. Колебание было единственным преступлением. Ленин сказал бы, политика есть продолжение войны другими средствами. Бессердечность по отношению к жертве есть похвальное самообладание, безжалостность и бесчеловечность есть долг.

На войне все средства хороши и лучшими из них являются те средства, которые большей частью осуждаемы в нормальных человеческих отношениях. Поскольку политика есть видоизмененная война, то правила ведения войны являются и ее принципами. Ленина часто обвиняли, что он не был и не хотел быть "честным соперником", но само понятие "честный соперник" звучало для него как абсурд, как чистый предрассудок, как нечто такое, что может быть порою иезуитски использовано в собственных интересах, но принимать его всерьез было бы глупо.

Защитник пролетариата обязан отложить в сторону всякие сомнения морального порядка, имея дело с врагом. Намеренно обманывать врага, клеветать на него, чернить его имя, – все это он считал нормальным. Было бы трудно превзойти ту циничную брутальность, с какой он все это прокламировал. Совесть Ленина состоит в том, чтобы поставить себя вне границ человеческой совести во всех поступках со своим врагом. И в этом отказе от всех принципов чести он оставался честным сам с собою. Будучи марксистом, он верил в "классовую борьбу", как свой собственный вклад к

этой теории, он и Гражданскую войну рассматривал как апогей классовой борьбы. Мы можем даже сказать, что для него и классовая борьба была гражданской войной в эмбрионе. Разногласия в партии, малые или большие, он часто старался объяснять, как отзвук классового антагонизма, и тогда нежелательные в партии элементы он будет изымать, прибегая к самым низким средствам! Разве сама разнородная партия не является конгломератом антагонистических классовых элементов, а все антагонистические элементы должны быть рассматриваемы по рецепту "на войне по-военному". Вся его жизнь прошла в расколах и фракционных битвах внутри партии. Человек целеустремленный и по природе наделенный мощным инстинктом самосохранения, он не затруднялся объявлять верой самое невероятное (credo, quia absurdum)... После каждого поражения или падения, каким бы постыдным или унизительным оно ни было, Ленин тотчас же вскочит, подобно ваньке-встаньке, и начнет вновь с самого начала. Его воля была подобна хорошей стальной пружине, которая тем крепче ударяет, чем сильнее ее растягиваешь. Он был суровым партийным лидером того типа, который нужен, чтобы вдохновлять своих последователей и предупреждать панику среди них своим личным примером неограниченной самоуверенности, так же как приводить их в чувство реальности в периоды высшей экзальтации, когда партии грозит опасность быть "партией самодовольных"... Его целеустремленность была тем качеством, которое внушало его последователям наибольшее уважение. Часто, когда Ленин умудрялся уцелеть, благодаря некоторым грубым промахам своих врагов, честь его уцеления приписывалась ленинскому решительному оптимизму... Благодаря упорству, он не раз выводил свою партию из кажущихся безвыходных затруднений, а приписывалось все это его гению предвидения. Однако предвидение в широком масштабе было как раз то, что ему не давалось. Он прежде всего был мастером фехтования, а фехтовальщику нужны очень маленькое предвидение и несложные идеи. На деле, он не должен был так много думать; он должен был концентрироваться на каждом движении своего соперника и владеть своим собственным рефлексом с быстротой врожденного инстинкта с таким расчетом, чтобы отпарировать каждое вражеское движение незамедлительно. Ленинский интеллект был проницательным, но не широким, находчивым, но не творческим. Будучи мастером в оценке любой политической ситуации, он быстро схватывает новую ситуацию и демонстрирует большую политическую и практическую

проницательность в предупреждении ее непосредственных политических следствий. Это идеальное и непосредственное тактическое чувство составляет полный контраст по отношению к абсолютно необоснованному и фантастическому характеру каких-нибудь обширных исторических прогнозов, который он когда-либо пытался делать – в любой программе, включающей в себя больше времени, чем сегодняшний и завтрашний день. Например, его аграрная программа до революции или его грандиозная программа действия после победы, рассчитанная на целую историческую эпоху, столкнувшись с действительностью, разлетелись в прах, тогда как его ближайшие планы наступления оказались весьма реальными. Его "ближайший политический" диагноз оказался непревзойденным, его "отдаленный политический" диагноз терпел перманентное банкротство. Как человек, уже имеющий истину в собственном кармане, он не придавал никакого значения творческим усилиям других искателей истины. Он не питал уважения к чужим убеждениям, как не имел он и восторженной любви к свободе, чем характеризуется всякий независимый творческий дух. Напротив, им владела чистая азиатская концепция монополии печати, слова, справедливости и мысли, которую осуществляет единая руководящая каста в согласии с мусульманской поговоркой: "если библиотека Александрии содержит те же вещи что и Коран, тогда она бесполезна, если же она содержит вещи противоположные, тогда она вредна". Абсолютно лишенный творческого гения, он был скорее умелый, яркий и неутомимый толкователь теорий других мыслителей; он был человеком такой узости ума, что его интеллигентность надо назвать ограниченной, тем не менее, он был способен на величие и оригинальность в рамках этих оговорок. Его сила лежала в чрезвычайной, абсолютной ясности его доказательств... Он конкретизировал и упрощал идеи. Он не был выдающимся оратором. Он часто бывал вульгарным и неуклюжим, особенно в полемике, постоянно повторяя самого себя, но эти повторения составляли его систему и его силу... Это было постоянное, основное давление, монотонность которого гипнотизирует аудиторию. Одна и та же мысль повторялась многократно и по-разному, пока она не проникала в сознание людей. Ленин постоянно чувствовал свою аудиторию. Он никогда не поднимался слишком высоко над ее уровнем и не упускал из виду необходимость спускаться в нужный момент к уровню самой аудитории... Более чем кто-либо, он понимал, что толпа подобна лошади, которая хочет, чтобы ею твердо правили и пришпорили так,

что чувствуется рука мастера. Если нужно, он говорит как рулевой, угрожает и хлещет свою аудиторию. "Он не оратор, он больше чем оратор", – сказал кто-то о нем. Воля Ленина была сильнее его интеллекта, последний был вечным слугой первого. Наконец, когда после тяжелых трудов была завоевана победа, он не начинает воплощать свои идеи в дело, как это сделал бы конструктивный социалист, заранее обдумавший свою творческую работу, он скорее обращается к новой, творческой фазе своей жизненной программы при помощи тех же методов, какими он пользовался в своей деструктивной борьбе за власть. "Сначала ввязаться в войну, а там видно будет", – эти слова Наполеона были его любимыми. Ленина часто рисовали слепым догматиком, но он никогда не был им по своей натуре. Он не был типом, привязанным к хорошему или плохому законченной симметрической системы, он просто добивался поставленной цели в его политической игре, в которой уловить подходящий момент означало все. Этим объясняется то, что он часто выступает как шарлатан, экспериментатор, азартный игрок; это и доказывает, почему он был оппортунистом, понятие противоположное догматику. Многие критики думают, что Ленин был жадный ко власти и славе. Факт тот, что он органически был сделан для вождения ... и это было для него само собой разумеющееся дело. Что же касается почестей, то к ним он питал отвращение. Его сердцу было чуждо всякое наслаждение помпой. Плебей в своих вкусах и по своему нутру, он остался таким же простым в своих привычках после Октябрьской революции, каким он был до нее. Его часто рисовали также бессердечным, черствым фанатиком. Эта бессердечность является чисто интеллектуальной и поэтому направлена против его врагов, то есть против врагов его партии. Со своими друзьями он был дружелюбным, добродушным, веселым и вежливым, каким должен быть хороший товарищ, что нашло свое выражение в нежном, интимном имени "Ильич", которым его называли всюду его последователи. Да, Ленин был добродушным, но быть добродушным еще не значит быть добросердечным. Он посвятил всю свою жизнь рабочему классу. Любил ли он рабочих? Вероятно, любил, хотя его любовь к ним была менее сильная, чем его ненависть к их угнетателям. Его любовь к пролетариату была такой же деспотической, суровой и безжалостной любовью, с какой, сотни лет назад, Торквемада сжигал людей для их спасения. Ленин по-своему любил тех, кого он ценил как полезных помощников. Он с готовностью прощал им ошибки, хотя когда-то сделал им строгий нагоняй. Злоба или месть были чужды ему.

Если даже его врагов нет в живых, но все-таки известные абстрактные факторы должны быть уничтожены. Они не будут возбуждать его человеческие интересы, будучи просто математически установленными пунктами, где деструктивные силы могут быть применены. Просто пассивная оппозиция к его партии в критический момент была достаточной причиной для него расстрелять сотни людей без рассмотрения (Foreign Affairs, N. Y., April 1970, p. 471-476).

Сравнение Черновым Ленина с главой испанской средневековой священной инквизиции – Торквемадой – звучит сегодня допотопным анахронизмом, а сам Торквемада, как палач, выглядит жалким подмастерьем, когда мы знаем, что наделал ученик и продолжатель дела Ленина – Сталин. Могут заметить, что Ленин так же мало виноват в великой инквизиции Сталина, как Христос в малой инквизиции Торквемады. Однако Христос проповедовал «любовь к ближнему», а Ленин ненависть – ненависть классовую, ненависть политическую, ненависть физическую. Ведь и «великую инквизицию» – Чека изобрел не Сталин, а Ленин. Этим изобретением больше всех восхищался тот же Ленин, хотя в припадке откровенности признавал, что на самом себе он не хотел бы испытывать даже самые безобидные изобретения большевиков. Это Ленин писал М. Горькому: «Пробовать на себе изобретения большевика – это ужасно!» (Ленин, ПСС, т. 48, стр. 189).

Итак, через сто лет после рождения и 50 лет после смерти, что же говорит объективный суд истории о деяниях и пророчествах Ленина?

Ленин прожил неполных 54 года, на 20 лет меньше Сталина. Но это был сгусток жизни, полной демонических усилий и феноменальных успехов. Ленин, безусловно, явление эпохальное.

Однако, чтобы стать символом целой эпохи, ему надо было родиться вовремя – родись он на 50 лет раньше, в истории России было бы одним народником больше; родись он на 50 позже – был бы просто Ульянов, радикальный публицист или провинциальный адвокат.

Ленин вступил на политическую арену в ту самую критическую эпоху истории России, когда она в результате двух несчастных для нее войн (японская и первая мировая войны) проделала две революции. Причем вторая, Февральская революция 1917 года, сама создала все предпосылки собственной гибели.

Ленин мастерски ими воспользовался и организовал третью,

Октябрьскую революцию. Вопреки философии большевизма, сама Октябрьская революция не являлась естественно-неизбежным и органически закономерным актом в развитии России.

В отличие от стихийной народной революции в феврале против царизма, большевистская революция в октябре против демократии была искусственной революцией партии заговорщиков.

Но и такую революцию не удалось бы проделать, и имя Ленина знали бы лишь историки русского социализма, если бы Временное правительство не допустило две роковых ошибки: 1) не объявило всю партию большевиков вне закона, как только стало достоверно известно получение Лениным и большевистским центром немецких денег на организацию революции; 2) переоценило опасность справа и недооценило опасность слева, в результате чего для разгрома похода генерала Корнилова были вооружены большевики, а их лидеры освобождены из тюрьмы (Троцкий справедливо писал: «Та армия, которая поднялась против Корнилова, была будущей армией октябрьского переворота». – Л. Троцкий, "Моя жизнь", ч. II, стр. 39).

Даже и при этих ошибках Ленин никогда не пришел бы к власти, если бы Временное правительство набралось мужества и мудрости решить две проблемы, мучившие всю армию и страну, а именно: выйти из войны и объявить аграрные реформы.

Впоследствии сами лидеры большевизма признавались, что если бы эти проблемы решило Временное правительство, то они не оказались бы у власти. Поэтому первые два декрета, которые Ленин предложил II съезду Советов на второй день после захвата власти – 26 октября (8 ноября), были «декрет о мире», и «декрет о земле».

Последний был дословно списан у «кулацкой» партии эсеров.

Однако все вышеприведенные оговорки относятся к объективным факторам, а о величии или ничтожестве исторических деятелей судят по тому, как они, во-первых, умели или умеют использовать их для достижения своих целей, а во-вторых, насколько они наделены даром предвидения событий.

В такой постановке вопроса, думается, надо подойти и к оценке личности и деяний Ленина. Сначала приходится сказать несколько слов о той схеме личности Ленина, которая изобретена в Кремле. По этой схеме, Ленин – гениальный ученый в области всех общественных наук: и философии, и политэкономии, и правоведения, и истории и даже

литературоведения.

Все это, конечно, из области советского мифотворчества. Никаким ученым Ленин в этих науках не был и на это не претендовал. Он был образованным марксистом, который подверг марксизм радикальной ревизии слева.

Правда, в его 55-ти томах «Полного собрания сочинений» вы не найдете ни одного слова, даже намека на критику Маркса. На словах, для Ленина Маркс – непререкаемый авторитет, а на деле никто, даже в лагере личных врагов Маркса, не позволял себе такой вольности в обращении с политической философией и экономическим учением Маркса, как Ленин.

И это становится понятным, если иметь в виду, что без ревизии основных положений марксизма невозможно было создать ту новую концепцию, которая называется ленинизмом.

Ленин относился к Марксу без академических манер ученого педанта, а с прагматическим подходом эксплуататора идей Маркса. Ленин действовал не по-Марксу, а Маркса заставлял действовать по-ленински.

Только там, где Маркс категорически сопротивлялся, там Ленин смело брал на себя роль

«продолжателя» Маркса. Но если его при этом ловили на противоречиях, то он спокойно отвечал: «марксизм не догма, а руководство к действию».

Даже основдое Марксово философское кредо «бытие определяет сознание» Ленин решительно перевернул: у Ленина фактически «сознание определяет бытие». У Маркса знаменитый «базис» определяет «надстройку», а у Ленина, «организованная воля» избранного меньшинства определяет и «базис», и «надстройку».

Если Маркс, по его словам, поставил диалектику Гегеля с головы на ноги, сделав ее материалистической, то и в этом случае Ленин преспокойно разрешает «диалектике» ходить на голове и определять действия на земле не материей, а разумом, с той только разницей, что у Гегеля он носит отвлеченный, даже мистический характер – «мировой разум», а у Ленина конкретный, творческий характер – разум всемогущей партийной элиты.

Поэтому там, где у Маркса революция является результатом осуществления имманентных законов внутреннего развития капитализма, там у Ленина революция – творческий акт той же партийной элиты. Ленин – величайший волюнтарист, которому марксизм служит инструментом для обоснования своих революционных акций.

Все это нашло свое выражение в знаменитом изречении Ленина из «Что делать?» (1902): «Дайте нам организацию революционеров и мы перевернем Россию». Но как раз в России, *с* точки зрения Маркса, пролетарская революция не стояла на повестке дня. Даже больше: всякие попытки организации пролетарской революции в менее развитой в индустриальном отношении стране, как Россия, не только противоречили марксизму, но еще и считались безумной авантюрой.

В предисловии к «Капиталу» Маркс писал, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего... Общество не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами» (К. Маркс, Капитал, изд. 1931 г., т. 1, стр. XIV, XV).

Ленин поставил целью своей жизни на практике опровергнуть оба утверждения Маркса. Но сначала надо было создать теоретические предпосылки, чтобы опровержение Маркса происходило по-марксистски.

Вот этой цели и служила работа Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916). Как в этой работе, так и в серии последовавших за ней статей, Ленин радикально перевернул схему Маркса – пролетарская революция не обязательно должна начаться на промышленно развитом Западе, она может и даже вероятно начнется на отсталом Востоке.

Это вытекало, по Ленину, из «имманентных» законов неравномерного развития отдельных стран при империализме, которые не были известны Марксу и Энгельсу, так как они не дожили до века империализма (конец XIX и начало XX века).

Ленин доказывал, что капитализм на его нынешней империалистической стадии развития представляет собою цепь мировой политической

и хозяйственной системы, которая прорвется в ее «слабом звене», а потом за этим «слабым звеном» потянется и вся цепь.

Таким «слабым звеном» в данном случае Ленин считал Россию, пророча одновременно, что пролетарская революция в России явится началом мировой революции. Ленин считал, что при империализме войны неизбежны, а результатом войны обязательно будет пролетарская революция.

Ленин писал: «Ужасы, бедствия, разорение, одичание, порождаемые империалистической войной, все это делает из достигнутой ныне ступени

капитализма эру пролетарской, социалистической революции» (Ленин, Сочинения, т. XX, стр. 301).

Сам Ленин не очень верил в «имманентность» открытых им новых законов империализма. Поэтому по-прежнему у него на первом плане стояла «воля к революции», как организованное выражение «воли к власти». Ленин молчаливо допускал, что 1) пролетарская революция даже и при империализме не является неизбежным концом развития буржуазного общества, но ее можно и нужно искусственно организовать и 2) рабочий класс, призванный, по-Марксу, быть могильщиком капитализма и организатором социализма, никогда не может быть сам по себе ни тем, ни другим, если ему извне не привьют искусственно идей революции и социализма («Что делать?»).

Вот все те предпосылки, исходя из которых Ленин разработал то главное, что считается специфическим продуктом его ума – учение о кадровой партии, учение об организации революции, учение о диктатуре монопартийной власти.

Счастливые стечения обстоятельств и удачно сложившаяся для Ленина внутренняя и внешняя обстановка России к октябрю 1917 года позволили ему легко осуществить свой план организации революции.

В успехе Ленина, несомненно, играет свою роль и сама моральная философия большевизма.

Еще Макиавелли знал, что мораль и политика противопоказаны друг другу, у Ленина они противопоказаны абсолютно. Абсолютная свобода от моральных норм людского общежития была монополией большевизма. Она же была и их преимуществом перед незадачливыми рыцарями русской демократии.

Когда Ленина и Зиновьева обвинили (в сообщении министерства юстиции) в получении немецких денег, то этим обвинением были более всех возмущены как раз лидеры меньшевиков (Чхеидзе, Мартов, Церетели, Суханов). Они даже провели в ЦИК Советов резолюцию в защиту Ленина как жертвы клеветы и от имени ЦИК попросили столичные газеты не печатать правительственного сообщения о немецких деньгах, пока Совет не разберется в этом обвинении.

Совет так и не разобрался, ибо Ленин, вопреки своему первоначальному письменному заявлению от 7 июля, отказался явиться для дачи объяснения перед комиссией ЦИК Советов. Зато разобралась сама

история. Публикация официальных документов из архива германского министерства иностранных дел после второй мировой войны (Germany and Revolution in Russia, 1915-1918, edited by Z. Zeman, London, Oxford University Press, 1958) уже не оставляет никакого сомнения в получении Лениным немецких денег.

Однако, как мы уже писали, не столько Ленин был немецким агентом, сколько наоборот, немецкий Генеральный штаб был агентурой Ленина по финансированию большевистской революции. В вопросах поражения России в войне интересы кайзера и Ленина шли рука об руку.

Ленин прямо писал в марте 1915 года в резолюции конференции заграничных большевистских групп: «поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом». («КПСС в резолюциях», ч. I, стр. 239), а лозунг «превращение империалистической войны в войну гражданскую» внутри России Ленин провозгласил еще в ноябре 1914 года (там же, стр. 324).

Ленин справедливо считал, что не классовая борьба внутри страны, а лишь одна внешнеполитическая катастрофа России дает ему шансы для захвата власти.

Превознося до небес дар предвидения Ленина, идеологи Кремля молчат о том, что его научные предвещания в отношении перспектив мировой революции и мирового социализма оказались сущей утопией. В трех кардинальных пунктах перспектив общественного развития пророчество Ленина оказалось ложным.

Пункты эти следующие:

1. Ленин писал, что империализм есть последняя, догнивающая фаза капитализма, что капиталистический империализм обречен на скорую смерть. Вот его вывод: «Из всего сказанного выше об экономической сущности империализма вытекает, что его приходится характеризовать, как переходной или вернее, *умирающий капитализм»* (Ленин, Сочинения, т. XIX, стр. 173). Вот уже 70 лет, как этот капитализм «умирает» и никак не помрет! Причем наиболее эпохальные открытия в области науки, техники и технологии сделаны именно этим «умирающим, загнивающим» капитализмом. Даже Его Величество мировой пролетариат уже не тот – он обуржуазивается, постепенно превращаясь в среднее сословие индустриального общества (только неисправимые советские догматики могут все еще проповедовать теорию Маркса и Ленина об «абсолютном

обнищании рабочего класса»).

2. Ленин думал, что он научно доказал, что русская революция неизбежно явится началом и первым этапом мировой революции. Ничего подобного не произошло. Коммунистические режимы в Восточную Европу были принесены на штыках Красной армии и держатся до сих пор именно на этих штыках, а в Китае Мао Цзэ-дун победил, проповедуя идеи национализма и аграрных реформ, то есть, по существу, под знаменем буржуазной революции.

3. Ленин думал, что между коммунистическими странами не будет границ и они составят «всемирную Советскую республику» (Ленин, Сочинения, т. XXIV, стр. 150), а что же получилось на деле? Получилось то, что созданные самим Советским Союзом новые коммунистические государства не только не захотели войти в «мировую Советскую республику», но, наоборот, их приходится вновь и вновь оккупировать, чтобы они оставались коммунистическими, а «мирное» сосуществование между двумя коммунистическими колоссами – СССР и Китаем – держится на периодическом кровопускании на их границах. Причем, все они клянутся именем Ленина!

Не сбылись пророчества Ленина и в отношении перспектив внутреннего развития советского общества и государства. Укажем только на важнейшие из них:

1. Ленин писал в резолюции, принятой на апрельской конференции партии в 1917 году, что советская республика явится новым «типом государства без полиции, без постоянной армии, без привилегированного чиновничества» («КПСС в резолюциях», ч. I, стр. 352). Но как раз на этих «трех китах» и держится коммунистическая диктатура вот уже более полувека.

2. В книге «Государство и революция», изданной через 15 месяцев после захвата власти большевиками, Ленин писал, что в полном согласии с учением марксизма будет происходить процесс отмирания государства. «Вместо особых учреждений привилегированного меньшинства само большинство может непосредственно выполнять это, а чем более всенародным становится выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти... Полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной зарплате рабочего служат мостиком к социализму» (Ленин,

Сочинения, т. XXI, стр. 398-399).

Как фантастично и наивно звучат эти утверждения Ленина по отношению к существующей беспрецедентной в истории бюрократической машине правления в СССР и системе вознаграждения труда в стране! СССР – единственная цивилизованная держава в мире, где рядовым гражданам не положено знать, сколько же получают их правители.

Видно, правители имеют основания скрывать размер своих доходов в стране «социализма».

3. В программе партии 1919 года Ленин писал: «что лишение политических прав и какие бы то ни было ограничения свободы необходимы исключительно в качестве *временных мер* борьбы... По мере того, как будет исчезать объективная возможность эксплуатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих *временных мерах,* и партия будет стремиться к их сужению и к полной их отмене» («КПСС в резолюциях», ч. I, стр. 414; выделено мною. – А. А.). Пятьдесят два года партолигархия в СССР управляет страной при помощи этих «временных мер», хотя партийные идеологи утверждают, что в СССР давно ликвидирована «объективная возможность эксплуатации человека человеком».

Однако величайшей из всех утопий марксизма-ленинизма надо считать основу основ этого учения – теорию строительства социализма.

Более чем полувековой опыт СССР доказал, что ультимативная альтернатива Маркса и Ленина – неизбежность перехода от капитализма к социализму – лишь одна фантазия. Вместо одной старой классовой структуры, с ее привилегиями имущих классов, в СССР создали новую советскую классовую структуру с ее привилегиями господствующих классов.

Раньше богатство давало власть, а теперь власть дает богатство. Ленин любил повторять, что старой Россией управляло 130 тысяч помещиков, но вот теперь новой советской Россией управляют около пяти миллионов высших и средних бюрократов.

От роста числа управляющих народу легче не стало. Во всяком случае, это не тот социализм, при котором, по Ленину, министр не должен получать больше, чем рабочий.

Этот список несбывшихся пророчеств Ленина можно было бы продолжить, но и приведенных примеров достаточно, чтобы сказать: перед судом истории Ленин выдержал лишь один экзамен – экзамен могильщика демократии и архитектора монопартийной диктатуры, в логическом конце

которой должна была стоять сталинская тирания.

Первый съезд партии после смерти Ленина – XIII съезд – происходил 23-31 мая 1924 г. На нем присутствовали 748 делегатов с решающим голосом и 416 с совещательным, представлявших 735 881 члена и кандидата партии (одних кандидатов, завербованных в партию в ответ на смерть Ленина – «ленинский призыв» – было 241 591 человек). Съезд открыл Каменев краткой речью, посвященной памяти Ленина. Он сказал, что «нашим знаменем будет Ленин, нашей программой – ленинизм». Съезд посетил могилу Ленина, где был устроен парад юных пионеров («юных ленинцев»). На параде с речами выступили Каменев (протокол: «продолжительные аплодисменты»), Бухарин («продолжительные аплодисменты»), Рыков («аплодисменты»), Троцкий («долго не смолкающие аплодисменты»). Троцкий сказал юным пионерам: «Помните, Ленины рождаются веками. Лениным никто стать не может. Но ленинцем может стать всякий» («Тринадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет», 1963, стр. 707-709). Съезд утвердил следующую повестку дня:

1. Политический отчет ЦК – Зиновьев.
2. Организационный отчет ЦК – Сталин.
3. Отчет Центральной Ревизионной комиссии – Курский.
4. Отчет ЦКК – Куйбышев.
5. Отчет Коминтерна – Бухарин.
6. Торговля и кооперация – Каменев, Кржижановский, Андреев.
7. О работе в деревне – Калинин, Крупская.
8. О работе среди молодежи – Бухарин.
9. Партийно-организационные вопросы – Молотов.
10. Сообщения Рязанова о рукописях Маркса и Энгельса и Каменева об открытии Института Ленина.

Ни Троцкому, ни его сторонникам не дали делать доклады. Более того, съезд подтвердил резолюцию XIII партийной конференции с осуждением троцкистского «мелкобуржуазного уклона в партии», то есть еще раз осудил позицию Троцкого и его сторонников («платформа 46»), Обвинение это было, что называется, «вытянуто за уши», ибо Троцкий ничего другого не требовал, кроме выполнения ЦК решения сентябрьского пленума ЦК (1923) о развертывании и усилении внутрипартийной демократии.

Политический отчет ЦК Зиновьев начал со стихов поэта А. Безыменского, которые были посвящены данному съезду:

Медленно, грозно и веско
Кто-то шум прервал...
– В съездовской повестке...
Братцы, провал! Слово бредет, шатаясь
. . . .
Видно, у мыслей
Дрогнули колени,
В омуте глаз
Заблудилась тоска.
Политотчет Цека...
Читает ... читает
Не Ленин ...

Судя по докладу Зиновьева и по его собственному же признанию (Зиновьев: «здесь, действительно, верно схвачен»), «провал» был очень глубоким. Но проделанную без Ленина работу Зиновьев все-таки оптимистически оценил, сказав: «без Ленина, без светильника, без самой гениальной головы на земле ЦК подводит итоги истекшего года с плюсом».

К несомненному «плюсу» последнего года, с точки зрения сохранения власти в руках «тройки», надо было отнести и смерть Ленина. «Завещание» Ленина, которое она прятала не только от партии, но и от ЦК, пока Ленин не умер и «тройка» окончательно не уселась в седле власти, не было ей теперь так страшно.

Все-таки «тройка» не решилась его огласить даже на этом XIII съезде партии. Его содержание было доведено частным порядком до сведения отдельных делегаций, но без права ознакомления с ним в оригинале, а тем более без права высказывания или обсуждения его. Было сказано, что Ленин дал в нем характеристики «отдельным членам ЦК» – кому, какие характеристики давались Лениным, осталось неизвестным, пока Сталин не начал, цитируя отрывок за отрывком «завещания», громить группу за группой своих соперников.

Зиновьев и Каменев тесно связали судьбу своей карьеры с сохранением Сталина на посту «генсека», как орудие борьбы с Троцким, и они хорошо понимали, что «бомба» Ленина против Сталина могла взорвать и всю «тройку». Поэтому письмо Ленина к XII съезду не было оглашено и не было

принято к руководству и на XIII съезде.

Доклад Зиновьева, как обычно, был многословный, бессодержательный, без какого-либо проблеска оригинальных мыслей, хотя и не без дешевого сарказма. Но в нем есть некоторые места, на которых стоит остановиться. Зиновьев говорил о настроении русской интеллигенции со слов делегата на съезде инженеров в Ленинграде. Этот *беспартийный* инженер сказал: «Коммунисты, как материалисты, считают нужным дать людям в первую очередь предметы первой необходимости, а мы интеллигенты говорим, что в первую очередь *нужны права человека...* В этом вся сила. Сейчас мы этих прав человека не имеем, и пока мы их не получим, мы будем инертны... Интеллигент – это всякий человек, будь то крестьянин, будь то рабочий, будь то человек с дипломом, это человек, который ставит выше всего права человека, считает, что человек – высшая ценность в государстве». Зиновьев ответил ленинградским инженерам: «Совершенно ясно, что таких прав они, как своих ушей без зеркала, в нашей республике не увидят» («Тринадцатый съезд».., стр. 103-104). Имея в виду бдительность, Зиновьев сказал съезду: «Помни о мелкобуржуазном обволакивании, которое проникает в уши, глаза, незаметно проникает в сердце и мозг». Обращаясь к оппозиции, Зиновьев предложил ей выйти на трибуну съезда и сказать: мы были неправы, а партия была права! Зиновьев не удержался, чтобы не подчеркнуть свою роль как главного вождя партии: «Нам говорили: на XII съезде, дескать, Зиновьев предсказывал, что 9/10 будет за большинство ЦК, и был прав, а на XIII съезде мы еще посмотрим. Так посмотрите же, товарищи (продолжительные аплодисменты)» (там же, стр. 106-107).

В конце доклада Зиновьева протокол отмечает: «бурная, горячая овация; долго не смолкающие аплодисменты; делегаты встают и поют Интернационал» – такого приема никогда не удостаивался даже Ленин!

В конце же второго доклада ЦК – доклада Сталина – в протоколе нет указания о «бурной овации» (на следующем съезде протокол будет писаться иначе).

Зато Сталин изложил четкую и стройную концепцию тотальной власти партии на всех уровнях и во всех отраслях жизни общества и государства. В центре этой концепции он поставил кадровую политику, он потребовал превращать пленумы ЦК и ЦКК «в школу выработки лидеров рабочего класса», а пленумы губкомов и уездных комитетов в «школу лидеров местного и областного характера» (там же, стр. 121). Сталин предложил

систематически пополнять кадры за счет выдвижения «партийного молодняка» сверху донизу. Об оппозиции Сталин сказал, что оппозиционеры, «каркавшие еще недавно о гибели нашей партии, очень напоминают людей, которых следовало бы назвать чужестранцами в партии» (там же стр. 127).

«Тройка» и руководимый ею партаппарат были очень грубы в полемике с троцкистами и действовали по методу «клевещите, клевещите, – что-нибудь да останется». Такие методы считались недопустимыми даже в острые периоды борьбы между фракциями большевиков и меньшевиков. Сейчас ЦК обвинял Троцкого и авторов «заявления 46», ссылаясь на решение X съезда, но не в том, что они составили фракцию, ибо таковой не было, а в том, что они вообще осмелились написать закрытые письма на имя партии с критикой ее исполнительного органа – ЦК. Критика партаппарата даже с партийных позиций объявлялась преступлением.

Из критиков или оппозиционеров ЦК на съезде выступили четыре человека: Троцкий, Преображенский, Радек и гость от Коминтерна Б. К. Суварин.

Троцкий обещал воздержаться от всякой полемики, которая может обострить положение или внести в дискуссию личные моменты. Это была, пожалуй, самая содержательная и самая аргументированная из всех речей Троцкого на партийных съездах. В то же время она находилась и по форме, и по тону в таком резком контрасте с той грубой, примитивной и развязной полемикой сторонников ЦК, что вслед за Углановым Зиновьев назвал речь Троцкого «парламентской». Он пояснил, что он понимает под «парламентской» речью: «Парламентскую речь можно охарактеризовать двумя чертами. Первая, когда человек говорит не совсем то, что он думает, или даже совсем не то, что он думает. Вторая черта – когда человек, выступая в парламенте, «через окно» говорит какой-то другой среде… Я думаю, что в речи т. Троцкого были обе эти черты» (там же, стр. 251). Речь Троцкого с точки зрения партийной ортодоксии, с точки зрения ленинизма, была настолько неуязвима, что Зиновьев, как и Сталин с Каменевым, объявил ее неискренней.

Поскольку критиковать позиции Троцкого по существу было невозможно, его критиковали не за то, о чем он говорит, а за то, о чем он не говорил, но, по мнению «тройки», *должен* был говорить. Этот уникальный прием полемики с противником был изобретен Сталиным.

Троцкий начал с констатации факта, что сам ЦК в единогласном решении Политбюро от 5 декабря 1923 года «открыто провозгласил *изменение* внутрипартийной политики», чтобы ликвидировать, как отмечено в этой резолюции, *«наблюдающуюся бюрократизацию партийных аппаратов и возникающую отсюда угрозу отрыва партии от масс»* (там же, стр. 146).

Надо указать, что это постановление ЦК не было актом доброй воли ЦК – это был компромисс подкомиссии ЦК в составе Троцкого, Каменева и Сталина (об этом Сталин говорил на XIII съезде). Политбюро вынуждено было временно пойти на этот компромисс ввиду сильного, возрастающего давления партийной массы. Поэтому ЦК хотя и опубликовал решение от 5 декабря, но совершенно не собирался руководствоваться этим компромиссным решением (недаром его никогда не включали и до сих пор не включают в партийную кодификацию – в «КПСС в резолюциях»).

Однако Троцкий воспользовался этим решением и через три дня – 8 декабря – выпустил свой знаменитый «Новый курс», который являлся как бы комментарием решения ЦК от 5 декабря.

Сейчас партийные историки квалифицируют «Новый курс» почти как контрреволюционный документ (3. И. Ключева, «Идейное и организационное укрепление компартии...», 1970, стр. 129), хотя он печатался с согласия ЦК в «Правде», начиная с 11 декабря 1923 г. Конечно, Троцкий писал там очень неприятные для «тройки» вещи. Стоит привести только три цитаты:

1. «Партия живет на два этажа: в верхнем – решают, в нижнем – только узнают о решениях» (Л. Троцкий, «Новый курс», Москва, 1923, стр. 12);

2. «Опасность старого курса... состоит в том, что он обнаруживает тенденцию ко все большему противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры, всей остальной массе, как объекту воздействия» (там же);

3. «Было бы смешной и недостойной политикой страуса не понимать, что формулированное резолюцией ЦК обвинение в бюрократизме есть обвинение именно по адресу руководящих кадров... Дело в аппаратном курсе, в его бюрократической тенденции. Заключает ли в себе бюрократизм опасность перерождения или нет? Было бы слепотой эту опасность отрицать. Бюрократизация грозит отрывом от масс, сосредоточением всего внимания на вопросах управления, отбора, перемещения, сужения поля зрения, ослабления революционного чутья, то есть большим или меньшим

перерождением старшего поколения... Усматривать в этом предостережении, опирающемся на объективное марксистское предвидение, какое-то "оскорбление", "покушение" и пр. можно только при болезненной бюрократической мнительности и аппаратном высокомерии» (там же, стр. 13).

Эти свои тезисы Троцкий обосновывал на XIII съезде ссылками именно на решения ЦК от 5 декабря.

Так как вернейшим единомышленником «тройки» в Политбюро был Бухарин, то Троцкий привел выступление Бухарина на одном из партийных собраний Москвы, как доказательство роста партаппаратного бюрократизма. Бухарин говорил там: «Недостатков, которые привели к известному полукритическому состоянию нашей партии, бесконечное множество... Обычно секретари ячеек назначаются райкомами... Приходят и спрашивают: "кто против?", и так как боятся высказаться против, то соответственный индивидуум назначается секретарем бюро ячейки... У нас в большинстве случаев выборы превращаются в выборы в кавычках. С порядком дня та же процедура... Зачитывается заранее заготовленная резолюция, которая проходит по шаблону... "Кто против?", а так как говорить против начальства нехорошо, то этим вопрос кончается... Вот обычный тип отношений в наших партийных организациях... "Никакой дискуссии!", "Кто против?" и т. д. и целая система таких приемов сводит на нет внутрипартийную жизнь... Я привел несколько примеров из наших ячеек. То же самое можно заметить в несколько измененной форме и по следующим рядам нашей партийной иерархии» («Тринадцатый съезд...», стр. 147-148).

Процитировав Бухарина, «одного из видных членов ЦК», Троцкий отметил, что причины, указанные Бухариным, «побудили ЦК, с теми или иными внутренними разногласиями, вынести в целом решение столь исключительной важности», решение, в котором сделан вывод: «интересы партии... требуют *серьезного изменения партийного курса* в смысле действительного и систематического проведения принципов рабочей демократии» (там же, стр. 147-148).

Как «Новый курс», так и «письмо 46-ти» (Пятаков, Преображенский, Серебряков, Сапронов, Смирнов, Осинский, Дробнис и др.) требовали проведения в жизнь вот этого самого единогласно принятого постановления ЦК. Нелепость сложившегося положения заключалась в том, что «тройка» вовсе не собиралась его проводить в жизнь; «тройка» просто создавала себе

документом 5 декабря алиби против Троцкого, а Троцкий и всерьез думал, что старый курс бюрократизации партии кончился и отныне начинается «Новый курс».

ЦК хотел так проводить внутрипартийную «рабочую демократизацию», чтобы партии были предоставлены широкие права единодушно голосовать за ЦК, а всякого, кто его критикует, можно было бы подвести под ленинские санкции из резолюции «о единстве партии». X съезда. Троцкий и «46» выступали против этого. Троцкий процитировал на XIII съезде как раз то место из резолюции 5 декабря, где сказано, что «только постояннная живая идейная жизнь может сохранить партию, какой она сложилась до и во время революции, с постоянным критическим изучением своего прошлого, исправлением своих ошибок и коллективным обсуждением важнейших вопросов. Только эти методы работы способны дать действительные гарантии того, чтобы эпизодические разногласия не превращались во фракционные группировки… Для предотвращения этого требуется, чтобы руководящие партийные органы прислушивались к голосу широких партийных масс, *не считали* всякую критику проявлением фракционности…» (там же, стр. 152).

Закончив цитату, Троцкий сказал: «Это – составная часть той же резолюции ЦК, и я думаю, что мы не имеем ни прав, ни оснований выкидывать ее ни из нашей памяти, ни из истории партии» (там же).

Но ЦК все это выкинул из памяти и из истории, тем более, что, судя по стилю текста, автором этой резолюции был сам Троцкий, что, впрочем, впоследствии Сталин подтвердил, констатировав, что ЦК, несмотря и вопреки решению 5 декабря, рассматривает любую критику против ЦК как «мелкобуржуазный уклон» (оценка позиции Троцкого и «46-ти» на XIII конференции). Троцкий закончил эту часть речи указанием на то, что подобная политика ЦК вызывает у него «большие сомнения и величайшие опасения».

На требование Зиновьева, чтобы Троцкий вышел на трибуну и сказал, что в происходящей дискуссии права была партия («тройка»), а он ошибался, Троцкий ответил: «Никто из нас не хочет и не может быть правым против своей партии. Партия в последнем счете всегда права, потому что она есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату для разрешения его основных задач. Ничего нет легче, как сказать: вся критика, все заявления, предупреждения и протесты, – все это было сплошной ошибкой. Я, товарищи, однако этого сказать не могу, потому что этого не

думаю. Я знаю, что быть правым против партии нельзя. Правым можно быть с партией и через партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала... Правда или неправда в отдельные моменты, но это моя партия... Если я здесь, по мнению иных товарищей, напрасно рисовал те или другие опасности, то я, со своей стороны, считаю, что я выполняю только долг члена партии... Не только у отдельного члена партии, но даже у самой партии могут быть отдельные ошибки, таковы, например, отдельные решения последней конференции» (там же, стр. 158-159).

Троцкий решительно опроверг утверждения «тройки», что он был против фракций, но за право группировок. Он сказал, что и то, и другое одно и то же. Только ЦК должен вести такую политику, которая не дает повода для фракций и групп. Троцкий закончил речь словами: «И если партия выносит решение, которое тот или другой из нас считает решением несправедливым, то он говорит: справедливо или несправедливо, но это моя партия и я несу ответственность за последствия ее решения до конца» (там же, стр. 159).

Мы так подробно цитировали Троцкого, чтобы показать, как неуязвима была его позиция с точки зрения ленинской ортодоксии, как трудно было его соперникам разоблачать «троцкизм», и это все было причиной тому, что партаппарат боролся не против того, что Троцкий говорит, а против того, что он ему сам приписывает. Приписывала же ему «тройка» не желание бороться с бюрократизацией партии, а намерение, по словам Каменева, «попытаться сделать в партии революцию» (там же, стр. 202). Даже авторитетные заявления и опровержения всего этого Троцким перед всем съездом, перед всей партией «тройка» не принимает и не признает. Вот один пример о «фракциях» и «группах». Каменев острил по этому поводу: «т. Троцкий заявил, что он не признавал и не признает свободы группировок, ибо группировки есть другое название для фракции. Вот уж где у места повторить пословицу: дорого яичко к Христову дню! Если бы нам, москвичам, и мне лично эту формулировку Троцкий дал или опубликовал в ноябре месяце, сколько бы мы с т. Преображенским сохранили усилий и энергии» (там же, стр. 208).

Но Сталин в заключительном слове продолжал настаивать, что Троцкий был за группировки и что якобы поэтому в резолюции 5 декабря «ограничились ссылкой на резолюцию X съезда, которую тогда тов. Троцкий, по-видимому, не читал, ибо там говорится не только о запрещении фракций,

но и о запрещении группировок» (там же, стр. 231).

Для такого одаренного комбинатора, как Сталин, утверждение, что «тройка» обманула Троцкого, пользуясь его невежеством в партийной политике, надо признать трюком совершенно неубедительным. Впрочем, вся цепь доказательств о мнимом вероломстве Троцкого и троцкистов и состояла из таких трюков, которые по мере приближения критического пункта борьбы за власть принимали характер и масштаб гигантской партийной дрейфусиады.

Последовавшие за выступлением Троцкого выступления на съезде «большевиков-пролетариев» показали, что «тройка» основательно подготовила XIII съезд как антитроцкистский съезд, безотносительно к тому, что сам Троцкий будет говорить на этом съезде.

Один из таких «пролетариев» из провинции, Угланов, назвав себя одним из «неграмотных, руководящих губернией», повторил слова Сталина, что Троцкий не знает партии, что «партия живет не в 1917, не в 1919 г. ... партия находится не в приготовительном классе... партия не так, как в 1918-1919 году управляет государством» (стр. 160), иначе говоря, «тройка» лучше управляет государством, чем управляли Ленин с Троцким (благодарная «тройка» через месяц-два назначила «неграмотного» Угланова первым секретарем Московского комитета партии вместо грамотного, но колеблющегося Зеленского).

Другой делегат-«пролетарий» Иванов говорил, что «вопрос о старых и молодых т. Троцкий, действительно, очень ловко обошел, но для нас, пролетариев, не искушенных в этих высоких материях, все же очень ясно... что т. Троцкий "загнул" и очень основательно» (там же, стр. 168).

Третий делегат-«пролетарий» Захаров сказал, что как раз у эсеров была такая демократия, о которой говорит Троцкий и из-за этой демократии партия эсеров погибла, поэтому «я бы хотел, чтобы т. Троцкий вышел и признался» (там же, стр. 171).

Вот на таком политическом уровне «пролетарии» спорили с Троцким. Крупская, вдова Ленина, решила указать делегатам на вредность искусственного раздувания разногласий. Она заявила, что Зиновьев неправильно формулировал вопрос, когда потребовал от Троцкого «скажи с трибуны, что ты не прав». Крупская сказала:

«Психологически это невозможно... Достаточно заявления оппозиции о желании совместной работы, а оно было в том, что говорил т. Троцкий...»

(там же, стр. 225).

Крупская выразила свое явное неудовольствие искусственным обострением вопроса об оппозиции. Она сказала: «Не следовало, бы тут дублировать ту дискуссию, которая была... (это) вносит излишнюю остроту в отношениях между *бывшей* оппозицией и между ядром партии» (стр. 225).

Крупская явно не понимала, что для «ядра партии» оппозиция вовсе не была «бывшей», пока Троцкий политически не похоронен. В своих заключительных словах Зиновьев и Сталин дали это понять даже Крупской. Зиновьев, отвечая Крупской, сказал, что мы (ЦК) так поставили вопрос перед Троцким и его сторонниками «не из-за эстетического удовольствия от поражения врага... Мы хотели, чтобы они сделали это заявление, чтобы успокоить съезд, чтобы товарищи, разъехавшиеся на места, могли сказать: кончено, перестали бузить... Я вас спрашиваю, успокоили ли вас их заявления? (С мест: «Нет, нет!»). Удовлетворили ли они вас? (С мест: «Нет, нет!»). Что вы должны будете сказать, докладывая на местах о съезде? Не должны ли вы будете сказать, что они сызнова начинают старую историю... Вопросы, касающиеся основ большевизма, мы предать забвению не можем» (там же, стр. 256-257).

Была внесена резолюция, которая «целиком и полностью» одобряла линию ЦК, осуждала оппозицию, приобщала к решениям XIII съезда резолюции XIII партконференции с осуждением Троцкого и оппозиции «46». Председательствующий спросил, есть ли другая резолюция и, констатировав, что другой резолюции нет, перешел к голосованию: «Кто за резолюцию? Кто против? Считать излишне, так как таковых нет. Кто воздержался? Нет таковых. Резолюция принята единогласно» (там же, стр. 263).

Такое небывалое до сих пор единодушие было вполне понятно. Ни один оппозиционер, в том числе и член Политбюро Троцкий, не был допущен на съезд с правом решающего голоса.

С отчетом ЦКК выступил Куйбышев. Вернейший сторонник и ставленник Сталина, Куйбышев сделал ЦКК подсобным инструментом партаппарата по расправе с любым оттенком оппозиционной мысли в партии. ЦКК постепенно превратилась в партийную тайную полицию, выполняя внутри партии те же функции полицейского сыска и уголовного суда, что и ОГПУ среди народа. Куйбышев даже хвалился этой ролью ЦКК, говоря, что «ЦКК защищала ЦК от атак со стороны оппозиции». Он сказал,

что «от нас добивались какой-то самостоятельной линии... беспристрастно, спокойно судить всех дерущихся... Нам льстили: "вы – орган, выбранный съездом, вы равноправны с ЦК". Нас убеждали, что мы должны быть беспристрастные, что мы должны быть инстанцией, стоящей над происходящей борьбой – эта соблазнительная позиция не соблазнила ЦКК» (там же, стр. 263-264).

Права ли оппозиция, насколько вески ее аргументы – это ЦКК совершенно не интересовало, хотя она была задумана Лениным как независимый от ЦК судья партии. Даже в своей последней статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» Ленин писал: «Члены ЦКК должны составить сплоченную группу, которая "не взирая на лица", должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК не мог мешать им делать запрос, проверить документы и вообще добиться «строжайшей правильности дел»

(Ленин, ПСС, т. 45, стр. 387). Слово генсека – для ЦКК было законом, вопреки прямому указанию Ленина.

Доклад о Коминтерне Бухарина повторял общеизвестные установки тактики и стратегии ЦК в мировом коммунистическом движении. В этом докладе Бухарин выставил довольно парадоксальное положение, что левую оппозицию Троцкого поддерживают в партиях Коминтерна «наиболее правые элементы». Правыми, например, в Германской компартии считались ее руководители во главе с Брандлером и их обвиняли в «троцкизме». Когда они были исключены из партии в апреле 1924 г., во главе партии стала левая группа Рут Фишер и Маслова. Но скоро и эта группа тоже была объявлена «троцкистской»! Интересное и оригинальное толкование дал Бухарин и тактике «единого фронта» коммунистов с социал-демократами. Он заявил от имени ЦК РКП(б):

«Тактику единого фронта мы рассматривали, как известный *маневр* для агитации, мобилизации масс и для вырывания из-под влияния социал-демократии рабочего класса. У товарищей же, которые стояли на правом крыле Германской компартии, и которые нашли отклик у нашей оппозиции, ясно вырисовывалась целая теоретическая конструкция. Им тактика единого фронта представлялась *всамделишным* блоком с социал-демократами» (там же, стр. 317, 320).

При обсуждении доклада Бухарина выступили два оппозиционера – Карл Радек и Борис Суварин (Коминтерн, компартия Франции). Радек в

очень вежливых словах критиковал то руководство германской компартии, которое при помощи Зиновьева и Сталина пришло вместо Брандлера к власти в партии; но пример, приведенный Радеком о низком теоретическом уровне нового руководства, был очень грубым. Радек привел цитату из статьи члена Политбюро КПГ в центральном органе партии:

«Бороться с оппортунизмом Брандлера путем ссылки на организационные принципы Розы Люксембург – это значит лечить триппер впрыскиванием сифилиса» (там же, стр. 443).

Самым острым, а для режиссеров съезда просто убийственным оказалось выступление одного из тогдашних лидеров Коминтерна и французской компартии Бориса Суварина. Суварин был в социалистической партии Франции с 1914 года, принадлежал к ее левому крылу, переписывался с Лениным, был в числе организаторов компартии Франции, ведущим публицистом «Юманите». Когда прения по докладу Бухарина были прекращены, съезд экстренно попросил его выступить. Суварин выступил и, касаясь темы Троцкого, сказал:

«Значительная часть Французской компартии была чрезвычайно взволнована острым тоном полемики... Им казалось, что дело сводится не к принципиальным аргументам, а к разного вида нападкам... Имя т. Троцкого имеет интернациональное значение... им казалось неправильной такого рода деградация достоинства этой большой революционной фигуры. Поэтому была принята резолюция 22 голосами против двух, поручившая французскому представительству при Коминтерне... вмешаться в эту борьбу с предложением соглашения и прекращения этой полемики... Обвинение т. Троцкого в меньшевизме совершенно не обосновано... Никаких принципиальных разногласий в этой борьбе нельзя было усмотреть... Распространялось множество клеветы и лжи против т. Троцкого» (там же, стр. *354).*

Суварин добавил, что именно вся эта кампания против Троцкого, основанная исключительно на клевете и лжи, заставила его выступить в защиту Троцкого. Хотя он знает, что все подстроено так, что ЦК на данном съезде победит, он, Суварин, все же не раскаивается, что занял нынешнюю позицию. В конце речи Б. Суварина протокол отмечает: *голоса:* «Позор!». Очевидно, Суварин сказал не то, чего от него ожидал съезд. Это была речь, в которой вещи были названы своими собственными именами – сталинско-зиновьевско-каменевский ЦК ведет против Троцкого идейно беспринципную,

по аргументам клеветническую, но политически целеустремленную борьбу – борьбу за власть. Поэтому и съезд знал – как, кем и зачем он созван. Для съезда ровно никакого значения не имело, прав или не прав Троцкий. Значение имел лишь один аргумент: в чьих руках эта самая власть. Власть была в руках «тройки». Поэтому была права она, а не Троцкий. Отсюда полный триумф линии «тройки» по всем вопросам.

Таков был съезд, среди делегатов которого «тройка» осмелилась сообщить, наконец, о «Завещании» Ленина. Однако и на таком съезде «трой-ка» не осмелилась, как мы уже указывали, зачитать «Письмо к съезду» Ленина. Она ознакомила только отдельные делегации с содержанием «Письма к съезду», тогда как Ленин хотел, чтобы письмо огласили на съезде и поставили на голосование его предложение о снятии Сталина с поста генерального секретаря. Впрочем, это решающего значения не имеет. Едва ли сам Ленин сумел бы провести свою волю через данный сталинский съезд. Недаром Ленин предлагал Троцкому еще накануне прошлого XII съезда заключить с ним «блок Ленин-Троцкий» против одного «генсека» Сталина с его «необъятной властью». Теперь, через год, она стала еще более «необъятной», но главное – она стала теперь непоколебимой.

Внешних атрибутов этой власти Сталина совершенно не видать на съезде. Сталин сделал на съезде лишь организационный отчет. Открыл съезд Каменев. Политический отчет вождя партии делает Зиновьев. Заключительное слово в конце произносит Зиновьев. Закрытым съезд объявляет Каменев. Причем тут Сталин?

Трагикомедия в том и заключается, что Зиновьев и Каменев сами не знают, что они тут на съезде играют роль свадебных генералов у подлинного хозяина: Сталина. В состав ЦК избрали 53 члена и 34 кандидата. Из оппозиционеров переизбраны Троцкий и Пятаков. Радек из членов ЦК исключен. В членский состав ЦК избраны 14 новых членов, кандидатский увеличен в два раза. Членский состав ЦКК увеличен с 50 человек до 151. Все вновь избранные – чистокровные сталинцы, о которых, может быть, Зиновьев и Каменев думают, что они сторонники не одного Сталина, а всей «тройки». Это недоразумение выяснится очень скоро, так скоро, что уже будет поздно. До этого самого последнего момента Сталин так и не дал узнать главе Коминтерна Зиновьеву, что он о нем в действительности думает. Надо полагать, что Сталин думал так, как один современник думал о Наполеоне III: «Человек он, конечно, не великий, но ошибки его гениальны».

Одна маленькая деталь: в партии существовало установленное правило, что членом коммунистической партии человек считается со дня вступления в РСДРП или социал-демократический кружок. Поэтому Ленин считался членом партии с 1894 г., Троцкий с 1897 г., Сталин с 1898 г., Радек с 1902 г. Во всех протоколах съездов партии при Ленине так и значится. Протокол XIII съезда указывает, что Троцкий и Радек в партии только с 1917 года.

Политбюро осталось в старом составе, включая и Троцкого. Вместо Ленина в члены Политбюро введен Бухарин. Новыми кандидатами Политбюро стали Фрунзе, Дзержинский и Сокольников.

Секретариат ЦК стал таким идеальным, каким Сталин его хотел видеть с первых же дней своего прихода сюда: Генеральный секретарь – Сталин, второй секретарь (заместитель генсека) – Молотов, третий секретарь (по кадрам) – Лазарь Каганович. Все три вошли в состав членов Оргбюро. Отныне вместо старой «тройки» – Зиновьев-Каменев-Сталин – вот эта новая «тройка» – Сталин-Молотов-Каганович – стала фактическим рулевым партии и государства.

Зиновьев и Каменев даже и не заметили, как они очутились вне власти. Сталин их совершенно не тронул. Он только сам вышел из «тройки», захватив с собою заодно и одну техническую «мелочь»: аппарат ЦК. При помощи этой «мелочи» Сталин очень скоро и безболезненно политически кастрировал Политбюро. Когда Зиновьев и Каменев это заметили, то выяснилось, что Сталин совершил над ними необратимую операцию.

Глава 25

НОВАЯ ОППОЗИЦИЯ ЗИНОВЬЕВА

После решения X съезда о запрещении оппозиционных фракций никто не осмеливался вести борьбу с партаппаратом путем организаций каких-либо групп единомышленников. Поэтому ни одна оппозиция, начиная с оппозиции Троцкого *1923 т.,* не создавалась сама – ее каждый раз искусственно создавал Сталин путем объявления деловых предложений партийных деятелей «антипартийным уклоном», коллективных заявлений –

составлением «антипартийных фракций». Потом по логике вещей разыгрывалась борьба. «Новый курс» Троцкого был адресован членам партии, «заявление 46» – членам Политбюро. «Тройка», по инициативе Сталина, соединила их и объявила «левой оппозицией» на фракционных началах. Точно так же Сталин создает, как это мы увидим, «новую оппозицию» Зиновьева и «правую оппозицию» Бухарина. Даже названия всем оппозициям дает сам Сталин.

Современники рисуют Григория Евсеевича Зиновьева человеком крайне неуравновешенным, эмоциональным, заносчивым, паникером во время опасности, энтузиастом во время триумфа, а у власти – жестоким до бездушности. Пальма первенства по красному террору в первые годы после революции принадлежит не Ленину, не Сталину, а ему. То, что Дзержинский и его Чека делали во всероссийском масштабе, Зиновьев, опираясь на чекиста Урицкого, вершил в Петрограде, за что Урицкий должен был поплатиться жизнью летом 1918 г. То, что Ленин вместе с ЦК решал для всей партии, Зиновьев единолично решал для партийной организации Петрограда и северо-западных провинций. Временами он даже решал и за всю партию, подавая «инициативу» из первой столицы революции, как это мы видели во время профсоюзной дискуссии в 1920 г. Ведь и группу «Десяти» в этой дискуссии возглавлял номинально он, а не Ленин, что же касается Сталина, то он в группе «Десяти» числился как бы помощником Зиновьева по Москве.

Ленин не только простил ему его антиленинское поведение во время переворота и его постоянные колебания после победы в сторону создания правительства из всех советских партий (большевиков, эсеров, меньшевиков), но еще назначил его председателем Петроградского совета вместо Троцкого, а после создания Коминтерна (1919) – председателем его Исполкома. Для удобства Зиновьева Ленин даже согласился создать параллельную резиденцию Исполкома Коминтерна в Петрограде. Как политический стратег, Ленин умел использовать не только силы, но и слабости своих учеников. Он знал, что такими людьми, как Зиновьев и Сталин, движет бездонное честолюбие, помноженное на столь же бездонную жажду личной власти. Поэтому Ленин делился с ними властью, чтобы, во-первых, постоянно противопоставлять их Троцкому (которого по ошибке считал потенциальным соперником), что ему удалось, во-вторых, сделать их таким путем более подручными, что ему явно не удалось (см. главу «Заговор

"тройки"»).

Но Сталина Ленин держал от себя на определенной дистанции и близко узнал его тоже только с 1917 г., тогда как Зиновьева считал своим человеком. Во время войны Ленин и Зиновьев издали совместно книгу «Против течения», причем на титульном листе имя Зиновьева стоит впереди имени Ленина. Трудно объяснить, за какие личные качества Ленин его ценил. Правда, в эмиграции, около десяти лет, Зиновьев – почти постоянный подручный Ленина как секретарь редакций его бесконечных эмигрантских изданий. Как публицист, Зиновьев скорее подмастерье, чем мастер, как аналитик он совершенно беспомощен, как оратора его признавали только «агитатором». Когда читаешь его речи и писания (а он вместе с Лениным и Троцким в начале двадцатых годов приступил к изданию своего «Собрания сочинений»), то не находишь в них не только никаких оригинальных идей или просто литературного блеска, но не находишь самого главного – не находишь объяснения, как такой заурядный литератор мог оказывать на Ленина и партию столь большое идеологическое влияние. Даже последнее и зрелое произведение Зиновьева – книгу «Ленинизм» (1925) американский профессор Даниэльс считает «невероятно скучной книгой» (R. V. Daniels, The Conscience of Revolution, Harvard University Press, 1960, p. 259).

Однако можно быть плохим оратором, посредственным журналистом и просто малоинтеллигентным человеком, но выдающимся мастером в политической игре. Им тоже Зиновьев не был. Свидетельство тому – вся история правления «тройки» и борьбы «новой оппозиции». Остается только одно предположение – Зиновьев входил в тот узкий круг партийных руководителей, которые решили от имени большевистского эмигрантского центра принять немецкие деньги от доктора Парвуса-Гельфанда. По всем данным, связанным с этой историей, в этот круг входили только четыре человека: сам Ленин, Зиновьев, Радек и непосредственный связной с Парвусом – Ганецкий. В этом деле Ленин был как бы в руках Зиновьева, точно так же, как оба они – Ленин и Зиновьев – были в руках Сталина, когда последний вместе с Каменевым узнали, откуда к ним текут деньги для финансирования редактируемой ими обоими газеты «Правда».

Его друг и единомышленник Лев Борисович Каменев был, напротив, сделан из совершенно другого материала. Сверстник Зиновьева (рожд. 1883), в партии с того же года, что и он (1901), еврей, как и он (Д. Шуб пишет, что Каменев полуеврей, см. его весьма ценную книгу «Политические деятели

России», 1969, стр. 372), беспрерывный сотрудник и соредактор Ленина в эмиграции, как и он, но, в отличие от Зиновьева, возвращенец в Россию на подпольную работу в 1912 году как редактор «Правды» и руководитель Думской фракции большевиков, – Каменев принадлежал к образованной интеллектуальной элите партии. Перед возвращением в Россию в 1912 г., по поручению и с предисловием Ленина, он написал книгу «Две партии», направленную против «Августовского блока» Троцкого и Мартова. Он был начитанным марксистом, вдумчивым публицистом и толерантным полемистом, что выгодно отличало его в этой роли и от Ленина. Ленин его считал «умным политиком» и, как бы с досадой, добавлял – «но какой же он администратор?» В критические моменты жизни Каменев показывал не только личное мужество, но и присутствие духа. Только его выдержкой и умнейшей тактикой защиты на суде (1915) думская пятерка большевиков была спасена от смертной казни, вместе с которыми он судился как представитель ЦК большевиков и вместе с которыми его сослали на вечное поселение в Сибирь. Вернувшись из ссылки после Февральской революции, он руководил «Правдой» и ЦК до самого возвращения Ленина из-за границы. Его соратником и по «Правде» и по ЦК был Сталин. Под руководством Каменева и Сталина весь ЦК, ПК, МК и редакция «Правды» единогласно отвергли «Апрельские тезисы» Ленина, продолжая стоять на точке зрения «условной поддержки» Временного правительства, так как «буржуазно-демократическая революция еще не закончена».

К середине апреля Сталин, видя, что победа Ленина в партии неизбежна, изменил Каменеву и перешел на сторону Ленина. В конце апреля на Всероссийской партийной конференции только один Каменев бесстрашно и последовательно защищал линию старого ЦК и старой «Правды». Оказавшись в меньшинстве, он подчинился дисциплине. Его выбрали в члены ЦК, куда тогда входило только 9 человек. Когда был дан приказ об аресте Ленина и Зиновьева за получение немецких денег и они предпочли скрыться вместо явки на суд революции и демократии, Каменев вновь встал во главе партии. Он не только объявил себя солидарным с Лениным, но еще организовал широкое движение рабочих, солдат, интеллигенции, даже меньшевистско-эсеровского Петроградского Совета за отмену приказа об аресте Ленина и Зиновьева и за привлечение к ответственности «клеветников». По поручению Каменева Сталин вел переговоры со своими земляками-грузинами председателем Петроградского

Совета Чхеидзе и председателем ВЦИК Советов Церетели о выступлении Советов в пользу Ленина. Одновременно Каменев приступил к реорганизации партии для продолжения подпольной работы. Боясь быть убитым при аресте, Ленин назначил его своим душеприказчиком по изданию своего главного труда «Государство и революция».

Временное правительство отдало приказ об аресте и Каменева. Но он не скрылся, а предпочел стать перед демократическим судом. (Это было ему тем легче, что, будучи в России с 1912 г., Каменев не был непосредственно причастен к получению немецких денег.) Сталина никто не думал трогать. Он даже не ушел в подполье. Но теперь общее руководство над партией перешло именно к нему как к старшему члену ЦК.

На решающих заседаниях ЦК 10 и 16 октября 1917 года Каменев вместе с Зиновьевым голосовал против восстания, но в ночь восстания – с 24 по 25 октября – он вместе с Троцким из Смольного руководил восстанием, с которым он не был согласен. После восстания он стал председателем Советского парламента – ВЦИК Советов. После переворота Каменев с рядом других членов ЦК и наркомов предложил создать коалиционное правительство из всех советских партий. Ленин наотрез отказался принять такое предложение. Тогда Каменев подал в отставку со всех постов.

Только в 1919 году он вернулся в ЦК и сразу был избран членом Политбюро. Во время всех последующих дискуссий в партии Каменев был в одной группе с Лениным, Зиновьевым и Сталиным. Во время болезни Ленина в 1922, 1923 и в начале 1924 года он был исполняющим обязанности председателя Политбюро и правительства.

Но у Каменева был один «порок», который заранее обрек его на пассивную роль в «тройке»: у него не было честолюбия Зиновьева и волевых качеств Сталина. Стоя головой выше обоих в интеллектуальном отношении, он не умел, однако, пользоваться их приемами: ни политической демагогией, как Зиновьев, ни сложной интригой, как Сталин. Каждый раз, когда Каменев оказывался во главе партии в России (1912, 1917), это случалось не благодаря его личной амбиции, а в силу объективных событий. Если отвлечься от октябрьского эпизода, Зиновьев и Каменев составляли в жизни партии вместе с Лениным тот «треугольник большевизма», который заложил основу организации и идеологии всей партии. Все главные произведения, платформы, резолюции официальных органов партии носят подписи этого «треугольника». Сталин, кооптированный заочно в ЦК в 1912 г., был в

партии слишком мало известен, а как партийный журналист и совершенно неизвестен (если не считать его статьи по национальному вопросу в 1912 г.), чтобы «треугольник» стал «четырехугольником».

К сказанному о Зиновьеве и Каменеве надо добавить, что ни тот, ни другой не владели теми качествами вождей – организаторов власти, которые нужны были в условиях коммунистической диктатуры. Еще в 1924 г., то есть во время правления «тройки», Сталин изложил, какие должны быть эти качества: «Быть вождем-организатором в наших условиях это значит, во-первых, – знать работников, уметь схватывать их достоинства и недостатки, ... во-вторых, – уметь расставить работников так:

1) чтобы каждый работник чувствовал себя на месте;
2) чтобы каждый работник мог дать революции максимум того, что вообще способен он дать по своим личным качествам;
3) чтобы такого рода расстановка работников дала в своем результате не перебои, а согласованность, единство...
4) чтобы общее направление организованной таким образом работы служило выражением и осуществлением той политической идеи, во имя которой производится расстановка работников по постам» (Сталин, Соч., т. 6, стр. 277-278).

Начиная с 1922 г., Сталин действовал именно с такой «концепцией вождя», умело расставляя своих людей в государственном, военном, чекистском, идеологическом и, конечно, в первую очередь партийном аппарате, в то время, как Зиновьев и Каменев больше надеялись на свой ореол апостолов Ленина и совершенно не заметили даже того, что заметил умирающий Ленин (в «Завещании»): «Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть».

После этого прошло полтора года, состоялись два съезда партии, на которых Сталин превратил ЦК и ЦКК в свои собственные доминионы. «Необъятная власть» Сталина стала неуязвимой властью. И только после этого Сталин впервые дал знать Зиновьеву и Каменеву, кто действительный хозяин партии.

Правда, уже после XII съезда партии (1923), на котором Сталин расширил ЦК и ЦКК, обеспечив себе абсолютное большинство, после XIII партийной конференции, на которой Троцкий был еще раз осужден политически, после смерти Ленина (21 января 1924), когда отпал Дамоклов меч, Сталин свободно мог раскрыть карты и распустить «тройку», но он

этого сознательно не делает.

Методичный, терпеливый Сталин не спешит. Он думает, что Троцкий только побит, но не добит. На XIII съезде, на первом съезде после смерти Ленина, надо покончить с Троцким, покончить руками незадачливого председателя Коминтерна Зиновьева. Поэтому с Зиновьевым и Каменевым Сталин заключает соглашение – политический отчет ЦК вновь сделает Зиновьев, зато Зиновьев и Каменев согласны не обсуждать на съезде предсмертное «Письмо к съезду» Ленина и переизбрать Сталина вновь генеральным секретарем партии. Сталин готов еще на одну уступку – он согласен созвать следующий XIV съезд партии в резиденции Зиновьева – в Ленинграде.

Все происходит по этому плану. Троцкий осуждается еще раз, Сталин переизбирается, следующий съезд назначается в Ленинграде.

Однако не успели еще разъехаться делегаты XIII съезда, как происходит сенсация: через 16 дней после закрытия XIII съезда – 17 июня 1924 года выступая с докладом об итогах этого съезда на курсах секретарей уездных комитетов при ЦК партии, Сталин сообщает партии совершенно удивительные вещи:

Члены негласной «тройки» и ведущие члены гласного Политбюро – Зиновьев и Каменев – повинны в больших теоретических ошибках перед партией. Первый говорит, что у нас «диктатура партии», а второй у нас не «нэповская Россия», а «нэпмановская Россия», «т. е. такая Россия, во главе которой стоят нэпманы». Сталин возмущается «теоретической беззаботностью» Зиновьева и Каменева. Имя первого не названо (но партия знает, о ком идет речь), имя второго названо – доклад напечатан в «Правде» (Сталин, Соч., т. 6, стр. 257). Теперь все, кто мало-мальски имеют партийный нюх, понимают, что теоретическая критика Сталина не литературное упражнение – это условный пароль начала политического наступления на Зиновьева и Каменева. «Мавры сделали свое дело – мавров можно убрать!» Как и следовало ожидать, спонтанной реакцией местных организаций, во главе которых стоят новые, «независимые», члены ЦК сталинского отбора, была единодушно осуждена «новая вылазка» фальсификаторов ленинизма; к этому, конечно, быстро присоединяется и вся провинция. Тогда без риска и в нарушение директивы высшего органа партии – съезда – Сталин проводит через пленум ЦК новое решение: созвать XIV съезд в Москве. Цель решения ясна: претензия Зиновьева получить в Ленинграде окончательное признание

его наследником Ленина на посту лидера партии – отводится. Новое развитие было вполне естественным. Троцкий отпал как претендент в наследники Ленина, тогда распалась и антитроцкистская «тройка». У руля партии становится тот, кто был ее истинным мотором: Сталин.

Уже было все подготовлено и организационно, и психологически (резолюции местных партийных организаций), чтобы покончить с Зиновьевым и Каменевым, оформив их в «новую оппозицию», как произошли два совершенно неожиданных события, которые на время расстроили весь стратегический план Сталина и спасли «тройку», то есть Зиновьева и Каменева.

В августе 1924 года в Грузии произошло мощное народное восстание, руководимое грузинскими меньшевиками, которое угрожало распространиться на весь Кавказ. Демократическая программа и антибольшевистские лозунги повстанцев слишком напоминали дух Кронштадта, чтобы Сталин не мог не опасаться, что восстание может найти отзвук и в самой России. Второе событие было столь же неожиданное, по крайней мере в такой форме, еще более неприятное с точки зрения взрывчатой силы разоблачения, которое оно несло. К седьмой годовщине Октябрьского переворота Троцкий издал книгу своих статей периода подготовки этого переворота – «1917», предпослав ей предисловие, ставшее более знаменитым, чем все книги Троцкого. Оно называлось: «Уроки Октября». Его основной тезис гласил: старый ЦК большевиков в России, во главе которого стояли Сталин и Каменев, до возвращения Ленина из-за границы в апреле 1917 года вел правооппортунистическую, антиреволюционную, примиренческую политику по отношению к Временному правительству. Ленин выступал против старого большевизма и этого оппортунистического руководства. Ленин совершил «перевооружение большевизма» и фактически стал на точку зрения теории Троцкого о «перманентной революции» («без царя, а правительство рабочее»). Старые лидеры классического большевизма в решающие дни восстания струсили. Как немецкие лидеры социал-демократии переродились из марксистов в оппортунистов-реформистов, так и лидеры большевистского марксизма не гарантированы от перерождения. Революционеры проверяются в самой революции, как мастерство пловцов проверяется во время плавания. Троцкий не назвал ни одного имени, но партия знала, что речь идет о Каменеве и Зиновьеве и об их союзнике Сталине. Вот это вновь воссоединило расползавшуюся было

«тройку». Насколько неожиданно эти события расстроили стратегические расчеты Сталина, показала и его реакция на них. В речи на совещании секретарей деревенских ячеек партии 22 октября 1924 г., касаясь опасности грузинского восстания, Сталин сказал: «События в Грузии нужно считать показательными. То, что произошло в Грузии, может повториться по всей России» (Сталин, Соч., т. 6, ст. 309).

Значит, ввиду этой опасности, надо все еще сохранять коалицию с Зиновьевым и Каменевым.

Реакция Сталина на «Уроки Октября» была такая, что он сразу достиг трех целей: 1) свел роль Троцкого к роли простого члена Политического бюро из семи человек по руководству восстанием; 2) защищая на словах Зиновьева и Каменева, на деле разоблачал их, впервые опубликовав выдержки из протоколов ЦК 10 и 16 октября, где они голосовали против восстания, 3) привел список членов и Политбюро, и «Практического центра по руководству восстанием», где в обоих центрах Сталин числился членом, а Ленин, Троцкий, Зиновьев и Каменев числились членами только первого центра (Сталин, Соч., т. 6, стр. 326-327), который, по свидетельству Троцкого, никогда и не собирался. Как бы мимоходом сообщив, что Зиновьев и Каменев действительно голосовали против решения ЦК о перевороте, Сталин заявил, что и Троцкий тоже какой-либо «особой роли» в восстании в Петрограде не играл, ибо он не входил «в состав практического центра, призванного руководить восстанием... Разговоры об особой роли Троцкого есть легенда...» (там же, стр. 329). Укажем тут же, что никакого «Практического центра» не было, а был создан «военно-революционный центр» с включением его в состав «Революционного Советского Комитета», во главе которого стоял Троцкий» (Ленин, Сочинения, т. XXI, стр. 507).

Это утверждение Сталина находилось в противоречии не только с историческими фактами, но и с тем, что говорил Ленин по поводу книги американского коммуниста Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», где описано восстание большевиков под руководством Ленина и Троцкого. В восторженном предисловии Ленин назвал описание Джона Рида правдивым. Теперь Сталин отнес и эту книгу к жанру литературы из области «арабских сказок» (Сталин: Джон Рид далеко стоял от нашей партии... «попав, ввиду этого, на удочку сплетен, идущих от господ Сухановых» – там же, стр. 325), Кто-то напомнил тогда Сталину, что он сам писал в «Правде» от 6 ноября 1918 года об «особой роли» Троцкого: «Вся работа по политической

организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому».

Троцкий замечает, что когда Сталину указали на это очевидное противоречие в его оценках роли Троцкого, то «он ответил удвоенной грубостью, и только» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 234). Сталин согласился с Троцким, что до приезда Ленина ЦК проповедовал линию «давления на Временное правительство» вместо того, чтобы выдвинуть лозунг о власти Советов, что «это была глубоко ошибочная позиция... Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля... Были ли тогда у партии разногласия с Лениным? Да, были» (Сталин, Соч., т. 6, стр. 333-334). Но потом в конце апреля и вся партия признала свою ошибку, присоединившись к Ленину, тогда как Троцкий проповедовал все еще «перманентную революцию» – революцию без крестьянства («без царя, а правительство рабочее»).

Когда Троцкий писал о «правом крыле» в партии и о старых, консервативных большевиках, выступавших против идей «Апрельских тезисов», он имел в виду, конечно, и Сталина. Но Сталин дипломатически свел дело только к Зиновьеву и Каменеву. Сталин говорил: «Троцкий уверяет, что в лице Каменева и Зиновьева мы имели в Октябре правое крыло нашей партии... Непонятно только: как могло случиться, что партия обошлась в таком случае без раскола... Раскола не было, а разногласия длились всего несколько дней, потому и только потому, что мы имели в лице Каменева и Зиновьева ленинцев, большевиков» (там же, стр. 326-327).

Защищая их, Сталин защищал самого себя, защищал ЦК, который он возглавлял вместе с Каменевым до возвращения Ленина из-за границы, защищал большинство ЦК, которое почти два месяца (сентябрь-конец октября) сопротивлялось требованиям Ленина назначить восстание, наконец, защищал партию, которой он отводил основную роль в организации и проведении восстания, а не Троцкому, и даже не Ленину. В самом деле, вот, что говорил на этот счет Сталин: «Послушав Троцкого, можно подумать, что партия большевиков весь подготовительный период от марта до октября только и делала, что топталась на месте... и всячески мешала Ленину, и если

бы не Троцкий, то неизвестно, чем кончилось бы дело Октябрьской революции... Забавно слышать эти странные речи о партии от Троцкого, объявившего в том же "Предисловии" («Уроки Октября». – А. А.), ...что "основным инструментом пролетарского переворота служит партия", что "без партии, помимо партии, в обход партии, через суррогат партии пролетарская революция победить не может", причем сам аллах не поймет, как могла победить наша революция, если "основной ее инструмент" оказался негодным» (там же, стр. 331-332).

Чтобы доказать, что не отдельные лица решили судьбу революции (не «хибарка» Троцкий, не «Монблан» Ленин – метафоры Сталина), а партия, – Сталин делает смелое, не оставляющее сомнения примечание: «Должен заявить со всей решительностью, что высокая честь организатора наших побед принадлежит *не отдельным лицам,* а великому коллективу передовых рабочих нашей страны – Российской Коммунистической партии» (там же, стр. *336,* выделено мною. – А. А.).

Ничто так ярко не характеризует тактическую беспомощность Троцкого, как время, предмет и манера, которые он выбирает для очередной дискуссии со Сталиным. Своими абсолютно никчемными литературными упражнениями на тему истории революции он предупредил уже явно обозначившийся раскол в «тройке» и бросил Зиновьева и Каменева обратно в объятия Сталина, дав Сталину еще целый год времени, чтобы основательно готовиться к расправе с планируемой самим Сталиным «Новой оппозицией». Троцкий настолько разозлил своими злополучными «Уроками» Зиновьева и Каменева, что Ленинградская партийная организация единодушно потребовала исключения его из партии. Странным образом, как раз Сталин категорически отверг это требование в хитром расчете иметь в Политбюро до поры до времени противовес зиновьевцам. Зиновьевцы обвиняли Сталина в симпатии к Троцкому и примиренческом отношении к троцкизму. На этой почве возникла новая трещина в «тройке», которую многотомная «История КПСС» считает началом возникновения «Новой оппозиции».

Вот как официальный историк рисует это начало: «Пытаясь использовать коммунистов в связи с появлением "Уроков Октября" Троцкого, Зиновьев и Каменев демагогически обвиняли Политбюро ЦК РКП (б) в примиренческом отношении к троцкизму. Они рассчитывали дать бой Политбюро на январском (1925 г.) пленуме ЦК, который обсуждал вопрос о троцкизме. Однако пленум единодушно поддержал Политбюро. Тогда

Зиновьев и Каменев встали на путь сколачивания тайной фракционной группировки в рядах РКП (б)... Эта группировка стала называться «новой оппозицией» («История КПСС», т. 4, кн. I, 1970, стр. 360). То была, конечно, не «группировка», а вся партийная организация Ленинграда во главе с Зиновьевым. Группы, поддерживающие зиновьевцев, появились в партийных организациях Москвы, Урала, Сибири и Иваново-Вознесенска, но их сталинский аппарат быстро и безо всяких дискуссий пресек, одних выкидывая с работы, других высылая в дальние края.

Труднее обстояло дело в Ленинграде. Если и здесь стать на путь репрессий, то пришлось бы выселить в Сибирь всю Ленинградскую организацию партии, но до этого Сталин еще не додумался. Ленинградский губком комсомола тоже стал в оппозицию к сталинскому аппарату из-за узурпации этим аппаратом функций ЦК комсомола. Ленинградский губком комсомола готовил созыв всероссийской конференции, чтобы предупредить превращение комсомола в инструмент диктатуры сталинской фракции. Так как центральный теоретический орган ЦК – журнал «Большевик» – Сталин и Бухарин уже успели превратить в свой личный фракционный орган, Ленинградский губком партии вынес постановление о создании в Ленинграде нового теоретического журнала партии, но ЦК его запретил, не имея на то уставного права. Вот с этих пор – с весны 1925 г.– Сталин и приступает к созданию «Новой оппозиции» путем объявления каждого практического предложения Зиновьева и Каменева «троцкистским», каждое их теоретическое замечание «антиленинской» ересью. На заседании Политбюро в апреле 1925 г. Каменев и Зиновьев при обсуждении хозяйственного плана заявили, что при наличии капиталистического окружения окончательная победа социализма в такой отсталой стране, как Россия, без поддержки революции на Западе, невозможна» (там же, стр. 361).

Сталин, Бухарин и их сторонники ответили, что это есть повторение известного тезиса Троцкого. Тогда Зиновьев и его сторонники привели следующее место из брошюры Сталина «Основы ленинизма»: «Можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране, без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны. Для окончательной победы усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, – для этого необходимы усилия пролетариев

нескольких передовых стран» (Сталин, Соч., т. 8, стр. 61).

Предвкушая победу над разоблаченным Сталиным, как над основоположником троцкизма в данном вопросе, зиновьевцы поставили перед Сталиным вопрос – что же он имеет сказать об этом своем утверждении?

Сталин вышел из положения чисто по-сталински – то, что он писал выше было правильно тогда, в апреле 1924 г., когда он хотел доказать Троцкому, что мы удержимся у власти, но это неправильно теперь, в апреле 1925 г., когда мы вполне можем построить социализм в одной стране, если абстрагироваться от мирового капитализма и опасности его интервенции (там же, стр. 61-62). Остряк Карл Радек шутил по поводу нового тезиса Сталина: в январскую стужу можно пройти нагишом по Тверскому бульвару Москвы, если абстрагироваться от зимы и московской милиции, но будут ли они абстрагироваться от вас? Если социализм действительно можно построить в одной стране, комментировал Радек Сталина, то его можно тогда построить и в «одном уезде», как герой Щедрина хотел построить «либерализм в одном уезде».

Свое собственное, кажется, единственный раз непредвиденное грехопадение в духе классического троцкизма Сталин возложил на самого Зиновьева из-за того, что последний осмелился напомнить об этом не только Сталину, но и XIV съезду. Вот что сказал Сталин: «Зиновьев находит возможным в своем заключительном слове на XIV съезде (декабрь 1925) вытащить старую, совершенно недостаточную формулу из брошюры Сталина, написанной в апреле 1924 г., как базу для решения решенного вопроса о победе социализма в одной стране, – но эта своеобразная манера Зиновьева говорит лишь о том, что он окончательно запутался в этом вопросе» (там же, стр. 65). Не Сталин, который через год радикально меняет свою позицию, «запутался», а Зиновьев, который не меняя позиции, напоминает Сталину о его непоследовательности.

Подготовка Сталина к XIV съезду отличалась той же методичностью и основательностью, как и подготовка к XII и XIII съездам партии. Поскольку речь пойдет на этом съезде о самих основоположниках большевизма, о личных друзьях Ленина, в числе которых была и жена Ленина, за которыми стояла такая важная партийная организация, как Ленинградская, Сталин решил подготовить данный съезд еще более тщательно. Для этого надо было иметь и больше времени. Поэтому сталинское большинство ЦК решило, явно

нарушая устав, отсрочить очередной XIV съезд на целых девять месяцев – вместо весны 1925 г. он был назначен на конец года – на 18-31 декабря 1925 г.

В порядке той же подготовки осенью 1924 г. сторонник Зиновьева и Каменева – секретарь Московского комитета, секретарь ЦК и член его Оргбюро Зеленский был освобожден от этих должностей и послан секретарем Среднеазиатского бюро ЦК в Ташкент. На его место был назначен враг Зиновьева – Угланов. То же самое Сталин постарался сделать и в отношении партийного аппарата в Ленинграде, но это ему удалось только частично. Был снят близкий сотрудник Зиновьева – секретарь Ленинградского губкома партии Залуцкий, который открыто обвинил Сталина и Бухарина в «госкапиталистической» линии и говорил об опасности торжества термидора в стране. Он был заменен другим врагом Зиновьева – Комаровым. В обоих случаях Зиновьев и Каменев подчинились диктату аппарата ЦК, оформленному через сталинское большинство в ЦК. Несомненно, в связи с той же подготовкой к съезду находилось и постановление Политбюро ЦК предложить кандидату в члены Политбюро, преемнику Троцкого на посту председателя Реввоенсовета республики и наркомвоенмору – М. Фрунзе – ложиться на операцию, причем вопреки желанию больного. Фрунзе – легендарный полководец гражданской войны – был сторонником Зиновьева и Каменева. Сталин хотел поставить на его место своего личного друга – Ворошилова. Люди, знающие Сталина, боялись, что сталинские хирурги догадаются, чего от них ждет Сталин, и без большого шума освободят место Ворошилову. Как бы там ни было, Фрунзе умер на операционном столе, а Ворошилов стал военным министром. Партийная молва о «хирургическом» убийстве Сталиным опаснейшего для него человека в составе «Новой оппозиции» была настолько широко распространена, что советский писатель Борис Пильняк даже написал об этом повесть «Красное дерево», изданную за границей (хотя и с некоторым опозданием, Сталин расстрелял Пильняка в 1937 г.), а «Большая Советская Энциклопедия» вынуждена была отметить: «неудачная операция совершенно неожиданно унесла от нас Фрунзе» (БСЭ, т. 59, 1-ое изд., 1935, стр. 226).

Место, время и повестка дня XIV съезда были утверждены на пленуме ЦК 3-10 октября 1925 г. Впервые на этом пленуме, в нарушение традиций предыдущих двух съездов, политический отчет ЦК был поручен не Зиновьеву, а Сталину. Далее был решен вопрос о созыве съезда не в

Ленинграде, как это постановил XIII съезд, а в Москве. Уже на этом пленуме ЦК стало ясно, что Сталин на этот раз решил окончательно покончить с претензией Зиновьева на лидерство в партии. Хотя на том же пленуме ЦК Каменев делал доклад о хозяйственной политике, а Зиновьев – о работе Коминтерна, тезисы Каменева не были утверждены, а доклад Зиновьева был принят лишь «к сведению» без всякого его одобрения («КПСС в рез.», часть II, 1933, стр. 146-147).

Пленум решил открыть кампанию в партии по подготовке к съезду. С ноября во всех партийных организациях ЦК через своих командированных на места докладчиков открывает поход против «Новой оппозиции», о существовании которой рядовая партийная масса ничего не знала. Еще меньше она знала и о том, какова ее платформа – ибо никто нигде ничего не говорил от имени такой оппозиции ни на конференциях, ни на пленумах ЦК, ни, тем более, в печати партии. Хотя докладчики часто называли членов Политбюро Зиновьева и Каменева в числе уклоняющихся, но узнать платформу «уклонистов» от самих уклонистов было невозможно, так как тот же октябрьский пленум ЦК запретил всякую «дискуссию», то есть запретил обвиняемым давать объяснения по поводу обвинений их в «антиленинском» уклоне. Как все это делалось, сообщает официальный историк: «В конце ноября 1925 г. ЦК через своих представителей ... информировал партийные организации о существе разногласий с оппозицией. Отдельные положения оппозиционной платформы подверглись критике в предсъездовских тезисах ЦК, в партийной печати, в том числе и на специально выходившей в «Правде» странице «К XIV съезду»... С начала декабря 1925 г. развернулась широкая полемика с представителями оппозиции» (История КПСС, т. 4, книга I, 1970, стр. 411). Тут вкрались, мягко выражаясь, две неточности: во-первых, «платформу» оппозиции не могли критиковать, ибо ее вообще не было, во-вторых, «полемика» с представителями оппозиции не происходила, ибо ни одной полемической заметки от оппозиции нигде не появилось. Как трудно Сталину было оформить зиновьевцев в «новую оппозицию» с платформой против ЦК, видно хотя бы из того, что XXII Ленинградская губернская конференция под непосредственным руководством Зиновьева 1 декабря 1925 г. постановила, что она «целиком и полностью одобряет политическую и организационную линии ЦК» («Ленинградская правда», 4 декабря 1925).

После всего этого сталинское большинство ЦК предлагает Зиновьеву и

Каменеву выступить перед XIV съездом партии... с признанием своих ошибок.

Такова была общая атмосфера в партии, когда открылся XIV съезд партии. На нем присутствовало 665 делегатов с решающими голосами и 641 с совещательными. Порядок дня съезда: 1. Утверждение места работы съезда (вместо Ленинграда назначить Москву); 2. Политический отчет ЦК (Сталин); 3. Орготчет ЦК (Молотов); 4. Отчет Ревизионной комиссии (Курский); 5. Отчет ЦКК (Куйбышев); 6. Отчет Коминтерна (Зиновьев); 7. Очередные вопросы хозяйственного строительства (Каменев, доклад был потом снят); 8. О работе профсоюзов (Томский); 9. О работе комсомола (Бухарин); 10. Об изменении партийного Устава (Андреев); 11. Выборы центральных учреждений партии.

В политическом отчете ЦК Сталин, не называя имен, полемизировал с Зиновьевым и Каменевым. Он сказал, что в прошлом году партия имела дискуссию с троцкизмом, но и «нынче мы вступили, к сожалению, в полосу новой дискуссии. Я уверен, что партия быстро преодолет и эту дискуссию и ничего особенного случиться не может. Чтобы не предвосхищать событий и не растравлять людей, я не буду в данный момент касаться существа того, как вели себя тт. ленинградцы на своей конференции... Я думаю, что члены съезда это скажут сами, а я подведу итоги в заключительном слове» (Сталин, Соч., т. 7, стр. 348).

Вот эта явно провокационная выходка Сталина вызвала, на второй день работы съезда, требование Ленинградской делегации предоставить слово Зиновьеву для содоклада по отчету ЦК. Зиновьеву дали слово для содоклада, но со своей задачей подвергнуть аргументированной критике фракционную политику аппарата Сталина и предложить съезду альтернативную политику он явно не справился. Зиновьев затеял бесплодную, чисто догматически-схоластическую полемику о мировой революции, о госкапитализме, о нэпе и только как бы мимоходом сказал о главном и решающем – о судьбе коллективного руководства, то есть о «тройке». Зиновьев начал с перечисления главных трудностей в работе партии. Они, по его мнению, суть: первая трудность – запоздалость мировой революции («начиная Октябрьскую революцию, мы были убеждены, что рабочие других стран нас поддержат в течение месяцев или, во всяком случае, в течение нескольких лет»), вторая трудность – строительство социализма в отсталой стране с огромным преобладанием крестьянства; третья трудность – создание

коллективного руководства в партии после смерти Ленина. Зиновьев, который с таким энтузиазмом хвалил и защищал коллективное руководство («тройку»), когда сам его номинально возглавлял на XII и XIII съездах, только теперь заметил, что он был всего-навсего лишь пешкой в руках Сталина на его шахматной доске. Заметив это, он даже не пришел в особую ярость, а просто продолжал меланхолически философствовать: «только теперь, кажется мне, что это (трудность создания коллективного руководства. – А. А.) выявилось с полной ясностью. Эта трудность не неважна, потому что руководство партией означает в то же самое время руководство государством. Это не только организационный вопрос, но и политическая проблема глубочайшей важности».

Все эти бесплодные догматические ухищрения, теоретические споры, бесконечные цитаты из Ленина как раз и были призваны прикрыть то, что стороны, сталинцы и антисталинцы, боролись не за эту власть над партией и государством, а за чистоту ленинизма. Объявив госкапитализм преобладающей формой промышленности СССР, Зиновьев начал говорить, что есть люди, которые объявляют нэп социализмом, что есть идеализация нэпа и капитализма, нэп есть путь к социализму, но он не социализм... В этом месте протокол съезда отмечает громкие выкрики из зала – «кто так думает?», – «это вопросы политграмоты» и т. д. Растерянный и не привыкший к столь непочтительной реакции тех же самых людей, которые на XII съезде кричали «Да здравствует Ленин, Троцкий и Зиновьев», а не предыдущем XIII съезде из-за физической смерти Ленина и политической смерти Троцкого чествовали только его одного, как вождя Коминтерна и мировой революции, Зиновьев ушел с трибуны под крики негодования съезда и при одобрениях только Ленинградской делегации (Четырнадцатый съезд ВКП (б). Стенографический отчет, 1926, стр. 98-109).

Если Зиновьев по сути говорил больше о теоретических грехах Бухарина, чем о практике Сталина, то Каменев, наконец, вспомнил «Завещание» Ленина и прямо поставил вопрос о снятии Сталина с поста Генерального секретаря ЦК. Каменев заявил, что «мы против теории «вождя», против создания «вождя». Мы против Секретариата (ЦК), который на практике соединил в себе и политику и организацию, став над политическим органом... Мы за то, чтобы Политбюро на деле стало полновластным и в то же время, чтобы Секретариат был ему подчинен и исполнял бы только технические аспекты его решений... Я лично утверждаю, что наш

генеральный секретарь не принадлежит к той категории людей, которые могут объединить вокруг себя старый большевистский штаб». Каменев выдвинул лозунг: «Назад к Ленину!» Каменев добавил, что поскольку он много раз говорил об этом не только Сталину лично, но и другим соратникам Ленина, то он хочет здесь на съезде еще раз повторить: «Я пришел к убеждению, что Сталин не может выполнять роль объединителя большевистского штаба» – на этом месте съездовский протокол отмечает реакцию зала: «Неверно!», «Чепуха!», «Он раскрыл свои карты!» Шум. Аплодисменты со стороны Ленинградской делегации. «Мы не отдадим вам командных высот!» «Сталин! Сталин!» Делегаты встают и чествуют Сталина. Бурные аплодисменты. «Да здравствует т. Сталин!» (там же, стр. 273-275).

Что же делает Троцкий? Он сидит на протяжении всей дискуссии в президиуме съезда в гробовом молчании, а в глубине души, вероятно, злорадствует, как Сталин хоронит теперь тех, руками которых он похоронил его самого на прошлом съезде.

Только еще полтора года назад, на XIII съезде, где по делегациям обсуждали «Завещание» Ленина о необходимости снятия Сталина, на первом же организационном пленуме ЦК того же съезда, где обсуждали заявление самого Сталина об освобождении его от должности генсека, – это именно Зиновьев и Каменев объявили «Завещание» Ленина плодом больной фантазии, а Сталина – незаменимым генеральным секретарем. Вполне вероятно, что новая «тройка» Зиновьев-Каменев-Троцкий на этом XIII съезде была бы в состоянии снять Сталина, хотя категорически утверждать это невозможно. Теперь, однако, если бы даже Троцкий присоединился к Зиновьеву и Каменеву на XIV съезде, положение Сталина осталось бы абсолютно непоколебимым. Тем не менее, Сталин принял все меры, чтобы такое объединение на съезде не произошло. Через своих сторонников (Орджоникидзе, Микоян и др.) он ставил в пример зиновьевцам того же Троцкого, который после его осуждения подчинился дисциплине партии и прекратил критику ЦК. Более того, Сталин напомнил что как раз именно Зиновьев и Каменев еще осенью 1924 г. требовали исключения Троцкого из партии, а он и Политбюро с этим не согласились. Самыми лицемерными оказались два заявления Сталина: 1) нельзя заниматься в партии кровопусканием, 2) после Ленина партией может руководить не один человек, а только коллективное руководство. Эти места из заключительного слова Сталина стоят того, чтобы их привести здесь целиком. Вот первое заявление:

Сталин спрашивал:

«С чего началась наша размолвка? Началась она с вопроса о том, «как быть с Троцким». Это было в конце 1924 года... Ленинградский губком вынес постановление об исключении Троцкого из партии. Мы, т. е. большинство ЦК, не согласились с этим... когда собрался у нас пленум ЦК и ленинградцы вместе с Каменевым потребовали немедленного исключения Троцкого из Политбюро, мы не согласились и с этим предложением... Мы не согласились с Зиновьевым и Каменевым потому, что знали, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, что метод отсечения, метод пускания крови – а они требовали крови – опасен, заразителен: сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, – что же у нас останется в партии? (Аплодисменты)» (Сталин, Соч., т. 7, стр. 379-380).

Мы уже знаем, что Сталин точь-в-точь по этому рецепту поступал сам, приписывая его своим соперникам.

Вот и второе заявление Сталина: «Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича (аплодисменты), глупо об этом говорить. Коллегиальная работа, коллегиальное руководство... вот что нам нужно теперь» (там же, стр. 391).

Хотя сталинцы приписывали лидерам «Новой оппозиции» целую политическую платформу, но ни платформы, ни даже какой-либо единой концепции у оппозиции не было. Даже их выступления на съезде не были согласованы между собою. На них лежит явный отпечаток импровизации, сумбурности, поверхностности, несогласованности. Сталин сразу воспользовался и этой слабостью оппозиции. Сталин говорил: «Пора и о платформе оппозиции поговорить. Она у них довольно оригинальная. Много разнообразных речей у нас было сказано со стороны оппозиции. Каменев говорил одно, тянул в одну сторону, Зиновьев говорил другое, тянул в другую сторону, Лашевич – третье, Сокольников – четвертое... На чем же они сошлись? В чем же состоит их платформа? Их платформа – реформа Секретариата ЦК. Единственное общее, что вполне объединяет их, – вопрос о Секретариате» (там же, стр. 386). В связи с этим Сталин рассказал и историю возникновения данного вопроса. В 1923 г., после XII съезда, как раз в те месяцы, когда Ленин боролся со смертью, а Сталин форсировал сталинизацию партаппарата, Зиновьев, будучи на отдыхе в Кисловодске, имел частное совещание с членами ЦК Бухариным, Ворошиловым, Евдокимовым, Лашевичем. Обсуждался вопрос о политизировании

Секретариата ЦК, превратив его в высший директивный орган из трех лиц: Сталина, Троцкого и Зиновьева («триумвирата»). Цель такой реорганизации ясна – лишить монополии власти «генерального секретаря». Сталин легко разгадал эту цель и отверг план. Искусный тактик, Сталин мотивы своего отказа объяснял иначе. Вот его слова: они «выработали платформу об уничтожении Политбюро и политизировании Секретариата, т. е. о превращении Секретариата в политический и организационный руководящий орган в составе Зиновьева, Троцкого и Сталина. Каков смысл этой платформы? Что это значит? Это значит руководить партией без Рыкова, без Калинина, без Томского, без Молотова, без Бухарина. Из этой платформы ничего не вышло... потому что без указанных товарищей руководить партией нельзя» («Четырнадцатый съезд. Стенографический отчет». Стр. 504-508). В новом издании своего доклада Сталин выбросил из текста имена Бухарина, Рыкова и Томского (Сталин, Соч., т. 7, стр. 386-387), когда выяснилось, что не только возможно без них руководить партией, но возможно и расстрелять их.

Теперь, говорил Сталин, те же самые люди требуют техницизирования Секретариата, не уничтожения Политбюро, а его полновластия: «Что же, если превращение Секретариата в простой технический аппарат представляет действительное удобство для Каменева, может быть, следовало бы и согласиться с этим. Боюсь только, что партия с этим не согласится... Но когда говорят о полновластном Политбюро, то такая платформа стоит того, чтобы отдать ее курам на смех... Разве Секретариат и Оргбюро не подчинены Политбюро? А пленум ЦК? Почему о пленуме ЦК не говорит наша оппозиция? Не думает ли она сделать Политбюро полновластнее пленума?» (Сталин, Соч., т. 7, стр. 387-388).

Словом, оппозиция давно хотела установить в партии диктатуру «триумвирата», а он, Сталин, боролся и борется за коллективное руководство всего ЦК. В глубокой уверенности, что Сталин искренен в этих доводах, его поддержали не только мало знающие Сталина делегаты съезда, но и хорошо его знающие члены ЦК, в том числе и правое крыло Политбюро в лице Бухарина, Рыкова и Томского.

Сталин великолепно понимал, что разгром «Новой оппозиции» есть не только политическая акция, но и важнейшая идеологическая проблема. В такой догматической, идеократической партии великое значение имеет как раз идеологическое обоснование каждой политической акции. Постоянно

надо апеллировать к Марксу, Энгельсу, Ленину, чтобы убедить партию ленинских фанатиков, что прав ЦК (Сталин) и неправа оппозиция. В идеологическом разоблачении сначала троцкизма, а теперь зиновьевского «ленинизма» роль Бухарина была выдающаяся, более того – исключительная. Даже в глазах Ленина он был единственным и выдающимся теоретиком, хотя и с изъянами. Сталин тоже высоко ценил теоретические способности Бухарина и вовсю использовал их как против Троцкого, так и теперь против Зиновьева и Каменева. Поэтому и оппозиция сосредоточила весь огонь своей догматической критики на Бухарине. Сталин с деланным возмущением спрашивал: «Почему не прекращают они (оппозиционеры) травлю против т. Бухарина?.. Чего собственно хотят от т. Бухарина? Вы хотите крови т. Бухарина? Мы не дадим ее вам» («Четырнадцатый съезд...», стр. 504-508). В новом издании своего доклада (1947) Сталин вычеркнул из текста «кровь т. Бухарина», ибо ее он сам пролил позднее, в 1938 г. (Сталин, Соч., т. 7, стр. 384).

Вечный агрессор по своей внутренней природе, в борьбе со своими соперниками Сталин всегда выступает в маске «миротворца». К этому его обязывала, правда, и его должность генерального секретаря, но Сталин эту маску надевал по тактическим соображениям – надо было создать в партии впечатление своей безупречной лояльности даже по отношению к тем из деятелей партии, которые открыто, перед всей партией требовали его собственной, сталинской «крови». С первых же дней болезни Ленина, особенно после разрыва с ним Ленина, Сталин взял за правило косвенно отвечать Ленину и его обвинениям в «Завещании» ортодоксальнейшей защитой ленинизма даже против Ленина. Эту тактику он продолжает и в борьбе с оппозициями. Проект его знаменитых «Вопросов ленинизма» опубликован ровно через неделю после того, как он получил письмо Ленина о разрыве личных отношений (см. «Правду» от 14 марта 1923 г., И. Сталин «К вопросу о стратегии и тактике»). Через два месяца после смерти Ленина он публикует брошюру «Об основах ленинизма» (апрель 1924). В ноябре 1924 г. он публикует брошюру «Троцкизм или ленинизм», а в декабре 1924 года брошюру «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», как предисловие к его книге «На путях к Октябрю». Во всех этих работах одна генеральная идея – канонизация ленинизма в собственной интерпретации. Надо сказать, что на эту же тему писали Зиновьев, Троцкий, Бухарин; Зиновьев – развязно, Троцкий – блестяще, Бухарин –

глубокомысленно, все трое, как и Сталин, канонизировали ленинизм (Троцкий еще хвалился, что он был первым, кто Ленина назвал гениальным), но Ленина понял только один Сталин. Вот почему «Основы ленинизма» Сталина в двадцатых годах стали «бестселлером» в партии. Объявляя Ленина непогрешимым, а ленинизм новой религией, Сталин знал, что он делает, но соперники Сталина, которые хорошо знали, что Ленин вовсе не является «святым», а сам ленинизм носит в себе ядовитые черты партаппаратной тирании, которая легко может переродиться в тиранию государственную, приняли вызов Сталина по созданию культа святости Ленина. И сталинцы и антисталинцы начали соревноваться в вознесении и обожествлении Ленина. Из человека и политика Ленина сделали атеистического бога. Однако в святость этого бога меньше всего верил Сталин, но лучше своих соперников он эксплуатировал такую веру у малоразборчивой армии партаппаратчиков. Выяснилось, что канонизацией Ленина, который не только ошибался много раз, но и которого и съезды партии и ЦК много раз поправляли, все оппозиции против Сталина обрекли себя на гибель. Это и доказал Сталин как в борьбе против Троцкого вчера, в борьбе с Зиновьевым сегодня, как он это докажет в борьбе с Бухариным завтра.

Проанализировав все писания Зиновьева 1925 г. (статьи «О большевизации» и «Философия эпохи», книгу «Ленинизм»), Сталин пришел к выводу, что политика Зиновьева не только враждебна духу ленинизма, но она представляет собой «постоянное вихляние». Вся карьера Зиновьева и при Ленине и после него отличалась, по Сталину, беспрерывным колебанием в сторону от ленинизма. Сталин спрашивал съезд: «Какая гарантия, что Зиновьев не колебнется еще разочек? Но это ведь качка, а не политика. Это ведь истерика, а не политика». Как же быть с таким Зиновьевым? Сталин огласил обращение большинства ЦК к Зиновьеву и Каменеву от 15 декабря 1925 г., за три дня до съезда, в котором предлагались «мир» и «компромисс» с оппозицией, если оппозиция признает свои ошибки, снимет наиболее активных зиновьевцев с занимаемых ими постов в Ленинграде, никто из оппозиции, особенно из членов Политбюро не выступит против линии ЦК (Сталина). За все это ЦК соглашается включить одного из оппозиционеров в члены Секретариата ЦК. Сталин заявил: «Вот какой компромисс предлагали мы, товарищи. Но оппозиция не пошла на соглашение... В основном мы и теперь остаемся на точке зрения этого документа» (Сталин, Соч., т. 7, стр.

389). Зиновьев на съезде вполне резонно заметил, что Сталин предложил не компромисс, а требовал полной капитуляции оппозиции. В заключительном слове Сталин еще раз продемонстрировал свое миролюбие и осудил несговорчивость оппозиции. Заодно Сталин заверил съезд: «Единство у нас должно быть, и оно будет, если партия, если съезд проявит характер и не поддастся запугиванию. (Голоса: «Не поддадимся, тут народ стреляный»)» (там же, стр. 390-391). (Из этого «стреляного народа» – 1 306 делегатов вместе с Зиновьевым и Каменевым – Сталин расстрелял в ежовщину около 80%).

Съезд вынес резолюцию по политическому и организационному отчетам ЦК, в которой было сказано: «XIV съезд ВКП(б) всецело одобряет политическую и организационную линию ЦК» («КПСС в рез.», ч. II, 1954, стр. 73).

За резолюцию голосовало 559 делегатов, против 65 («Четырнадцатый съезд»..., стр. 524). Съезд записал и предупреждение по адресу «новой» или любой будущей оппозиции: «Съезд поручает ЦК вести решительную борьбу со всякими попытками подрыва единства партии, откуда бы они ни исходили и кем бы они ни возглавлялись» («КПСС в рез.», там же, стр. 81). Вся платформа «Новой оппозиции» решительно осуждалась, как антиленинская позиция. Было принято специальное обращение к Ленинградской организации, полное комплиментов по ее адресу и с резким осуждением ее лидеров. Впервые на XIV съезде Сталиным, Рыковым, Бухариным была провозглашена разработанная вместе с Зиновьевым, Каменевым и Троцким программа индустриализации страны, «чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование».

Точно так же впервые на XIV съезде появляется и слово, которое символизирует собою самую кровавую эпоху в истории крестьянства: «колхоз» (там же, стр. 75, 79). Следующий съезд – XV – уже будет назван съездом коллективизации.

Верный своей тактике «миротворца», Сталин проявил определенное «великодушие» во время выборов ЦК. Хотя наиболее активные сторонники «новой оппозиции» были исключены из членов ЦК (Куклин, Залуцкий, Харитонов, Лашевич – последний был оставлен кандидатом), но сами Зиновьев, Каменев, Сокольников и Евдокимов были перевыбраны в члены ЦК, а Н. Крупская – в состав ЦКК.

За счет наиболее отличившихся в борьбе с «новой оппозицией» функционеров членский состав ЦК был увеличен с 53 до 63 человек, а кандидатский состав – с 34 до 43 человек. ЦКК была увеличена со 151 до 163 человек, а Центральная ревизионная комиссия – с 3 до 7 человек. Организационный пленум ЦК 1 января 1926 г. выбрал руководящие органы ЦК: члены Политбюро – Бухарин, Ворошилов (впервые), Зиновьев, Калинин (впервые), Молотов (впервые), Рыков, Сталин, Томский, Троцкий. Кандидаты: Рудзутак, Дзержинский, Петровский, Угланов и Каменев. Члены Секретариата: Сталин (генсек), Молотов, Угланов, Косиор С. и Евдокимов (зиновьевец). Кандидаты: Бубнов, Артюхина.

Члены Оргбюро: Сталин, Молотов, Угланов, Косиор, Евдокимов, Бубнов, Артюхина, Андреев, Догадов, Смирнов А. П. и Квиринг. Кандидаты: Михайлов, Лепсе, Чаплин, Шмидт В. и Уханов. Редактором «Правды» был утвержден Бухарин, а его заместителем Мануильский. Делегация ВКП(б) в Исполкоме Коминтерна была избрана в составе Зиновьева (председатель делегации и председатель Исполкома Коминтерна), Бухарина, Сталина, Каменева и Рыкова; были избраны также кандидаты в члены делегации: Троцкий, Сокольников, Лозовский, Пятницкий и от Украины: Мануильский и Шумский («КПСС в рез.», ч. II, стр. 235, 1953 г.).

Однако «миролюбие» Сталина продолжалось всего пять дней. 5 января 1926 г. новое Политбюро сняло со своих постов Зиновьева (председателя Ленинградского Совета), Каменева (пред. СТО и зам. пред. СНК), сменило все ленинградское руководство.

В грубом нарушении Устава партии и вопреки воле самой партийной организации, даже не созвав губернской партийной конференции, ЦК распустил весь губком партии, назначил новый его состав во главе с С. Кировым.

В Ленинград были направлены члены Политбюро, ЦК, ЦКК, ЦК Комсомола, чтобы завершить разгром районных партийных организаций Ленинграда. Вся эта кампания проводилась под лозунгом «развертывания внутрипартийной демократии». Насколько велико было действие психологического террора сталинского аппарата, говорит итог названной кампании: в декабре 1925 г. Ленинградская партийная организация единодушно, то есть 100% голосовала за «новую оппозицию», а через две недели после XIV съезда – в середине января 1926 г. за «новую оппозицию» голосовало только 3,2%, воздержалось – 0,5%, а за Сталина против Зиновьева голосовало 96,3%

(История КПСС, т. 4, кн. I, стр. 432). Официальный историк партии объясняет такую «быстроту» перехода Ленинградской парторганизации от Зиновьева к Сталину тем, что так быстро и внезапно открылся «обман» оппозиции. Это не комплимент организации, которая совершила Октябрьский переворот. Впрочем, дело вовсе не обстояло так, как описывает официальный историк. Выступая на XV съезде ленинградский делегат, который отошел от оппозиции, Минин засвидетельствовал, как члены Политбюро объявляли решения большинства против ЦК решениями «большинства» за ЦК (см. следующую главу).

Если уж говорить об «обмане», то официальный историк хорошо знает, что великим обманом для его организаторов оказался сам Октябрь в Петрограде. Вот данные: из 24 членов ЦК, политически руководивших Октябрьской революцией в Петрограде, своей смертью умерло 7 человек, убиты врагами 2 чел., убито Сталиным 14 чел.; из 60 членов Военно-революционного комитета (ВРК) Петроградского Совета и его комиссаров, военно-оперативно руководивших Октябрьской революцией, своей смертью умерло 5 чел., убит врагами один человек, убиты Сталиным 54 человека, в том числе такие его выдающиеся руководители как Троцкий, Крыленко, Антонов-Овсеенко, Уншлихт, Невский, Бубнов, Мехоношин, Дыбенко, Смилга, Гусев, Лацис и др.

Подводя общий итог XIV съезда партии, надо констатировать следующий исторический факт: четырнадцатый съезд был последним суверенным съездом в истории партии, на котором еще можно было критиковать ЦК, на котором ЦК еще отчитывался перед съездом, на котором ЦК еще выбирался действительным тайным голосованием. Все последующие съезды партии, вплоть до наших дней, являются таковыми лишь по названию. Ни на одном из этих съездов никогда не раздавалось и не может раздаться ни одного критического слова по адресу ЦК или даже его отдельных руководителей. На этих съездах не ЦК отчитывается перед съездом, а эти сами съезды отчитываются перед ЦК. Не эти съезды выбирают ЦК, а Политбюро и Секретариат ЦК сообщают очередному съезду состав нового ЦК. Съезд, конечно, имеет одно бесспорное право: единогласно голосовать за этот новый состав ЦК. Съезд партии превратился, хотя и в очень импозантную по внешней форме, но в чистейшую, по существу, фикцию власти. Поэтому Сталин был вполне логичен, когда он последний съезд в своей жизни (XIX съезд) созвал только через

четырнадцать лет, хотя Устав гласил, что съезд должен созываться не реже одного раза в три года.

Никаких изменений в характере и функциях съездов не произошло и после Сталина, только стали их вообще созывать. Хотя наследники Сталина постоянно утверждают, что они вернулись после Сталина к «ленинским принципам партийной жизни», но съездам партии не возвращена их прерогатива: выбирать и сменять руководство ЦК. Все смены руководства ЦК после Сталина происходили не на съездах, как этого требуют «ленинские принципы», а путем заговоров аппарата ЦК – заговор против Берия (1953), заговор против Маленкова (1955), заговор против Молотова и молотовцев (1957), заговор против Хрущева (1964). Совсем не надо обладать даром предвидения, чтобы знать, что то же самое будет происходить и дальше. Могут сказать, что некоторые съезды после Сталина имели все-таки «историческое» значение, например, XX и XXII съезды. Такое утверждение было бы неправильным. Не в том историческое значение этих съездов, что они разоблачили Сталина, а в том, что *ЦК на них разоблачил Сталина.* Съезды единогласно голосовали за предложение ЦК осудить Сталина при Хрущеве. Съезды единогласно голосовали бы за предложение ЦК реабилитировать Сталина, если бы это было предложено наследниками Хрущева на последующих съездах партии. Такова цена съездов партии после XIV съезда.

Глава 26

ОБЪЕДИНЕННЫЙ БЛОК ОППОЗИЦИИ

На XIV съезде Зиновьев, все еще отказываясь противопоставить фракционной диктатуре Сталина свою собственную фракцию, предложил партии вернуть к активной партийной работе тех, кого он вместе со Сталиным исключил из политической жизни. Зиновьев говорил:

«Не допуская фракций, оставаясь в вопросах фракций на старых позициях, вместе с тем поручить ЦК привлечь к работе все силы всех бывших групп в нашей партии» («Четырнадцатый съезд. Стенографический отчет», 1926, стр. 467).

Сталин оценил это место речи Зиновьева как «сигнал к подтягиванию всех оппозиционных течений и к объединению их в одну силу» (Сталин, Соч., т. 8, стр. 234). Если это действительно был призыв Зиновьева к бывшим оппозициям, в частности к троцкистской, объединиться против Сталина на съезде, то он отклика не нашел. Троцкисты даже не знали, кого же собственно поддерживать во вновь вспыхнувшей борьбе – Сталина с Бухариным или Зиновьева с Каменевым. Троцкист Карл Радек определенно требовал поддержать Сталина против Зиновьева (Зиновьев выставил, как мы видели, Радека из Коминтерна), а троцкист Мрачковский вообще предлагал вести борьбу на два фронта – и против Сталина, и против Зиновьева. Серьезные разногласия были и среди зиновьевцев о возможности блокирования с Троцким. Ведь начиная с 1920 г., со времени профсоюзной дискуссии, основной профессией Зиновьева и Каменева стало разоблачение Троцкого и троцкизма. На девять десятых антитроцкистская литература партии против Троцкого принадлежала им.

Троцкий не оставался в долгу. Ошибочно считая Зиновьева мотором «тройки», а Сталина лишь «серой скотинкой» и узколобой посредственностью, Троцкий думал, что Сталин в аппарате ЦК выполняет только волю Зиновьева и Каменева. Уму непостижимо, как Троцкий недооценивал Сталина даже после того, как Сталин покончил со всеми своими соперниками: от Троцкого и Зиновьева до Бухарина и Рыкова, – а сам Троцкий очутился в эмиграции. В своей автобиографии, вышедшей в 1930 г., Троцкий давал такую характеристику Сталину:

«– Скажите мне, – спросил Склянский, – что такое Сталин?

Склянский сам достаточно знал Сталина (маршал Еременко говорит в своих мемуарах, что Сталин ему рассказывал, что будучи дважды наркомом он, Сталин, в гражданской войне должен был подчиняться заместителю наркомвоенмора Склянскому. – А. А.). Он хотел от меня определения его личности и вместе объяснения его успехов.

– Сталин, – сказал я, – это наиболее выдающаяся посредственность нашей партии... Победоносная контрреволюция может иметь своих больших людей. Но первая ступень ее, термидор, нуждается в посредственностях, которые не видят дальше своего носа» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 254-255).

Увы, начиная, по крайней мере, с XII съезда (1923) «дальше своего носа» не видели как раз те, которые в 1926 году объединились против

Сталина – Троцкий, Зиновьев, Каменев плюс еще Бухарин, Рыков, Томский, плюс еще весь ЦК, плюс вся партия. Не видели потому, что, считая Сталина «посредственностью» или желая использовать его как партаппаратный инструмент в борьбе друг против друга, они не согласились снять Сталина с поста «генсека» даже тогда, когда это предлагал не только Ленин, но об этом просил сам Сталин. Именно сам Сталин напомнил своим соперникам, что они не видели «дальше своего носа», оставляя его на этом посту. Вот заявление Сталина на октябрьском пленуме ЦК и ЦКК (1927):

«Я на первом же заседании пленума ЦК после XIII съезда просил пленум ЦК освободить меня от обязанностей генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос... и все делегаты единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев *обязали* Сталина остаться на своем посту... Через год после этого я вновь подал заявление в пленум об освобождении, но меня вновь обязали остаться на посту» (Сталин. Соч., т. 10, стр. 175-176).

Если бы Троцкий, Зиновьев, Каменев удовлетворили эту «настойчивую» просьбу Сталина, они, вероятно, умерли бы естественной смертью, а миллионам советских граждан была бы сохранена жизнь. Но вот теперь, весной 1926 г., после того, как Сталин в союзе с зиновьевцами разбил Троцкого (1924), а в союзе с бухаринцами разбил Зиновьева (1925), создается «объединенный блок» троцкистов и зиновьевцев. Его главная цель: свержение Сталина. Однако осуществить эту цель мирными средствами в нынешних условиях, в отличие от 1923-1924 гг., было почти безнадежным делом. Если в 1923 году блок Троцкого-Зиновьева, опираясь на «Завещание» Ленина, легко мог свергнуть Сталина, если в 1924 году блок Троцкого-Зиновьева, опираясь на Ленинградскую организацию (Зиновьев) и Московскую организацию (Каменев, Зеленский) и основываясь на заявлении Сталина, еще имели шансы (правда, только шансы) избавиться от Сталина в рамках партийной легальности, то в 1926 году свергнуть Сталина можно было только *силой*. Объединенная оппозиция взялась за такую форму борьбы, которая была не только безнадежна, но даже и бесцельна. Они хотели средствами пропаганды, дискуссий и бесконечных заверений в верности ленинизму убедить партию в гибельности политики сталинского ЦК, привлечь ее на свою сторону и таким образом на основании Устава цартии снять Сталина. Эта задача безнадежной и бесцельной была потому, что партия, которая волею Ленина с 1921 года находилась в перманентном осадном положении, после XIV съезда фактически перестала быть партией.

Ведь это замечает тот же Троцкий: «Воцарился режим чистой диктатуры аппарата над партией. Другими словами: партия перестала быть партией» (Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 257).

Значит, партия – фикция, а действительная сила – партаппарат. К кому же тогда апеллировала объединенная оппозиция? Она апеллировала к фикции и ей же жаловалась на «диктатуру аппарата». «Делай другому то, чего не хочешь, чтобы делали тебе», – таков, говорят, закон шахматной игры. Лидеры оппозиции им пренебрегли, Сталин его использовал классически. Сталин методически, систематически готовился к физической ликвидации своих соперников. Первым человеком, который это заметил еще в 1925 г., был секретарь Ленинградского губкома, член ЦК Залуцкий, когда он говорил о готовящемся термидоре. Потом в 1926 году об опасности термидора в партии говорили все лидеры оппозиции. Более того, Зиновьев и Каменев были убеждены еще тогда, что Сталин способен организовать против них даже террористический акт.

Анализируя позднейшие события и вспоминая рассказы Зиновьева и Каменева, Троцкий писал, что то, что Сталин станет тираном, можно было предвидеть еще в годы борьбы оппозиции с ним. Вот соответствующее место из рассказа Троцкого:

«Возможно ли извлечь заключение в отношении 1924 г. на основании 1936-1938 годов, когда Сталин уже стал тираном? В 1924 г. он только боролся за власть. Был ли он тогда способен на такой переворот? Все данные из его биографии заставляют нас ответить на этот вопрос положительно...

Чернила и печатное слово кажутся ему слишком незначительной вещью в политической борьбе. Только покойники не настораживают его. После того, как Зиновьев и Каменев в 1925 г. порвали со Сталиным, оба заложили в надежном месте письма: "Если мы внезапно умрем, то знайте, что это дело рук Сталина". Они мне советовали то же самое. "Вы думаете, что Сталин озабочен, как отвечать на ваши аргументы. Ничуть не бывало. Он рассчитывает ликвидировать вас без наказания"» (L. Trotski, „Stalin", p. 417).

К этому Зиновьев добавил: «Он бы вас ликвидировал еще в 1924 г., если бы он не боялся возмездия – террористических актов со стороны части молодежи. Это причина того, что Сталин решил начать с уничтожения кадров оппозиции и отложил ваше убийство до того времени, пока он себя почувствует безнаказанным. Он ненавидит нас, особенно Каменева, так как мы слишком много знаем о нем, но он еще не готов убить нас» (там же, стр.

417).

Эти слова надо было бы признать пророческими, если бы они не были основаны на точном знании психологии Сталина как врожденного преступника. К тому же, убийство политических противников было легитимным правом большевистской революции, признанным не только Лениным и Сталиным, но и Троцким, Зиновьевым, Каменевым. Здесь важно только зафиксировать: в случае окончательного торжества сталинской диктатуры Троцкий, Зиновьев, Каменев знали, что они будут уничтожены физически, знали как раз в те годы, когда они боролись против Сталина чернильным потоком и словесной макулатурой. Чтобы предупредить это, а стало быть, предупредить сталинскую тиранию с ее миллионными издержками человеческих жизней, Троцкий, Зиновьев, Каменев не оказались способными на *насильственный переворот* путем физической ликвидации самого Сталина с полдюжиной его ближайших сопреступников. Какие бы социологические соображения о «системе» или философские рассуждения о неведомых законах революции ни приводили против меня, я все-таки утверждаю: без Сталина история СССР пошла бы по-другому.

Однако как троцкисты, так и зиновьевцы, а потом и бухаринцы органически не были способны стать на путь революционного, насильственного устранения диктатуры аппарата Сталина в силу своей идеологии. Они были рабами коммунизма, а Сталин был его господином. Они до смерти боялись, чтобы из попытки насильственного свержения сталинского режима не вспыхнула народная революция против коммунизма вообще. Слишком свежа была в памяти история Кронштадта. В их глазах Сталин был коммунист, хотя и ошибающийся, а они в глазах Сталина были врагами, которых он собирался, по их же признанию, убить при первой же возможности. Люди, которые, в слепом подражании историческим параллелям, сами себе изобрели жупел «термидор», скорее были способны на самоубийство (как это уже сделали из-за Сталина старые большевики – члены ЦК: троцкист Иоффе, бухаринец Томский, «национал-уклонист» Скрыпник, даже сталинец Орджоникидзе), чем на убийство Сталина. Кроме того, троцкисты и зиновьевцы считали себя людьми идеи и высокой революционной совести, а у Сталина в фокусе всех идей стояла власть, что же касается совести, то он имел о ней очень утилитарное представление: хороши враги с моральным тормозом – тем вернее можешь с ними расправиться. Хороша совесть у соперника, чтобы вернее ею воспользоваться

бессовестному. Если уже говорить о революционной совести самого Сталина, то, перефразируя одного польского писателя, можно было бы сказать: совесть у Сталина всегда была чиста, так как он ею никогда не пользовался. Если политика и мораль у Макиавелли противопоказаны, если нравственные нормы Ленина подчинены его цели, то аморальность Сталина в политике была абсолютного класса. В этом одна из всепобеждающих тайн сталинского тактического мастерства в политической борьбе. Троцкий же имел о морали домакиавеллианское представление. Он писал:

«Только политика, состоящая на службе великой исторической задачи, может обеспечить себе морально безупречные методы действия» (Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 228).

Такими он, конечно, считал свою политику и свои методы. Но это уже предрешало победу Сталина. Правда, в глазах профанов, внешнее целомудрие Сталина и его подчеркнутая лояльность к соратникам могут быть сравнимы только с его революционным аскетизмом и демонстративным безразличием к своим личным интересам. Сталинская нарочитая недооценка самого себя, его подкупающая «скромность», его обезоруживающая «искренность» в борьбе «за партию, через партию, во имя партии», его безоглядная «решительность» пожертвовать самим собой, если этого потребуют интересы дела, – все это производит в те годы исключительное впечатление. В этой роли он – резкий антипод Троцкому и Зиновьеву, которые так кричаще, так грубо лезут в «исторические личности» на первом плане. Чего стоит только одно выступление Сталина в 1926 году в Тифлисе, когда впервые начали создавать ему «культ». Сталин сказал:

«Должен вам сказать, товарищи, по совести, что я не заслужил доброй половины тех похвал, которые здесь раздавались по моему адресу. Оказывается, я и герой Октября, и руководитель компартии Советского Союза, и руководитель Коминтерна, чудо-богатырь и все, что угодно. Все это пустяки, товарищи, и абсолютно ненужное преувеличение. В таком тоне говорят обычно над гробом усопшего революционера. Но я еще не собираюсь умереть» (Сталин, т. 8, стр. 173).

Сталин добавил, что он был «учеником революции» у присутствующих здесь на собрании его старых рабочих-учителей, был «подмастерьем революции» у рабочих-мастеров в Баку, а «там, в России, под руководством Ленина, я стал одним из мастеров революции» (там же, стр. 173-175). Такая манера говорить и такая «скромность» были чужды не только

высокопарному Троцкому, но и заносчивому Зиновьеву, а Сталин не только демонстративно отводил всякие почести и чинопочитания по своему адресу, но еще бросил лозунг: «Скромность украшает большевика». Во что эта «скромность» потом вылилась, конечно, известно, но в то время борьбы за власть против «газетных вождей» (так Сталин называл Зиновьева и Троцкого) «скромность» Сталина импонировала даже его врагам.

Вернемся к истории образования «Объединенного блока» оппозиции Троцкого и Зиновьева.

Послушаем сначала характеристику, которую дает Троцкий своим коллегам по «блоку», а также историю возникновения самого «блока». Троцкий пишет: «В первый период борьбы мне была противопоставлена "тройка". Но сама она была далека от единства. Как Зиновьев, так и Каменев в теоретическом отношении были, пожалуй, выше Сталина. Но им обоим не хватало той мелочи, которая называется характером. Более интернациональный, чем у Сталина, кругозор, приобретенный ими в эмиграции под руководством Ленина, не усиливал, а, наоборот, ослаблял их... Попытка Зиновьева и Каменева хоть частично отстоять интернациональные взгляды превращала их в глазах бюрократии в "троцкистов" второго сорта. Тем неистовее пытались они вести кампанию против меня, чтобы упрочить на этом пути доверие аппарата к себе. Но и эти усилия были напрасны. Аппарат все более явно открывал в Сталине наиболее крепкую кость от своих костей. Зиновьев и Каменев оказались вскоре враждебно противопоставлены Сталину, а когда они попытались из тройки перенести спор в ЦК, то обнаружилось, что у Сталина несокрушимое большинство. Каменев считался официальным руководителем Москвы. Но после того разгрома, какой, при участии Каменева, был учинен над Московской партийной организацией в 1923 г., когда она большинством выступила на поддержку оппозиции, рядовая масса московских коммунистов угрюмо молчала. При первых попытках сопротивления Сталину Каменев повис в воздухе. Иначе сложилось дело в Ленинграде. От оппозиции 1923 г. ленинградские коммунисты были ограждены тяжелой крышкой зиновьевского аппарата. Но теперь очередь дошла и до них. Ленинградских рабочих взволновал курс на кулака и социализм в одной стране. Классовый протест рабочих совпал с сановной фрондой Зиновьева. Так возникла новая оппозиция, в состав которой на первых порах входила и Н. К. Крупская. К великому удивлению для всех и прежде всего для самих себя, Зиновьев и Каменев оказались вынуждены

повторять по частям критику оппозиции (Троцкого) и вскоре были зачислены в лагерь "троцкистов". Немудрено, если в нашей среде сближение с Зиновьевым и Каменевым казалось, по меньшей мере, парадоксом. Среди оппозиционеров было немало таких, которые противились этому блоку. Были даже такие, которые считали возможным вступить в блок со Сталиным против Зиновьева и Каменева. Один из близких моих друзей, Мрачковский, старый революционер и один из лучших военачальников гражданской войны, высказался против блока с кем бы то ни было, и дал классическое обоснование своей позиции: "Сталин обманет, а Зиновьев убежит". Но в конце концов такого рода вопросы решаются не психологическими, а политическими оценками. Зиновьев и Каменев открыто признали, что "троцкисты" были правы против них с 1923 г. Они приняли основы нашей платформы. Нельзя было при таких условиях не заключить с ними блока... При первом же свидании со мною Каменев заявил: "Стоит вам с Зиновьевым появиться на одной трибуне, и партия найдет свой настоящий ЦК..." Каменев явно недооценил ту работу по разложению партии, которую "тройка" произвела в течение трех лет» (Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 263-265).

Троцкий правильно оценивал положение: отсутствие думающей партии, ликвидированной «тройкой» в пользу аппарата, бесхарактерность Зиновьева и Каменева, коварство Сталина, бесперспективность борьбы обычными методами; но вывод отсюда он сделал странный и необъяснимый – заключить блок с бесхарактерными лидерами «новой оппозиции», чтобы бороться со Сталиным методами речей и увещания. Троцкий философствовал о перспективах такой борьбы:

«Мы шли навстречу непосредственному разгрому, уверенно подготовляя свою идейную победу в более отдаленном будущем. Применение материальной силы играло и играет огромную роль в человеческой истории; иногда прогрессивную, чаще реакционную... Но отсюда бесконечно далеко до вывода, будто насилием можно разрешить все вопросы и справиться со всякими препятствиями» (там же, стр. 276-277).

В этом утверждении и заложен ключ к разгадке катастрофы Троцкого – в борьбе со слабой демократией Керенского «применение материальной силы» – категорический императив, а в борьбе с утверждающейся тиранией Сталина – категорическое табу! Чтобы Троцкий вошел в историю как великий революционер, нужны были прямодушный пленник демократии Керенский и его слабый режим, но чтобы доказать, что из революционера

может получиться запоздалый Дон Кихот, нужны были «кинто» – Сталин и его всесильный партийно-полицейский режим. История «Объединенного блока» очень поучительна в этом отношении. Она поучительна и в идеологическом плане – объединенная оппозиция с ее программой форсированной ликвидации нэпа, налогового переобложения крестьянства, искусственного разжигания классовой борьбы, усиления революционных репрессий «диктатуры пролетариата» против «правой опасности» внутри страны, с ее ставкой на мировую «перманентную революцию» за счет жизненных интересов народов СССР – со всей этой программой оппозиция отталкивала от себя не только «разложенную партию», но и широкие слои населения города и деревни. Единственный положительный пункт в ее программе – борьбу против диктатуры партаппаратчиков – народ, да и партия расценивали как драку олигархов между собой за власть.

Сталин, отстаивающий нэп, отвергающий репрессии, осуждающий искусственное разжигание классовой борьбы; Сталин – союзник «правого оппортуниста» Бухарина с его проповедью «мирного врастания кулака в социализм» и зажигательным капиталистическим лозунгом по адресу крестьянства – «Обогащайтесь!» (правда, Сталин тут делал свои оговорки, имея в виду будущий план разгрома Бухарина), отвергающий авантюри-стическую политику «подталкивания мировой революции» Троцкого; Сталин, проповедующий «социализм в одной стране», означающий, по его интерпретации, строительство общества материального изобилия и высокого стандарта жизни; наконец, Сталин, проповедующий мир не только с капиталистами, но и с социалистами (Англорусский профсоюзный комитет) и с националистами (вхождение китайской компартии в Гоминдан Чан Кай-ши), – вот этот умеренный, спокойный, миролюбивый Сталин куда больше импонировал народу, чем вечно беспокойный, агрессивный «перманентный революционер» Троцкий. Даже мировая буржуазия сочувствовала «национал-коммунисту» Сталину, а не интернационалисту Троцкому. Раковский говорил на XV съезде: «У меня в руках "Нью-Йорк таймс". В нем напечатано: "Сохранить оппозицию означает сохранить то взрывчатое вещество, которое заложено под капиталистический мир"» («XV съезд ВКП(б). Стен. отч.», стр. 212).

Троцкий жил вчерашним днем революции, а Сталин – сегодняшним днем комфортабельной власти. Началась другая эпоха, которой нужны были другие лозунги. Сложилась другая элита, которой нужны были другие

вожди. Троцкий сам это видел, когда писал:

«Идеи первого периода революции теряли незаметно власть над сознанием того партийного слоя, который непосредственно имел власть над страной. В самой стране происходили процессы, которые можно охватить общим именем реакции. У того слоя, который составлял аппарат власти, появились свои самодовлеющие цели… Создавался новый тип… Когда кочевники революции перешли к оседлому образу жизни, в них пробудились, ожили и развернулись обывательские черты, симпатии и вкусы самодовольных чиновников… "Не все же и не всегда для революции, надо и для себя", – это настроение переводилось так: "долой перманентную революцию!"» (Л. Троцкий, там же, стр. 242-246).

Да, страна хотела отдохнуть от «перманентной революции», а партаппаратчики хотели пожать плоды уже проделанной революции: превратить завоеванную власть в источник благополучия и славы. На волнах этой стихии звезда Сталина восходила, а звезда Троцкого закатывалась.

Первая размолвка после XIV съезда Троцкого со Сталиным и первая «стыковка» его с Зиновьевым и Каменевым произошли на апрельском пленуме ЦК (1926). Началось это не с политики, а с экономики. Во время обсуждения на этом пленуме доклада Рыкова о хозяйственных задачах Каменев, Зиновьев и Троцкий внесли ряд поправок и практических предложений: ликвидировать товарный голод в стране путем увеличения производства товаров ширпотреба, обложить зажиточную часть деревни высоким налогом (это предложение касалось около 15% крестьянского населения), наметить более ускоренные темпы индустриализации, чем это предлагалось в проекте ЦК (за это предложение троцкисты были названы Сталиным «сверхиндустриализаторами»), а чтобы стимулировать поднятие производительности труда, повысить номинальную и реальную зарплату рабочих. Эти требования сталинцы квалифицировали на пленуме… как «меньшевистские», а требование о повышении зарплаты, как «демагогическое» («История КПСС», т. 4, кн. I, стр. 446-447). Впрочем, коренной тактический недостаток всей платформы объединенной оппозиции в том и заключался, что в ней не было именно «демагогигических требований», рассчитанных на завоевание симпатии и популярности в народе, тогда как вся программа сталинцев была насквозь демагогична. Приведем только два примера. По решающему вопросу об источниках финансирования индустриализации («первоначальное социалистическое накопление»)

оппозиция (Преображенский, Г. Сокольников, Л. Шанин) считала, что ее надо финансировать за счет выкачивания средств из деревни, а Сталин считал, что это явилось бы грабежом крестьянства. Выступая с докладом об итогах апрельского пленума в Ленинграде, Сталин говорил:

«У нас есть в партии люди, рассматривающие крестьянство... как объект эксплуатации для промышленности, как нечто вроде колонии для нашей индустрии. Эти люди – опасные люди... Мы не можем согласиться с теми товарищами, которые требуют усиления нажима на крестьянство в смысле чрезмерного увеличения налогов, в смысле повышения цен на промышленные изделия» (Сталин, Соч., т. 8, стр. 142).

Даже послесталинская новейшая «История КПСС», после того уже, как Сталин, целиком приняв программу троцкистов и зиновьевцев, провел индустриализацию путем «военно-феодальной эксплуатации крестьянства» (Бухарин), писала:

«Их предложения вели к несовместимому с социализмом созданию промышленности путем *ограбления крестьянства»* («История КПСС», т. 4, кн. I, стр. 446).

Как будто сталинская «сплошная коллективизация» на основе ликвидации зажиточного крестьянства и тотальной конфискации его имущества, даровой принудительный труд этого крестьянства в концлагерях, нищенская оплата труда оставшихся крестьян в колхозах, – как будто все это не было «ограблением крестьянства»!

Другой пример. Оппозиция предлагала за счет увеличения вывоза продуктов сельского хозяйства ввозить необходимое машинное оборудование для ускорения темпов индустриализации. Сталин это предложение наркома финансов Сокольникова назвал, по аналогии с американским планом репараций для Германии, «планом Дауэса» для СССР, который направлен против интересов рабочих и крестьян. «Озабоченный», высоким стандартом их жизни, Сталин говорил на пленуме:

«Мы не можем сказать, как это говорили в старое время: "Сами недоедим, а вывозить будем". Мы не можем этого сказать, так как рабочие и крестьяне хотят кормиться по-человечески, и мы их целиком поддерживаем в этом» (Сталин, Соч., т. 8, стр. 128).

Даже больше. Сталин предлагал, чтобы рабочие получали сельскохозяйственные продукты, а крестьяне промышленные продукты подешевле и в изобилии. Вот его предложение на том же апрельском

пленуме:

«Нужно принять меры к снижению розничных цен на продукты промышленности и на продукты сельского хозяйства» (там же, стр. 127).

Но делал Сталин совершенно противоположное тому, что говорил. Эту двурушническую натуру Сталина засвидетельствовал нам не какой-либо антисоветский орган, а сам орган ЦК КПСС, когда писал:

«В работе Сталина последовал разрыв теории с практикой. Во многих случаях он поступал прямо противоположно тому, что совершенно правильно говорил и писал» («Коммунист», № 5, 1956, стр. 25).

Что Сталин меньше всего хотел мира с оппозицией, а на XIV съезде только лавировал, не будучи уверен в столь легкой победе над «новой оппозицией» в Ленинграде, показывает отказ Сталина от компромисса январского пленума ЦК (1926).

На этом пленуме, как указывалось, Г. Евдокимов, один из лидеров «новой оппозиции» из Ленинграда, был введен в состав Оргбюро и назначен одним из секретарей ЦК, а Зиновьев оставлен членом Политбюро. Теперь, на апрельском пленуме, подводятся итоги успешного разгрома зиновьевского руководства в Ленинграде и заодно выносится постановление: «Пленум освобождает т. Евдокимова, согласно его просьбе, от обязанностей секретаря ЦК», хотя, конечно, никакой просьбы Евдокимова не было («ВКП(б) в рез.», ч. II, 1933, стр. 937). Куда безопаснее держать в безвластном Политбюро Зиновьева, чем иметь его помощника свидетелем во всевластном Секретариате.

Это только ускорило процесс объединения зиновьевцев как с троцкистами, так и с другими оппозиционными течениями в партии. В мае-июне уже оформляется новый «Объединенный блок» оппозиции. Сюда входят лидеры и активные представители «новой оппозиции», «левой оппозиции», «рабочей оппозиции», группы «децистов», группы «левых коммунистов», «рабочей группы». Это был блок обезоруженных партийных генералов даже без обезоруженной армии. Это был блок генералов, обезоруживших друг друга в пользу Сталина, сами того не ведая. Это был блок прозревших: оказывается, действительный враг у всех был один – Сталин.

Прозрение, однако, пришло слишком поздно. История перевернула новую главу. Сталин укрепился в седле власти так прочно, что никакая оппозиционная критика ему не страшна, тем более, что договорились не

прибегать к «применению материальной силы» против Сталина. Поэтому Сталин с полным правом назвал этот блок Троцкого-Зиновьева блоком «оскопленных» (Сталин. Соч., т. 8, стр. 243). Это был, наконец, блок догматиков с невероятной идейной амальгамой, грубейшими тактическими просчетами, полным невежеством в понимании природы и функционирования той новой партийно-полицейской машины, которую Сталин создал на их же глазах. Невежество оппозиции в этом факте всемирно-исторического значения было настолько велико, что даже в 1940 году Троцкий продолжал упорствовать: «Сталин овладел властью не в силу своих личных качеств, а при помощи безличной машины. Не он создал машину, а машина создала его» (L. Trotski, „Stalin", p. XV).

Историческая несостоятельность этого тезиса настолько очевидна, что в своей «Технологии власти» (1959) я ограничился по этому поводу только следующим замечанием: «В этой книге я прихожу к обратным выводам: во-первых, как мастер власти (это ведь главное в политике) Сталин превзошел не только Троцкого, но и Ленина; во-вторых, именно Сталин создал "машину", а потом машина создала Сталина. Прежде, чем это случилось, Сталин начисто уничтожил ленинскую партийную машину и ленинские партийные кадры. Только через это лежал путь к единовластию» (А. Авторханов, «Технология власти», Предисловие, ЦОПЭ, Мюнхен, 1959 г.).

Трагедия «Объединенного блока» заключалась в том, что вновь созданную Сталиным партийно-полицейскую машину он продолжал считать все еще «ленинской», которую нельзя разрушить, но «ошибки» которой нужно и можно исправлять при помощи магических цитат из Маркса, Энгельса, Ленина и даже самого Сталина. Когда Зиновьев организовал такую груду цитат против Сталина на VII расширенном пленуме Исполкома Коминтерна в декабре 1926 г., то Сталин дал ответ, в котором цинизм вполне гармонирует со здравым смыслом. Вот его ответ:

«Я хотел бы сказать несколько слов об особой манере Зиновьева цитировать классиков марксизма... (Зиновьев) отрывает отдельные положения и формулы Маркса и Энгельса от их живой связи с действительностью, превращает их в обветшалые догмы... Чего только не сделал Зиновьев, чтобы надергать целую груду цитат из сочинений Ленина и "ошеломить" слушателей. Зиновьев, видимо, думает, что чем больше цитат, тем лучше... Спрашивается: для чего понадобились такого рода цитаты Зиновьеву? Видимо, для того, чтобы "ошеломить" слушателя грудой цитат и

намутить воду» (Сталин, Соч., т. 9, стр. 86, 94, 95-96).

Приводить в свое оправдание груду цитат из Маркса, Энгельса, Ленина – значит по Сталину – «намутить воду!» Сталин вдалбливал в незадачливые головы оппозиции, что любые принципы из «священного писания» Маркса и Ленина он готов выбросить за борт партийного корабля, если из-за них корабль сядет на мель или они начнут приходить в противоречие с интересами его личной власти. Сталин приводил пример, как он вместе с другими делегатами Стокгольмского съезда РСДРП (1906) «хохотал до упаду», как в Крыму социал-демократы искали цитату из Маркса. Сталин рассказал, что черноморские матросы обратились к партийному комитету с предложением: вы, социал-демократы, призывали нас восстать против царизма, теперь мы решили следовать этому призыву и просим ваш совет и руководство. Сталин продолжал: «Матросы и солдаты ушли в ожидании директив, а социал-демократы созвали конференцию для обсуждения вопроса. Взяли первый том "Капитала", взяли второй том "Капитала", взяли, наконец, третий том "Капитала". Ищут указаний насчет Крыма, Севастополя, насчет восстания в Крыму. Но ни одного, буквально ни одного указания не находят в трех томах "Капитала" ни о Севастополе, ни о Крыме, ни о восстании матросов и солдат. Перелистывают другие сочинения Маркса и Энгельса, ищут указаний, – все равно никаких указаний не оказалось. Как же быть? А матросы уже пришли, ждут ответа. И что же. Социал-демократам пришлось признать, что при таком положении вещей они не в силах дать какого бы то ни было указания матросам и солдатам» (там же, стр. 93-94).

Сталин допускал, что в этом рассказе имеются преувеличения, но он ехидно издевался над лидерами оппозиции, которые по-рабски связывают себя цитатами и, не заглянув в «святцы», не решаются бороться даже с ним, со Сталиным. Сталин заключил: «Этот рассказ довольно метко схватывает основную болезнь зиновьевской манеры цитирования» (там же, стр. 94).

В отличие от лидеров объединенной оппозиции, ее рядовые деятели куда лучше понимали, что никакими цитатами Сталина не убедишь. Сталин фактически создал новую партию. Ей можно было противопоставить тоже только новую партию. Обоснованию такой идеи служила статья Я. Оссовского в журнале «Большевик», которую Сталин разрешил напечатать явно в провокационных целях против оппозиции. Намеренно передергивая ее мысли, официальный историк пишет: «Он требовал легализации фракций в ВКП (б), права создавать другие партии, восстановления партии мень-

шевиков и эсеров» («История КПСС», т. 4, кн. I, стр. 452).

Первая попытка по созданию новой большевистской партии была предпринята после апрельского пленума 1926 года ответственным работником Коминтерна Гр. Беленьким и кандидатом в члены ЦК, заместителем наркомвоенмора и Реввоенсовета М. Лашевичем. Вот, что об этом говорится в официальном документе ЦК от 23 июля 1926 г.:

«Оппозиция не удержалась в своей борьбе на почве законного отстаивания своих взглядов в рамках партийного Устава... прибегнув в своей борьбе с партией к попыткам создания нелегальной фракционной организации, противопоставленной партии... Особо должно быть отмечено нелегальное фракционное собрание в лесу, близ Москвы, устроенное работником ИККИ Гр. Беленьким, ... по всем правилам конспирации... На этом тайном от партии собрании с докладом выступает кандидат в члены ЦК ВКП(б) Лашевич, призывая собравшихся организоваться для борьбы... Растущая фракционность "новой опозиции" привела ее к игре с идеей двух партий» («КПСС в рез.», ч. II, стр. 161-162).

Такой идеей, конечно, не играли ни Зиновьев, ни Каменев, ни даже Троцкий. Идея исходила от среднего звена оппозиции через голову ее вождей. Председатель ЦКК, выступая на июльском объединенном пленуме ЦК и ЦКК, обвинил Зиновьева в фактическом руководстве опозиционной деятельностью по созданию второй большевистской партии, используя для этой цели аппарат Исполкома Коминтерна. Впервые на этом же июльском пленуме создание «Объединенного блока» оппозиции стало политическим и юридическим фактом. Троцкий выступил на нем с «Заявлением 13», подписанным Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Сокольниковым, Пятаковым, Евдокимовым, Радеком и др. Его основное содержание сводилось к следующему.

1. Непосредственной причиной обостряющихся кризисов в партии является бюрократизм, который особенно расцвел после смерти Ленина и продолжает расцветать. ЦК правящей партии имеет в своем распоряжении для действия по отношению к партии не только идеологические и организационные средства, то есть партийные средства, но и государственные, и экономические средства. Ленин всегда считался с тем, что концентрация административной власти в руках партии приведет к бюрократическому давлению на партию. Из этого как раз родилась идея Ленина о создании Центральной Контрольной Комисии (ЦКК), которая, не имея

административной власти, будет иметь всю власть, необходимую для борьбы с бюрократизмом, для защиты прав членов партии свободно выражать свое мнение и голосовать, руководясь своей совестью и не боясь каких-либо взысканий. Между тем, ЦКК стала на деле не только чисто административным органом, который помогает совершать репрессии другим бюрократическим органам, но ЦКК выполняет также роль наказывающего органа, давит всякую независимую мысль в партии, любой критический голос, любые критические замечания по адресу определенных лидеров партии. Невыполнение единогласно принятой резолюции ЦК от 5 декабря 1923 года о развертывании внутрипартийной демократии, о свободе членов партии высказывать свободно свое мнение ведет к созданию фракций. Это подтверждается делом Лашевича, Беленького, Чернышева. Было бы преступной слепотой представить это дело как результат злой партийной воли отдельных лиц и групп. На деле перед нами совершенно очевидное последствие существующего курса ЦК, когда люди могут свободно говорить только на верхах партии, а внизу, в самой партии вынуждены делиться своими мыслями тайно или держать их при себе. Никто не осмеливается высказаться критически на партийных собраниях. Партийная масса только слушает речи представителей партийного аппарата и резолюции принимаются не иначе, как «единогласно».

2. Совершенно очевидно, что решения, принимаемые руководящими центрами, игнорируя методы партийной демократии, партия не считает своими решениями. Расхождение между направлением экономической политики и направлением чувств и мыслей пролетарского авангарда неизбежно вызывает репрессии и придает всей политике административно-бюрократический характер.

Отставание индустрии в экономическом развитии страны понижает роль пролетариата в обществе. Отставание влияния индустрии в сельском хозяйстве и быстрый рост кулака уменьшает в деревне влияние наемных рабочих и беднейшего крестьянства, а также их веру в государство и самих себя. Отставание заработка рабочих от роста жизненного стандарта непролетарских элементов в городе неизбежно означает падение политического и культурного самоуважения пролетариата как руководящего класса.

3. Текущий год вновь засвидетельствовал, что государственная индустрия отстает... Развитие в сторону социализма обеспечено только в том случае, если темпы развития индустрии не будут отставать от общих темпов

экономического развития, систематически поднимая страну к техническому уровню более развитых капиталистических стран. Каждая вещь должна быть подчинена этой задаче, одинаково важной как для пролетариата, так и для крестьянства.

4. Между тем, партия с тревогой следит за тем, что решение XIV съезда об индустриализации не выполняется, как и не выполнялось и решение о внутрипартийной демократии. В этом фундаментальном вопросе жизни и смерти Октябрьской революции партия не может и не хочет играть в прятки… Партия хочет знать, думать, проверять, решать. Существующий режим не хочет допустить этого. Отсюда и происходит секретное распространение партийных документов, как это было в «деле» Лашевича.

5. Под видом укрепления союза бедноты со средним крестьянством мы наблюдаем постоянное и регулярное политическое подчинение беднейшего крестьянства среднему крестьянству, а через него – кулаку.

6. Пролетариат в нашем государстве не достигает и двух миллионов человек, вместе с транспортными рабочими он составляет менее трех миллионов. Советские, профсоюзные, кооперативные и другие служащие вместе взятые составляют число, не уступающее числу пролетариата. Уже одно это свидетельствует о колоссальной политической и экономической роли бюрократии. Отсюда совершенно очевидно, что государственный аппарат по своему составу и уровню жизни его носителей в подавляющей мере является буржуазным и мелкобуржуазным, отдаляется от пролетариата и беднейшего крестьянства в направлении удовлетворения интересов новой буржуазии и кулаков. Сколько раз Ленин предупреждал нас от бюрократического извращения государственного аппарата и о необходимости, чтобы профсоюзы защищали интересы рабочих от этого аппарата, тогда как партбюрократ как раз в этой области заражен опаснейшим самообманом.

7. В 1920 году на партийной конференции под руководством Ленина было решено, что при переброске коммунистов недопустимо руководствоваться иными соображениями, как деловыми: недопустимы какие-либо репрессии против членов партии из-за того, что они по тому или иному вопросу или по какому-либо постановлению партии думают иначе. Вся нынешняя практика противоречит этому постановлению. Вместо дисциплины – субординация членов партии партаппарату. Товарищи, на которых партия могла бы опираться в трудные моменты, массами удаляются из

руководящих органов, многие переброшены в дальние края, сосланы, преследуются, а на их место набирают случайных, но покорных людей. Теперь эти бюрократические грехи партийного режима вылились в обвинения против Лашевича и Беленького, которых партия знает более чем два десятилетия как дисциплинированных и преданных членов. Обвинение против них на деле есть поэтому обвинение против бюрократического извращения партаппарата.

Значение твердо спаянного централизованного аппарата большевистской партии не нуждается в объяснении. Без него пролетарская революция невозможна. В своем большинстве он состоит из преданных рабочему классу людей. При правильном руководстве и при надлежащем распределении сил многие партийные работники будут помогать осуществлению партийной демократии.

8. Бюрократический режим распространяется и в жизни заводов и фабрик, подобно ржавчине. Если члены партии на деле лишены права критиковать райком, обком или ЦК, то на предприятиях они лишены права критиковать их руководителей. Члены партии запуганы. Администратор, способный, как лояльное лицо, обеспечить себе поддержку вышестоящей партийной организации, тем самым застраховывает себя против критики низов и нередко ограждает себя от ответственности за плохое управление или даже за тупость.

В строящейся социалистической экономике основным условием экономного расходования национальных ресурсов является действенный контроль масс, прежде всего рабочих на предприятиях. До тех пор, пока они не могут открыто критиковать недостатки и беспорядки, называя виновных по имени, без того, чтобы не быть исключенными из ячейки или снятыми с работы как оппозиционеры, борьба за режим экономии и за производительность труда неизбежно превращается в бюрократическую затею за счет жизненных интересов рабочих. Это как раз и происходит сейчас.

9. Выпрямить линию партии означает выпрямить ее международную линию. Мы должны отбросить в сторону все сомнительные пережитки новшества, которые представляют дело так, будто победа социализма в нашей стране не связана неразрывно с борьбой европейского и мирового пролетариата за власть. Мы строим социализм и будем его строить. Колониальные народы борются за независимость… Социализм победит в нашей стране в прямой связи с европейской и мировой революцией и с

борьбой Востока против империалистического ига.

10. Идея, что механическим соглашением с так называемой оппозицией возможно расширить рамки партийной демократии, есть грубый самообман. На основе всего своего опыта партия не может верить этому. Методы механического осуждения подготовят новые расколы и раскалывания, новые снятия, новые исключения, новое давление на всю партию. Такая система неизбежно сузит руководящую верхушку, уменьшит ее авторитет и принудит ее заменять свой идеологический авторитет удвоенным и утроенным давлением. Партия должна положить конец этому губительному процессу. Ленин доказал, что твердо руководить партией не значит душить ее.

11. Нет ни малейшего сомнения, что партия в состоянии разрешить свои трудности. Идея, что нет пути к единству партии, – бессмыслица. Есть такой путь. Только на основе партийной демократии возможно здоровое коллективное руководство. Иного пути нет. В борьбе и работе на этом единственно правильном пути Центральному Комитету обеспечена наша поддержка целиком и полностью (A Documentary History of Communism, ed. by R. V. Daniels, Random House, № 4, p. 280-286), Архив Троцкого, мой сокращенный обратный перевод. – А. А.).

Внимательный анализ «Заявления 13» показывает, что оно в отношении критики партаппаратного режима лишь повторяет то, что говорилось по этому поводу в единогласно принятом решении Политбюро от 5 декабря 1923 г. Последнее решение, по замыслу его авторов, в частности Троцкого и отчасти Зиновьева и Каменева, было направлено на то, чтобы вернуть партаппарат под контроль партии, лишить Сталина той «необъятной власти», которой, по Ленину, завладел Сталин, став во главе этого аппарата. Такая же была цель Зиновьева, когда он в том же 1923 году представил проект о создании триумвирата «Троцкий-Сталин-Зиновьев) вместо Генерального секретаря. Разгадав истинное намерение Зиновьева, Сталин тогда ответил решительным отказом, выразив одновременно угрозу об отставке, которая не была ни искренней, ни серьезной. Вот его ответ: «Я готов очистить место без шума, без дискуссии, открытой или скрытой, и без требования гарантий прав меньшинства» (Сталин, Соч., т. 7, стр. 387).

Авторы «Заявления 13» теперь хотят, чтобы Сталин выполнил свое обещание и «без шума очистил место». Одновременно объединенная оппозиция считает необходимым сделать реверансы в сторону той большой

армии партаппаратчиков, на которых опирается Сталин, в ложной надежде оторвать ее от Сталина. Это была тщетная попытка. Партийная бюрократия слишком хорошо понимала, что падение Сталина – ее историческое поражение.

Самое сенсационное и, может быть, неожиданное для Сталина было то, что в этом оппозиционном документе впервые со времени революции стояли рядом с подписью Троцкого и подписи Зиновьева и Каменева, долголетних непримиримых врагов Троцкого. Не менее сенсационными оказались и их объяснения. Они амнистировали друг друга, отрекались от своих старых взаимных обвинений и политических доктрин. Эту катастрофическую, обстоятельствами не вызываемую, тактическую оплошность Сталин использовал не без успеха. Сталин говорил о блоке беспринципных людей. Прежде всего, послушаем лидеров блока, в чем заключалась их «взаимная амнистия». В нашем распоряжении находится сборник документов «Партия и оппозиция», изданный типографией ЦК ВКП (б) в 1927 г. На титульном листе сборника стоит гриф: «Совершенно секретно. Только для членов ВКП (б)». Хотя при подборе документов оппозиции применяется обычный еще тогда метод подтасовки, но все же ценность этого сборника исключительна, тем более, что даже через почти полвека «Протоколы ЦК» не публикуются. Для данной главы мы используем эти официальные документы с тем вниманием, которое они заслуживают как неоценимый первоисточник.

Еще 26 июня 1926 года на заседании президиума ЦКК Зиновьев сделал следующее заявление:

«Было такое печальное время. Вместо того, чтобы нам – двум группам настоящих пролетарских революционеров – объединиться вместе против сползающих Сталина и его друзей, мы, в силу ряда неясностей в положении вещей в партии, в течение пары лет били друг друга по головам, о чем весьма сожалеем и надеемся, что это никогда не повторится» («Партия и оппозиция по документам. Материалы к XV съезду ВКП (б)». Выпуск первый. Издание Агитпропа ЦК ВКП (б). Только для членов ВКП (б). Москва, 1927, стр. 23).

Выступая на июльском пленуме ЦК и ЦКК (1926), Зиновьев заявил, что в борьбе против «тройки» в 1923 г. «левая оппозиция» Троцкого оказалась права. Зиновьев:

«У меня было много ошибок. Самыми главными своими ошибками я считаю две. Первая моя ошибка 1917 г. всем вам известна. Вы знаете, как

резко ее осудил т. Ленин, но вы знаете, что т. Ленин считал, что я эту ошибку исправил... Вторую ошибку я считаю более опасной, потому что ошибка 1917 г., сделанная при Ленине, Лениным была исправлена, а также и нами при его помощи через несколько дней, а ошибка моя 1923 года заключалась в том, что...

Орджоникидзе. Что же вы морочили голову всей партии?

Зиновьев. Мы говорим, что сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что *основное ядро оппозиции* 1923 г., как это выявила эволюция руководящей ныне фракции, *правильно* предупреждала об опасностях сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима. Между тем, десятки и сотни руководителей оппозиции 1923 г., в том числе и многочисленные старые рабочие большивики, закаленные в борьбе, чуждые карьеризма и угодливости, несмотря на всю проявленную ими выдержку и дисциплину, остаются по сей день отстраненными от партийной работы... Вот эволюция (шум, звонок председателя) Бухарина, Смирнова, Томского и ряда других товарищей вполне оправдала то, что говорил о сползании некоторых товарищей Троцкий и что указано в тех пунктах, которые мы приводим в декларации о вашем сползании и вашем оппортунизме. Да, *в вопросе о сползании и вопросе об аппаратно-бюрократическом зажиме Троцкий оказался прав против вас»* (там же, стр. 24).

Выступавший после Зиновьева, Троцкий признал, что в «Уроках Октября» он стрелял не по адресу: «Несомненно, что в "Уроках Октября" я связывал оппортунистические сдвиги политики с именами т.т. Зиновьева и Каменева. Как свидетельствует опыт идейной борьбы внутри ЦК, это было грубой ошибкой. Объяснение этой ошибки кроется в том, что я не имел возможности следить за идейной борьбой внутри семерки и вовремя установить, что оппортунистические сдвиги вызывались группой, возглавляемой Сталиным, против т.т. Зиновьева и Каменева» (там же, стр. 23).

Эту взаимную амнистию троцкистов и зиновьевцев мы назвали катастрофической тактической ошибкой, потому что она без какого-либо выигрыша давала возможность Сталину и его группе обвинить Троцкого и Зиновьева в беспринципности и наглядно иллюстрировать это обвинение на документах богатой полемической литературы Троцкого и Зиновьева друг против друга. Пропагандная машина Сталина теперь занялась интенсивным,

массовым переизданием этой литературы. Не очень смышленному в тонкостях «высокой политики» партийному середняку партийная пропаганда вдалбливала в голову весьма доходчивую, безусловно правдивую мысль: Троцкий и Зиновьев не имеют никакой другой идеи, кроме того, что они просто хотят занять места Сталина и Бухарина! Вот в борьбе за эту личную власть, доказывала официальная пропаганда, троцкисты и зиновьевцы готовы пожертвовать любыми своими былыми принципами. В партии, которая была воспитана на тезисе Ленина «принципиальная политика есть самая верная политика», беспринципность считалась тягчайшим грехом. Сталин играл на этом чувстве партийного фанатика, когда ответил Троцкому и Зиновьеву обвинением их именно в этой беспринципности. Сталин сказал:

«Тов. Троцкий, отрекается от своих "Уроков Октября", отказывается "связать оппортунистические сдвиги политики с именами т.т. Зиновьева и Каменева". Эта беспринципная амнистия Зиновьева и Каменева нужна Троцкому для обмена на такую же амнистию Троцкого со стороны товарищей Зиновьева и Каменева. Выходит, что Ленин был неправ, называя октябрьские ошибки Зиновьева и Каменева "не случайностью" и т. Троцкий берется теперь поправить Ленина» (там же, стр. 24).

Но первым человеком, кто «беспринципно» амнистировал Зиновьева и Каменева и «поправил» Ленина, был сам Сталин, когда те были его союзниками против Троцкого. Выступая в ноябре 1924 г. против «Уроков Октября» и в защиту Зиновьева и Каменева, Сталин говорил, что с Зиновьевым и Каменевым в октябре 1917 г. «разногласия длились всего несколько дней, потому и только потому, что мы имели в лице Каменева и Зиновьева ленинцев, большевиков» (Сталин, Соч., т. 6, стр. 327).

Объединенная оппозиция попыталась отвести обвинения в «беспринципности» ссылками на свою неосведомленность о закулисной игре и подлинных целях сталинской группы в руководстве ЦК. В устах людей, которые сидели рядом со Сталиным в Политбюро со дня его организации, такие аргументы были просто смешны. Уже одного признания, что Троцкий и Зиновьев дрались между собой из-за незнания положения в партии и стране, было достаточно для их дисквалификации как политиков. Но как раз в этом «невежестве» они признавались в своей платформе. Вот соответствующее место из нее: «Мы отметаем, как попытку с негодными средствами, стремление группы Сталина "перекрыть" взгляды оппозиции, изложенные в

данной платформе, ссылками на былые разногласия, существовавшие между группами 1923 и 1924 гг. Эти разногласия в настоящее время изжиты на основе ленинизма.

Ошибки и преувеличения, допущенные обеими группами большевиков (т. е. троцкистами и зиновьевцами. – А. А.) в спорах 1923-1924 гг. в силу ряда *неясностей в положении вещей в партии и в стране,* ныне исправлены и не являются помехой для дружной совместной борьбы против оппортунизма за ленинизм» («Партия и оппозиция по документам», стр. 24).

Вообще говоря, «Заявление 13» в нормальной партии и при обычном «генсеке» не представляло бы ничего сенсационного и противозаконного. Но поскольку дело происходило в «партии особого типа», по терминологии самих большевиков, а Сталин тоже оказался «генсеком» «особого типа», то это заявление было истолковано не как критика политики партаппарата, а как подготовление к созданию новой партии для захвата власти. Председатель ЦКК – этого вернейшего инструмента сталинского руководства против оппозиций – Куйбышев и его помощник Янсон сообщили пленуму факты, которые должны были доказать тезис о создающейся «второй партии». Куйбышев говорил, что оппозиционеры создают новую конспиративную организацию на тех же принципах, на каких ее создавали большевики в условиях царского абсолютизма – со своими тайными связями, явками, патрулями. Янсон даже огласил шифр, который установил Гр. Беленький для конспиративной переписки с низовыми оппозиционными группами. Например, для группы в Одессе, по словам Янсона, Беленький установил такой шифр:

Действительные имена:	Условные:
Троцкий	Толстой
Зиновьев	Златовратский
Каменев	Короленко
Крупская	Надеждина
Сокольников	Сибиряков
ЦК	Цемах
Политбюро	Польша
Партия	патриот
Комсомол	курорт

(там же, стр. 27-28).

На пленуме было оглашено, очевидно, сфабрикованное аппаратом ЦК,

заявление бывшей секретарши Ленина – Гесслер о том, что ей было предложено оппозицией поехать в Берлин, Париж, Рим и сообщить лидерам западных компартий, что «в течение короткого времени настроение в партии изменится и что, по крайней мере, в течение двух месяцев большие заграничные партии не должны высказываться за ЦК русской партии» (там же, стр. 28-29). Было доложено также, что два руководящих работника Коминтерна, сторонники «новой оппозиции», Гуральский и Вуйонович, пользуясь именем Зиновьева, попытались направить своего агента для той же цели информации и связи с заграничными компартиями в пользу оппозиции (там же, стр. 29).

Растущее недовольство коммунистов диктатурой аппарата и действительно антисталинские акты конспирации отдельных старых большевиков приписывались Зиновьеву и Троцкому, хотя последние не только не давали в тот период своим сторонникам каких-либо указаний, но даже об их антисталинских действиях узнавали от сталинского аппарата.

В вину Зиновьеву и Троцкому ставились и заявления представителей бывшей «Рабочей оппозиции», которые не без злорадства поздравляли их с тем, что они, наконец, «прозрели», хотя и не сделали всех необходимых выводов. На пленуме цитировалось письмо Зиновьеву лидера бывшей «Рабочей оппозиции» Медведева. Сам по себе факт, что это письмо попало в руки сталинской полиции раньше, чем оно дошло до адресата, члена Политбюро, говорил о большем, чем его содержание. Все-таки интересны некоторые мысли Медведева:

«Вы вот ратуете теперь за внутрипартийную демократию и стоите на почве однопартийной формы правления... Это внутреннее противоречие... Если критика не имеет точки зрения, платформы... то это просто набор слов, болтовня. Нет критики без группировок. Но ведь группировка это потенциальная возможность новой партии. А как же можно это совместить с однопартийной формой правления... Тот факт, что бюрократия распоряжается всей суммой богатств, придает ей невиданную в партии государственную силу. Пусть эта бюрократия смотрит на себя и внушает всем, что она "железная когорта", "старая гвардия" и ведет пролетариат прямехонько к коммунизму, – от этого факты не меняются. Было бы странно, если бы она этого не говорила... Итак, вы почувствовали, что не все ладно, что на пролетарской Шипке не все спокойно... Вы уходите от той линии, которая заставляла вас бороться с моей критикой омерзительными

средствами. Это хорошо. Лучше поздно, чем никогда» (там же, стр. 42-43).

Июльский объединенный пленум ЦК и ЦКК закончился осуждением объединенной оппозиции. В резолюции пленума говорилось, что «растущая фракционность "новой оппозиции" привела ее к игре с идеей двух партий», что сторонники оппозиции рассылают по городам СССР секретные документы Политбюро, создают на местах сеть оппозиционных групп, командируют для их инструктажа своих секретных агентов, организуют правильно налаженную технику конспирации со своими шифрами, явками и т. д. Более того, оппозиционеры начинают связываться и с заграничными компартиями.

Хотя на пленуме не было приведено ни одного факта физического или идейного руководства Зиновьева оппозиционными силами после XIV съезда, его тем не менее сделали за них морально ответственным, так как «со стороны Зиновьева не было ни малейшей попытки осудить этих своих единомышленников и отмежеваться от них» («КПСС в рез.», ч. И, стр. 162-164).

Пленум постановил, ссылаясь на резолюцию Ленина на X съезде, исключить Зиновьева из состава Политбюро, «предупредив одновременно всех оппозиционеров, независимо от их положения в партии, что продолжение ими работы по созданию фракции, противопоставленной партии, вынудит ЦК и ЦКК ради защиты единства партии сделать и по отношению к ним соответствующие организационные выводы» (там же, стр. 164).

Имена Троцкого и Каменева резолюция обошла полным молчанием. Каждому овощу свое время. Вместо Зиновьева членом Политбюро был избран Рудзутак, а кандидатский состав Политбюро расширен до восьми человек: Петровский, Угланов, Орджоникидзе, Андреев, Киров, Микоян, Каганович, Каменев.

Дальнейшее развитие событий Троцкий рисует так:

«Борьба в течение 1926 г. разворачивалась все острее. К осени оппозиция сделала открытую вылазку на собраниях партийных ячеек. Аппарат дал бешеный отпор. Идейная борьба заменилась административной механикой: телефонными вызовами партийной бюрократии на собрания рабочих ячеек, бешеным скоплением автомобилей, ревом гудков, хорошо организованным свистом и ревом при появлении оппозиционеров на трибуне. Правящая фракция давила механической концентрацией своих сил,

угрозой репрессий. Прежде чем партийная масса успела что-нибудь услышать, понять и сказать, она испугалась раскола и катастрофы. Оппозиции пришлось отступить. Мы сделали 16 октября заявление в том смысле, что, считая свои взгляды правильными и сохраняя за собою право бороться за них в рамках партии, отказываемся от таких действий, которые порождают опасность раскола» (Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 274).

Однако из «Заявления 16 октября» Сталин вычитал нечто большее, чем это угодно признавать Троцкому. В самом деле, вот что писали в нем Троцкий, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Сокольников и Евдокимов:

«Мы категорически отвергаем теорию и практику "свободы фракций и группировок", признавая, что такая теория и практика противоречит основам ленинизма и решениям партии. Решения партии о недопустимости фракционности мы считаем своей обязанностью проводить на деле. Вместе с тем, мы считаем своим долгом открыто признать перед партией, что в борьбе за свои взгляды мы и наши единомышленники в ряде случаев после XIV съезда допустили шаги, являющиеся нарушением партдисциплины и выходящие за установленные партией рамки идейной борьбы на путь фракционности. Считая эти шаги безусловно ошибочными, мы заявляем, что решительно отказываемся от фракционных методов защиты наших взглядов, ввиду опасности этих методов для единства партии, и призываем к тому же всех товарищей, разделяющих наши взгляды. Мы призываем к немедленному роспуску всех фракционных группировок... Постановления XIV съезда, ЦК и ЦКК мы считаем для себя безусловно обязательными, будем им безоговорочно подчиняться и проводить их в жизнь... Свои взгляды каждый из нас обязуется отстаивать лишь в формах, установленных уставом и решениями съездов и ЦК...» («Партия и оппозиция по документам», стр. 31-32).

Очутившись между наковальней оппозиционного актива, требовавшего от лидеров перехода от слов к делу, и сталинским тяжеловесным молотом, нависшим над их головами, лидеры объединенной оппозиции предпочли капитуляцию. Троцкий называет эту капитуляцию заключением «перемирия». На деле никакого «перемирия» не было, ибо сталинский аппарат использовал заявление от 16 октября как документальное доказательство признания оппозицией своей антипартийной деятельности. Сталинский аппарат сделал второй, важнейший шаг на пути к ликвидации оппозиции. Если до сих пор от оппозиции требовали лишь прекращения фракционной

борьбы, то теперь начали требовать отказа от своих *взглядов.*

Ровно через неделю после заявления от 16 октября был созван новый объединенный пленум ЦК и ЦКК. Пленум обсудил три доклада, посвященные оппозиции: доклады Молотова от Политбюро и Ярославского от президиума ЦКК о внутрипартийном положении и тезисы Сталина к XV партконференции «Об оппозиционном блоке».

Сталин в своих тезисах и поставил вопрос не только об организационной, но и об идейной капитуляции оппозиции. Сталин предложил, а пленум утвердил следующее решение: «Добиваться того, чтобы оппозиционный блок признал ошибочность своих взглядов» (Сталин, Соч., т. 8, стр. 233).

Зиновьев, Троцкий, Каменев и их сторонники в ЦК отказались признать ошибочность своей платформы. Это не обескуражило Сталина. Сталин оценил непризнание ими ошибочности своих взглядов как неподчинение решению пленума ЦК и ЦКК, а, стало быть, грубое нарушение партийной дисциплины, о которой они сами писали в «Заявлении 16 октября». Киров от имени членов ЦК – ленинградцев (на самом деле – от имени Политбюро) внес на утверждение пленума проект нового постановления об оппозиции. Пленум утвердил этот проект, как свое постановление. В нем было сказано:

«1) Ввиду нарушения партдисциплины со стороны членов ЦК Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова, Евдокимова, Сокольникова, Смилги и кандидата в члены ЦК т. Николаевой, – пленум ЦК и ЦКК делает всем этим товарищам предупреждение...

2) Ввиду того, что Зиновьев не выражает линии ВКП (б) в Коммунистическом Интернационале... ЦК и ЦКК не находят возможной дальнейшую работу Зиновьева в Коммунистическом Интернационале» («КПСС в рез.», ч. II, стр. 290-291).

Сталин этим не ограничился. Несмотря на капитуляцию от 16 октября, вернее сказать, пользуясь фактом этой капитуляции, в которой оппозиция признала себя виновной во фракционной борьбе, пленум вынес постановление: исключить Троцкого из членов Политбюро, а Каменева – из кандидатов в члены Политбюро. Последовало и вознаграждение наиболее усердных союзников Сталина: Куйбышев был введен в состав членов Политбюро и одновременно назначен председателем ВСНХ СССР, а председателем ЦКК на место Куйбышева был назначен Серго Орджоникидзе. В кандидаты в члены Политбюро были включены Ст. Косиор

и Чубарь, а Бухарин вместо Зиновьева был поставлен во главе Исполкома Коминтерна в качестве «политического секретаря» (титул «председателя Исполкома Коминтерна», которым пользовался Зиновьев, ревнивый Сталин ликвидировал).

На XV партконференции (ноябрь 1926) Сталин выступил с докладом «О социал-демократическом уклоне в нашей партии», а лидеры объединенного блока с повторением своих обвинений против ЦК.

В докладе Сталина отмечалось уже начавшееся разложение блока. Сталин говорил о противоречиях между троцкистами и зиновьевцами, а также об отходе от оппозиционного блока бывших лидеров «Рабочей оппозиции» Медведева и Шляпникова. В частности, на конференции было сообщено, что Медведев и Шляпников отказались от «Бакинского письма» Медведева. В этом письме (написано в конце дискуссии 1923-1924 г.) Медведев охарактеризовал всю внутреннюю политику ЦК как антипролетарскую, а его международную политику – как авантюристическую. «Бакинское письмо» осуждало раскольническую политику Коминтерна и западных компартий, которых «Бакинское письмо» оценивало как «оравы мелкобуржуазной челяди, поддерживаемые русским золотом» (Ем. Ярославский, «Краткая история ВКП(б)», 1930, стр. 455-456).

Прогноз Сталина о разложении блока между троцкистами и зиновьевцами, его ожидания, что такое разложение скажется на самой конференции (ибо аппарат вел интенсивную работу в этом направлении) не совсем опрадались. Только Крупская отошла от оппозиции, что Сталин и сообщил торжественно в своем заключительном слове. Но отошла она не потому, что считала политику Сталина ленинской политикой, а потому, что «оппозиция зашла слишком далеко в своей критике». Она боялась, что из критики оппозиции против ЦК и советского правительства народ может сделать антикоммунистические выводы и выступить против коммунистической диктатуры вообще. Но в каких муках, как неохотно, под каким тяжким аппаратным давлением она отходила от Зиновьева и Каменева, показывает хотя бы тот факт, что заявление об этом отходе появилось в печати только через полгода после XV конференции («Правда», 20 мая 1927 г.).

Троцкий, Зиновьев, Каменев по-прежнему настаивали на своей правоте, по-прежнему доказывали невозможность строить «социализм в одной стране», но в то же время заверяли ЦК (Сталина), что они лояльно будут выполнять решения партии и ее ЦК, тем более, что союзник Сталина –

председатель правительства Рыков напомнил оппозиции на XV партконференции, что партия никому не позволит без конца испытывать ее терпение («Правда», 5 ноября 1926 г.). Правая рука Сталина по теоретическому обоснованию партаппаратной борьбы против оппозиции, Бухарин, на той же конференции напомнил лидерам оппозиции, что они все еще не отказались от своего обвинения ЦК в «бюрократической деградации» и что если они будут продолжать кричать о «термидоре», то партия с ними разделается окончательно («Правда», 10 ноября 1926 г.).

Бывший меньшевик, а теперь наиболее крикливый сталинец Ю. Ларин потребовал покончить с оппозицией немедленно, изгнав ее из партии, или вопрос будет решаться пулеметами на улицах, как это было в 1918 году с левыми эсерами (B. Souvarine, „Stalin", p. 439, Seeker and Warburg, London). В этой атмосфере предрешенного изгнания оппозиции из партии, в условиях, когда каждому было ясно, что вопрос не в том, что оппозиция будет исключена, а в том, *когда* это случится, – совершенно нельзя понять оборонительную тактику оппозиции. Ведь это Сталин сообщил на конференции, что «недавно на пленуме ЦК и ЦКК Троцкий заявил, что принятие конференцией тезисов об оппозиционном блоке должно неминуемо повести к исключению лидеров оппозиции из партии» (Сталин, Соч., т. 8, стр. 293). Но Сталин дипломатически успокаивал партию: «Я должен заявить, товарищи, что это заявление Троцкого лишено всякого основания, что оно является фальшивым» (там же). Зачем нужно было Сталину это уже действительно фальшивое заявление? Ответ ясен из доклада Сталина: признав свою вину в создании фракции, оппозиция сделала лишь первый шаг (Сталин: «Это, конечно, не мало. Но этого недостаточно»), теперь она должна сделать второй шаг: признать свою вину в проповеди антиленинской идеологии. Тем временем, по точному распределению функций среди членов Политбюро и ЦК, Сталин сам играл, как обычно, роль миролюбивого «генсека», а его соратники в один голос утверждали, что и «первый шаг» оппозиции – «Заявление 16 октября» – не является искренним. Мало бить оппозицию, надо ее добить. Бывший лидер Коминтерна, гордый и чванливый претендент в преемники Ленина – Зиновьев – еще года два тому назад был беспомощен в своей обороне и жалок в своем падении, когда отвечал сталинцам на XV конференции. Вот оправдание Зиновьева:

«Мы считаем этот шаг (Заявление 16 октября. – А. А.) обязывающим нас и что все то, что мы там заявили, будет нами безусловно выполнено...

Это не есть договор каких-нибудь сторон. Уже по этому одному не может быть места тому, что называется дипломатией, «ходами» и т. п. Это есть обязательство подчинения, открыто заявленное перед партийной массой, партией и ее руководящими учреждениями... В заявлении от 16 октября мы говорим, что останемся при тех принципиальных взглядах, которые мы, как меньшинство партии, защищали в последнее время... Вы знаете, что Политбюро, обсудив наше заявление, признало это заявление достаточным, как минимум, обеспечивающий партийное единство... Часть товарищей думает, что эта часть заявления предвещает новую борьбу... Я заявляю перед ЦК и ЦКК, что мы употребим абсолютно все усилия, сделаем все возможное для того, чтобы такие опасения не оправдались. Ни в какой мере это не является лазейкой для попытки новой дискуссии.

Голоса. Военный маневр!

Зиновьев. Никаких маневров нет, никаких ходов нет.

Голос. Передышка нужна.

Зиновьев. Вы убедитесь скоро, что это не так» («Партия и оппозиция по документам», стр. 31-32).

Эта уже по существу идейная капитуляция оппозиции, умоляющее заискивание Зиновьева перед ЦК и ЦКК, его вопли о мире не произвели никакого впечатления на невозмутимого Сталина. Добивая Зиновьева, своего вчерашнего союзника в борьбе с Троцким (между прочим, на той же конференции Сталин сообщил, что резолюция ЦК от 17 января 1924 г., а также резолюция XIII съезда против Троцкого написаны рукой Зиновьева), Сталин решил еще публично поиздеваться над ним. Сталин ответил Зиновьеву:

«Зиновьев хвастал одно время, что он умеет прикладывать ухо к земле *(смех),* и когда он прикладывает его к земле, то он слышит шаги истории. Очень может быть, это так и есть на самом деле. Но одно все-таки надо признать, что Зиновьев, умеющий прикладывать ухо к земле и слышать шаги истории, не слышит иногда некоторых "мелочей"... Может быть, оппозиция и умеет, действительно, прикладывать уши к земле и слышать такие великолепные вещи, как шаги истории. Но нельзя не признать, что умея слышать такие великолепные вещи, она не сумела услышать ту "мелочь"... что оппозиция осталась на мели. Этого она не услышала» (Сталин, Соч., т. 8, стр. 355-356).

Другими словами, партаппарат так повел дело в партии и стране, что

создал все необходимые политические, организационные и психологические предпосылки, чтобы оппозиция очутилась «на мели», а этой «мелочи» зиновьевцы и троцкисты «не услышали». Либо полная не только организационная, но и идейная капитуляция, и тогда оппозиционеры имеют некоторые шансы продлить свое пребывание в партии еще на некоторое время, либо упорство в своих взглядах, – тогда дни оппозиции сочтены. Именно так поставил вопрос Сталин в своем заключительном слове.

Теперь Сталин разговаривал с оппозицией не от имени партии, а как сама партия. Если на начальном этапе Сталин не без основания отождествлял свой партийный режим с режимом Ленина, то теперь, на новом этапе, он смело и уверенно отождествлял самого себя с партией. Не как Сталин, даже не как «генсек», а как партия Сталин предъявил оппозиции ультиматум о тотальной капитуляции. Он сформулировал этот ультиматум в следующих пунктах:

«Вы хотите знать, чего от вас требует партия? Слушайте:

1) Партия не может больше терпеть и не будет терпеть, чтобы вы выходили на улицу и трепали партию...

2) Партия не может и не будет терпеть того, чтобы вы подбирали и накапливали всякие недовольные элементы, как материал для новой партии...

3) Партия не может и не будет терпеть того, чтобы вы, шельмуя партийный руководящий аппарат и ломая режим в партии, ... объединяли все и всякие осужденные партией течения в новую партию, под флагом свободы фракций...

4) ...Партия не может и не будет терпеть, чтобы вы делали попытки использовать трудности (строительства социализма) для нападения на партию...

5) ...Партия не может терпеть того, чтобы оппозиция выходила на улицу с демагогическим заявлением о немедленном подъеме зарплаты на 30-40%...

6) Партия не может и не будет терпеть того, чтобы оппозиция продолжала подрывать основы смычки рабочих и крестьян, пропагандируя идею повышения отпускных цен и усиления налогового нажима на крестьянство, ... пытаясь "сконструировать" отношения эксплуатации крестьянства пролетарским государством.

7) Партия не может и не будет терпеть того, чтобы оппозиционеры

продолжали и впредь сеять идейную сумятицу в партии, преувеличивать наши трудности, культивировать пораженческие настроения, проповедовать идею невозможности построения социализма в нашей стране и подрывать тем самым основы ленинизма...

8) Партия не может и не будет терпеть, чтобы вы продолжали и впредь тормошить Коминтерн, разлагать его секции и развенчивать руководство Коминтерна...» (Сталин, Соч., т. 8, стр. 351-353).

Сталин закончил выступление следующим предупреждением:

«Либо вы выполните эти условия, либо вы этого не сделаете, – и тогда партия, побив вас вчера, начнет добивать вас завтра» (там же, стр. 354).

Нельзя себе представить более тяжкого требования, чем требование к революционеру расписаться в своей полнейшей безыдейности. Ничто так не ошеломляет окружающих, как поступок революционера, предающего анафеме свои вчерашние убеждения. Как раз этого потребовал Сталин от оппозиции.

Однако оппозиция все еще не сдавалась. Сказывалось давление на нее той части партии, которая считала «Заявление 16 октября» актом трусости, играющим на руку Сталину. На одном из оппозиционных собраний в Москве, например, «присутствующие возмущались, что вожди сдрейфили, что идти на перемирие сейчас – значит дискредитировать самих себя», на этом собрании было постановлено «законспирироваться, уйти в подполье» («Партия и оппозиция по документам», стр. 33). Группа Сапронова-Смирнова, входившая в блок, опубликовала «Заявление 15». В этом заявлении резко критикуется капитуляция вождей блока, подчеркивается необходимость активизации политической борьбы не только легально в рамках партии, но и нелегально вне партии, среди рабочего класса.

В изложении сталинского историка, группа Сапронова-Смирнова заявляла, что «в момент борьбы на стороне Сталина будет вся армия чиновников, на стороне оппозиции – рабочая часть партии», что «борьба не может ограничиться внутрипартийными рамками»... Преодолеть сталинскую группу можно лишь в том случае, если оппозиция обеспечит себе активную поддержку рабочего класса, что для этого, надо теперь же «образовать ядро, которое будет отстаивать дело пролетарской революции», что «разоблачая Сталина и его политику, нужно также разоблачать шатания оппозиционных вождей» (Ем. Ярославский, «Краткая история ВКП (б)», стр. 468-469).

В «Заявлении 15» отмечался также и новый фактор силы, который

Сталин ввел в борьбу: «ГПУ направляет свою деятельность на борьбу с законным недовольством рабочих, и даже с внутрипартийной оппозицией» (там же, стр. 469). Надо тут же заметить, что вожди блока просто проглядели тогда, что множество из антисоветских акций, которые Сталин им приписывал, на самом деле были организованы самим Сталиным через Менжинского (ГПУ), чтобы дискредитировать оппозицию как орудие белогвардейской контрреволюции (например, засылку в оппозицию агентов-провокаторов бывших белогвардейцев Щербакова и Тверского для организации подпольной типографии).

В декабре 1926 года Сталин поставил вопрос об оппозиции на обсуждение VII расширенного пленума Исполкома Коминтерна. Сталину важна была моральная поддержка этого форума «мирового пролетариата». Иностранных лидеров Коминтерна, которых Троцкий называл «приживальщиками Кремля», Сталин поставил на этом пленуме перед выбором: «Перед вами стоят две силы. С одной стороны – наша партия, уверенно ведущая вперед пролетариат СССР, строящая социализм и зовущая пролетариев всех стран к борьбе. С другой стороны – оппозиция, ковыляющая за нашей партией, как дряхлый старик, с ревматизмом в ногах, с болью в пояснице, с мигренью в голове, – оппозиция, сеющая кругом пессимизм и отравляющая атмосферу болтовней о том, что ничего у нас с социализмом в СССР не выйдет, что у них там, у буржуев, все обстоит хорошо, а у нас, у пролетариев, все обстоит плохо.

Таковы, товарищи, две силы, стоящие перед вами.

Вы должны сделать выбор между ними» (Сталин, Соч., т. 9, стр. 149-150).

Разумеется, благоразумные «приживальщики Кремля» выбрали своего хлебодателя – Сталина. На этом пленуме выступили с защитой своих взглядов Каменев, Троцкий, Зиновьев, но то были воистину «голоса вопиющих в пустыне». Их никто не слушал, может быть, кроме самого Сталина, который в своем пространном заключительном слове (оно содержит около 90 книжных страниц) обвинил оппозицию, что уже одним фактом своего выступления на данном пленуме она нарушила обещание «Заявления 16 октября» прекратить фракционную борьбу против ЦК. Защита оппозицией своих взглядов против сталинского руководства отныне считалась фракционной борьбой. Это уже явно пахло применением к фракционерам резолюции X съезда «О единстве». Заключительное слово

Сталина содержало ряд явных извращений исторических фактов (правда, известных тогда только членам ЦК и делегатам некоторых съездов); содержало оно и грубые личные выпады.

Приведем несколько примеров. Так, Сталин отрицал заявление Троцкого, что до середины апреля 1917 года он, Сталин, входил в одну группу с Каменевым и выступал против «Апрельских тезисов» Ленина (Сталин: «Фокус тут заключается в том, что Троцкий спутал меня с Каменевым»), или отводил другое заявление Троцкого, что «в национальном вопросе Сталин совершил довольно крупную ошибку», за что Ленин его назвал «великодержавным держимордой» (письмо и статья Ленина «Об автономизации»). Сталин сказал, что «это – сплетня. Никаких разногласий по национальному вопросу с партией или с Лениным у меня не было никогда» (там же, стр. 64-65). Сталин отрицал заявление Троцкого о том, что он, Троцкий, предвосхитил «Апрельские тезисы» Ленина, в силу чего он, не будучи в партии большевиков, оказался в одном лагере с Лениным, тогда как сам Сталин, будучи в партии Ленина, выступал против этих тезисов, называя их «голой схемой». Это заявление настолько взбесило Сталина, что он сравнил самого Троцкого с ... мухой! Сталин сказал: «Троцкий, "предвосхищающий" Ленина... Крестьяне совершенно правы, когда в таких случаях говорят обычно: "Сравнил муху с каланчой"» (там же, стр. 68). Поскольку Каменев напомнил Сталину о его многих грехах против Ленина, то Сталин и тут не остался в долгу. Он напомнил Каменеву, что когда тот был в ссылке в Сибири, после февральской революции, то «вместе с именитыми купцами в Сибири (в Ачинске) принял участие в посылке приветственной телеграммы конституционалисту Михаилу Романову, тому самому Михаилу Романову, которому царь... передал "право на престол"» (там же, стр. 77). Сталин с возмущением спрашивал: «Почему же Троцкий и Каменев тычут в нос такого рода ошибки своим партийным оппонентам? Не ясно ли, что этим они лишь вынуждают нас напомнить о многочисленных ошибках лидеров оппозиции?» (там же, стр. 77).

Внутрипартийная борьба вступила в такую стадию, когда стороны пустили в оборот все, чем они располагали: сенсационные разоблачения, архивные документы, фальшивки, инсинуации, интриги, личные оскорбления. Историческая объективность требует заметить, что и здесь пальма первенства принадлежала Сталину. Стоит упомянуть только две его акции из области истории, которые произвели на исторически и

политически невежественную партию (из миллионной партии только около двух десятков тысяч членов вступили в нее до 1917 г.) потрясающее впечатление:

1. Аппарат ЦК собрал и издал все, что писал Троцкий против Ленина и все, что писал Ленин против Троцкого до 1917 года, в том числе и частные письма.

2. Аппарат ЦК издал секретное письмо Ленина в ЦК против Зиновьева и Каменева, в котором Ленин их называет «штрейкбрехерами революции» (за их письмо в «Новую жизнь» против восстания) и требует их исключения из партии.

Кроме того, пользуясь своей монополией, партийная печать («Правда», журнал «Большевик» и др.) пускали в ход статьи, корреспонденции, заметки, обзоры, в которых оппозиции приписывались грубо фальсифицированные тезисы, лозунги, утверждения. Оппозиция не имела никакой возможности их опровергать. Если оппозиция старалась опровергнуть клевету путем рассылки своих действительных платформ и речей, то ее обвиняли в продолжении той же «фракционной борьбы».

Первое открытое выступление оппозиции в массах против партаппарата было в июне 1927 года в связи с высылкой на Дальний Восток, под видом «назначениия на работу», члена ЦК Л. Т. Смилги, одного из активнейших военных организаторов Октябрьского переворота среди матросов и солдат в Балтике, теперь наиболее опасного врага Сталина. На его проводы на Ярославский вокзал явились Троцкий и Зиновьев, узнав об этом туда же явились и толпы рабочих с разных фабрик и заводов Москвы. По словам заместителя председателя ЦКК Янсона, «приходится констатировать, что это вылилось в своего рода *уличную демонстрацию, направленную против ЦК...* Здесь роль т. Троцкого была активнее, чем роль т. Зиновьева, так как т. Троцкий выступил здесь с речью» («Партия и оппозиция по документам», стр. 34).

Эта открытая демонстрация тысячной массы рабочих под лозунгом оппозиции дала почувствовать Сталину, Бухарину и Рыкову, что лидеры оппозиции вовсе не «генералы без армии», а весьма опасная потенциальная сила, если она будет апеллировать к улице или к тому, что ЦК называл «третьей силой«. Сигналы из Ленинграда, где все еще сильно было влияние Зиновьева среди рабочих, а также тревожные сведения из разных про-мышленных центров страны заставили ЦК вновь поставить вопрос об

оппозиции на обсуждение нового объединенного пленума ЦК и ЦКК (29 июля-9 августа 1927 г.).

Повестка дня пленума была так составлена, что весь комплекс вопросов о внешней и внутренней политике партии был целиком посвящен критике платформы оппозиции. Докладчиками были Бухарин (о международной политике и критика оппозиции), Рыков (о хозяйственной политике и критика оппозиции), Орджоникидзе (о Зиновьеве и Троцком). Сталин не делал доклада, но его выступления в прениях были длиннее докладов. Новый руководитель Коминтерна Бухарин, резко критикуя оппозицию, оправдывал политику советского правительства в международных делах и линию ЦК в Коминтерне. Бухарин говорил об экономической стабилизации европейского капитализма, сопровождаемой военизацией промышленности, о происках консервативной Англии (разрыв отношений с СССР) с целью организации экономической блокады и военного окружения СССР из-за «могучего революционизирующего влияния СССР». Бухарин доказывал, что Англия подготовляет войну против СССР и что в этой подготовке ее поддерживает «международная социал-демократия вместе с ультралевыми ренегатами коммунизма» и что «в этих условиях проповедь оппозиции ВКП (б) носит особо лживый и преступный характер». «В вопросе нападения на СССР все капиталистические страны (Англия, Америка, Франция, Германия, Италия, Япония) единодушны, только их внутренние противоречия затягивают их нападение на СССР, но не уничтожают его все большей вероятности и неизбежности» («ВКП (б) в резолюциях», ч. II, 1933, стр. 339-341).

Кстати, этот марксистский анализ и прогноз сталинско-бухаринского ЦК был блестяще опровергнут событиями во второй мировой войне, когда весь капиталистический западный мир во главе с США, Англией и Францией объединился с коммунистическим СССР против вчерашнего союзника Сталина по разделению Польши – против Гитлера. Провал политики Коминтерна, Профинтерна и ВЦСПС, курса на легальное завоевание рабочего движения изнутри через соглашение с Амстердамским интернационалом или путем создания Англорусского профсоюзного комитета (по соглашению между Генсоветом тред-юнионов и ВЦСПС) Бухарин и Сталин приписали не только «предательству Перселя, Хикса и компании», но и Троцкому, и Зиновьеву, которые резко критиковали как раз эту, по их мнению, оппортунистическую политику ЦК. Даже по китайскому

вопросу, по которому оппозиция категорически требовала выхода компартии из Гоминдана, провозглашения лозунга «гегемонии пролетариата в народной революции и национально-освободительном движении» и создания китайских Советов, ибо, доказывала оппозиция, китайский буржуазный Гоминдан во главе с Чан Кай-ши в любой момент изменит союзу с коммунистами, – даже по этому вопросу, когда «измена» Чан Кай-ши стала фактом (разрыв его с коммунистами 12 апреля 1927 г.), ЦК возложил вину на Зиновьева, Троцкого, Радека и на само «руководство Китайской компартии, систематически отклонявшее директивы Коминтерна» (там же, стр. 347-348).

В ходе борьбы с оппозицией Сталин систематически прибегал к тому, чему его учил Ленин: наиболее действенное средство обезоружить противника – это практически осуществлять его собственную программу. (Русская демократия в 1917 году отрицала идею сепаратного мира с Германией, Ленин это отрицание включил в свою программу, но придя ко власти заключил сепаратный мир. Эсеры выдвинули на I съезде крестьянских Советов летом 1917 года идею социализации земли – передача земли крестьянам – и съезд единодушно эту идею поддержал. Ленин принял целиком эту эсеровскую программу – «Декрет о земле» 26 октября 1917 г., – с тем, чтобы после укрепления у власти отказаться от нее. Русский народ, все русские революционные партии, начиная с 1905 года требовали созыва Всероссийского Учредительного собрания, Ленин его собрал – январь 1918 г. – с тем, чтобы взять его под стражу и объявить вне закона). Эту испытанную тактику Ленина Сталин применяет теперь против левой оппозиции при помощи своих новых союзников – простофиль из правого крыла ЦК (Бухарин, Рыков, Томский, Угланов, Угаров). Так, теперь пленум в резолюции по докладу Бухарина записывает, что хотя лозунг Советов в Китае вчера был неправильным, но сейчас «компартия должна развить энергичную пропаганду идеи Советов» (там же, стр. 349). Оппозиции оставалось теперь жить воспоминаниями, как она права была вчера, но критиковать нынешнюю линию ЦК в китайской революции она уже не могла, ибо это была ее линия. Точно так же Сталин-Рыков поступили и по вопросам тех требований, которые оппозиция предъявляла в отношении хозяйственной политики в городе и деревне: бить оппозицию, принимая ее же требования (в следующей главе о правой оппозиции мы увидим, что Сталин в выполнении требований левой оппозиции пошел куда дальше, чем самые крайние ее

установки).

Пленум, по предложению Рыкова, утвердил резолюцию, в которой говорилось, что прогноз оппозиции о неизбежности общего хозяйственного кризиса не подтвердился, планы выполняются, индустриализация идет по намеченным темпам, инфляции, предсказанной оппозицией, нет, сельское хозяйство развивается успешно и партия будет обращать особое внимание на подъем бедняцко-средняцких индивидуальных хозяйств. Однако пленум, как и оппозиция, констатирует, что «происходит рост кулацких слоев деревни», поэтому задача партии – «максимальное ограничение эксплуататорских тенденций кулака». Как для этой цели, так и для ограничения роста количества нэпманов пленум постановил увеличить обложение зажиточных и богатых слоев и облегчение тяжести для маломощных (там же, стр. 349-355).

Этого и требовала оппозиция. Она требовала также стабилизации, отчасти и повышения заготовительных цен на сельскохозяйственные продукты, понижения розничных цен на промтовары, чтобы таким образом способствовать поднятию стандарта жизни рабочих и крестьян. Пленум вынес постановление именно в этом духе.

Следует отметить, что, предупреждая требование оппозиции, ЦК уже снизил цены на 10%. Когда этот вопрос впервые обсуждался на апрельском пленуме ЦК в 1927 г., оппозиция голосовала за ЦК. Ярославский говорит, что она «ради маневра голосовала, чтобы не оттолкнуть рабочих и крестьян», но левейшая часть блока – группа Сапронова-Смирнова – квалифицировала это поведение лидеров блока как «беспринципный маневр» и отошла от него (Ем. Ярославский, цит. пр., стр. 474-475).

Но пленум записал по тому же докладу Рыкова один пункт, который явно расходился не только с требованием оппозиции, но и с желанием Сталина. Пункт этот гласит: «Объединенный пленум ЦК и ЦКК отвергает вздорные, демагогические предложения оппозиции о насильственном изъятии натуральных хлебных излишков и о таком сверхобложении частного торгового оборота, которое должно привести к его немедленной ликвидации... ЦК и ЦКК считают, что эти предложения направлены, по сути дела, на отмену новой экономической политики, установленной партией под руководством Ленина» (там же, стр. 357).

Эти «демагогические предложения» оппозиции Сталин выполнит ровно через год в размерах и масштабе, до которых не могла дойти самая

смелая фантазия левых экстремистов. Это, собственно, и послужило началом нового раскола в Политбюро – образованию в нем группы «правой оппозиции».

Вопрос об оппозиции предварительно обсуждался на заседании президиума ЦКК 24 июня 1927 г., где Троцкого, Зиновьева, Каменева тщетно уговаривали подписать новый документ о прекращении всякой критики ЦК. Оппозиция устами Троцкого ответила: «Партийный курс представляет собою главную опасность... В партии сейчас ставка на секретаря, а не на рядового партийца. Таков весь режим партии», и когда президиум ЦКК начал угрожать, что такой критикой партаппарата Троцкий и его единомышленники поставят себя вне партии, Троцкий обратился к президиуму с вопросом: «Вы думаете и впрямь намордник надеть на партию?» («Партия и оппозиция по документам», стр. 9).

Когда лидеры оппозиции – Троцкий и Зиновьев – отказались от такого «намордника», президиум ЦКК решил поставить на пленуме ЦК и ЦКК вопрос об исключении их обоих из состава членов ЦК. Это постановление и защищал председатель ЦКК С. Орджоникидзе на данном пленуме. После долгих дискуссий, в которых политические обвинения вновь чередовались с личными выпадами, пленум предъявил всем оппозиционным членам ЦК и ЦКК (их всего было теперь только 13 человек: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Раковский, Евдокимов, Смилга, Бакаев, Муралов, Авдеев, Петерсон, Лиздинь, Соловьев) ультиматум лишь по трем пунктам, а именно – оппозиция должна отказаться:

1) от «тезиса Клемансо» Троцкого (если внешний враг окажется на подступах Москвы, то надо свергнуть нынешнее руководство);

1) отказаться от раскола в Коминтерне;

2) «отказаться от попытки создания второй партии и распустить фракцию».

Оппозиция вновь отклонила эти требования. Каменев не отрицал, что события могут привести к созданию второй партии, но винил в этом ЦК: «Я утверждаю, что вы еще можете повернуть руль событий, чтобы предотвратить путь ко второй партии и того, что вытекает из этой второй партии» («Партия и оппозиция по документам», стр. 38).

Дальнейший ход обсуждения вопроса официальный документ рисует так: «Лишь после того, как пленум ЦК и ЦКК оказался вынужденным ввиду этого принять в основе резолюцию об исключении т.т. Зиновьева и Троцкого

из ЦК, – лишь после этого оппозиция сочла необходимым отступить, отказаться от ряда своих ошибок и согласиться в основном, хотя и с оговорками, на предложение пленума ЦК и ЦКК, дав соответствующее "заявление"».

В этом «заявлении от 8 августа» лидеры оппозиции писали: «Мы решительно осуждаем какие бы то ни было попытки создания второй партии.

Столь же решительно и категорически мы осуждаем политику раскола. Мы будем выполнять все решения ВКП (б) и ее ЦК. Мы готовы сделать решительно все для уничтожения элементов фракции, образовавшихся в силу того, что в условиях извращения внутрипартийного режима мы были вынуждены бороться за доведение до партии наших действительных взглядов, совершенно неправильно излагавшихся в печати, читаемой всей страной» («Партия и оппозиция по документам», стр. 37).

Оппозиция была готова защищать свои взгляды в рамках устава партии, не прибегая к созданию фракции. Ввиду такого заявления, пленум постановил снять с обсуждения вопрос об исключении Троцкого и Зиновьева из ЦК, объявив им «строгий выговор с предупреждением» («ВКП (б) в рез.», 1933, ч. II, стр. 366).

Так было заключено новое «перемирие», которое продолжалось ровно один месяц – с 8 августа по 7 сентября 1927 г.

Два события ворвались новой бурей во внутрипартийную дискуссию: проведение десятой годовщины Октябрьской революции и подготовка к XV съезду.

Эти события будут проанализированы в следующей главе.

Глава 27

РЕШЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ: СТАЛИН ИЛИ ТРОЦКИЙ

XIV съезд партии происходил с опозданием на целых девять месяцев, что прямо нарушало устав партии (устав партии требовал созыва съезда не реже одного раза в год и, стало быть, ежегодного перевыбора «генсека»). Тому была лишь одна причина: Сталин был занят созданием политических и аппаратно-организационных предпосылок для ликвидации на XIV съезде

«новой оппозиции» Зиновьева и Каменева. Съезд показал, что подготовка Сталина была основательная, «новая оппозиция» была осуждена, победитель был переизбран «генсеком».

XV съезд партии Сталин назначил на этот раз с опозданием на целый год, то есть один срок созыва съезда Сталин пропустил и, с точки зрения «основного закона партии» (устава), он был уже незаконным «генсеком». Причина несозыва в уставной срок XV съезда тоже была одна: Сталин решил покончить с блоком оппозиции еще до съезда.

Августовский пленум назначил XV съезд на декабрь 1927 г. Обычно перед съездом публикуются тезисы ЦК по вопросам повестки дня съезда, а также и контртезисы (платформы) групп коммунистов или отдельных коммунистов, несогласных с официальной политикой. Руководствуясь этим внутрипартийным законом, оппозиция представила весьма пространную платформу по важнейшим дискуссионным вопросам как свои тезисы к XV съезду партии и потребовала напечатать их наряду с официальными тезисами.

Решением Политбюро от 8 сентября 1927 года в этом праве оппозиции было отказано. Это был первый случай столь грубого нарушения партийного устава, менять или нарушать который имел право только съезд.

Этот беспрецедентный произвол Политбюро (решение без запроса даже покорного пленума ЦК) вновь обострил внутрипартийное положение. Оппозиции ничего другого не оставалось, как напечатать и распространить свою платформу нелегально, что и было сделано под руководством старого большевика Мрачковского в одной из московских типографий, где как раз и оказались «белогвардейцы», подсунутые туда ГПУ. Партийная печать открыла бешеную кампанию, утверждая, что оппозиция сомкнулась окончательно с белогвардейцами и буржуазными интеллигентами, по-мышляющими о военном заговоре в СССР. Обвинение было фальсифицировано от начала до конца. Даже в ушах самых заядлых сторонников Сталина в партии оно звучало дико, но пропагандно оно было хорошо приправлено, что производило нужное впечатление.

Возмущенная оппозиция обратилась по этому поводу со специальным письмом в ЦК. В нем говорилось: «Политически обанкротившийся Сталин собирается пойти по дорожке Керенского, Переверзева, Алексинского. Если нам приходится заниматься этим делом Сталина, то лишь потому, что в миллионной партии есть много молодых, политически неискушенных

революционеров, которые не сразу разберутся во всем. Во время Великой Французской Революции это называлось "амальгамой". В один судебный процесс соединяли революционеров и монархистов, левых якобинцев и спекулянтов, чтобы спутать карты, обмануть народ. Термидорианская эпоха Французской революции полна таких "амальгам". В июльские дни 1917 г. Алексинский, Переверзев, Керенский и Церетели пытались прибегнуть против Ленина к таким же "испытанным" средствам, выдвигая свидетелем офицера Ермоленко, выдумывая шпионаж в пользу Германии... Мы, ученики Ленина, готовы, если этого потребует пролетарское дело, пройти и через такой этап» (там же, стр. 39).

Вот для создания такой «амальгамы», чтобы посадить организаторов Октябрьской революции на скамью подсудимых рядом с «белогвардейцами», «монархистами» и «буржуазными интеллигентами», ГПУ производит аресты всех работников государственной типографии, объявленной теперь нелегальной. Так как оппозиция и после разгрома типографии позаботилась, чтобы широко распространить свое вышецитированное письмо в партии и за границей, по линии оппозиционных групп Коминтерна, то ЦК поспешил ответить новыми обвинениями против оппозиции. ЦК обвинил оппозицию, что она не только нарушила «Заявление от 8 августа», но и на самом деле подготовляет свержение существующего режима.

27 сентября 1927 года Политбюро и Президиум ЦКК обратились к активу партии с ответным письмом лидерам оппозиции, в котором, между прочим, говорилось следующее: «Оппозиционеры играют с идеей свержения существующего в СССР режима. В ответ на раскрытие нитей военно-путчистской организации вокруг беспартийных "работников" нелегальной типографии оппозиции, Зиновьев, Смилга и Петерсон заявляют, что у нас в СССР имеется сейчас положение, подобное июльским дням 1917 г... Это значит считать ВКП (б) контрреволюционной партией... Вожди оппозиции вопреки своему заявлению от 8 августа ... сделали ряд дальнейших шагов в сторону оформления своей фракции в партию, состоящую из блока оппозиции с буржуазными интеллигентами, которые в свою очередь блокируются с элементами, помышляющими о военном заговоре в СССР» (там же, стр. 39-40). Словом, оппозиция готовится к свержению коммунистической диктатуры в СССР через создание новой партии и путем «военного заговора»!

Это была такая чудовищная ложь, по сравнению с которой знаменитое

дело капитана Дрейфуса кажется изобретением сущих профанов. В том и заключалась вся трагедия оппозиции, что она твердила лишь об опасности термидора и о возможном этапе «амальгам», тогда как Сталин уже фактически совершил контрреволюционный переворот, который должен был привести к установлению его личной тирании. Сталин как бы подсказывал лидерам оппозиции, что его можно свергнуть только силой, путем политического или военного заговора. Но Сталин был глубоко неправ, когда считал оппозицию способной на это. Конечно, он сам не верил в свое обвинение против оппозиции. Ведь это тот же Сталин говорил на пленуме ЦК и ЦКК всего месяц тому назад: «Можете судить, до чего плачевно положение группы Троцкого, если она, работая в поте лица в продолжение четырех месяцев, едва сумела собрать около тысячи подписей. Я думаю, что любая группа оппозиционеров могла бы собрать несколько тысяч подписей, если бы *она умела работать.* Повторяю: смешно, когда эта маленькая группа, где лидеров больше, чем армии (смех)... угрожает миллионной партии: "Я тебя вымету"». (Смех.) (Сталин, Соч., т. 10, стр. 53-54).

Почему же Сталин считал столь «маленькую группу», которая работать даже не умеет, столь опасной, способной на подготовку заговора? Сталин ей приписывал то, что он сам сделал бы на месте оппозиционеров. К своему счастью, он имел дело с «политическими донкихотами» (это определение принадлежит самому Сталину), которые боролись, увы, не с ветряными мельницами, а со Сталиным, но путем извержения нескончаемого потока «словесной руды» в виде тезисов, писем, меморандумов, платформ. Историку, внимательно изучавшему этот этап истории партии, просто невозможно понять, какую чудодейственную силу приписывала оппозиция слову, обращенному к партии, которой ведь уже не было, как в этом признавался и сам Троцкий.

Оппозиционеры, хотя и большевики, были людьми безусловно идейно убежденными, а в понимании долга, чести и честности – прямыми антиподами Сталина. Они считали, что служащие типографии арестованы Сталиным лишь потому, что он все еще не осмеливается арестовать лидеров оппозиции, заказ которых исполняли арестованные. Ограждая пока что Троцкого, Зиновьева и Каменева, как членов ЦК, лидеры оппозиции вне ЦК, но бывшие при Ленине и до Сталина секретарями ЦК, – Серебряков и Преображенский, – еще 15 августа написали в ЦК и ЦКК письмо, в котором заявляли, что и за разгромленную типографию и за арестованных служащих

ответственны они, так как те выполняли только их заказ. В письме далее говорилось: «Заявляем вам, что политически ответственными за это дело и его организаторами являемся мы, а не случайно связанные с этим беспартийные. Имея в руках все типографии, всю печать, все партийные ресурсы, вы не даете нам, старым большевикам, защитить перед партией накануне съезда наши взгляды и заставляете нас прибегать к этим кустарным способам размножения наших предсъездовских материалов... Вы знаете хорошо нас. Вы знаете, что мы не можем, как старые партийцы, отказаться от защиты наших взглядов... Мы будем искать других таких же доступных нам средств... Мы требуем немедленного освобождения всех арестованных по данному делу, так как за все это отвечаем мы. Е. Преображенский, Серебряков, Шаров» («Партия и оппозиция по документам», стр. 37). Зиновьев тоже направил в ЦК заявление, в котором он пишет, что хотя арестованных он не знает, хотя он допускает, что среди них могли быть и бывшие белые офицеры, но, тем не менее, они только выполняли задание Преображенского, Серебрякова и Шарова, поэтому он, Зиновьев, солидаризуется с их письмом и требует немедленного освобождения арестованных.

Сталин решил разоблачить «контрреволюционные» связи оппозиции перед «мировым пролетариатом» – перед Коминтерном (Коминтерн и ЦКК – безвластные и всецело зависящие от аппарата Сталина учреждения, тем не менее, пользовались, по традиции, определенным моральным капиталом, который Сталин умело эксплуатировал). На заседании президиума Исполкома Коминтерна 14 октября 1927 года, Бухарин обвинил оппозицию в прямых связях с контрреволюцией и возмущался ее требованием освободить арестованных. Бухарин говорил:

«Что пишет т. Зиновьев в своем заявлении? Он пишет, что с каждым большевиком может случиться, что он окажется в компании с белыми. Он допускает в своем заявлении возможность такого случая... Все это читали. (Троцкий: «И в армии бывали»). Да, бывали, т. Троцкий, но, позвольте, я иду дальше. Но Зиновьев говорит, что они не знают, кто такие арестованные. А в это же время Преображенский и другие выставляют требования:

"освободить всех арестованных". Вот вам картина полной вашей безответственности... Теперь несколько слов о типографии и о связи с беспартийными и контрреволюционерами... Троцкий солидаризуется с письмом Зиновьева, которое говорит, что нелегальные типографии

допустимы, и с Преображенским, который дошел до «наивности» и говорит нам: "Возвратите нам нашу технику" (ж. «Коммунистический Интернационал», № 41, 1927 г., стр. 14-15).

Сталин, Бухарин, Рыков, стоявшие во главе нового Политбюро, обвинили оппозицию, что она, собственно, и связалась с белогвардейцами, чтобы «организовать подпольную типографию, привлекая к этому делу людей, кто помышляет о государственном перевороте в нашей стране по образцу переворота Пилсудского» (Ем. Ярославский, цит. пр., стр. 483).

Разумеется, президиум Исполкома Коминтерна, как и на всех предыдущих заседаниях этого учреждения, единогласно осудил оппозицию за якобы проводившуюся ею подготовку переворота «образца Пилсудского». Не имело никакого значения, верили ли иностранные члены Коминтерна, что их бывший председатель Зиновьев хочет стать русским Пилсудским, а организатор разгрома Белой армии в гражданской войне – Троцкий – теперь хочет воссоздать эту Белую армию и возглавить ее борьбу против той Красной армии, организатором которой был он же сам. В этой связи нельзя не вспомнить известного итальянского писателя, бывшего коммуниста И. Силоне. Когда Троцкий после антикоммунистического переворота Чан Кай-ши представил Политбюро ЦК свой известный «Меморандум о китайской революции» с критикой прочанкайшистской политики Сталина и Бухарина в Китае, то Политбюро в мае 1927 года внесло предложение в Исполком Коминтерна осудить Троцкого за этот меморандум. Председательствующий на заседании Исполкома Коминтерна поставил на голосование вопрос об этом осуждении Троцкого. Но итальянская делегация (Силоне и Тольятти) захотела видеть документ Троцкого, прежде чем о нем судить, однако председательствующий (им был немец Э. Тельман) совершенно хладнокровно заметил: «Мы, члены президиума, его тоже не видели». Силоне, подумал, что он не расслышал слов Тельмана, попросил его повторить свои слова. Тельман повторил слово в слово сказанное им. Тогда Силоне, поддержанный Тольятти, заявил, что вполне возможно, что документ Троцкого заслуживает осуждения, но итальянцы не могут этого сделать, не прочитав его.

Сталин выступил с объяснением, почему не роздан перевод Меморандума Троцкого членам президиума Коминтерна: в нем имеются намеки на тайны советской государственной политики (на самом деле была одна «тайна»: 15 апреля 1927 г. Сталин на сессии Моссовета высоко возносил заслуги Чан Кай-ши и защищал Гоминдан, а через неделю был

переворот Чан Кай-ши, жертвой которого стали тысячи убитых коммунистов, о чем и писал Троцкий). Сталин увидел угрозу провала «единодушного осуждения» Троцкого Коминтерном; чтобы предупредить это, он предложил отложить заседание, а тем временем «проинформировать» итальянцев не о меморандуме Троцкого, а о внутреннем положении в СССР и о позиции ВКП (б).

Эту роль «информатора» поручили лидеру болгарских коммунистов В. Коларову. И Коларов сыграл ее классически. Пригласив к себе итальянцев в отель «Люкс» (там жили иностранные лидеры Коминтерна), Коларов за чашкой чая изложил итальянцам весьма толково, хотя и несколько цинично, суть дела. Смысл доводов Коларова сводился к следующему: во-первых, я тоже не читал документа Троцкого; во-вторых, если бы Троцкий секретно прислал бы его мне для ознакомления, то я отказался бы его читать, ибо он, откровенно говоря, не представляет для меня интереса; в-третьих, мы не заняты поисками исторической правды, а констатируем факт борьбы двух сил в ВКП (б) – это Политбюро во главе со Сталиным и оппозиция во главе с Троцким. В этой борьбе власть над партией и СССР в руках Сталина. Поэтому мы поддерживаем Сталина, а не Троцкого.

Коларов все-таки не убедил итальянцев, и они на новом заседании снова отказались голосовать за осуждение меморандума и исключение Троцкого. К ним присоединились французские и швейцарские делегаты. Тогда Сталин заявил, что ЦК *берег* обратно свою резолюцию о Троцком, поскольку нет «единогласия». Заседание кончилось без осуждения Троцкого. Когда, проезжая Берлин, Силоне купил свежую немецкую газету, то не без удивления прочел лживую новость: Москва сообщала, что Коминтерн осудил Троцкого за его меморандум о Китае ("The God That Failed", ed. by R. H. S. Grossman, New York, Harper & Brothers, p. 106-111).

По делу о типографии ЦКК исключил из партии 14 человек – лидеров оппозиции вне ЦК во главе с Преображенским, Серебряковым, Мрачковским. Однако, это не приостановило печатания платформы оппозиции, ибо, как сообщает Ярославский, «оппозиция использовала путем подкупа и обмана отдельных работников советских типографий, чтобы выпустить в свет свою меньшевистскую платформу, которая была отпечатана и разослана на места» (Ем. Ярославский, цит. пр., стр. 483).

Исключительную активность, выходящую из-под контроля лидеров оппозиции, проявляют местные оппозиционные группы, создавая новые под-

польные типографии под Москвой, в Ленинграде, на Украине, насильственно захватывая аудитории для своих собраний (Ярославский: «Дело дошло до до того, что насильственно была захвачена аудитория Московского высшего технического училища, куда не были допущены члены ЦК и ЦКК, явившиеся на это собрание для того, чтобы распустить его, – там же, стр. 484). Вот тогда и началась новая, на этот раз массовая волна исключения из партии не только оппозиционеров, но и тех, кто открыто не становился на точку зрения ЦК. Теперь вновь взялись за лидеров оппозиции из ЦК.

Сталин опять решил призвать на помощь Коминтерн. 27 сентября состоялось объединенное заседание Президиума Исполкома и Интернациональной Контрольной Комиссии, посвященное оппозиции. На этом заседании Троцкий открыто обвинил Сталина, что его группа в ЦК путем нелегальных партаппаратных комбинаций незаконно захватила власть над партией и узурпировала власть над страной. Теперь Сталин создал в партии принципиально отличный режим, чем режим Ленина, поэтому оппозиция, борясь против партаппаратного бюрократического режима Сталина, тем самым борется за восстановление ленинского режима. Сталин решил доказать перед Коминтерном несостоятельность этого утверждения. Из резкого диалога между Троцким и Сталиным на заседании президиума Исполкома Коминтерна выяснилось, что хотя сталинская группа и узурпировала власть, но сам по себе сталинский режим действительно есть весьма логичное, наиболее последовательное продолжение того режима, который Ленин провозгласил на X съезде. Аргументы Сталина действительно были убедительны. Сталин опубликовал эту свою речь, приурочив это к октябрьскому пленуму ЦК и ЦКК 1927 г., на котором вновь был поставлен вопрос об оппозиции. Сталин объявил с полным правом свой режим ортодоксально ленинским, а самого Троцкого чужеродным элементом в большевизме. Сталин сказал:

«Троцкий не понимает нашей партии. У него нет правильного представления о нашей партии.

Он смотрит на нашу партию так же, как дворянин на чернь или как бюрократ на подчиненных. Иначе бы он не утверждал, что в миллионной партии, в ВКП(б), можно "захватить" власть, "узурпировать" власть отдельным лицам... Почему же, в таком случае, Троцкому не удалось "захватить" власть в партии...? Чем это объяснить? *Разве т. Троцкий более глуп или менее умен, чем Бухарин или Сталин?* Разве он менее крупный ора-

тор, чем нынешние лидеры нашей партии? Не вернее ли будет сказать, что, как оратор, Троцкий стоит выше многих нынешних лидеров нашей партии? Чем объяснить в таком случае, что Троцкий, несмотря на его ораторское искусство, несмотря на его волю к руководству, несмотря на его способности, оказался отброшенным прочь от руководства великой партией, называемой ВКП (б)? Троцкий склонен объяснить это тем, что наша партия, по его мнению, является голосующей барантой, *слепо идущей за Сталиным и Бухариным?»* («Партия и оппозиция по документам», стр. 10-11) Выделенные мною слова Сталин исключил из текста при переиздании его Сочинений в 1949 г. (см. Сталин, Соч., т. 10, стр. 159).

Насчет того, отличается ли его режим от ленинского, Сталин так ответил Троцкому:

«Троцкий изображает дело так, что нынешний режим в партии ... является чем-то принципиально другим в сравнении с тем режимом в партии, который был установлен при Ленине. Он хочет изобразить дело так, что против режима, установленного Лениным после X съезда, он не возражает, и что он ведет борьбу, собственно говоря, с нынешним режимом в партии, ничего общего не имеющим, по его мнению, с режимом, установленным Лениным.

Я утверждаю, что Троцкий говорит здесь прямую неправду.

Я утверждаю, что нынешний режим в партии есть точное выражение того самого режима, который был установлен в партии при Ленине, во время X и XI съездов нашей партии... Троцкий и оппозиция... требовали допущения фракционных группировок в партии и отмены соответствующего постановления X съезда... (Троцкий: "Я не говорил о X съезде, Вы выдумываете"). Троцкий не может не знать, что я могу доказать это документально. Документы эти остались в целости, я их раздам товарищам, и тогда будет ясно, кто из нас говорит неправду» (Сталин, Соч., т. 10, стр. 161-162).

Разумеется, Сталин никаких документов, из которых было бы видно, что Троцкий требовал отмены решений X съезда, не представил. 3 октября 1927 г. Сталин направил в Политсекретариат Коминтерна выдержку из «Заявления 46-ти» от 15 октября 1923 г., которого Троцкий никогда не подписывал. Но и в этом заявлении Пятакова, Преображенского, Серебрякова и др. говорилось лишь следующее: «объективно сложившийся после X съезда режим *фракционной диктатуры* внутри партии пережил

себя» (там же, стр. 163, выделено мною. – А. А).

В том-то и заключалась вся беспомощность оппозиции «большевиков-ленинцев» (как она стала себя потом именовать), что она считала «священным» и неприкосновенным все, что Ленин делал, в том числе и этот явно драконовский «исключительный закон против партии» – решение X съезда, а Сталин его последовательно применял на путях ликвидации думающей, рассуждающей и критикующей партии, чтобы от «фракционной диктатуры» перейти к диктатуре личной. Оппозиция это видела, героическими словами боролась со Сталиным, но панически боялась тени Ленина. В этой обстановке собрался новый объединенный пленум ЦК и ЦКК (21-23 октября 1927 г.) с повесткой дня:

1. Первый пятилетний план (Рыков),
2. Работа в деревне (Молотов),
3. Информация председателя ОГПУ Менжинского о связях оппозиции с контрреволюцией,
4. Об исключении из ЦК Троцкого и Зиновьева (Политбюро ЦК и президиум ЦКК).

Партийная пропаганда, да и западная литература, идею индустриализации страны всегда приписывали Сталину. Между тем, нет ничего ошибочнее такого утверждения. План индустриализации был коллективным творчеством, разработанным специальной комиссией Политбюро во главе с председателем правительства, главным заместителем Ленина по экономике СССР – Рыковым. Все главные установки общего плана индустриализации, ее пропорции, ее темпы, ее приоритеты (преимущественное развитие тяжелой промышленности, особенно производства средств производства) были представлены комиссией Рыкова Политбюро ЦК накануне XIV съезда, то есть тогда, когда в его состав входили Троцкий, Зиновьев, Каменев. Этот план был единогласно утвержден Политбюро, а потом столь же единодушно он был утвержден на XIV съезде в резолюции съезда о работе ЦК. Первый пятилетний план также был разработан новой комиссией Политбюро под председательством Рыкова с участием председателя Госплана Кржижановского.

Вот как раз о директивных установках первой пятилетки и докладывал пленуму Рыков. В резолюции пленума, написанной Рыковым, говорится, что при составлении пятилетки «в соответствии с политикой индустриализации страны, в первую очередь должно быть усилено *производство средств*

производства... Наиболее быстрый *темп развития* должен быть придан тем отраслям тяжелой индустрии, которые подымают в кратчайший срок экономическую мощь и обороноспособность СССР», но, вместе с тем, резолюция особо подчеркивает: «В области отношений между развитием *тяжелой и легкой индустрии* равным образом необходимо исходить из оптимального сочетания обоих элементов... Промышленность, производящая *предметы потребления,* должна довести количество и качество своей продукции до такого предела, чтобы было обеспечено *значительное* повышение душевой нормы потребления трудящихся», и, в ответ оппозиции, в резолюции записано:

«Неправильно исходить из требования *максимальной* перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и подрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв ее внутреннего рынка, подрыв экспорта и нарушение *равновесия всей народно-хозяйственной системы»* («ВКП (б) в рез.», ч. II, стр. 371-376).

Единственный творческий вклад, который Сталин внес в план индустриализации, когда он избавился от Рыкова, Бухарина, Томского, заключался в том, что он радикально пересмотрел установки и решения данного пленума по пятилетке о соблюдении правильной пропорции в развитии экономики и сделал «военно-феодальную эксплуатацию крестьянства» (Бухарин) основой финансирования индустриализации, о чем у нас будет речь впереди.

Деревенская политика ЦК в изложении Молотова была представлена как смесь идей Сталина и Бухарина, ничего оригинально молотовского там не было (Молотов, которого Ленин метко окрестил «каменным задом», не был политиком большого формата, а был и оставался партаппаратчиком сталинской школы – не рассуждающим при принятии плана Сталина, скрупулезным в его интерпретации и жестоким до бездушности в деле его проведения в жизнь).

Центральным пунктом повестки дня стал третий вопрос – вопрос об оппозиции, а именно об исключении Троцкого и Зиновьева из ЦК. Для этого, согласно решению X съезда, требовалось 2/з голосов объединенного пленума ЦК и ЦКК, причем кандидаты в члены ЦК тоже имели право решающего голоса на таком пленуме. Поскольку же из 269 членов и кандидатов ЦК и ЦКК, избранных на последнем съезде, на стороне оппозиции стояло только

13 человек, судьба лидеров оппозиции была предрешена.

В центре дискуссии стали два вопроса:

1. обвинение Политбюро против оппозиции в продолжении ею фракционной деятельности и в ее связях с контрреволюцией;

2. требование оппозиции об опубликовании «Завещания» Ленина и снятии Сталина с поста генерального секретаря.

После доклада Политбюро выступили лидеры оппозиции. Весьма агрессивны были в своих выступлениях Зиновьев и Каменев.

Зиновьев сказал: «Чем может похвастаться сталинское руководство? Ошибка на ошибке, поражение за поражением: в итоге политическое банкротство» («Пятнадцатый съезд ВКП (б). Стенограф, отчет», ч. I, стр. 385).

Каменев сказал: «Мы заявляем, что в какое бы положение ни поставила нас потерявшая голову группа сталинцев-раскольников, мы будем отстаивать дело Ленинской партии против могильщиков революции» (там же, стр. 386),

Троцкий добавил, что «XV съезд явится высшим торжеством *аппаратной механики* сталинской фракции» (там же, стр. 387).

«Завещание»-письмо Ленина было адресовано XII съезду (1923). Люди, стоявшие теперь во главе оппозиции, имели тогда большинство в ЦК и безболезненно могли снять Сталина при желании и договоренности между собою, но они отказались снять Сталина и выполнить последнюю волю Ленина, более того, они вместе со Сталиным решили тогда скрыть от партии это «завещание». Теперь, когда дело снятия Сталина было безнадежным, а публикация «завещания» зависела исключительно от него же, оппозиция неожиданно решила поднять на пленуме данное требование. Но Сталин не был бы Сталиным, если бы он в свое время не принял мер, страхующих его от обвинения, что он или ЦК скрывали «завещание» Ленина. Эти меры очень пригодились ему сейчас. Сталин доказывал, что если кто и скрывал «завещание», то это делали как раз Троцкий, Зиновьев, Каменев, которые, видите ли, более были заинтересованы в скрытии ленинского «завещания», так как в «завещании» Ленин говорит об их политических ошибках, а о политических ошибках Сталина не говорит ничего.

Свой ответ Сталин начал с объяснения, почему оппозиция сосредоточила огонь на его личности. Говорил он о себе, как обычно, в третьем лице: «Вы слышали здесь, как старательно ругают оппозиционеры Сталина, не жалея сил. Это меня не удивляет, товарищи. Тот факт, что

главные нападки направлены против Сталина, этот факт объясняется тем, что Сталин знает, лучше, может быть, чем некоторые наши товарищи, все плутни оппозиции, надуть его, пожалуй, не так-то легко, и вот они направляют удар прежде всего против Сталина» (Сталин, Соч., т. 10, стр. 172). Чтобы доказать, что «хулиганская травля» вождей большевизма есть историческая профессия Троцкого, Сталин вытащил вновь на свет Божий произведения Троцкого периода эмигрантских драк между Троцким и Лениным. В частности, он процитировал личное письмо Троцкого к председателю социал-демократической фракции в IV Государственной думе Чхеидзе. Письмо написано в апреле 1913 г., отражает эпоху драки между Августовским блоком Троцкого и новым ЦК Ленина, созданным в Праге в январе 1912 г. Письмо это было перехвачено царским департаментом полиции и в руки Сталина попало еще при жизни Ленина. Ленин не придал ему никакого значения, ибо спор между Троцким и Лениным решило абсолютное единство их взглядов в решающий момент по решающему вопросу – об организации и проведении Октябрьского переворота. К тому же, вступая в блок с Зиновьевым и Каменевым, Троцкий открыто заявил, что во всем, что его разделяло до революции с Лениным, прав оказался Ленин, а не он, и что «уже сам по себе тот факт, что я вступил в большевистскую партию… доказывает, что я сложил на пороге партии все то, что отделяло меня до той поры от большевизма» (Сталин. Соч., т. 9, стр. 83).

Но все это для Сталина не имело никакого значения. Ему важно было ошеломить членов миллионной партии, которые и представления не имели ни о старых эмигрантских дрязгах, ни о том, что Ленин вовсе не был тем партийным «святым», каким его задним числом объявили и сталинцы, и троцкисты, каждый в своих интересах. Прежде чем огласить это письмо, Сталин сказал: «Да что Сталин, Сталин человек маленький. Возьмите Ленина. Кому не известно, что оппозиция во главе с Троцким во время Августовского блока, вела еще более хулиганскую травлю против Ленина. Послушайте, например, Троцкого…»

Дерзкое по тону и пикантное по содержанию письмо Троцкого ошарашило даже его сторонников. Троцкий писал:

«Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении… На темные деньги, перехваченные у Каутского и Цеткиной (речь идет о кассе

старого объединенного меньшевистско-большевистского ЦК. – А. А.), Ленин поставил орган, захватил для него фирму популярной газеты (Троцкий издавал в Вене газету «Правда», Ленин присвоил это имя для своей легальной газеты «Правда» в Петербурге в мае 1912 г. – А. А.) и, поставив "единство" и "неофициальность" ее знаменем, привлек читателей-рабочих, которые в появлении ежедневной рабочей газеты естественно увидели огромное свое завоевание. А потом, когда газета окрепла, Ленин сделал ее рычагом кружковых интриганств и беспринципного раскольничества. Словом, все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения» («Партия и оппозиция по документам», стр. 13).

Процитировав это письмо, двусмысленно указав, что еще в 1913 году «оппозиция во главе с Троцким вела хулиганскую травлю против Ленина» (хотя Зиновьев и Каменев тогда были первыми соратниками Ленина против Троцкого, а о существовании самого Сталина Ленин знал, но не знал ни его партийной клички, ни настоящей фамилии. – См. об этом выше), Сталин, став в трагическую позу, спрашивал: «Можно ли удивляться тому, что Троцкий, так бесцеремонно третирующий великого Ленина, сапога которого он не стоит, ругает теперь почем зря одного из многих учеников Ленина – тов. Сталина» (Сталин, Соч., т. 10, стр. 173).

После этого Сталин ответил на обвинение Троцкого, что он скрывает от партии «завещание» Ленина. Что это не так, Сталин в свидетели призвал того же... Троцкого. Сталин сообщил, что когда Истмен, сторонник Троцкого, издал в 1924 году в Америке книгу «После смерти Ленина», в которой впервые было приведено «завещание» Ленина и впервые было брошено Сталину обвинение, что он скрывает это «завещание» от партии, то Политбюро обратилось к Троцкому с предложением опровергнуть Истмена. Троцкий сделал это, напечатав соответствующую статью в журнале «Большевик». В этой статье Троцкий писал: «Истмен говорил о том, что ЦК "скрыл" от партии ряд исключительно важных документов, написанных Лениным в последний период его жизни (дело касается писем по национальному вопросу, так называемого «завещания» и пр.), это *нельзя назвать иначе, как клеветой на ЦК...* Все эти письма и предложения . . . всегда доставлялись по назначению, доводились до сведения делегатов XII и XIII съездов... и если не все эти письма напечатаны, то потому, что они не предназначались их автором для печати. Никакого "завещания" Владимир

Ильич не оставлял... Под видом "завещания" в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно ... одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII съезд партии внимательнейшим образом отнесся и к этому письму, ... и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. *Всякие разговоры о скрытом или нарушенном "завещании" представляют собою злостный вымысел»...* (ж. «Большевик», № 16, 1 сентября 1925, стр. 68).

Огласив эту статью Троцкого, Сталин спрашивал: «Кажется, ясно? Это пишет Троцкий, а не кто-либо другой. На каком же основании теперь Троцкий, Зиновьев и Каменев блудят языком, утверждая, что партия и ее ЦК "скрывают" "завещание" Ленина?» (Сталин, Соч., т. 10, стр. 175).

Однако Сталин признался, что «завещание» Ленина, действительно, есть, и в нем «Ленин предлагал съезду, ввиду "грубости" Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту генерального секретаря другим товарищем», но Сталин не огласил всего текста Ленина о нем, ибо иначе было бы видно, что Ленин говорил не только о его «грубости», но и о его нелояльности и склонности злоупотреблять властью. Причем свою грубость Сталин, по существу, объявил добродетелью по отношению к интересам партии, вступив косвенно в полемику с ленинской характеристикой о нем. Сталин сказал: «Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Я этого не скрывал и не скрываю. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается» (там же, стр. 175). Словом, «добряк» Ленин терпел «раскольников» в партии, но вот я, Сталин, не могу их терпеть!

Сталин привел аргументы и более убедительные. Он сказал, что на первом же заседании пленума ЦК после XIII съезда он просил пленум освободить его от обязанностей генерального секретаря, но «все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, *обязали* Сталина остаться на своем посту» (там же, стр. 176). Сталин добавил, что «через год после этого я вновь подал заявление в пленум об освобождении, но меня вновь обязали остаться на посту». Сталин вполне резонно спрашивал: «Что же я мог сделать? Сбежать с поста? Это не в моем характере, ни с каких постов я никогда не убегал... Человек я... подневольный, и когда партия обязывает, я должен подчиниться» (там же, стр. 176).

Выпячивая одни выгодные для себя факты, Сталин обладал изумительным даром манипуляции и подтасовки невыгодных ему фактов. Две таких подтасовки, прямо на глазах свидетелей, тех же лидеров оппозиции, он совершил, когда заявил, что:

1. «завещание» Ленина было адресовано XIII съезду, тогда как на самом деле оно было адресовано XII съезду, происходившему еще при жизни Ленина (этот вопрос мы подробно разбираем в главе 23), и что
2. XIII съезд постановил не опубликовать «завещание»; на самом же деле, XIII съезд вообще не рассматривал этого вопроса (Политбюро ЦК довело до сведения отдельных делегаций XIII съезда лишь содержание «завещания», присовокупив свое решение не опубликовывать его).

Сталин указал, что уже есть решение пленума ЦК и ЦКК в 1926 г., чтобы испросить разрешение у XV съезда на напечатание «завещания» (XV съезд действительно постановил опубликовать «завещание», Сталин, однако, его так и не опубликовал, это произошло только после XX съезда), но тут же огласил, не дожидаясь съезда, всю ту часть «завещания», которая касалась Троцкого, Зиновьева и Каменева. Он предпослал этому следующее заявление:

Оппозиция старается козырять "завещанием" Ленина. Но стоит только прочесть это "завещание", чтобы понять, что козырять им нечем. Наоборот, "завещание" Ленина убивает нынешних лидеров оппозиции» (там же, стр. 177).

Слова Ленина, что «октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева не является случайностью», но что «он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому», Сталин интерпретировал так: «Это значит, что *политически* нельзя доверять ни Троцкому, который страдает "небольшевизмом", ни Каменеву и Зиновьеву, ошибки которых не являются "случайностью" и которые могут и *должны* повториться» (там же, стр. 177. Курсив мой. – А. А.).

Эта грубейшая фальсификация Сталиным мысли Ленина и смысла «Завещания» и до сих пор кочует из учебника в учебник официальной истории партии. Сталин закончил разбор «Завещания» утверждением: «Характерно, что ни одного слова, ни одного намека нет в "завещании" насчет ошибок Сталина» (там же, стр. 177). Сталина мало занимало отсутствие логики в такой оценке «Завещания»: Троцкому, Зиновьеву и Каменеву, по Ленину, «политически нельзя доверять», но их надо оставить

на своих постах, только Сталину можно политически доверять, но его надо снять, хотя даже «ни одного намека нет в "завещании" насчет ошибок Сталина»!

Еще на июльско-августовском пленуме Сталин старался обвинить оппозицию в участии в «заговоре по типу Пилсудского». Но тогда материалы, представленные ОГПУ, оказались настолько «липовыми», что Сталин поспешил снять это обвинение. В течение двух месяцев после этого пленума и аппарат ЦК и агентура ОГПУ так хорошо поработали, что Сталин предпринял беспрецедентный в истории партии шаг: он поставил в повестку дня пленума доклад председателя советской тайной полиции Менжинского (разумеется, в опубликованной повестке дня и информационном сообщении о пленуме об этом докладе ничего не говорилось). Менжинский доложил пленуму, что его учреждение арестовало целую группу оппозиционеров, а также группу «белогвардейцев» и «буржуазных интеллигентов», которые выполняли задание оппозиции по организации подпольных типографий и что эти «белогвардейцы замышляли о военном перевороте». К этому Сталин добавил, что лидеры оппозиции Троцкий, Зиновьев, Смилга, которых ЦКК ознакомила с показаниями арестованных, сняли копии с этих показаний и переслали за границу Маслову (лидеру троцкистов в Германии), а Маслов их опубликовал в Берлине. Тем самым, говорил Сталин, были предупреждены «по доносу оппозиции» те из белогвардейцев, которые еще не арестованы, но участвуют в заговоре в связи с оппозицией. Этим Сталин оправдывал и тот факт, почему начальник тайной полиции занимается внутрипартийными делами: «Вот почему ЦК и ЦКК сочли нужным предложить тов. Менжинскому сделать сообщение о фактах» (там же, стр. 184).

Однако Менжинский не совсем оправдал ожиданий Сталина, а лидерам оппозиции легко удалось доказать пленуму, что она не ставила и не ставит своей целью свержение руководства путем заговора, тем более чудовищна мысль, что она может участвовать в военном заговоре каких-то белогвардейцев. Более того, оппозиция доказала фактами и документами, что те белогвардейцы, с которыми якобы связана оппозиция, являются агентами-провокаторами самого ОГПУ. Сталин не мог не заметить невыгодную для себя реакцию даже его собственных сторонников, то есть большинства пленума. Поэтому он решил «отступить». Сталин сказал, что ЦК никогда и никого из оппозиции в участии в военном заговоре не обвинял (Муралов : «На прошлом пленуме обвиняли») (там же, стр. 184-185).

Но Сталин вынужден был открыто признать, что ОГПУ, по заданию ЦК, начало пользоваться внутри парии не только агентурной сетью, но и своими провокаторами (надо сказать, что Ленин был против использования агентурной сети ОГПУ в партии и против вербовки коммунистов в качестве сексотов). Вот заявление Сталина по поводу нашумевшего тогда дела «врангелевского офицера»:

«Говорят о бывшем врангелевском офицере, обслуживающем ОГПУ в деле раскрытия контрреволюционных организаций. Оппозиция скачет и играет, подымая шум по поводу того, что бывший врангелевский офицер, к которому обратились союзники оппозиции, все эти Щербаковы и Тверские, оказался агентом ОГПУ. Но что же тут плохого, если этот самый бывший врангелевский офицер помогает Советской власти раскрывать контр-революционные заговоры?.. оказалось, что господа Щербаковы, Тверские и Большаковы, налаживая блок с оппозицией, уже имеют блок с контрреволюционерами, с бывшими колчаковскими офицерами, вроде Кострова и Новикова, о чем докладывал сегодня тов. Менжинский» (там же, стр. 187).

Когда Троцкий и Зиновьев начали приводить многочисленные факты арестов старых большевиков накануне съезда только потому, что они не-согласны с официальной линией ЦК, Сталин ответил коротко: «Да, мы их арестовываем и будем арестовывать, если они не перестанут подкапываться под партию и Советскую власть» (там же, стр. 190).

Как быть теперь с Троцким и Зиновьевым? Здесь надо сказать об одной манере Сталина играть роль «миротворца», одновременно плетя сеть интриг и разжигая страсти до накала против своего соперника. В 1924 году Сталин натравил Зиновьева и Каменева против Троцкого, но когда те потребовали исключения Троцкого из Политбюро и партии, Сталин не согласился, сказав, что нужен мир. На июльском пленуме Сталин натравил весь пленум против Зиновьева и Троцкого, но когда пленум захотел их вывести из своего состава, Сталин не согласился, сказав, что все-таки нужен мир. На апрельском пленуме ЦК и ЦКК в 1929 году Сталин так остро и бескомпромиссно поста-вил вопрос о «правых капитулянтах» – о Бухарине и Томском, что опять-таки пленум потребовал их немедленного вывода из Политбюро, но Сталин заявил, что он не согласен с таким требованием: «По-моему, можно обойтись без такой крайней меры» (Сталин, Соч., т. 12, стр. 107). На данном октябрьском пленуме Сталин в кокетливых тонах говорил о своей такой

«миролюбивой» слабости. Он сказал:

«На прошлом пленуме ЦК и ЦКК... меня ругали некоторые члены пленума за мягкость в отношении Троцкого и Зиновьева, за то, что я отговаривал пленум от немедленного исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК (Голоса с мест: "Правильно!"... Тов. Петровский: "Правильно, всегда будем ругать"...). Но теперь, товарищи, после всего того, что мы пережили за эти три месяца... мягкости не остается уже никакого места... Теперь надо стоять нам в первых рядах тех товарищей, которые требуют исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК» (Бурные аплодисменты. Голоса: "Правильно! Правильно!" Голос с места: "Троцкого надо исключить из партии"). "Это пусть решает съезд, товарищи"» (Сталин, Соч., т. 10, стр. 191).

Пленум вынес постановление об исключении Троцкого и Зиновьева из состава ЦК за фракционную деятельность, «граничащую с образованием новой антиленинской партии совместно с буржуазными интеллигентами». Пленум постановил также передать на решение XV съезда «все данные о раскольнической деятельности лидеров троцкистской оппозиции, равно как и группы т.т. В. Смирнова-Сапронова» («Правда», 25 октября 1927 г.).

Весь период от октябрьского пленума до открытия XV съезда характеризуется, с одной стороны, крайним обострением борьбы между ЦК и оппозицией, с другой, небывалым доселе размахом репрессий против оппозиции и сочувствующих ей в партии и народе. Массовые исключения из партии, увольнения с работы, исключения из школ, групповые аресты старых большевиков органами ОГПУ, – все это становится обычным явлением дня. В этих условиях не только подписывать оппозиционные документы и голосовать за них на партийных собраниях, но и просто выражать свое сочувствие оппозиции становится уже подвигом. Тем более знаменательно, что силы оппозиции в этот период не тают, а растут. «Заявление 83-х» (72 печатных страницы) от июня 1927 года собрало тысячи подписей активных деятелей оппозиции (в нем говорилось о вине ЦК за разрыв Англией 27 мая 1927 г. дипломатических отношений с СССР, вине ЦК за поражение китайской революции, о перерождении «диктатуры пролетариата» в «буржуазное государство», об антирабочей, антибедняцкой, прокулацкой, пронэпмановской политике ЦК, о националистической теории «социализма в одной стране», об установлении диктатуры сталинской фракции над партией и т. д.). Партийный историк, главный мастер сталинских чисток партии Ем. Ярославский писал, что эта платформа была

отпечатана подпольной типографией в количестве 30 тысяч экземпляров и ее подписали 5 тысяч человек (Ем. Ярославский, «Краткая история ВКП(б)», стр. 487; комментатор протоколов «Пятнадцатого съезда» (стенограф, отчет) задним числом снизил количество подписей до трех тысяч, см. ч. II, изд. 1962 г., стр. 1644).

Контртезисы оппозиции, по докладам Рыкова (О пятилетнем плане) и Молотова (О работе в деревне) ЦК вынужден был, в силу решения октябрьского пленума, опубликовать в специально созданном к съезду при «Правде» «Дискуссионном листке» (с 30 октября по 2 декабря 1927 г.). Представители оппозиции выступали также на партийных собраниях заводов, фабрик, учреждений, школ, военных частей с обоснованием контртезисов оппозиции в атмосфере, совершенно неизвестной и невозможной в цивилизованной среде. При партийных комитетах по указанию ЦК были созданы специальные команды «скандалистов, свистунов, громил», о которых упоминалось и на XV съезде («Пятнадцатый съезд»... стр. 547).

Как только на каком-либо собрании появлялся представитель или сторонник оппозиции, туда посылалась команда «свистунов и громил», которая, опираясь на местного партийного секретаря и его актив, должна была срывать выступление оппозиционера. На том же XV съезде приводился рассказ Троцкого, как секретарь Московского комитета Угланов руководил московским активом, когда выступали оппозиционеры:

«Троцкий, инструктируя кружок, говорил, что Угланов проводил московский актив и давал (это его доподлинные слова) специальную команду свистунам... Угланов сидит в президиуме, и если ставит бумажку так *(показывает),* то значит – посвистите немножко, если он ставит бумажку поперек, то свистите сильнее, а если он разрывает бумажку, тогда и свистите и стучите ногами... Так встречали лидеров оппозиции не только на Московском активе, но и на Украине» (там же, стр. 185-186).

Когда оппозиционные члены ЦК и идущие за ними коммунисты требовали от ЦК, чтобы в их распоряжение были предоставлены помещения, где они могли бы на партийных собраниях изложить свои взгляды, то ЦК и ЦКК отказывали им в этих элементарных правах членов партии. Ярославский, рассказывая, что оппозиция 4 ноября, накануне съезда, незаконно захватила аудиторию МВТУ для собрания, приводил слова Смилги, что ЦК и ЦКК «обязаны предоставлять из того жилищного фонда, который имеется в распоряжении партии, клубы и помещения по нашему требованию в любом

районе». Когда он огласил эго требование оппозиции, то из зала XV съезда, как по команде, раздались голоса: «Пусть им Врангель предоставит!», «Можно предоставить на Новодевичьем кладбище!», «За Бутырской заставой!» (то есть в тюрьме. – А. А.), «На Лубянской площади!» (то есть в подвалах ОГПУ. – А. А.) (там же, стр. 544).

Несмотря на такой психологический, политический и полицейский террор, «контртезисы» оппозиции к съезду, по официальным, явно преуменьшенным данным, собрали 13 300 голосов, стоявших за оппозицию (Ярославский: «оппозиция получила один процент голосов во время дискуссии и полпроцента колеблющихся», это и составляет названное абсолютное число от 887 000 членов партии, представленных на XV съезде; Ем. Ярославский, цит. пр., стр. 488).

Большую активность оппозиция, особенно ее местные группы, развернула путем распространения листовок. Накануне празднования десятой годовщины Октябрьской революции оппозиционеры опубликовали в Ленинграде за подписями Зиновьева, Радека, Евдокимова, Бакаева, Петерсон и Соловьева воззвание «К демонстрации 7 ноября». Один ленинградский делегат XV съезда считал его фактическим «призывом к восстанию», что, конечно, было извращением фактов. В этом воззвании, вместе с перечислением ошибок ЦК и требований оппозиции, выдвигался лишь один «боевой» лозунг: «По рукам безобразничающих сталинцев, по рукам тех, кто борется против оппозиции» («Пятнадцатый съезд».., стр. 320).

Накануне праздника Сталин прибег к трюку, который показывает его как весьма изобретательного демагога. Он поставил на специальной юбилейной сессии ЦИК СССР вопрос о выпуске особого «Манифеста» к трудящимся СССР и всего мира в ознаменование юбилейного праздника. «Манифест» торжественно провозгласил:

1. отныне в СССР вводится семичасовой рабочий день с сохранением существующей зарплаты;

2. 35% крестьянских хозяйств (т. е. вся беднота и маломощные середняки) освобождаются от налогов.

Оппозиция назвала это все своим именем, то есть демагогией, и голосовала против «Манифеста». Вот это как раз и нужно было Сталину. Мощная пропагандная машина начала разоблачать оппозиционеров, как врагов жизненных интересов народа. Такая пропаганда легко достигла своей цели. Оппозиция своей тактической ошибкой изолировала себя от того

пролетариата, городского и деревенского, выразителем интересов которого она себя считала. В этой обстановке происходит празднование десятой годовщины Октября. Партаппарат, имея в виду возможность открытых уличных демонстраций, подготовил заранее из партийцев специальные отряды, которых тогда остряки называли СББ («сталинские батальоны башибузуков»), чтобы их пустить в ход, если оппозиционеры выйдут на улицу. Оппозиция действительно устроила контрдемонстрацию – в Москве во главе с Троцким, в Ленинграде – во главе с Зиновьевым. Официальный историк пишет:

«Лидеры оппозиции вывели на демонстрацию в Москве и Ленинграде небольшие группы своих сторонников с антипартийными лозунгами и плакатами. Троцкий в Москве и Зиновьев в Ленинграде выступали перед демонстрантами с клеветническими речами... демонстранты были рассеяны, их плакаты и лозунги были уничтожены, а Зиновьеву и его приспешникам пришлось спасаться бегством» («Пятнадцатый съезд».., стр. 1611). Так хорошо работали «башибузуки»!

Троцкий описывает демонстрацию так: «По мере приближения XV съезда... несмотря на чудовищный террор, в партии пробудилось стремление услышать оппозицию. Этого нельзя было достигнуть иначе, как на нелегальном пути. В разных концах Москвы и Ленинграда происходили тайные собрания от 20 до 200 человек. В течение дня я посещал 2, 3, иногда 4 таких собраний. Они происходили обычно на рабочих квартирах... На этих собраниях перебывало в Москве и Ленинграде до 20 тыс. человек. Оппозиция очень искусно подготовила большое собрание в МВТУ, – набилось свыше двух тысяч человек. Большая толпа оставалась на улице... Я и Каменев говорили около двух часов... ЦК выпустил воззвание к рабочим разгонять собрания оппозиции силой. Это воззвание было только прикрытием для тщательно подготовленных нападений на оппозицию со стороны боевых дружин под руководством ГПУ. Сталин хотел кровавой развязки. Мы дали сигнал к временному прекращению больших собраний. Это произошло уже после демонстрации 7 ноября... Оппозиционеры решили принять участие в общей процессии со своими плакатами. Лозунги этих плакатов ни в каком случае не были направлены против партии:

"Повернем огонь направо – против кулака, нэпмана и бюрократа", "Выполним завещание Ленина", "Против оппортунизма, против раскола, за единство партии". Сегодня эти лозунги составляют официальное кредо

сталинской фракции в ее борьбе против правых (написано в 1930 г. – А. А.). В день 7 ноября плакаты оппозиции вырывались из рук, носители этих плакатов подвергались избиениям со стороны специальных дружин... В качестве добровольцев по борьбе с "троцкистами" поднимались на помощь аппарату прямо фашистские элементы московской улицы. Милицейский, под видом предупреждения, открыто стрелял по моему автомобилю... Пьяный чиновник пожарной команды вскочил с площадными ругательствами на подножку моего автомобиля и разбил стекло... Подобная же манифестация происходила в Ленинграде. Зиновьев и Радек подверглись атаке специ-ального отряда, были заперты во время демонстрации в одном из зданий» (Л. Троцкий, «Моя жизнь», ч. II, стр. 277-280).

Мастера Октябрьского переворота 1917 г. во главе с Троцким показали себя сущими дилетантами, когда история резко поставила их перед необходимостью совершить контрпереворот против «термидорианского» переворота Сталина. Их организация была жалкая, конспирация – кустар-ная, лозунги – беззубые. Они не столько хотели победить, сколько напугать Сталина. Рабы доктрины «величия большевизма» и «святости ленинизма», они недооценили ни крепости нервов Сталина, ни его свободы от всяких идеалов, кроме идеалов власти. Заявляя на весь мир, что Сталин способен против них на все подлости, они недооценивали его одной способности – способность физически вырезать всю ленинскую гвардию во главе даже с самим Лениным (Крупская в 1926 г.: «Если бы Володя жил, то он теперь сидел бы в тюрьме». (L. Trotsky, „Stalin", p. 381).

Неудачная демонстрация оппозиции 7 ноября 1927 года явилась для Сталина долгожданным и вполне оправдывающим его поводом, чтобы окон-чательно разделаться с ней. Постановлением Политбюро ЦК и президиума ЦКК от 14 ноября 1927 года Троцкий и Зиновьев были исключены из партии. Одновременно были исключены из ЦК Каменев, Смилга, Евдокимов, Раковский, Авдеев и из ЦКК Муралов, Бакаев, Шкловский, Петерсон, Соловьев и Лиздинь («Правда», 15 ноября 1927 года). Это было сделано за две недели до открытия партийного съезда, чтобы поставить его перед со-вершившимся фактом и не дать лидерам оппозиции возможности воспользоваться трибуной съезда. Разумеется, Сталину не грозила никакая опасность от допущения на съезд Троцкого и Зиновьева, но он всегда любил действовать наверняка. О дальнейшем пребывании в партии группы Каме-нева должен был решить сам XV съезд. ЦК даже разрешил этой группе

бывших членов ЦК и ЦКК присутствовать на съезде с совещательным голосом. Таковы были результаты неудавшейся демонстрации 7 ноября для оппозиции. «День 7 ноября 1927 г. будущий историк отметит как неудачное выступление пролетариата за новую революцию», – так писал сторонник Сапронова об этой демонстрации (Ем. Ярославский, цит. пр., стр. 485).

Вслед за исключением лидеров оппозиции из партии начались массовые исключения из партии и аресты и среди тех коммунистов, которые подписывали когда-либо и какие-либо оппозиционные документы. Ярославский докладывал на XV съезде от имени ЦКК, что «до 15 ноября всего-навсего привлечено за фракционную деятельность 2031 чел.» («Пятнадцатый съезд...», стр. 550). На съезде приводились факты, свидетельствующие, что, несмотря на террор, местные группы продолжают антисталинскую деятельность, устраивают подпольные собрания, выпускают и распространяют листовки в ответ на исключение из партии Троцкого и Зиновьева. Один из делегатов Ленинграда рассказывал, что «оппозиционеры развешивали на заводах, на квартирных дверях и на фонарных столбах» листовки: «Вожди т.т. Троцкий и Зиновьев исключены из партии. Это факт величайшей подлости... Мы призываем всех сознательных рабочих к протесту против этого». В другой листовке писалось: «Товарищи, наши вожди т.т. Троцкий и Зиновьев исключены из партии благодаря стараниям Сталиных, бухариных, молотовых». Третья листовка требует свободы слова, свободы печати для всей партии, ибо ею сейчас пользуются только «Сталины, бухарины, молотовы», листовка кончается призывом «Долой ЦК, долой Сталина!» (там же, стр. 320-321). Такие же листовки распространялись в Москве, на Урале, на Украине. Украинская «группа старых большевиков-ленинцев» писала: «Мы призываем вас на путь создания ленинской партии путем организационной подпольной работы по старым методам 1907-1911 годов, на работу в подполье за свободу фракций, оттенков мнений в партии» (там же, стр. 551).

Московский делегат рассказывал, что после 7 ноября по Москве оппозиция «распространяла листовки в тысячах экземпляров». В листовке группы Сапронова говорилось, что по приказу Сталина «в Москве, на площади Свердлова, для устрашения строптивых рабочих несколько часов стояли горцы с пулеметами, а в листовке троцкистской оппозиции утверждалось, что в день 7 ноября «всего рабочих вышло на улицу 30%, основная, масса рабочих в день десятилетней годовщины Октября

отказалась от чести приветствовать Бухарина, Рыкова и Сталина; на приветствия вождей рабочие отвечали молчанием, рупор с трибуны бросил фразу: "Вот, сволочи, молчат!"» (там же, стр. 557).

Такова была общая обстановка в партии, когда открылся XV съезд партии (2-12 декабря 1927 г.). Теперь понятие «съезд» партии совершенно иное, чем то, которое бытовало в партии до сих пор. Фактически XIV съезд был последним действительным съездом партии большевиков. Все последующие съезды партии – съезды только по названию, а на деле – это хорошо организованные всесоюзные совещания тысячу раз проверенных партаппаратчиков плюс столько же раз профильтрованных политической полицией статистов, которые должны изображать из себя «массу», «народ». Сам же XV съезд, по справедливой оценке Троцкого, был «Всесоюзным совещанием сталинской фракции» (там же, стр. 543). На нем было 898 делегатов с решающим голосом и 771 делегат с совещательным, представляющих 887 223 членов и 348 957 кандидатов. Партия увеличилась после XIV съезда на 15%. Это увеличение происходило, с одной стороны, организованной вербовкой в партию малограмотных серых рабочих масс (ведь ВКП(б) – «авангард пролетариата»!), с другой, в партию хлынули вполне грамотные новые советские бюрократы и карьеристы, о которых Ленин еще в 1920 году не особенно вежливо отзывался: «Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать» (Ленин, Соч. т. 31, стр. 29).

Но этих карьеристов Сталин принимал в партию под лозунгом «ленинского призыва», тогда как настоящих ленинцев сажал в тюрьмы. Поэтому на том же XV съезде говорили, что происходят: «ленинский призыв и сталинский отсев».

Съезд выслушал отчеты ЦК (Сталин, Косиор), отчет ЦКК-РКИ (Орджоникидзе), отчет Центральной ревизионной комиссии (Курский), отчет делегации ВКП(б) в Коминтерне (Бухарин), директивы по пятилетке (Рыков), работа в деревне (Молотов), доклад об оппозиции (Орджоникидзе), выборы центральных учреждений партии.

Съезд происходил внешне, по протоколам съезда, под знаменем трех новых лидеров партии – Сталина, Рыкова и Бухарина, но на деле под гегемонией и личной режиссурой одного Сталина. Все три лидера получали на

съезде, при каждом их выступлении, «бурные, продолжительные аплодисменты», но только Сталин «бурные продолжительные аплодисменты, переходящие в *овацию».*

Если на всех предыдущих, после Октября, съездах мы читаем в протоколах многочисленные приветствия представителей делегаций рабочих, крестьян, армии, кончающиеся лозунгами: «Да здравствуют вожди мирового пролетариата Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев», но никогда не видим имени Сталина, то теперь многие приветственные речи делегаций народа на XV съезде называют только одно имя: «Да здравствует генеральный секретарь т. Сталин!» Однако сам Сталин себя не выпячивает (в отличие от Хрущева, который никому не давал говорить, или Брежнева, который иначе не титулует себя, как «Генеральный секретарь» с большой буквы, Сталин, будучи «генсеком», самим этим титулом никогда не пользовался). Сталин умело, с соблюдением положенного такта, распределяет роли на съезде между своими союзниками и учениками. Он не претендует, как Ленин, Зиновьев, Каменев, ни на вступительное, ни на заключительные слова на съездах. Даже больше. Он никогда не председательствует на съездах. Все это он предоставляет другим. Так было и на данном съезде. Открыл съезд с вводным политическим словом Рыков, председательствовали все члены президиума, кроме Сталина, закрыл съезд с заключительным словом тот же Рыков. Эта подчеркнутая «скромность» Сталина импонировала всем.

В политическом отчете ЦК Сталин подвел итоги дискуссий и расправы над оппозицией. Сформулировав еще раз главные вопросы разногласий, Сталин свел их к следующим пунктам:

1. оппозиция отрицает возможность строительства социализма в одной стране.
2. оппозиция утверждает, что в СССР произошло термидорианское перерождение, оппозиция отрицает блок рабочего класса с середняком,
3. оппозиция отрицает социалистический характер Октябрьской революции,
4. оппозиция отрицает ленинскую эластичную тактику в революции в колониальных странах, «допускающую блок и даже союз с национальной буржуазией колониальных стран против империализма» (Китай),
5. оппозиция отрицает ленинскую эластичную тактику «единого фронта» с социалистами, чтобы изнутри, через голову вождей, завоевать

массы социал-демократических рабочих на сторону коммунизма,

6. оппозиция «начисто рвет» с ленинизмом по вопросу о партаппарате, создавая «вторую партию» и новый Интернационал.

На вопрос, как быть дальше с оппозицией, при каком условии ее члены могут быть оставлены в партии, Сталин ответил: «Условие у нас одно: оппозиция должна разоружиться целиком и полностью и в идейном и в организационном отношении» («Пятнадцатый съезд...», стр. 82-90).

Все выступавшие члены ЦК и руководители местных партийных организаций поддержали предложение Сталина поставить оппозиции ультиматум об организационной и идейной капитуляции. Кроме секретаря Среднеазиатского бюро ЦК Ф. Голощекина, который заявил, что он не согласен со Сталиным ставить какое-либо условие для оставления оппозиции в партии. Он сказал: «Нам нужно взять более твердую линию, нам нужно освободить партию от оппозиционной болтовни... Надо установить жесткий режим в партии, жесткий режим в советской работе, жесткий режим в быту... Никаких условий от оппозиции мы не принимаем, никаких условий им не ставим... С ними покончено» (там же, стр. 194-196).

Ранее принадлежавшая к оппозиции, Крупская произнесла очень мягкую речь; касаясь оппозиции, она заметила, что не будет говорить об ее «крупных ошибках», поскольку другие о них говорили достаточно. Ее диагноз, почему оппозиция потерпела поражение, надо признать, однако, совершенно правильным: «оппозиция потеряла чутье, понимание того, чем дышит рабочий класс» (там же, стр. 196). Действительно, оппозиция давно потеряла не только чутье, но и чувство понимания созданной Сталиным новой партийно-полицейской реальности, что же касается рабочего класса, то он дышал атмосферой глубокого разочарования плодами Октябрьской революции, а Троцкий хотел совершить теперь вторую Октябрьскую революцию в самом левейшем ее варианте. В этом разочаровании и заключалась причина провала всех попыток оппозиции найти духовный контакт и опору в рабочем классе, а между тем оппозиция делала из рабочего класса фетиш, превратила его в идол и выставляла его судьей в своих схватках за власть со сталинцами. Совершенно иной могла быть реакция и в рабочем классе, и в народе, если бы они призывались к ликвидации всякой диктатуры, особенно коммунистической, как этого хотели кронштадтцы. «Вместо коммунистической диктатуры Сталина – коммунистическая диктатура Троцкого», – такова была по-существу

альтернатива оппозиции. Но его Величество русский пролетариат решил, что воистину «хрен редьки не слаще»! В этом и только в этом смысле Крупская была права, когда она говорила, что оппозиция потеряла чутье, контакт с рабочим классом и народом.

От оппозиции в прениях по докладу Сталина выступили Муралов, Евдокимов, Раковский, Бакаев и Каменев.

Прежде чем говорить о тех условиях, в которых вынуждена была действовать оппозиция, особенно на данном XV съезде, надо вспомнить еще раз уставные законы и исторический опыт партии. Сталин, сталинцы и их союзники (бухаринцы), запрещая критику ЦК, глуша всякую свободу мнений по спорным вопросам, постоянно ссылались на решение X съезда о запрещении фракций. Однако сталинцы сознательно игнорировали один фундаментальный факт, кто же был верховным судьей и аутентичным интерпретатором ленинского решения X съезда «О единстве партии». Им был только один высший орган: Политбюро. Политбюро ЦК, избранное на X съезде, состояло из следующих пяти членов: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин (порядок перечисления по количеству голосов, полученных каждым членом на выборах пленума ЦК). Из этих пяти Ленин умер, успев написать «Завещание» о снятии Сталина. Остались две «фракции»; одна «фракция» из трех человек: Троцкий, Зиновьев и Каменев, другая «фракция» из одного: самого Сталина. Разумеется, право аутентичной интерпретации решения X съезда принадлежало именно этому большинству ленинского Политбюро, а не одному Сталину. Поэтому в глазах оппозиции, да и в свете всех исторических фактов, именно Сталин со времени болезни Ленина методически работал над созданием своей собственной фракции партаппаратчиков как в ЦК, так и вне него. К 1927 году сталинская фракция составила такую внушительную силу под старым названием «партия», что она былое ленинское большинство не только ленинского Политбюро, но и ЦК, легко объявила антипартийной фракцией. Кроме того, сам Ленин считал решение «О единстве партии» решением, вызванным обстановкой в стране (Кронштадт) и в партии («Рабочая оппозиция» и оппозиция «децистов»), он высказывал на том же съезде убеждение, что его применять не придется, а пункт, касающийся исключения членов ЦК, объявил даже вообще не подлежащим опубликованию (его опубликовал Сталин). Но в том же решении, как бы предвидя злоупотребление партаппаратом по части репрессий, Ленин записал, что «по вопросам, привлекающим особое

внимание членов партии, – об очистке партии от непролетарских и ненадежных элементов, о борьбе с бюрократизмом, о развитии демократизма... деловые предложения должны быть рассматриваемы с величайшим вниманием... бороться всякими средствами против бюрократизма, за *расширение демократизма...»* (Выделено мною. – А. А.) («КПСС в рез.», 1953, ч. I, стр. 529). Причем Ленин не отменял, а намеренно сохранял в силе и решение IX партийной конференции 1920 г., которое он сам лично редактировал, а ЦК утвердил. В нем сказано: «Какие бы то ни было репрессии против товарищей за то, что они являются инакомыслящими по тем или иным вопросам, решенным партией, недопустимы» (там же, стр. 509). Далее, именно сам основоположник большевизма считал вполне естественным и нормальным, что каждый съезд есть арена «открытой, свободной борьбы» идей, мнений, групп, пока решения не приняты. Ленин писал о борьбе и атмосфере на II съезде: "Какая тяжелая атмосфера царит у нас на съезде!" – жаловался он мне... "Какая прекрасная вещь наш съезд!" – отвечал я ему. Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! – вот это я понимаю. Это – жизнь» (Ленин, ПСС, 1968, т. 8, стр. 333, а также «Воспоминания о Ленине», т. I, стр. 280).

Как же Ленин относился к обструкциям на съездах партии? Его советский биограф отмечает, что на том же II съезде «в связи с тем, что Ленина несколько раз прерывают Мартов, Троцкий и Засулич, он выражает протест и просит секретарей отмечать в протоколе, сколько раз его прервали» (В. И. Ленин, Биографическая хроника, т. I, 1970).

Кроме всего этого, в уставе партии, отредактированном Лениным и принятым XII партийной конференцией в августе 1922 г., то есть после X съезда, сказано: «внутри партии обсуждение всех *спорных вопросов* партийной жизни вполне свободно до тех пор, пока решение не принято» (Выделено мною. – А. А.) («КПСС в рез.», 1953, ч. I, стр. 662). Поскольку по уставу суверенным верховным органом партии является съезд и до принятия им решения «обсуждение всех спорных вопросов вполне свободно», то оппозиция имела как законное (по уставу), так и традиционное («прецедентное») право выступать на съезде с изложением своих взглядов. Зиновьева и Троцкого прямо накануне съезда исключили из партии, но всех остальных оппозиционеров исключили из партии на этом же съезде только за то, что они «вполне свободно» хотели высказать свое мнение о политике

ЦК до принятия решения съездом.

Теперь вернемся к выступлениям Евдокимова, Раковского, Бакаева, Муралова и Каменева.

Ничто так кричаще не свидетельствует об одичании нравов, о маразме политической культуры, об уголовном вырождении сталинской партии, как обструкция оппозиции на XV съезде. Публикацией протоколов XV съезда Сталин и сталинцы воздвигли себе «нерукотворный» литературный памятник башибузуков погромного искусства уникального класса. Сначала председательствующие устраивают с оппозиционными ораторами самый дешевый демагогический спектакль – почти каждого из них вызывают к трибуне, когда вызываемое лицо вышло из зала или еще не явилось. Председатель повторно спрашивает, есть ли такой-то в зале, а ему из зала чуть ли не хором отвечают голоса: «он побежал к Троцкому за инструкцией!» Такую процедуру дважды проделывают с Каменевым, повторяют ее и с другими.

Как мы выше видели, Ленин требовал свободы мнений на партийных съездах и возмущался, когда оратора прерывали репликами. Что же он сказал бы, если бы присутствовал на XV съезде? На съезде выступили пять ораторов от оппозиции, но во время их речей из президиума и зала так много было выкриков, голосов оскорбления, порою переходящих в неистовый и дикий шум (все это отмечено в протоколах), что их речи в стенограммах больше заполнены этими репликами, чем ораторским текстом: речь Муралова содержит 2 1/2 страницы, его прервали 48 раз; речь Бакаева (4 стр.) – прервали 64 раза; речь Евдокимова (3 стр.) – прервали 76 раз; меньше прерывали (по количеству страниц) Каменева – 56 раз (на 6 стр.) и Раковского – 106 раз (на 8 стр.).

Словарь выкриков «крепких выражений» содержит все оттенки оскорбления от почти лирических метафор вроде «ничтожного червячка», «блудливого кота» и «упрямого осла» до обвинения в государственной измене: «перебежчик», «предатель», «контрреволюционер». Все эти оскорбления пересыпаны личными выпадами: «Болтаешь ты!», «Врешь ты!», «Жульничаешь ты!», «Слезай!», «Вон с трибуны!» Один раз, во время речи Бакаева, зал настолько вошел в ажиотаж ругани, подняв, видно, невообразимый гвалт, что даже председатель, который до сих пор сам участвовал в оскорблении ораторов, теперь выступил со следующим заявлением: «Оппозиция распространяет провокационную ложь, что делегаты

нарочно заглушают их здесь, чтобы партия не слышала их (Голос *с места:* "Они врут по привычке!")» («Пятнадцатый съезд...», стр. 374).

Вот краткие выдержки из речей ораторов оппозиции (мы исключили из текста все реплики):

Бакаев: «...В докладе Сталина нет и намека о "форсированном наступлении на кулака" (как это провозгласил Бухарин) ... Не бухнул ли здесь т. Бухарин, не посмотрев предварительно в "святцы"... XIII съезд партии по вопросу о регулировании социального состава партии дал директиву "добиться, чтобы в течение ближайшего года в партии было больше половины ее состава рабочих от станка"... Сталинская линия победила на XIV съезде, и в итоге мы видим резкое снижение процента рабочих от станка... Если перед XIV съездом их было 42% то к XV съезду, по словам т. Молотова, рабочих от станка стало в партии 31%... Мы должны сказать, что до XVI съезда в партию можно принимать только рабочих, только батраков и только деревенскую бедноту» (там же, стр. 374-377).

Минин (бывший оппозиционер, теперь за ЦК): «Та кампания, которая была проведена в Ленинграде, толкнула многих, даже рабочих, в оппозицию... Вот что произвело сильнейшее впечатление, когда т. Калинин сказал: "Что вам стоит для ЦК объявить белое черным, а черное белым?"... Что-нибудь одно из двух: либо принимать в той же самой резолюции XIV съезда решение о проведении в жизнь демократии, либо так проводить кампанию, как проводили ее в Ленинграде, когда резолюцию, отвергнутую большинством, объявили как принятую "подавляющим большинством" голосов. Вот о таких фактах многие рабочие спрашивают: "Что такое происходит?", когда люди так проводят демократию» (там же, стр. 235-236).

Евдокимов: «Здесь на съезде утверждают, что рабочие требуют нашего исключения из партии. Неправда. Немного найдется таких рабочих, которые поверят, что такие вожди партии, как Зиновьев, Каменев и Троцкий, могут являться врагами рабочего класса... Наряду с этим рабочие, конечно, хотят, чтобы внутри партии давали говорить и большинству, и меньшинству. Рабочие хотят слушать обе стороны. Из 100 человек 99 хотят этого... Рабочий класс хочет, чтобы было сохранено единство, но в то же время он не хочет, чтобы большинство препятствовало меньшинству подчиниться решениям XV съезда, выставляя неприемлемые требования" (там же, стр. 259-262).

Каменев: «Товарищи, я выхожу на эту трибуну с единственной целью –

найти путь примирения оппозиции с партией... Борьба в партии достигла такой степени обострения, которая ставит перед нами вопрос о выборе одного из двух путей. Один из этих путей – вторая партия... Этот путь для нас исключен всей системой наших взглядов, всем учением Ленина... Остается второй путь. Этот путь – после жестокой, упорной, резкой борьбы за свои взгляды – целиком и полностью подчиниться партии. Мы избираем этот путь, ибо глубоко уверены, что правильная ленинская политика может восторжествовать только в нашей партии и только через нее... Стать на этот путь для нас значит подчиниться всем решениям съезда, как бы тяжелы они для нас ни были... Но если к этому безусловному подчинению решениям съезда, к полному прекращению всякой фракционной борьбы и к роспуску фракционных организаций, ... если бы мы к этому прибавили отречение от взглядов – это было бы не по-большевистски. Это требование отречения от взглядов никогда в нашей партии не выставлялось. Если бы с нашей стороны было отречение от взглядов, которые мы защищали неделю или две недели тому назад, то это было бы лицемерием, вы бы нам не поверили... Я говорю, конечно, о тех взглядах, которые являются подлинно нашими, а не о тех, преувеличениях, которые нам часто приписывались» (там же, стр. 279-281).

Каменев, приведя примеры, по которым взгляды оппозиции оправдались по внешним делам (провал ставки на Англо-русский комитет, на Гоминдан), так и по внутренней политике (усиление кулака, товарный голод, срыв экспорта, отставание промышленности от общего хода развития страны), сказал, что от оппозиции требуют отказаться даже от этих взглядов, которые подтверждены жизнью. Каменев кончил следующим заявлением:

«В ряде вопросов наши взгляды получили подтверждения в жизни, а в ряде случаев партия в той или другой мере усвоила их... В таких условиях требовать от нас отречения от наших взглядов – невыполнимо, недопустимо... Наши единомышленники открыто выступали в защиту нашей платформы... Они вели себя как мужественные революционеры и ставили взгляды выше своего положения... готовы были пожертвовать своим положением ради того, что они считали правильным, не считаясь с тем, что их ожидает. Зачем вам это отрицать, этого нельзя отрицать! Такое положение, когда такие люди, как Мрачковский, находятся в тюрьме, а мы находимся на свободе перед вашими глазами – оно *неудержимо.* Мы несем ответственность за все их действия» (там же, стр. 280-285).

Муралов: «...Много беды произошло оттого, что два года съезд не

собирался… ЦК вел неправильную политику… Была ненормальная обстановка… в течение двух лет шла однобокая дискуссия, однобокое освещение… По отношению к тем, которые не соглашались с политикой ЦК, были приняты такие методы, которые неслыханны в нашей партии. Ежели кто-нибудь из оппозиции говорил о том, что нужно рабочим увеличить зарплату, кричали: это – демагогия… ежели говорили, что растет кулак, бедняк в забросе, кричали: это – демагогия… Когда мы говорили, что для строительства социализма необходима индустриализация, но для этого нужно максимальное количество средств употребить на развитие промышленности, нас называли сверхиндустриализаторами и обратились с воззванием к крестьянству… (тогда говорили) что мы хотим ограбить крестьянство… Когда мы говорили, что нужно освободить 40-50% крестьян-бедняков от налога, нам сказали, что это – демагогия… Таким образом, все вопросы, которые мы поднимали, обращались против нас в величайшие демагогические приемы и клевету. Дело доходило до сугубых, величайших, неслыханных в партии репрессий по отношению к преданным старым членам партии, революционерам… обвиняя их в том, что они являются агентами Чемберлена… Товарищи, если любому из вас скажут, что вы убили свою жену, съели своего деда, оторвали голову своей *бабке,* как вы будете чувствовать себя, как вы докажете, что этого не было?» (там же, стр. 340-342).

Ввиду большого впечатления, которое произвели выступления ораторов оппозиции, ЦК сразу ввел в бой свою тяжелую артиллерию – начались выступления членов Политбюро, руководителей ЦКК, секретарей обкомов. Смысл всех их выступлений вполне укладывается в следующие слова Рыкова: «т. Каменев окончил свою речь тем, что он не отделяет себя от тех оппозиционеров, которые сидят теперь в тюрьме. Я должен начать свою речь с того, я не отделяю себя от тех революционеров, которые сторонников оппозиции посадили в тюрьму… Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придется в ближайшее время несколько увеличить» (там же, стр. 285, 291).

В заключительном слове Сталин повторил свой ультиматум об организационной и идейной капитуляции. По существу обвинений оппозиции он даже не отвергал, но речи Раковского и особенно Каменева его все-таки задели, он был озабочен, чтобы они не нашли резонанса в партии. Сталин сказал: «О речах т.т. Евдокимова и Муралова я не имею

сказать что-либо по существу... О них можно было бы сказать лишь одно: да простит им Аллах прегрешения их, ибо они сами не ведают, о чем болтают», но вот речь Каменева Сталин находит "самой фарисейской, самой шулерской, самой мошеннической и самой лживой из всех речей оппозиционеров"» (там же, стр. 411-413).

Почему? Потому, во-первых, что Каменев предлагал мир, которого Сталин не хотел; потому, во-вторых, что Каменев напомнил, что ленинский большевизм никогда не отрицал права коммуниста иметь собственные убеждения о политике ЦК и защищать их в рамках партии. Сталин не без основания сослался на решения X съезда (это сделал в своей речи и Рыков), которые запрещают коммунистам иметь свои взгляды, отличные от взглядов аппарата партии, то есть ЦК. Сталин был откровенен: «разоружится оппозиция – хорошо. Не хочет она разоружаться – сами разоружим» (стр. 419).

18 декабря съезд «разоружил» оппозицию. Он принял резолюцию, в которой, подтвердив исключение из партии Троцкого и Зиновьева, исключил из партии также Каменева, Раковского, Евдокимова, Муралова, Бакаева, Радека, Пятакова, Рафаила, Сосновского, Смилгу, Смирнова, Залуцкого, Ваганяна, Вардина, Лашевича, Эшба Е., Лилину З. И. (жена Зиновьева), всего 75 активных деятелей оппозиции (все без исключения старые большевики). Съезд исключил из партии и группу Сапронова в количестве 23 человек. В резолюции сказано, что «принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганда ее взглядов являются несовместимыми с принадлежностью к ВКП (б)» («Пятнадцатый съезд...», т. II, стр. 1468).

19 декабря, через день после решения съезда об оппозиции, на имя съезда поступило следующее заявление:

«...Заявление 10 декабря об отказе от пропаганды наших взглядов съезд нашел недостаточным и неудовлетворительным. Мы принимаем поэтому к исполнению требование съезда *об идейном и организационном разоружении.* Мы обязуемся защищать взгляды и решения партии, ее съездов, ее конференций, ее ЦК... Каменев, Евдокимов, Зиновьев, Бакаев, Куклин, Лашевич, Авдеев, Соловьев, Гессен, Пекарь-Орлов, Гр. Федоров, З. Лилина, Залуцкий, Харитонов, Бабахай, Шаров, Равич Ольга, Лукьянов, Елькович, Рейнгольд, Беляйс, Фуртичев, Миничев».

Заслушав доклад Орджоникидзе по поводу этого заявления, съезд решил:

1. Не рассматривать заявления исключенных из партии т.т. Каменева, Зиновьева и других, ввиду того, что съезд уже исчерпал вопрос об оппозиции;

2. Предложить ЦК и ЦКК принимать заявления исключенных из партии активных деятелей бывшей оппозиции лишь в индивидуальном порядке через шесть месяцев после подачи заявлений (там же, стр. 1418).

В точности сбылось предсказание Мрачковского: Зиновьев сбежал, но даже и в этом случае Сталин подвел, назначив ему испытательный режим. Капитулянты зиновьевской части блока проходили это испытание на своих подмосковных дачах, а троцкистская часть во главе с Троцким предпочла дачам капитулянтов сибирские тундры и казахстанские пески.

Так закончилась эпопея четырехлетней борьбы за власть Сталина сначала с «левой оппозицией» Троцкого (1923-1924), потом с «новой оппозицией» Зиновьева и Каменева (1925-1926), теперь с объединенным блоком оппозиции Троцкого, Зиновьева, Каменева, – закончилась полным его триумфом. Это был, однако, триумф не идеи, а машины, той колоссальной партийной машины, которую Сталин, унаследовав от Ленина, на ходу перестроил, обновил и усовершенствовал до виртуозности.

В этой борьбе Сталин показал мастерство, достойное восхищения, а его противники – уму непостижимое дилетантство. Сталин справедливо заметил на том же XV съезде, что в этой борьбе он имел дело не с противниками своего класса. Он говорил: «Оппозиционеры претендуют на руководство партией, страной. Спрашивается – на каком основании? Разве они доказали на деле, что способны вообще руководить чем-либо… Разве это не факт, что оппозиция во главе с такими людьми, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, руководит своей группой вот уже два года? Разве это не факт, что, руководя своей группой, лидеры оппозиции привели ее к окончательному краху?.. Разве не ясно: людям, обанкротившимся на руководстве маленькой группой, никто не решится поручить руководство таким большим делом, как партия, страна» («Пятнадцатый съезд»… т. I, стр. 412).

В этой связи интересно вспомнить и то, что говорил Миха Цхакая, образованный марксист, член партии с 1898 г., который в эмиграции был ближайшим единомышленником Ленина, вместе *с* ним вернулся, но недолюбливал Сталина из-за его политической аморальности, а Бухарина просто обожал. В своем выступлении на съезде об оппозиции Цхакая ни одним словом не обмолвился о докладе Сталина, не упомянул даже его

имени, но о докладе Бухарина сказал, что он «блестяще осветил все вопросы, начиная с идеологического фронта и нашей сегодняшней тактики... Я взял слово, чтобы под прожектерским светом этого доклада все-таки вернуться к тому болезненному явлению, которое ликвидируется...» После этого вступления Цхакая дал характеристику лидерам оппозиции. Цхакая сказал: «Нет никакого сомнения, что в бурный период гражданской войны Троцкий вольно или невольно всегда подчинялся партии, но никто никогда не думал, что он мог быть рулевым. Он мог быть хорошим комиссаром... Никто не мог думать, что он мог быть вождем. Потому, что это – человек, которого мы гоняли, начиная со II съезда, налево от меньшевиков и которого только в июльские дни Ленину удалось вогнать в нашу партию. Мы, старые большевики, расценивали Троцкого определенным образом. Но мы хотели использовать всех и вся в интересах революции. Что касается другой половины блока – Каменева и Зиновьева – то да, их падение печально. Все-таки они срослись с самого начала с большевистской партией... Я знаю начало их политического рождения. И не скажу, чтобы я преувеличивал их значение в высокой степени, но они были хорошие "рабочие лошади", как любил выражаться Ильич (Голоса: "Правильно!"). Но экзамен в Октябрьские дни показал, что на них, как на вождей, никогда нельзя рассчитывать. Прямо нужно сказать, что в эмиграции доклад Зиновьева даже полсотня людей не могла слушать. Великая революция 1917 года выдвинула его, и особенно он выдвинулся сам по себе, постоянно повторяя на всех митингах: "Мой дорогой учитель, мой друг Ленин"... Что же касается т. Каменева, то я чересчур знаком с его политическим прошлым, с его политическим рождением. В 1903-1905 годах он еще находился в подполье в моем распоряжении. А после я его перебросил на доделку к великому мастеру – Ленину. Мы не сомневаемся, что Каменев мог быть хорошим тружеником, но опять-таки не каким-нибудь мировым вождем» (там же, т. II, стр. 705-708).

Сталин оказался редким стратегом, планирующим историю, феноменальным тактиком, организующим победы под чужим знаменем и чужими руками. Рисовать борьбу Сталина с оппозицией как борьбу за чистоту марксизма-ленинизма могут лишь партийные фарисеи или отпетые невежды. Сталин, объявив Ленина своим учителем, забальзамировал его труп (вопреки Троцкому!) вовсе не из-за веры в какие-либо святыни, не из-за того, что он собирался коленопреклоняться перед мумией большевистского фараона, а чтобы другие, молясь Ленину, тем самым молились Сталину.

Когда Ленин умирал, в партии и стране широко были известны имена Троцкого, Зиновьева, Каменева, а Сталина знали только на верхах партии. Сталин решил превзойти своих популярных соперников, объявив себя душеприказчиком Ленина, а ленинизм – непререкаемой партийной догмой. Ко всему этому, он объявил себя и единственным судьей по вопросу: «Что есть ленинизм?» Поэтому каждую свою статью, речь, письмо он объявлял «Вопросами ленинизма».

Расчет оказался правильным, до того правильным, что до сих пор в партийных учебниках враги Сталина называются «злейшими врагами ленинизма». Между тем, Сталин в «святость» ленинизма мало верил, тогда как оппозиция не только бесконечно распиналась в своей верности ленинизму, но и погибла из-за своей рабской приверженности отжившим нормам и ложным святыням. В руках Сталина ленинизм был только то, что он из него хотел делать. Но одному компоненту ленинизма он все-таки оставался верным: учению тотальной диктатуры партийного аппарата над партией и государством. Он развил ленинизм, внеся в него новый компонент: уголовщину. Это как раз и предрешило его победу, открыв путь к его личной тирании. Сама партия признала на XX и XXII съездах, что сталинщина есть уголовная глава в истории большевизма.

Съезд закончился выборами новых органов центральных учреждений партии – ЦК и ЦКК. В состав ЦК были избраны: 71 член, 50 кандидатов; в состав ЦКК – 195 членов; в Центральную ревизионную комиссию – 9 членов. Это были люди не из «ленинской гвардии», а представители «второго призыва» большевизма, «октябрьские большевики», герои гражданской войны, вновь выдвинутые секретари обкомов, крайкомов и центральных комитетов национальных республик. Но интересно, как сложилась их судьба после того, как они с таким энтузиазмом помогли Сталину разгромить «ленинскую гвардию» в лице оппозиции? По поддающимся проверке сведениям, она сложилась так:

Из 71 члена ЦК было расстреляно 58 человек, из 50 кандидатов – 48 человек. Уцелели 13 членов ЦК: Сталин, Андреев, Ворошилов, Каганович, Калинин, Кржижановский, Мануильский, Микоян, Молотов, Петровский, Шверник, Скворцов-Степанов (умер до чистки). Из 50 кандидатов уцелели только два человека: Жданов и Николаева.

Из 195 членов ЦКК уцелело только пять человек: Землячка, Махарадзе, М. И. Ульянова, Ярославский, Мильчаков (последний сидел в

концлагере 17 лет). Не все 190 членов ЦКК были расстреляны: кто был расстрелян, кто сослан и кто умер своей смертью – не поддается здесь проверке, так как это были в большинстве своем совершенно неизвестные в партии люди, выдвинутые Сталиным как «пролетарский» фасад партии.

Из 9 членов Центральной ревизионной комиссии 7 было расстреляно, уцелело 2 (Владимирский и Лядов).

В резолюциях съезда по отчету ЦК и по хозяйственным вопросам фактически предрешена ликвидация нэпа и объявлен курс на *коллективизацию сельского хозяйства.* Соответствующие места гласят: «XV съезд считает, что по отношению к возросшим в своей абсолютной массе элементам частнокапиталистического хозяйства должна и может быть применена политика еще более решительного хозяйственного вытеснения... дальнейшего вытеснения частного капитала в городе», а в деревне: «Необходимо поставить в качестве первоочередной задачи на основе дальнейшего кооперирования крестьянства постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства...» (там же, т. II, стр. 1432).

В специальной резолюции о работе в деревне сказано еще точнее: «В настоящий период задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной *задачи* партии в деревне», на основе «более решительного наступления на кулака» (там же, стр. 1456, 1459).

Таким образом, разгромив левую оппозицию Троцкого, Зиновьева, Каменева, Сталин приступает к проведению в жизнь ее программы ликвидации нэпа. Это и вызовет новую, «правую», оппозицию в партии.

Глава 28

КАК СОЗДАВАЛАСЬ «ПРАВАЯ» ОППОЗИЦИЯ

Одно из главных обвинений как «левой», так и «новой» оппозиции против Сталина заключалось в том, что Сталин якобы потакает кулачеству, недостаточно высоко облагает крестьянство, не воздвигает прочных барьеров против стихии нэпа. В одном из заявлений троцкистов («Заявление

15-ти») говорилось: «После двух лет, в течение которых группа Сталина фактически определяла политику центральных учреждений партии, можно считать совершенно доказанным, что политика этой группы оказалась бессильной предотвратить:

1) непомерный рост тех сил, которые хотят повернуть развитие нашей страны на капиталистический путь;

2) ослабление положения рабочего класса и беднейшего крестьянства против растущей силы кулака, нэпмана и бюрократа» («Партия и оппозиция по документам», издание ЦК партии только для членов партии, Москва, 1927, стр. 53).

В «Воззвании» «Рабочей группы» (1923) говорилось еще более определенно: «наше крестьянство сделалось единственной политически бодрствующей силой... подчинивши все органы власти, партию, профсоюзы и Советы служению и возрождению капитализма» (там же, стр. 63).

Политические заявления Троцкого, Каменева и Зиновьева по крестьянскому вопросу были аналогичны. Троцкий заявил на пленуме ЦК и ЦКК в июле 1926 г.: «Мы имеем опасность уклона в сторону кулака».

Каменев сказал на том же пленуме: «Затопление нижнего этажа Советской власти крестьянством факт».

Через год, в июне 1927 года, на заседании Президиума ЦКК Зиновьев был еще более резким: «Капитализм вырос в деревне и абсолютно и относительно – это есть факт. Капитализм в городе не вырос относительно, но вырос абсолютно» (там же, стр. 52-57).

Исходя из всего этого, троцкисты и зиновьевцы требуют наступления на капитализм и кулачество.

Через два года Сталин доказал, что его собственные планы наступления и на крестьянство, и на нэп превосходят самые «левые» фантазии самых «левых» оппозиционеров.

Сталин втихомолку готовился к проведению гигантского плана, на который не отважился даже Ленин, на который едва ли отважился бы и Троцкий, – к национализации крестьянской земли, крестьянского имущества и крестьянского труда под названием «сплошной коллективизации».

Новый план Сталина представляет собою беспрецедентную по замыслу, грандиозную по масштабам и исключительно смелую политическую программу одновременного проведения сверху двух между собой тесно связанных политико-экономических революций –

индустриальной революции в городе (XIV съезд – 1925) и антикрестьянской, колхозной революции в деревне (XV съезд – 1927). Во что обойдутся их издержки, едва ли представлял себе и Сталин, но каковы должны быть их конечные итоги, – это было учтено с научно-математической точностью. Превратить аграрную Россию в Россию индустриальную на принципах экономической автаркии, превратить деревню частных крестьянских хозяйств в деревню сплошной коллективизации, – таковы задачи обеих революций. На основе всего этого процесса предстояло ликвидировать нэп как экономическую политику, а нэпманов (частных торговцев, мелких предпринимателей периода нэпа) и кулаков надо было ликвидировать и физически в порядке «развертывания классовой борьбы».

Сколько людей, таким образом, должно было стать жертвами этой «классовой войны» видно из цифр, оглашенных Сталиным в разгар нэпа на XIV съезде. Так, в 1923-1924 гг. удельный вес частного капитала во внутренней торговле СССР составлял 35%, а в розничной торговле доля частного капитала была даже выше государственного и кооперативного секторов взятых вместе – она составляла 57% (Сталин, Соч., т. 7, стр. 318-319). Кулаков было, по данным Агитпропа ЦК, около 8-12% (там же). Если взять среднюю цифру 10%, и перевести эти проценты только по части деревни на язык абсолютных цифр, то окажется, что из наличных 25 млн. крестьянских семей ликвидации как кулачество и, стало быть, депортации в отдаленные места Сибири, подлежало около 2,5 миллионов крестьянских семей.

На вопрос, почему он выступал против оппозиции, когда последняя год или два тому назад требовала того же самого, может быть, только в более мягкой форме и в ограниченном масштабе, Сталин отвечал:

«В 1926-1927 гг. зиновьевско-троцкистская оппозиция усиленно навязывала партии политику немедленного наступления на кулачество. Партия не пошла на эту опасную авантюру, ибо она знала, что серьезные люди не могли себе позволить игру в наступление. Наступление на кулачество есть серьезное дело. Его нельзя смешивать с политикой царапанья с кулачеством, которую усиленно навязывала партии зиновьевско-троцкистская оппозиция. Наступать на кулачество это значит сломить кулачество и ликвидировать его как класс... Это значит и подготовиться к делу и ударить по кулачеству, но ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги» (Сталин, «Вопросы ленинизма»,

стр. 291).

В этом чисто «диалектическом» ответе была большая правда – прежде чем приступить к осуществлению этого гигантского экономического плана индустриализации (в 10-15 лет сделать столько, сколько Запад сделал в 100-150 лет) и столь же дерзкого, в истории человечества беспримерного, плана насильственной коллективизации людей, – надо было выполнить два условия: во-первых, укрепить, расширить и привести в мобилизационную готовность военно-карательные органы власти (армия, милиция и войска милиции, суд, прокуратура); во-вторых, радикально очистить всю иерархию государства и партии от всяких ненадежных элементов, могущих оказать сопротивление проведению нового плана. Беспримерный замысел, который со стороны считали либо утопией, либо авантюризмом, вовсе не был основан на нормальных экономических расчетах *возможностей* страны. Сталин исходил не из возможного, а из *необходимого для* сохранения диктатуры партии. Ленин сошел в могилу, развязав стихию экономической свободы в виде нэпа. Сталин думал, что и ленинский режим последует за своим основоположником, если не сделать, переворачивая Энгельса, «прыжок из царства свободы в царство необходимости». Только тогда режим будет неуязвим внутри страны. Но остается всегда внешняя опасность – ее можно свести к минимуму ускоренной индустриализацией страны, автаркией хозяйства. Лаже больше: лишь индустриально высоко развитый СССР может вести не только активную внешнюю политику, но и стать действительной базой мировой пролетарской революции.

Вот этот самый план потребовал от Сталина не только расправы со старыми романтиками революции, но и создания вокруг себя такого штаба людей, которые способны не рассуждать, а исполнять. Хотя сам Сталин говорил, что после Ленина в партии уже не может быть единоличного руководства, но ученики Сталина давно научились правильно понимать учителя – это единоличное руководство невозможно иначе, как через самого Сталина.

Если бы, против ожидания, сам Сталин искренне верил в возможность «коллективного руководства» при диктатуре, то скоро практика правления в СССР должна была подтвердить ему правильность его собственных слов: «логика вещей сильнее логики человеческих намерений».

Новая экономическая программа означала поворот, революцию против ленинского нэпа. Она означала также, – и это самое важное, – превращение деревни в главный источник финансирования индустриализации.

«Первоначальное социалистическое накопление» (теория, целиком заимствованная Сталиным у троцкиста Е. Преображенского) мыслилось за счет выкачивания, как Сталин выражался на июльском пленуме ЦК 1928 г., своеобразной «дани» из деревни. Эту практику Бухарин назвал «военно-феодальной эксплуатацией» крестьянства. Назначенный вместо Каменева наркомторгом, Микоян получил задание через крестьянский хлебный рынок повысить норму этой «эксплуатации». Микоян был полон решимости доказать, что надежды, которые Сталин возлагал на него при назначении наркомом торговли, не напрасны.

На заседании Политбюро от 3 января 1927 года новый нарком оглашает свою вступительную программу: «Должен заявить, что крестьянская стихия, крестьянский хлебный рынок находится целиком и полностью в наших руках, мы можем в любое время понизить и повысить цены на хлеб («XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет», стр. 291).

Как же так? Ведь все еще советские законы нэпа не отменены, почему же тогда Микоян может по собственному усмотрению диктовать цены свободной торговле в деревне? В той же речи Микоян отвечает на эти вопросы довольно откровенно, чтобы не сказать цинично: потому что, говорит он, «мы имеем все рычаги воздействия в своих руках.., потому что за мужиком никто не стоит и нам не мешает!» (там же). «Нам никто не мешает» делать в деревне все, что мы хотим, – это были горькие слова, но еще не горькая правда. За этот оптимизм Микояна город заплатит катастрофой хлебного кризиса 1928 года.

Вот некоторые сравнительные данные, которые говорят о том, каким застал Микоян крестьянский хлебный рынок и до чего он его довел через год-полтора после своего назначения. В резолюции объединенного пленума ЦК и ЦКК от 23 июля 1926 года по докладу предшественника Микояна – Каменева – сказано, что по предварительным данным валовой урожай зерновых культур составит 4 миллиарда 700 миллионов пудов (на 400 миллионов больше предыдущего года) и что после выделения из этого количества хлеба для собственного крестьянского потребления и образования запасов на рынок будет выкинута масса хлеба от 900 миллионов до 1 миллиарда пудов и «эта масса должна быть снята с рынка для того, чтобы не вызвать снижения посевов в будущем», и что надо готовиться к «максимальному экспорту» русского хлеба на мировой рынок, дабы держать цену на хлеб на таком уровне, который «стимулировал бы крестьянское

сельскохозяйственное производство» («ВКП (б) в рез.», Москва, 1933, ч. II, стр. 272-273).

Действительно, хлеб уродился необыкновенный, крестьянские амбары полны, рынок более чем пресыщен, но на город явственно надвигается голод – в чем же дело? Микоян начал душить частный городской капитал, а сам предложить деревне товаров не мог. Образовались знаменитые «ножницы» цен – хлеба много, а товаров не хватает, поэтому хлебные цены низкие, а на товары – высокие. Крестьянин отказывается продавать хлеб за бесценок, он создает запасы, а на город все плотнее надвигается голодная катастрофа. Как быть? Микоян заверил Политбюро, что он нашел вполне реальный метод выхода из кризиса. В начале февраля 1927 года Микоян выступил на Пленуме ЦК со специальным докладом на тему «о снижении отпускных и розничных цен» на промышленные товары с тем, чтобы способствовать ликвидации «ножниц цен». В резолюции ЦК констатировалось: «Рост покупательного спроса деревенского и городского населения, непокрываемый продукцией промышленности, создал обстановку *товарного голода»,* что привело к дальнейшему «развитию ножниц цен» на рынке между промышленными и сельскохозяйственными товарами. Как выход Микоян предлагает понизить цены на товары, установить принудительные цены на хлеб, а в дальнейшем ликвидировать частную торговлю и кооперировать крестьянство («КПСС в рез.», Москва, 1953, ч. II, стр. 224-235).

XV съезд считал, что новый нарком одним росчерком пера уж? разрешил задачу «квадратуры круга» – стоит вместо товаров направлять в деревню приказы Микояна, как из деревни двинутся хлебные обозы в город. В решении съезда говорилось: «подавляющая масса продуктов сельского хозяйства заготовляется без посредства частного капитала... Эта продукция реализуется по ценам, установленным органами государства... благодаря определенной политике цен государство имеет возможность влиять на условия самого сельскохозяйственного производства» (там же).

Однако очень скоро выяснилось, что экономические законы свободного рынка сильнее приказов Микояна. Через некоторое время сам Сталин констатировал провал политики диктата цен Микояна, сказав: «Состоятельные слои деревни, имеющие в своих руках значительные хлебные излишки и играющие на хлебном рынке командную роль, не хотят нам давать нужное количество хлеба по ценам, определенным Советской властью». А результат? Его огласил тот же Сталин, заявив, что хотя валовая

продукция хлеба составляла в 1927 году 5 миллиардов пудов, «мы производим товарного хлеба вдвое меньше, а вывозим за границу хлеба раз в двадцать меньше, чем в довоенное время» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 185).

Выход? Что надо делать, чтобы получить хлеб, который в избытке имеется 6 деревне? Отныне в порядок дня стал вопрос о судьбе самого нэпа, что видно из тех ответов, которые на этот вопрос давали в Политбюро ЦК – Бухарин предлагал повысить заготовительные цены на хлеб, бросить на крестьянский рынок побольше товаров и по нормальным ценам, пресечь всякие попытки «ликвидации нэпа слева». Бухарина поддержали глава правительства А. Рыков и лидер профсоюзов М. Томский – оба члены Политбюро.

Сталин и Микоян предложили другое решение – пустить в ход «все рычаги воздействия» на крестьян, – иными словами, ввести систему принудительной заготовки хлеба. Сущность этой системы сводилась к тому, что каждый крестьянский двор получал твердое задание сдавать определенную норму хлеба по твердым государственным ценам. Несдатчиков хлеба должны были судить как злостных спекулянтов с конфискацией всего их имущества. Из этого конфискованного имущества 25% предназначалось для раздачи бедноте за ее участие в «классовой борьбе» против кулаков, «подкулачников» и «саботажников». Сталин рассматривал новый план как временную чрезвычайную меру, вызванную временной чрезвычайной обстановкой. Так были введены чрезвычайные или, как их тогда называли, «экстраординарные меры по хлебозаготовкам» 1927 г. Если речь шла об обеспечении города хлебом, даже поссорившись с крестьянством, план Сталина-Микояна явился спасением.

Но его практическое проведение было сопряжено с весьма серьезными трудностями. Так как исключалось добровольное выполнение крестьянами хлебных обязательств по новому плану, то надо было к хлебозаготовительному аппарату Наркомторга прикрепить чекистские отряды, которым предоставлялось неограниченное право обыска, конфискации хлеба и ареста. Конфискации подлежал не весь хлеб, а так называемые «излишки», то есть тот хлеб, который остается после вычитания из него продовольственной нормы данной крестьянской семьи. Чтобы такая хлебозаготовительная кампания не носила внешне характера «полицейской акции» уполномоченных партии и милиции при обходе крестьянских дворов

всегда сопровождали группы местных активистов, которым было дано название «комсодов» («комиссия по содействию хлебозаготовкам»).

Нормы сдачи хлеба тоже устанавливались через эти «комсоды». Если крестьянин не выполнял вовремя предназначенной нормы, то существовал порядок штрафов – увеличение нормы до двух-, трех-, пятикратных размеров. Если же и это не оказывало воздействия, тогда судили. Так как нормы устанавливались не по *фактическому* наличию хлеба у крестьянина, а по принадлежности его к той или иной *социальной* группе (бедняк, середняк, зажиточный, кулак), то сотни тысяч людей судили за несдачу отсутствующего у них хлеба. Но если за таких людей их родственники или друзья устраивали «складчину», то есть собирали между собою хлеб и сдавали за него государству, то арестованный немедленно освобождался, будь он даже самым закоренелым кулаком.

Так что целью Сталина были вовсе не репрессии ради *репрессий, а* только такие репрессии, которые приносят хлеб.

И с этой точки зрения они оказались вполне оправданными – план хлебозаготовок 1927 года был выполнен: было собрано 644 миллиона пудов *хлеба* вместо 617 миллионов, собранных в 1926 году Каменевым.

Докладывая апрельскому пленуму ЦК (1928) о том, как это ему удалось, Микоян признался, что без «экстраординарных мер» ему это не удалось бы, и что без таких мер, вероятно, не обойтись и в будущем. ЦК открыто признался и в том, что не обошлось без крайностей и «перегибов» в применении «экстраординарных мер», в которых, однако, виновата не Москва, а местные власти. Известная практика Кремля – давать местным властям вдоволь «перегибать» палку, пока не будет выполнено плановое задание, а после его выполнения критиковать, а иногда даже наказывать «перегибщиков», – эта практика впервые родилась в те годы, а потом превратилась в систему сталинского руководства. В резолюции, принятой апрельским пленумом ЦК, впервые в партийный жаргон и вводятся термины, которые потом сделают эпоху: «извращения» и «перегибы». Этими словами обозначаются те действия местных властей, которые центральная власть молчаливо *допускала* во время выполнения планов, но от которых она считала нужным и полезным отмежеваться после их выполнения.

В решении пленума ЦК довольно красочно рисуется обстановка, которая создалась из-за «извращений и перегибов». «Эти извращения и перегибы, допущенные местами со стороны партийных и советских органов,

подлежат самой категорической отмене... Сюда относятся все методы, которые, ударяя не только по кулаку, но и по середняку, фактически являются сползанием на рельсы продразверстки, а именно: конфискация хлебных излишков (без всякого судебного применения 107 статьи); запрещение внутридеревенской купли-продажи хлеба или запрещение "вольного" хлебного рынка вообще; обыски в целях "выявления" излишков; *заградительные отряды;* принудительное распределение облигаций крестьянского займа..; денежные выдачи по почтовым переводам, когда часть посылок выдается облигациями займа или другими бумагами; административный нажим по отношению к середняку; введение "прямого продуктообмена" и т. д. и т. п. (выделено мною. – А. А.) («КПСС в рез.», ч. II, стр. 376).

Однако ЦК вовсе не думает, что в дальнейшем можно будет получать продукты сельского хозяйства нормальным путем. ЦК заявляет, что «хлебозаготовительные затруднения» будут и впредь, ибо они не случайны, а связаны с наличием класса кулаков и частного рынка. Поэтому, если партия хочет иметь хлеба вдоволь и за бесценок, надо наступать на кулаков, «регулировать частный рынок» и направить крестьян «в русло социалистического строительства».. В цитированной резолюции так и говорится: «Объединенный пленум ЦК и ЦКК полагает, что затруднения в хлебозаготовках, имевшие место в этом году, нельзя считать случайностью... Поэтому, поскольку затруднения в хлебозаготовках могут еще появиться в будущем, партия с тем большей настойчивостью должна добиваться того, чтобы неослабно выполнялся лозунг XV съезда партии о "дальнейшем наступлении на кулачество", о регулировании частного рынка и систематическом вовлечении единоличного крестьянского хозяйства... в русло социалистического строительства» (там же, стр. 377).

Поэтому пленум принимает предложение Политбюро продолжить практику принудительных заготовок, только надо узаконивать конфискацию излишков хлеба через суд (применение «статьи 107» Уголовного кодекса РСФСР) и избегать слишком далеко идущих «перегибов». Если же крестьяне согласятся сдавать хлеб добровольно, то «экстраординарные меры» вообще будут отменены. Соответствующее место резолюции гласит:

«Вместе с тем объединенный пленум считает, что по мере ликвидации затруднений в хлебозаготовках должна отпасть та часть мероприятий партии, которая имела экстраординарный характер.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК поручает Политбюро принять все меры к тому, чтобы обеспечить в будущей хлебозаготовительной кампании бесперебойный ход заготовок...» (там же).

История доказала, что и будущие сельскохозяйственные заготовки «бесперебойно» можно было проводить, только применяя «экстраординарные меры».

Сталин назвал данный метод заготовок «Урало-сибирским методом» (так как впервые сам применил его на практике в начале 1928 года в Западной Сибири и на Урале) и превратил его в постоянно действующую систему заготовок всех сельскохозяйственных продуктов. Он существует и поныне с той лишь разницей, что теперь все крестьяне находятся в «русле социалистического строительства» в виде колхозов и совхозов, поэтому и сами заготовки «автоматизированы» – государство автоматически забирает нужное себе количество хлеба, а остаток колхозники между собою делят по так называемым «трудодням». Обычное соотношение между тем, что забирало государство почти бесплатно, и что оставалось на долю колхозников в виде этих «трудодней» составляло в среднем 70 : 30, 70% государству, а 30% колхозникам, причем в эти 30% входили и многочисленные неделимые фонды (семенной фонд, страховой фонд, неприкосновенный фонд и т. д.).

Вот как раз эта новая «экстраординарная» политика Сталина-Микояна в 1927 году в хлебозаготовках и явилась, как уже указывалось, непосредственным поводом нового раскола в Политбюро – Бухарин, Рыков и Томский заявили, что новая программа Сталина есть ликвидация ленинского нэпа и реставрация «военного коммунизма». Сталин их объявил «правой оппозицией» в партии.

Правая оппозиция возникла не только как реакция на практику Сталина, она была намеренно спровоцирована Сталиным, ибо без политической изоляции правых лидеров в ЦК абсолютно невозможно было бы, во-первых, завершить восхождение Сталина к единоличной власти, во-вторых, провести в жизнь сталинскую концепцию строительства социализма через насилие. Во время борьбы с левыми оппозициями Троцкого и Зиновьева Сталин положил в основу своей тактики концепцию Бухарина о мирной трансформации, о мирном превращении «нэповской России в Россию социалистическую», чтобы при поддержке группы Бухарина похоронить левых. Когда эта цель была достигнута, Сталин раскрыл свои карты: чтобы

построить в крестьянской, нэповской России социализм, надо провести третью насильственную революцию сверху, на этот раз уже против крестьянства.

И здесь Сталин не был оригинальным. Вопреки обвинениям правых, что Сталин идет вразрез с ленинизмом (Ленин говорил, что высший принцип диктатуры пролетариата – это сохранение союза пролетариата с крестьянством, при гегемонии первого, и что по отношению к крестьянству надо проявлять «архиосторожность»), Сталин доказывал, что все ленинские высказывания по части крестьянства относятся к области тактики. По существу же дела, для Ленина крестьянство – реакционный, враждебный класс, каким его считали и Маркс с Энгельсом. Сталин был прав. Вот слова Маркса и Энгельса: «…ремесленник и крестьянин – все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны, они стремятся повернуть назад колесо истории» (Маркс и Энгельс, «Манифест Коммунистической партии», 1951, стр. 41).

Вот и слова Ленина: «Мы сначала поддерживаем до конца, всеми мерами, до конфискации, – крестьянина вообще против помещика, а потом (и даже не потом, а в то же самое время) мы поддерживаем пролетариат против крестьянина вообще» (Ленин, 4-е изд., т. 9, стр. 213).

Основы новой революции в деревне Сталин заложил уже на XV съезде партии при единодушной поддержке всех лидеров и сторонников будущей «правой оппозиции», правда, они не ведали, как искусно Сталин их околпачивает.

В своем докладе на этом съезде Сталин впервые поставил вопрос о «переходе мелких крестьянских хозяйств в крупные и объединенные хозяйства», но чтобы не испугать правых, не спровоцировать их преждевременно на выступление, Сталин заметил, что коллективизация будет происходить «не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения» (Сталин, Соч., т. 10, стр. 305). Однако предусмотрительный Сталин в резолюции XV съезда записал пункт, которому в то время бухаринцы не придали никакого значения: *«Развивать дальше наступление на кулачество и принять ряд новых мер,* ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму» («ВКП(б) в рез.», ч. II, стр. 260). Что же касается колхозов, то в резолюции по докладу

Молотова сказано, что создание колхозов вместо индивидуальных хозяйств – *«основная задача* партии в деревне» («КПСС в рез.», 1953, ч. II, стр. 355), а в другом месте, в резолюции по докладу Сталина, сказано еще яснее: это *«первоочередная задача»* (там же, стр. 317).

Бухаринцы, видимо, считали, что Сталин тут занимается, в ответ Троцкому и Зиновьеву, платоническими упражнениями в «левизне», вовсе не думая переходить от слов к делу, от угрозы к расправе с крестьянством. Если они так думали, то их ожидало очень скорое и горькое разочарование.

Сталин связывал хлебный кризис не с рыночной конъюнктурой, не с «ножницами» цен, не с ошибками руководства, а с природой существующей экономической системы. Пока существует нэп с его свободным крестьянским хозяйством, советское государство обречено на зависимость и от крестьянства, и от рыночной стихии. Сталин помнил, как пало царское самодержавие. «Хлеба, хлеба, хлеба!» – вот с какого лозунга начали Февральскую революцию в Петрограде. Сталин знал лучше, чем Бухарин, что большевистское самодержавие ждет та же судьба, под тем же лозунгом, если самому не произвести революцию сверху в деревне, чтобы предупредить революцию снизу в городе. Ахиллесову пяту режима Сталин видел в том, что советское государство находится на экономическом иждивении крестьянства, и он решил перевернуть формулу – поставить крестьянство на иждивение государства. Сталин решил отнять у крестьянства хлеб, чтобы от имени государства кормить этим хлебом не только город, но и само крестьянство. Как тут не вспомнить рассуждения из «Великого инквизитора» Достоевского: «Получая от нас хлебы, конечно, они ясно будут видеть, что мы их же хлебы, их же руками добытые, берем у них, чтобы им же раздать, безо всякого чуда, увидят, что не обратили мы камней в хлебы, но воистину более, чем самому хлебу, рады они будут тому, что получают его из рук наших!». Ведь средний советский обыватель, под влиянием официальной философии режима, и всерьез думает, что не он кормит государство, а государство его кормит. Вот любопытное свидетельство советского журнала: «Каждая семья знает свой бюджет, рассчитывает, когда и что купить. Гораздо сложнее государству. Оно должно всех накормить, одеть и обуть» (ж. «Голос родины», № 101, декабрь 1966 года, передовая статья).

Сталин знал, что нет более идеального средства отнять у крестьян хлеб, «чтобы им же его раздать», как тотальная коллективизация сельского

хозяйства путем конфискации частных крестьянских хозяйств и национализации самого крестьянского труда. «Экстраординарные меры», как раз и должны были убедить крестьян, что лучше в колхозе получать от государства обратно часть своего хлеба, чем, будучи вне колхоза, отдавать государству весь хлеб. Сталин решил на практике показать, как он мыслит проведение в жизнь своего плана «аграрной революции». Для этой цели через три недели после XV съезда в сопровождении целого чекистского эшелона Сталин выехал в Сибирь. Официальный комментатор почти в лирических тонах рисует эту поездку Сталина, хотя Сталин был меньше всего «лирик». Он говорит, что Сталин посетил основные хлебные районы края, участвовал на заседаниях бюро Сибирского крайкома в Новосибирске, бюро окружных комитетов, на совещаниях с местным активом ряда районов и что «политические и организационные мероприятия» обеспечили выполнение плана хлебозаготовок (Сталин, Соч., т. 11, стр. 356).

Однако Сталин не столько «заседал» и «совещался» с активистами, сколько действовал и громил. Он с первых же своих выступлений заявил: «Я объехал районы вашего края и имел возможность убедиться, что... урожай у вас... небывалый. Хлебных излишков у вас в этом году больше, чем когда-либо, а план хлебозаготовок не выполняется. Почему, на каком основании?..

Вы говорите, что кулаки не хотят сдавать хлеба, что они ждут повышения цен... почему вы не привлекаете их за спекуляцию? ...Я видел несколько десятков представителей вашей прокурорской и судебной власти. Почти все они живут у кулаков, состоят у кулаков в нахлебниках и, конечно, стараются жить в мире с кулаками. На мой вопрос они ответили, что у кулаков на квартире чище и кормят лучше... Непонятно только, почему эти господа до сих пор еще не вычищены... Предлагаю:

а) потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам; б) в случае отказа... конфисковать у них хлебные излишки в пользу государства» (Сталин, Соч., т. 11, стр. 2-4).

25% конфискованного хлеба Сталин предложил раздать бедноте, что на сталинском языке означало «обострение классовой борьбы в деревне», а на человеческом языке натравливание деревенских лежебок и голытьбы на радетельных хозяев, объявленных теперь «кулаками», к которым, по существу, причисляли и верхний слой середняков, для которых изобрели другой термин – «зажиточные». Так как многие, даже из среды бедняков, начали осуждать этот военно-полицейский произвол, когда искусственно

натравливается одна часть деревни на другую, то изобретательный Сталин скоро нашел термин и для таких бедняков – их стали величать «подкулачниками» со всеми вытекающими отсюда последствиями (конфискация *хлеба,* суд, высылка).

Сталин предложил провести чистку и в аппарате власти, указав, что «вы увидите скоро, что эти меры дадут великолепные результаты и вам удастся не только выполнить, но и перевыполнить план хлебозаготовок» (там же, стр. 4).

Сталин в заключение сообщил свой главный рецепт, как государство может обеспечивать себя хлебом и дальше по ценам, им установленным. Рецепт этот был ясным и категорическим: «нужно покрыть все районы нашей страны, без исключения, колхозами» (там же, стр. 7), то есть надо ликвидировать нэп, данный Лениным крестьянству только шесть лет тому назад. Одновременно данный рецепт Сталина означал и возвращение к «продразверстке» (к насильственному изъятию хлебных излишков).

Сравните это выступление Сталина с тем, что было записано по его же предложению в резолюции объединенного ЦК и ЦКК против левой оппозиции всего три месяца тому назад (9 августа 1927 г.). В этом предложении Сталина и резолюции пленума сказано: «Объединенный пленум ЦК и ЦКК отвергает вздорные... демагогические предложения оппозиции о *насильственном изъятии натуральных хлебных излишков* и о таком сверхобложении частного торгового оборота, которое должно привести к его немедленной ликвидации... ЦК и ЦКК считают, что эти предложения направлены, по сути дела, на *отмену новой экономической политики,* установленной партией под руководством Ленина» («ВКП(б) в рез.», 1933, ч. II, стр. 357).

Почему же политика оппозиции по ликвидации нэпа, объявленная самим же Сталиным всего три месяца назад антиленинской политикой, сегодня признается тем же Сталиным ленинской политикой? Какие же важные события произошли для такого поворота на 180 градусов за столь короткое время? Где же тут принципы? И важные события произошли, и принципы были налицо.

Главные соперники слева в борьбе за власть – Троцкий, Зиновьев и Каменев – были за это время выкинуты из партии, при апелляции к *правому Ленину* и его нэпу. Теперь надо было ликвидировать главных соперников за власть справа, апеллируя к *левому Ленину* и к его установке – нэп лишь

«передышка», «временное отступление» для подготовки нового наступления (доклад Ленина на XI съезде).

Группа Бухарина напомнила Сталину цитированное выше постановление ЦК и заявила, что она обратится к партии, если Сталин не согласится повторить заявление, что нэп остается в полной силе. Так как Сталин еще не был готов принять бой с правыми, ему ничего не оставалось, как подписать от имени Политбюро 13 февраля 1928 года следующее заявление: «Разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продразверстку, раскулачивание и т. д., являются контрреволюционной болтовней... НЭП есть основа нашей экономической политики, и остается таковой на *длительный исторический период»* (выделено мною. – А. А.) (Сталин, Соч., т. 11, стр. 15).

Подписывая заявление Политбюро, Сталин, как обычно, обманывал свою собственную партию: нэп, рассчитанный на «длительный исторический период», был отменен уже в следующем, 1929 г.

Тем временем, Сталин продолжал свою практику «экстраординарных мер» и в 1928 г. Крестьянство ответило на эту практику, как и надо было ожидать, резким снижением посевных площадей. Сельское хозяйство явно шагало от кризиса перепроизводства уже навстречу другому кризису, который потом станет перманентным явлением советской деревни, – к кризису недопроизводства. Первым сигнализировал о неблагополучии заместитель наркома финансов СССР М. Фрумкин. Фрумкина, как «правого оппортуниста», немедленно сняли с должности. Но от этого посевная площадь в деревне не увеличилась. Поэтому хлебозаготовительная кампания осени 1928 года оказалась катастрофой. Даже Сталин не мог выкачать хлеб оттуда, где его не было. Теперь Сталин стал перед новой проблемой: как быть дальше? Сталин продолжает лавировать. За это лавирование Бухарин назвал Сталина в беседе с Каменевым «беспринципным интриганом», который каждое свое действие подчиняет интересам «сохранения своей собственной власти».

Этого замечания достаточно, чтобы видеть, с какими политическими детьми Сталин будет иметь дело и на последнем этапе своей борьбы за единоличную диктатуру. Сталин менял принципы, оплевывал свои вчерашние убеждения, интриговал, клеветал, натравливал, но все это он делал во имя «сохранения своей собственной власти». «Тройка» была беспринципным предприятием, но она спасла Сталина от «Завещания»

Ленина. Союз с Зиновьевым и Каменевым против Троцкого был беспринципной сделкой, но он помог Сталину свалить главного конкурента – Троцкого. Блок с Бухариным и Рыковым против Зиновьева и Каменева был противоестественной комбинацией даже в большевистской политике, но он помог Сталину свалить этих душеприказчиков Ленина. Сегодня Сталин заключил союз против бухаринцев с тем ЦК, 70% членов которого он потом расстрелял вместе с теми же бухаринцами, но этот союз его привел к окончательной и абсолютной победе, к единоличной диктатуре.

Сама беспринципность Сталина в этом смысле была принципиальная. Если бы, скажем, фанатик коммунизма Бухарин был бы поставлен перед дилеммой: либо его единоличная власть над Россией без коммунизма, либо коммунизм в России, но без его власти, он, не колеблясь, выбрал бы коммунизм без его власти. Цинику Сталину эта дилемма показалась бы просто наивной – он не только выбрал бы власть без коммунизма, но еще начал бы доказывать, в какой преступный тупик Ленин завел страну, нарушив законы марксизма, согласно которым коммунизм побеждает сначала в передовых странах Запада, а потом только в отсталых странах, как Россия. Такая свобода Сталина от всякой чести и всякого идейного хлама, называемого принципами, только свидетельствует о его превосходстве в политической борьбе над всеми его большевистскими соперниками. Ведь еще Талейран заметил, что если люди слишком подчеркивают честность и принципиальность какого-либо политика, то надо сомневаться в его способностях. Что же касается интриги, то она была и остается до сих пор легитимным оружием в политике вообще, в арсенале большевизма в особенности. Что Сталин и по этой части превзошел своих соперников, говорит как раз в его пользу, как «технолога власти».

Поездку Сталина в Сибирь надо считать началом его кампании против будущих правых. Сталин хорошо понимал, что речь идет вовсе не только об изоляции очередной группы соперников власти, а о новой революции сверху, равной, как он писал в «Кратком курсе», по своему значению революции в октябре 1917 г. До сих пор внутрипартийная борьба мало задевала насущные интересы народа, даже больше: она велась под флагом защиты этих интересов (сохранение нэпа, повышение материального положения народа, отказ от репрессий). Теперь решалась судьба всей страны и того класса, который составлял 80% населения страны – крестьянства. Это требовало не только личной изобретательности Сталина в интригах против противников в

составе руководства, но и колоссального напряжения всех сил аппарата власти против народа.

Сталин развернул эту работу в трех направлениях:

1. аппарат пропаганды получил задание изобрести новый жупел – «правую опасность», которая, после того, как левая опасность преодолена, стала «главной опасностью» для революции;

2. низовой аппарат партии получил задание организовать в деревне спонтанное массовое движение за «добровольное» вступление в колхозы;

3. командование Красной армии, руководство ОГПУ, Верховный суд и прокуратура получили задание привести карательные органы в «боевую готовность», чтобы подавить возможные «кулацкие восстания», саботаж и судить их возглавителей (эту подготовку имел в виду Сталин, когда писал в 1929 г.: «Наступать на кулачество – это значит подготовиться к делу» – «Вопросы ленинизма», стр. 291).

По этой же линии подготовки к революции в деревне лежала и новая доктрина Сталина о «критике и самокритике», выдвинутая на XV съезде. Под этим лозунгом должна была начаться эра перманентных чисток: партии – от «уклонистов» и государственного аппарата – от «чуждых элементов», – чисток, впоследствии преобразованных во всеобщую инквизицию ежовщины 1936-1938 гг.

Но острие новой доктрины после расправы с троцкистами и зиновьевцами было направлено против бухаринцев. Докладывая московскому активу партии об апрельском пленуме ЦК 1928 г., Сталин прямо указал на необходимость критиковать «вождей партии», оторвавшихся от масс. Так как Сталин себя таковым не считал (ведь он недавно побывал в «народе», в Сибири, хотя это и было его последнее «пребывание среди масс»), то ясно, что он говорил о тех, кого наметил в очередные жертвы – о будущих лидерах «правой оппозиции». Вот это любопытное рассуждение Сталина: «есть еще одно обстоятельство, толкающее нас к самокритике. Я имею в виду вопрос о массах и вождях... нередко боятся критиковать своих вождей... надо дать советским людям возможность "крыть" своих вождей, критиковать их за ошибки, чтобы вожди не зазнавались» (Сталин, Соч., т. 11, стр. 31-32).

Поскольку сам Сталин был единственным «непогрешимым» из вождей, к тому же, любой из старых большевиков, пытавшихся критиковать его, немедленно исчезал с горизонта (бывший заместитель Сталина по наркомнацу Султан-Галиев даже был расстрелян в те годы как раз за

критику Сталина), то члены партии, особенно члены партаппарата, правильно поняли новую доктрину: критиковать можно любого члена Политбюро, кроме самого «генсека». Разумеется, критиковать можно и нужно было и любого из местных вождей, если тот не проявлял достаточного усердия по выполнению директив центрального партийного аппарата. Но самым зловещим было то, что новый лозунг был направлен не только против антисталинских чиновников, но и против антисталинского народа. Лозунг «критики и самокритики» был методом создания массовой армии официальных и неофициальных «сексотов», при помощи которых началась расправа с инакомыслящими внутри партии и с антисоветскими элементами вне партии. Поэтому Сталин связывал новый лозунг с двумя событиями политического значения: с так называемым «шахтинским делом» и «заготовительным кризисом» к январю 1928 г.

Впервые в этой связи Сталин выдвигает и другой, воистину эпохальный, лозунг верховного полицейского: о повышении «революционной бдительности». Учитывая грандиозность задач задуманной им насильственной коллективизации и ликвидации нэпа, Сталин ставит вопрос о вовлечении в армию «сексотов»-«критиков» «сотен тысяч и миллионов» людей. Этому должны способствовать всяческие моральные, материальные и служебные поощрения «сексотов»-«критиков». Такая постановка вопроса вдохновляла на «критику» (то есть на доносы) карьеристские элементы в партии и уголовные типы в обществе. Так как карьера и привилегии для доносчиков были прямо пропорциональны их индивидуальным вкладам в дело выявления «врагов», то доносчики не столько выявляли врагов Сталина, сколько клеветали на людей. Когда эта клеветническая волна вызвала недовольство в наиболее здоровой части партии, когда идеалисты из партии начали доказывать, что введенная сейчас «критика» на девять десятых состоит из клеветы на честных людей, то Сталин, давая резкий отпор таким «зажимщикам» критики, прямо заявил: «если критика содержит хотя бы 5-10 процентов правды, то и такую критику надо приветствовать» (там же, стр. 33).

«Пусть будет 95-90% клеветы, лишь бы было 5-10% правды», – разве это не философия преступника? Что это именно так, докажет ежовщина, когда этот лозунг Сталина станет руководством к действию миллионов сексотов по ликвидации миллионов «врагов народа».

В той же речи на московском активе Сталин вновь подчеркнул, как и в

Сибири, что центральная задача сейчас это «нажать во всю на развитие крупных хозяйств в деревне типа колхозов и совхозов... колхозов и совхозов пока что у нас мало, до безобразия мало» (там же, стр. 41-42).

Теоретическое обоснование своего плана «третьей революции» Сталин дал в беседе со студентами Института Красной Профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г. Выбор места и аудитории не был случайным. ИКП и Комакадемия представляли собою важнейшие крепости знаменитой тогда «школы Бухарина». Объявленный Лениным законным любимцем партии и ее наиболее выдающимся теоретиком, Бухарин был кумиром академической молодежи партии. Хотя Бухарин считался в первую очередь экономистом, но это был универсальный талант – его одинаково признавали и социологом, и правовиком, и литературным критиком. Соответственно широким был и круг «бухаринской школы». Вот некоторые наиболее выдающиеся люди из этой школы, которых потом Сталин расстрелял: Стэн (член ЦКК), Слепков, Астров (члены редакционной коллегии журнала «Большевик»), Марецкий, Айхенвальд, Гольденберг, Краваль, Карев, Бессонов, Мадьяр, Ломинадзе, Щацкин (последние – члены ЦК и ЦКК и руководящие работники Коминтерна), Пашуканис, Берман, Ванаг, Пионтковский, Фридлянд, Лукин и др. Это были теоретические звезды первой величины, писания которых отличались от нынешних «теоретиков» одним несомненным преимуществом: они творили, дерзали и не были примитивны, как Федосеевы и Сусловы. К этой бухаринской школе принадлежали еще Поспелов, Митин, Минц, Панкратова, Мехлис, но они вовремя перешли на сторону Сталина и создали совершенно новую отрасль «науки» в марксизме-ленинизме-сталинизме, которую я бы назвал «цитатологией». «Цитатология» была не только своеобразной новой отраслью в советской марксистской науке эпохи Сталина, но и довольно тонким искусством обоснования и узаконения преступной практики Сталина цитатами из классиков марксизма-ленинизма и самого Сталина. Надо было показывать сталинизм, как вершину марксизма-ленинизма, а самого Сталина, как «корифея всех наук». Но, Боже упаси, было попытаться внести собственную творческую лепту в саму марксистскую теорию, это – прерогатива одного Сталина. Задача этого учения сводилась к умелому подбору цитат из Сталина для теоретического обоснования очередного зигзага «генеральной линии партии», а дальше просто к изложению раскавыченного Сталина. Так возникла, как противовес бухаринской школе,

«сталинская школа» в марксизме. Характеризуя творческое лицо этой школы, газета «Правда» (этот главный рупор сталинизма на протяжении четверти века) впоследствии писала:

«...Если взять работы по философии, политэкономии, истории и по другим общественным наукам, то многие из них представляют набор цитат из произведений Сталина и его восхваления. Считалось, что развивать, двигать вперед теорию, высказывать что-нибудь оригинальное и новое может только один человек – Сталин» («Правда», 28 марта 1956 г.).

В беседе с «красными профессорами» и «комакадемиками» ссылками на Ленина Сталин теоретически обосновал свой план коллективизации. Но первая же ссылка на Ленина была фальсифицированная. Сталин говорил: «К организации *колхозов* Ленин звал партию еще с первых дней Октябрьской революции» (выделено мною. – А. А.) (Сталин, Соч., т. 11, стр. 88), но такую важную ссылку на Ленина Сталин не подкрепил цитатой из Ленина, как он это всегда делал в других случаях. Все знали причину – с «первых дней Октябрьской революции» Ленин не мог звать партию на организацию колхозов, а звал, наоборот, поделить землю между крестьянами на правах частного владения, согласно эсеровской программе. Не звал Ленин к созданию колхозов еще и потому, что Ленин до последних дней своей жизни термина «колхоз» не знал. Только на VII экстренном съезде партии в марте 1918 года Ленин впервые после революции заговорил о «коммунах» и «артелях», но как? Ленин сказал: «Напрасно приписывают нам то, что мы хотим насильно ввести социализм. Мы будем справедливо делить землю, с точки зрения преимущественно мелкого хозяйства. При этом мы даем предпочтение коммунам и крупным артелям» (Ленин, ПСС, т. 36, стр. 56). В докладах, речах, статьях Ленина говорится о коммунах, артелях, кооперации, но никогда не встречаются «колхозы». Сталину было важно объявить не столько данной аудитории, сколько всей партии и стране, что колхозы Сталина и есть колхозы Ленина.

Однако ссылка на Ленина все-таки не была случайной. Действительно, именно Ленин в июне 1918 года попытался перенести «Октябрьскую революцию» в деревню, создав пресловутые «комбеды». Эти комбеды тогда занимались тем, чем занимались «комсоды» Сталина – организованно, при поддержке государства, грабили зажиточных крестьян, реквизируя их хлеб, скот, фураж не столько в пользу государства, сколько в свою собственную. Сначала Ленин восхищался развертыванием этой «пролетарской

революции» в деревне, но потом, поняв, что происходит не углубление «классовой борьбы», а просто грабежи, ликвидировал в ноябре 1918 года комбеды, под маркой устранения «двоевластия» Советов и «комбедов», передав их функции Советам. Когда началась гражданская война, Ленин вновь вернулся к практике «комбедов», но уже без самих «комбедов». Их место заняли специальные полицейские войска под названием ЧОН (части особого назначения). Реквизиция излишков сельскохозяйственной продукции теперь была узаконена государством («продразверстка»). Отряды ЧОН помогали правительству производить эту реквизицию. После того, как была национализирована промышленность, крупная и мелкая, запрещено всякое кустарное производство, национализованы банки, закрыт рынок, – фактически были национализированы и сами крестьянские мелкие хозяйства. Устанавливался прямой «продуктообмен», но только на бумаге, так как город ничего не мог предложить деревне. Отсюда – рост спекуляции. Спекуляция, однако, была приравнена к контрреволюции и каралась жестоко.

Словом, Ленин установил тотальный «военный коммунизм». Сначала этот «коммунизм» объяснялся условиями и нуждами ведения гражданской войны, но войну победоносно кончили, а режим «военного коммунизма» сохранялся в полной неприкосновенности. Более того, большевики совсем и не думали добровольно отказаться от режима «военного коммунизма», который, по их мнению, мог явиться как раз искомой формой перехода к непосредственному коммунизму в деревне. Сегодня партийные теоретики отрицают это, но сам Ленин признавал, что дело обстояло именно так. Обосновывая неизбежность отказа от военно-коммунистической системы и необходимость перехода к новой экономической политике (нэп), Ленин говорил:

«Мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение.

Не могу сказать, что именно так определенно и наглядно мы нарисовали себе такой план, но приблизительно в этом духе мы действовали. Это, к сожалению, факт» (Ленин, Соч., т. 33, стр. 40).

И Ленин, не только гибкий тактик, но и трезвый политик, скоро увидел,

что тамбовское восстание крестьян и кронштадтская революция матросов могут оказаться началом конца его режима, если он не сделает радикального поворота в экономической, в первую очередь, в сельскохозяйственной политике. Отсюда и родился нэп.

Чуждый всем догмам, в том числе и марксистским, но готовый учиться на собственных ошибках (непогрешимым святым Ленина сделали нынешние его эпигоны), Ленин признал банкротство своей политики непосредственного перехода к коммунизму и сделал соответствующие выводы:

«Мы не должны рассчитывать на непосредственно коммунистический переход. Надо строить на личной заинтересованности крестьянина... Умели ли мы это делать? Нет, не умели. Мы думали, что по коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение... Если мы эту задачу пробовали решить прямиком, так сказать, лобовой атакой, то потерпели неудачу. Такие ошибки бывают во всякой войне... Не удалась лобовая атака, перейдем в обход, будем действовать осадой и сапой» (там же, стр. 46, 47).

Вот этой «осадой и сапой» и был нэп.

Вернемся к беседе Сталина. Сталин объяснил хлебный кризис наличием мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в стране, которые не дают товарной продукции. Сталин снова ставит тот же вопрос, который он поставил перед сибиряками: где же выход? Его ответ тот же: выход в коллективизации. В широких кругах партии уже почувствовали, что Сталин готовится к принципиально новому повороту в деревне, который не вытекает из ленинского нэпа и из решений, принятых на последних съездах. Для всех было очевидно, что возникшие сейчас экономические затруднения – это результат нарушения именно директив этих съездов по отношению к деревне. Это настроение в партии выразил заместитель министра финансов СССР, кандидат ЦК Фрумкин в своем письме членам Политбюро ЦК от 15 июня 1928 г. Фрумкин писал: «Ухудшение нашего экономического положения *заострилось* благодаря новой после XV съезда политической установке по отношению к деревне... Надо вернуться к XIV и XV партсъездам» (Сталин, Соч., т. 11, стр. 118, 120).

На июльском пленуме ЦК 1928 года Сталин уже официально, перед ЦК и партией, изложил свою новую программу аграрной революции, которая не только расходилась с линией XIV съезда, но шла гораздо дальше и решений

XV съезда. В речи 9 июля Сталин заявил:

1. Отживающие классы (крестьянство и нэпманы) добровольно своих позиций никогда не сдавали, поэтому «продвижение к социализму... не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы».

2. «Чрезвычайные меры» необходимы при известных условиях и дальше.

3. Нет других источников финансирования высоких темпов индустриализации, как брать «нечто вроде "дани", нечто вроде сверхналога» с крестьянства, которое переплачивает государству на промтоварах и недополучает за свои продукты.

4. Нет никакого другого выхода для получения товарного хлеба, как превращение мелких крестьянских хозяйств в колхозы (Сталин, там же, стр. 159, 172, 181).

Вот теперь глухая борьба Сталина против бухаринского крыла в Политбюро была впервые перенесена на пленум ЦК. Бухарин в мягкой по форме, принципиальной по существу, речи от 10 июля отвел четыре тезиса Сталина. Бухарин доказывал, что наметившаяся сейчас политика ведет к опасной диспропорции в народном хозяйстве. *Ворошилов:* Дайте нам ваш рецепт. *Бухарин:* Пользуясь терминологией Сталина, надо сказать, что образовалась «угроза для смычки» между городом и деревней, «но Ленин писал, что главная задача ЦК и ЦКК, как и партии в целом, состоит в том, чтобы эти разногласия не выросли до уровня серьезных классовых разногласий... Должны ли мы выправить создавшееся в результате хлебозаготовок положение, делая концессии кулаку или ослабляя наступление на него? Абсолютно нет. Проблема настоящего времени состоит в том, чтобы устранить опасность раскола со средним крестьянством, которая сейчас существует... Ни в коем случае мы не должны отождествлять "экстраординарные меры" с решениями XV съезда...» Обращаясь к сталинцам, Бухарин продолжал: Вообразите себе, что вы пролетарская власть в мелкобуржуазной стране, но вы толкаете насильственно мужика в коммуну. *Ворошилов:* Скажем, как в 1918 и 1919 гг. *Бухарин:* Но тогда вы будете иметь восстание мужика, руководимый кулаком мелкобуржуазный элемент восстанет против пролетариата и в результате жестокой классовой борьбы пролетарская диктатура исчезнет. Этого вы хотите?

Сталин: Страшен сон, да милостив Бог *(смех)...*

Бухарин: Мы ни в коем случае не должны вернуться к практике

расширенного воспроизводства "экстраординарных мероприятий".

Косиор: Это верно.

Лозовский: Но это не зависит от нас.

Бухарин: Большей частью это еще зависит от нас. Поэтому центром нашей политики должно быть следующее: ни при каких условиях не допустить угрозу для смычки. В противном случае мы не выполним основного завещания Ленина» (из Стенографического отчета пленума ЦК, июль 1928 года, речь Бухарина, Архив Троцкого, сокращенный обратный перевод из „A Documentary History of Communism", ed. by R. V. Daniels, p. 306-308).

Из реакции пленума ЦК на выступление Бухарина Сталин увидел, что умеренная политика в деревне, которую рекомендует Бухарин ссылкой на завещание Ленина, все еще очень популярна в партии. Сталин выступил после речи Бухарина второй раз, чтобы ослабить то невыгодное для него впечатление, которое оставило выступление Бухарина. Сталин пожаловался, что «часть товарищей в своих выступлениях... не коснулась ни единым словом таких серьезных мероприятий, как развитие колхозов и совхозов. Как можно "забывать" о таких серьезных вещах, как задача развития колхозов и совхозов», – возмущался Сталин (Сталин, Соч., т. 11, стр. 190). Сталин не достиг своей цели. Очень значительная часть пленума явно склонялась на сторону Бухарина. Сталину пришлось примириться с принятием явно антисталинской резолюции пленумом ЦК. В резолюции говорилось, что 1) «чрезвычайные меры» («экстраординарные меры») носили временный характер и не вытекали из решений XV съезда, 2) нэп остается в силе, и разговоры о его отмене являются контрреволюционными и что борьба с кулачеством должна вестись «отнюдь не методами раскулачивания» и поэтому необходимо: 1) «немедленная ликвидация практики обхода дворов, незаконных обысков»... 2) «немедленная ликвидация всех и всяких рецидивов продразверстки и уничтожение каких бы то ни было попыток закрытия базаров»... 3) произвести «известное повышение цен на хлеб...», 4) «обеспечить своевременный завоз промтоваров в хлебозаготовительные районы» («КПСС в рез.», 1953, ч. II, стр. 395-396).

Разумеется, Сталин и не думал выполнять эту резолюцию. Он голосовал за нее исключительно с целью выиграть время, чтобы подготовить наступление против нового врага в партии – против «правого оппортунизма». Бухарин и был в глазах Сталина идеологом этой новой опасности. Поэтому генеральная задача партаппарата отныне заключалась в том, чтобы

привести в движение все организационные и идеологические рычаги партии против «правой опасности».

Бухарин еще задолго до пленума порвал личные отношения со Сталиным и ежедневно ожидал нового подвоха с его стороны. Поэтому в поисках союзников против Сталина он обратился к тем, которых он вчера вместе со Сталиным так беспощадно громил – к зиновьевцам. Еще во время пленума Бухарин попросил члена ЦК Сокольникова устроить ему свидание с Каменевым. Оно состоялось 11 июля. О беседе Бухарина с Каменевым сохранилась запись Каменева в архиве Троцкого. Вот что рассказал Бухарин Каменеву о Сталине: «Мы чувствуем, что линия Сталина гибельна для всей революции. Разногласия между нами и Сталиным много раз серьезнее, чем разногласия, которые мы имели с вами. Рыков, Томский и я согласны в следующем: "Это было бы куда лучше, если Зиновьев и Каменев были бы в Политбюро вместо Сталина". Я совершенно откровенно говорил об этом с Рыковым и Томским. Я уже несколько недель не разговариваю со Сталиным. Он беспринципный интриган, который любое дело подчиняет интересам сохранения своей собственной власти. Он меняет свои теории, считаясь с тем, от кого он хочет избавиться. В "семерке" (из Политбюро) наши споры с ним достигли того пункта, когда говорят друг другу "ложь", "ты врешь" и т. д. Теперь он сделал концессии, так что он может заткнуть нам глотки. Мы это понимаем, но он маневрирует так, чтобы представить нас в качестве раскольников. Вот его линия на пленуме: 1) капитализм развивался за счет колоний, займов и эксплуатации рабочих. Мы не имеем ни колоний, ни займов, поэтому мы должны брать "дань" с крестьянства. Вы же понимаете, что это и есть теория Преображенского, 2) чем больше растет социализм, тем выше и больше будет сопротивление против этого... Это же идиотская безграмотность. 3) Поскольку необходимо брать "дань" и будет расти сопротивление, мы нуждаемся в твердом руководстве. Самокритика не применима к руководству (Политбюро), кроме тех его членов, кто не выполняет решений. Но самокритика (Сталина) целит в Томского и Угланова.

В результате мы стали на путь создания полицейского режима. Это еще не "кукушка прокуковала", но может решить судьбу революции. С такой теорией любое дело можно загубить... Ленинградцы в основном с нами, но они пугаются, когда речь заходит о возможности снятия Сталина...

Наши потенциальные силы огромны, но 1) средние члены ЦК до сих

пор не понимают глубины разногласий, 2) велик страх раскола. Поэтому, когда Сталин уступает нам в отношении "чрезвычайных мер", то он затрудняет наши атаки против него. Мы не хотим быть раскольниками, в этом случае они быстро расправились бы с нами. Но Томский в своей последней речи ясно доказал, что раскольником является именно Сталин» („A Documentary History of Communism", ed. by R. V. Daniels, p. 308-309, из архива Троцкого, сокращенный обратный перевод).

Узнал ли Сталин тогда же о беседе Бухарина с Каменевым? Похоже на то, что узнал. В противном случае было бы непонятно, почему Сталин принял меры, в силу которых он заставил Бухарина дезавуировать самого себя. Через каких-нибудь двадцать дней после беседы с Каменевым не только Бухарин, но и Рыков с Томским должны были подписать следующее заявление, составленное Сталиным на имя Коминтерна: «нижеподписавшиеся члены Политбюро ЦК ВКП(б) заявляют..., что они самым решительным образом протестуют против распространения каких бы то ни было слухов о разногласиях среди членов Политбюро ЦК ВКП(б)» («КПСС в рез.», 1953, ч. II, стр. 438-439).

Бухарин и его единомышленники, боясь обвинения в подготовке раскола, подписали явную неправду, тем самым помогли Сталину и ухудшили собственную позицию. Более того, они совершенно дезориентировали партию и актив, которые симпатизировали Бухарину как непоколебимому стороннику ленинского нэпа. Кроме того, данным заявлением бухаринцы брали на себя моральную и политическую ответственность за текущую, все еще продолжающуюся сталинскую практику репрессий, насильственное насаждение колхозов, ограничение нэпа.

Сталин, тем временем, начал обработку членов ЦК и Политбюро против бухаринцев. Что стоит, например, такая записка, которую Сталин пишет одному члену Политбюро против другого члена Политбюро: «Здравствуй, т. Куйбышев!... Слышал, что Томский собирается обидеть тебя. Злой он человек и не всегда чистоплотный... Читал твой доклад о рационализации. Доклад подходящий. Чего еще требует от тебя Томский?» (Сталин, Соч., т. 11, стр. 220). Так натравливает «чистоплотный» Сталин все еще колеблющегося Куйбышева на Томского.

В сентябре 1928 года Бухарин открыто выступил против обозначавшегося нового курса в статье

«Заметки экономиста» в «Правде» (30 сент. 1928 года). Это было,

однако, выступление без адреса того, против кого оно направлено. Поскольку Бухарин вместе со своими единомышленниками заявил, что у него нет никаких разногласий со Сталиным, то статья не была понята не только партией, но даже и ее активом. Только в Политбюро знали, в чем дело. Между тем, в статье содержалась острая и аргументированная критика сталинского волюнтаризма в экономической политике, хотя автор свою критику выдавал за критику троцкизма. Главное содержание статьи сводилось к следующему:

Экономическое планирование допускает ошибки, некоторые из которых являются в нынешних условиях неизбежными, но «даже неизбежные ошибки тоже являются ошибками»; допускается грубое нарушение «фундаментальных пропорций» в развитии экономики, а вытекающие отюда провалы вовсе не являются «неизбежными ошибками»; если даже хороший план не является всемогущим средством, то плохой план и плохое экономическое маневрирование тем более могут загубить хорошее дело; главные ошибки в руководстве экономикой сводятся к нарушению правильных пропорций между разными отраслями народного хозяйства, результатом чего могут быть неприятные изменения в отношениях между классами, ибо нарушение экономических пропорций может привести к расстройству политического равновесия в стране. Бухарин предлагает и свою альтернативу к политике «товарного голода» и кризисных нарушений экономических пропорций: чтобы достичь наивысшего уровня социального воспроизводства (свободного от кризисов), а также систематического роста социализма, следовательно, чтобы создать наиболее благоприятное положение для пролетариата в его отношениях с другими классами страны, – *необходимо добиться координации основных элементов народного хозяйства,* «сбалансировать» их, улаживать их взаимосвязь и взаимодействие таким образом, чтобы они могли наилучшим образом выполнять свои перспективные функции, активно влияя на течение экономической жизни и классовой борьбы. Так можно добиться благоприятного баланса и равновесия в народном хозяйстве. Троцкисты, чтобы обеспечить высокие темпы развития индустрии, требовали максимального выкачивания средств из крестьянской экономики. Рост не временных, а постоянных темпов индустрии, наоборот, должен опираться на быстрый рост сельского хозяйства. За бурным ростом индустрии, за значительным ростом населения и за ростом спроса населения не поспевает рост зернового хозяйства. Разве

не ясно, что в этих условиях пренебрежительное отношение к зерновой проблеме – преступление. Разве не ясно, что троцкистское «решение» вопроса (насильственное выкачивание сельскохозяйственной продукции из деревни за счет зажиточных крестьян) поведет нас не к воображаемой, а к реальной катастрофе?

Сталинское «решение» и было в глазах Бухарина троцкистским решением, вернее, решением или рецептом Преображенского. Тот, кто верит, продолжал Бухарин, что рост плановой экономии дает нам возможность – как результат отмирания закона стоимости – делать все, что нам нравится, просто не понял азбуки экономической науки... В центре всех наших плановых расчетов, говорил Бухарин, должно стоять постоянное развитие индустриализации, но оно не должно происходить за счет грабежей крестьянства. Тут должна быть экономическая гармония, когда индустрия не только растет на базе выгод от роста сельского хозяйства, но и одновременно помогает индустриализировать само сельское хозяйство, что и подготовит ликвидацию противоречий между городом и деревней.

Поскольку у Сталина не было никаких разумных доводов против этой программы Бухарина, он перевел спор в другую плоскость и даже в другое место. Сталин спустился с уровня Политбюро к уровню области. Как Бухарин и предвидел, Сталин взялся за разгром московской базы бухаринцев.

Еще с февраля 1928 года в закрытом письме ЦК к партийным организациям заострялось внимание партии на том, что в партии нарастает «правая опасность» и приводились примеры исключения из партии местных деревенских коммунистов «за смычку с кулаком».

Но против нового курса Сталина выступали не только в деревнях. Сталин говорил, что «если подняться выше, к уездным, губернским парторганизациям, ... то вы без труда могли бы найти здесь носителей правой опасности» (Сталин, Соч., т. 11, стр. 235).

Но не так страшны были провинции, где партаппарат без шума и без каких-либо законных выборов снимал мало-мальски подозрительных партийных чиновников, но страшной стала столица, где во главе Московского комитета стоял бухаринец, секретарь ЦК и кандидат Политбюро Угланов, а во главе Моссовета – другой бухаринец, член ЦК Уханов. Прежде, чем взяться за Бухарина и его сторонников в Политбюро, надо было осадить и взять московскую крепость бухаринцев. Сталин приступил к этой задаче не

сверху, по линии ЦК, а снизу, по линии московских районных партийных организаций. Минуя Московский Комитет (МК), ЦК начал созывать «активы» районов, снимать их секретарей РК (Краснопресненский, Рогожско-Симоновский, Хамовнический и др. райкомы). Одновременно эти же «активы» обращались «в порядке критики и самокритики» снизу к ЦК, требуя снять своих секретарей РК и ликвидировать ошибки МК (З. И. Ключева, «Идейное и организационное укрепление компартии», Москва, 1970, стр. 260).

Когда возмущенные руководители МК обращаются к ЦК с жалобами на его явно незаконные по уставу апелляции к районам через голову МК, то невозмутимый Сталин ответил на созванном им пленуме МК в октябре 1928 г.: «Я не знаю, чем можно оправдать такое недовольство. Что может быть плохого в том, что районные активы московской организации подняли свой голос, потребовав ликвидации ошибок и колебаний» у руководителей МК? (там же, стр. 236-237).

В чем же заключались эти ошибки и колебания? В длинной речи Сталина нет ни слова, в чем заключались эти «ошибки и колебания» у МК. Только осведомленные знали, что у руководителей МК была лишь одна ошибка: они поддержали точку зрения Бухарина против Сталина на июльском пленуме. Разумеется, начиная борьбу с Бухариным, Сталин не мог терпеть в своем тылу эту крепость бухаринцев. Сталин предложил Бюро МК созвать объединенный пленум МК и МКК вместе с районным «активом» для обсуждения создавшегося положения. Сталин на пленум явился со всем секретариатом ЦК и собственными единомышленниками из Политбюро. Он держал здесь большую речь, в которой он первый раз после расправы с «левым уклоном» открыто заявляет, что в партии образовался теперь новый уклон – «правый уклон» и что «победа правого уклона в нашей партии означала бы нарастание условий, необходимых для восстановления капитализма в нашей стране» (там же, стр. 226). Сталин считает, что если партия не откроет широкой идеологической кампании против правого уклона, если она его не разгромит так же, как она разгромила «левый уклон», то революции грозит гибель. Он цитирует Ленина: «Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма» (там же, стр. 227). Поэтому Сталин предлагает: кто не хочет реставрации капитализма в СССР, тот должен бороться не только за ликвидацию правого уклона, но и за

выкорчевку корней капитализма в стране, другими словами, надо ликвидировать ленинский нэп и провести сталинскую коллективизацию.

Когда выступавшие ораторы поставили перед Сталиным неприятный ему в данных условиях вопрос: есть ли в ЦК и Политбюро правые, Сталин ответил, что «в составе ЦК имеются... элементы *примиренческого* отношения к правой опасности...», но «в Политбюро нет у нас ни правых, ни "левых", ни примиренцев с ними» (выделено мною. – А. А. – там же, стр. 235-236). Сталин разъяснил, что кроме «правого уклона», существует в партии, в ее среднем звене, не менее злокачественная болезнь – «примиренчество» с правым уклоном. Сталин обвинил МК во главе с Углановым именно в этом «примиренчестве». По этому сигналу, заранее подобранные активисты из районов стали приводить многочисленные «факты» о примиренческих ошибках самого Угланова. Ораторы потребовали от Угланова выступить с самокритикой и признать свои ошибки откровенно, «по-большевистски». Когда с такими же требованиями выступили Молотов, Ворошилов, Каганович и др., Угланов понял, что его решили просто убрать и демонстративно покинул пленум МК. Это был преждевременный скандал, и он не входил сейчас в расчеты Сталина. Помощники Сталина предложили Угланову компромисс: в порядке «самокритики» он признает свои ошибки, а тогда ЦК его оставляет во главе МК. Угланов в ложной надежде сохранить власть принял компромисс. Он заявил, что когда он воевал с Зиновьевым, он победил, потому что был прав, а теперь его побили, потому что он неправ (там же, стр. 289).

Что же делает Бухарин и его сторонники в Политбюро? Они дают Сталину на пленуме ЦК (16-24 ноября 1928 г.) политический мандат для расправы с правыми, т. е. с самими собою. В резолюции по докладу Рыкова «О контрольных цифрах народного хозяйства на 1928-29 год» сказано: «Всплывает правый (откровенно оппортунистический) уклон, который находит свое выражение в стремлении снизить темп и задержать дальнейшее строительство крупной индустрии, в пренебрежительном или отрицательном отношении к колхозам и совхозам, в недооценке и затушевывании классовой борьбы, в частности борьбы с кулаком, в бюрократическом невнимании к нуждам масс, в недооценке борьбы с бюрократизмом, в недооценке военной опасности и т. д. ... Пленум констатирует, что в настоящее время главной опасностью в ВКП является опасность правого, откровенно оппортунистического уклона» («КПСС в рез.», 1953, ч. II, стр.

419).

Пункты о «невнимании к нуждам масс» и «недооценке борьбы с бюрократизмом» Сталин приплел сюда, как он это всегда делал, явно в демагогических целях. Во вступлении к этой резолюции сказано, что она принята «единогласно», то есть за этот политический смертный приговор против себя голосовали члены Политбюро Бухарин, Рыков, Томский, член Секретариата ЦК и кандидат Политбюро Угланов, члены ЦК и активные сторонники Бухарина А. Догадов, В. Шмидт, В. Котов.

Пользуясь этой резолюцией и признанием самого Угланова, что он «примиренец» с правым уклоном, буквально через два дня после ноябрьского пленума ЦК – 27 ноября 1928 года ЦК снял все руководство МК во главе с Углановым. Секретарем МК был назначен Бауман, потом Молотов, затем Л. Каганович. Первая и самая важная крепость правых пала без боя и без славы.

Одновременно Сталин предпринял превентивные меры для «осады» и лидеров правых. К каждому члену Политбюро из числа правых было прикомандировано решением Оргбюро ЦК по «политкомиссару»: к председателю правительства Рыкову – Орджоникидзе, к председателю ВЦСПС – Л. Каганович, к Бухарину по линии «Правды» – Савельев, а по линии Коминтерна – Молотов. «Политкомиссары» имели право наложить вето на любое распоряжение и действие названных правых, если эти распоряжения и действия расходились с линией Сталина.

В разгар внутренней борьбы в Политбюро Бухарин опубликовал свою речь, произнесенную в день пятой годовщины смерти Ленина – 21 января 1929 г. Она, сначала напечатанная в «Правде», была издана потом отдельной брошюрой под интригующим названием: «Политическое завещание Ленина». Бухарин анализировал предсмертные статьи Ленина. Бухарин цитировал как раз против Сталина следующее место из статьи Ленина «О кооперации»:

«Мы вынуждены признать *коренную перемену всей* точки зрения нашей на социализм... *Раньше мы центр тяжести клали... на политическую борьбу... Теперь же центр тяжести . . . переносится на мирную организационную «культурную работу»* (Ленин, 3-е изд., т. XXVII, стр. 396-397).

Исходя из этого высказывания Ленина, Бухарин *писал,* что в условиях СССР новой «третьей революции» не может быть и не должно быть. Сталин

стоял на диаметрально противоположной точке зрения.

После изгнания троцкистов и зиновьевцев и до появления «правой оппозиции» руководящие органы ЦК состояли (декабрь 1927 г.) из Политбюро – члены: Бухарин, Ворошилов, Калинин, Куйбышев, Молотов, Рыков, Рудзутак, Сталин, Томский.

Кандидаты: Петровский, Угланов, Андреев, Киров, Микоян, Каганович, Чубарь, Косиор.

Оргбюро – члены: Сталин, Молотов, Угланов, Косиор, Кубяк, Москвин, Бубнов, Артюхина, Андреев, Догадов, Смирнов А. П., Рухимович, Сулимов.

Кандидаты: Любов, Михайлов В. М., Лепсе, Чаплин, Шмидт.

Секретариат – члены: Сталин (генеральный секретарь), Молотов, Угланов, Косиор, Кубяк. Кандидаты: Москвин, Бубнов, Артюхина.

(«ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 1933, ч. II, стр. 455).

Как уже указывалось, ни в одном из высших органов Сталин не имел твердого большинства. В Политбюро из девяти голосов (я считаю только членов) Сталин имел три голоса – Сталин, Ворошилов, Молотов. Бухарин тоже имел три голоса – Бухарин, Рыков, Томский. Три члена – Калинин, Рудзутак, Куйбышев – колебались между этими двумя группами, склоняясь в решающие моменты то в сторону Сталина, то в сторону Бухарина.

В Оргбюро у Сталина было пять голосов – Сталин, Молотов, Косиор, Андреев, Рухимович, у Бухарина тоже пять голосов – Угланов, Догадов, Смирнов, Сулимов, Кубяк. Три голоса – Бубнов, Артюхина, Москвин – были «нейтральными». В Секретариате Сталин имел относительное, но твердое большинство – Сталин, Молотов, Косиор против двух – Угланова и Кубяка.

Таким образом, в высшем органе партии, которой руководил всей текущей работой партии и правительства – в Секретариате – Сталин был хозяином. До Политбюро и даже до Оргбюро Сталин доводил только вопросы, предрешенные в Секретариате, для утверждения их «постфактум». Самое же главное – Сталин узурпировал власть Оргбюро по организационным вопросам. Все вопросы назначения и смещения высших чинов партийного аппарата, хозяйства, армии, профсоюзов, дипломатии, то есть вопросы компетенции Оргбюро, решались теперь Секретариатом ЦК. Эта узурпация Оргбюро была, в конечном счете, узурпацией власти Политбюро. Политбюро сделалось лишь ширмой всевластного Секретариата. Члены Политбюро нередко узнавали «новости» Секретариата из вторых рук.

Аппарат государства – аппарат партии и администрации – подбирался без ведома Политбюро, в полном согласии с новым уставом партии. Устав гласил, что «текущей исполнительской и организационной работой руководит Секретариат». Да и кому же ею руководить, как не Секретариату? Ведь Политбюро и Оргбюро заседают периодически и состоят из лиц, находящихся вне ЦК, а Секретариат – постоянный, живой и действующий орган ЦК.

Если Секретариат был легальным органом власти Сталина, то аппарат ЦК, подобранный самим Сталиным как генеральным секретарем, являлся его могущественным оружием в деле укрепления и удержания этой власти. Постепенно вытеснив из аппарата ЦК старых большевиков, Сталин воссоздал его заново. При Ленине как Секретариат ЦК, так и его рабочий аппарат имели только технически-исполнительские функции. Люди, поставленные руководить Секретариатом и аппаратом, имели лишь одну задачу – следить за выполнением решений Политбюро, Оргбюро и Пленумов ЦК.

Ни одного самостоятельного решения, не основанного на директивах названных органов, ни Секретариат, ни тем более аппарат ЦК не принимали. Поэтому туда избирались или назначались люди с хорошей репутацией «исполнителей». Сам Сталин был избран туда в качестве такого «исполнителя», правда, не по предложению Ленина, как сталинцы потом утверждали, а по заговору Зиновьева-Каменева-Сталина против Ленина-Троцкого. Но, разделавшись с Троцким, а потом и с Зиновьевым и Каменевым, Сталин, готовясь к последней схватке с Бухариным, незаметно, но радикально очистил, в первую очередь, аппарат ЦК от бухаринцев.

Чтобы не вызывать у вычищаемых подозрений, а у Бухарина – протестов, лица, освобожденные из аппарата ЦК, получали по советской или хозяйственной линии крупные назначения. Их «повышали» для уничтожающего понижения.

Таким образом, уже к 1929 году реорганизация аппарата ЦК закончилась созданием в самом ЦК, как тогда говорили, «нелегального кабинета Сталина» (впоследствии этот «кабинет Сталина» получил в партийных документах легальное название – «Секретариат т. Сталина»). В официальном постановлении ЦК 1929 года о реорганизации ЦК и аппарата ЦК указывалось, что необходимость реорганизации ЦК и аппарата местных парторганизаций вызывается в первую очередь огромным усложнением задач партруководителей в условиях реконструктивного периода, особенно в

области «подбора, распределения и подготовки кадров» («Партийное строительство», 1930, № 2). Этот реорганизационный аппарат ЦК имел теперь следующие отделы – оргинструкторский отдел, распределительный отдел (отдел кадров), отдел культуры и пропаганды, отдел агитации и массовых кампаний. Во главе отделов были поставлены члены ЦК, преданные Сталину (Каганович, Бауман, Стецкий, Варейкис, Д. Булатов).

Зато «кабинет Сталина» состоял из молодых фанатиков, не являющихся членами ЦК. Людям этим никто в первое время не придавал никакого значения. Их привыкли рассматривать как технических сотрудников Сталина, как преданных своему делу службистов безо всякой претензии на «большую политику». Они ведут протоколы на заседаниях ЦК, дают справки по самым различным вопросам, приносят чай и бутерброды для заседающих, точат карандаши своему шефу. При всем этом, как это и подобает лакеям, хотя бы и партийным, они внешне подчеркнуто покорны, послушны и до приторности услужливы перед любым из членов ЦК:

– Изволите вызвать вашу машину, Николай Иванович (Бухарин)?

– К вашим услугам, Алексей Иванович (Рыков) !

– Не прикажете ли бутерброд, Михаил Павлович (Томский)?

– Есть, т. Сталин (хозяину)!

Таковы были те, из которых Сталин составил свой «негласный кабинет». Вот их имена: Товстуха, Поскребышев, Смиттен, Ежов, Бауман, Поспелов, Мехлис, Маленков, Петере, Урицкий, Варга, Уманский. У каждого из них был и официальный титул. Товстуха значился в списке сотрудников ЦК как «помощник секретаря ЦК» (это была чисто техническая должность вроде начальника канцелярии – институт помощников секретарей существовал и на местах). Поскребышев был помощником помощника, то есть Товстухи, по сектору учета и информации. После смерти Товстухи Поскребышева назначили помощником секретаря и начальником Особого сектора, а Смиттена, – помощника Поскребышева «по партийной статистике», – на его место. Ежов заведовал сектором кадров, Поспелов – сектором пропаганды (помощник Мехлис). Маленков был заместителем Поскребышева по Особому сектору и протокольным секретарем Политбюро. Когда Ежова перевели на заведование отделом кадров Наркомзема (1929), Маленков был назначен начальником сектора кадров.

Я уже указывал, что этот нелегальный «Кабинет Сталина» впоследствии получил официально-легальное наименование: «Секретариат т.

Сталина» (не смешивать с «Секретариатом ЦК»!). Любой большой и малый вопрос внутренней и внешней политики, прежде чем обсуждаться на заседаниях руководящих органов ЦК, обрабатывался и по существу предрешался в «Кабинете Сталина», потом уже передавался в соответствующие официальные отделы ЦК, а с дополнительными заключениями самих отделов (эти заключения лишь официально воспроизводили «предрешения» специалистов из «Кабинета Сталина») вопрос поступал на решение Секретариата, Оргбюро и Политбюро. Если на заседаниях этих органов возникали крупные разногласия, что, конечно, нередко случалось, то спорный вопрос передавался в существовавшие или периодически создаваемые «Комиссии Политбюро». Такие комиссии, состоявшие преимущественно из членов ЦК, работающих вне его аппарата, целиком зависели от аппарата ЦК (то есть от того же самого «Кабинета Сталина») как в отношении данных для обоснования того или иного проекта, так, главное, и в отношении его последующего проведения через высший партийный орган. Получался заколдованный круг, из которого выход находил только один Сталин, как генеральный секретарь ЦК: саботаж неугодного ему решения.

В основе всей организационной политики «Кабинета Сталина» лежал испытанный принцип, который Сталин провозгласил в качестве лозунга партии лишь через два года – «Кадры решают все!» Будущий биограф Сталина, которому будут доступны документы сталинского «Кабинета», с величайшим изумлением установит тот простейший факт, что не Политбюро, состоящее из старых большевиков, а технический кабинет, состоящий из молодых, внешне скромных, в партии и стране неизвестных, но способнейших исполнителей воли своего хозяина, направлял мировую и внутреннюю политику СССР. И это – путем «подбора, распределения и подготовки кадров», так как «кадры решают все».

«Кабинет» подбирал «кадры» партии, армии, государства. «Кабинет» был в первую очередь «лабораторией фильтрации кадров». Судьба и карьера члена партии любого ранга, от секретаря местного парткома (впоследствии до секретаря райкома партии включительно) и до наркома СССР, зависела от соответствующего «сектора» «Кабинета». Но чтобы назначать новых, надо было убирать старых, по возможности без шума и скандалов. Об этом заботился «Особый сектор», руководимый Поскребышевым. Внешне он не был каким-либо «особым» сектором. Его существование в аппарате ЦК,

ранее под именем «секретного отдела», было само собою разумеющимся фактом. Он хранил секретные документы партии и правительства и являлся как бы простым партийным сейфом. Когда же был окончательно оформлен «Кабинет Сталина», секретный отдел ЦК просто исчез с тем, чтобы появиться в составе «Кабинета» уже под другим и еще более таинственным названием: «Особый сектор». Да и существовал он отныне, действительно, тайно. Только после окончательной победы Сталина – после XVII съезда партии – было сообщено о его существовании.

В чем же были его функции? В официальной партийной литературе вы будете тщетно искать ответа на этот вопрос. Неофициально же было о нем известно следующее. «Особый сектор» должен быть органом надзора за верхушками партии, армии, правительства и, конечно, самого НКВД. Для этого у него была собственная агентурная сеть и специальный подсектор «персональных дел» на всех вельмож без различия ранга. Сталин, сидя у себя в кабинете или находясь где-нибудь на отдыхе, имел постоянный контакт с закулисной жизнью партийных и государственных верхов Москвы. Даже простая личная переписка людей из высших слоев подвергалась бдительной цензуре сетью «особого сектора»; исключение не делалось и для собственных единомышленников, точь-в-точь как это делал и «черный кабинет» царской охранки или Меттерниха. Таким образом, Сталин знал, чем дышит его враг и друг в собственном окружении. По мере накопления «минус пунктов» в личном деле вельможи – его судьба уже предрешалась в «Особом секторе». Предрешалась, но не решалась. Для официального решения существовали и официальные органы ЦК, в зависимости от ранга очередной жертвы: если он был членом ЦК, его судьба решалась в Секретариате и редко в Оргбюро, если же он был высоким чиновником, но не членом ЦК, то его просто снимал соответствующий отдел ЦК. Если же Сталин видел, что дело не обойдется без скандала, то он часть материалов, дискредитирующих того или иного высокого члена партии или даже члена ЦК, передавал официальному партийному суду – ЦКК (позже КПК). Там тоже сидели свои «несменяемые судьи» – Шкирятов, Ярославский, Сольц, Янсон, Орджоникидзе.

Так «Особый сектор» освобождал места, которые немедленно заполнял «Сектор кадров» сначала Ежова, а потом Маленкова. Удивительно ли после всего этого, что наркомы дрожали перед Товстухой и Поскребышевым, а члены ЦК ползали перед Ежовым и Маленковым. И эти лица числились в

списке аппарата ЦК лишь «техническими сотрудниками» ЦК! «Техника в период реконструкции решает все», – сказал Сталин по другому поводу. Его собственная «техника» над ЦК в руках Поскребышевых и маленковых в Москве предрешила и судьбу партии. Не выбранные партией, а назначенные «Сектором кадров» секретари обкомов, крайкомов и ЦК национальных компартий на местах, железная воля к единоличной власти самого главного «конструктора» всего этого заговора, – такова была обстановка в партии, когда Сталин двинулся в «последний и решительный бой» за «ленинское наследство».

Что могли ему противопоставить Бухарин и его группа? Очень немногое: академические меморандумы на имя ЦК и платонические заклинания в свой правоте на его заседаниях.

С точки зрения «интересов страны и интересов самой партии» бухаринцы апеллировали и к разуму, и к чувству партии.

В интересах захвата всей власти и установления личной диктатуры и над партией, и над страной Сталин апеллировал к сокровенным чувствам партийных карьеристов и организованной силе партийного аппарата.

Знающий свое дело Сталин не спешил с выводами. Он давал оппозиционерам возможность высказаться на закрытых заседаниях ЦК; более того, он сознательно провоцировал их на выступления. Порою он искусственно создавал у своих противников впечатление собственного *бессилия... Или* иногда совершенно уходил в тень, за кулисы, оставляя за собой возможность для отступления в случае надобности. Но тем настойчивее, тем целеустремленнее действовал аппарат. «Дело не в Сталине, а в том дьявольском аппарате, в руках которого он находится», сказал в разгаре борьбы сам Угланов. Такое впечатление о себе у своих врагов мог создать только Сталин.

Уже во время борьбы против Троцкого в союзе с Зиновьевым и Каменевым, а потом в борьбе против Зиновьева и Каменева в союзе с Бухариным и Рыковым, у Сталина была не только эластичная тактика, но и во всех деталях разработанная стратегия – ликвидация всей «ленинской гвардии» старых большевиков, чтобы создать собственную партию – партию Сталина. Две ступени, два важнейших и решающих препятствия к этой конечной цели были относительно легко преодолены, причем преодолены, главным образом, не столько при помощи своего авторитета, сколько авторитета в партии Бухарина, Рыкова и Томского.

Сам Сталин внес в эту судьбоносную борьбу свой организационно-комбинаторский гений и изумительное чутье величайшего из сыщиков в политике. Его горе-союзники по борьбе с Троцким и Зиновьевым были лишены и того морально-этического преимущества в политической борьбе, которым владел Сталин: абсолютная свобода от всякой морали, от всякого морального чувства. Когда на глазах у этих же союзников Сталин пользовался в борьбе с «левой оппозицией» (Троцкого) и «новой оппозицией» (Зиновьева) методами самой очевидной фальсификации и сознательной провокации, бухаринцы лишь восхищались высоким классом изобретательности Сталина. Он прибегал при молчаливом согласии бухаринцев к самым виртуозным номерам политической дрей-фусиады в отношении организаторов Октябрьского переворота – Троцкого и троцкистов – в таком масштабе и формах, которых Ленин не применял даже в отношении своих политических врагов. И это сходило ему с рук без звука протеста со стороны бухаринцев. Сталин – «этот дрянной человек с желтыми глазами», – по запоздалому свидетельству Крестинского, – настолько загипнотизировал своих союзников, что те просмотрели ту внутреннюю революцию в партии, которую провел Сталин и против них. Я говорю об аппарате партии. То, что делалось в Центральном комитете партии, мы видели. Еще лучше, еще основательнее Сталин поработал над созданием собственного аппарата на местах – в областях, краях, национальных республиках. Начиная с 1928 года, на местах уже не было ни одного законно избранного секретаря партийной организации, как того требовали «устав» партии и пресловутая «внутрипартийная демократия». Старые выборные секретари под тем или иным предлогом освобождались от партийной работы. Иногда их назначали, как я уже говорил относительно Москвы, на высокие административные, дипломатические, а, главным образом, на хозяйственные должности, лишь бы избавиться от них в партийном аппарате. На место снятых «Сектор кадров» через легальный орган ЦК – оргинструкторский отдел – направлял чистокровных сталинцев. Когда привыкшие к шуму о внутрипартийной демократии и ко все еще номинально действующему уставу партии местные партийные организации начали отказываться принимать «рекомендуемых» Москвой секретарей, то ЦК ввел практику (вопреки тому же уставу) назначения местных секретарей сверху. Для проведения их без скандала через местные пленумы партийных комитетов ЦК теперь вместе с назначенными секретарями посылал на место

и одного из инструкторов ЦК. Инструктора докладывали пленумам, что это есть «воля ленинского ЦК».

Трудно было спорить с такой могучей «волей». Если же где-либо высказывали недовольство по поводу этой новой практики или против навязывания данной организации совершенно неизвестного ей человека в качестве руководителя, то сеть «Особого сектора» быстро создавала дело об «антипартийной группе» в такой-то организации, которое обычно кончалось тем, что охотников пошуметь быстро исключали из партии решением другого подсобного сталинского органа – партколлегии ЦКК.

В отношении подбора и назначения местных секретарей Сталин как бы руководствовался мудрым рецептом Макиавелли – не назначать наместниками людей местных. Склонные к «сепаратизму», они легко могут изменить «государю». Нельзя им давать, кроме того, и засиживаться на одном и том же месте, надо их часто перетасовывать. Организационная практика Сталина на местах придерживалась этих принципов весьма строго.

К концу 1928 года завершился и этот процесс перестройки низового аппарата партии по сталинскому образцу. Отныне основные кадры секретарей обкомов, крайкомов и ЦК национальных компартий состояли из людей, пропущенных через «Особый сектор» и назначенных «Сектором кадров» «Кабинета Сталина». В самих местных аппаратах, начиная с обкома, также был введен институт «особых секторов» под названием «спецсекторов», которыми заведывали исключительно лица, присланные из Москвы «Особым сектором» и «Сектором кадров». Формально заведующий «спецсектором» подчинялся секретарю обкома (крайкома, ЦК местной партии), но фактически он был подотчетен только «Кабинету Сталина». В распоряжении этого местного «Особого сектора» находилась особая сеть «партинформаторов» вне парткома и весьма квалифицированный штат работников в самом аппарате партийного комитета (от 3 до 10 чел.) – сам заведующий, один или два инструктора, шифровальщик, протоколист, особая машинистка и т. д. Никаких прав «спецсектор» не имел, не *имеет* и сейчас. Вся его задача – в организации правдивой и исчерпывающей информации для «Особого сектора» в ЦК. Заведующий «сектором» постоянно участвует во всех заседаниях бюро и секретариата обкома (крайкома, ЦК) как протоколист, имея при себе «особую машинистку», являющуюся одновременно и стенографисткой. Директивная связь ЦК с обкомами проходит через этот «спецсектор» – шифрованные телеграммы, секретные

директивы ЦК поступают в «спецсектор», и он доводит их до сведения секретаря в расшифрованном виде. Сам секретарь обкома передает Москве свои секретные доклады, ответы, решения через этот же сектор. Кроме обычных почтовых связей и правительственных проводов, в распоряжении «спецсектора» находится и отдельная «фельдъегерская служба» по линии НКВД (МВД), – то есть своеобразные внутренние «дипломатические курьеры», которые доставляют в Москву и из Москвы на места наиболее важные партийные и правительственные документы. Эти курьеры более неприкосновенные лица, чем даже какой-либо министр советского правительства. Они снабжены личными мандатами за подписями министра Госбезопасности, гарантирующими им не только личную неприкосновенность, но и экстраординарные права на любые услуги со стороны партийных и советских властей при исполнении ими служебных обязанностей. Такова была техника организации партийного аппарата «Кабинета Сталина» накануне открытого выступления так называемой правой оппозиции в начале 1929 года.

До середины 1928 года споры между Сталиным и будущими правыми носили характер скорее теоретический, нежели практический.

Подробности о разногласиях Бухарина со Сталиным по важнейшим вопросам большой практической политики в Политбюро, даже в кругах членов ЦК, знали очень немногие (зато члены «Кабинета Сталина» в лице Ежова, Маленкова, Поскребышева, Поспелова и др. о них не только знали, но и принимали в них ближайшее участие на стороне Сталина).

Сам Бухарин, по настоянию Рыкова, воздерживался выносить спор на пленум ЦК. Томский, наоборот, был сторонником решительной развязки или, во всяком случае, коллективной отставки всей «тройки», чтобы этим продемонстрировать свое несогласие со сталинским курсом. Но цель Сталина была иная – подготовить партийный аппарат и партийный актив к уничтожению его противников в открытых боях, выставив их как новую, на это раз «правую оппозицию». Кличка «оппозиция» всегда была в истории ВКП (б) той вечной искомой мишенью, против которой всегда можно было мобилизовать и неразборчивую партийную массу, и вполне разбирающихся партийных карьеристов. Сталин вел дело к этому, но вел по-своему, по-сталински, то есть мастерски в смысле конспирации и виртуозно в смысле провокации.

Глава 29

РАЗГРОМ «ПРАВОЙ» ОППОЗИЦИИ

Мы уже писали, что к началу 1928 года соотношение сил бухаринцев и сталинцев в Политбюро было одинаково. В этих условиях ни о какой оппозиции внутри Политбюро или Оргбюро говорить не приходилось. Были две по силе одинаковых, а по своим воззрениям на текущую политику партии диаметрально противоположных группы. Сталину такое положение в верховных органах партии было далеко не выгодным. Обозначивающаяся борьба в этих органах была борьбой сторон, а не оппозиции и законного большинства. Сталину нужна была любой ценой, при помощи любых методов, именно «оппозиция», а не стороны. К этому он и вел дело, причем, не только по линии своего негласного кабинета внутри ЦК, не только по линии «идеологической обработки», не только по линии «секретарского отбора» в низах, не только по линии замены Политбюро и Оргбюро Секретариатом ЦК, которым он владел твердо, но, – выражаясь его собственной терминологией, – «вел по всему фронту». Пока этот фронт проходил по вышеуказанным границам, у Сталина еще не было никакой внутренней уверенности, что он выиграет последнее сражение на путях к единовластию. Надо было найти какие-то новые резервы, достаточно мощные, чтобы произвести на врага впечатление. Эти резервы, давно намеченные, подобранные и подготовленные (на худой конец!), были налицо – Президиум ЦКК и Президиум Коминтерна.

Ни по уставу партии, ни по твердо установившейся традиции они не были судьями над Политбюро и Оргбюро ЦК. Наоборот, еще со времени Ленина Политбюро (опять-таки не по уставу, а по неписаному закону большевизма) было и высшим судом, и верховным законодателем для всех. Правда, на бумаге ВКП (б) скромно называл себя «секцией Коминтерна», а ЦКК – блюстителем «единства партии». Но это было лишь на бумаге. Теперь Сталин решил ввести названные резервы в бой, и это решение оказалось самым действенным и самым умным из всех его организационных комбинаций в борьбе с правыми. Резервом первой очереди для Сталина был, конечно, его собственный домашний резерв – Президиум ЦКК. В уставе

партии, принятом на XIV съезде (1925), говорилось:

«Основной задачей, возложенной на ЦКК, является охранение партийного единства и укрепления рядов партии, для чего на ЦКК возлагается:

1. Содействие Центральному Комитету ВКП (б) в деле укрепления пролетарского состава партии...

2. Борьба с нарушением членами партии программы, устава ВКП (б) и решений съездов.

3. Решительная борьба со всякого рода антипартийными группами и с проявлением фракционности внутри партии, а также предупреждение и содействие изживанию склок...

4. Борьба с некоммунистическими проступками: хозяйственным обрастанием, моральной распущенностью и т. д.

5. Борьба с бюрократическими извращениями партийного аппарата и привлечение к ответственности лиц, препятствующих проведению в жизнь принципа внутрипартийной демократии в практике партийных органов» («ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», Москва, Партиздат, 1933, ч. II, стр. 223).

Главные пункты устава – 1, 3, 5 – прямо и непосредственно относились к практике Сталина и его негласного кабинета внутри ЦК, но Сталин как раз по этим пунктам и ввел в партийный бой свой первый резерв – ЦКК. Правда, сначала он использовал не весь состав ЦКК, так как из 195 ее членов, избранных на XV съезде, не менее половины состояли из людей Бухарина, Рыкова и Томского, и даже не весь состав Президиума ЦКК (21 человек), в котором также сидели бухаринцы. Сталин использовал лишь отборную ее головку – руководителей ЦКК. Поступая так, Сталин не нарушал и формально устава партии.

Напомним, что в уставе говорилось: Президиум ЦКК делегирует в Политбюро трех членов и трех кандидатов, а в Оргбюро пять членов и пять кандидатов из состава Президиума для участия на заседаниях этих высших органов с правом совещательного голоса. Впоследствии, на XV съезде предусмотрительный Сталин внес весьма незаметные, но важные изменения в этот пункт устава партии. Именно: Президиум ЦКК делегирует в Политбюро не трех, а четырех своих членов и четырех к ним кандидатов с более широкими правами. Кардинальное значение новых изменений состояло в том, что, расширяя состав делегации Президиума ЦКК в

Политбюро и отменяя старый пункт устава на этот счет, сталинцы сознательно не оговорили (как это было в старом уставе), что делегация Президиума ЦКК пользуется «правом совещательного голоса». Это было первое изменение. Второе изменение, внешне также мало заметное, а по существу столь же важное, заключалось в следующем: в старом уставе Президиум ЦКК был единственным высшим руководящим органом ЦКК между ее пленумами. Как таковой, он руководил и Секретариатом и Партколлегией ЦКК. Партколлегия (5 членов и 2 кандидата) собственно и представляла собой высший партийный суд, но зависимый и подчиненный Президиуму ЦКК, в составе которого, как указывалось, почти наполовину сидели бухаринцы. Теперь Сталин сделал партколлегию независимой от Президиума ЦКК, а ее решения безапелляционными.

Решающее значение этих изменений для Сталина и сказалось потом в его борьбе с Бухариным. Для полноты картины добавлю, что в устав был включен и совершенно новый пункт: «Члены партии, отказывающиеся правдиво отвечать на вопросы контрольных комиссий, подлежат немедленному исключению из партии» («ВКП(б) в резолюциях...», ч. II, стр. 451).

Во главе Президиума ЦКК стоял Серго Орджоникидзе. Во главе высшего и теперь «независимого» суда партии стояли – Ем. Ярославский, Шкирятов, Сольц, Землячка, Янсон. Постоянной делегацией Президиума ЦКК в Политбюро были те же лица – Орджоникидзе, Ярославский, Шкирятов и Сольц. Теперь, когда после июльского и ноябрьского пленумов ЦК (1928) и связанных с этими пленумами боев внутри Политбюро Сталин убедился, что в Политбюро действительно нет «оппозиции», а есть борющиеся между собою равные силы, он и ввел в бой свой первый резерв.

Мотивируя тем, что в Политбюро нет твердого большинства по важнейшим вопросам текущей политики, Сталин предложил ввести в практику ЦК совместные заседания Политбюро и явно сталинского Президиума ЦКК.

Какие же меры предпринимала группа Бухарина против столь открытого «организационного окружения» (выражение Бухарина) ее Сталиным? Если не говорить о злополучной беседе Бухарина с Каменевым, то, кажется, что никаких. И это несмотря на наличие равного положения в Политбюро, несмотря на сочувствие и поддержку – одних открыто, других предположительно солидных групп в ЦК и ЦКК, несмотря на сочувствие и поддержку всего аппарата ВЦСПС и ЦК союзов, несмотря на известные

позиции в Красной армии, несмотря на активность и поддержку ведущих групп партийных теоретиков и пропагандистов, несмотря, наконец, на сочувствие и возможную поддержку основного населения страны – крестьянства. Все объективные факторы говорили за Бухарина. Но, увы, недоставало все-таки одного фактора, который Ленин называл «субъективным фактором»: организации жертвенных революционеров. Бухарин был для этого слишком теоретиком, Рыков – педантом, а Томский – одним воином в поле. Руководители правой оппозиции до смерти боялись нарушения легальности партийных рамок, которые так нещадно, прямо на их же глазах ломал Сталин. Они боялись обвинения во фракционности, тогда как в их же присутствии Сталин создал собственную фракцию – «партию в партии». Руководители правой оппозиции боялись апелляции через голову Сталина и его аппарата к партийной массе, а Сталин в беспрерывных письмах и инструкциях не только апеллировал через головы Политбюро и Оргбюро к партийной массе, но и без малейшего стеснения громил и разносил ее местных выборных руководителей, чтобы заменять их назначенными из Москвы.

У Сталина не было объективных факторов Бухарина, но зато у него был тот самый ленинский «субъективный фактор» – динамичная организация вышколенных дельцов, способных на авантюру, неразборчивых в приемах, жадных до власти. Их сила заключалась в том, что в интересах борьбы за власть они были готовы на большее, чем Бухарин и Троцкий вместе взятые: на то, чтобы осквернить мавзолей Ленина, а Маркса с Энгельсом предать вечной анафеме, если только от этого зависит их победа. Кто этого не понимает, тот знает сталинцев только по книжкам.

Такова была обстановка внутри партии, когда наступила первая развязка. Она и началась со знаменитого заявления Бухарина от 30 января 1929 года.

К сожалению, этот наш важнейший программный документ правой оппозиции никогда не был опубликован в СССР. За границу, насколько мне известно, он тоже не попал. Чтение этого документа было запрещено Сталиным даже для членов ВКП(б). Только руководящий партийный актив, у которого, по логике сталинцев, уже выработался достаточный просталинский иммунитет против «антипартийных ересей», мог познакомиться с ним в приложении «материалов» к стенографическому отчету апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (16-23 апреля

1929 г.). Более того. Даже решение этого пленума о группе Бухарина держалось в тайне до 1933 года. Только в 1933 году было опубликовано как решение объединенного заседания Политбюро и Президиума ЦКК, так и решение указанного пленума по делу о правых, конечно, опять-таки без заявления Бухарина от 30 января и «платформы трех» от 9 февраля 1929 года. Насколько и эти документы являются неполными и явно «подчищенными» задним числом, показывают пропуски всех более или менее ярких цитат из заявления Бухарина. Но и в таком виде эти документы помогают воспроизведению заявления Бухарина.

Основная цель заявления Бухарина от 30 января – личность Сталина, а из руководящих органов ЦК – лишь Секретариат ЦК. Предусмотрительно отгораживая от критики Политбюро, Оргбюро и пленум ЦК, Бухарин открыто и со ссылками на данные текущей практики аппарата ЦК обвинял Сталина по существу в заговоре против линии партии.

Обвинения Бухарина сводились, главным образом, к следующим пунктам:

1. В основе крестьянской политики Сталина лежит провозглашенный им на июльском пленуме ЦК лозунг «дани, то есть военно-феодальной эксплуатации крестьянства». Цель Сталина, – базируясь на методическом, государством легализованном грабеже основного класса страны – крестьянства, держать курс на индустриализацию. К этой цели Сталин стремится двумя способами: один способ – насильственная коллективизация, другой – «налоговое переобложение».

2. Вопреки неоднократным решениям партии о стимулировании развития крестьянского хозяйства и поднятия его урожайности мерами поощрения, Сталин прибегает к совершенно противоположным мерам: к практике введения нового «военного коммунизма» в деревне путем применения чрезвычайных административных репрессий по хлебозаготовкам (огульная конфискация крестьянского хлеба при отказе в то же самое время производить для деревни товары широкого потребления, как этого требовали предыдущие решения партии).

3. Во всей политике страны вообще, в крестьянской же политике в особенности, «съезды, конференции, пленумы, Политбюро партии решают одно, а сталинский аппарат проводит другое».

1. Во внутрипартийной политике вообще, в организационной политике партии, в особенности, «съезды, конференции, пленумы ЦК и устав

партии устанавливают одни нормы, а сталинский аппарат придерживается своих собственных норм». Все это привело к тому, что «внутрипартийная демократия стала фикцией, а назначенство сверху партийных секретарей – законом». Поэтому «в партии нет выборных секретарей, а есть назначаемые и сменяемые сталинским аппаратом партийные чиновники». Цель такого отбора секретарей – создание сталинской фракции отборных чиновников, чтобы взорвать ленинскую партию изнутри («партия в партии» или, по выражению Бухарина: «секретарский отбор»).

4. Тот же самый процесс бюрократизации партии перенесен сталинцами и в сферу государственного аппарата. Роль Советов сведена к роли придаточного механизма партийного аппарата. Причем бюрократизация государственного аппарата ведется по одному плану с бюрократизацией партии. Все это «бюрократическое перерождение» пролетарского государства и ленинской партии идет не стихийно, а организованно по методически разработанному плану «Кабинета Сталина».

5. Там, где Сталину и сталинцам не удается схватить и парализовать государственный, партийный или профсоюзный аппарат бюрократическими клещами своей собственной фракции, Сталин и его помощники прибегают к планомерному и рассчитанному методу «организационного окружения» – к назначению туда «политкомиссаров» (ВЦСПС – Каганович, Совнарком – Орджоникидзе, «Правда» – Савельев и Мануильский и т. д.). Причем это делается не по решению партии (пленум ЦК, Политбюро, Оргбюро), а по решению собственного «Кабинета Сталина» с формальным оформлением на заседаниях Секретариата ЦК.

7. Ту же организационную политику бюрократизации и отбора чиновников сталинцы ведут и по линии Коминтерна. В основе отбора работников и руководителей последнего лежат не ленинские принципы выдвижения профессиональных революционеров, а сталинский план отбора наемных чиновников. Преданные партийные кадры Коминтерна изгоняются из братских партий, если они проявляют самостоятельность в суждениях и независимость в работе. Не убеждение, не воспитание, а политика диктата – вот стиль работы Сталина в Коминтерне. Если иностранные коммунисты осмеливаются критиковать персональные приказы сталинского аппарата, то они тут же объявляются «оппозиционерами» или «примиренцами», «социал-демократами» или «перерожденцами» и изгоняются из партии не через их собственные партии, а через Коминтерн в Москве (Тальгеймер, Брандлер)

или, если их исключения связаны с крупными неприятностями лично для Сталина, то их просто отзывают из их страны в Москву как «примиренцев» (Эверт, Герхардт).

8. Если все это делается методами «нормальными для сталинского аппарата», то другой путь, на который стал отныне Сталин, не может быть терпим ни в одной партии политических единомышленников: этот путь – путь чудовищной провокации, фальсификации, вымогательства, шантажа одних руководителей и членов ЦК против других, а всех вместе против организационных принципов и идейных основ ленинизма. За спиной партии и ее высших органов Сталин ведет политику ликвидации ленинской партии. Этот «сталинский режим в нашей партии более невыносим».

Единственная возможность оздоровить партию и восстановить ленинскую политику – это немедленно убрать Сталина со всем его «кабинетом» в полном согласии с завещанием Ленина.

Таково было в главных чертах содержание заявления Бухарина от 30 января 1929 года. Что это так, читатель может убедиться и из сличения моего изложения этого заявления с документами Сталина о Бухарине («ВКП(б) в резолюциях...», 1924-1932, Ч. II, стр. 514-530).

Заявление Бухарина было адресовано очередному пленуму ЦК. Последний пленум был в ноябре, очередной пленум был назначен на конец января. Но Сталин внезапно отменил пленум, а заявление Бухарина передал на рассмотрение объединенного заседания Политбюро и делегации Президиума ЦКК. Расчет был очень простой: после предоставления членам делегации Президиума ЦКК (четыре человека – все сталинцы: Орджоникидзе, Ярославский, Шкирятов и Сольц) права решающего голоса, соотношение сил в Политбюро резко изменилось в пользу Сталина – 7 против 3, если даже Калинин, Куйбышев и Рудзутак окажутся по-прежнему «примиренцами». И этот расчет себя оправдал: на заседании 9 февраля семерка организованно выступила против Бухарина, а из трех «примиренцев», уже ранее подготовленный Куйбышев присоединился к семерке. Письмо Бухарина было объявлено «платформой» всех трех правых лидеров оппозиции (Бухарина, Рыкова и Томского) и клеветой на Сталина и на партию (Сталина впервые начали идентифицировать с партией). Заседание постановило не доводить до сведения пленума ЦК заявление Бухарина, а самому Бухарину запретить выступать на пленуме с подобным заявлением. Тогда Бухарин и Томский объявили вторично, что они

немедленно уходят со своих постов, чтобы сохранить право изложить на пленуме свои обвинения против сталинского руководства. Рыков отказался присоединиться к этому заявлению. Это некоторым образом охладило Бухарина, но тем резче начал Томский атаковать Сталина, обвиняя в непоследовательности и своего друга Рыкова. Томского поддержал кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК Угланов.

Воспользовавшись образовавшимся разбродом среди самих лидеров правой оппозиции, тройка Сталина (Сталин, Молотов и Ворошилов) начала «ковать железо, пока горячо» – она внесла предложение:

«1. Признать критику ЦК со стороны Бухарина безусловно несостоятельной. (Дискредитируя линию ЦК и используя для этого все и всякие сплетни против ЦК, т. Бухарин колеблется в сторону выработки новой линии).

2. Предложить т. Бухарину отмежеваться от линии т. Фрумкина в области внутренней политики, от линии т. Эмбер-Дро в области внешней политики.

3. Отклонить отставку тт. Бухарина и Томского.

4. Предложить т. Томскому лояльно выполнять все решения партии и ее ЦК» («ВКП(б) в резолюциях...», 1933, ч. II, стр. 529).

Сталин дипломатически обходил имя Рыкова. Из бухаринской «тройки» получилась «двойка», а Угланов вовсе не принимался во внимание. Дело явно шло к внутреннему развалу оппозиции, так как у Рыкова и на стороне Рыкова было много сторонников в самой правой оппозиции как в составе ЦК, так и в средних звеньях партийных и советских органов. Тогда Бухарин, Томский и Угланов в ультимативной форме предложили Рыкову подписать ранее уже заготовленный проект «заявления трех членов Политбюро», который первоначально был взят обратно.

Ультиматум был резкий: либо со Сталиным, либо с нами. Рыков с тяжелым сердцем подписал общий обвинительный акт против Сталина. Так родилось заявление «трех» от 9 февраля, названное Сталиным «платформой правых». Ее содержание сводилось к заявлению от 30 января. Новое заявление было приложено к протоколу объединенного заседания Политбюро и Президиума ЦКК и предназначалось для архива. Поскольку оно было подано к концу заседания, Сталин постарался его вообще игнорировать. Правые требовали немедленного созыва пленума для обсуждения своего заявления. Сталин обещал, но не созвал.

Он выдержал бой в Политбюро – надо было готовиться к бою на пленуме. Для этого нужно было еще время.

Главное, надо было квалифицировать критику Сталина группой Бухарина, как критику ЦК, а не одного Сталина и сталинского аппарата. Надо было представить в глазах членов пленума ЦК бухаринскую критику и разоблачения организационной практики Сталина как клевету, основанную на «всяких сплетнях». Это и делалось в пространной резолюции объединенного заседания. Так как Сталин убедился, что как бы он ни затягивал созыва пленума ЦК, бухаринцы полны решимости довести на этот раз свои взгляды до членов ЦК, Сталин в специальном «обращении к пленуму», приложенном к тому же постановлению, решил объясниться перед пленумом, почему он скрывал от партии и ее ЦК наличие двух враждебных групп в Политбюро, когда он еще месяца три тому назад (на октябрьском пленуме МК) торжественно заявил: «У нас в Политбюро нет ни левых, ни правых, ни примиренцев с ними». Теперь Сталин оправдывался тем, что разногласия, правда, бывали, но они оказывались временными и «поэтому Политбюро ЦК и Президиум ЦКК не сочли нужным доложить пленуму ЦК об уже исчерпанных разногласиях...» или там же: «это обстоятельство дало возможность обязать всех членов Политбюро заявить в своих речах на пленуме и вне его об отсутствии разногласий внутри Политбюро...» («ВКП(б) в резолюциях...», стр. 529).

Другими словами, Сталин обманывал дважды свой ЦК: первый раз – июльский пленум, второй раз – ноябрьский пленум ЦК (1928), закрывал Бухарину рот, а сам заявлял, что «в Политбюро все в порядке».

Прошло еще полтора месяца, пока Сталин удосужился созвать пленум ЦК. Пленум был созван только 16 апреля и продолжался до 23 апреля. Таким образом, после ноябрьского пленума прошло пять месяцев (а устав требовал созыва пленума, как я уже писал, не реже одного раза в два месяца). Сталин решился на его созыв только после окончания всей «подготовительной» работы. Подготовка эта велась, как видел читатель, не только публичной и коллективной «проработкой» правых на партийных активах и в печати, но и тайной и индивидуальной вербовкой против Бухарина членов ЦК, ЦКК и руководителей армии.

Надо заметить, что в ЦК и особенно в ЦКК была довольно большая группа членов, которые формально еще не выявили своего отношения ни к Бухарину, ни к Сталину. Политическая философия этой группы была

несложна: «живи сам – дай жить другому» или «моя хата с краю – я ничего не знаю». Привыкшие к комфортабельной обстановке нового режима, они жили на процентах от старого капитала, – на стрижке купонов «старых большевиков».

Их былой энтузиазм и идеализм давно улетучились в мягких пуховиках советских апартаментов. От революции они получили все, чего только мог жаждать самый отчаянный из них: право владычества над огромной империей в качестве членов ее законодательного корпуса. Все остальное прямо и непосредственно зависело от этого. За эту власть – импозантную по внешнему блеску и ценную по внутреннему содержанию – они были готовы держаться любой ценой, даже ценою жертвы собственных былых идеалов. Словом, это были люди, которых называют на политическом языке «болотом». В таком «болоте» Сталин умел великолепно плавать.

Сердцу «болота», конечно, импонировал Бухарин, но трезвый инстинкт партийных млекопитающих подсказывал ему, что надо держаться за Сталина. Иначе – от Красной площади до Лубянки лишь один квартал. Слишком зловещи были воспоминания о троцкистах. Это «болото» и спасло Сталина на апрельском пленуме ЦК. На этом пленуме бухаринцы выступили впервые с обстоятельной критикой сталинской группы по всем основным вопросам международной и внутренней политики. Критика была построена в духе заявления Бухарина от 30 января и заявления Бухарина, Рыкова и Томского от 9 февраля. Личные выпады против Сталина были смягчены, особенно у Рыкова, но не острие самой критики. Как раз в общей критике Бухарин обвинял Сталина... в «троцкизме»! Такое обвинение настолько задело Сталина за живое, что он с искренним возмущением воскликнул:

«И это говорит тот самый Бухарин, который... недавно состоял в учениках Троцкого, еще вчера искал блока с троцкистами против ленинцев и бегал к ним с заднего крыльца! Ну разве это не смешно, товарищи?» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 253).

Я хочу сделать здесь одно маленькое, но важное отступление. Заявление от 30 января явилось для Сталина бомбой. Если она взорвется в зале заседания пленума ЦК, то может снести голову не одному Сталину. Возможный взрыв надо было предупредить любыми мерами или, по крайней мере, отсрочить его до окончательного бетонирования собственной позиции. Сталин перешел к обороне и настойчиво искал путей компромисса. Психологический выигрыш такой «оборонительной тактики» был очевиден.

«Бухарин объявил войну, я предлагаю мир, ибо и худой мир лучше доброй войны», – так говорил Сталин к сведению тех, кто продолжал считать его, Сталина, главным агрессором. Но «оборонительная тактика» Сталина по духу своему была насквозь агрессивна. Под вуалью партийного «миротворца» скрывались коварные замыслы вечного агрессора. Так, сейчас же после вручения Бухариным своего заявления на имя пленума ЦК, Сталин спешно создает «Комиссию Политбюро», которая вырабатывает, не без участия, видимо, самого Сталина, условия «компромисса и мира в Политбюро». 7 февраля эта комиссия доводит до сведения «сторон» – двух «троек» (Сталин, Молотов, Ворошилов и Бухарин, Рыков, Томский) свои условия «компромисса». Этот документ проливает свет одновременно и на драматизм событий и на мастерство Сталина как партийного тактика. Примут ли бухаринцы предложенный компромисс или не примут, – в обоих случаях победителем оставался Сталин. В изменении расстановки сил в Политбюро и на пленуме ЦК предложения комиссии должны были сыграть решающую роль, что и случилось потом. Дав этому документу исполнить свое назначение, Сталин закрыл его потом в железный сейф Политбюро. Только через 20 лет, то есть в 1949 году он был впервые опубликован. Вот его содержание:

«Из обмена мнений в комиссии выяснилось, что:

1. Бухарин признает политической ошибкой переговоры с Каменевым.

2. Бухарин признает, что утверждение его "заявления" от 30 января 1929 г. о том, что ЦК на деле проводит политику "военно-феодальной эксплуатации крестьянства", что ЦК разлагает Коминтерн и насаждает бюрократизм в партии, – все эти утверждения сказаны им сгоряча, в пылу полемики, что он не поддерживает более этих утверждений и считает, что у него нет расхождений с ЦК по этим вопросам.

3. Бухарин признает на этом основании, что возможна и необходима дружная работа в Политбюро.

4. Бухарин отказывается от отставки как по линии «Правды», так и по линии Коминтерна.

5. Бухарин снимает ввиду этого свое заявление от 30 января.

На основании изложенного комиссия считает возможным не выносить на объединенное заседание Политбюро и Президиума ЦКК свой проект резолюции с политической оценкой ошибок Бухарина и предлагает

объединенному заседанию Политбюро и Президиума ЦКК изъять из употребления все имеющиеся документы (стенограмму речей и т. д.).

Комиссия предлагает Политбюро и Президиуму ЦКК обеспечить Бухарину все те условия, которые необходимы для его нормальной работы на постах ответственного редактора "Правды" и секретаря ИККИ» (Сталин, Соч., т. 12, стр. 6-7).

Принятие такого «компромисса» означало для группы Бухарина открытую капитуляцию перед Сталиным и признание своей неправоты в критике сталинской политики и сталинского аппарата; отклонение этого «компромисса» означало демонстрацию своей агрессивности против «миролюбивого Сталина», тем более, что Сталин предлагал «дружную работу в Политбюро» и «нормальные условия для работы Бухарина в "Правде" и "Коминтерне"».

Бухарин разгадал замысел прямого удара и отклонил «компромисс». Но он не угадал обходного удара Сталина. И этим Сталин воспользовался классически. Констатируя отказ бухаринцев принять «компромисс», «помириться», Сталин на апрельском пленуме ЦК цинично спрашивал:

«Почему товарищи из бухаринской оппозиции, Бухарин, Рыков и Томский, не согласились принять компромисс комиссии Политбюро, предложенный им 7 февраля этого года? Разве это не факт, что этот компромисс давал группе Бухарина вполне приемлемый выход из тупика, в который она сама себя загнала?.. чтобы ликвидировать тем самым остроту внутрипартийного положения и создать обстановку единодушной и дружной работы в Политбюро?» (там же, стр. 6-7).

Заострив так вопрос, Сталин привел одну цитату из общих рассуждений Ленина «об оппортунизме», потом сделал многозначительную паузу и, предпослав почти лирическую увертюру к победоносному маршу, сам же ответил на свой вопрос:

«Да, товарищи, надо уметь смотреть прямо в глаза действительности, как бы она ни была неприятна. Не дай бог (!), если мы заразимся болезнью боязни правды... А правда в данном случае состоит в том, что у нас нет на деле одной общей линии. Есть одна линия, линия партии, революционная, ленинская линия. Но наряду с этим существует другая линия, линия группы Бухарина, ведущая борьбу с линией партии путем антипартийных деклараций, путем отставок, путем поклепов на партию, путем замаскированных подкопов против партии... Эта вторая линия есть линия

оппортунистическая» (там же, стр. 9).

Все удары против аппарата ЦК, все удары против своих, не мнимых, а действительных «подкопов и поклепов», всю критику, которая касалась его собственной персоны как секретаря ЦК, Сталин встретил внешне малопонятным, но внутренне весьма тонко рассчитанным, стоическим спокойствием. Он даже оговорился в самом начале своей речи: «Я не буду касаться личного момента, хотя личный момент в речах некоторых товарищей из группы Бухарина играл довольно *внушительную роль.* Не буду касаться, так как личный момент есть мелочь...» (выделено мною. – А. А. – там же, стр. 1).

Бухарин говорит, что Сталин – Чингисхан партии, а Сталин отвечает – это мелочь. Бухарин говорит, что Сталин – заговорщик против собственной партии, а Сталин отвечает, что это мелочь. Бухарин говорит, что Сталин – фальсификатор, Сталин отвечает, что это мелочь... Сталин не хочет защищать Сталина. Сталин – это мелочь. Сталин хочет защищать Ленина и ленинскую партию, а Бухарин хочет увести его в сторону «личных моментов». «Они хотят политику подменить политиканством. Но этот фокус не пройдет у них», – отвечает Сталин.

Такое подчеркнутое игнорирование собственной персоны, отсутствие малейшей попытки личной реабилитации, презрительно-великодушное отношение к «мелочам» и в то же время горячая, убедительная и логически вполне последовательная «защита Ленина и ленинизма» от идеологического покушения со стороны Бухарина, – все это само по себе создает Сталину политическое алиби в глазах Центрального Комитета. Сталину больше и не надо.

Сталин не ограничился обвинением Бухарина в оппортунизме, в антиленинской теории. Он напомнил Бухарину его «предательство» в 1918 году, когда он в связи с заключением сепаратного Брестского мира с немцами возглавлял противников этого мира, так называемых левых коммунистов...

«Бухарин говорил здесь об отсутствии коллективного руководства в ЦК... Следует отметить, что Бухарин не впервые нарушает элементарные требования лояльности и коллективного руководства в отношении ЦК партии. История нашей партии знает примеры, когда Бухарин в период Брестского мира, при Ленине, оставшись в меньшинстве, по вопросу о мире, бегал к левым эсерам..., пытался заключить с ними блок против Ленина и

ЦК. О чем он сговаривался тогда с левыми эсерами, – нам это, к сожалению, *еще неизвестно»* (выделено мною. – А. А. – там же, стр. 100-101. – Последняя фраза «еще неизвестно», по всей вероятности, является позднейшей фальсификацией – вставкой в речь Сталина, чтобы задним числом показать «гениальное» чутье Сталина в отношении «предательства» Бухарина в 1918 г.).

Если Сталин действительно говорил – «еще неизвестно!», то это был не полемический трюк сталинского ораторского искусства, а зловещее напоминание судьбы «левых эсеров», а «левые эсеры» были расстреляны.

Политически Сталин покончил с Бухариным, он решил дезавуировать его и как теоретика партии. Сталин привел выдержку из «Завещания Ленина» о Бухарине. В этой выдержке из Ленина говорилось:

«Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: *Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии,* но его теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)» (Сталин, Соч., т. 12, стр. 69).

Сталин подчеркивал последние слова и торжествовал: «Итак, Бухарин – теоретик-схоластик, теоретик без диалектики, а диалектика ведь душа марксизма!»

Таким образом, «дело Сталина» Сталин превратил в «дело группы Бухарина». Рыков, Бухарин, Томский были поддержаны активно лишь небольшой группой членов ЦК и ЦКК (Угланов, Михайлов, Котов, Угаров, Розит, Куликов, Стэн). «Болото» нехотя пошло за Сталиным. Назначаемые и смещаемые лично Сталиным и его «кабинетом» областные, краевые и республиканские секретари партии потребовали, как и раньше, немедленного исключения Бухарина и Томского из Политбюро. Сталин опять принимает благочестивую позу «миротворца» :

«Некоторые товарищи, – заявляет Сталин, – настаивают на немедленном исключении Бухарина и Томского из Политбюро. Я *не согласен с этими товарищами.* По-моему, можно обойтись в *настоящее время без* такой крайней меры» (Сталин, Сочинения, т. 12, стр. 107).

Пленум принимает решение:

«1. Снять Бухарина и Томского с занимаемых ими постов, предупредив их, что в случае малейшей попытки неподчинения постановлениям ЦК, ЦК вынужден будет вывести их из состава Политбюро.

2. Не опубликовывать решения и резолюции о группе Бухарина, сообщив их только партийным организациям» («ВКП(б) в резолюциях...», стр. 520-521).

Сталин, сердито обругав Рыкова за нарушение «коллегиальности» в руководстве правительством и даже за наличие своей бухаринской линии против линии партии, все же не потребовал наказания Рыкова. Более того, Сталин назначил Рыкова главным докладчиком по пятилетке на открывшуюся в тот же день XVI конференцию ВКП(б).

Рыков вновь охладел. Тем увереннее работал Сталин. Первую победу над группой Бухарина надо было организационно закрепить, а чтобы это сделать, надо было убрать из партии и с руководящих постов армии потенциальных бухаринцев. Сталин назначил «генеральную чистку партии», с прямым указанием, чтобы она была закончена к XVI съезду партии (в партии насчитывалось тогда 1 500 000 членов).

Та же самая партийная конференция по докладу Ем. Ярославского приняла и соответствующую резолюцию. Чистку должен был проводить аппарат ЦКК под руководством Секретариата ЦК. В резолюции о чистке прямо говорилось:

«Предпринимаемая проверка и чистка рядов партии должна таким образом сделать партию более однородной... Чистка должна беспощадно выбросить из рядов партии все чуждые ей элементы... и сторонников антипартийных групп... не взирая на лица...» («ВКП(б) в рез.», стр. 566-567).

Конференция закончилась 29 апреля. В тот же день состоялся первый пленум ЦК для утверждения решений конференции. Пленум утвердил их с одной лишь поправкой: Угланов был выведен из состава Секретариата ЦК, а Бауман, заведующий деревенским отделом МК, был назначен на его место. Кубяк через «болото» перешел на сторону Сталина. Секретариат ЦК теперь стал чисто сталинским.

Дни Бухарина в Политбюро были сочтены. Сверхосторожный в таких делах Сталин, однако, не спешил. Прошло семь месяцев после апрельского пленума и четыре месяца после исключения Бухарина из Коминтерна, пока Сталин решился на созыв очередного пленума ЦК. Наконец, в ноябре 1929 года был созван новый пленум ЦК. Пленум обсудил два основных вопроса:

1. О коллективизации сельского хозяйства.
2. О группе Бухарина.

По первому вопросу было принято решение о форсировании коллективизации и об усилении «наступления на кулачество». Замечу тут же, что еще не было никакой речи о «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулачества как класса» на ее основе. Постановление по второму вопросу, опубликованное впервые только в 1933 г., гласило: «Заслушав заявление тт. Бухарина, Рыкова и Томского от 12 ноября 1929 г., пленум ЦК ВКП(б) устанавливает следующие факты:

1. Авторы заявления, бросая обвинения апрельскому пленуму ЦК и ЦКК, что он будто бы поставил их в "неравное положение", добиваются тем самым от партии "права" противопоставлять себя Политбюро, как равная сторона, свободно договариваться с партией, то есть добиваются легализации фракционной группировки правых уклонистов, лидерами которых они являются.
2. Товарищи Бухарин, Рыков и Томский, вынужденные теперь – после позорного провала всех своих предсказаний – признать бесспорные успехи партии и лицемерно декларирующие в своем заявлении о "снятии разногласий", в то же время отказываются признать ошибочность своих взглядов, изложенных в их платформе от 30 января и 9 февраля 1929 г. и осужденных апрельским пленумом ЦК и ЦКК, как несовместимые с генеральной "линией партии".
3. Бросая демагогические обвинения партии в невыполнении плана в области зарплаты и сельского хозяйства и утверждая, что чрезвычайные меры "толкнули" середнячество в сторону кулака, лидеры правых уклонистов (тт. Бухарин, Рыков и Томский) подготовляют тем самым новую атаку на партию и ее ЦК.
4. Заявление тт. Бухарина, Рыкова и Томского в корне расходится с постановлением X пленума ИККИ, осудившего взгляды т. Бухарина, как оппортунистические, и удалившего его из состава президиума ИККИ.

Исходя из этих фактов, пленум ЦК вынужден квалифицировать новый документ тт. Бухарина, Рыкова и Томского от 12 ноября как документ фракционный, как фракционный маневр политических банкротов...

Отвергая ввиду этого заявление тт. Бухарина, Рыкова и Томского, как документ, враждебный партии, и исходя из постановлений X пленума Исполкома Коминтерна о т. Бухарине, пленум ЦК постановляет:

1. Тов. Бухарина, как застрельщика и руководителя правых уклонистов, вывести из состава Политбюро;

2. Предупредить тт. Рыкова и Томского, а также Угарова, что в случае малейшей попытки с их стороны продолжать борьбу против линии и решений Исполкома и ЦК ВКП(б), партия не замедлит применить к ним соответствующие организационные меры» («ВКП(б) в резолюциях...», Москва, Партиздат, 1933, стр. 611-612).

Резолюция эта была выработана самим Сталиным, но оглашена Молотовым от имени «комиссии» по делу Бухарина (Сталин, Соч., т. 12, стр. 389).

Кроме того, что сказано в этой резолюции пленума ЦК, в партийной литературе или оппозиционных публикациях, не сохранилось никаких следов и об этом последнем совместном заявлении Бухарина, Рыкова и Томского от 12 ноября 1929 года. Однако даже беглый анализ этой резолюции пленума дает возможность установить следующие два важнейших факта:

1. Правые продолжали стоять на точке зрения своего заявления от 30 января и «платформы» от 9 февраля 1929 г.

2. Правые требовали «равноправия сторон» (сталинцев и бухаринцев).

Что же касается указания резолюции на то, что правые, говоря о «снятии» некоторых разногласий, задумали тактический маневр, то тут правда, вероятно, была на стороне Сталина.

Правые учитывали опыт с «левыми», который они проводили вместе со Сталиным. Ведь это правые – Бухарин, Рыков и Томский – по инициативе Сталина, не дали лидерам объединенной оппозиции Троцкому и Зиновьеву обратиться к XV съезду партии, исключив их из партии за какой-нибудь месяц до открытия съезда (декабрь 1927 года). Остальных во главе с Каменевым исключил из партии сам съезд, хотя бы потому, что их лидеры уже числились «во врагах партии». Эту же, вполне оправдавшую себя, процедуру Сталин-Молотов-Каганович хотели применить сейчас к самим правым. Правые же не хотели дать для этого внешнего повода. Поэтому, не. отказываясь от своих программных взглядов, они маневрировали тактически. К этому их обязывали и серьезнейшие разногласия, существовавшие в низовой массе правых по поводу тактики.

Маневр этот, однако, не удался. Бухарина вывели из Политбюро. Рыков, Томский и Угаров письменно, а другие устно были предупреждены.

То, что Сталин-Молотов-Каганович все еще не осмеливались, имея очевидную возможность, вывести из Политбюро заодно и Рыкова с Томским, показывало их неуверенность в конечной победе. Еще более скандальным, а в истории большевизма и просто неслыханным, был другой факт: Сталин-Молотов-Каганович скрывали не только от страны, но и от собственной партии платформу правой оппозиции. И в этом, с точки зрения их собственных интересов, сталинцы были правы. Если бы, по примеру бывших оппозиций в ВКП(б) – при Ленине и после него («левая оппозиция», «новая оппозиция»), – сталинцы допустили до огласки платформу правых, то вся страна убедилась бы в том, что:

1. Правые против проведения грабительской индустриализации за счет жизненного стандарта рабочего класса.
2. Правые против осуществления крепостнической коллективизации для «военно-феодальной эксплуатации крестьянства».
3. Правые против участия в международных авантюрах за счет жизненных интересов народов России.

Программа Троцкого, независимо от субъективных намерений ее автора, выглядела как программа, противоположная бухаринской, и ее сталинцы охотно допустили и до печати, и даже до свободного обсуждения на партийных собраниях. Троцкий жил вчерашним днем революции и в глубине своей души был антинэпманом, а Россия, став нэповской, собиралась совершить еще один шаг – сделаться капиталистической. Тут на пути встал Троцкий. Здесь-то и произошел разрыв Троцкого не со Сталиным, а со страной. Поэтому точно так же, как Ленин нэпом убил внутреннюю контрреволюцию, Сталин от имени того же нэпа похоронил Троцкого, опубликовав его собственную платформу к сведению всей страны. Поступить так с платформой людей, которые на своих знаменах написали магический лозунг духа нэповской России – «обогащайтесь!», сталинцы не могли. Вот почему они не осмеливались опубликовать бухаринскую программу. Зато вся печать страны кричала: бухаринцы хотят восстановить в России старый царский строй капиталистов и помещиков! В это же время члены Политбюро Бухарин, Рыков и Томский, читавшие эту печать, как и вся страна, хранили абсолютное «молчание», а «молчание», как говорят, есть знак согласия. Они молчат – значит они и всерьез «реставраторы», – так мог рассуждать простой народ. Откуда было ему знать, что уста правых искусственно закрыты.

Если в программе бухаринцы пользовались преимуществом правильно

понятого духа нэповской России, то в тактике, если ее понимать не только как искусство пассивного маневрирования, но и как оружие внезапных диверсий и решительных действий на повороте истории, бухаринцы уступали троцкистам. Троцкий и троцкисты были решительные, жертвенные и мужественные люди, не боявшиеся апеллировать и к улице (демонстрации 7 ноября 1927 г.), но их «апелляция» не была «созвучна эпохе», и поэтому они проиграли. Бухаринцы находились в «контакте с эпохой», но они не меньше, чем Сталин, боялись того же народа, к которому надо было «апеллировать». Сталин был прав, когда окрестил их новым прозвищем – «оппортунистов». Но, увы, это был «оппортунизм» на пользу самому Сталину.

После вывода Бухарина из Политбюро и предупреждения остальных, вопрос о дальнейшей тактике по отношению к сталинцам вновь заострился.

Либо полная капитуляция, либо переход к активным действиям, – другой альтернативы сталинцы не допускали. На созыв съезда партии Сталин соглашался также только при полной капитуляции правых. Сталин пошел еще дальше в своих требованиях. Если раньше можно было излагать – письменно или устно – на заседаниях ЦК взгляды, расходившиеся со взглядами сталинцев на текущую политику, то теперь и такое действие считалось несовместимым с требованием партии. Больше того: любой член партии – от члена ЦК и до рядового коммуниста, – который публично не клеймил «правых оппортунистов» – бухаринцев, автоматически зачислялся в новую категорию «врагов партии» – в «примиренцы». Сталин-Молотов-Каганович лишали членов партии даже того преимущества, которым пользовались лидеры правых – права «молчания». Полуторамиллионная масса членов партии должна была во всеуслышание осуждать «платформу» правых, которой они никогда не видели, совершенно так же, как это делали, по свидетельству Силоне, члены Президиума Исполкома Коминтерна по отношению к Троцкому.

Этого мало. Надо было везде и всюду «выявлять и разоблачать» *«оппортунистов на практике»,* как гласила партийная директива со страниц «Правды» и «Известий» накануне XVI съезда.

И этого еще мало. Закрытые и открытые партийные директивы требовали «беспощадно выявлять и разоблачать» *«скрытых оппортунистов»,* которые на словах согласны с партией, формально даже проводят установки ее, но в душе остаются «оппортунистами» и держат «камень за пазухой». Такова была общая атмосфера в партии к концу 1929 года.

Выбрать в такой атмосфере тактику, гарантирующую успех, особенно тактику активного действия, было нелегким делом, тем более, что сталинцы искусным маневрированием, с одной стороны, и морально-политическими репрессиями, с другой, добились первого открытого раскола и в руководстве правых. Члены ЦК Михайлов, Котов, Угланов и Куликов на том же пленуме подали заявление «о разрыве с правыми». Политический «капиталист» Сталин весьма умело воспользовался этим «капиталом»:

18 ноября 1929 года в «Правде» (№ 268) появились заявления этих четырех виднейших членов ЦК об их полной капитуляции перед Сталиным и о решительном осуждении своей, ранее общей с Бухариным, программы.

Рыков, Томский и Угаров заявили пленуму, что они, оставаясь при своих взглядах, подчиняются решению большинства. Лишь один Бухарин бросил Сталину вызов – он заявил, что не признает решения пленума ЦК и не успокоится, пока он не доведет своих взглядов до сведения всей партии. Но такой образ действия Бухарина осуждал вместе со Сталиным и Рыков. Рыков и отчасти Томский считали, что надо продолжать и впредь тактику «выжидательного бездействия». Кажется что не Сталин, а Рыков и Томский убедили Бухарина в необходимости подать заявление в Политбюро от 25 ноября 1929 года о подчинении решению сталинского большинства ЦК.

В довершение всего этого, сталинцы в конце 1929 года приступили к массовому изданию антибухаринской литературы, к которому они тайно готовились еще с середины 1928 года. Рукописи таких книг давно уже лежали в готовом виде в портфеле «Кабинета Сталина», но задерживались до организационного разгрома Бухарина. Теперь Бухарин был политически «разоблачен», организационно разбит, но не был еще теоретически дисквалифицирован в глазах партии. Новые «труды красных профессоров», впрочем, тех же бывших учеников самого Бухарина, должны были завершить дело уничтожения всякой славы «теоретика и любимца партии». Таковым были сборник статей «Против правой опасности и примиренчества» (Москва-Ленинград, 1929); В. Сорин: «О разногласиях Бухарина с Лениным. Краткий очерк для молодых членов партии» (Москва-Ленинград, 1930); «Фальсифицированный Ленин» («Заметки к книге "Экономика переходного периода"») («Ленинский сборник», т. XI, 1929) и т. д. Правда, изданием фальсифицированного Ленина сталинцы ничего не достигли. Как раз из этих «заметок» Ленина на книгу Бухарина, написанную в 1920 г., то есть за год до нэпа, партия узнала, как высоко Ленин ценил Бухарина как теоретика.

Среди многочисленных ленинских «правильно», «хорошо», «отлично», на полях книги Бухарина значилось и несколько критических замечаний Ленина. Так, там, где Бухарин писал: «Финансовый капитал уничтожил анархию производства внутри крупнокапиталистических стран», Ленин, подчеркнув слово «уничтожил», пишет сбоку «не уничтожил».

Этот взгляд на организованность современного «финансового капитализма» у Бухарина установился еще до революции, его Бухарин защищал против Ленина на VIII съезде партии (1919) в своем докладе о программе партии, от него он не отказывался и при Сталине. Но теперь Сталин теоретические воззрения возводил в степень криминальных преступлений и поэтому мертвого Ленина заставлял бороться против живого Бухарина. Но здесь Ленин оказывал Сталину медвежью услугу. Странным казалось только то, что выпуская Ленина на сцену, Сталин не выключил, при всей прочей фальсификации, общего заключения Ленина о книге: Ленин поздравлял Комакадемию с «блестящим трудом одного из ее членов» (см. названный «Ленинский сборник», т. XI). Сказывалась, видно, старая «проклятая болезнь – беспечность и гнилой объективизм» (Сталин), от которой сам Сталин вылечился окончательно только после ежовщины, когда он приступил к подготовке фальсифицированных изданий не только ленинских, но даже и своих собственных старых сочинений (таково 4-е издание сочинений Ленина и 1-е издание сочинений Сталина, не говоря уже о скандальном «Кратком курсе истории ВКП (б)»).

Правые раскаялись не столько в своих ошибках, сколько в своем убийственном легкомыслии, когда создавали блок со Сталиным.

Для того, чтобы хорошо понять Сталина, приходилось совершить вместе с ним несколько преступлений. Но как только союзники Сталина начинали каяться в своей оплошности, то это всегда оказывалось слишком поздно. Ленин понял, что он совершил ошибку, согласившись на назначение Сталина генеральным секретарем партии; он раскаялся в ней и написал «Завещание» о его снятии, но это оказалось уже поздно – Сталин, мотор «тройки», даже не допустил ленинское «Завещание» до XII съезда, которому оно было адресовано.

Троцкий понял, что он совершил ошибку, когда, поддавшись лести и комплиментам Сталина (см. его «Моя жизнь»), не потребовал от XII съезда исполнения этой воли Ленина, а, наоборот, голосовал за оставление Сталина, вопреки Ленину. Троцкий хотел исправить эту ошибку после XII

съезда, но уже было поздно: Сталин успел осудить Троцкого еще до XIII съезда. Члены «тройки» – Зиновьев и Каменев – приняли в этом осуждении руководящее участие, но очень скоро, присмотревшись ближе к Сталину, они поняли, что совершили роковую ошибку, раскаялись в ней и хотели ее исправить на XIV съезде, но уже было поздно: Сталин сумел созвать такой съезд партии, который осудил самих Зиновьева, Каменева и единственную делегацию, их поддерживавшую, – Ленинградскую. Поэтому «объединенный блок» Троцкого, Зиновьева и Каменева 1926 года оказался запоздалой попыткой исправить непоправимое. Бухарин, Рыков, Томский и первый секретарь Московского обкома партии Угланов приняли руководящее участие в разоблачении и уничтожение «новой оппозиции» Зиновьева и Каменева, «объединенной оппозиции» Троцкого, Зиновьева, Каменева, но когда, присмотревшись поближе к Сталину, они поняли, что они совершили не менее роковую ошибку, чем в свое время зиновьевцы по отношению к троцкистам, то Бухарин побежал к бывшему уже в отставке Каменеву (июль 1928 г.) заключать «блок», однако уже было поздно: Сталин к этому времени владел монопольно аппаратом власти не только в центре, но и на местах. Поэтому осуждение «правой оппозиции» и объявление ее взглядов «несовместимыми с принадлежностью к партии» (апрельский пленум ЦК 1929 г.) для Сталина было только вопросом организационно-технической формальности. Вот почему так легко ноябрьский пленум ЦК того же года исключил Бухарина из Политбюро (Рыков и Томский были исключены в 1930 г.).

В эпоху Сталина изменился даже критерий истины. Истина стала насквозь «диалектичной»: что вчера было истиной, сегодня может оказаться ложью; что сегодня ложь, завтра может превратиться вновь в истину. У Гегеля было «все сущее – истинно, все истинное – сущее». К Сталину можно было пробраться, а пробравшись, удержаться в его окружении, если вы владелец этой гегелевской истины, плюс еще одно малопопулярное, но тоже сугубо «диалектическое» качество: любить Сталина больше истины.

Вот эти законы сталинской «диалектики» сталинцы усвоили окончательно именно во время борьбы с «правой оппозицией» Бухарина в 1928-1930 гг. Они усвоили и другое правило Сталина, которому он их учил на XII съезде: «В политике нельзя пересаливать, но нельзя и недосаливать»! Ученики несомненно «пересаливали», когда они требовали сразу исключить из ЦК Бухарина, который в глазах широких партийных масс все еще являлся

«законным любимцем и ценнейшим и крупнейшим теоретиком партии», как Ленин аттестовал его в «Завещании». Такого нельзя сразу выбрасывать без ущерба для себя самого – такого надо правильной и изнурительной осадой довести до безнадежного отчаяния, а там он сам сдастся и поднимет руки. Тогда в его уста вы можете вложить такую ужасную исповедь великого грешника, что теперь даже вы и сами не осмелитесь отпустить ему грехи под крики возмущенной партийной толпы: никакой жалости – заклеймить предателя, сжечь еретика!

Такую атмосферу вокруг правых лидеров Сталин сумел создать только на XVI съезде партии (1930). Один за другим Бухарин, Рыков, Томский выходят на трибуну съезда и каются в ошибках, которых они не сделали, в преступлениях, которые они не совершили. Более этого – они поют дифирамбы «гениальному Сталину» и его не менее «гениальной политике» (впрочем, то же делают на съезде и Зиновьев с Каменевым). Политику, которую они в свое время предлагали партии, они считают теперь гибельной для страны, свою критику линии и практики Сталина они признают правооппортунистической, предательской, самих себя они объявляют идеологами реставрации капитализма в СССР! Трудно себе представить большей глубины падения для людей, которые проделали три революции, не раз смотрели в лицо смерти в поисках социальной правды, а Сталина считали высшим и наиболее аморальным сосредоточением всех социальных мерзостей, – чем это публичное, унизительное самобичевание.

Теперь перед съездом выступают не бесстрашные бойцы, которые в прошлом году на февральском, апрельском и ноябрьском пленумах ЦК беспощадно разносили Сталина, а политические смертники, просящие, собственно, лишь о «достойных похоронах». «Вы – победители, мы разоружились, мы – капитулянты, будьте снисходительны, дайте нам дожить оставшиеся дни без бурь и потрясений», – вот что сквозит из их выступлений. Как ответили сталинцы на эти предсмертные слова политических трупов? Достаточно привести выступление одного из них – былого друга Бухарина и министра в кабинете Рыкова – Микояна. Микоян разочаровал всех, кто по-обывательски рассуждал – «лежачих не бьют!» Само понятие «жалость» вызывает в этом бывшем священнике какую-то болезненную реакцию беспощадности против собственного прошлого – «люби ближнего». Поэтому свою речь он начинает с того, что декларирует лейтмотив своего правосознания как судьи: «Отстаивая генеральную линию

партии, нельзя руководствоваться *жалостью*» («XVI съезд ВКП(б). Стеногр. отчет», 1931, стр. 256).

Что же касается кающихся лидеров бывшей «правой оппозиции» на данном съезде, то Микоян думает, что их били мало, надо их бить еще и еще раз и покрепче, ибо партия и правая оппозиция это «два лагеря, две линии, два пути».

Так как Бухарин находился вне Политбюро, судьба Томского была предрешена, а Рыков все еще оставался и в Политбюро, и на посту председателя правительства, – сталинский аппарат особо сосредоточил огонь на Рыкове.

Накануне XVI съезда аппарат ЦК послал Рыкова на Уральскую партконференцию с отчетом о работе ЦК. Рыков добросовестно выполнил поручение, похвалил ЦК, его «генеральную линию», и, как полагается, вознес до небес и «великого вождя Сталина», но после всего этого из президиума конференции ему задают вопрос: А скажите, как вы относитесь к «генеральной линии» партии? Ошарашенный этим вопросом, Рыков только доказал, как он все еще плохо знает Сталина. Рыков не только не понял вопроса, но он не понял и то, почему его послали на эту конференцию. Это явствует из самого ответа Рыкова. Вот его ответ:

«Я – председатель Совнаркома СССР (Совета министров СССР. – А. А.), член Политбюро, и если после моего заявления о том, что я за резолюции голосовал, в составлении некоторых из них участвовал, никаких новых резолюций ни я, ни кто другой не вносил, если после семи месяцев (с тех пор, как правые капитулировали. – А. А.) моей политической, хозяйственной и советской работы по осуществлению генеральной линии, после ликвидации разногласий, приходит человек и спрашивает меня – как относишься к генеральной линии? – то я в ответ могу сказать только одно: я решительно не понимаю, какие есть основания для такого рода вопросов» (там же, стр. 264).

Сталинский съезд разъяснил Рыкову его недоумение и сообщил ему, как надо было отвечать на этот вопрос. Рыков должен был заявить коротко и ясно: Мы, правые, хотели «гибели революции и победы капитализма».

Но вот теперь и Рыков, и Бухарин, и Томский поняли, чего от них требуют – они еще и еще раз во всеуслышание покаялись, разоружились, стали на колени перед Сталиным. Казалось, что трудно было найти человека на этом съезде, который бы сомневался в искренности капитуляции

бухаринцев, который бы не прочувствовал всю трагику падения этих вчерашних вождей, который бы не простил им вчерашние ошибки за глубину сегодняшнего падения. Но это только казалось. Съезд не удовлетворился самобичеванием бухаринцев! Человека, который не бичует себя до смерти, нельзя считать искренним. Поведение бухаринцев на съезде посчитали спектаклем «самоубийства» для достижения определенных целей.

Вот почему один из оруженосцев Сталина -Микоян – прямо в директивном тоне предупреждает съезд: «Выслушав трех бывших лидеров правой оппозиции, съезд не может удовлетвориться их заявлением... Съезд имеет все основания не доверять этим товарищам»! («XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет», 1931, стр. 256).

Так и поступили. В конце 1930 года Рыкова сняли, и главой правительства стал Молотов.

Да, кажется, съезд требовал не спектакля, а подлинного, не только политического, но и физического самоубийства... Но вскоре выяснилось, что даже и такое самоубийство – в отчаянии от ложных обвинений – сталинцы не признают доказательством невиновности. Так, когда Томский, в ответ на ложные обвинения, действительно покончил жизнь самоубийством в августе 1936 г., Политбюро выпустило краткое коммюнике, в котором говорилось, что Томский покончил жизнь самоубийством, запутавшись в своих антипартийных связях!

Таким образом, к началу тридцатых годов Сталин покончил с самой популярной в народе, а потому самой опасной для него оппозицией – с «правой оппозицией». В длительной и нелегкой борьбе на путях к единовластию Сталину помогают не только его верные соратники (Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян), не только преданная ему «иерархия секретарей партии», не только его личные качества терпеливого комбинатора в тактике и хитрейшего мастера власти в стратегии, – но и абсолютная беспечность, незадачливость, наивность в политике его соперников. Могут возразить – как это так, разве таких опытных революционеров, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, можно считать незадачливыми, наивными политиками?

Если политика есть не только искусство возможного, но также и искусство должного по пути к власти, то величие или ничтожество политиков надо мерить лишь одним масштабом: насколько данный политик преуспел в борьбе за власть. Как оратор Октябрьской революции и

организатор гражданской войны, Троцкий – деятель мирового масштаба, а Сталин – провинциал, но как организатор аппарата власти и его правитель, наоборот, Сталин – гигант, а Троцкий – дилетант.

Как теоретик ортодоксального марксизма, Бухарин – первоклассный ум, а Сталин – примитивный кустарь; но как прагматический император и политический эксплуататор марксизма, Бухарин – дитя, а Сталин – уголовный уникум.

Чтобы познать до конца драматизм внутрипартийных событий и психологию их ведущих представителей недостаточно быть историком КПСС.

Есть в этих событиях, приведших, в конце концов, к установлению тирании Сталина, также ситуации, когда добросовестный летописец может только беспомощно капитулировать перед сфинксом незадачливости соперников Сталина. Насколько ясно, что каждое слово Сталина, каждый его тактический шаг бьют в одну точку – в точку власти, – настолько же смутны представления его соперников о своих целях, интересах, перспективах. На девять десятых свои собственные задачи Сталин решает их антисталинскими руками.

Обычно было принято считать Сталина «серой скотинкой» в руководстве большевистской партии и человеком «посредственных способностей» – в политике. В лучшем случае в Сталине признавали «исправного исполнителя» чужой воли. Таким его рисует Троцкий. Таким его привыкли видеть при Ленине, таким продолжали считать и после Ленина. Но Сталин оказался сфинксом даже для его ближайших друзей и былых единомышленников. Нужна была смерть Ленина, чтобы «сфинкс» начал обрисовываться. У сталинцев свое особое понимание политики, тактики и стратегии. Да и партию свою они считали и считают партией особого, «нового», типа. Чтобы до конца понять и смело лавировать в темнейших лабиринтах этой специфической «новой политики», надо было обладать одним непременным качеством: свободой от старой политики. Сталин, конечно, знал и «старую политику», но знал лишь «посредственно», и в этом тоже было его величайшее преимущество: он меньше болел «детской болезнью» наивности в политике. Он был свободен от всех морально-этических условностей в политической игре. Троцкий не признавал Сталина и как теоретика партии. В марксизме, как политической доктрине коммунистов, его считали круглым невеждой. И это тоже было преимуществом

Сталина. Он был свободен от догматических оков марксистской ортодоксии. «Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на точке зрения последнего», – говорил Сталин на VI съезде партии, накануне Октябрьской революции.

В «новой политике» и «партии нового типа» Сталин не признавал ни романтики исторических воспоминаний, ни законов исторической преемственности. Приписывая Троцкому свои собственные намерения в будущем (к чему он довольно часто прибегал в других условиях и по другому поводу), говоря, что Троцкий хочет якобы развенчать «старый большевизм», чтобы вычеркнуть из истории Ленина для утверждения собственного величия, Сталин сам был внутренне свободен от чинопочитания даже по отношению к Ленину. В «новой политике» Сталин держал курс на «новейшее». Очень характерны его слова на этот счет: «Возможно, что кой-кому из чинопочитателей не понравится подобная манера. Но какое мне до этого дело? Я вообще не любитель чинопочитателей... (Сталин, Соч., т. 12, стр. 114). Поэтому Сталин признает и «старых большевиков» постольку, поскольку они способны стать «новыми». Вот и другие очень характерные его слова, произнесенные на том же апрельском пленуме:

«Если мы потому только называемся старыми большевиками, что мы старые, то плохи наши дела, товарищи. Старые большевики пользуются уважением не потому, что они старые, а потому, что они являются вместе с тем вечно "новыми"» (там же, стр. 1-2).

Делая маленькое отступление, я должен тут же отметить общеизвестный факт: Сталин, конечно, признавал и вознаграждал чинопочитателей, но тех, которые коленопреклонялись только перед ним одним. И, придя к власти, он доказал, что ставит себя выше Ленина и как теоретика, и как политического вождя. Вот чрезвычайно яркая иллюстрация к этому. В «Философском словаре» 1952 г., изданном под редакцией П. Юдина, есть косвенное сравнение Сталина с Лениным. О Ленине там сказано: «Ленин – величайший теоретик и вождь международного пролетариата». В том же словаре о Сталине говорится: «Сталин – гениальный теоретик и вождь международного пролетариата». Ленин – лишь «величайший», а Сталин – «гениальный»!

Нужно сказать, что и такая внутренняя свобода Сталина от ленинских норм, традиции и «чинопочитания» по отношению к Ленину тоже была сильнейшей стороной Сталина, как «нового политика».

Наконец, Сталин был невеждой в теоретических вопросах и не мог считаться теоретиком в смысле старого большевистского понимания «теории».

Как бы это ни звучало парадоксально, слабость в теории тоже была сильной стороной Сталина, как политика «нового типа». Не находясь в догматических щупальцах Маркса и Ленина и не утруждая себя головоломными премудростями «научного социализма» будущего, в который он и не верил, Сталин оставался на почве реальности. В этой же реальности «социализм» означал не цель, а средство к цели – к власти – любой ценой и при помощи любых методов.

Разница между ним и Лениным была тоже существенная. Ленин пришел к власти в борьбе с враждебными партии классами. Сталин же добивался и добился ее в борьбе с собственной партией. Однако тот же Ленин учил, чему глубоко верил и Сталин, что получить власть – это полдела, самая важная и самая трудная задача – это удержаться у власти. Для успешного разрешения этой задачи Ленин видел только один путь: политическая изоляция, а потом и физическое уничтожение враждебных партии классов. Это учение Ленина Сталин целиком перенес на собственную партию – получить власть он мог относительно легко, но удержать ее он мог лишь по тому же ленинскому принципу: путем политической изоляции и физического уничтожения враждебных ему лиц и групп в большевистской партии. Пока что Сталин был занят захватом власти.

Чтобы уничтожить при Ленине ленинскую гвардию, надо было сначала уничтожить самого Ленина. В этой гвардии был только один человек, способный на это, – Сталин. В этом тоже было его исключительное преимущество.

Всего того, что было преимуществом Сталина, не хватало Бухарину. Сталинцы были правы, когда во всем этом видели «гениальность» Сталина. Остается добавить, что в этом именно и заключается «творческий» характер сталинского марксизма так же, как и секрет всепобеждающего мастерства сталинской диалектики. В этой сталинской диалектике первых лет борьбы с оппозицией террор еще не играл решающей роли. Решающую роль играла необыкновенная способность Сталина сказать в нужное время нужное слово, а сказав его, безоглядно приступить к осуществлению практического плана, если бы даже такой образ действия противоречил всем догмам и понятиям, которые до сих пор считались «священными». При этом он действовал с

точным учетом психологии рвущейся на сцену совершенно новой партийной элиты. Эта черта характера роднит Сталина с характером его исторического кумира – с Наполеоном.

«Я кончил войну в Вандее, – говорил последний, – когда стал католиком. Мое вступление в Египет было облегчено тем, что я объявил себя магометанином, а итальянских священников я завоевал на свою сторону, став ультрамонтанцем. Если бы я правил еврейским народом, я приказал бы восстановить храм Соломона».

Сталин не был теоретиком, как Бухарин. Это тоже было его громаднейшим плюсом, как лидера «нового типа».

Французский философ и политик, позднее министр Жюль Симон свидетельствует:

«Еще за два месяца до своего всемогущества – Луи Наполеон был ничто. Виктор Гюго поднялся на трибуну (Собрание 1848 г.), но не имеет успеха... Редкий и мощный гений Эдгард Кине тоже не помогает... Политические собрания являются местами, где блеск гения имеет меньше всего успеха. Здесь считаются только с тем красноречием, которое подходит ко времени и месту, и с теми услугами, которые оказаны партии, а не отечеству. Чтобы Ламартин в 1848 г. и Тьер в 1871 г. получили признание, нужна была их решающая важность, как движущая сила. Когда опасность миновала, исчезла вместе со страхом и благодарность».

Цитируя вышеприведенные слова Симона, знаменитый французский социолог Лебон пишет:

«Бывают вожди интеллигентные и образованные, однако, это вредит им, как правило, больше, чем приносит пользу. Интеллигентность, сознающая связь всех вещей, помогающая их пониманию и объяснению, делается податливой и значительно уменьшает силу и мощь в убежденности, которая необходима апостолу. Большие вожди всех времен, собственно вожди всех революций, были людьми ограниченными и потому имели большое влияние. Речи знаменитейшего среди них, Робеспьера, удивляют часто своей несвязанностью. Когда их читаешь, не находишь удовлетворительного объяснения чудовищной роли всесильного диктатора» (Le Bon, Psychologie der Massen, Stuttgart, Alfred Kroner Verlag, 1951, S. 169).

Так будут писать и о Сталине через десятки лет, не находя ни в его речах, ни в его «гениальных произведениях» не только искры гения, но даже и необходимой дозы простой интеллигентности. И все-таки этот человек

овладел до последнего винтика гигантской государственной машиной, в законодательном корпусе которой было так много претендентов на пост Ленина. Я приводил все те «субъективные факторы», которые сделали Сталина, на мой взгляд, водителем этой машины. Я должен к ним прибавить теперь, несколько забегая вперед, и один «объективный фактор» величайшей важности. О подобном факторе в политике говорит тот же Лебон. Правда, констатируя явление того порядка, о котором я хочу говорить, Лебон не дает ему объяснения. Однако высказывания Тэна и Шпулера, которые он приводит в связи с этим, поразительно напоминают картину большевистского партийного парламента описываемого мною времени – ЦК и ЦКК (там же, стр. 171, 172, 173, 174).

«История революции показывает, – пишет Лебон, – в какой мере собрания могут быть подвержены искусственному влиянию, которое совершенно противоречит их преимуществам. Для дворянства было неслыханной жертвой отказаться от своих преимуществ, и все-таки это случилось в ту знаменитую ночь Учредительного собрания. Отказ от своей неприкосновенности означал для членов Конвента постоянную угрозу смерти, и все-таки они поступили так, и не боялись показывать друг на друга, хотя они точно знали, что эшафот, к которому подводились сегодня их коллеги, завтра предстоял им самим. Но поскольку они достигли той степени автоматизма, о котором я говорил, ничто не может удержать их подпасть под то влияние, которое руководит ими».

«Они одобряют и постановляют то, что презирают, – говорит Тэн, – не только глупости, но также преступления, убийство невинных, убийство друзей. Единодушно и при живейшем одобрении левые и правые совместно посылают Дантона, своего естественного верховного водителя, на эшафот. Единогласно и при величайшем одобрении левые и правые совместно голосуют за самые злодейские постановления революционного правительства. Единогласно и при криках восхищения и энтузиазма, при страстных демонстрациях за д'Эрбуа, Кантона, Робеспьера, Конвент оберегает правительство убийц, хотя его партия центра ненавидит за убийства, а Гора презирает, так как ее ряды через него пострадали. Центр и Гора, меньшинство и большинство, кончают тем, что подготавливают свое собственное самоубийство. 22 прериаля сдался весь Конвент; 8 термидора, в течение первой четверти часа после речи Робеспьера, он сдался еще раз».

Вот и описание собрания 1848 года Шпулером: «Споры, ревности и

недовольство, которые сменяются слепым доверием и бесконечными надеждами, привели республиканскую партию к гибели. Ее незадачливость может быть сравнена с ее недоверчивостью против всех. Никакого чувства законности, никакого чувства порядка, только страх и иллюзия без границ. Ее беспечность соревнуется с ее нетерпением. Ее дикость так же велика, как ее послушность. Это – особенность незрелого темперамента и недостаток воспитания. Ничто ее не удивляет, все сбивает ее с толку. Дрожа, трусливо и одновременно безотказно героически будет она бросаться в огонь, но будет отскакивать перед тенью. Действия и отношения вещей ей неизвестны. Так же быстро падающая духом, как и накаляющаяся, она подвержена всем ужасам; и торжествуя до небес или пугаясь до смерти, она не имеет ни нужных границ, ни подходящей меры. Текучее воды, она воспроизводит все краски и воспринимает любые формы».

Много раз сделанные аналогии событий из Французской революции с событиями русской, не бьют так в цель, как только что приведенные эпизоды. Посмотрите на списки трех составов русского революционного конвента – ЦК и ЦКК:

1. после победы Зиновьева-Бухарина-Сталина над Троцким в 1924 году (XIII съезд),
2. после победы Бухарина-Рыкова-Сталина над Зиновьевым в 1925 году (XV съезд) и
3. после победы Сталина над Бухариным в 1930 году (XVI съезд).

Каждый последующий состав большевистского конвента посылает на политический эшафот ведущих трибунов Октябрьской революции из предыдущего состава: Зиновьев-Сталин-Бухарин – Троцкого и троцкистов; Бухарин-Сталин-Рыков – Зиновьева и зиновьевцев; Сталин и «старые большевики» – Бухарина и бухаринцев; Сталин и сталинцы – «старых большевиков». Потом Сталин всех их сводит в одном месте – на Лубянке, чтобы ликвидировать их там физически. Русские Мараты и дантоны, сенжюсты и Робеспьеры, «жирондисты» и «горцы» с какой-то фатальной обреченностью повторяли акты французской драмы с тем, чтобы после взаимоистребительной бойни увековечить на русской земле кошмарный режим французского сентября. Логическая линия русского октября была той же.

То, что Ленин вынашивал в эмбрионе, Сталин вырастил как чудовище. Контуры будущей сталинской тирании ясно обозначались только после

политической ликвидации бухаринцев. Духовная прострация, физическое изнеможение, животный страх – вот облик партии в те дни. В отчаянии от гнетущего, вседавящего, вездесущего страха эта партия отныне и делается в руках Сталина и сталинцев безмолвным оружием такой универсальной инквизиции, примеры которой история не знала раньше и едва ли будет знать в будущем. Как животные перед землетрясением, люди предчувствуют беду: мания страха овладевает всей страной. Известный советский драматург Афиногенов, сам коммунист, убитый во время войны, написал как раз в 1930 году на эту тему пьесу, которая так и называлась: «Страх». Тогда же она была поставлена в Московском Художественном академическом театре (МХАТ).

Главный герой ее, профессор Бородин, выступая с кафедры института с докладом, так определяет значение страха в поведении советских граждан: «Мой доклад подходит к концу. Вы видели на примерах с кроликами, что в основе поведения лежат соответствующие стимулы – возбудители. Когда нам удается обнаружить стимул, мы, воздействуя на него, можем изменить поведение. По аналогии с этим, найдя господствующий стимул социальной среды, мы можем предугадать путь развития социального поведения. Наступит час, когда наука начнет вытеснять политику. Мы решили принести посильную помощь нашей стране и проанализировать, какие стимулы лежат в основе поведения современного человека. Вместе с партийными товарищами мы провели объективное обследование нескольких сотен индивидуумов различных общественных прослоек. Я не буду рассказывать о путях и методах этого обследования – интересующиеся заглянут в материалы... Скажу только, что общим стимулом поведения восьмидесяти процентов всех обследованных является *страх*». (Голос из зала: «Что?») Бородин продолжает: «Страх! Работы Горндайка, Уотсона, Лешли и других указывают на то, что безусловным стимулом, вызывающим страх, является громкий звук или потеря опоры. Восемьдесят процентов всех опрошенных живут под вечным страхом окрика или потери социальной опоры. Молочница боится конфискации коровы; крестьянин – насильственной коллективизации, советский работник – непрерывных чисток; партийный работник боится обвинений в уклоне; научный работник – обвинения в идеализме; работник техники – обвинения во вредительстве.

Мы живем в эпоху великого страха. Страх заставляет талантливых интеллигентов отрекаться от матерей, подделывать социальное происхожде-

ние... Страх ходит за человеком. Человек становится недоверчивым, замкнутым, недобросовестным, неряшливым и беспринципным... Страх порождает прогулы, опоздание поездов, прорывы производства, общую бедность и голод. Никто ничего не делает без окрика, без занесения на черную доску, без угрозы посадить или выслать.

Кролик, который увидел удава, не в состоянии двинуться с места – его мускулы оцепенели, он покорно ждет, пока удавные кольца сожмут и раздавят его. Мы все кролики! Можно ли после этого работать творчески? Разумеется, нет!

Остальные двадцать процентов обследованных – это рабочие-выдвиженцы. Им нечего бояться. Они – хозяева страны! Они входят в учреждения с гордым лицом, стуча сапогами, громко смеясь и разговаривая. Но за них боится их мозг... Мозг людей физического труда пугается непосильной нагрузки; развивается мания преследования. Они все время стремятся догнать и перегнать. И, задыхаясь в непрерывной гонке, мозг сходит с ума или медленно деградирует.

Уничтожьте страх, уничтожьте все, что рождает страх, и вы увидите, какой богатой творческой жизнью расцветет страна! На этом позвольте закончить».

Устами своего литературного героя писатель Афиногенов констатировал правду советской жизни в 1930 г., в том году, в котором на XVI съезде провозгласили лозунг «бить, бить и бить!» Однако, когда задумаешься над тем чудовищным террором, который развернулся к середине и концу тридцатых годов, над этой атмосферой, которая тогда царила, над теми героями, – именитыми и безымянными, – которые тогда действовали, то приходишь к выводу: описать эту эпоху может историк, но чтобы ее понять, нужны Данте, Шекспир и Достоевский в одном лице!

Глава 30

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ГИБЕЛЬ ЦК

После разгрома «правой оппозиции» ЦК признал Сталина единственным лидером партии. Празднование его пятидесятилетия (21

декабря 1929 г.) было произведено с такой помпой, с какой когда-то чествовали римских триумфаторов или византийских императоров. Тогда же появилась и пресловутая формула: «Сталин – это Ленин сегодня». Ошибочно приняв эти восторженные похвалы по своему адресу за отказ ЦК от своего суверенитета, Сталин отважился на шаг, который никогда не позволял себе даже Ленин. Через шесть дней после юбилейных торжеств – без ведома не только ЦК, но и Политбюро – Сталин объявил 27 декабря 1929 года новую революцию сверху: насильственную «сплошную коллективизацию и ликвидацию кулачества как класса». Хотя это единоличное решение Сталина и было задним числом одобрено в постановлении ЦК от 5 января, но одновременно Сталину дали понять, что он не наделен прерогативами единоличной власти. Более того, когда начались массовые антиколхозные восстания, то ЦК заставил Сталина, во-первых, написать статью («Головокружение от успехов»), в которой он, по существу, вынужден был признать ошибочной свою установку (в речи от 27 декабря) на немедленную насильственную коллективизацию (теперь он писал: «нельзя насаждать колхозы силой»), во-вторых, в новой статье («Ответ товарищам колхозникам») открыто дисквалифицировать самого себя, как претендента в диктаторы. Вот соответствующее место из второй статьи Сталина: «Иные думают, что статья "Головокружение от успехов" представляет результат личного почина Сталина. Это, конечно, пустяки. Не для того у нас существует ЦК, чтобы допускать в таком деле личный почин кого бы то ни было. Это была глубокая разведка ЦК. И когда выяснились глубина и размеры ошибок, ЦК не замедлил ударить по ошибкам всей силой своего авторитета» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 311-312). Мстительный, злопамятный, но всегда терпеливый, когда это требовала его конечная цель, Сталин хорошо запомнит Центральному Комитету эту свою дисквалификацию. Однако и тут Сталин верен себе: публичное самоунижение нужно было ему, чтобы усыпить бдительность того же ЦК и выиграть время для завершения подготовительной работы по его уничтожению – политическому и физическому. Сталин постарался провести эту операцию уже над ЦК, избранным на XVI съезде (1930 г.), но встретил неожиданное серьезное сопротивление даже среди собственных учеников («Право-левацкий блок Сырцова-Ломинадзе»), не говоря уже о присутствовавших в его членском составе лидерах бывшей «правой оппозиции». С этим Сталин мог и не считаться, если бы не выяснились более решающие обстоятельства: три столба режима,

на которые опиралась «диктатура пролетариата» – армия, полиция и местный партаппарат – оказались не готовы признать над собою личную диктатуру. Поэтому на протяжении всего периода времени от XVI до XVII съезда Сталин занимался созданием организационных, собственно кадровых предпосылок к запланированному им единовластию. Значительный шаг вперед в этом направлении Сталин сделал на XVII съезде. ЦК, избранный на этом съезде, состоял из чистокровных сталинцев, из тех, кто активно помогал Сталину громить все оппозиции и устанавливать свое единоличное лидерство. В его членском составе не было никого из «гвардии Ленина». Зиновьева и Каменева, сколько бы они ни каялись, не выбирали в ЦК, а Бухарин, Рыков и Томский числились лишь в кандидатах. Однако и этот ЦК состоял в подавляющей своей части из убежденных последователей Ленина (в том смысле, что они были готовы признать Сталина своим лидером, но не диктатором. Диктатура, как при Ленине, должна была быть коллективной. Генсек выполняет решения ЦК и ему подотчетен, ему же подотчетны Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК. Словом, Сталин лишь «первый среди равных». В этом как раз и состояла суть нового конфликта. Внутренняя концепция власти Сталина, по крайней мере с тех пор, как умер Ленин, сводилась к следующей нефиксированной, но вполне логичной формуле: партией и государством при диктатуре может руководить лишь абсолютный диктатор, а им должен быть он сам. Сталин теперь окончательно убедился, что придти к такой диктатуре можно, лишь физически уничтожив тех членов ЦК, которые будут противодействовать этому. Каждого члена и кандидата последнего суверенного ЦК (139 человек) Сталин «изучил по косточкам» (его же выражение на XII съезде). Не только на них, но и на всю элиту партии и государства в ЦК имелись секретные досье, называемые «учетными карточками», куда с 1922 г., с тех пор, как Сталин стал генсеком, заносились все «плюсы и минусы» каждого руководящего деятеля. Основу «учета» составляли два критерия: преданность большевизму и деловитость. С конца двадцатых годов критерии «учета» слегка «уточнили»: преданность Сталину и покорность. Сталин подсчитал, что абсолютное большинство состава преданного ему ЦК 1934 года – все-таки мыслит категориями вчерашнего дня, то есть явно непокорно. Он безошибочно установил и то, что к числу несогласных с его личной диктатурой принадлежат как раз наиболее идейные фанатики коммунизма и «ленинских принципов коллективного руководства». Сталин знал больше. Он знал, что в почти двухмиллионной партии

наберется не менее миллиона коммунистов, которые действительно верят в коммунизм в духе его классиков (постепенное отмирание государства, то есть «диктатуры пролетариата», восстановление гражданских прав и политических свобод после ликвидации эксплуататорских классов, как это обещала Программа 1919 г.); верят, как и большинство ЦК, в святость «ленинских принципов коллективного руководства». Эту веру в них воспитал сам же Сталин, когда он в борьбе с претендентами на единоличное лидерство (из разных оппозиций) доказывал, что после Ленина партией и государством не может руководить одно лицо, руководство может и должно быть только коллегиальное. Правда, для Сталина эта популярная в партии доктрина «коллективного руководства» (впервые провозглашенная Троцким в день смерти Ленина) была и тогда лишь тактическим лозунгом, призванным замаскировать его диктаторские замыслы, но партия, как и ЦК, тактику Сталина ошибочно принимала за его программу. Даже разгромив три оппозиции и проведя четыре чистки (первая чистка вузовских и учрежденческих ячеек 1925 г., вторая чистка деревенских парторганизаций 1926 г., третья – генеральная чистка 1929-1930 гг., четвертая – генеральная чистка 1933 г.), чтобы превратить партию в «голосующее стадо» (выражение Троцкого), а ЦК сделать совещательной коллегией при генсеке, Сталин все же ни той, ни другой цели не достиг. Наоборот, уже тот ЦК, который был создан на XVI съезде после разгрома последней – «правой» - оппозиции, доказал Сталину, что среди его собственных соратников и учеников есть люди, которые полны решимости не допустить его диктатуры. Когда диктаторские замыслы Сталина стали более явными, то члены этого ЦК, один за другим, возглавили новые оппозиционные группы: 1) группа Сырцова-Ломинадзе; 2) группа А. П. Смирнова (в нее входили видные деятели партии и герои гражданской войны Эйсмонт и Толмачев, за связь с этой группой были еще раз осуждены члены ЦК Рыков и Томский и кандидат ЦК Шмидт); 3) группа Н. А. Скрыпника (украинские «национал-коммунисты»). Вне ЦК, но среди актива партии, образовалась антисталинская группа вокруг старого большевика, бывшего кандидата ЦК М. Н. Рютина и видных теоретиков партии Астрова и Слепкова. Вывод из всего этого для Сталина был ясен: бескровные чистки к заветной цели не ведут. Надо подготовить чистки кровавые. Подготовку к таким чисткам в такой догматической партии, как большевистская, надо начинать с провозглашения новых догм. Сталин так и поступил. На январском пленуме

ЦК (1933) он подверг ревизии учение Маркса, Энгельса и Ленина о постепенном отмирании государства. Сталин заявил, что «отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее *максимальное усиление»* (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 394, 1947). Сталина мало заботило, что этой его «диалектической логике» не хватает простой человеческой логики. Зато пусть знают все: страна отныне вступает в эру «максимального усиления» очищенной партаппаратной и обновленной полицейской власти, опираясь на которую он решил ликвидировать ЦК. На XVII съезде он дал идеологическое обоснование и другой догме – о перманентности чисток из-за перманентности классовой борьбы. Вот новый образец «диалектической логики» Сталина в этой связи. Он заявил: «Если на XV съезде партии приходилось доказывать правильность *линии* партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде – и доказывать нечего, да, пожалуй, и бить некого... Партия сплочена теперь воедино, как никогда раньше...» (Сталин, там же, стр. 465-466). Какой же вывод сделал Сталин? Вывод его был не только неожиданным, но и странным. Он сказал: «Левые открыто присоединились к контрреволюционной программе правых, для того, чтобы составить с ними блок и повести совместную борьбу против партии... Бесклассовое общество не может придти в порядке самотека... Его надо завоевать... путем усиления органов диктатуры пролетариата... уничтожения классов в боях с врагами... Наша задача систематически разоблачать идеологию и остатки идеологий враждебных ленинизму течений» (там же, стр. 475, 476). Таким образом, торжественно доложив съезду, что левые и правые уже ликвидированы и бить тоже больше некого, Сталин сообщает только ему одному известную новость: образовался «блок левых и правых» против партии и поэтому «систематически надо разоблачать» его идеологию. Кого же Сталин считает участниками подобного блока? Абсолютное большинство членов и кандидатов ЦК и делегатов данного XVII съезда, но они об этом узнают только через три года, когда очутятся в подвалах НКВД. Наконец, на февральско-мартовском пленуме ЦК в 1937 г. Сталин огласил третью догму: чем больше побеждает социализм, тем острее становится классовая борьба; следовательно, даже после ликвидации антагонистических классов классовая борьба продолжается. Вот эти три догмы, объявленные на пленумах ЦК и на съезде партии, ими же утвержденные, и служили Сталину

для идеологического обоснования предстоящей физической ликвидации ленинской партии, ленинского ЦК и организации «Великой чистки» по всей стране.

Параллельно этой идеологической войне против мнимых «врагов народа» шла и глубоко засекреченная организационная подготовка аппарата ЦК (Ежов, Маленков, Каганович) и нового руководства НКВД (Ягода) к предстоящей чистке. Однако, чтобы начать ее, нужно было иметь какой-нибудь катастрофический «казус белли». XVII съезд доказал Сталину, что надо торопиться с созданием такого «казус белли», если он не хочет лишиться должности генсека. Мы имеем на этот счет официальное свидетельство, напечатанное на страницах газеты «Правда» после XXII съезда. Оно исходит от случайно уцелевших старых большевиков, делегатов XVII съезда, таких как, например, Г. Петровский. Вот это свидетельство в изложении делегата XVII съезда Л. С. Шаумяна: «К этому времени (к 1934 г. – А. А.) уже начал складываться культ личности Сталина... Сталин попирал принципы коллегиального руководства, злоупотребляя своим положением. Ненормальная обстановка, складывавшаяся в связи с культом личности, вызывала тревогу у многих коммунистов. У некоторых делегатов съезда, как выяснилось позже, прежде всего *у тех, кто хорошо помнил Ленинское "Завещание", назревала мысль о том, что пришло время переместить Сталина с поста генерального секретаря на другую работу. Это не могло не дойти до Сталина. Он знал, что для дальнейшего укрепления своего положения, для сосредоточения в своих руках большей единоличной власти, решающей помехой будут старые ленинские кадры»* (газета «Правда», 7 февраля 1964 г., подчеркнуто нами. – А. А.). Кто же были эти «некоторые делегаты», считавшие, что пора, наконец, выполнить требование Ленина о смещении Сталина с поста генсека? Названные в статье Л. С. Шаумяна имена старых большевиков не оставляют сомнения, о ком идет речь. Это как раз те, с которыми Сталин расправился в первую очередь. Вот они: Косиор, Постышев, Чубарь, Орджоникидзе, Яковлев, Варейкис, Бубнов, Рудзутак, Каминский, Эйхе, Тухачевский, Блюхер, Бауман, Зеленский, Серебровский, Угаров, Гринько, Косарев, сестра Ленина М. Ульянова и вдова Ленина Крупская. Кто же должен заменить Сталина? На этот счет в партии не было двух мнений. Его должен был заменить тот, кто по количеству голосов, полученных при тайных выборах в ЦК, стоял на первом месте, далеко впереди самого Сталина, а во все три исполнительных органа ЦК (в

Политбюро, Оргбюро, Секретариат) был избран единогласно – Сергей Миронович Киров. Косвенно это подтверждает и Шаумян, когда говоря о речи Кирова на XVII съезде, характеризует его, как «любимца всей партии».

«Казусом белли» для уничтожения ЦК и организации «Великой чистки» Сталин и избрал убийство 1 декабря 1934 г. этого «любимца всей партии» - Кирова. Кто его убил? Существующий сейчас в СССР неосталинский режим не хочет отвечать на этот вопрос, ибо ответить на него – значило бы юридически зафиксировать, что организатором нынешней КПСС был величайший в истории уголовный преступник. Поэтому комиссию ЦК по расследованию роли Сталина в убийстве Кирова, комиссию, полномочия которой были подтверждены на двух съездах – на XX и XXII – послехрущевское руководство распустило. Однако в докладах ЦК на этих съездах (на основании архивов ЦК и НКВД и показаний случайно уцелевших свидетелей) содержались некоторые весьма важные факты, связанные с этим убийством.

Приведем здесь соответствующие места этих докладов:

1) В докладе ЦК на XX съезде (1956 г.) «О культе личности и его последствиях» сказано: «Необходимо заявить, что обстоятельства *убийства* Кирова до сегодняшнего дня содержат в себе много непонятного и таинственного и требуют самого тщательного исследования. Есть причины подозревать, что убийце Кирова – Николаеву -помогал кто-то из людей, в обязанности которых входила охрана личности Кирова. За полтора месяца до убийства, Николаев был арестован из-за подозрительного поведения, но был выпущен и даже не обыскан. Необычайно подозрительно и то обстоятельство, что когда чекиста, входившего в состав личной охраны Кирова, везли на допрос 2 декабря 1934 г., то он погиб во время автомобильной «катастрофы», во время которой не пострадал ни один из других пассажиров машины. После убийства Кирова, руководящим работникам ленинградского НКВД были вынесены очень легкие приговоры, но в 1937 году их расстреляли. Можно предполагать, что они были расстреляны для того, чтобы скрыть следы истинных организаторов убийства Кирова» (Н. С. Хрущев, Речь на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 18, Мюнхен, 1956).

2) В заключительном слове по Отчетному докладу ЦК на XXII съезде по тому же вопросу делегатам было доложено следующее: «Начало массовым репрессиям было положено после убийства Кирова... Обращает на себя

внимание тот факт, что убийца Кирова раньше дважды был задержан чекистами около Смольного и у него было обнаружено оружие. Но по чьим-то указаниям оба раза он освобождался. И вот этот человек оказался в Смольном с оружием в том коридоре, по которому обычно проходил Киров. И почему-то получилось так, что в момент убийства начальник охраны Кирова (Борисов. – А. А.) далеко отстал от Кирова, хотя он по инструкции не имел права отставать на такое расстояние от охраняемого… Когда начальника охраны Кирова везли на допрос, а его должны были допрашивать Сталин, Молотов и Ворошилов, то по дороге, как рассказал потом шофер этой машины, была умышленно сделана авария теми, кто должен был доставить начальника охраны на допрос. Они объявили, что начальник охраны погиб в результате аварии, хотя на самом деле он оказался убитым сопровождавшими его лицами… Затем расстреляли тех, кто его убил… Это продуманное преступление. Кто это мог сделать? Сейчас ведется самое тщательное изучение этого сложного дела. Оказалось, что жив шофер, который вел машину, доставлявшую начальника охраны Кирова на допрос. Он рассказал, что когда ехали на допрос, рядом с ним в кабине сидел работник НКВД. Машина была грузовая (почему именно на грузовой машине везли этого человека на допрос… Видимо, все было предусмотрено заранее, в деталях). Два других работника НКВД были в кузове машины вместе с начальником охраны Кирова. Шофер рассказал далее. Когда они ехали по улице, сидевший с ним рядом человек вдруг вырвал у него руль и направил машину прямо на дом. Шофер выхватил руль из его рук и выправил машину, и она лишь бортом ударилась о стену здания. Потом ему сказали, что во время этой аварии погиб начальник охраны Кирова. Почему он погиб, а никто из сопровождавших его лиц не пострадал? Почему позднее оба эти работника НКВД, сопровождавшие начальника охраны Кирова, сами оказались расстрелянными? Значит, кому-то надо было сделать так, чтобы они были уничтожены, чтобы замести всякие следы» (XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. II, стр. 583-584, 1961, Заключительное слово Хрущева).

Остается только уточнить докладчика ЦК и назвать имя того, кого он имел в виду: Сталин.

Во всей истории организации убийства Кирова чувствуется гениальная рука криминальных дел мастера Коба – Джугашвили (причем убийство при помощи автомобильных катастроф стало даже его излюбленным приемом –

убийство Камо в 1922 г., убийство Борисова – начальника охраны Кирова в 1934 г. и убийство в 1948 г. еврейского режиссёра, народного артиста СССР С. М. Михоэлса). Впрочем, Сталин не особенно старался «заметать все следы» или отводить от себя всякие подозрения. Вот три интересных факта в этой связи: 1) Киров был убит 1 декабря 1934 г., в тот же день член редколлегии журнала «Большевик» (теперь «Коммунист») Г. Зиновьев направил некролог в редакцию «Правды», чтобы он появился 2 декабря, но Сталин запретил печатать его. Это значит, что Сталин, не начав еще следствия, уже знает, что Кирова «убили» зиновьевцы (об этом случае рассказал Прокурор СССР Вышинский на процессе Зиновьева, Каменева и др. в августе 1936 года); 2) после убийства Кирова Сталин уничтожил не только всех свидетелей убийства, но расстрелял без исключения и всех членов Бюро и Секретариата Ленинградского обкома во главе с Чудовым (второй секретарь, член ЦК), Угаровым, Смородиным, Позерном (все кандидаты ЦК), Шапошниковой (жена Чудова), то есть расстрелял всех близких и преданных Кирову друзей и коллег, которые могли знать о подозрениях самого Кирова и о фактах предыдущих попыток покушения на Кирова; 3) На процессе Бухарина–Рыкова–Ягоды и др. в марте 1938 г. Сталин вложил в уста Ягоды удивительное свидетельство против Кирова: «Рыков говорил мне о правых, о том, что кроме него, Бухарина, Томского, Угланова на стороне правых вся московская организация, профсоюзы, *ленинградская* организация. Из всего этого у меня создалось впечатление, что правые могут победить в борьбе с ЦК» (А. Я. Вышинский, Судебные речи, стр. 533, 1948, Москва). Другими словами, не только вся московская организация во главе с Углановым, но и вся ленинградская организация, во главе которой бессменно стоял с 1926 г. Киров, была в заговоре с «правыми», составили тот «блок», о котором Сталин столь таинственно говорил на XVII съезде.

Хотя убивая Кирова, Сталин тем самым убирал с пути своего важнейшего конкурента, но все-таки не это было его главной целью: террористический акт против «любимца всей партии» должен был явиться предлогом, тем самым «казус белли», о котором выше говорилось, чтобы открыть тотальный террор одновременно в трех сферах наверху – в ЦК, правительстве, генералитете, – а потом в самой партии и народе. Вечером того же 1 декабря 1934 г., то есть через пару часов после убийства Кирова, Сталин без решения Политбюро и без ведома Президиума ЦИК СССР (тогдашний советский «парламент»), предложил своему личному другу

Авелю Енукидзе, секретарю Президиума ЦИК СССР (которого он, впрочем, тоже расстрелял через два года по этому же «закону») подписать следующий секретный «закон»: «1) Следовательским отделам предписывается ускорить дела обвиняемых в подготовке или проведении террористических актов. 2) Судебным органам предписывается не задерживать исполнения смертных приговоров, касающихся преступлений этой категории в порядке рассмотрения возможности помилования, так как Президиум Центрального Исполнительного Комитета СССР считает получение подобного рода прошений неприемлемым. *3)* Органам комиссариата внутренних дел (НКВД) предписывается приводить в исполнение смертные приговоры преступникам упомянутой категории немедленно после вынесения этих приговоров» (Н. С. Хрущев, цит. соч., стр. 17).

Когда начались массовые аресты и почти каждому «врагу народа» предъявлялось обвинение в подготовке террористического акта против центральных или местных вождей (знаменитая ст. 58, пункт 8), а обвиняемые отказывались признавать себя «террористами», то Сталин издал и другой секретный «закон»: следователи НКВД имеют право подвергать различным видам пыток подследственных до тех пор, пока они не подпишут «чистосердечное признание». В ответ на недоумение местных партийных комитетов, что НКВД и после Ежова продолжает пытки арестованных, Сталин 20 января 1939 г. направил местным органам шифрованную телеграмму, в которой говорилось: «ЦК ВКП(б) поясняет, что применение методов физического воздействия в практике НКВД, начиная с 1937 года, было разрешено ЦК

ВКП(б)... ЦК ВКП(б) считает, что методы физического воздействия должны, как исключение, и впредь применяться по отношению к известным и отъявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае, как допустимый и правильный метод» (Хрущев, там же, стр. 27).

Прелюдией к «Великой чистке» послужили два процесса: один процесс над мифическим «Ленинградским террористическим центром», в состав которого были включены 13 человек бывших зиновьевцев из Ленинградского губкома комсомола во главе с Котолыновым и Леонидом Николаевым, который никогда не был зиновьевцем, а считался сталинцем. Другой процесс – над столь же мифическим «Московским террористическим центром», во главе которого были поставлены Зиновьев и Каменев. Процесс над

«Ленинградским террористическим центром» 29 декабря 1934 года провалился – никто из подсудимых, в том числе и Николаев, не признал себя членом несуществовавшего центра. Тем не менее, их всех расстреляли в день приговора – 29 декабря, как членов такого «центра», действовавшего якобы по поручению главного центра – «Московского террористического центра». Над Зиновьевым и Каменевым происходили один за другим два процесса. Первый процесс происходил 15-16 января 1935 г. Вместе с ними судили и некоторых старых большевиков, их личных друзей, а также группу неизвестных лиц, как их соучастников. Зиновьев сказал, что этих людей, которые сидят вместе с ним на скамье подсудимых, как члены его «Московского террористического центра», он впервые в жизни увидел здесь, на суде (потом стало известно, что эти «неизвестные лица» оказались агентами-провокаторами НКВД, которые должны были выступить на суде с показаниями против Зиновьева и Каменева, что они и делали весьма усердно).

Разумеется, Зиновьев и Каменев категорически отводили «чистосердечные показания неизвестных лиц», которые утверждали, что зиновьевцы уговаривали их убивать вождей партии. Столь же категорически Зиновьев и Каменев отрицали существование какого-либо террористического центра, но поскольку расстрелянные по делу Николаева лица когда-то были их сторонниками, то Зиновьев и Каменев признали себя «морально» виновными – за это им дали сроки – Зиновьеву 8 лет, а Каменеву пять лет тюрьмы. На втором процессе, в августе 1936 года, Зиновьев и Каменев говорили все, что Сталин хотел от них слышать... Истинным организатором ежовщины, был собственно не Ежов, а Сталин в Кремле и Зиновьев с Каменевым в подвале Лубянки. В трусливой надежде купить свою жизнь у Сталина, они стали главным орудием его чудовищного заговора против народа. Но организовал Сталин ежовщину или «Великую чистку», опираясь на два учреждения: Политбюро и НКВД.

Ко времени убийства Кирова Политбюро состояло из 11 членов – Сталин, Киров, Молотов, Орджоникидзе, Каганович, Ворошилов, Андреев, Куйбышев, Калинин, Косиор, Чубарь; из 6 кандидатов – Микоян, Постышев, Рудзутак, Петровский, Эйхе, Шверник. Первый вопрос, который встал перед Сталиным еще до убийства Кирова, гласил: кто же из названных членов и кандидатов Политбюро способен безоговорочно и при всех условиях поддержать и провести в жизнь его план «Великой чистки»? Судя по

советским разоблачениям и в свете объективных фактов самих последующих событий ясно, что из числа членов Политбюро Сталина активно и безоговорочно поддержали лишь следующие лица – Молотов, Каганович, Ворошилов, Андреев и в меньшей степени Калинин. Другие члены – Киров, Орджоникидзе, Куйбышев, Косиор, Чубарь не поддержали Сталина. Их Сталин ликвидировал. Из числа кандидатов Сталина безоговорочно и активно поддержали – Микоян и Шверник, другие кандидаты – Постышев, Рудзутак, Эйхэ, Петровский не поддержали Сталина. Их Сталин тоже ликвидировал (но Петровский остался в живых). Однако до самой ежовщины (1937-1938) Сталин никого из них не трогал. Только были приняты такие меры, которые гарантировали Сталина против каких-либо «внезапностей» с их стороны. Сталинская часть Политбюро, как и во времена Троцкого, создала «Политбюро в Политбюро», чтобы изолировать от большой политики лиц, подлежащих к ликвидации.

Ровно через два месяца после убийства Кирова и через две недели после первого суда над Зиновьевым и Каменевым, 1 февраля 1935 г., состоялся пленум ЦК партии. На этом пленуме были приняты три организационных решения, которые внешне как будто не имели никакой связи с будущей чисткой, но на деле представляли собой важный шаг к организации «Великой чистки». Это были следующие решения: вместо Кирова в члены Политбюро был введен Микоян и секретарем ЦК *партии* по НКВД был назначен Ежов. Ежов одновременно был назначен и верховным судьей партии – председателем комиссии партийного контроля при ЦК. Жданов, назначенный преемником Кирова по Ленинграду, был сделан кандидатом в члены Политбюро (в 1936 г. он и Ежов были переведены в члены Политбюро).

Второй процесс Зиновьева и Каменева готовился очень тщательно. Сталин, Ягода, Ежов и Вышинский много поработали, чтобы удался этот процесс. От исхода процесса Зиновьева и Каменева зависело, как и в каком объеме Сталин может осуществить задуманный план «Великой чистки». Следователям были даны указания (в числе следователей были сам нарком Ягода и будущий нарком Ежов) обещанием любых благ и допущением любых угроз (но без физических пыток) заставить Зиновьева и Каменева заявить перед открытым Верховным Судом, что Киров был убит по их прямому указанию совместно с Троцким и что они готовились убивать и других вождей партии, чтобы захватить власть в стране. Зиновьеву и Каменеву дали

понять, что они могут быть расстреляны без всякого суда, но что в их же интересах принять предложенный им план процесса, в этом случае ЦК и Сталин гарантируют им жизнь, а члены их семей будут освобождены из-под ареста.

После долгого сопротивления и после разрешенной им беседы наедине в камере Зиновьев и Каменев сдались и потребовали свидания с членами Политбюро для подтверждения условий, на которых они сдаются. Сталин знал, что не все члены Политбюро, если узнают из уст Зиновьева и Каменева суть дела и характер «сделки», могут согласиться устроить над ними судебную комедию. Поэтому, по предложению Сталина, Политбюро выделяет для свидания с арестованными лишь «комиссию», куда вошли только те, на которых Сталин мог положиться во всех отношениях - сам Сталин, Молотов, Микоян, Каганович, Андреев, Жданов и Ворошилов.

На встрече комиссии Политбюро с Зиновьевым и Каменевым Сталин подтвердил условия, которые им предложили их следователи, в том числе секретарь ЦК по НКВД Ежов. Рассказывали, что Зиновьев выразил опасения, что дав им сыграть ложную роль на процессе, их все-таки расстреляют, и поэтому потребовал от Сталина гарантий. На это Сталин ехидно заметил: «Если вы не верите Политбюро, то какие же вам гарантии, может быть, вы хотите гарантийное письмо из Женевы от Лиги Наций?» В самом деле, со стороны Зиновьева было сверхнаивно требовать каких-то гарантий от Сталина, допуская, что Сталин может их соблюдать. Свидание кончилось заключением «джентльменского соглашения»: Зиновьев и Каменев будут говорить все, что от них требуют, а Сталин и Политбюро им гарантируют жизнь. Состоялся открытый процесс в августе 1936 г., Зиновьев и Каменев, как и все другие подсудимые, виднейшие соратники Ленина – Евдокимов, Смирнов, Бакаев, Мрачковский – честно выполнили условия соглашения. Они рассказывали такие фантастические подробности подготовки убийства Кирова и намеченного убийства Сталина, что читая эти показания, признанные теперь и самим Кремлем ложными, невольно думаешь не только о величии режиссера этой трагикомедии, но и о выдающемся таланте ее актеров играть ложную, трагическую, самоубийственную роль с такой страстью и так убедительно. Да, они сдержали слово, но Сталин не сдержал. 24 августа суд приговорил всех к расстрелу, но была еще маленькая надежда: согласно советскому процессуальному праву, подсудимые имели время в 72 часа для подачи ходатайства о помиловании Президиуму ЦИК

СССР, но уже 25 августа, то есть через 24 часа, Сталин предложил расстрелять их. Каменев умер храбро, но больного Зиновьева несли на расстрел на руках. Даже в эти предсмертные секунды он верил Сталину – «Ради Бога, товарищи, ради Бога, позвоните Сталину», – это были его последние слова. Александр Орлов рассказывает, что когда начальник личной охраны Сталина Паукер и другие участники казни Зиновьева и Каменева, восстанавливали перед Сталиным эту сцену смерти Зиновьева, то Сталин долго не мог успокоиться от взрывов хохота (A. Orlov, The Secret History of Stalin's Crimes, p. *353,* London. 1954). Сталин заставил Зиновьева и Каменева сослужить ему перед смертью еще одну службу. Они дали показания, что имели контакт как с группой Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, так и с группой троцкистов (Пятакова, Радека, Сокольникова, Ра-ковского) для совместного шпионажа в пользу Гестапо, подготовки убийства вождей партии и организации захвата власти в Кремле. (Характерно, что в число якобы намеченных «заговорщиками» жертв, Сталин неизменно включал в первую очередь тех членов и кандидатов Политбюро, которые оставались скептиками – Косиор, Постышев, Чубарь, Рудзутак, Орджоникидзе, чтобы убедить их в необходимости «Великой чистки»). Когда группа Бухарина, находящаяся еще на воле, с возмущением начала отводить эти наговоры Зиновьева и Каменева и потребовала очной ставки с ними на заседании с Политбюро, то Сталин применил свой старый трюк: опять была назначена комиссия Политбюро в составе самого Сталина, Молотова, Кагановича и других, на которой должны были быть поставлены лицом к лицу зиновьевцы и бухаринцы. Но на этот раз Сталин блестяще провалился. На в упор поставленный Бухариным вопрос, Зиновьев начал отвечать уклончиво, а Каменев просто объявил, что из того, что говорил на следствии, ничего не помнит. Тем временем, Томский покончил жизнь самоубийством на своей даче в Болшево под Москвой. Считая это самоубийство как раз доказательством «нечистой совести» правых, Сталин предложил Прокуратуре СССР возбудить уголовное дело против Бухарина и Рыкова. Но когда вопрос, по требованию Бухарина и Рыкова, был поставлен на обсуждение сентябрьского пленума ЦК (1936 г.), то большинством голосов они были реабилитированы. Даже Ягода их поддержал. Сталин вынужден был идти на временное отступление. В газетах «Правда» и «Известия» 10 сентября 1936 г. появилась маленькая «хроника» на последней странице: дело против Бухарина и Рыкова за недоказанностью обвинения прекращено.

Это была неправда, рассчитанная на успокоение ЦК и партии. Она была и вернейшей маскировкой подготовки уничтожения не столько группы Бухарина, сколько этого самого ЦК. Но для этой роли совершенно не подходил чекистский «педант» Ягода. Тут нужен был чекист абсолютного класса и абсолютной подлости. Ровно через месяц после расстрела Зиновьева и Каменева и через две недели после прекращения дела против бухаринцев члены Политбюро получили из Сочи от отдыхающих там Сталина и Жданова телеграмму от 25 сентября 1936 г. о необходимости назначения Ежова наркомом внутренних дел вместо Ягоды и о необходимости более широко развернуть чистку. В телеграмме сказано: «Мы считаем абсолютно необходимым и спешным, чтобы тов. Ежов был бы назначен на пост народного комиссара внутренних дел. Ягода определенно показал себя явно неспособным разоблачить троцкистско-зиновьевский блок. ОГПУ отстает на четыре года в этом деле» (Хрущев, там же, стр. 18).

Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян, Андреев немедленно провели назначение Ежова. Заодно сняли и Рыкова с поста наркома связи СССР, назначив на его место впавшего в немилость Ягоду. Вот теперь, собственно, и началась «Великая чистка», названная «ежовщиной». Ежов занимал теперь одновременно посты: секретаря ЦК, председателя КПК при ЦК, члена Политбюро, члена Оргбюро, наркома внутренних дел в звании «Генерального комиссара государственной безопасности».

Задача Ежова – наверстать упущенное Ягодой за прошлые «четыре года». Ежов более или менее успешно провел два процесса: «троцкистского центра» Пятакова и «военного центра» Тухачевского. Но проведение третьего процесса – «правого центра» Бухарина – саботировал ЦК.

Решающей гласной проверкой настроений, мыслей и степени готовности членов ЦК поддержать или отвергнуть план «Великой чистки» явился февральско-мартовский пленум ЦК 1937 г. Главные вопросы пленума:

1. Доклад Сталина «О ликвидации троцкистских и иных двурушников».
2. Доклад Ежова «Об уроках, вытекающих из вредительской деятельности, диверсий и шпионажа японо-германских троцкистских агентов».

В своем докладе Сталин выдвинул на первый план свою уже упомянутую догму о законах классовой борьбы в советском обществе – он

сказал, что тем больше наши успехи в строительстве социализма, чем ближе мы подходим к коммунизму, тем больше классовых врагов, тем сильнее обостряется классовая борьба. Отсюда Сталин делал тот вывод, что массовые репрессии органов власти против «врагов народа» не только неизбежны, но и вполне закономерны. Но так как «троцкистские двурушники» уже все были расстреляны, то Сталин и Ежов сосредоточили свой огонь по так называемым «иным двурушникам», а под этим шифром понимали не только бухаринцев, но и всех членов ЦК, противящихся чистке. После докладов Сталина и Ежова и ставится на обсуждение вопрос об исключении из кандидатов ЦК и об аресте Бухарина и Рыкова. Стало ясно, что Сталин хочет еще раз гласной проверки настроения членов пленума, кто и насколько готов его поддержать. Однако, по свидетельству послесталинского ЦК, и на этом пленуме многие члены и кандидаты ЦК не были согласны со сталинским террористическим курсом. В докладе ЦК XX съезду о «культе личности» сказано: «На февральско-мартовском пленуме ЦК в 1937 году многие члены действительно сомневались в правильности принятого курса в отношении репрессий под предлогом борьбы с «двурушничеством» (Хрущев, там же, стр. 20). Почему же тогда ЦК не призвал своего генсека к порядку, как он это сделал в начале 1930 г. в связи с репрессиями по коллективизации? Ответ послесталинского ЦК гласит: «В чем же причина, что массовые репрессии... начали принимать все большие и большие размеры после XVII партийного съезда? В том, что в это время Сталин настолько возвысил себя над партией и народом, что перестал считаться и с Центральным Комитетом, и с партией. Если до XVII съезда он еще считался с мнением коллектива, то после полной политической ликвидации троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев... Сталин начал все больше и больше пренебрегать мнением членов ЦК партии и даже членов Политбюро. Сталин думал, что теперь он может решать все один, и все, кто ему еще были нужны – это статисты» (Хрущев, там же, стр. 17).

Этот самый февральско-мартовский пленум ЦК 1937 г. и был последним пленумом ЦК вообще. Чтобы спасти самих себя, члены пленума ЦК выдали Сталину на расправу бухаринцев, но не успели они разъехаться по местам, как начались их аресты (Бухарин и Рыков были арестованы на самом пленуме).

Не задача данной работы анализировать ход «Великой чистки» (самый обстоятельный труд на эту тему, в свете последних данных, написал Роберт

Конквест «Великий террор»). Здесь мы подведем только ее итоги. Касаясь судьбы членов и кандидатов ЦК XVII съезда и генералитета Красной Армии мы ограничимся цитированием официальных советских документов. Итак, каковы эти итоги?

1. *Чистка ЦК XVII съезда*

«Было установлено, что из 139 членов и кандидатов партийного ЦК, избранных на XVII съезде, 98 человек, то есть 70%, были арестованы и расстреляны (большинство в 1937-1938 гг.)... Та же судьба постигла не только членов ЦК, но и большинство делегатов XVII съезда. Из 1956 делегатов... 1108 человек были арестованы» (Хрущев, цит. соч., стр. 16).

2. *Чистка офицерского* корпуса

«В 1937-1938 гг., а также и в последующее время в результате необоснованных репрессий погиб цвет командного и политического состава Красной Армии. Как «агенты иностранных разведок» и «враги народа» были уничтожены три маршала Советского Союза (из пяти); погибли все командующие войсками военных округов... Были уничтожены или разжалованы и подвергнуты длительному заключению многие видные военные деятели и герои гражданской войны... Из армии были устранены все командиры корпусов, почти все командиры дивизий, командиры бригад; около половины командиров полков, члены военных советов и начальники политических управлений округов, большинство военных комиссаров корпусов, дивизий, бригад и около одной трети военкомов полков» (Великая Отечественная Война Советского Союза 1941-1945. Краткая история, под редакцией П. Н. Поспелова и маршалов А. А. Гречко, В. Д. Соколовского, М. В. Захарова, И. Х. Баграмяна и др., стр. 39-40, Военное издательство Министерства обороны СССР, Москва – 1965).

3. *Чистка партии:*

По подсчетам, произведенным мною на основании официальной партийной статистики, из около 2 800 000 коммунистов было вычищено не менее 1 220 000 коммунистов, что тогда автоматически означало аресты (см. мою «Технологию власти», стр. 252).

4. Чистка народа

По последним исследованиям видных англоамериканских специалистов по советским делам «Великая чистка» в народе выразилась в следующих цифрах – по данным Р. Конквеста, общее число арестованных партийных и беспартийных советских граждан составило около 8 000 000 че-

ловек (Robert Conquest, The Great Terror, p. 527, The Macmillan Comp., London, 1969), а по данным проф. Р. Такера даже около 9 000 000 человек (R. Tucker and S. Cohen, The Great Purge Trial, p. XXVII, N. Y., The Grosset and Dunlap Publishers 1765).

Только бывшая элита партии пользовалась преимуществом быть пропущенной через формальную судебную процедуру. В Москве были проведены четыре процесса:

1) процесс Зиновьева-Каменева и др. (август 1936 г.),
2) процесс Пятакова-Радека и др. (январь 1937 года),
3) процесс (военных) Тухачевского-Якира и др. (июнь 1937 г.),
4) процесс Бухарина-Рыкова и др. (март 1938 года).

Всех других арестованных членов и кандидатов ЦК и членов правительства, как и всех секретарей обкомов, крайкомов и ЦК союзных республик, руководителей промышленности, сельского хозяйства, культуры, транспорта, дипломатии и военных частей и самих чекистов судили через Военную Коллегию Верховного Суда СССР или Военные трибуналы. Причем, как открыто было доложено на XX и XXII съездах КПСС, приговоры над арестованными заранее утверждались Сталиным и членами Политбюро. Вот соответствующие документы. На XX съезде ЦК доложил: «НКВД стал применять преступный метод заготовления списков лиц, дела которых попадали под юрисдикцию коллегий Военных трибуналов... Приговоры заготовлялись заранее. Ежов обычно посылал эти списки лично Сталину, который утверждал предложенную меру наказания. В 1937-38 годах Сталину было направлено 383 списка с именами тысяч партийных, советских, хозяйственных работников. Он утверждал эти списки» (Хрущев, цит. соч., стр. 25). На XXII съезде были сделаны два уточнения: во-первых, списки эти направлялись не одному Сталину, а всем членам Политбюро, а, во-вторых, речь шла не об утверждении приговоров вообще, а об утверждении *смертных* приговоров.

Тогдашний руководитель Комитета партийного контроля при ЦК З. Т. Сердюк сообщил XXII съезду, что члены сталинского Политбюро вместе со Сталиным утверждали и подписывали смертные приговоры видным партийным и государственным деятелям. Сердюк сказал: «Имеется бесчисленное множество обличительных документов, и одного из которых достаточно, чтобы послужить суровым обличительным актом.

Вот один из таких документов. Ежов писал: «Тов. Сталину. Посылаю на

утверждение четыре списка лиц, подлежащих суду Военной коллегии:

1. Список № 1 (общий).
2. Список № 2 (бывшие военные работники).
3. Список № *3* (бывшие работники НКВД).
4. Список № 4 (жёны врагов народа).

Прошу санкции осудить всех по первой категории. *Ежов».*

«Надо сказать, – комментирует Сердюк, – что под первой категорией осуждения имелся в виду расстрел. Списки были рассмотрены Сталиным и Молотовым, и на каждом из них имеется резолюция: «За И. Сталин, В. Молотов» (XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. III, стр. 152, 1961).

С еще большим знанием дела докладывал XXII съезду тогдашний председатель КГБ А. Шелепин. Он заявил: «Убийство Кирова Сталин и приближенные к нему использовали как повод для организации расправы... Молотов, Каганович и Маленков, грубо злоупотребляя своим высоким положением в партии и государстве, одним росчерком пера предрешали судьбу многих людей. Просто поражаешься, с какой преступной легкостью все это делалось... В ноябре 1937 года Сталин, Молотов и Каганович санкционировали предание суду Военной коллегии большой группы товарищей из числа видных партийных, государственных и военных работников (сохранились их подписи на этих документах). Большинство из них было расстреляно. О жестоком отношении к людям говорит ряд циничных резолюций Сталина, Молотова, Кагановича, Маленкова и Ворошилова на письмах и заявлениях заключенных. Например, в свое время Якир – бывший командующий военным округом – обратился к Сталину с письмом, в котором заверял его в своей полной невинности... На этом письме Сталин начертал (резолюцию): «Подлец и проститутка», Ворошилов добавил: «Совершенно точное определение», Молотов под этим подписался, а Каганович приписал: «Предателю, сволочи и... (далее следует хулиганское нецензурное слово), одна кара – смертная казнь» (там же, т. II, стр. 402-403).

Документально нарисовав ужасающие картины массового террора Сталина, его Политбюро и его НКВД, Шелепин с искренним или деланным возмущением воскликнул: «Иногда задумываешься, как эти люди могут спокойно ходить по земле и спокойно спать? Их должны преследовать кошмары, им должны слышаться рыдания и проклятия матерей, жен и детей невинно погибших товарищей» (там же, стр. 404-405).

В отношении простых советских граждан, включая сюда и

беспартийную интеллигенцию, расправа была простая: в областях и краях были созданы «Чрезвычайные тройки НКВД» (состав: председатель - начальник данного НКВД плюс первый секретарь обкома партии и областной прокурор). Тройки присуждали людей по спискам и заочно к расстрелам или к 10 годам заключения.

Какова же была судьба членов и кандидатов ЦК всех созывов от первого съезда до XVII съезда включительно?

На основании изучения всех доступных мне источников я старался ответить на этот вопрос, выяснив следующее: 1. Кто из членов и кандидатов ЦК всех созывов дожил до «Великой чистки»? 2. Кто из них был арестован? 3. Кто из арестованных был приговорен: а) к тюремному заключению, б) к смертной казни?

На первые два вопроса ответить легко, на последний вопрос труднее. Официально (на XX съезде) было объявлено только о расстреле 98 членов и кандидатов ЦК XVII съезда. К ним надо прибавить и тех бывших членов и кандидатов ЦК, которые расстреляны по процессам тридцатых годов. В отношении остальных бывших членов и кандидатов ЦК советская справочная литература периода Хрущева употребляла формулу: такой-то (имярек) «пал жертвой репрессий периода культа Сталина». Это означало, что данное лицо расстреляно. Сейчас неосталинисты из Кремля отказались и от этой формулы – в справочниках сообщают о сталинских жертвах лишь даты рождения и смерти, не указывая на причину смерти (но так как абсолютное большинство членов ЦК умерло в годы 1937-38-39, то может создаться впечатление, что в эти три года в СССР свирепствовала какая-то смертоносная холера!). Однако, до какой кричащей по своей примитивности исторической фальсификации додумались неосталинисты, показывает следующее: Перед мною лежит «Календарь воина на 1972 год», изданный министерством обороны СССР; в нем перечислены выдающиеся военные и политические деятели СССР с указанием судьбы каждого. Читаем «Календарь воина»:

«16 февраля 1893 г. родился Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский. *Умер 11 июня 1937 года».*

«14 января 1896 г. род. И. П. Уборевич, советский военный деятель. *Умер 11 июня 1937 г.».*

«15 августа 1896 г. родился И. Э. Якир, советский военный деятель. *Умер 11 июня 1937 г.»* (стр. 29, 43, 127).

Все трое в один день умерли, потому что были в один день расстреляны.

То же самое «умерли» значится и в биографических справках о маршалах Блюхере и Егорове. Конечно, они все «умерли», но умерли потому, что Сталин их расстрелял и он этого не скрывал, а вот выученики Сталина решили это скрыть от молодых командиров. По «Календарю» член ЦК Гамарник и член Политбюро Орджоникидзе тоже не покончили жизнь самоубийством из-за Сталина, а просто «умерли». Даже человек, убийство которого явилось поводом для насильственного умерщвления миллионов, представлен в «Календаре» умершим естественной смертью: «Киров *умер* 1 декабря 1934 г.»!

Эти примеры я привожу, чтобы показать, как мало дорожат партийные историки правдивой историей собственной партии и как они вместо выяснения важных деталей стараются их затушевать, а то и скрыть. В силу этого уточнить обстоятельства смерти и даты смерти каждого из ликвидированных членов и кандидатов ЦК, кроме ЦК 1934 года и тех членов ЦК, которые прошли через московские процессы в тридцатых годах, оказалось делом трудным. По этой причине как расстрелянных, так и погибших в политизоляторах и концлагерях, я включаю в одну группу: «расстрелянные и погибшие в заключении».

Как мы видели, ЦК – верховный и законодательствующий и управляющий штаб партии большевиков – всегда состоял из относительно узкого круга лиц ведущих лидеров партии. ЦК первого съезда партии (1898) состоял из трех лиц; ЦК второго съезда (1903) тоже из трех лиц; ЦК 1912 года состоял из семи человек (потом были кооптированы 8 человек, в том числе и Сталин); ЦК апрельской конференции 1917 г. состоял из 9 членов и из четырех кандидатов; ЦК VI съезда в июле-августе 1917, руководивший Октябрьской революцией, состоял из 21 членов и из 8 кандидатов; ЦК XI съезда 1922 г. (последний съезд, которым руководил Ленин) состоял из 27 членов и из 19 кандидатов; последний при жизни Ленина (но без участия Ленина) ЦК XII съезда был расширен – в нем было 40 членов и 17 кандидатов; последний ЦК перед «Великой чисткой» – ЦК XVII съезда 1934 г. – состоял из 71 члена и 68 кандидатов. За все время создания ЦК от 1898 г. до 1934 г. через ЦК прошли 284 человека, (причем, меньшевиков, входивших в объединенный ЦК, кооптированных в ЦК большевиков, не сыгравших какой-либо видной роли, а также провокатора Р. Малиновского, в

наших расчетах мы во внимание не принимаем).

Какова же была судьба этих 284 человек – отцов русского революционного марксизма, организаторов большевистской партии, руководителей Октябрьской революции и полководцев Красной Армии в гражданской войне? Их можно разделить на следующие пять групп (см. таблицы из Приложения) :

I. *Умершие:* 45 человек умерли естественной смертью или погибли до «Великой чистки» (см. таблицу № 1).

II. *Самоубийцы:* 8 человек покончили жизнь самоубийством из-за Сталина (см. таблицу № 2).

III. Расстрелянные или погибшие: 188 человек расстреляны или погибли в заключении во время и после «Великой чистки» (см. таблицу № *3).*

IV. Опальные: 22 человека оказались в опале (они исключены из ЦК) (см. таблицу № 4).

V. Победители-заговорщики: они составляют 21 человек и вошли в «гвардию Сталина» (см. таблицу № 5).

Таким образом, из 231 членов и кандидатов доживших до «Великой чистки» (1936-1939), 188 человек (81,3%) были физически ликвидированы, а из оставленных в живых 43 человек (18,6%) у власти сохранились только 21 человек (9%) (Интересна и дальнейшая судьба «гвардии Сталина»: пять человек успели сами умереть еще при Сталине, одного Сталин расстрелял в 1952 г. (Лозовский), другого исключил из Политбюро (Андреев), двух расстреляли после Сталина (Берия и Багиров), пять человек были исключены из ЦК как «анти-партийщики» (Булганин, Ворошилов, Каганович, Молотов, Поскребышев), один человек – как «волюнтарист» (Хрущев), два человека были выведены из Политбюро как соратники Хрущева (Микоян и Шверник). На XVIII съезд *(1939* г.) Сталин явился в качестве абсолютного диктатора. Последний суверенный ЦК был убит, убита была и думающая партия. Сталин создал новый ЦК, который был прямо подчинен его личному секретариату. В партии водворился кладбищенский мир: «и битва кончилась из-за отсутствия сражающихся», - сказали бы французы. Против Сталина отныне никто не сражался, но Сталин продолжал сражаться против народа, который представлялся ему бездонным резервуаром потенциальных вредителей, шпионов, убийц... Но это не было манией преследования больного человека, это была глубоко обдуманная стратегия по страхованию своей абсолютной власти от всяких

неожиданностей. Сама природа сталинской власти требовала перманентных чисток во всех слоях общества. Они избавляли Сталина не только от потенциальных врагов, но они одновременно укореняли в народе сознание безнадежности даже намека на сопротивление. Сталин начал *с* уничтожения целых классов до войны и перешел к уничтожению целых народов во время и после войны (геноцид против чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, калмыков, крымских татар, немцев Поволжья). Хрущев сообщил на XX съезде, что украинский народ спасся от геноцида только потому, что это был большой народ и некуда было его переселить. После войны Сталин развернул в стране и антисемитскую кампанию под маской борьбы с «космополитами». От дела «кремлевских врачей» было совсем недалеко до организации антиеврейских погромов. Где-то далеко – в Сибири или на Дальнем Востоке – маячило в глазах Сталина даже гетто... Сталин, как тиран, презирал народ, ибо он хорошо знал, как этот народ глубоко презирает его самого. Сверхизобретательному в криминальных делах уму Сталина сопутствовала и его неповторимая безжалостность. Насколько Сталин панически боялся за собственную жизнь, настолько же он был бездушен к жизни миллионов, которых он истязал и умерщвлял. В припадке гнева он вполне мог бы повторить сожаление своего духовного прототипа римского императора Калигулы, слегка только перефразировав: «О, если бы у всего советского народа была одна голова, которую можно было бы отрубить разом!»

Приложение

СУДЬБА ЧЛЕНОВ И КАНДИДАТОВ ЦК ВСЕХ СОЗЫВОВ С I ПО XVII СЪЕЗД ВКЛЮЧИТЕЛЬНО (1898-1934)

Таблица № 1

I. Умерли до «Великой чистки» (1936-1939)

Фамилия	С какого года в партии
1. Артем (Сергеев) Ф.А.	1901
2. Баранов П.И.	1912
3. Богданов А.А.	1896

4. Вейнберг Д.Г.		1906
5. Владимиров М.К.	1910	
6. Гусев С.И.	1896	
7. Джапаридзе П.А.		1898
8. Дзержинский Ф.Э.	1895	
9. Дубровинский И.Ф	1893	
10. Злобин Ст.	1890	
11. Иванов А.В.	1906	
12. Киркиж К.О.		1910
13. Киров С.М.	1904	
14. Коростелев Г.А.		1905
15. Красин Л.Б.	1890	
16. Кремер А.И.	1890	
17. Куйбышев В.В.		1904
18. Ленгник Ф.В.		1893
19. Ленин В.И.	1893	
20. Лепсе И.И.	1904	
21. Линдов К.Д.	1895	
22. Менжинский В.Р.	1902	
23. Мешковский И.П.	1892	
24. Мицкявичюс-Кансукас В.С.		1903
25. Мясников А.Ф.	1906	
26. Нариманов Н.Н.	1905	
27. Ногин В.А.	1898	
28. Носков В.А.	1895	
29. Покровский М.Н.	1905	
30. Радченко С.И.	1890	
31. Рожков Н.А.	1906	
32. Савельев М.А.	1903	
33. Саммер И.А.	1897	
34. Свердлов Я.М.	1901	
35. Спандарьян С.С.	1902	
36. Скворцов-Степанов И.И.	1896	
37. Стучка П.И.	1903	
38. Таратута В.К.	1895	
39. Товстуха И.П.	1913	

40. Урицкий М.С.	1895
41. Фрунзе М.В.	1904
42. Цюрупа А.Д.	1898
43. Чичерин Г.В.	1905
44. Шапцер В.Л.	1895
45. Шаумян С.Г.	1898

Таблица №2

П. Покончили жизнь самоубийством из-за Сталина
Фамилия   С какого года Когда в партии в ЦК покончил с собою
III. Расстреляны или погибли в заключении
1. Гамарник Я. Б
2. Иоффе А. И.
3. Лашевич М. М.
4. Ломинадзе В. В.
5. Любченко П. П.
6. Орджоникидзе К. Г.
7. Скрыпник Н. А.
8. Томский М. П.

Таблица № 3

1916 1900 1901 1917 1918 1903 1897 1904
1925 1917 1918 1925 1934 1912 1917 1919
1937 1927 1928 1937 1937 1937 1933 1936
Фамилия
1. Авдеев А. Д.
2. Акулов И. А.
3. Алексеев П. А
4. Амосов А. М.
5. Антипов К. Н.
6. Балицкий В. А.
7. Бауман К. Е.

8. Белобородов А. Г.
9. Бергавинов С. А

10. Берзин Я. А.
11. Благонравов Г. И.
12. Блюхер В. К.
13. Брюханов Н. П.
14. Бубнов А. С.
15. Булат И. Л.
16. Булатов Д. Н.
17. Булин А. С.
18. Бухарин Н. И.
19. Быкин Я. Б.
20. Варейкис И. М
21. Барский А. Е.
22. Вегер Е. И.
23. Волков П. Я.
24. Воронова П. Я.
25. Гей К. В.
26. Гикало Н. Ф.
27. Глебов-
Авилов Н. П.
28. Голодед И. М.
29. Голоще-
кин Ф. И.
30. Гринько Г. Ф.
31. Грядин-
ский Ф. Г.
32. Данишев-
ский К. Х.
33. Демченко Н. Н.
34. Дерибас Т. Д.
35. Догадов А. И.
36. Евдокимов Г. Е.
37. Евдокимов Е. Г.
38. Егоров А. И.

39. Ежов Н. И.
40. Енукидзе А. С.
41. Еремин И. Г.
42. Жуков И. П.
43. Залуцкий П. А.
44. Затонский В. П.
45. Зеленский И. А.
46. Зиновьев Г. Е.

1912 1907 1914 1914 1912 1915 1907
1907 1917 1902
1917 1916 1912 1903 1912 1912 1914 1906
1939
1937 1941
1937 1938
1941
1938 1938 1943 1940
1941 1937 1938
1884 1897
1888 1884
1883 1895 1877
1887 1888 1890 1883

1912 1934
1894 1913 1924 1939
1889 1907
1899 1917 1934 1938
1917 1930
1917 1930
1916 1924
1897 1917 1934 1939
1882 1904 1917 1942
1894 1918 1930 1937
1876 1903 1912 1941
1890 1919 1934 1938

1912 1927
1907
1934
1934
1924
1919
1934
1934
1934
1934
1934
1925
1920
1934
1921
1907
1941 1943
1938 1936
1939 1940 1937
1900
1916
1913
1905
1903
1918
1918
1917
1898
1917
1909
1937 1940 1938 1936
1907
1917
1906
1901

47. Зорин С. С.
48. Иванов В. И.
49. Икрамов А.
50. Исаев У. Д.
51. Кабаков И. Д.
52. Каганович М. М
53. Кадацкий И. Ф.
54. Каламанович М. И.
55. Калыгина А. С.
56. Каменев Л. Б.
57. Каминский Г. А.
58. Кахиани М. И.
59. Картвешвили (Лаврентьев) Л. И.
60. Квиринг Э. И.
61. Киселев А. С.
62. Клименко И. Е.
63. Кнорин В. Г.
64. Козлов И. И.
65. Колгушин Ф. Т
66. Колотилов Н. Н
67. Комаров Н. П.
68. Косарев А. В.
69. Кондратьев С. С.
70. Кондратьев Т. К.
71. Косиор И. В.
72. Косиор С. В.
73. Котов В. А.

1924 1937
1924 1938
1925 1938
1930 1938
1924 1937
1934
1925 1939
1890 1917
1893 1915
1898 1918
1899 1920
1891 1914
1905
1893 1914
1888 1917 1930 1937
1915 1925
1883 1901 1917 1936
1895 1913 1925 1938
1917 1930

1891 1888 1879 1891 1890
1885 1886 1903 1910 1912 1898 1912 1910 1918 1905 1903 1904 1919
1930 1923 1917 1925 1927 1930 1927 1923 1921 1930 1938 1939 1938
1938 1939
1937 1937 1939
1918 1925
1913 1927
1893 1908 1925 1937
1889 1907 1923 1939
1915 1925

74.	Крестин-ский Н. Н.	1883	1903	1917	1938
75.	Криниц-кий А. И.	1894	1915	1924	1938
76.	Кубяк Н. А.	1881	1898	1923	1942

77. Куклин А. С. 1903 1924
78, Куликов Е. Ф. 1910 1925
'9 Кульков М. М. 1891 1915 1934 1939
80, Курицын В. И. 1917 1930
81. Кутузов И. И. 1885 1917 1921 1943
82 Лебедь Д. *З.* 1893 1909 1922 1937
Si Леонов Ф. Г. 1892 1914 1927
84. Лена А. К. 1914 1934
8S. Лобов С. С. 1888 1913 1922 1939
80, Локацков Ф. И. 1904 1927 1938
87. Ломов-
Оппоков Г. И. 1888 1903 1917 1938
88. Лукашин С. Л. 1905 1925
89. Любимов И. Е. 1882 1902 1925 1939
90. Матвеев И. Д. 1918 1925
91. Медведев А. В. 1884 1904 1924 1940
02. Межлаук В. И. 1893 1917 1927 1938
93 Мельничан-
ский Г. Н. 1886 1912 1925 1937
94. Милютин В. П. 1884 1910 1917 1938
95. Мирзоян Л. И. 1897 1917 1927 1938
96, Михайлов В. М. 1894 1915 1921 1937
97. Михайлов М. Е. 1918 1934
98. Михайлов-
Иванов М. С. 1913 1927
99, Москвин И. М. 1890 1911 1923 1939
00. Мусабеков Г. М. 1888 1918 1925 1938

101. Носов И. П. 1905 1925
102. Овшинцев М. К. 1918 1927
103. Орахела-
швили М. Д. 1881 1903 1923 1937
104. Осинский В. В. 1887 1907 1921 1938
105. Парлунов-
ский И. П. 1888 1905 1934

106. Пахомов Н. И. 1890 1917 1930
107. Перепечко И. Н. 1897 1914 1930 1943
108. Позерн Б. П. 1882 1912 1930 1939
109. Полонский В. И. 1893 1912 1927 1939
110. Попов Н. Н. 1891 1919 1930 1940
111. Постышев П. П. 1887 1904 1925 1940
112. Правдин А. Г. 1879 1899 1917 1943
113. Прамнэк Э. К. 1917 1934
114. Преображен-
ский Е. А. 1886 1903 1917 1937
115. Птуха В. В. 1894 1917 1930 1942
116. Пятаков Ю. Л. 1890 1910 1921 1937
117. Пятниц-
кий И. А. 1882 1898 1927 1939
118. Радек К. Г. 1885 1903 1919 1939
119. Радченко А. Ф. 1887 1912 1925 1939
120. Разумов М. О. 1913 1934
121. Раковский Х. Г. 1873 1890 1919 1941
122. Рахимбаев А. Р. 1896 1919 1922 1939
123. Розен-
гольц А. П. 1889 1905 1934 1938
124. Рудзутак Я. Э. 1887 1905 1920 1938
125. Румянцев К. А. 1905 1924
126. Рыков А. И. 1881 1899 1905 1938
127. Рындин К. В. 1915 1924
128. Рыскулов Г. Р.
129. Рухимо-
вич М. А.
130. Рютин М. П.
131. Сапронов Т. В.
132. Саркисов С. А.
133. Сафаров Г. И.
134. Седельни
ков А. И.
135. Серебров-
ский А. П.

136. Серебря
ков Л. П.
137. Семенов Б. А.
138. Смилга И. Т.
139. Смирнов А. П.
140. Смирнов И. Н.
141. Смородин П. И.
142. Соболев С. М.
143. Сокольни
ков Г. Я.
144. Стецкий А. С.
145. Стриев-
ский К. К.
146. Строганов В. А.
147. Струппе П. И.
148. Сулимов Д. Е.
149. Сухомлин К. В.
150. Сырцов С. И.
151. Теодоро-
вич И. А.
152. Терехов Р. Я.
1894 1917 1923 1943

1889 1913 1924 1939
1914 1927
1887 1912 1922 1939
1898 1917 1934 1938
1891 1908 1921 1942
1914 1930
1884 1903 1925 1943
1890 1905 1919 1937
1890 1907 1925 1937
1892 1907 1917 1938
1877 1896 1922 1938
1881 1899 1919 1936
1917 1930

1918 1927
1888 1905 1917 1939
1896 1915 1927 1938
1885 1902 1924 1939
1888 1905 1927 1938
1907 1934
1890 1905 1921 1938
1886 1905 1927 1938
1893 1913 1924 1938
1876 1895 1907 1940
1912 1930

153. Толокон
цев А. Ф.
154. Троцкий Л. Д.
155. ТунтулИ. Я.
156. Тухачев
ский М. Н.
157. Уборевич И. П.
158. Угаров Ф. Я.
159. Угланов Н. А.
160. Уншлихт И. С.
161. Урываев М. Е.
162. Уханов К. В.
163. Федоров Г. Ф.

164. Филатов Н. А.
165. Харито
нов М. М.
166. Хатаевич М. М.
167. Холоплян-
кин М. И.
168. Царьков Ф. Ф.
169. Цейтлин В. Н.
170. Цихон А. М.
171. Чаплин М. П.

172. Чернов М. А.
173. Чубарь В. Я.
174. Чувырин М. Е.
175. Чудов М. С.
176. Чуцкаев С. Е.
177. Шебол-
даев Б. П.
1889 19141924 1937
1879 18971917 1940
(убит)
1892 1907 1921 1938
1893 1918 1934 1937
1896 1917 1930 1937

1885 1905 1925 1940
1886 1907 1921 1940
1879 1900 1925 1937
1917 1923
1891 19071923 1939
1907 1917
1891 1912 1934
1887 1905 1923 1948
1893 1913 1927 1937
1892 1914 1906 1917 1906
1902 1919 1891 1920 1891 1907 1883 1903 189J 1913 18-76 1903
1930 1930 1924 1924
1924 1938 1934 1938 1921 1939 1927 1947 1923 1937 1927 1946
1895 1914 1930 1937
178. Шляпни-
ков А. Г. 1884 1901 1918 1943
179. Шмидт В. В. 1886 1905 1918 1940
180. Штейн-
гардт А. М. 1887 1913 1934
181. Шубриков В. П. 1917 1934
182. Эйдель-
ман Б. _А. 1867 1893 1898 1942

183.	Эйхе Р. И.	1890	1905	1925	1940
184.	Элиава Ш. Э.	1892	1904	1927	1937
185.	Ягода Г. Г.	1891	1907	1930	1938
186.	Якир И. Э.	1896	1917	1930	1937
187.	Яковлева В.	1885	1904	1917	1944
188.	Яковлев Я. А.	1896	1917	1930	1939

52?